

A155

0-11

**Педагогическая
библиотека**

В.И. Ленин

**О воспитании
и образовании**

1

Таблица «Народные школы в С.-Петербургском учебном округе (18.1.1911)», составленная В. И. Лениным. Конец 1913 г.

Средняя школа в С.-П. округе (18.1.1911);

Доходы
расходы

Школа	Доходы		Расходы		Число учащихся	Число классов	Число учителей	Число учащихся на класс	Число классов на учителя	Число учащихся на класс	Число классов на учителя	Число учащихся на класс	Число классов на учителя
	в руб.	в коп.	в руб.	в коп.									
1-я школа	325	49	264	823	295	5	59	59	1	59	1	59	1
2-я школа	153	26	127	207	153	3	51	51	1	51	1	51	1
3-я школа	177	52	125	572	177	4	44	44	1	44	1	44	1
4-я школа	206	106	215	1064	206	4	51	51	1	51	1	51	1
5-я школа	33	5	40	57	33	1	33	33	—	33	—	33	—
6-я школа	806	157	1506	5174	806	10	80	80	1	80	1	80	1
Итого	1000	200	800	3000	1000	20	50	50	1	50	1	50	1

Итого

Средняя школа	Число учащихся	Число классов	Число учителей	Число учащихся на класс	Число классов на учителя	Число учащихся на класс	Число классов на учителя
1-я школа	295	5	59	59	1	59	1
2-я школа	153	3	51	51	1	51	1
3-я школа	177	4	44	44	1	44	1
4-я школа	206	4	51	51	1	51	1
5-я школа	33	1	33	33	—	33	—
6-я школа	806	10	80	80	1	80	1
Итого	1000	20	50	50	1	50	1

**Академия
педагогических
наук СССР**

**Педагогическая
библиотека**

В. И. Ленин

О воспитании и образовании

В двух томах

**Академия
педагогических
наук СССР**

**Педагогическая
библиотека**

**Редакционная
коллегия:**

В. Н. Столетов
(председатель),
Ю. К. Бабанский
(зам. председателя),
И. М. Жуков,
Е. М. Кожевников,
Н. П. Кузин,
А. В. Петровский,
А. И. Пискунов,
В. С. Хелемендик,
Э. Д. Днепров
(ученый секретарь)

В. И. Ленин

**О воспитании
и образовании**

Том первый

**Москва
«Педагогика»
1980**

Утверждено к печати Редакционной коллегией
серии «Педагогическая библиотека»
Академии педагогических наук СССР

Составители:

Е. М. КОЖЕВНИКОВ, И. М. ЖУКОВ

Ленин В. И.

О-11 О воспитании и образовании: В 2-х т. Т. 1.—
М.: Педагогика, 1980.— 544 с.— (Пед. б-ка).

В надзаг.: АПН СССР.

Пер. 1 р. 50 к.

В томе представлены работы и письма 1894—1917 гг.

Издание предназначено для работников просвещения и педагогической науки, а также для широкого круга читателей, интересующихся проблемами воспитания и образования.

Л $\frac{60300-055}{005(01)-80}$ 1—80.4303000000

ББК 11.55+74
ЗК 23+37

От составителей

Предлагаемый вниманию читателей сборник включает работы В. И. Ленина, посвященные вопросам воспитания и образования.

В. И. Ленин внес огромный вклад в учение о воспитании и образовании, являющееся важным звеном теории научного коммунизма. «Непреходящее значение ленинизма, — отмечается в постановлении ЦК КПСС «О 110-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина», — состоит в том, что он глубоко и точно выражает интересы рабочего класса, всех трудящихся, потребности всемирного социального прогресса, позволяет вырабатывать правильные ответы на самые жгучие, жизненные вопросы современности, учит смелому, творческому решению назревших проблем, вооружает научным пониманием перспектив общественного развития».

Это положение в полной мере относится к ленинскому учению о воспитании и образовании, которое составляет фундамент социалистической педагогики и имеет непреходящее значение для современной теории и практики коммунистического воспитания.

Теоретическая разработка и практическое решение проблем коммунистического воспитания осуществлялись В. И. Лениным как гениальным теоретиком марксизма, организатором и руководителем первого в мире социалистического государства. Начиная с 90-х гг. XIX в. и до последних дней жизни вопросы воспитания и образования постоянно находились в поле зрения В. И. Ленина. Разрабатывая эти вопросы, он сформировал стройную систему взглядов, ставшую методологической основой для решения теоретических и организационно-практических проблем школьного строительства.

С первых шагов революционного движения пролетариата В. И. Ленин рассматривал просвещение рабочих и крестьян как одно из главных условий успеха в достижении цели революционного преобразования мира, как важную силу в революционной борьбе трудящихся масс.

Вопросы воспитания и образования, задачу формирования нового человека В. И. Ленин неразрывно связывал с борьбой Коммунистической партии за построение социалистического общества, за утверждение марксистской идеологии, за коммунистическое воспитание молодежи.

В. И. Ленин говорил, что всякий, кто взялся за великое дело строительства коммунизма, должен понять, что «только на основе современного образования он может это создать, и, если он не будет обладать этим образованием, коммунизм останется только пожеланием» (Полн. собр. соч., т. 41, с. 307). «У нас, — указывал Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Л. И. Брежнев, — в области народного образования сделано уже многое... Жизнь, однако, не стоит на месте. Нам нужно идти дальше, всесторонне улучшать всю систему образования. Пройдет не так уж много лет, и те, кто сегодня сидит за партой или на студенческой скамье, придут на производство, в науку, культуру. От того, чему и как мы их научим сейчас, во многом будет зависеть прогресс нашего общества в будущем... Задача состоит в том, чтобы научить молодых людей творчески мыслить, подготовить их к жизни, к практической работе» (Ленинским курсом, т. 2. М., 1973, с. 576).

Дальнейшее совершенствование системы народного образования требует настойчивой теоретической и практической работы ученых-педагогов, руководителей школьного дела, всего советского учительства по воспитанию и обучению подрастающего поколения и в первую очередь требует углубленного и всестороннего изучения ленинского наследия в области воспитания и образования. Цель настоящего издания — способствовать решению этой задачи. Представленные в сборнике ленинские работы раскрывают не только путь, пройденный Коммунистической партией в борьбе за утверждение

в нашей стране социалистической системы образования, но и широкие перспективы развития этой системы в обществе зрелого социализма.

В отличие от выпущенных ранее сборников, в данном издании значительно полнее представлены работы В. И. Ленина по вопросам воспитания и образования. При подготовке данного сборника составители исходили из ленинского положения о том, что «вопросы просвещения вовсе не покрываются вопросами школы, просвещение вовсе не ограничивается школой» (Полн. собр. соч., т. 2, с. 500). В соответствии с этим в сборник включены работы, в которых проблемы воспитания и образования освещаются В. И. Лениным в связи с экономическими, философскими и социально-политическими основами марксистского мировоззрения, с задачами идеологической и политической борьбы партии в дореволюционный период и в годы социалистического строительства. Составители преследовали цель представить работы В. И. Ленина, раскрывающие взаимосвязь вопросов воспитания, образования, просвещения и социалистической революции, социалистического государства, социалистической демократии, национальной политики партии и Советского государства, социалистического патриотизма и пролетарского интернационализма. В сборник вошли также работы, раскрывающие ленинское отношение к борьбе за молодежь, за ее идейное воспитание и вооружение марксистской идеологией.

Собранные в настоящем издании работы В. И. Ленина распределены по двум томам. В первом томе представлены работы, написанные В. И. Лениным в дореволюционный период; во втором — после Великой Октябрьской социалистической революции.

Структура томов отражает основные периоды становления и развития Коммунистической партии и Советского государства, что дает возможность проследить преемственность в раз-

витии ленинских взглядов по вопросам образования и воспитания. Каждому из разделов, отражающих тот или иной этап, предпосланы небольшие вступительные статьи.

В разделах сборника работы В. И. Ленина расположены хронологически. В конце разделов в хронологическом порядке помещены письма, записки и телеграммы В. И. Ленина. Ленинские работы печатаются по Полному собранию сочинений и Ленинским сборникам.

Издание снабжено примечаниями, подготовленными на основе примечаний Полного собрания сочинений В. И. Ленина, алфавитным указателем произведений В. И. Ленина, включенных в настоящее издание, библиографическим указателем выпущенных ранее сборников работ В. И. Ленина по вопросам воспитания и образования, а также предметно-тематическим и именовым указателями.

В конце второго тома помещен перечень декретов и постановлений Советского правительства по вопросам культуры и народного образования, подписанных В. И. Лениным.

Составители сочли также целесообразным привести в приложении к сборнику перечень основных документов Коммунистической партии и Советского правительства по вопросам образования и воспитания, принятых в 1924—1979 гг. и раскрывающих многогранную работу партии по претворению в жизнь ленинской программы культурной революции.

Автор вступительных статей к разделам Е. М. Кожевников. В подготовке издания принимали участие М. В. Березина, Э. Д. Днепров, В. К. Ершова.

Составители выражают признательность Институту марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, НИИ общей педагогики и НИИ общих проблем воспитания Академии педагогических наук СССР, Государственной научно-педагогической библиотеке им. К. Д. Ушинского за помощь при подготовке данного издания.

1894—1904 годы

Десятилетие в России было ознаменовано началом нового, пролетарского этапа освободительной борьбы, решающим поворотом рабочего движения к слиянию с социализмом, созданием марксистской партии — боевого авангарда рабочего класса, объединившего вокруг себя все прогрессивные силы в борьбе с царизмом. «...В 90-х годах, — писал В. И. Ленин, — встретились два глубокие общественные движения в России: одно стихийное, народное движение в рабочем классе, другое — движение общественной мысли к теории Маркса и Энгельса, к учению социал-демократии» (Полн. собр. соч., т. 4, с. 247).

В условиях бурного развития капитализма в России и политического оживления всех классов русского общества важнейшими задачами российской социал-демократии были утверждение руководящей роли пролетариата в революционном движении, идейная, теоретическая его подготовка к осуществлению своей исторической миссии, творческое развитие марксистской теории в борьбе с либеральным народничеством и буржуазным реформизмом.

Эти задачи были определяющими в деятельности В. И. Ленина, ставшего в 1893 г. во главе петербургских социал-демократов и выступившего в середине 90-х — начале 900-х гг. с крупнейшими работами — «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» (1894), «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» (1894—1895), «Развитие капитализма в России» (1896—1899), «Что делать?» (1901—1902).

Глубокий анализ социально-экономического и политического развития России, проведенный В. И. Лениным в этих и других работах указанного периода, позволил российской социал-демократии раскрыть объективные предпосылки и условия уничтожения самодержавия, показать ведущие социальные силы будущего общественного переустройства и исходя из этого выработать программу и тактику марксистской партии, возглавившей рабочее движение. Неотъемлемой составной частью этой программы были требования социал-демократии в области народного образования, реализация которых выступала в ленинских работах как необходимое условие грядущей пролетарской революции, как одно из важнейших средств мобилизации эксплуатируемых и угнетенных масс в борьбе за свое освобождение.

Отмечая значение ленинских работ данного периода по проблемам образования и воспитания, Н. К. Крупская писала: «Это были годы, когда усиленно освещались в легальной и нелегальной печати основные вопросы марксистской теории, когда выработывалась программа партии, основы ее организации. Вот почему особенно важны высказывания Владимира Ильича по вопросам народ-

ного образования именно в этот период» (Крупская Н. К. Пед. соч. В 10-ти тт., т. 2. М., 1958, с. 488).

В ленинских работах по проблемам просвещения и школы середины 90-х — начала 900-х гг. дано всестороннее раскрытие и обоснование взаимосвязи экономики, политики и просвещения, а также классовой сущности школы, образования и воспитания в классовом обществе.

Проблема взаимосвязи экономики, политики и просвещения представляла отнюдь не только теоретический интерес. Ее решение во многом определяло стратегию революционного движения, равно как и тактику политической борьбы на данном историческом этапе. Идеологи либерального народничества, всячески препятствовавшие проникновению в среду рабочего класса социал-демократической идеологии, пытались доказать, что экономическое развитие страны находится в прямой зависимости от степени распространения просвещения. Этот тезис служил обоснованием для культурно-просветительной программы либерального народничества, которая выдвигалась как самоцель, плодя иллюзии о возможности прогресса просвещения в условиях самодержавия.

В. И. Ленин разоблачил эти иллюзии, вскрыл их социальные корни. Он показал, что народнические идеи выродились в буржуазную «культурническо-оппортунистическую программу», отвлекающую демократические силы от освободительной борьбы, что подлинное культурное развитие народа невозможно без свержения самодержавия. «Всякий, — писал В. И. Ленин, — перед кем ясно встало противоречие между «культурным развитием» страны и «давящим режимом бюрократической диктатуры», рано или поздно самой жизнью будет приведен к выводу, что это противоречие неустранимо без устранения самодержавия» (Полн. собр. соч., т. 5, с. 347).

В своих работах В. И. Ленин вслед за К. Марксом показал определяющее влияние производственных отношений не только на изменение духовного облика трудящихся, на повышение их грамотности, на рост их культурных потребностей и политического самосознания, но и на все отрасли народного образования. Развитие капитализма в России, утверждал В. И. Ленин, «будит мысль рабочего», разрушает «идиотизм деревенской жизни», создавая объективные предпосылки для культурного подъема народных масс.

Эти предпосылки, однако, реализовывались далеко не в полной мере. Развитие стремлений широких масс к образованию всемерно сдерживалось антипросветительной политикой самодержавия, пытавшегося не допустить распространение знаний в народе. «Министр, — писал В. И. Ленин в 1895 г. в статье «О чем думают наши министры?», — смотрит на рабочих, как на порох, а на знание и образование, как на искру; министр уверен, что если искра попадет в порох, то взрыв направится прежде всего на правительство» (Полн. собр. соч., т. 2, с. 78).

В середине 90-х гг. одной из наиболее острых проблем развернувшегося в России обществено-педагогического движения была проблема всеобщего начального обучения. Иллюзорно рассчитывая на возможность решения этой задачи в условиях самодержавного режима, либеральная интеллигенция полагала, что введение всеобщего начального обучения являет собой залог благоденствия и преуспевания России. Идеологи либерального народничества в своем псевдорадикализме пошли еще дальше. Один из этих идеологов — С. Н. Южаков выдвинул проект единой «внеклассовой общенациональной школы», проект «всеобщего среднего образования», «обязательного для всех и без всяких затрат со стороны государства, земства и народа» (Полн. собр. соч., т. 2, с. 482).

В статьях «Гимназические хозяйства и исправительные гимназии» и «Перлы народничества прожектерства» В. И. Ленин дал уничтожающую критику проек-

тов С. Н. Южакова, которые, по его словам, «развращают только общественное сознание» (там же). В. И. Ленин противопоставил народнической демагогии научный анализ классово-экономической сущности буржуазной школы.

Раскрывая крепостнический характер южаковских проектов, которые предусматривали введение производительного труда учащихся в гимназиях в форме отработочной системы как платы за обучение, В. И. Ленин резко выступил против ополчения народниками одной из ведущих идей марксистской педагогической концепции — соединения обучения с производительным трудом. Реализация этой идеи, отмечал В. И. Ленин, — не только один из важнейших путей развития общественного производства, но и ведущее средство формирования всесторонне развитой личности.

Важнейшей темой ленинских работ конца 90-х — начала 900-х гг. по проблемам воспитания и образования была задача политического воспитания учащейся молодежи как одного из отрядов будущей революционной армии. В ленинских работах, написанных в период подготовки и проведения II съезда РСДРП, постоянно подчеркивается, что политическое воспитание молодого поколения требует не только его идейной и теоретической подготовки, но и широкого вовлечения молодежи в революционное движение. Поддержка протеста учащихся против затхлого школьного режима, направление «академического» движения в русло политической борьбы, привлечение учащихся к деятельности социал-демократических организаций, выработка у них твердых марксистских убеждений — таковы, по Ленину, задачи социал-демократии по отношению к учащейся молодежи в преддверии революционных битв.

В рассматриваемый период важным моментом развития ленинских идей в области просвещения, воспитания и образования стали программные требования партии по народному образованию, принятые II съездом РСДРП. Эти требования явились дальнейшим углублением и обогащением задач в области воспитания и образования, выдвинутых К. Марксом и Ф. Энгельсом перед революционным пролетариатом.

**Из книги
«Что такое «друзья народа»
и как они воюют
против социал-демократов?»**

**(Ответ на статьи «Русского Богатства»
против марксистов)»¹**

... Что же, уж не думает ли г. Михайловский, что отношения по детопроизводству принадлежат к отношениям идеологическим? Объяснения г. Михайловского по этому поводу так характерны, что на них стоит остановиться. «Как бы мы ни ухищрялись над детопроизводством,— говорит он,— стараясь установить хоть словесную связь между ним и экономическим материализмом, как бы оно ни перекрещивалось в сложной сети явлений общественной жизни с другими явлениями, в том числе и экономическими, оно имеет свои собственные, физиологические и психические корни. (Для грудных детей, что ли, рассказываете это Вы, г. Михайловский, что детопроизводство имеет физиологические корни!? Ну, что Вы зубы-то заговариваете?) И это напоминает нам, что теоретики экономического материализма не свели своих счетов не только с историей, а и с психологией. Нет никакого сомнения, что родовые связи утратили свое значение в истории цивилизованных стран, но едва ли можно сказать это с такою уверенностью о связях непосредственно половых и семейных. Они подверглись, разумеется, сильным изменениям под напором усложняющейся жизни вообще, но при известной диалектической ловкости можно бы было доказывать, что не только юридические, но и сами экономические отношения составляют надстройку над отношениями половыми и семейными. Мы не станем этим заниматься, но укажем все-таки хоть на институт наследства»².

Наконец-то посчастливилось нашему философу из области пустых фраз * подойти к фактам, определенным, допускающим провер-

* Как назвать иначе, в самом деле, такой прием, когда упрекают материалистов в том, что они не свели счетов с историей, не попытавшись, однако, разобрать *буквально ни одного* из многочисленных материалистических объяснений различных исторических вопросов, которые даны были материалистами? или когда говорят, что можно бы доказывать, но мы этим заниматься не будем?

ку и не позволяющим так легко «заговаривать» суть дела. Посмотрим же, каким образом доказывает наш критик Маркса, что институт наследства есть надстройка над половыми и семейными отношениями. «В наследство передаются,— рассуждает г. Михайловский,— продукты экономического производства («Продукты экономического производства»!! Как это грамотно! как звучно! и какой изящный язык!), и самый институт наследства обусловлен до известной степени фактом экономической конкуренции. Но, во-первых, в наследство передаются и не материальные ценности,— что выражается в заботах о воспитании детей в духе отцов». Итак, воспитание детей входит в институт наследства! Например, в российских гражданских законах есть такая статья, что «родители должны стараться домашним воспитанием приготовить нравы их (детей) и содействовать видам правительству»³. Уж не это ли называет наш философ институтом наследства? — «а во-вторых,— оставаясь даже исключительно в экономической области,— если институт наследства немислим без продуктов производства, передаваемых по наследству, то он точно так же немислим и без продуктов «детопроизводства»,— без них и без той сложной и напряженной психики, которая к ним непосредственно примыкает». (Нет, вы обратите внимание на язык: сложная психика «примыкает» к продуктам детопроизводства! Ведь это же прелесть!) Итак, институт наследства есть надстройка над семейными и половыми отношениями потому, что наследство немисливо без детопроизводства! Да, ведь, это настоящее открытие Америки! До сих пор все полагали, что детопроизводство так же мало может объяснять институт наследства, как необходимость принятия пищи — институт собственности. До сих пор все думали, что если, например, в России в эпоху процветания поместной системы⁴ земля не могла переходить по наследству (так как она считалась только условной собственностью), то объяснения этому нужно искать в особенностях тогдашней общественной организации. Г-н Михайловский полагает, должно быть, что дело объясняется просто тем, что психика, которая примыкала к продуктам детопроизводства тогдашнего помещика, отличалась недостаточной сложностью.

Поскребите «народного друга» — можем сказать мы, перефразируя известное изречение,— и вы найдете буржуа. В самом деле, какой иной смысл могут иметь эти рассуждения г. Михайловского о связи института наследства с воспитанием детей, с психикой детопроизводства и т. п. — как не тот, что институт наследства так же вечен, необходим и священен, как и воспитание детей! Правда, г. Михайловский постарался оставить себе лазейку, заявивши, что «до известной степени институт наследства обусловлен фактом экономи-

ческой конкуренции» — но ведь это же не что иное, как покушение увильнуть от определенного ответа на вопрос и притом покушение с негодными средствами. Как можем мы принять к сведению это замечание, когда нам ни слова не сказано насчет того, до какой именно «известной степени» зависит наследство от конкуренции? когда не разъяснено совершенно, чем собственно объясняется эта связь между конкуренцией и институтом наследства? На самом деле, институт наследства предполагает уже частную собственность, а эта последняя возникает только с появлением обмена. В основании ее лежит зарождающаяся уже специализация общественного труда и отчуждение продуктов на рынке. Пока, например, все члены первобытной индейской общины вырабатывали сообща все необходимые для них продукты, — невозможна была и частная собственность. Когда же в общину проникло разделение труда и члены ее стали каждый в одиночку заниматься производством одного какого-нибудь продукта и продавать его на рынке, тогда выражением этой материальной обособленности товаропроизводителей явился институт частной собственности. И частная собственность, и наследство — категории таких общественных порядков, когда сложились уже обособленные, мелкие семьи (моногамные) и стал развиваться обмен. Пример г. Михайловского доказывает как раз обратное тому, что он хотел доказать.

Есть у г. Михайловского и еще одно фактическое указание — и опять-таки это в своем роде перл! «Что касается родовых связей, — продолжает он исправлять материализм, — то они побледнели в истории цивилизованных народов отчасти действительно в лучах влияния форм производства (опять увертка, еще только более явная. Каких же именно форм производства? Пустая фраза!), но отчасти распустились в своем собственном продолжении и обобщении — в связях национальных». Итак, национальные связи, это — продолжение и обобщение связей родовых! Г. Михайловский заимствует, очевидно, свои представления об истории общества из той детской побасенки, которой учат гимназистов. История общественности — гласит эта доктрина прописей — состоит в том, что сначала была семья, эта ячейка всякого общества *, затем — дескать — семья разрослась в племя, а племя разрослось в государство. Если г. Михайловский с важным видом повторяет этот ребяческий вздор, так это показывает только — помимо всего другого, — что он не имеет

* Это — чисто буржуазная идея: раздробленные, мелкие семьи сделались господствующими только при буржуазном режиме; они совершенно отсутствовали в доисторические времена. Нет ничего характернее для буржуа, как перенесение черт современных порядков на все времена и народы.

ни малейшего представления о ходе хотя бы даже русской истории. Если можно было говорить о родовом быте в древней Руси, то несомненно, что уже в средние века, в эпоху московского царства, этих родовых связей уже не существовало, т. е. государство основывалось на союзах совсем не родовых, а местных: помещики и монастыри принимали к себе крестьян из различных мест, и общины, составлявшиеся таким образом, были чисто территориальными союзами. Однако о национальных связях в собственном смысле слова едва ли можно было говорить в то время: государство распадалось на отдельные «земли», частью даже княжества, сохранявшие живые следы прежней автономии, особенности в управлении, иногда свои особые войска (местные бояре ходили на войну со своими полками), особые таможенные границы и т. д. Только новый период русской истории (примерно с 17 века) характеризуется действительно фактическим слиянием всех таких областей, земель и княжеств в одно целое. Слияние это вызвано было не родовыми связями, почтеннейший г. Михайловский, и даже не их продолжением и обобщением: оно вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок. Так как руководителями и хозяевами этого процесса были капиталисты-купцы, то создание этих национальных связей было не чем иным, как созданием связей буржуазных. Обоиими своими фактическими указаниями г. Михайловский только побил самого себя и не дал нам ничего, кроме образцов буржуазных пошлостей — *пошлостей* потому, что объяснял институт наследства детопроизводством и его психикой, а национальность — родовыми связями; *буржуазных* — потому, что принимал категории и надстройки одной исторически определенной общественной формации (основанной на обмене) за категории настолько же общие и вечные, как воспитание детей и «непосредственно» половые связи...

Написано весной — летом 1894 г.
Напечатано в 1894 г. на гектографе

Полн. собр. соч., т. 1,
с. 150—154.

Из статьи
**«Экономическое
содержание народничества
и критика его в книге г. Струве**

(Отражение марксизма в буржуазной литературе)»

По поводу книги *П. Струве*: «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России». СПб. 1894 г. ⁶

...В ССХЛII томе «Отечественных Записок» ^{6*} помещена, без имени автора, статья: «Новые всходы на народной ниве», которая рельефно выдвигает прогрессивные стороны народничества в противовес русскому либерализму...

...«Мы не считаем точно так же бессильным совсем и влияние воспитания и образования, но полагаем, прежде всего: 1) что образование должно даваться всем и каждому, а не исключительным только личностям, выделяя их из среды и превращая в кулаков...»

«Всем и каждому»...— именно этого хотят марксисты. Но они думают, что это недостижимо на почве данных общественно-экономических отношений, потому что даже и при даровом и обязательном обучении для «образования» нужны будут деньги, каковые имеются только у «выходцев». Они думают, что и тут, следовательно, выхода нет вне «суровой борьбы общественных классов».

«...2) что в народные школы должен быть открыт доступ не одним только отставным дьячкам, чиновникам и разным забулдыгам, а людям действительно порядочным и искренне любящим народ».

Трогательно! Но ведь те, кто видит «ум, предприимчивость и энергию» в «выходцах из народа»,— также уверяют (и не всегда неискренне), что «любят народ», из них многие, несомненно, «действительно порядочные» люди. Кто же тут судить будет? Критически мыслящие и нравственно развитые личности? Но не сказал ли сам автор, что презрением нельзя действовать на этих выходцев? **

Мы опять, в заключение, стоим у той же основной черты народ-

* Год 1879-ый, № 2, «Современное обозрение», стр. 125—152.

** Стр. 151: «...не презирают ли они уже раньше (заметьте хорошенько это «уже раньше») тех, кто мог бы их презирать?»

ничества, которую пришлось констатировать в самом начале — отворачиванье от фактов.

Когда народник дает описание фактов, — он сам всегда вынужден признать, что действительность принадлежит капиталу, что действительная наша эволюция — капиталистическая, что сила находится в руках буржуазии. Это признал сейчас, например, и автор комментируемой статьи, констатировавший, что у нас создалась «мещанская культура», что идти на работу приказывает народу буржуазия, что буржуазное общество занято только утробными процессами и послеобеденным сном, что «мещанство» создало даже буржуазную науку, буржуазную нравственность, буржуазные софизмы политики, буржуазную литературу.

И тем не менее *все* народнические рассуждения *всегда* основаны на обратном предположении: что сила не на стороне буржуазии, а на стороне «народа». Народник толкует о выборе пути (рядом с признанием капиталистического характера действительного пути), об обобществлении труда (находящегося в «заведовании» буржуазии), о том, что государство должно стать на нравственную и политическую точку зрения, что учить народ должны именно народники и т. д., как будто бы сила была уже на стороне трудящихся или их идеологов, и оставалось уже только указать «ближайшие», «целесообразные» и т. п. приемы употребить эту силу.

Все это — сплошная приторная ложь. Можно еще себе представить *raison d'être* * для подобных иллюзий полвека тому назад, в те времена, когда прусский регирунгсрат ⁷ открывал в России «общину»⁸, — но теперь, после свыше чем 30-летней истории «свободного» труда, это — не то насмешка, не то фарисейство и слащавое лицемерие.

В разрушении этой благонамеренной и прекраснодушной лжи заключается основная теоретическая задача марксизма. Первая обязанность тех, кто хочет искать «путей к человеческому счастью» — не морочить самих себя, иметь смелость признать откровенно то, что есть.

И когда идеологи трудящегося класса поймут это и прочувствуют, — тогда они признают, что «идеалы» должны заключаться не в построении лучших и ближайших путей, а в формулировке задачи и целей той «суровой борьбы общественных классов», которая идет перед нашими глазами в нашем капиталистическом обществе; что мерой успеха своих стремлений является не разработка советов «обществу» и «государству», а степень распространения этих идеалов в

* — основанне. *Ред.*

определенном классе общества; что самым высоким идеалам цена — медный грош, покуда вы не сумели слить их неразрывно с интересами самих участвующих в экономической борьбе, слить с теми «узкими» и мелкими житейскими вопросами данного класса, вроде вопроса о «справедливом вознаграждении за труд», на которые с таким величественным пренебрежением смотрит широковещательный народник...

Написано в конце 1894 — начале 1895 г.

Напечатано в 1895 г. в сборнике «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития». СПб.

Подпись: К. Т у л и н

*Полн. собр. соч., т. 1, с. 354,
405—408.*

Гимназические хозяйства и исправительные гимназии⁹

(«Русское Богатство»¹⁰)

Давно известно решение вопроса о капитализме в России, предлагаемое народниками и представляемое в последнее время всего рельефнее «Русским Богатством». Не отрицая наличности капитализма, будучи вынуждены признать его развитие, народники считают, однако, наш капитализм не естественным и необходимым процессом, завершающим вековое развитие товарного хозяйства в России, а случайностью, не имеющей прочных корней, означающей лишь отклонение с пути, предписываемого всей исторической жизнью нации. «Мы должны,— говорят народники,— выбрать иные пути для отечества», сойти с пути капитализма и «обмирщить» * производство, пользуясь наличными силами «всего» «общества», которое-де начинает уже убеждаться в несостоятельности капитализма.

Очевидно, что ежели возможно выбрать иной путь для отечества, ежели все общество начинает понимать необходимость этого, тогда «обмирщение» производства не представляет больших трудностей и не требует известного подготовительного исторического периода. Стоит только выработать план такого обмирщения и убедить кого следует в его осуществимости,— и «отечество» свернет с ошибочного пути капитализма на дорогу обобществления.

Всякий понимает, какой громадный интерес должен представлять подобный план, обещающий столь радужные перспективы, а потому русская публика должна быть очень благодарна г-ну Южакову, одному из постоянных сотрудников «Рус. Богатства», за то, что он взял на себя труд разработать подобный план. В майской книге «Русского Богатства» находим его статью: «Просветительная уто-

* «Обмирщить» — перенести социально-экономические отношения, характерные для крестьянской общины, на промышленные предприятия.
Ред.

пия» с подзаголовком: «План всенародного обязательного среднего образования».

Какое же отношение имеет это к «обмирщению» производства? — спросит читатель. Самое непосредственное, так как план г-на Южакова очень широк. Автор проектирует учреждение в каждой волости ¹¹ гимназии, включающей все население мужского и женского пола школьного возраста (8—20 лет, максимум и до 25 лет). Такие гимназии должны представлять собой производительные ассоциации, ведущие земледельческое и нравственное хозяйство, не только содержащее своим трудом население гимназий (составляющее, по г. Южакову, *пятую часть* всего населения), но дающие сверх того средства для содержания *всего детского населения*. Подробный расчет, сделанный автором для одной типичной гимназии-волости (она же — «гимназия-ферма», «гимназическое хозяйство» или «земледельческая гимназия»), показывает, что всего-навсего гимназия будет содержать *свыше половины всего местного населения*. Если мы примем во внимание, что каждая такая гимназия (всего их проектируется на Россию 20 000 двойных гимназий, т. е. 20 000 мужских и 20 000 женских) снабжается землей и средствами производства (имеется в виду выпустить земские с правительственной гарантией облигации с $4\frac{1}{2}\%$ платежа и $1\frac{1}{2}\%$ погашения), — то мы поймем, насколько в самом деле «план» г-на Южакова является «огромным». Производство обобществляется для целой половины населения. Сразу, значит, выбирается иной путь для отечества! И это достигается «без всяких затрат (sic! *) со стороны правительства, земства и народа». Это «кажется утопией только с первого взгляда», а на самом деле «гораздо осуществимее всенародного начального образования». Г-н Южаков свидетельствует, что необходимая для этого финансовая операция «не представляется химерой и утопией», и достигается не только, как мы видели, без затрат, без всяких затрат, но даже без изменения «установившихся учебных планов»!! Г-н Южаков совершенно справедливо замечает, что «все это имеет немаловажное значение при желании не ограничиться одним опытом, но достигнуть действительно всенародного образования». Он говорит, правда, что он «не задавался целью составить исполнительный проект», но его изложение дает и предполагаемое число учеников и учениц на гимназию, и расчет рабочих сил, потребных для содержания всего населения гимназий, и перечисления педагогического и административного персонала, с указанием как довольствия членов гимназии натурой, так и денеж-

* — так! *Ред.*

ного жалованья педагогам, врачам, техникам и мастерам. Автор подробно рассчитывает число рабочих дней, необходимых для земледельческих работ, количество земли, необходимой для каждой гимназии, и денежных средств, требующихся для первоначального обзаведения. Он предусматривает судьбу, с одной стороны, инородцев и сектантов, которые не смогут воспользоваться благами всенародного среднего образования, а с другой стороны, лиц, удаляемых из гимназий за порочное поведение. Расчеты автора не ограничиваются одной типической гимназией. Ни в каком случае. Он ставит вопрос об осуществлении всех 20 000 двойных гимназий и дает указания на то, как добыть потребное для этого количество земли и как обеспечить «удовлетворительный персонал учащихся, администраторов и хозяев».

Понятно, какой захватывающий интерес представляет подобный план, — интерес не только теоретический (очевидно, что столь конкретно разработанный план обмирщения производства должен окончательно убедить всех скептиков и уничтожить всех отрицающих осуществимость подобных планов), но и живой практический интерес. Было бы странно, если бы на проект организации всенародного обязательного среднего образования не обратили внимание высшее правительство, особенно когда автор предложения решительно утверждает, что дело обойдется «без всяких затрат» и «встретит препятствия не столько со стороны финансовых и экономических условий задачи, сколько со стороны условий культурных», которые, однако, «не непреодолимы». Такой проект непосредственно затрагивает не только министерство народного просвещения, но равным образом и министерство внутренних дел, министерство финансов, министерство земледелия и даже, как мы увидим ниже, министерство военное. В министерство юстиции должны будут отойти, по всей вероятности, проектируемые «исправительные гимназии». Нельзя сомневаться, что и остальные министерства будут заинтересованы этим проектом, который, по словам г. Южакова, «ответит всем вышеперечисленным потребностям (т. е. образования и содержания), а вероятно, и многим другим».

Мы уверены поэтому, что читатель не посетует на нас, если мы займемся подробным рассмотрением этого высокозамечательного проекта.

Основная мысль г. Южакова заключается в следующем: летнее время освобождается совершенно от учебных занятий и посвящается земледельческой работе. Далее, ученики, кончившие гимназию, оставляются на некоторое время при ней в качестве работников; они исполняют зимние работы и употребляются на работы промысловые,

которые дополняют собой земледельческие и дают возможность каждой гимназии трудами рук своих содержать всех учеников и рабочих, весь персонал учащихся и администрации и покрывать расходы на образование. Подобные гимназии, справедливо говорит г. Южаков, явились бы большими земледельческими артелями. Это последнее выражение не оставляет, между прочим, уже ни малейшего сомнения в том, что мы вправе рассматривать план г. Южакова, как первые шаги народнического «обмирщения» производства, как часть того нового пути, который должна выбрать Россия, чтобы избежать перипетий капитализма.

«В настоящее время, — рассуждает г. Южаков, — оканчивают гимназию в возрасте 18—20 лет, а порой запаздывают на 1—2 года. При обязательном обучении... запаздывание станет еще распространеннее. Оканчивать будут позже, а три старших класса будут состоять из возрастов от 16 до 25 лет, если именно 25 лет будет предельный возраст для увольнения без окончания курса. Таким образом, принимая во внимание добавочный контингент великовозрастных пятиклассников, можно смело считать около трети учащихся в гимназии... в возрасте рабочем». Если даже процент этот понизить до четверти, как рассчитывает далее автор, присоединяя к 8 классам гимназии 2 класса для приготовительной начальной школы (принимались бы восьмилетние безграмотные ребята), — все-таки получим очень большое число рабочих, которые, с помощью полурбочих, справятся с легкой работой. Но «десятиклассная гимназия-ферма, — основательно замечает г. Южаков, — потребует необходимо известный контингент зимних рабочих». Откуда же взять их? Автор предлагает два выхода: 1) наем рабочих («из которых некоторые заслуженные могли бы приобщаться к доходам»). Гимназическое хозяйство должно быть доходным хозяйством и оправдать такой наем. Но автору «представляется важнее другой выход»: 2) окончившие курс гимназии будут обязаны оградить затраты на их учение и содержание в младших классах. Это их «прямая обязанность», — добавляет г. Южаков, — разумеется, обязанность только для тех, кто не может уплатить стоимость учения. Они-то составят необходимый контингент зимних рабочих и дополнительный контингент летних.

Такова первая черта проектируемой организации, долженствующей «обмирщить» в земледельческие артели одну пятую часть населения. Мы уже на ней можем видеть, какого качества будет выборного пути для отечества. Наемный труд, служащий в настоящее время единственным источником жизни для лиц, которые «не могут уплатить стоимости учения» и жизни, заменяется обязательным даровым трудом. Но мы не должны смущаться этим: не следует забы-

вать, что за это население будет пользоваться благами всеобщего среднего образования.

Пойдем далее. Автор проектирует отдельные мужские и женские гимназии, снисходя к господствующему на континенте Европы предубеждению против совместного обучения, которое собственно было бы рациональнее. «50 учеников на класс, или 500 на все десять классов, или 1000 на гимназическое хозяйство (500 мальчиков и 500 девочек) будет вполне нормальным составом» средней гимназии. В ней будет 125 «пар рабочих» и соответствующее число полурбочих. «Если я замечу, — говорит Южаков, — что это число рабочих способно обработать, напр., в Малороссии 2500 дес. культурной полевой земли, то всякий поймет, какую громадную силу представляет труд гимназии!».

Но сверх этих рабочих будут еще «постоянные рабочие», «отрабатывающие» образование и содержание. Сколько их будет? Ежегодный выпуск будет 45 учеников и учениц. Третью учеников будет отбывать воинскую повинность (ныне отбывает четверть. Автор увеличивает это число до трети, сокращая срок службы до 3-х лет) в течение 3-х лет. «Не будет несправедливостью поставить в те же условия и остальные две трети, т. е. удерживать их при гимназиях для отработки цены собственного образования, а также образования товарищей, ушедших под знамена. Все девушки также могут быть удержаны для того же».

Организация новых порядков, устраивающихся в отечестве, выбравшем иной путь, обрисовывается все с большей определенностью. Ныне все русские подданные считаются обязанными нести воинскую повинность, и так как число лиц призывного возраста более числа требуемых воинов, то последние выбираются по жребию. В обмирщенном производстве рекруты будут тоже выбираться по жребию, но остальных предполагается «поставить в те же условия», т. е. обязать провести три года на службе, не военной, правда, а в работах на гимназию. Они должны отрабатывать цену содержания товарищей, ушедших под знамена. Все ли должны отрабатывать? Нет. Только те, кто не может уплатить стоимости учения. Автор выставил уже выше эту оговорку, а ниже мы увидим, что для лиц, которые в состоянии платить за учение, он вообще проектирует особые гимназии, сохраняющие старый тип. Почему же, спрашивается, отработка содержания товарищей, ушедших под знамена, возлагается на тех, кто не может уплатить стоимости учения? а не на тех, кто может? Очень понятно, почему. Если гимназисты будут разделяться на платящих и даровых, то очевидно, что современное строение общества реформой не затрагивается: это сознает прекрасно и сам г. Южа-

ков. А если так, то понятно, что общие расходы государства (на солдат) будут нести те, которые не имеют средств к жизни*, — точно так же, как они и теперь несут их в форме, напр., косвенных налогов и т. п. В чем же отличие нового строя? В том, что ныне не имеющие средств могут продать рабочую силу, а в новом строе они будут *обязаны* работать *даром* (т. е. за одно содержание). Не может подлежать ни малейшему сомнению, что Россия избегает таким образом все перипетии капиталистического строя. Вольнонаемный труд, грозящий «язвой пролетариата», изгоняется и уступает место... даровому обязательному труду.

И нет ничего удивительного, что люди, поставленные в отношении дарового обязательного труда, оказываются в условиях, соответствующих этим отношениям. Слушайте, что говорит нам народник («друг народа») непосредственно вслед за предыдущим:

«Если при этом будут разрешены браки между такими окончившими курс и оставшимися на 3 года при гимназии молодыми людьми; если будут устроены отдельные помещения для семейных рабочих; и если доходы гимназии дозволят при их удалении из гимназии выдавать хотя скромное пособие деньгами и натурой, то такое трехлетнее пребывание при гимназии будет далеко менее обременительно, чем воинская повинность...»

Не очевидно ли, что такие льготные условия заставят население всеми силами души стремиться попасть в гимназию. Посудите сами: во-первых, разрешено будет вступить в брак. Правда, по ныне действующим гражданским законам, такого разрешения (от начальства) вообще не требуется. Но примите во внимание, что ведь это будут *гимназисты* и *гимназистки*, — правда, достигающие 25-летнего возраста, но все-таки гимназисты. Если студентам университета не разрешаются браки, то можно ли было разрешить их гимназистам. И притом ведь разрешение будет зависеть от начальства гимназии, следовательно, от людей с высшим образованием: ясно, что нет оснований бояться злоупотреблений. Кончившие гимназию и оставшиеся при ней постоянными рабочими, однако, уже не гимназисты. И тем не менее и по отношению к ним идет речь о разрешении браков — по отношению к лицам 21—27 лет. Нельзя не сознаться, что новый путь, выбранный отечеством, сопряжен с некоторым уменьшением гражданской правоспособности русских граждан, но надо признаться, что блага всеобщего среднего образования не могут же быть приобретены без жертв. Во-вторых, для семейных рабочих будут устроены отдельные помещения, вероятно, не хуже тех

* Иначе не поддерживалось бы господство первых над последними.

каморок, в которых живут в настоящее время фабричные рабочие. И в 3-х, постоянные рабочие получают за это «скромное пособие». Несомненно, население предпочтет эти льготы спокойной жизни под крылышком начальства тревожениям капитализма, предпочтет до такой степени, что некоторые рабочие постоянно останутся при гимназии (вероятно, в благодарность за то, что им разрешили брак): «Небольшой контингент постоянных рабочих, совсем оставшихся при гимназии и к ней приобщившихся (sic!), дополнит эти рабочие силы гимназического хозяйства. Таковы возможные и отнюдь не утопические рабочие силы нашей земледельческой гимназий».

Помилуйте! Что же тут «утопического»? Постоянные даровые рабочие, «приобщившиеся» к хозяевам, разрешающим им браки, — да спросите любого старого крестьянина, и он вам по собственному опыту расскажет о полнейшей осуществимости всего этого.

*(Продолжение будет *.)*

Написано осенью 1895 г.

*Напечатано 25 ноября 1895 г. в газете
«Самарский Вестник», № 254*

Подпись: К. Т-ин

*Полн. собр., соч., т. 2,
с. 61—69.*

* Продолжения в газете «Самарский Вестник» не последовало. *Ред.*

О чем думают наши министры?¹²

Министр внутренних дел Дурново написал письмо обер-прокурору св. синода Победоносцеву. Письмо написано было 18 марта 1895 г. за № 2603, и на нем стоит надпись: «совершенно доверительно». Значит, министр хотел, чтобы письмо осталось в строжайшей тайне. Но нашлись люди, которые не разделяют взглядов господина министра, что русским гражданам не следует знать намерений правительства, и вот теперь это письмо гуляет всюду в рукописной копии.

О чем же писал г. Дурново г-ну Победоносцеву?

Он писал ему о воскресных школах. В письме говорится: «Сведения, получаемые в течение последних лет, свидетельствуют, что лица, неблагонадежные в политическом отношении, а также часть учащейся молодежи известного направления, по примеру 60-х годов, стремятся к поступлению в воскресные школы в качестве преподавателей, лекторов, библиотекарей и т. д. Такое систематическое стремление, не оправдываемое даже изысканием средств для существования, так как обязанности в подобных школах исполняются безвозмездно, доказывает, что вышеозначенное явление представляет собою одно из средств борьбы на легальной (законной) почве с существующим в России государственным порядком и общественным строем противоправительственных элементов».

Вот как судит г. министр! Из образованных людей находятся такие, которые хотят поделиться своими знаниями с рабочими, хотят, чтобы ученье приносило пользу не одним им, а и народу, — и министр сейчас же решает, что тут есть «противоправительственные элементы», т. е. что это какие-нибудь заговорщики подстрекают людей идти в воскресные школы. Неужели без подстрекательства не могло возникнуть у некоторых образованных людей желание учить других? Но министра смущает то, что учителя воскресных школ не получают жалованья. Он привык видеть, что служащие ему шпионы и

чиновники служат только из-за жалованья, служат тому, кто больше дает денег, а тут вдруг люди работают, служат, занимаются и все это... даром. Подозрительно! думает министр и подсылает шпионов разведать дело. В письме дальше говорится: «Из следующих сведений» (полученных от шпионов, существование которых оправдывается получением жалованья) «устанавливается, что не только в составе преподавателей попадаются лица вредного направления, но что нередко самые школы находятся под негласным руководством целого кружка неблагонадежных лиц, члены которого, совершенно не принадлежащие к официальному персоналу служащих, по приглашению ими же поставленных учителей и учительниц читают по вечерам лекции и занимаются с учащимися... Порядок, допускающий возможность чтения лекций людьми посторонними, дает полный простор для проникновения в число лекторов лиц прямо революционной среды».

Итак, если «посторонние люди», не одобренные и не осмотренные попами и шпионами, хотят заниматься с рабочими, — это значит прямая революция! Министр смотрит на рабочих, как на порох, а на знание и образование, как на искру; министр уверен, что если искра попадет в порох, то взрыв направится прежде всего на правительство.

Мы не можем отказать себе в удовольствии заметить, что в этом редком случае мы вполне и безусловно согласны со взглядами его высокопревосходительства.

Министр приводит дальше в письме «доказательства» правильности своих «сведений». Хороши эти доказательства!

Во-первых, «письмо преподавателя одной из воскресных школ, фамилия которого до сих пор остается невыясненной». Письмо это отобрано при обыске. В письме говорится о программе исторических чтений, об идее закрепощения и раскрепощения сословий, упоминается о бунте Разина и Пугачева.

Должно быть, эти последние имена и напугали так доброго министра: ему сейчас же померещились, вероятно, вилы.

Второе доказательство:

«В министерстве внутренних дел имеется полученная негласным путем программа для публичного чтения в одной из московских воскресных школ следующего содержания: «Происхождение общества. Первобытное общество. Развитие общественной организации. Государство и для чего оно нужно. Порядок. Свобода. Справедливость. Формы государственного устройства. Монархия абсолютная и конституционная. Труд — основа общего благосостояния. Полезность и богатство. Производство, обмен и капитал. Как распределяется богатство. Преследование собственного интереса. Собственность и

ее необходимость. Освобождение крестьян с землей. Рента, прибыль, заработная плата. От чего зависит плата и ее виды. Бережливость».

Чтение по этой программе, безусловно негодной для народной школы, дает полную возможность лектору ознакомить постепенно слушателей и с теориями Карла Маркса, Энгельса и т. п., а присутствующее по назначению епархиального начальства лицо едва ли будет в состоянии уловить в чтении начатки социал-демократической пропаганды».

Должно быть, г. министр сильно боится «теорий Маркса и Энгельса», если замечает «начатки» их даже в такой программе, в которой не заметно и следа их. Что нашел в ней министр «негодного»? Вероятно, вопрос о формах государственного устройства и конституции.

Да возьмите, г. министр, любой учебник географии и вы найдете там эти вопросы! Неужели взрослым рабочим нельзя знать того, чему учат ребят?

Но г. министр не надеется на лиц епархиального ведомства: «пожалуй, не поймут, о чем говорят».

Кончается письмо перечислением «неблагонадежных» учителей в церковно-приходской воскресной школе при московской фабрике Товарищества прохоровской мануфактуры, воскресной школы в г. Ельце и предполагаемой школы в г. Тифлисе. Г-н Дурново советует г. Победоносцеву заняться «тщательной проверкой лиц, допускаемых к занятиям в школах». Теперь, когда читаешь список учителей, волосы дыбом встают: все бывший студент, да бывший студент, да еще бывшая курсистка. Г-н министр желал бы, чтобы преподавателями были бывшие унтеры.

С особенным ужасом говорит г. министр, что школа в г. Ельце «помещается за рекой Сосной, где живет преимущественно простой» (о, ужас!) «и мастеровой народ и где находится железнодорожная мастерская».

Подальше, подальше надо держать школы от «простого и мастерового люда».

Рабочие! Вы видите, как смертельно боятся наши министры соединения знания с рабочим людом! Покажите же всем, что никакая сила не сможет отнять у рабочих сознания! Без знания рабочие — беззащитны, со знанием они — сила!

Написано в ноябре — декабре: не позднее 8 (20), 1895 г. для газеты «Рабочее Дело»

Полн. собр. соч., т. 2, с. 77—80.

Впервые напечатано 27 января 1924 г. в газете «Петроградская Правда», № 22

Из «Проекта и объяснения программы социал-демократической партии»

...Для рабочих русская социал-демократическая партия требует:

...3. Законодательного запрещения ночной работы и смен. Запрещения работы детей до 15 лет...

...10. Закона об обязанности фабрикантов содержать школы и давать медицинскую помощь рабочим...

Полн. собр. соч., т. 2, с. 85, 86.

...На чем же держится господство класса капиталистов над всей массой рабочего люда? На том, что в руках капиталистов, в их частной собственности находятся все фабрики, заводы, рудники, машины, орудия труда; на том, что в их руках громадные количества земли (из всей земли Европейской России более $\frac{1}{3}$ принадлежит землевладельцам, число которых не составляет полумиллиона). Рабочие, сами не имея никаких орудий труда и материалов, должны продавать свою рабочую силу капиталистам, которые платят рабочим только то, что необходимо на содержание их, и весь излишек, производимый трудом, кладут себе в карман; они уплачивают, таким образом, только часть потребленного им на работу времени и присваивают себе остальную часть. Все увеличение богатства, происходящее от соединенного труда массы рабочих или улучшений в производстве, достается классу капиталистов, и рабочие, трудясь из поколения в поколение, остаются такими же неимущими пролетариями. Поэтому есть только одно средство положить конец эксплуатации труда капиталом, именно: уничтожить частную собственность на орудия труда, передать все фабрики, заводы, рудники, а также все крупные имения и т. п. в руки всего общества и вести общее социалистическое производство, направляемое самими рабочими. Про-

дукты, производимые общим трудом, будут тогда идти в пользу самих трудящихся, а производимый ими излишек над их содержанием будет служить для удовлетворения потребностей самих рабочих, для полного развития всех их способностей и равноправного пользования всеми приобретениями науки и искусства. В программе и указано поэтому, что только этим может окончиться борьба рабочего класса с капиталистами. А для этого необходимо, чтобы политическая власть, т. е. власть управления государством, из рук правительства, находящегося под влиянием капиталистов и землевладельцев, или из рук правительства, состоящего прямо из выборных представителей капиталистов, перешла в руки рабочего класса.

Такова конечная цель борьбы рабочего класса, таково условие его полного освобождения...

Написано в тюрьме: «Проект программы» — в декабре, позднее 9 (21), 1895 г.; «Объяснение программы» — в июне — июле 1896 г.

Там же, с. 96—97.

Впервые напечатано в 1924 г. в журнале «Пролетарская Революция», № 3

Из статьи
«Кустарная перепись
1894/95 года в Пермской
губернии и общие вопросы
«кустарной» промышленности»

7

Пермские ученые общества предприняли, при участии земства, обширный труд к выставке 1896 года в Нижнем Новгороде, носящий общее заглавие: «Обзор Пермского края». Материалов собрано более чем на 200 листов; все издание должно составить восемь томов. К выставке его, как водится, не успели закончить, и пока издан только первый том, содержащий очерк кустарной промышленности губернии *. «Очерк» представляет выдающийся интерес по новизне, богатству и полноте положенного в его основание материала. Материал собран был специальной *кустарной переписью*, произведенной на земские средства в 1894/95 году, причем перепись была подворная, опрашивался каждый домохозяин в отдельности ¹³...

Полн. собр. соч., т. 2, с. 319.

...— «Связь с земледелием», по данным переписи, отражается чрезвычайно рельефно на *грамотности* кустарей; — грамотность наемных рабочих, к сожалению, не исследована. Оказывается, что неземледельческое население ** *значительно грамотнее* земледельческого, причем это отношение наблюдается без исключения по всем подгруппам и для мужчин, и для женщин. Вот in extenso *** данные переписи по этому вопросу в процентных отношениях (стр. 62):

* «Обзор Пермского края. Очерк состояния кустарной промышленности в Пермской губернии». Издано на средства Пермского губернского земства. Пермь, 1896. Стр. II+365+232 страницы таблиц, 16 диаграмм и карта Пермской губернии. Ц. 1 р. 50 коп.

** Напомним, что город (и то уездный) вошел сюда лишь один по исключению: из числа 4762 семейных рабочих II группы горожан только 1412, т. е. 29,6%.

*** — в полном объеме. *Ред.*

	Группа I (земледельцы)				Группа II (неземледельцы)				По обеим группам
	Подгруппы ¹⁴			Итого	Подгруппы			Итого	
	1	2	3		1	2	3		
«Процентное отношение грамотных к наличному числу лиц»	32	33	20	31	41	45	33	39	33
	9	6	4	7	17	22	14	17	9
«Процент грамотных из числа тех, которые принимают личное трудовое участие в производстве»	39	37	26	36	44	57	51	49	40
	13	17	4	10	53	21	23	30	19
Процент семей с грамотными	49	43	34	44	55	63	50	55	47

Интересно отметить, что в неземледельческом населении грамотность гораздо быстрее распространяется среди женщин, чем среди мужчин. Процент грамотных мужчин во II группе в $1\frac{1}{2}$ —2 раза больше, чем в I, а процент грамотных женщин в $2\frac{1}{2}$ — $5\frac{3}{4}$ раза.

Резюмируя те выводы, которые дала кустарная перепись 1894/95 года о «земледелии в связи с промыслом», мы можем констатировать, что связь с земледелием:

1) задерживает наиболее отсталые формы промышленности и тормозит экономическое развитие;

2) понижает заработки и доходы кустарей, так что наиболее обеспеченные подгруппы земледельцев-хозяев получают, в общем и среднем, меньше, чем *наихудше* поставленные подгруппы *наемных рабочих* у неземледельцев, не говоря уже о неземледельцах-хозяевах. Даже сравнительно с наемными рабочими в I группе хозяев этой же группы получают весьма низкие доходы, лишь очень немногим превышающие заработки наемных рабочих, а иногда даже спускающиеся ниже их;

3) задерживает культурное развитие населения, имеющего более низкий уровень потребностей и далеко отстающего в грамотности от неземледельцев...

Написано в ссылке в августе — сентябре,
не позднее 7 (19), 1897 г.

Там же, с. 364—365.

Впервые напечатано в 1898 г. в сборнике: Владимир Ильин. «Экономические труды и статьи». СПб.

Из статьи
«Перлы народнического
прожектерства»

С. Н. Южаков. Вопросы просвещения. Публицистические опыты. — Реформа средней школы. — Системы и задачи высшего образования. — Гимназические учебники. — Вопрос всенародного обучения. — Женщина и просвещение. СПб., 1897. Стр. VIII+283. Цена 1 р. 50 к.¹⁵

I

Под таким заглавием г. Южаков выпустил собрание своих статей, печатавшихся в «Русском Богатстве» в 1895—1897 годах. Автор полагает, что его статьи «охватили главнейшие из этих вопросов», т. е. из «вопросов просвещения», и «вместе составили нечто вроде обзора наиболее назревших и наболевших, но все еще мало удовлетворенных потребностей нашей умственной культуры». (Предисловие, стр. V.) На стр. 5-ой еще раз подчеркивается, что автор намерен остановиться «преимущественно на вопросах принципа». Но все эти фразы показывают только любовь г-на Южакова к широкому размаху мысли, и даже не мысли, а пера. И заглавие книги чересчур широко: на самом деле, — как видно и из списка статей в подзаголовке сочинения, — автор трактует вовсе не «вопросы просвещения», а только вопросы школы, да и то только средней и высшей школы. Из всех статей книги самая дельная статья о гимназических учебниках в наших гимназиях. Автор подробно разбирает здесь ходячие учебники русского языка, географии и истории, показывая полную их негодность. Эта статья читалась бы с еще бóльшим интересом, если бы не утомляла тоже свойственным автору многословием. Мы намерены остановить внимание читателя только на двух статьях книги, именно на статье о среднеучебной реформе и о всенародном обучении, ибо эти статьи затрагивают действительно принципиальные вопросы и представляются особенно характерными для освещения излюбленных идей «Р. Богатства». Ведь это вот господам Гриневицам и Михайловским приходится — для того, чтобы найти примеры чудовищно глупых выводов из враждебной доктрины — копаться в невозной куче российской стихотворной макулатуры. Нам не нужно для соответствующей цели предпринимать столь невеселые раскопки: достаточно обратиться к журналу «Рус. Богатство» и в нем к одному из несомненных «столпов».

II

Параграф II статьи об «Основах среднеучебной реформы» озаглавлен г-ном Южаковым так: «Задачи средней школы. Классовые интересы и классовая школа» (см. Оглавление). Тема, как видите, представляет захватывающий интерес, обещая разъяснить нам один из важнейших вопросов не только просвещения, но и всей общественной жизни вообще, и притом именно тот вопрос, который вызывает одно из главнейших разногласий между народниками и «учениками»¹⁶. Посмотрим же, какие представления имеет сотрудник «Р. Богатства» о «классовых интересах и классовой школе».

Автор совершенно справедливо говорит, что формула: «школа должна готовить человека для жизни» — совершенно бессодержательна, что вопрос в том, что надобно для жизни и «кому надобно» (6). «Кому надобно среднее образование — это значит: в чьих интересах, ради чьих блага и пользы дается образование воспитанникам средней школы?» (7). Прекрасная постановка вопроса, и мы бы от души приветствовали автора, если бы... если бы все эти прелюдии не оказались в дальнейшем изложении пустыми фразами: «Это могут быть интересы блага и пользы государства, нации, того или другого общественного класса, самого образуемого индивида». Начинается путаница: приходится заключить, что общество, расчлененное на классы, совместимо с неклассовым государством, с неклассовой нацией, с стоящими вне классов индивидами! Сейчас увидим, что это вовсе не обмолвка г-на Южакова, что он именно такого абсурдного мнения и держится. «Если при выработке школьной программы имеются в виду классовые интересы, то не может быть, следовательно, и речи об одном общем типе государственной средней школы. Учебные заведения в таком случае по необходимости являются сословными и притом не только образовательными, но и воспитательными, потому что они должны дать не только образование, приспособленное к специальным интересам и задачам сословия, но и сословные навыки и сословный корпоративный дух» (7). Первый вывод из этой тирады тот, что г. Южаков не понимает различия между сословиями и классами и поэтому безбожно смешивает эти совершенно различные понятия. В других местах его статьи (см., напр., стр. 8) обнаруживается такое же непонимание, и это тем удивительнее, что г. Южаков в этой же статье подошел почти вплотную к существенному различию этих понятий. «Надо помнить, — повествует г. Южаков на стр. 11, — что часто (отнюдь не необходимо, однако) организации политическая, экономическая и духовная составляют иногда юридическую привилегию, иногда фактическую принадлежность особых

групп населения. В первом случае это — сословия; во втором — классы». Тут верно указано *одно* из отличий класса от сословия, именно что классы отличаются один от другого не юридическими привилегиями, а фактическими условиями, что, следовательно, классы современного общества предполагают *юридическое равенство*. И другое различие между сословиями и классами г. Южаков как будто бы не игнорирует: «...Мы... отказались тогда (т. е. после отмены крепостного права)... от крепостного и сословного строя национальной жизни, в том числе и от системы сословной закрытой школы. В настоящее время внедрение капиталистического процесса дробит русскую нацию не столько на сословия, сколько на экономические классы...» (8). Тут верно указан и другой признак, отличающий сословия от классов в истории Европы и России, именно что сословия — принадлежность крепостного, а классы — капиталистического общества *. Если бы г. Южаков подумал хоть немножко над этими различиями и не отдавался с такою легкостью во власть своего бойкого пера и своего Kleinbürger'ского ** сердца, то он бы не написал ни вышеприведенной тирады, ни других пустяков вроде того, что классовые программы школ должны дробить программы для богатых и бедных, что на западе Европы классовые программы не имеют успеха, что классовая школа предполагает классовую замкнутость и пр. и пр. Все это яснее ясного показывает, что, несмотря на многообещающее заглавие, несмотря на велеречивые фразы, г. Южаков совершенно не понял, в чем сущность классовой школы. Сущность эта, почтеннейший г. народник, состоит в том, что образование одинаково организовано и одинаково доступно для всех *имущих*. Только в этом последнем слове и заключается сущность классовой школы в отличие от школы сословной. Поэтому чистейший вздор сказал г. Южаков в вышецитированной тираде, будто при классовых интересах школы «не может быть и речи об одном общем типе государственной средней школы». Как раз наоборот: классовая школа, — если она проведена последовательно, т. е. если она освободилась от всех и всяких остатков сословности, — необходимо предполагает один общий тип школы. Сущность классового общества (и классового образования, следовательно) состоит в полном юридическом *равенстве*, в полной равноправности всех граждан, в полной равноправности и доступности образования для имущих. Сословная школа требует от ученика принадлежности к известному сословию. Клас-

* Сословия предполагают деление общества на классы, будучи одной из форм классовых различий. Говоря о классах просто, мы разумеем всегда бессословные классы капиталистического общества.

** — мелкобуржуазного. *Ред.*

совая школа не знает сословий, она знает только граждан. Она требует от всех и всяких учеников *только одного*: чтобы он заплатил за свое обучение. Различие программ для богатых и для бедных вовсе не нужно классовой школе, ибо тех, у кого нет средств для оплаты обучения, расходов на учебные пособия, на содержание ученика в течение всего учебного периода,— тех классовая школа просто не допускает к среднему образованию. Классовой замкнутости вовсе не предполагает классовая школа: напротив, в противоположность сословиям, классы оставляют всегда совершенно свободным переход отдельных личностей из одного класса в другой. Классовая школа не замыкается ни от кого, имеющего средства учиться. Что в Западной Европе «эти опасные программы полуобразования и классового морально-интеллектуального отчуждения разных народных слоев не имеют успеха» (9),— это совершенное извращение действительности, ибо всякий знает, что и на Западе, и в России средняя школа, по сущности своей,— классовая и что служит она интересам лишь очень и очень небольшой части населения. Ввиду той невероятной путаницы понятий, которую обнаруживает г. Южаков, мы считаем даже не лишним сделать для него еще следующее добавочное разъяснение: в современном обществе и та средняя школа, которая не берет никакой платы за обучение, нисколько не перестает быть классовой школой, ибо расходы на содержание ученика в течение 7—8 лет неизмеримо выше, чем плата за учение, а доступны эти расходы лишь для ничтожного меньшинства. Если г. Южаков хочет быть практическим советником современных реформаторов средней школы, если он хочет ставить вопрос на почве современной действительности (а он именно так его и ставит),— то он должен был бы говорить только о смене сословной школы школой классовой, *только* об этом, или уже вовсе промолчать об этом щекотливом вопросе «классовых интересов и классовой школы». И то сказать: невелика связь этих принципиальных вопросов с той заменой древних языков новыми, которую рекомендует г. Южаков в этой статье. Ограничься он этой рекомендацией,— мы бы не стали ему возражать и даже готовы были бы простить ему его невоздержанное красноречие. Но раз он *сам же* поставил вопрос о «классовых интересах и классовой школе»,— то пусть уже и несет ответственность за все свои вздорные фразы.

Фразы г-на Южакова на данную тему далеко не ограничиваются, однако, вышеприведенным. Верный основным идеям «субъективного метода в социологии», г. Южаков, затронув вопрос о классах, поднимается на «широкую точку зрения» (12, ср. 15), такую широкую, с которой он может величественно игнорировать классовые различия,

такую широкую, которая позволяет ему говорить не об отдельных классах (фи, какая узость!), а о всей нации вообще. Достигается эта великолепная «широта» точки зрения истасканным приемом всех моралистов и моралистиков, особенно моралистов-Kleinbürger'ов. Г-н Южаков жестоко осуждает это разделение общества на классы (и отражение этого разделения на образовании), говоря с превеликим красноречием и с несравненным пафосом об «опасности» (9) этого явления; о том, что «классовая система образования во всех видах и формах, в основе своей, противоречит интересам государства, нации и образуемых личностей» * (8); о «нецелесообразности и опасности с точки зрения и государственной, и национальной» (9) классовых программ в школе; о том, что примеры истории показывают лишь «то исключительное антинациональное развитие классового строя и классовых интересов, о котором мы говорили выше и которое уже признали опасным для национального блага и для самого государства» (11); о том, что «повсеместно классовое устройство управления так или иначе отменено» (11); о том, что это «опасное» дробление на классы вызывает «антагонизм между разными группами населения» и постепенно вытравливает «чувство национальной солидарности и общегосударственного патриотизма» (12); о том, что «широко, правильно и дальновидно понимаемые интересы нации, как целого, государства и отдельных граждан вообще не должны противоречить друг другу (по крайней мере, в современном государстве)» (15) и т. д. и т. д. Все это — одна сплошная фальшь, одни пустые фразы, затушевывающие самую суть современной действительности посредством лишенных всякого смысла «пожеланий» Kleinbürger'a, пожеланий, незаметно переходящих и в характеристику того, что есть. Чтобы найти аналогию для подобного мирозерцания, из которого вытекают такие фразы, надо обратиться к представителям той «этической» школы на Западе, которая явилась естественным и неизбежным выражением теоретической трусости и политической растерянности тамошней буржуазии ¹⁷.

Мы же ограничимся сопоставлением с этим великолепным красноречием и прекрасноречием, с этой замечательной прозорливостью и дальновидностью следующего маленького факта. Г-н Южаков за-

* Одно из двух, почтеннейший г. Kleinbürger: либо вы говорите об обществе, расчлененном на классы, либо о нерасчлененном. В первом случае не может быть и неклассового образования. В последнем случае не может быть ни классового государства, ни классовой нации, ни принадлежащих к одному из классов личностей. В обоих случаях фраза лишена смысла и содержит лишь невинное пожелание Kleinbürger'a, трусливо закрывающего глаза от самых резких черт современной действительности.

тронул вопрос о сословной и классовой школе. По первому вопросу можно найти точные статистические данные, по крайней мере, о мужских гимназиях и прогимназиях и о реальных училищах. Вот эти данные, заимствуемые нами из издания министерства финансов: «Производительные силы России» (СПб. 1896. Отд. XIX. Народное образование. Стр. 31):

«Сословное распределение учащихся (в % к общему числу их) видно из следующей таблицы:

Детей	В мужских гимназиях и прогимназиях ми- нистерства нар. просвещения			В реальных училищах		
	1880	1884	1892	1880	1884	1892
Потомственных и личных дворян и чиновников	47,6	49,2	56,2	44,0	40,7	38,0
Духовного звания	5,1	5,0	3,9	2,6	1,8	0,9
Городских сословий	33,3	35,9	31,3	37,0	41,8	43,0
Сельских сословий (с инородчск. и инжн. чинами)	8,0	7,9	5,9	10,4	10,9	12,7
Иностранцев	2,0	2,0	1,9	3,0	4,8	5,4
Других сословий	2,0	Вместе с предыд.		3,0	Вместе с предыд.	
	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Эта табличка наглядно показывает нам, как неосторожно выразился г. Южаков, сказав, будто мы сразу и решительно (??) «отказались от сословной школы». Напротив, сословность и теперь преобладает в наших средних школах, если даже в гимназиях (не говоря уже о привилегированных дворянских заведениях и т. п.) 56% учащихся — дети дворян и чиновников. Единственный серьезный конкурент их — городские сословия, достигшие преобладания в реальных училищах. Участие же сельских сословий — особенно если принять во внимание их громадное численное преобладание над остальными сословиями — совершенно ничтожно. Эта табличка наглядно показывает, следовательно, что тот, кто хочет говорить о характере современной нашей средней школы, должен твердо усвоить себе, что речь может идти только о сословной и о классовой школе и что, поскольку «мы» отказываемся действительно от сословной школы, — это делается исключительно для классовой школы. Само собою разумеется, что мы вовсе не хотим сказать этим, чтобы вопрос о замене сословной школы классовой и об улучшении последней был вопрос неважный или безразличный для тех классов, которые не пользуются и не могут пользоваться средней школой: напротив, и для них это не безразличный вопрос, ибо сословность и в жиз-

ни, и в школе ложится на них особенно тяжело, ибо смена сословной школы классовою есть лишь одно из звеньев в процессе общей и всесторонней европеизации России. Мы хотим только показать, как извратил дело г. Южаков и как его якобы «широкая» точка зрения на самом деле стоит неизмеримо ниже даже буржуазной точки зрения на вопрос. Кстати, о буржуазности. Вот г. А. Мануилов никак не может понять, зачем это П. Б. Струве, так определенно охарактеризовавший односторонность Шульце-Геверница, тем не менее «пропагандирует его буржуазные идеи» («Р. Богатство» № 11, стр. 93). Непонимание г-на А. Мануилова происходит всецело и исключительно от непонимания им основных воззрений не только русских, но и всех западноевропейских «учеников», не только учеников, но и учителя. Или, может быть, г. Мануилов захочет отрицать, что к числу основных воззрений «учителя» — воззрений, красной нитью проходящих чрез всю его теоретическую, литературную и практическую деятельность, — принадлежит бесповоротная вражда к тем любителям «широких точек зрения», которые затушевывают посредством сладеньких фраз классовое расчленение современного общества? что к числу основных его воззрений принадлежит решительное признание прогрессивности и предпочтительности открытых и последовательных «буржуазных идей» по сравнению с идеями тех Kleinbürger'ов, которые жаждут задержки и остановки капитализма? Если г-ну Мануилову это неясно, то пусть он подумает хоть над произведениями своего товарища по журналу, г-на Южакова. Пусть он представит себе, что по интересующему нас теперь вопросу мы видим рядом с г. Южаковым открытого и последовательного представителя «буржуазных идей», который отстаивает именно классовый характер современной школы, доказывая, что это — лучшее, что можно себе представить, и стремясь к полному вытеснению сословной школы и к расширению доступности классовой школы (в вышеуказанном значении этой доступности). Право же, подобные идеи были бы несравненно выше идей г. Южакова; внимание направлялось бы при этом на реальные нужды современной школы, именно на устранение ее сословной замкнутости, а не на расплывчатую «широкую точку зрения» Kleinbürger'a. Открытое выяснение и защита одностороннего характера современной школы правильно бы характеризовало действительность и уже самой своей односторонностью просвещало бы сознание другой стороны *. А «широкие» разглаголь-

* Мы прекрасно чувствуем, что сотрудникам «Р. Богатства» очень и очень трудно понять аргумент такого характера. Опять-таки, это зависит от непонимания ими не одних «учеников», но и «учителя».

Вот как доказывал, напр., один из «учителей» еще в 1845 году пользу

ствования г-на Южакова, наоборот, развращают только общественное сознание. Наконец, практическая сторона вопроса... но ведь и г. Южаков не выходит ни чуточки за пределы классовой школы не только в этой статье, но и в своей «утопии», к которой мы и переходим.

III

Статья г-на Южакова, рассматривающая «вопрос всенародного обучения» (см. заглавие книги), называется так: «Просветительная утопия. План всенародного обязательного среднего образования». Уже из названия видно, что эта в высшей степени поучительная статья г-на Южакова обещает очень многое. Но на самом деле «утопия» г-на Южакова обещает еще несравненно больше. «Никак не меньше этого, дорогие читатели, без всякой уступки или компромисса... — так начинает автор свою статью. — Полное гимназическое образование для всего населения обоего пола, обязательное для всех и без всяких затрат со стороны государства, земства и народа, — такова моя огромная просветительная утопия!» (201). Добрый г. Южаков полагает, очевидно, что гвоздь этого вопроса заключается в «затратах»; на этой же странице он повторяет еще раз, что всенародное начальное образование требует затрат, а всенародное среднее образование по его «плану» никаких затрат не требует. Мало того, что план г-на Южакова не требует никаких затрат: он обещает гораздо большее, чем среднее образование для всего народа. Чтобы показать полный объем того, что обещает нам сотрудник «Р. Богатства», надо забежать вперед и привести собственные торжествующие восклицания автора, когда он изложил уже весь свой план и любит-ся им. План г-на Южакова состоит в том, что с гимназическим образованием соединяется производительный труд «гимназистов», которые сами содержат себя: «...Обработка участка земли... обеспечивает обильное, вкусное и здоровое продовольствие всего молодого поколения от рождения до окончания курса гимназии, а также продовольствие молодежи, обрабатывающей цену учения (об этом ин-

для английских рабочих от отмены хлебных законов. Эта отмена, писал он, превратит фермеров в либералов, т. е. сознательных буржуа», а этот рост сознательности на одной стороне необходимо ведет к такому же росту сознания и другой стороны (Fr. Engels. «The condition of the working class in England in 1844». New York. 1887, p. 179 (Ф. Энгельс. «Положение рабочего класса в Англии в 1844 г.». Нью-Йорк. 1887, стр. 179¹⁸. *Ред.*)). Отчего же это вы, гг. сотрудники «Р. Богатства», только расшаркиваетесь перед «учителями», а не избобляете их в «пропаганде буржуазных идей»?

ституте Южаковского Zukunftsstaat'a * подробнее ниже), и всего персонала администраторов, преподавателей и хозяев. При этом все они обеспечиваются и обувью, а также шитьем одежды. К тому же попутно получается с указанного участка около 20 тыс. рублей, именно 15 тыс. от излишков молока и ярового хлеба... и около 5 тыс. р. от продажи шкур, щетины, перьев и прочих побочных продуктов» (216). Подумайте только, читатель, содержание *всего* молодого поколения до окончания курса гимназии, т. е. до 21—25 лет (стр. 203)! Ведь это значит содержание *половины* всего населения страны **. Содержание и образование десятков миллионов населения, — да это уже настоящая «организация труда»! Очевидно, г. Южаков сильно рассердился на тех злых людей, которые утверждают, что народнические проекты «организации труда» — пустые фразы пустых говорунов, и решил совсем уничтожить этих злых людей обнаружением целого «плана» такой «организации труда», осуществляемой «без всяких затрат»... Но и это еще не все: «...По пути мы расширили задачу; мы взяли на ту же организацию содержание всего детского населения; мы озаботились обеспечить молодых людей серьезным для деревни приданым при выходе; мы нашли возможным определить на те же средства в каждую гимназию, т. е. в каждую волость, по врачу, ветеринару, ученому агроному, ученому садовнику, технологу и по шести мастеров, не менее (которые поднимут культуру и удовлетворят соответственные потребности всей местности)... И все эти задачи находят себе финансовое и экономическое разрешение при осуществлении нашего плана...» ***. Как посрамлены будут теперь те злые языки, которые говорили, что знаменитое народническое «мы», это — «тайнственный незнакомец», это — еврей с двумя ермолками и т. п.! Какая недостойная клевета! Отныне достаточно будет сослаться на «план» г-на Южакова, чтобы доказать всеиллие этих «мы» и осуществимость «наших» проектов.

Может быть, у читателя явится сомнение по поводу этого слова: осуществимость? Может быть, читатель скажет, что, назвав свое творение утопией, г. Южаков тем самым отстранил вопрос об осуществимости? — Это было бы так, если бы г. Южаков не сделал сам в высшей степени существенных оговорок по поводу слова «уто-

* — государства будущего. *Ред.*

** По возрастному составу населения России, по Буняковскому, на 1000 жителей приходится 485 в возрасте 0—20 лет и 576 в возрасте 0—25 лет.

*** Стр. 237. Оба многозначительные многоточия в этой тираде принадлежат г-ну Южакову. Мы не дерзнули бы пропустить здесь ни одной буквы.

пия», если бы он не подчеркивал неоднократно во всем своем изложении осуществимости своего плана. «Я имею смелость думать, — заявляет он в самом начале статьи, — что такое всенародное среднее образование кажется утопией только с первого взгляда» (201)... Что же вам еще надо?.. «Я имею еще большую смелость утверждать, что такое образование для всего населения гораздо осуществимее всенародного начального образования, уже осуществленного, однако, Германией, Францией, Англией, Соединенными Штатами и весьма близкого к осуществлению и в некоторых губерниях России» (201). Г-н Южаков до такой степени убежден в этой осуществимости своего плана (очевидно, после вышесказанного, что выражение «план» правильнее, чем утопия), что он не пренебрегает даже самыми мелкими «практическими удобствами» при разработке этого плана, нарочно оставляя, напр., систему двух гимназий, мужской и женской, из уважения к «предубеждению на континенте Европы против совместного обучения» обоих полов, — усиленно подчеркивая, что его план «дозволяет не нарушать установившиеся учебные планы мужских и женских гимназий, дает больше занятия, а след., и вознаграждения преподавательскому персоналу...». «Все это имеет немаловажное значение при желании не ограничиться одним опытом, но достигнуть действительно всенародного образования» (205—206). Много было на свете утопистов, соперничавших заманчивостью, стройностью своих утопий, — по вряд ли найдется среди них хоть один, столь внимательный к «установившимся учебным планам» и к вознаграждению преподавательского персонала. Мы уверены, что потомство долго еще будет указывать на г-на Южакова, как на истинно практичного и истинно деловитого «утописта».

Очевидно, что при таких обещаниях автора его план всенародного обучения заслуживает самого внимательного разбора.

IV

Принцип, из которого исходит г. Южаков, состоит в том, что гимназия должна быть вместе с тем и земледельческим хозяйством, должна летним трудом своих учеников обеспечить собственное существование. Такова основная мысль его плана. «В том, что эта мысль правильна, сомневаться едва ли возможно» (237), — полагает г. Южаков. И мы согласны с ним, что тут есть действительно правильная мысль, которую нельзя только припутывать ни непременно к «гимназиям», ни к возможности «окупить» гимназии трудом учеников. Эта правильная мысль заключается в том, что нельзя себе представить идеала будущего общества без соединения обучения с

производительным трудом молодого поколения: ни обучение и образование без производительного труда, ни производительный труд без параллельного обучения и образования не могли бы быть поставлены на ту высоту, которая требуется современным уровнем техники и состоянием научного знания. Эту мысль высказали еще старые великие утописты; ее вполне разделяют и «ученики», которые именно по этой причине, между прочими, не восстают принципиально против промышленного труда женщин и подростков, считают реакционными попытки запретить совершенно этот труд и настаивают лишь на постановке его в условия вполне гигиенические. Напрасно поэтому выражается г. Южакѳв таким образом: «Я хотел только дать мысль» (237)... Мысль эта давно дана, и мы не решаемся допустить (пока не доказано противное), чтобы г. Южакѳв мог быть незнаком с нею. Сотрудник «Рус. Богатства» хотел дать и дал совершенно самостоятельный *план осуществления* этой мысли. Только в этом отношении его следует признать оригинальным, но зато уже тут оригинальность его доходит до... до геркулесовых столбов¹⁹.

Для того, чтобы соединить всеобщий производительный труд с всеобщим обучением, необходимо, очевидно, возложить на *всех* обязанность принимать участие в производительном труде. Казалось бы, что это само собою ясно? — Оказывается, однако, что нет. Наш «народник» решает этот вопрос так, что обязанность физического труда действительно должна быть установлена как общий принцип, *но вовсе не для всех, а только для несостоятельных*.

Читатель подумает, может быть, что мы шутим? Ей-богу, нет.

«Чисто городские гимназии для состоятельных людей, готовых деньгами оплатить полную цену образования, могли бы удержатъ нынешний тип» (229). На стр. 231-ой «состоятельные» вообще прямо включены в число тех «категорий населения», которые не привлекаются к обязательному образованию в «земледельческих гимназиях». Обязательный производительный труд является, следовательно, у нашего народника не условием всеобщего и всестороннего человеческого развития, а просто платой за обучение в гимназии. Именно так. В самом начале своей статьи г. Южакѳв рассматривает вопрос о зимних рабочих, необходимых для земледельческой гимназии. Всего «логичнее» кажется ему такой способ обеспечения гимназии зимними рабочими. Ученики младших классов не работают и, следовательно, безвозмездно пользуются содержанием и учением, не платя ничего за затраты на это со стороны гимназии. «Если же это так, то не является ли его прямою обязанностью отработать эти затраты по окончании курса? Эта обязанность, тщательно соображенная и твердо установленная для всякого, *кто не может уплатить*

стоимость учения, доставит гимназическому хозяйству необходимый контингент зимних рабочих и дополнительный контингент летних... Теоретически это очень просто, удобопонятно и вполне неоспоримо» (205, курсив наш). Помилуйте, что может быть «проще» этого? Есть деньги, так заплати, а нет денег, так работай! — всякий лавочник согласится, что это в высшей степени «удобопонятно». И притом, как это замечательно практично! — Только... только при чем же тут «утопия»? И зачем пачкает г. Южаков подобными планами ту великую основную мысль, которую он хотел положить в основу своей утопии?

Отработки несостоятельных учеников — основание всего плана г-на Южакова. Он допускает, правда, и другой способ приобретения зимних рабочих — наем *, но отодвигает его на второй план. Отработки же обязательны на три года (а в случае надобности и на четыре) для всех, не поступающих в военную службу, т. е. для $\frac{2}{3}$ учеников и для всех девушек. «Только эта система, — прямо заявляет г. Южаков, — дает ключ к разрешению задачи всенародного образования, и не начального даже, а среднего» (207—208). «Небольшой контингент постоянных рабочих, совсем оставшихся при гимназии и к ней приобщившихся (!?), дополняет эти рабочие силы гимназического хозяйства. Таковы возможные и отнюдь не утопические рабочие силы нашей земледельческой гимназии» (208). Ну, разумеется, и другие работы — мало ли по хозяйству? — они же сделают: «Дополнительный персонал при поварах и прачках, а равно письмоводители легко могут быть выбраны из состава трехгодичных рабочих, окончивших гимназию» (209). Гимназии нужны будут и мастера: портные, сапожники, столяры и пр. Конечно, можно будет давать им помощников из отбывающих трехгодичную отработку» (210).

Что же будут получать за свой труд эти батраки (или земледельческие гимназисты? не знаю уж право, как и назвать их)? Они будут получать все необходимое для жизни, «обильное и вкусное пропитание». Г-н Южаков точно рассчитывает все это, кладя нормы продуктов, «обыкновенно отпускаемых сельскому рабочему». Правда, он «не предполагает кормить гимназию таким способом» (210),

* «Гимназическое хозяйство, руководимое опытным и ученым хозяином, снабженное всеми усовершенствованиями и обладающее контингентом искусных образованных рабочих, должно быть доходным хозяйством и должно оправдать наем необходимого контингента рабочих, из которых некоторые заслуженные (sic!) (так! *Ред.*) могли бы приобщаться к доходам. В некотором числе, вероятно, и пришлось бы это практиковать, особенно относительно безземельных, окончивших курс в этой же гимназии» (204).

по все-таки оставляет эти нормы, ибо ведь гимназисты соберут еще со своей земли картофеля, гороха, чечевицы, посеют себе коноплю и подсолнечника для постного масла, затем будут получать мяса в скромные дни по полуфунту и молока по 2 стакана. Не думайте, читатель, чтоб г. Южаков это лишь слегка затронул, лишь для примера перечислил. Нет, он все рассчитал подробно — и количество телят, годовалых и двухлеток, и содержание больных, и корм для птиц. Он не забыл ни помоев с кухни, ни требухи, ни шелухи от овощей (212). У него ничего не пропущено. Затем одежду и обувь можно в гимназии сделать собственными средствами. «Но бумажной материи для белья носильного, постельного и столового и для летней одежды, более плотной материи для зимнего платья и мех, хотя бы овечий, для верхнего зимнего платья нужно, конечно, купить. Конечно, весь персонал педагогов и служащих с семьями сам себя должен обеспечивать материалами, хотя и можно предоставить пользоваться мастерскими. Собственно же для учащихся и для 3-годичных рабочих этот расход, не скупясь, можно определить рублей в 50 в год или около 60 000 руб. на все заведение ежегодно» (213).

Мы положительно начинаем умиляться от практичности нашего народника. Представьте только себе: «мы», «общество», вводим такую грандиозную организацию труда, даем народу всеобщее среднее образование, и все это без всяких затрат, и с какими громадными моральными приобретениями! Какой прекрасный урок будет дан «нашим» теперешним сельским рабочим, которые при всей своей невежественности, дерзости и дикости не соглашались работать дешевле 61 рубля в год на хозяйском содержании *, — когда они увидят, как образованные батраки из гимназии будут работать за 50 рублей в год! Можно быть уверенным, что даже сама Коробочка ²⁰ согласится теперь с г. Южаковым, что теоретические основания его плана чрезвычайно «удобопонятны».

V

Как же будет вестись хозяйство гимназий и управление ими? Хозяйство будет, как мы уже видели, смешанное: отчасти натуральное, отчасти денежное. Г-н Южаков дает, разумеется, весьма подробные указания по этому важному вопросу. На стр. 216-ой он с

* По данным департамента земледелия и сельской промышленности, средняя для Европейской России заработная плата годовому сельскому рабочему составляет 61 р. 29 к. (за 10 лет 1881—1891) да содержание — 46 рублей.

точностью, по статьям, рассчитывает, что каждой гимназии понадобится денег 160—170 тыс. р., так что для всех 15—20 тысяч гимназий — эдак до трех миллиардов рублей. Ну, разумеется, продавать будут сельскохозяйственные продукты и за них деньги выручать. Наш автор так предусмотрителен, что принимает при этом во внимание общие условия современного товарно-капиталистического хозяйства: «Гимназии, расположенные под городом или вблизи жел.-дор. станций, на линиях, не удаленных от крупных центров, должны бы получать совершенно другой тип. Огородничество, садоводство, молочное хозяйство и ремесла здесь могут вполне заменить полеводство» (228). Торговля, значит, будет уже не шуточная. Кто будет ею заниматься — автор не сообщает. Надо полагать, что педагогические советы гимназий сделаются отчасти и коммерческими советами. — Скептики, пожалуй, пожелали бы знать, как быть в случаях банкротства гимназий и сумеют ли вообще вести они торговое дело? — Но, разумеется, это были бы неосновательные придирки: если теперь необразованные купцы ведут торговлю, то можно ли сомневаться в успехе, когда за это дело возьмутся представители нашего интеллигентного общества?

Для хозяйства гимназиям понадобится, натурально, земля. Г-н Южаков пишет: «Думаю.., что если бы этой мысли суждено было получить практическое испытание, то для опыта первые такие сельскохозяйственные гимназии должны бы получить надел от 6 до 7 тыс. дес.» (228). На 109 млн. населения — 20 000 гимназий — потребовалось бы около 100 млн. десятин, но ведь не надо забывать, что сельскохозяйственным трудом заняты лишь 80 млн. «Только их дети и должны быть проводимы чрез сельскохозяйственные гимназии». А потом еще около 8 млн. надо выкинуть на разные категории населения *, — останется 72 млн. Для них надо только 60—72 млн. дес. «И это, конечно, много» (231), но г. Южаков не смущается. У казны ведь тоже

* Вот полный список этих категорий счастливцев, освобождаемых от сельскохозяйственных гимназий: «состоятельные, исправляемые, магометанские девочки, мелкие пнородцы, фанатические сектанты, слепые, глухонемые, идиоты, сумасшедшие, хроники, заразные, преступные» (231). Когда мы прочли этот список, наше сердце болезненно сжалось: господа, подумали мы, удастся ли хоть присных своих зачислить в число освобожденных! — По первой категории? — финансов, пожалуй, не хватит! Ну, еще женский пол авось удастся хитростью причислить к магометанским девочкам, а мужской-то как? Одна надежда на 3-ью категорию. Сотрудник г-на Южакова по журналу, г. Михайловский, зачислил уже, как известно, П. Б. Струве просто к пнородцам, так авось уж он и нас всех соблаговолит зачислить хоть к «мелким пнородцам» для освобождения наших присных от сельскохозяйственных гимназий!

много земли, только расположенной не совсем удобно. «Так, в северном Полесье их расположено 127,6 млн. дес., и здесь, особенно усвоив систему обмена, где нужно, частных и даже крестьянских земель на казенные с целью предоставить первые школам, вероятно, было бы не трудно даром обеспечить землю наши земледельческие гимназии. Так же хорошо обстоит дело»... на юго-востоке (231). Гм... «хорошо!» отправить их, значит, в Архангельскую губернию! — Правда, до сих пор она служила больше местом ссылки, и казенные леса там в громадном большинстве даже не «устроены», — но это ничего не значит. Как только отправят туда гимназистов с просвещенными преподавателями, они все эти леса вырубят, землю расчистят и насадят культуру!

А в центральной области можно устроить выкуп земли: не больше ведь миллионов 80-ти десятин. Выпустить «гарантированные облигации», а платежи по ним, само собою разумеется, разложить «на гимназии, получившие даровой надел» (232) — и дело в шляпе! Г-н Южаков уверяет, что нечего пугаться «грандиозности финансовой операции. Она не представляется химерою и утопией» (232). Это будет «в сущности отлично обеспеченная ипотека²¹». Чего уж не обеспеченная! Только еще раз: при чем же тут «утопия»? И неужели г. Южаков серьезно считает наших крестьян настолько уж забитыми и неразвитыми, чтобы получить от них согласие на подобный план? И выкупные платежи извольте платить за землю, и «платежи по займу для первоначального обзаведения»*, и содержать извольте всю гимназию, и жалованье платите всем преподавателям, а в довершение всего извольте-ка еще за все это (т. е. за то, что за плату наняли преподавателей?) отработать по три годика! Не слишком ли уж жирно будет, просвещенный г. «народник»? Подумали ли вы, перепечатывая в 1897 году свое творение, появившееся в журнале «Р. Богатство» в 1895 году, — куда заводит вас свойственная всем народникам любовь к разным финансовым операциям и выкупам? Вспомните, читатель, что было обещано всенародное образование «без всяких затрат со стороны государства, земства и народа». И наш генеральный финансист, действительно, ни рубля не требует ни от государства, ни от земства. А от «народа»? Или, точнее говоря, от *несостоятельных крестьян*? ** На их деньги и земля покупается, и гимназии заводятся (ибо они платят проценты и погашения по упо-

* Стр. 216. 10 000 р. с гимназии.

** Ибо состоятельные ведь исключаются. Г-н Южаков сам подозревает, что «из числа и сельскохозяйственных населений некоторый процент предпочтет отдавать своих детей в платные городские средние школы» (230). Еще бы не предпочесть!

требленным на это капиталом), они же и преподавателям платят и все гимназии содержат. И еще отработки. Да за что же? — За то, — отвечает неумолимый финансист, — что в младших классах гимназисты за свое образование и содержание не платили (204). Но, во-1-х, к нерабочим возрастам отнесены только «приготовительные и два первых гимназических класса» (206), а дальше уже идут полурабочие. А, во-2-х, ведь содержат этих детей их же старшие братья, они же и преподавателям платят за обучение младших. Нет, г. Южаков, не только теперь, но и в аракчеевские времена ²² подобный план был бы совершенно *неосуществим*, ибо это действительно «утопия» *кредитно-постническая*.

Что касается до управления гимназиями, то г. Южаков дает об этом очень мало сведений. Преподавательский персонал он, правда, с точностью перечислил и назначил всем им жалованье «сравнительно невысокое» (ибо готовая квартира, содержание детей, «половина расхода на одежду») — вы думаете, может быть, по 50 руб. в год? Нет, несколько побольше: «директору, директрисе и главному агроному по 2400, инспектору» и т. д. — по чину глядя, спускаясь по иерархической лестнице, до 200 рублей низшим служащим (214). Как видите, недурная карьера для тех представителей просвещенного общества, которые «предпочли» платную городскую школу земледельческой гимназии! Обратите внимание на эту «половину расхода на одежду», обеспеченную гг. преподавателям: по плану нашего народника они будут пользоваться мастерскими (как мы уже видели), т. е. отдавать «гимназистам» чинить и шить себе платье. Не правда ли, как заботлив г. Южаков... о гг. преподавателях? Впрочем, он и о «гимназистах» заботится, — так, как добрый хозяин заботится о скотине: ее надо накормить, напоить, поместить и... и случить. Не угодно ли:

«Если... будут разрешены браки между окончившими курс и оставшимися на три года при гимназии молодыми людьми.., то такое 3-летнее пребывание при гимназии будет далеко менее обременительно воинской повинности» (207). «Если будут разрешены браки»!! Значит, могут и не разрешить? Но ведь для этого нужен новый закон, почтенный г. прогрессист, закон, *ограничивающий* гражданские права *крестьян*. Можно ли, однако, удивляться подобной «обмолвке» (?) г-на Южакова, если он во всей своей «утопии», среди подробнейшего разбора вопросов о жалованье преподавателей, об отработках гимназистов и т. п., и не вспомнил ни разу, что не грех бы — в «утопии»-то по крайней мере — предоставить некоторые права по управлению «гимназией» и по ведению хозяйства самим «ученикам», которые ведь сами содержат все заведение и кончают ее 23—

25 лет, что ведь это не только «гимназисты», но и *граждане*. Об этой мелочи совсем забыл наш народник! Зато вот вопрос об «учениках» дурного поведения он разработал тщательно. «Четвертый тип (гимпазий) надо было бы создать для учащихся, удаляемых из обыкновенных гимназий за дурное поведение. Обязывая все молодое поколение пройти курс среднего образования, было бы нерационально освободить от него за дурное поведение. Для старших классов это могло бы явиться соблазном и поощрением к дурному поведению. (Ей-богу, так и напечатано на стр. 229!!) Учреждение особых гимназий для удаленных за дурное поведение явилось бы логическим дополнением всей системы». Они назывались бы «исправительные гимназии» (230).

Не правда ли, как бесподобна эта «просветительная утопия» в русском вкусе с исправительными гимназиями для тех злодеев, которые, пожалуй, «соблазнились» бы перспективой «освободиться»... от просвещения!?

VI

Читатели не забыли, быть может, один проект руководства промышленностью, справедливо охарактеризованный как возрождение меркантилизма ²³, как проект «буржуазно-бюрократически-социалистической организации отечественной промышленности» ²⁴ (стр. 238). Для характеристики «плана» г-на Южакова приходится употребить еще более сложный термин. Приходится назвать этот план *крепостнически-бюрократически-буржуазно-социалистическим* экспериментом. Довольно-таки неуклюжий 4-этажный термин, а что прикажете делать? И план-то ведь неуклюжий. Зато этот термин *точно* передает все характерные черты «утопии» г-на Южакова. Начнем разбор с 4-го этажа. «Один из основных признаков *научного* понятия социализма — планомерное регулирование общественного производства», — справедливо говорит цитированный сейчас автор *. В «утопии» есть этот признак, ибо хозяйство десятков миллионов рабочих организуется наперед по одному общему плану. Буржуазный характер утопии не подлежит сомнению: во-1-х, средняя школа по «плану» г-на Южакова *остается классовой школой*. И это после всех тех пышных фраз, которые извергал г. Южаков «против» классовой школы в своей первой статье!! Для состоятельных — одна школа, для несостоятельных — другая; есть деньги — плати за учение, а нет — так работай. Мало того: для состоятельных оставлен, как мы видели, «ны-

* «Новое Слово». Апрель 1897 г. Внутреннее обозрение.

нешний тип». В нынешних средних школах, напр., м-ва народного просвещения, плата за учение покрывает лишь 28,7% всей суммы расходов, 40,0% — дает казна; 21,8% — пособия от лиц, учреждений и обществ; 3,1% — проценты с капитала и 6,4% — прочие источники («Производительные силы», отд. XIX, с. 35). След., г. Южак *еще усилил против нынешнего* классовый характер средней школы: по его «плану» состоятельные люди будут оплачивать лишь 28,7% стоимости своего учения, а несостоятельные — *всю* стоимость своего учения да еще отработки в придачу! Недурно для «народнической» утопии? Во-2-х, в плане предположен наем гимназией зимних рабочих — особенно из безземельных крестьян. В-3-х, оставлена противоположность между городом и деревней — это основание общественного разделения труда. Раз г. Южак вводит плановую организацию общественного труда, раз он пишет «утопию» о соединении обучения с производительным трудом, — сохранение этой противоположности есть абсурд, показывающий, что наш автор понятия не имеет о том предмете, который берется рассматривать. Не только «учителя» теперешних учеников писали против этого абсурда, но и старые утописты, и даже наш русский великий утопист ²⁵. Г-ну Южакову до этого дела нет! В-4-х, — и это самое глубокое основание, чтобы назвать «утопию» буржуазной, — в ней оставлено *рядом* с попыткой плановой организации общественного производства и товарное производство. Гимназии производят продукты *на рынок*. Следовательно, общественным производством будут управлять законы рынка, которым должны будут подчиняться и «гимназии»! Г-ну Южакову до этого дела нет! И с чего вы взяли — скажет он, пожалуй, — что управлять производством будут какие-то законы рынка? Пустяки все это! Управлять производством будут не законы рынка, а распоряжения гг. директоров земледельческих гимназий. Voilà tout *. — О чисто бюрократическом устройстве утопических гимназий г-на Южакова мы уже говорили. «Просветительная Утопия», позволительно надеяться, сослужит полезную службу для читающей русской публики, показывая ей, насколько глубок «демократизм» современных народников. — Крепостнической чертой в «плане» г-на Южакова являются отработки несостоятельных за учение. Если бы проект подобного рода писал последовательный буржуа, то у него ни 1-го, ни 2-го этажа не было бы, и проект был бы неизмеримо выше и неизмеримо полезнее подобной народнической утопии. Отработки — хозяйственная сущность крепостного строя.

* — Вот и все. *Ред.*

В капиталистическом строе несостоятельный человек должен продать свою рабочую силу, чтобы купить средства к жизни. В крепостном строе несостоятельный должен отработать те средства к жизни, которые он получил от помещика. Отработки необходимо требуют принуждения к работе, неполноправности отработчика, того, что автор «Капитала» назвал «außerökonomischer Zwang»* (III, 2, 324)²⁶. Поэтому и в России, поскольку сохранились и сохраняются отработки — необходимым дополнением их является гражданская неполноправность крестьянина, прикрепление к земле, телесные наказания, право отдачи в работу. Г-н Южаков этой связи между отработками и неполноправностью не понимает, но чутье «практичного» человека подсказало ему, что при отработках гимназистов не мешает ввести исправительные гимназии для тех, кто дерзнул бы уклониться от просвещения; что великовозрастные «гимназисты»-рабочие должны остаться на положении мальчишек-учеников.

И спрашивается, зачем понадобились нашему утописту три первых этажа его творения? Оставил бы один четвертый этаж, — тогда никто не мог бы возразить ни единого слова, ибо человек сам же прямо и наперед сказал, что пишет «утопию»! Но вот тут-то его Kleinbürger'ская природа и выдала. С одной стороны, и «утопия» — хорошая вещь, а с другой стороны, и преподавательские гонорары для госпожи интеллигенции — тоже недурная вещь. С одной стороны — «без всяких затрат для народа», а с другой стороны — нет, ты, братец мой, процентики-то да погашение целиком уплати, да вот еще отработай три годика. С одной стороны — напыщенные декламации об опасности и вреде классового дробления, а с другой стороны — чисто классовая «утопия». В этих вечных колебаниях между старым и новым, в этих курьезных претензиях перепрыгнуть через собственную голову, т. е. стать выше всяких классов, и состоит сущность всякого Kleinbürger'ского мирозерцания...

*Полн. собр. соч., т. 2,
с. 473—496.*

VII

...В заключение вернемся еще раз к вопросам просвещения, — но не к книге г-на Южакова, носящей это заглавие. Было уже замечено, что заглавие это слишком широко, ибо вопросы просвещения вовсе

* — «внеэкономическое принуждение». *Ред.*

не покрываются вопросами школы, просвещение вовсе не ограничивается школой. Если бы г. Южаков действительно ставил «вопросы просвещения» принципиально и разбирая отношения между различными классами, то он не мог бы обойти вопроса о роли капиталистического развития России в вопросе просвещения трудящихся масс...

Написано в ссылке в конце 1897 г.

Там же, с. 500.

Впервые напечатано в 1898 г. в сборнике: Владимир Ильин, «Экономические этюды и статьи». СПб.

Из рецензии на книгу

А. Богданов. Краткий курс экономической науки.
Москва. 1897. Изд. кн. склада А. Муриновой.
Стр. 290. Ц. 2 р.

Книга г-на Богданова представляет замечательное явление в нашей экономической литературе; это не только «не лишнее» руководство в ряду других (как «надеется» автор в предисловии), но положительно лучшее из них. Мы намерены поэтому в настоящей заметке обратить внимание читателей на выдающиеся достоинства этого сочинения и отметить некоторые незначительные пункты, в которых могли бы быть сделаны, по нашему мнению, улучшения при следующих изданиях; следует думать, что при живом интересе читающей публики к экономическим вопросам следующие издания этой полезной книги не заставят себя долго ждать.

Главное достоинство «курса» г-на Богданова — полная выдержанность направления от первой до последней страницы книги, трактующей о весьма многих и весьма широких вопросах. Автор с самого начала дает ясное и точное определение политической экономии, как «науки, изучающей общественные отношения производства и распределения в их развитии» (3), и нигде не отступает от такого взгляда, нередко весьма плохо понимаемого учеными профессорами политической экономии, сбивающимися с «общественных отношений производства» на производство вообще и наполняющими свои толстые курсы грудой бессодержательных и не относящихся вовсе к общественной науке банальностей и примеров. Автор чужд той схоластики, которая побуждает часто составителей учебников изощряться в «дефинициях» и в разборе отдельных признаков каждой дефиниции, причем ясность изложения не только не теряет у него от этого, а прямо выигрывает, и читатель, напр., получит отчетливое представление о такой категории, как *капитал*, и в его общественном, и в его историческом значении. Воззрение на политическую экономию, как на науку о развивающихся исторически укладах общественного производства, положено в основу

порядка изложения этой науки в «курсе» г-на Богданова. Изложив в начале краткие «общие понятия» о науке (стр. 1—19), а в конце краткую «историю экономических воззрений» (стр. 235—290), автор излагает содержание пауки в отделе «В. Процесс экономического развития», излагает не догматически (как это принято в большинстве учебников), а в форме характеристики последовательных периодов экономического развития, именно: периода первобытного родового коммунизма, периода рабства, периода феодализма и цехов и, наконец, капитализма. Именно так и следует излагать политическую экономию. Возразят, пожалуй, что таким образом автору неизбежно приходится дробить один и тот же теоретический отдел (напр., о деньгах) между разными периодами и впадать в повторения. Но этот чисто формальный недостаток вполне искупается основными достоинствами исторического изложения. Да и недостаток ли это? Повторения получаются весьма незначительные, полезные для начинающего, потому что он тверже усваивает себе особенно важные положения. Отнесение, напр., различных функций денег к различным периодам экономического развития наглядно показывает учащемуся, что теоретический анализ этих функций основан не на абстрактной спекуляции, а на точном изучении того, что действительно происходило в историческом развитии человечества. Представление об отдельных, исторически определенных, укладах общественного хозяйства получается более цельное. А ведь вся задача руководства к политической экономии состоит в том, чтобы дать изучающему эту науку основные понятия о различных системах общественного хозяйства и о коренных чертах каждой системы; вся задача состоит в том, чтобы человек, усвоивший себе начальное руководство, имел в руках надежную путеводную нить для дальнейшего изучения этого предмета, чтобы он получил интерес к такому изучению, понял, что с вопросами экономической науки самым непосредственным образом связаны важнейшие вопросы современной общественной жизни. В девяносто девяти случаях из ста именно этого-то и недостает руководителям по политической экономии. Не столько еще в том их недостаток, что они ограничиваются обыкновенно одной системой общественного хозяйства (именно капитализмом), сколько в том, что они не умеют концентрировать внимание читателя на коренных чертах этой системы; не умеют отчетливо определить ее историческое значение, показать процесс (и условия) ее возникновения, с одной стороны, тенденции ее дальнейшего развития, с другой; не умеют представить отдельные стороны и отдельные явления современной хозяйственной жизни, как составные части определенной системы общественного хозяйства, как проявления коренных

черт этой системы; не умеют дать читателю надежного руководства, потому что не придерживаются обыкновенно со всей последовательностью одного направления; не умеют, наконец, заинтересовать учащегося, потому что крайне узко и бессвязно понимают значение экономических вопросов, размещая «в поэтическом беспорядке» «факторы» экономический, политический, моральный и т. д. Только *материалистическое понимание истории* вносит свет в этот хаос и открывает возможность широкого, связного и осмысленного взгляда на особый уклад общественного хозяйства, как на фундамент особого уклада всей общественной жизни человека.

Выдающееся достоинство «курса» г-на Богданова и состоит в том, что автор последовательно держится исторического материализма. Характеризуя определенный период экономического развития, он дает обыкновенно в «изложении» очерк политических порядков, семейных отношений, основных течений общественной мысли *в связи* с коренными чертами данного экономического строя. Выяснив, как данный экономический строй порождал определенное разделение общества на классы, автор показывает, как *эти классы* проявляли себя в политической, семейной, интеллектуальной жизни данного исторического периода, как интересы этих классов отражались в определенных экономических школах, как, напр., интересы восходящего развития капитализма выразила школа свободной конкуренции, а интересы того же класса в позднейший период — школа вульгарных экономистов (284), школа апологии. Совершенно справедливо указывает автор на связь с положением определенных классов исторической школы (284) и школы катедер-реформеров («реалистической» или «историко-этической»), которую должно признать «школой компромисса» (287) с ее бессодержательным и фальшивым представлением о «внеклассовом» происхождении и значении юридико-политических учреждений (288) и т. д. В связь с развитием капитализма ставит автор и учения Сисмонди и Прудона, основательно относя их к мелкобуржуазным экономистам, — показывая корни их идей в интересах особого класса капиталистического общества, занимающего «среднее, переходное место» (279), — признавая без обиняков реакционное значение подобных идей (280—281). Благодаря выдержанности своих воззрений и умению рассматривать отдельные стороны хозяйственной жизни в связи с основными чертами данного экономического строя, автор правильно оценил значение таких явлений, как участие рабочих в прибыли предприятия (одна из «форм заработной платы», которая «слишком редко может оказаться выгодной для предпринимателя» (стр. 132—133)), или производительные ассоциации, которые, «организуясь

среди капиталистических отношений», «в сущности только увеличивают мелкую буржуазию» (187).

Мы знаем, что именно эти черты «курса» г-на Богданова возбуждают не мало нареканий. Недовольны останутся, само собою разумеется, представители и сторонники «этико-социологической» школы в России²⁷. Недовольны будут те, кто полагает, что «вопрос об экономическом понимании истории есть вопрос чисто академический»*, и еще многие другие... Но и помимо этого, так сказать партийного, недовольства, будут указывать, вероятно, на то, что широкая постановка вопросов вызвала чрезвычайную конспективность изложения «краткого курса», рассказывающего на 290 страничках и о всех периодах экономического развития, начиная от родовой общины и дикарей и кончая капиталистическими картелями и трестами, и о политической и семейной жизни античного мира и средних веков, и об истории экономических воззрений. Изложение г. А. Богданова действительно в высшей степени сжато, как он указывает и сам в предисловии, называя прямо свою книгу «конспектом». Нет сомнения, что некоторые из конспективных замечаний автора, относящихся чаще всего к фактам исторического характера, а иногда и к более детальным вопросам теоретической экономики, будут непонятны для начинающего читателя, желающего ознакомиться с политической экономией. Нам кажется, однако, что за это нельзя винить автора. Скажем даже, не боясь обвинений в парадоксальности, что наличие подобных замечаний мы склонны считать скорее достоинством, а не недостатком разбираемой книги. В самом деле, если бы автор вздумал подробно излагать, разъяснять и обосновывать каждое такое замечание, его труд разросся бы до необъятных пределов, совершенно не соответствующих задачам краткого руководства. Да и немисливо изложить ни в каком курсе, хотя бы и самом толстом, все данные современной науки о всех периодах экономического развития и об истории экономических воззрений от Аристотеля до Вагнера. Если он выкинул бы все подобные замечания, тогда его книга положительно проиграла бы от сужения пределов и значения политической экономии. В настоящем же своем виде эти конспективные замечания принесут, думается нам, большую пользу и учащим, и учащимся по этому конспекту. О первых нечего и говорить. Вторые увидят из совокупности этих замечаний, что политическую экономию нельзя изучать так себе, *mir*

* Так думает журнальный обозреватель «Русской Мысли»²⁸ (1897 г., ноябрь, библиотечный отдел, стр. 517). Бывают же такие комички!

nichts dir nichts*, без всяких предварительных познаний, без ознакомления с весьма многими и весьма важными вопросами истории, статистики и пр. Учащиеся увидят, что с вопросами общественного хозяйства в его развитии и его влиянии на общественную жизнь нельзя ознакомиться по одному или даже по нескольким из тех учебников и курсов, которые отличаются часто удивительной «легкостью изложения», но зато и удивительной бессодержательностью, переливанием из пустого в порожнее; что с вопросами экономическими неразрывно связаны самые животрепещущие вопросы истории и современной действительности и что корни этих последних вопросов лежат в общественных отношениях производства. Такова именно главная задача всякого руководства: дать основные понятия по излагаемому предмету и указать, в каком направлении следует изучать его подробнее и почему важно такое изучение.

Обратимся теперь ко второй части наших замечаний, к указанию тех мест книги г. Богданова, которые требуют, по нашему мнению, исправления или дополнения. Надеемся, что почтенный автор не посетует на нас за мелкость и даже придирчивость этих замечаний: в конспекте отдельные фразы и даже отдельные слова имеют несравненно более важное значение, чем в обстоятельном и подробном изложении...

Полн. собр. соч., т. 4, с. 35—40.

...Наконец, как общий недостаток книги, мы должны отметить отсутствие примеров из русской жизни. По весьма многим вопросам (хотя бы, напр., об организации производства в средние века, о развитии машинного производства и рельсовых путей, о росте городского населения, о кризисах и синдикатах, об отличии мануфактуры от фабрики и т. д.) подобные примеры из нашей экономической литературы были очень важны, а то усвоение предмета сильно затрудняется для начинающего отсутствием знакомых ему примеров. Нам кажется, что пополнение указанных пробелов очень незначительно увеличило бы книгу и не затруднило бы ее широкого распространения, которое во всех отношениях является весьма желательным.

Написано между 7 и 14 (19 и 26) февраля 1898 г.

Там же, с. 43.

Напечатано в апреле 1898 г. в журнале «Мир Божий», № 4

* Как метко заметил Каутский в предисловии к своей известной книге «Marx's Oekonomische Lehren» («Экономическое учение К. Маркса». *Ред.*).

Из конспекта книги К. Каутского «Аграрный вопрос»²⁹

с) *Kinderschutz* *.

- 344[248—9]. Сельские хозяева изображают отношение к детям как патриархальные (!). Contra ** — факты, [даже опубликованные «Союзом социальной политики»³⁰ по ответам *хозяев!*!].
- 346[250].
- 346[250]. | «Все социалистическое движение есть более движение в пользу наших детей, чем нас самих».
- 347[251]. Обезлюдение деревни увеличивает спрос на детей.
- 348[251]. Данные *Agahd'*а и др. Работа детей с 6 лет и пр., на *свекловичных* плантациях и пр., детей-пастухов (особенно бессмысленная, притупляющая, развращающая).
- 353[254]. Еще хуже при *Gangsystem* ***.
— отзыва *R. Meyer'*а о работе детей на *свекловичных* или *картофельных* полях.
- 354[255]. Работа детей имеет важное воспитательное значение. Цитата *Bernstein* в *Neue Zeit* **** XVI, I. S. 37.
И утописты (Оуэн, Фурье) признавали необходимость производительной работы детей (даже с 6—4! лет).
- 354[255]. В современном обществе возможен лишь компромисс: запретить работу детей до *известного* возраста. К. Каутский *думает не > 14 лет* и обеспечивать ей > гигиенические условия.
- 355[256].

* — Охрана детей. *Ред.*

** — Против. *Ред.*

*** — бродячей системе. *Ред.*

**** — «Новом Времени». *Ред.*

355[256]. Требовать для взрослых — 8 часов работы; для детей (до 18 лет) — 4 часов.

d) *Die Schule* *.

356[256—7]. Социал-демократия стоит за современную школу, но отнюдь не преувеличивает ее (школы) значения. Воспитывает жизнь, а школа — лишь маленькая часть жизни. При конфликте школы и жизни — жизнь всегда побеждает.

357[257]. «Школа — лишь скудный суррогат живого наблюдения», а обыкновенное народное чтение скорее притупляет (*Schundromane* etc.**).

358[257—8]. Важно общественное воспитание и соединение с производительной работой.

359[259]. Следует запретить *Wanderarbeit* *** детей и работу до 14 лет.

360[259]. Часто родители заставляют детей надрываться за работой — именно этим, между прочим, по-

361[259]. лезна школа, ограничивая промышленную (и земледельческую) работу детей *да же в их семье*.

363[261]. «Если крестьянское хозяйство несовместимо с требованиями высшей культуры, создаваемой дельным школьным обучением, то это говорит против крестьянского хозяйства, а не против культуры».

Крестьянин поставлен перед дилеммой: чем он невежественнее, тем хуже его хозяйство; чем он развитее, тем скорее бросает он крестьянскую жизнь.

363—4[261]. Английский закон (*Agricultural Children Act* ****, 1874) ограничил земледельческую работу детей главным образом вследствие требования школьного обучения.

e) *Frauenarbeit* *****.

364[262]. Развитие земледелия в этом отношении отнюдь не похоже на развитие промышленности.

* — Школа. *Ред.*

** — (дрянные романы и т. д.). *Ред.*

*** — отхожие работы. *Ред.*

**** — Закон о применении детского труда в сельском хозяйстве. *Ред.*

***** — Женский труд. *Ред.*

Капитализм выгоняет женщину на поле, — по чем лучше положение сельских рабочих, тем сильнее *уменьшается* наемная работа женщин в земледелии.

365—6[263].

В *Англии* число женщин, работающих по найму в земледелии, *уменьшается*, тоже в Германии.

367[263].

К. Каутский требует запрещения *Wanderarbeit* женщин.

Написано в феврале — марте 1899 г.

*Ленинский сборник XIX,
с. 72—74.*

Из книги «Развитие капитализма в России»

Процесс образования внутреннего рынка
для крупной промышленности»³¹

...Машины ведут к концентрации производства и к применению капиталистической кооперации в земледелии. Введение машин, с одной стороны, требует значительных размеров капитала и потому доступно только крупным хозяевам; с другой стороны, машина окупается только при громадном количестве обрабатываемого продукта; расширение производства становится необходимостью при введении машин. Распространение жатвенных машин, паровых молотилок и пр. указывает поэтому на концентрацию земледельческого производства, — и мы действительно увидим ниже, что тот район русского земледелия, который особенно развил употребление машин (Новороссия), отличается также весьма значительными размерами хозяйств. Заметим только, что было бы ошибочно представлять себе концентрацию земледелия в одной только форме экстенсивного расширения посевов (как это делает г. Н. — он³²); на самом деле концентрация земледельческого производства проявляется в самых разнообразных формах, смотря по формам торгового земледелия (см. об этом следующую главу³³). Концентрация производства неразрывно связана с широкой кооперацией рабочих в хозяйстве. Мы видели выше пример крупной экономии, которая для уборки своего хлеба пускает в дело сотни жатвенных машин одновременно. «Конная молотилка, на 4—8 лошадей, требует от 14 до 23 и более рабочих, из которых половину составляют женщины и мальчики-подростки, т. е. полурабочие... Паровые молотилки на 8—10 сил, существующие во всех крупных хозяйствах» (Херсонской губ.), «требуют одновременно рабочих от 50 до 70 человек, из которых большую половину составляют полурабочие, девушки и мальчики в возрасте от 12 до 17 лет» (Тезяков, I. с., 93³⁴). «Крупные хозяйства, где одновременно собирается по 500—1000 рабочих, могут смело быть приравнены к промышленным заведениям», — справедливо за-

мечает тот же автор (стр. 151) *. Таким образом, пока наши народники толковали о том, что «община» «могла бы легко» ввести кооперацию в земледелие, — жизнь шла своим чередом, и капитализм, разложив общину на противоположные по своим интересам экономические группы, создал крупные хозяйства, основанные на широкой кооперации наемных рабочих...

Полн. собр. соч., т. 3,
с. 225—227.

...Другим следствием употребления машин является усиленное применение женского и детского труда. Сложившееся капиталистическое земледелие создало вообще известную иерархию рабочих, очень напоминающую иерархию фабричных рабочих. Так, в южно-русских экономиях различаются: а) *полные рабочие* — взрослые мужчины, способные ко всем работам; б) *полурабочие*, женщины и мужчины до 20 лет; полурабочие делятся на две категории: аа) от 12, 13 до 15, 16 лет — полурабочие в тесном смысле и бб) *полурабочие большой силы*; «на экономическом языке «три четверти» рабочего» **, — от 16 до 20 лет, способные исполнять все работы полного рабочего, за исключением косьбы. Наконец, в) полурабочие *малой помощи*, дети не моложе 8 и не старше 14 лет; они исполняют обязанности свинаярей, телятников, полольщиков и погоничей у плугов. Служат они нередко из-за одних харчей и одежды. Введение земледельческих орудий «обесценивает труд полного рабочего» и дает возможность заменять его более дешевым трудом женщин и подростков. Статистические данные о пришлых рабочих подтверждают вытеснение мужского труда женским: в 1890 г. в местечке Каховке и городе Херсоне было зарегистрировано 12,7% женщин в числе рабочих; в 1894 г. во всей губернии — 18,2% (10 239 из 56 464); в 1895 г. — 25,6% (13 474 из 48 753). Детей в 1893 г. — 0,7% (от 10 до 14 лет), в 1895 — 1,69% (от 7 до 14 лет). Среди местных экономических рабочих Елисаветградского уезда Херсонской губ. дети составляют 10,6% (ibid.***).

Машины увеличивают интенсивность труда рабочих. Например, наиболее распространенный вид жатвенных машин (с ручным сбрасыванием) получил характерное название «лобогреек» или «чубогреек», так как работа на ней требует от рабочего чрезвычайного

* Ср. также следующую главу, § 2, где приведены более подробные данные о размерах капиталистических земледельческих хозяйств в этом районе России³⁵.

** Тезяков, I, с. 72.

*** Ibidem — там же. *Ред.*

напряжения: рабочий заменяет собой сбрасывающий аппарат (ср. «Произв. силы», I, 52³⁶). Точно так же увеличивается напряженность работы и при молотилках. Капиталистически употребляемая машина создает и здесь (как и везде) громадный импульс к удлинению рабочего дня. Появляется и в земледелии невиданная раньше работа ночью. «В годы урожайные... работы в некоторых экономиях и во многих крестьянских хозяйствах производятся даже и по ночам» (Тезяков, I, с., 126), при искусственном освещении — факелами (92). Наконец, систематическое употребление машин ведет за собой травматизм сельскохозяйственных рабочих; работа девушек и детей при машинах ведет, естественно, к особенному обилию повреждений. Земские больницы и лечебницы Херсонской, например, губернии наполняются во время сезона сельскохозяйственных работ «почти исключительно травматическими больными», являясь «своего рода полевыми лазаретами для постоянно выбывающих из строя огромной армии сельскохозяйственных рабочих жертв беспощадной разрушительной деятельности сельскохозяйственных машин и орудий» (ibid., 126). Создается уже специальная медицинская литература о повреждениях, причиненных сельскохозяйственными машинами. Являются предложения об издании обязательных постановлений относительно употребления сельскохозяйственных машин (ibid.). Крупная машинная индустрия и в земледелии, как и в промышленности, с железной силой выдвигает требования общественного контроля и регулирования производства. О попытках подобного контроля мы еще скажем ниже.

Отметим в заключение крайне непоследовательное отношение народников к вопросу об употреблении машин в сельском хозяйстве. Признавать пользу и прогрессивность употребления машин, защищать все меры, развивающие и облегчающие его, — и в то же время игнорировать, что машины в русском земледелии употребляются капиталистически, это значит спускаться до точки зрения мелких и крупных аграриев. А наши народники именно игнорируют капиталистический характер употребления сельскохозяйственных машин и улучшенных орудий, не пытаясь даже анализировать, какого типа крестьянские и помещичьи хозяйства вводят машины...

Там же, с. 229—231.

...Прогресс крупного капиталистического земледелия связан с весьма значительным увеличением спроса на сельскохозяйственных наемных рабочих, батраков и особенно поденщиков, причем женский и детский труд применяется особенно широко (ср. «Ист.-стат. обзор», II, 32³⁷). У крестьян окрестных губерний создался особый вид

отхода — отход «в сахар» (ibid., 42). Считают, что полная обработка морга (= $\frac{2}{3}$ дес.) свекловицы требует 40 рабочих дней («Вольнонаемный труд», 72³⁸). «Свод материалов о положении сельского населения» (изд. ком-та м-ров)³⁹ считает, что обработка 1 десятины под свеклой требует при машинной обработке 12, при ручной — 25 мужских рабочих дней, не считая женщин и подростков (стр. X—XI). Таким образом, обработка всех свекловичных посевов в России должна занимать, вероятно, не менее 300 тыс. сельских поденщиков и поденщиц. Но по увеличению числа десятин под свекловицей пельзя еще составить полного представления о спросе на наемный труд, так как некоторые работы оплачиваются с берковца⁴⁰ свекловицы. Вот что читаем мы, напр., в «Отчетах и исследованиях по кустарной промышленности в России» (изд. м-ва гос. имуществ, т. II, СПб. 1894, стр. 82).

«Женское население как города, так и уезда» (речь идет о городе Кролевце Черниговской губернии) «дорожит работой на свекловичных полях; осенью за чистку свекловицы платят по 10 коп. с берковца, две женщины очищают от шести до десяти берковцев в день, но некоторые договариваются на уход во время произрастания: полоть и окучиванье; тогда за полный уход с выкопкою и очисткою получают по 25 коп. с берковца очищенной свекловицы». Положение рабочих на свекловичных плантациях — самое тяжелое. Напр., в «Врачебной хронике Харьковской губернии» (1899, сент., цит. по «Рус. Вед.»⁴¹, 1899, № 254) приведен «ряд более чем печальных фактов о положении *работающих на бурачных плантациях*. Так, земский врач Подольский из слободы Котельвы, Ахтырского уезда, пишет: «Осенью начало *развития тифа* обыкновенно замечается у *молодежи, работающей на бурачных плантациях зажиточных крестьян*. Сарай, назначенные для отдыха и ночлега рабочих, содержатся у подобных плантаторов весьма грязно, солома, на которой спят, к концу работы превращается буквально в навоз, так как никогда не меняется: здесь-то и развивается очаг заразы. Приходилось сразу констатировать 4—5 больных тифом, привезенных из одной и той же плантации». По мнению этого же врача, «главный контингент сифилитиков является с бураков». Совершенно основательно г. Фейнберг замечает, что, «не уступая по своим вредным влияниям как на самих рабочих, так и на окрестное население работе на фабриках, работа на плантациях особенно губительна тем, что ею заняты массы женщин и подростков и что рабочие здесь лишены самой элементарной защиты общества и государства»; ввиду сказанного автор всецело присоединяется ко мнению доктора Романенко, выраженному на VII съезде врачей Харьковской губ., что «при издании *обязатель-*

ных постановлений следует также *озаботиться о положении рабочих на свекловичных плантациях*. Рабочие эти лишены самого необходимого, живут по месяцам под открытым небом, питаются из общего котла».

Таким образом, рост производства свеклы в громадных размерах повышал спрос на сельских рабочих, превращая окрестное крестьянство в сельский пролетариат. Увеличение числа сельских рабочих лишь в незначительной степени ослаблялось небольшим уменьшением числа рабочих, занятых собственно свеклосахарным производством *...

Там же, с. 289—291.

...Общей чертой всех рассмотренных нами промыслов является сохранение ручного производства и систематическое, широко проведенное разделение труда. Процесс производства распадается на несколько детальных операций, исполняемых различными специализирующимися мастерами. Подготовка таких специалистов требует довольно продолжительного обучения, и потому естественным спутником мануфактуры является *ученичество*. Известно, что в общей обстановке товарного хозяйства и капитализма это явление ведет к самым худшим видам личной зависимости и эксплуатации **. Исчезновение ученичества связано с более высоким развитием мануфактуры и с образованием крупной машинной индустрии, когда машины уменьшают до *minimum*'а период обучения или когда выделяются столь простые детальные операции, что они доступны и детям (см. выше пример Загарья) ⁴¹...

Там же, с. 427.

* В Евр. России в 1867 г. было занято 80 919 рабочих на свеклосахарных и рафинадных заводах («Ежег. м-ва фип.», I. «Военно-стат. сборник» и здесь преувеличил это число до 92 тыс., сосчитав, вероятно, одних и тех же рабочих дважды). В 1890 г. соответствующее число — 77 875 рабочих («Указатель» Орлова ⁴²).

** Ограничимся одним примером. В слободке Борисовке Грайворонского уезда Курской губ. существует иконописный промысел, занимающий ок. 500 человек. Мастера обходятся большей частью без наемных рабочих, но держат учеников, работающих по 14—15 час. в сутки. Предположение об устройстве рисовальной школы мастера эти встретили враждебно, опасаясь лишиться даровой рабочей силы в лице учеников («Отч. и иссл.», I, 333) ⁴³. При работе на дому положение детей в капиталистической мануфактуре несколько не лучше положения учеников, ибо домашний рабочий вынужден до *pes plus ultra* (до крайних пределов. *Ред.*) удлинить рабочий день и напрягать все силы семьи.

...Наиболее типичным для русской капиталистической мануфактуры является неземледельческий центр, притягивающий к себе население из окрестных деревень, — жители которых полужемледельцы, полупромышленники, — и главенствующий над этими деревнями.

Особенно замечателен при этом факт более высокого культурного уровня населения в таких пеземледельческих центрах. Более высокая грамотность, значительно более высокий уровень потребностей и жизни, резкое отделение себя от «серой» «деревни-матушки» — таковы обычные отличительные черты жителей в подобных центрах *. Понятно, какое громадное значение имеет этот факт, наглядно свидетельствующий о прогрессивной исторической роли капитализма и притом чисто «народного» капитализма, об «искусственности» которого вряд ли бы решился говорить и самый ярый народник, ибо громадное большинство характеризуемых центров относится обыкновенно к «кустарной» промышленности! Переходный характер мануфактуры сказывается и здесь, так как преобразование духовного облика населения она только начинает, заканчивает же его лишь крупная машинная индустрия...

Там же, с. 433—434.

...Капиталистическая работа на дому, — т. е. домашняя переработка за сдельную плату материала, полученного от предпринимателя, — встречается, как было указано в предыдущей главе ⁴⁷,

* Важность этого факта заставляет нас дополнить приведенные в § II данные еще нижеследующими. Слобода Бутурлиновка Бобровского уезда Воронежской губ. — один из центров кожевенного производства. Дворов 3681, из них 2383 не занимаются земледелием. Жителей более 21 тыс. чел. Дворов с грамотными 53% против 38% по уезду (земско-стат. сборник по Бобровскому уезду). Слобода Покровская и село Балаково Самарской губ. имеют каждое свыше 15 тыс. жит., из которых особенно много сторонних. Бесхозных 50% и 42%. Грамотность выше среднего. Статистика отмечает, что торгово-промышленные селения вообще отличаются большей грамотностью и «массовым появлением бесхозных дворов» (земско-стат. сборники по Новоузенскому и Николаевскому уездам). — О более высоком культурном уровне «кустарей» ср. еще «Труды куст. ком.», III, с. 42; VII, с. 914; Смирнов, I с., с. 59; Григорьев, I с., с. 106 и сл.; Ашненский, I с., с. 61; «Нижегородский сборник», т. II, с. 223—239 ⁴⁵; «Отч. и иссл.», II, с. 243; III, 151. Затем «Пром. Влад. губ.», III, с. 109 ⁴⁶ — живая задача того разговора, который вел исследователь, г. Харизоменов, со своим возницей — ткачом шелка. Ткач этот жестоко и резко нападал на «серую» жизнь крестьян, на низкий уровень их потребностей, на их развратность и пр. и закончил восклицанием: «Эх, господи, подумаешь, из-за чего только люди живут!» Давно уже замечено, что русский крестьянин всего более беден сознанием своей бедности. О мастеровом капиталистической мануфактуры (не говоря уже о фабрике) приходится сказать, что в этом отношении он — человек сравнительно очень богатый.

и в мелких крестьянских промыслах. Ниже мы увидим, что она встречается (и в широких размерах) также наряду с фабрикой, т. е. крупной машинной индустрией. Таким образом, капиталистическая работа на дому встречается на всех стадиях развития капитализма в промышленности, но наиболее характерна она именно для мануфактуры. И мелкие крестьянские промыслы, и крупная машинная индустрия очень легко обходятся без работы на дому. Мануфактурный же период развития капитализма, — со свойственным ему сохранением связи работника с землей, с обилием мелких заведений вокруг крупных — трудно, почти невозможно себе представить без раздачи работы по домам *. И русские данные, действительно, свидетельствуют, как мы видели, о том, что в промыслах, организованных по типу капиталистической мануфактуры, раздача работы на дома практикуется в особенно широких размерах. Вот почему мы считаем наиболее правильным именно в этой главе рассмотреть характерные особенности капиталистической работы на дому, хотя некоторые из приводимых ниже примеров и не могут быть приурочены специально к мануфактуре.

Укажем прежде всего на обилие посредников между капиталистом и работником при домашней работе. Крупный предприниматель не может сам раздавать материал сотням и тысячам рабочих, разбросанных иногда в разных селениях; необходимо появление посредников (в некоторых случаях даже иерархии посредников), которые берут материал оптом и раздают по мелочам. Получается настоящая sweating system, система вышибания пота, система наиболее напряженной эксплуатации: близко стоящий к работнику «мастерок» (или «светелочник» или «торговка» в кружевном промысле и пр. и пр.) умеет пользоваться даже особенными случаями нужды последнего и изыскивает такие приемы эксплуатации, которые были бы немислимы в крупном заведении, которые абсолютно устраняют возможность какого-либо контроля и надзора **.

Наряду с sweating system и, пожалуй, как одну из форм ее,

* И в Западной Европе, как известно, мануфактурный период капитализма отличался широким развитием работы на дому, напр., в ткацких промыслах. Интересно отметить, что, описывая, как классический пример мануфактуры, часовое производство, Маркс указывает, что диферблат, пружинка и ящик часов редко изготавливаются в самой мануфактуре, что вообще детальный рабочий нередко работает на дому («Das Kapital», 1, 2-te Aufl., S. 353—354) ⁴⁸.

** Поэтому, между прочим, фабрика и ведет борьбу против подобных посредников, напр., против «штучников» — рабочих, от себя нанимающих подручных рабочих. Ср. Кобеляцкий. «Справочная книга для фабрикантов и пр.». СПб. 1897, стр. 24 ⁴⁹ и следующие. Фактам, свидетельствующими

следует поставить truck-system⁵⁰, расплату припасами, которая преследуется на фабриках и продолжает царить в кустарных промыслах, особенно при раздаче работы на дома. Выше, при описании отдельных промыслов, приведены были примеры этого распространенного явления.

Далее, капиталистическая работа на дому неизбежно связана с чрезвычайно антигигиенической обстановкой работы. Полная нищета работника, полная невозможность регулировать какими-либо правилами условия работы, соединение жилого и рабочего помещения, — таковы те условия, которые превращают квартиры занятых на дому рабочих в очаги санитарных безобразий и профессиональных болезней. В крупных заведениях возможна еще борьба против аналогичных явлений, домашняя же работа является в этом отношении наиболее «либеральным» видом капиталистической эксплуатации.

Непомерная длина рабочего дня — также одно из необходимых свойств домашней работы на капиталиста и мелких промыслов вообще. Выше были уже приведены некоторые примеры сравнительной длины рабочего дня на «фабриках» и у «кустарей».

Привлечение к производству женщин и детей с самого раннего возраста наблюдается почти всегда при домашней работе. Для иллюстрации приводим некоторые данные из описания женских промыслов в Московской губ. Размоткой бумаги занято 10 004 женщины; дети начинают работать с 5—6 лет (!), дневной заработок — 10 коп., годовой — 17 руб. Рабочий день в женских промыслах вообще доходит до 18 часов. В вязальном промысле начинают работать с 6 лет, дневной заработок — 10 коп., годовой — 22 руб. Итоги женских промыслов: работниц 37 514; начинают работать с 5—6 лет (в 6 промыслах из 19, причем эти 6 промыслов дают 32 400 работниц); средний дневной заработок — 13 коп., годовой — 26 р. 20 к.*

Одна из наиболее вредных сторон капиталистической работы на дому состоит в том, что она ведет к понижению уровня потребностей работника. Предприниматель получает возможность выбирать себе рабочих в таких захолустьях, где жизненный уровень населения

о безмерной эксплуатации кустарей посредниками при раздаче работы на дома, кишит вся литература о кустарных промыслах. Укажем для примера на общий отзыв Корсака, I с., с. 258, на описания «кустарного» ткачества (цит. выше⁵¹), на описания женских промыслов в Моск. губ. («Сборник стат. свед. по Моск. губ.», т. VI и VII⁵²) п мн. др.

* Г-жа Горбунова, описавшая женские промыслы, ошибочно считает 18 коп. п 37 р. 77 к., оперируя только с средними данными о каждом промысле п не принимая во внимание различного числа работниц в разных промыслах⁵³.

стоит особенно низко и где связь с землей позволяет работать за бесценок. Напр., хозяин деревенского чулочного заведения объясняет, что в Москве дороги квартиры, да мастериц «нужно кормить белым хлебом... А у нас работают в своей же избе, едят черный хлеб... Ну, как же Москве с нами тягаться?» *. В промысле размотки бумаги чрезвычайная дешевизна заработной платы объясняется тем, что для крестьянских жен, дочерей и т. д. это лишь подсобный заработок. «Таким образом, существующая система этого производства для лиц, живущих исключительно заработком от него, понижает заработную плату до невозможного, заставляет ее для лиц, живущих исключительно фабричным трудом, спускаться ниже *minimum'a* потребностей, или же задерживает поднятие уровня последних. И то, и другое создает крайне ненормальные условия» **. «Фабрика ищет, дешевого ткача, — говорит г. Харизоменов, — и такого она находит в его родной деревне, вдали от центров промышленности к периферии — факт, не подлежащий сомнению» ***. Предприниматели, следовательно, прекрасно умеют пользоваться теми условиями, которые искусственно задерживают население в деревнях.

Раздробленность рабочих на дому — не менее вредная сторона этой системы. Вот рельефная характеристика этой стороны дела, исходящая от самих скупщиков: «Операции тех и других» (мелких и крупных скупщиков гвоздей у тверских кузнецов) «построены на одних началах — при заборе гвоздей расплачиваться частью деньгами, частью железом и всегда иметь кузнецов *для большей сговорчивости* у себя на дому» ****. В этих словах заключается нехитрая разгадка «жизненности» нашей «кустарной» промышленности!

Раздробленность рабочих на дому и обилие посредников естественно ведет к процветанию кабалы, ко всяким формам личной зависимости, сопровождающим обыкновенно «патриархальные» отношения в деревенских захолустьях. Долги рабочих хозяевам — самое распространенное явление в «кустарных» промыслах вообще, и при домашней работе в частности *****. Работник обыкновенно не только

* «Сборник стат. свед. по Моск. губ.», т. VII, вып. II, с. 104.

** Ibidem, с. 285.

*** «Пром. Влад. губ.», III, 63. Ср. *ibidem*, 250.

**** «Отч. и иссл.», I, 218. Ср. *ibid.*, 280: показание фабриканта Иродова, что для него выгоднее раздавать работу ручным ткачам на дома.

***** Примеры задолженности рабочих хозяевам в шеточном промысле Московской губ. («Сборник стат. свед. по Моск. губ.», т. VI, в. I, с. 32), в гребенном (*ibid.*, 261), в грушечном (VI, в. II, 44), в камушном и т. д. и т. д. В шелковом промысле ткач кругом в долгу перед фабрикантом, который платит за него подати и вообще «берет ткача в аренду, как арендуют землю» и пр. («Пром. Влад. губ.», III, 51—55).

Lohnsklave *, но и Schuldklave **. Выше были указаны некоторые примеры того положения, в которое ставит рабочего «патриархальность» деревенских отношений ***...

Там же, с. 441—445.

... «Неустойчивость» крупной машинной индустрии всегда вызвала и вызывает реакционные жалобы людей, которые продолжают смотреть на вещи глазами мелкого производителя и забывают, что только эта «неустойчивость» и заменила прежний застой быстрым преобразованием способов производства и всех общественных отношений.

Одним из проявлений этого преобразования служит отделение промышленности от земледелия, освобождение общественных отношений в промышленности от тех традиций крепостного и патриархального строя, которые тяготеют над сельским хозяйством. В мелком товарном производстве промышленник еще совершенно не вылупился из крестьянина; он остается в большинстве случаев земледельцем, и эта связь мелкой промышленности и мелкого земледелия настолько глубока, что мы наблюдаем интересный закон параллельного разложения мелких производителей в промышленности и в земледелии. Выделение мелкой буржуазии и наемных рабочих идет рука об руку в обеих областях народного хозяйства, подготавливая тем самым, на обоих полюсах разложения, разрыв промышленника с земледелием. В мануфактуре этот разрыв уже очень значителен. Образуется целый ряд промышленных центров, не занимающихся земледелием. Главным представителем промышленности становится уже не крестьянин, а купец и мануфактурист, с одной стороны, «мастеровой», с другой стороны. Промышленность и сравнительно развитые торговые сношения с остальным миром поднимают жизненный уровень населения и его культурность; на крестьянина-земледельца работник мануфактуры смотрит уже сверху вниз. Крупная машинная индустрия доканчивает это преобразование, отделяет окончательно промышленность от земледелия, создает, как мы видели, особый класс населения, совершенно чуждый старому крестьянству, отличающийся от него другим строем жизни, другим строем семейных отношений, высшим уровнем по-

* — наемный раб. *Ред.*

** — долговой раб. *Ред.*

*** — «Конечно, — читаем мы о кузнецах Нижегородской губ., — и здесь хозяин эксплуатирует труд рабочего, но в меньших размерах (?), и притом делается это как-то патриархально, с общего согласия (!), без всяких недоразумений» («Труды куст. ком.», IV, 199) ⁵⁴.

требностей, как матерпальных, так и духовных *. В мелких промыслах и в мануфактуре мы видим всегда остатки патриархальных отношений и разнообразных форм личной зависимости, которые, в общей обстановке капиталистического хозяйства, чрезвычайно ухудшают положение трудящихся, унижают и развращают их. Крупная машинная индустрия, концентрируя вместе массы рабочих, сходящихся нередко из разных концов страны, абсолютно уже не мирится с остатками патриархальности и личной зависимости, отличаясь поистине «пренебрежительным отношением к прошлому». И именно этот разрыв с устарелыми традициями был одним из существенных условий, создавших возможность и вызвавших необходимость регулирования производства и общественного контроля за ним. В частности, говоря о преобразовании фабрики условий жизни населения, необходимо заметить, что привлечение к производству женщин и подростков ** есть явление в основе своей прогрессивное. Бесспорно, что капиталистическая фабрика ставит эти разряды рабочего населения в особенно тяжелое положение, что по отношению к ним особенно необходимо сокращение и регулирование рабочего дня, обеспечение гигиенических условий работы и пр., но стремления совершенно запретить промышленную работу женщин и подростков или поддержать тот патриархальный строй жизни, который исключал такую работу, были бы реакционными и утопичными. Разрушая патриархальную замкнутость этих разрядов населения, которые прежде не выходили из узкого круга домашних, семейных отношений, привлекая их к непосредственному участию в общественном производстве, крупная машинная индустрия толкает вперед их развитие, повышает их самостоятельность, т. е. создает такие условия жизни, которые стоят несравненно выше патриархальной неподвижности докапиталистических отношений ***...

Там же, с. 546—548.

* О типе «фабричного» ср. выше, гл. VI, § II, 5, стр. 317 (Полн. собр. соч., т. 3, с. 404—405. *Ред.*). — Также «Сборник стат. свед. по Моск. губ.», т. VII, в. III, М. 1883, стр. 58 (фабричный — резонер, «умник»). — «Нижег. сборник», I, с. 42—43; т. IV, с. 335⁵⁵. — «Пром. Влад. губ.», III, 113—114 и др. — «Нов. Слово», 1897 г., октябрь, стр. 63. — Ср. также вышеупомянутые сочинения г. Жбанкова, характеризующие рабочих, уходящих на торгово-промышленные занятия в города ⁵⁶.

** По данным «Указателя» ⁵⁷ на фабриках и заводах Европейской России было занято в 1890 г. всего 875 764 рабочих, из них 210 207 (24%) женщины, 17 793 (2%) мальчиков и 8216 (1%) девочек.

*** «Бедная женщина-ткачиха идет на фабрику за отцом и мужем, работает наряду с ними и независимо от них. Она такой же кормилец семьи, как и мужчина». «На фабрике... женщина является совершенно самостоятельным производителем помимо своего мужа». Грамотность фабричных работ-

...Подобно отвлечению населения от земледелия в города; неземледельческий отход представляет из себя явление прогрессивное. Он вырывает население из заброшенных, отсталых, забытых историей захолустий и втягивает его в водоворот современной общественной жизни. Он повышает грамотность населения * и сознательность его **, прививает ему культурные привычки и потребности ***.

ниц возрастает особенно быстро («Пром. Влад. губ.», III, 113, 118, 112 и др.). Вполне справедлив следующий вывод г. Харизоменова: промышленность уничтожает «хозяйственную зависимость женщины от семьи... и от хозяина... На чужой фабрике женщина сравнивается с мужчиной; это — равенство пролетария... Капитализация промышленности играет видную роль в борьбе женщины за ее самостоятельность в семье». «Промышленность создает для женщины новое и совершенно независимое от семьи и мужа положение» («Юрид. Вестн.», 1883 г., № 12, стр. 582, 596). В «Сборнике стат. свед. по Моск. губ.» (т. VII, в. II, М. 1882 г., стр. 152, 138—139) исследователи сравнивают положение работницы в ручном и машинном производстве чулок. Заработок в день при ручном производстве — ок. 8 копеек, при машинном — 14—30 коп. В машинном производстве положение работницы описывается так: «...Перед нами уже девушка свободная, не стесненная никакими преградами, эмансипировавшаяся от семьи и от всего, что составляет условия существования женщины-крестьянки, девушка, которая в каждую данную минуту может переключиваться с места на место, от хозяина к хозяину, и может в каждую данную минуту оказаться без работы, без куска хлеба... При ручном производстве вязая имеет самый скудный заработок, заработок, не хвативший бы на покрытие расходов на харчи, заработок, возможный только при условии, что она, как член хозяйской семьи, имеющей надел, пользуется отчасти продуктами этой земли; при машинном производстве мастерица, кроме харчей и чая, имеет заработок, позволяющий ей жить вне семьи, и не пользоваться уже доходом семьи от земли. В то же время заработок мастерицы при машинном производстве, при существующих условиях, более обеспечен».

* Жбанков: «Влияние отхожих заработков и т. д.», с. 36 и сл. Процент грамотных мужчин в отхожих уездах Костр. губ. = 55,9%; в фабричных = 34,9%; в оседлых (лесных) = 25,8%; женщин: 3,5% — 2,0% — 1,3%; учащих: 1,44% — 1,43% — 1,07%. В отхожих уездах дети учатся также и в С.-Петербурге.

** «Грамотные питецки положительно лучше и сознательнее лечатся» (ibid., 34), так что заразные болезни действуют среди них не так губительно, как в волостях «малокультурных» (курсив автора).

*** «Отхожие уезды значительно превосходят земледельческие и лесные местности по благоустройству своей жизни... Одежда питецких гораздо чище, щеголеватее и гигиеничнее... Ребята содержатся чище, почему у них реже встречается чесотка и другие кожные болезни» (ibid., 39. Ср. «Отхожие пром. в Смол. губ.», с. 8⁸⁸). «Отхожие деревни резко различаются от оседлых: жилищами, одеждой, все привычки, увеселения скорее напоминают мещанскую, чем крестьянскую жизнь» («Отхожие пром. в Смол. губ.», с. 3). В отхожих волостях Костромской губ. «в половине домов вы найдете бумагу, чернила, карандаши и перья» («Бабыя сторона», 67—68).

Крестьян влекут в отход «мотивы высшего порядка», т. е. большая внешняя развитость и вылощенность питерщика; они ищут «где лучше». «Питерская работа и жизнь считаются легче деревенской» *. «Все деревенские жители называются *серыми* и, что странно, несколько не обижаются на это название, и сами называют себя такими, сетуя на родителей, не отдавших их учиться в С.-Петербург. Впрочем, нужно оговориться, что и эти *серые* жители деревни далеко не так серы, как в чисто земледельческих местностях: они невольно перенимают внешность и привычки от питерщиков, столичный свет косвенно проливается и на них» **. В Ярославской губернии (кроме примеров обогащения) «еще другая причина гонит всякого из его дома. Это — общественное мнение, которое человеку, не жившему в Петербурге или где-нибудь, а занимающемуся земледелием или каким-нибудь ремеслом, присваивает на всю его жизнь название пастуха, и такому человеку трудно найти себе невесту» («Обзор Яросл. губ.», II, 118) ⁵⁹. Отход в города повышает гражданскую личность крестьянина, освобождая его от той бездны патриархальных и личных отношений зависимости и сословности, которые так сильны в деревнях ***... «Первостепенным фактором, поддерживающим существование отхода, является рост самосознания личности в народной среде. Освобождение от крепостной зависимости, давнишнее уже общение наиболее энергичной части сельского населения с жизнью городской давно пробудили в ярославском крестьянстве желание отстоять свое «я», выбиться из бедственного и зависимого положения, на которое его обрекали условия деревенской жизни, к достаточному, независимому и почетному... Крестьянин, живя на заработках на стороне, чувствует себя свободнее, а также равноправнее с лицами прочих сословий, и потому сельская молодежь все сильнее и сильнее стремится в город» («Обзор Яросл. губ.», II, 189—190).

Отход в города ослабляет старую патриархальную семью, ставит женщину в более самостоятельное положение, равноправное с мужчиной. «Сравнительно с оседлыми местностями, солигаличская и чухломская семья» (самые отхожие уезды Костр. губ.) «гораздо менее крепка не только в смысле патриархальной власти старшего, но даже и в отношениях между родителями и детьми, мужем и женою.

* «Бабыя сторона», 26—27, 15.

** Ibid., с. 27.

*** Напр., костромских крестьян побуждает переписываться в мещане, между прочим, «возможное телесное наказание, которое для расфранченного питерщика еще ужаснее, чем для серого обитателя» (ibid., 58).

От сыновей, отправляемых в Питер с 12 лет, конечно, нельзя ожидать сильной любви к родителям и привязанности к родительскому крову; они становятся невольны космополитами: «где хорошо, там и отечество» *. «Привыкшая обходиться без мужской власти и помощи, солигаличанка вовсе не похожа на забитую крестьянку земледельческой полосы: она независима, самостоятельна... Побои и истязания жеп здесь редкое исключение... Вообще равенство женщины с мужчиной сказывается почти везде и во всем» **.

Наконец — *last but not least* *** — неземледельческий отход повышает заработную плату не только уходящих наемных рабочих, но и остающихся...

Там же, с. 576—578.

...В вопросе о развитии капитализма едва ли не наибольшее значение имеет степень распространения наемного труда. Капитализм, это — та стадия развития товарного производства, когда и рабочая сила становится товаром. Основная тенденция капитализма состоит в том, чтобы все рабочие силы народного хозяйства применялись к производству лишь после продажи-купли их предпринимателями. Как проявлялась эта тенденция в пореформенной России, мы старались подробно рассмотреть выше, и теперь должны подвести итоги по этому вопросу. Сначала подсчитаем вместе приведенные в предыдущих главах данные о числе продавцов рабочей силы, а затем (в следующем параграфе) обрисуем контингент покупателей рабочей силы.

Продавцов рабочей силы составляет рабочее население страны, участвующее в производстве материальных ценностей. Считают, что это население составляет около 15½ миллионов взрослых рабочих мужск. пола ****. Во II главе было показано, что низшая группа крестьянства представляет из себя не что иное, как сельский пролетариат; при этом было отмечено (стр. 122, прим. *****), что формы продажи рабочей силы этим пролетариатом будут разобраны ниже. Подведем теперь итог перечисленным в предыдущем изложении разрядам на-

* Ibid., 88.

** «Юридический Вестник», 1890 г., № 9, с. 142.

*** — последнее по счету, но не по значению. *Ред.*

**** Цифра «Свода стат. материалов п т. д.» (изд. канц. ком. м-ров 1894) — 15 546 618 чел. Получена эта цифра так. Принято, что городское население равняется населению, не участвующему в производстве материальных ценностей. Взрослое мужское крестьянское население уменьшено на 7% (4½% — отбывающие воинскую повинность и 2½% — состоящие на мирской службе).

***** См.: Полн. собр. соч., т. 3, с. 170. *Ред.*

емных рабочих: 1) сельскохозяйственные наемные рабочие. Число их — около $3\frac{1}{2}$ млн. (по Евр. России). 2) Фабрично-заводские, горные и железнодорожные рабочие — около $1\frac{1}{2}$ млн. Итого пять миллионов профессиональных наемных рабочих. Далее, 3) строительные рабочие — около 1 миллиона. 4) Рабочие, занятые в лесном деле (рубка леса и первоначальная обработка его, сплавка и т. д.), занятые земляными работами, сооружением железных дорог, работами по нагрузке и разгрузке товаров и вообще всякого рода «черными» работами в индустриальных центрах. Их около 2 млн.*. 5) Рабочие, занятые капиталистами на дому, а также работающие по найму в обрабатывающей промышленности, не причисляемой к «фабрично-заводской промышленности». Их — около 2 млн.

Итого — около десяти миллионов наемных рабочих. Исключаем из них приблизительно $\frac{1}{4}$ на женщин и детей**, — остается $7\frac{1}{2}$ млн. наемных рабочих из взрослых мужчин, т. е. около половины всего взрослого мужского населения страны, участвующего в производстве материальных ценностей***...

Написано в 1896—1899 гг.

Там же, с. 581—583.

Впервые напечатано отдельной книгой
в конце марта 1899 г.

* Выше мы видели, что одних лесных рабочих считают до 2-х миллионов. Число рабочих, занятых в двух последних, указанных нами, видах работ, должно быть больше всего числа неземледельческих отхожих рабочих, ибо часть строительных рабочих, чернорабочих и особенно лесных рабочих принадлежит к местным, а не отхожим рабочим. А мы видели, что число неземледельческих отхожих рабочих составляет не менее 3-х миллионов человек.

** В фабрично-заводской промышленности, как мы видели, женщины и детей немного больше $\frac{1}{4}$ всего числа рабочих. В промышленности горной, строительной, лесной и т. п. женщин и детей очень немного. Напротив, в капиталистической работе на дому они принимают, вероятно, большее участие, чем мужчины.

*** Оговоримся, во избежание недоразумений, что мы отнюдь не претендуем на точную статистическую доказательность этих цифр, а хотим лишь примерно показать разнообразие форм наемного труда и многочисленность его представителей.

Из рецензии на книгу К. Каутского «Аграрный вопрос»

*Karl Kautsky. Die Agrarfrage. Eine Uebersicht
über die Tendenzen der modernen Landwirtschaft
und die Agrarpolitik u. s. w. Stuttgart,
Dietz, 1899 **

Книга Каутского представляет из себя самое замечательное — после 3-го тома «Капитала» — явление новейшей экономической литературы. Марксизму недоставало до сих пор работы, систематически рассматривающей капитализм в земледелии...

Полн. собр. соч., т. 4, с. 88.

...Выяснив основные черты развития капитализма в земледелии, Каутский переходит к доказательству исторически преходящего характера этой системы общественного хозяйства. Чем дальше развивается капитализм, тем с большими затруднениями встречается ведение торгового (товарного) земледелия. Монополия земельной собственности (поземельная рента), право наследства, майораты⁶⁰ препятствуют рационализации земледелия. Города все более и более эксплуатируют деревни, отнимая лучшие рабочие силы у сельских хозяев, высасывая все большую долю богатства, производимого сельским населением, которое в силу этого теряет возможность возратить почве то, что берется от нее. Остановливаясь особенно подробно на обезлюдении деревень, Каутский вполне признает, что от недостатка рабочих всего меньше страдают среднекрестьянские хозяйства, но тут же прибавляет, что «добрые граждане» (мы можем сказать также: и русские народники) напрасно ликуют по поводу этого факта, напрасно думают видеть в нем начинающееся возрождение крестьянства, опровергающее применимость теории Маркса к земледелию. Если крестьянство меньше других земледельческих классов страдает от недостатка наемных рабочих, то оно гораздо сильнее страдает от ростовщичества, гнета податей, от

* — *Карл Каутский. Аграрный вопрос. Обзор тенденций современного сельского хозяйства и аграрная политика и т. д. Штутгарт, изд. Дитца, 1899. Ред.*

нерациональности своего хозяйства, от истощения почвы, от чрезмерной работы и от недостаточного потребления. Наглядным опровержением взгляда оптимистически настроенных мелкобуржуазных экономистов служит тот факт, что не только сельские рабочие, но и дети крестьян... бегут в города!..

Там же, с. 91—92.

...Процесс коренного преобразования капитализмом всего сельского хозяйства только еще начинается, но этот процесс быстро идет вперед, вызывая превращение крестьянина в наемного рабочего и усиленное бегство населения из деревень. Попытки задержать этот процесс были бы реакционны и вредны: как ни тяжелы последствия этого процесса в современном обществе, но последствия задержки процесса еще хуже и ставят трудящееся население в еще более беспомощное и безысходное положение. Прогрессивная деятельность в современном обществе может стремиться только к тому, чтобы ослабить вредное действие капиталистического прогресса на население, чтобы усилить сознательность этого последнего и способность к коллективной самозащите. Каутский настаивает поэтому на обеспечении свободы передвижения и пр., на отмене всех остатков феодализма в сельском хозяйстве (напр., *Gesindeordnungen* *, которые ставят сельских рабочих в лично зависимое, полукрепостное положение), на запрещении работы детей до 14 лет, на установлении 8-часового рабочего дня, на строгой санитарной полиции, надзирающей за рабочими жилищами, и пр. и пр...

*Написано в марте, ранее 21 (2 апреля)
1899 г.*

Там же, с. 93—94.

*Напечатано в апреле 1899 г. в журнале
«Начало», № 4
Подпись: Вл. Ильин*

* — законоположений, устанавливавших взаимоотношения землевладельцев и крепостных крестьян. *Ред.*

Из статьи
**«Капитализм
в сельском хозяйстве**

(О книге Каутского
и о статье г. Булгакова)» ⁶¹

...Превосходство крупного земледелия состоит не только в меньшей потере культурной площади, в сбережениях на живом и мертвом инвентаре, в более полном использовании инвентаря, в более широкой возможности применять машины, в большей доступности кредита, но также и в коммерческом превосходстве крупного хозяйства, в употреблении этим последним научно-образованных руководителей хозяйства (Kautsky, S. 104) ⁶². Крупное земледелие в больших размерах пользуется кооперацией рабочих и разделением труда. Особенно важное значение приписывает Каутский научному агрономическому образованию сельского хозяина. «Вполне научно-образованного сельского хозяина может содержать лишь такое производство, которое достаточно велико, чтобы труд руководства и надзора за хозяйством вполне занял рабочую силу лица» (S. 98: «эта величина хозяйства изменяется вместе с видом производства» от 3 гектаров при культуре винограда до 500 гектаров при экстенсивном хозяйстве). Каутский отмечает при этом тот интересный и крайне характерный факт, что распространение низших и средних сельскохозяйственных школ приносит пользу не крестьянину, а крупному хозяину, доставляя ему служащих (то же наблюдается и в России). «То высшее образование, которое необходимо для вполне рационального производства, трудно совместимо с современными условиями существования крестьян. Это означает осуждение, разумеется, не высшего образования, а условий жизни крестьян. Это означает лишь то, что крестьянское производство держится наряду с крупным производством не благодаря более высокой производительности, а благодаря более низким потребностям» (99). Крупное производство должно содержать не одни только крестьянские рабочие силы, но и городские рабочие силы, по уровню потребностей стоящие несравненно выше.

Те в высшей степени интересные и важные данные, которые приводит Каутский в доказательство «чрезмерного труда и недостаточного потребления в мелком производстве», г. Булгаков называет «несколькими (!) случайными (??) цитатами». Г-н Булгаков «берется» привести такое же количество «цитат противоположного характера». Он забывает только сказать, не берется ли он также выставить *противоположное утверждение*, которое он стал бы доказывать «цитатами противоположного характера». В этом ведь вся суть дела! Не берется ли г. Булгаков утверждать, что крупное производство в капиталистическом обществе отличается от крестьянского чрезмерной работой и пониженным потреблением работника? Г-н Булгаков достаточно осторожен, чтобы выставлять такое комичное утверждение. Факт чрезмерной работы и понижения потребностей крестьян он считает возможным обойти замечанием, что «в одних местах крестьяне живут зажиточно, в других бедно!!». Что сказали бы вы об экономисте, который вместо обобщения данных о положении мелкого и крупного производства принялся бы исследовать разницу в «житочности» населения тех или других «мест»? Что сказали бы вы об экономисте, который обошел бы факт чрезмерной работы и пониженного потребления кустарей по сравнению с фабричными рабочими замечанием, что «в одних местах кустари живут зажиточно, в других бедно»? Кстати, о кустарях. «По-видимому, — пишет г. Булгаков, — Каутскому мысленно предносилась параллель Hausindustrie *, где перерабатыванье не имеет технических границ» (как в земледелии), «но эта параллель сюда не годится». По-видимому, — ответим мы на это, — г. Булгаков поразительно невнимательно отнесся к критикуемой им книге, потому что параллель с Hausindustrie не «мысленно предносилась Каутскому», а *прямо и точно указана им на первой же странице того параграфа*, который посвящен вопросу о перерабатыванье (гл. VI, b, S. 106): «Как и в кустарной промышленности (Hausindustrie), семейная работа детей в мелком крестьянском хозяйстве действует еще губительнее, чем работа по найму у чужих лиц». Как ни решительно декретирует г. Булгаков, что эта параллель сюда не годится, тем не менее его мнение совершенно ошибочно. В промышленности перерабатыванье не имеет технических границ, а для крестьянина «ограничено техническими условиями земледелия», — рассуждает г. Булгаков. Спрашивается, кто же на самом деле смешивает технику и экономику: Каутский или г. Булгаков? При чем же тут техника земледелия или кустарной промышленности, когда факты говорят,

* — кустарной промышленности. *Ред.*

что мелкий производитель и в земледелии, и в промышленности гонит на работу детей с более раннего возраста, работает большее число часов в день, живет «бережливее», урезывает свои потребности до того, что в цивилизованной стране выделяется, как настоящий «варвар» (выражение Маркса)? Неужели можно отрицать экономическую однородность подобных явлений в земледелии и в промышленности на том основании, что земледелие имеет массу особенностей (которых Каутский нисколько не забывает). «Мелкий крестьянин, даже при желании, не может работать больше, чем того требует его поле», — говорит г. Булгаков. Но мелкий крестьянин может работать и работает по 14, а не по 12 часов; может работать и работает с той сверхнормальной напряженностью, которая изматывает его нервы и мускулы гораздо быстрее нормального. И потом, какая это неверная и утрированная абстракция — сводить все работы крестьянина к одному полю! У Каутского вы не найдете ничего подобного. Каутский прекрасно знает, что крестьянин работает также и в домашнем хозяйстве, работает над постройкой и ремонтом избы, хлева, орудий и пр., *«не считая»* всего этого добавочного труда, за который наемный рабочий в крупном хозяйстве потребует обычной платы. Не ясно ли для всякого непредубежденного человека, что перерабатыванье для крестьянина — мелкого земледельца — поставлено в *несравненно более широкие пределы*, чем для мелкого промышленника, если он *только* промышленник? Перерабатыванье мелкого земледельца, как всеобщий факт, наглядно доказывается тем, что все буржуазные писатели единогласно свидетельствуют о «прилежании» и «бережливости» крестьянина, обвиняя рабочих в «лености» и «мотовстве».

Мелкие крестьяне, — говорит цитируемый Каутским исследователь быта сельского населения в Вестфалии, — непомерно заваливают своих детей работой, так что их физическое развитие задерживается; таких дурных сторон не имеет работа по найму. Парламентской комиссии, исследовавшей аграрный быт Англии (1897), один мелкий крестьянин из Линкольна заявлял: «Я воспитал целую семью и до полусмерти замучил ее работой». Другой говорит: «Мы работаем с детьми по 18 часов, в среднем 10—12 часов». Третий: «Мы работаем тяжелее, чем поденщики, мы работаем как рабы». Г-н Рид (Read) следующим образом характеризует перед той же комиссией положение мелких крестьян в тех местностях, в которых преобладает земледелие в тесном смысле: «Единственное средство для него удержаться, это работать за двоих поденщиков, а расходовать столько же, сколько один поденщик. Его дети более замучены работой и хуже воспитаны, чем дети поденщиков» («Royal Commission

on Agriculture final report», p. 34, 358 *. Цитир. у Каутского, S. 109). Не берется ли г. Булгаков утверждать, что не менее часто поденщики работают за двоих крестьян. Но особенно характерен следующий, приводимый Каутским, факт, показывающий, как «крестьянское искусство голодать (Hungerkunst) может вести к экономическому превосходству мелкого производства»: сравнение доходности двух крестьянских хозяйств в Бадене показывает в одном, *крупном*, дефицит в 933 марки, в другом, *вдвое более мелком*, избыток в 191 марку. Но первое хозяйство, которое велось исключительно наемными рабочими, должно было, как следует, кормить их, расходов почти по 1 марке в день на человека (около 45 коп.), тогда как в мелком хозяйстве работали исключительно члены семьи (жена и 6 взрослых детей), содержание которых было *вдвое более скудным*: 48 пфеннигов в день на человека. Если бы семья мелкого крестьянина кормилась так же хорошо, как наемные рабочие крупного хозяина, мелкий получил бы дефицит в 1250 марок! «Его избыток происходил не из полных закромов, а из пустого желудка». Какая масса подобных примеров была бы открыта, если бы сравнения «доходности» крупных и мелких хозяйств в земледелии сопровождалась учетом потребления и работы крестьян и наемных рабочих **. Вот другой расчет более высокой доходности мелкого хозяйства (4,6 гект.) по сравнению с крупным (26,5 гект.), расчет, делаемый в одном из специальных журналов. Но как получается высший доход? — спрашивает Каутский. Оказывается, мелкому земледельцу помогают дети, помогают с того возраста, как только начинают ходить, крупному же приходится расходоваться на детей (школа, гимназия). В мелком и старики, имеющие более 70 лет, «заменяют еще полную рабочую силу». «Обыкновенный поденщик, особенно в крупном производстве, работает и думает: когда же это придет вечерний отдых; а мелкий крестьянин, по крайней мере при всех спешных работах, думает: ах, если бы день был хоть часика на два подольше». Мелкие производители, — поучает нас все тот же автор статьи в агрономическом журнале, — лучше используют время при спешных работах: «раньше встают, позже ложатся, быстрее работают, тогда как у крупного хозяина рабочие не хотят вставать раньше, ложиться позже, работать напряженнее, чем в другие дни». Крестьянин умеет получать чистый доход благодаря своей «простой» жизни: живет в мазанке, построенной главным образом трудом семьи; жена замужем

* — «Заключительный отчет королевской комиссии по сельскому хозяйству», стр. 34, 358. *Ред.*

** Ср. В. Ильин. «Развитие капитализма в России», стр. 112, 175, 201. (Полн. собр. соч., т. 3, с. 161, 240—241, 269—270. *Ред.*)

17 лет и сносила всего одну пару ботинок, больше ходит босиком или в деревянных башмаках, семью она сама же и обшивает. Пища — картофель, молоко, изредка — селедка. Муж только по воскресеньям курит трубку табаку. «Эти люди не сознавали, что они живут особенно просто, и не выражали недовольства своим положением... При таком простом образе жизни они получали почти каждый год маленький избыток от своего хозяйства»...

Написано между 4 (16) апреля и 9 (21) мая 1899 г.

Полн. собр. соч., т. 4, с. 118—123.

Напечатано в январе — феврале 1900 г. в журнале «Жизнь»

Подпись: Вл. Ильин и Влад. Ильин

Из статьи
«Насущный вопрос»

...Русские социалисты и русский рабочий класс доказали уже свою способность к героизму, и, вообще говоря, нам грешно было бы жаловаться на недостаток в людях. Среди рабочей молодежи наблюдается страстное, неудержимое стремление к идеям демократии и социализма, а помощники рабочим из рядов интеллигенции продолжают притекать, несмотря на переполнение тюрем и мест ссылки. Если среди всех этих рекрутов революционного дела будет широко пропагандироваться мысль о необходимости более строгой организации, то план устройства правильно выходящей и доставляемой газеты партии перестанет быть мечтой...

Написано не ранее октября 1899 г.

Полн. собр. соч., т. 4, с. 195.

Впервые напечатано в 1925 г. в Ленинском сборнике III

Из статьи «Проект программы нашей партии»⁶³

...Переходим к практической части программы. Эта часть распадается, по нашему мнению, если не по изложению, то по существу дела, на три отдела: 1) требования общедемократических преобразований; 2) требования мер для охраны рабочих и 3) требования мер в интересах крестьян. По первому отделу вряд ли есть надобность в существенных изменениях «проекта программы» группы «Освобождение труда», требующего 1) всеобщего избирательного права; 2) жалованья представителям; 3) всеобщего, светского, дарового и обязательного образования и пр.; 4) неприкосновенности личности и жилища граждан; 5) неограниченной свободы совести, слова, собраний и пр. (сюда следовало бы, пожалуй, специально добавить: свободы стачек); 6) свободы передвижений и занятий [сюда следовало бы, может быть, добавить: «свободы переселений» и «полной отмены паспортов»]; 7) полной равноправности всех граждан и пр.; 8) замены постоянного войска всеобщим вооружением народа; 9) «пересмотра всего нашего гражданского и уголовного законодательства, уничтожение сословных подразделений и наказаний, не совместимых с достоинством человека». Сюда следовало бы добавить: «установление полного равенства прав женщины с мужчиной»...

Полн. собр. соч., т. 4, с. 224.

...По второму отделу практических требований мы находим в программе группы «Освобождение труда» общее требование «законодательного регулирования отношений рабочих (городских и сельских) к предпринимателям и организации соответствующей инспекции с представительством от рабочих». Нам думается, *рабочая партия* должна обстоятельнее и подробнее изложить требования по этому пункту, должна требовать (1) 8-часового рабочего дня; (2) запрещения ночной работы; запрещения работы детей до 14 лет; (3) непре-

равного отдыха для каждого рабочего не менее 36 часов в неделю; (4) распространения фабричных законов и фабричной инспекции на все отрасли промышленности и сельского хозяйства, на казенные фабрики, на ремесленные заведения и на работающих по домам кустарей. Выбора рабочими помощников инспекторов, имеющих равные права с инспекторами; (5) учреждения промышленных и сельскохозяйственных судов во всех отраслях промышленности и сельского хозяйства с выборными судьями от хозяев и от рабочих поровну; (6) безусловного запрещения повсюду расплаты товарами; (7) законодательного установления ответственности фабрикантов за все несчастные случаи и увечья рабочих, как промышленных, так и сельских; (8) законодательного установления при всех случаях найма всяких рабочих расплаты не реже одного раза в неделю; (9) отмены всех законов, нарушающих равноправность нанимателей и нанимающихся (напр., законов об уголовной ответственности фабричных и сельских рабочих за уход с работ; законов, предоставляющих нанимателям гораздо больше свободы расторгать договор найма, чем нанимающимся, и проч.). (Само собою разумеется, что мы только намечаем желательные требования, не придавая им окончательной формулировки, требуемой для проекта.) Этот отдел программы должен (в связи с предыдущим) дать основные, руководящие положения для агитации, отнюдь не стесняя, конечно, выставление агитаторами в отдельных местностях, отраслях производства, фабриках и прочих других, несколько видоизмененных, более конкретных, более частных требований. При составлении этого отдела программы мы должны стремиться, поэтому, избежать двух крайностей: с одной стороны, надо не опустить ни одного из главных, основных требований, имеющих существенное значение для *всего* рабочего класса; с другой стороны, — надо не вдаваться в чрезмерные частности, заполнение каковыми программы было бы нерационально...

Там же, с. 225—226.

...В нашей пропаганде и агитации мы постоянно натываемся на рабочих-крестьян, т. е. фабричных и заводских рабочих, которые сохраняют связи с деревней, имеют там родню, семью, ездят туда. Вопросы о выкупных платежах, о круговой поруке, об арендной плате — живо интересуют сплошь и рядом даже столичного рабочего (мы не говорим уже об уральских, напр., рабочих, в среду которых тоже начала проникать социал-демократическая пропаганда и агитация). Мы не исполнили бы своего долга, если бы не позабо-

тились о том, чтобы дать точное руководство для социал-демократов и сознательных рабочих, попадающих в деревню. Затем, не надо забывать и деревенской интеллигенции, напр., народных учителей, которые находятся в таком приниженном, и материально и духовно, положении, которые так близко наблюдают и на себе лично чувствуют бесправие и угнетение народа, что распространение среди них сочувствия социал-демократизму не подлежит (при дальнейшем росте движения) никакому сомнению...

Написано в конце 1899 г.

Там же, с. 238.

Впервые напечатано в 1924 г. в Собрании сочинений Н. Ленина (В. Ульянова), том I

Из статьи
«Попытное направление
в русской социал-демократии»

...Распространение агитации привело социал-демократов в соприкосновение с низшими, наименее развитыми слоями пролетариата; привлечение этих слоев требовало от агитатора умения приспособляться к самому низкому уровню понимания, приучало ставить на первый план «требования и интересы данной минуты» и отодвигать широкие идеалы социализма и политической борьбы. Раздробленный, кустарный характер социал-демократической работы, крайне слабая связь между кружками разных городов, между русскими социал-демократами и их заграничными товарищами, обладающими и более солидными знаниями и более богатым революционным опытом и более широким политическим кругозором, естественно, вели к тому, что эта (*совершенно необходимая*) сторона социал-демократической деятельности безмерно преувеличивалась и могла в сознании отдельных лиц привести к забвению остальных сторон, тем более, что с каждым крахом наиболее сознательные рабочие и интеллигенты выбывали из строя действующей армии и прочная революционная традиция и преемственность не могли еще выработаться. Вот в этом-то безмерном преувеличении одной стороны социал-демократической работы и видим мы главную причину печального отступления от идеалов русской социал-демократии. Прибавьте сюда увлечение модной книжкой, незнание истории русского революционного движения и детскую претензию на оригинальность,— и вы получите все элементы, образующие «попытное направление в русской социал-демократии».

Таким образом, на вопросе об отношении передовых слоев пролетариата к низшим его слоям и о значении социал-демократической работы в тех и других слоях нам приходится остановиться поподробнее.

История рабочего движения всех стран показывает, что раньше всего и легче всего воспринимают идеи социализма наилучшие поставленные слои рабочих. Из них главным образом берутся те рабочие-передовики, которых выдвигает всякое рабочее движение, рабочие, умеющие приобретать полное доверие рабочих масс, рабочие, которые посвящают себя всецело делу просвещения и организации пролетариата, рабочие, которые вполне сознательно воспринимают социализм и которые даже самостоятельно вырабатывали социалистические теории. Всякое жизненное рабочее движение выдвигало таких вождей рабочих, своих Прудонов и Вальянов, Вейтлингов и Бебелей. И наше русское рабочее движение обещает не отстать в этом отношении от европейского. В то время, как образованное общество теряет интерес к честной, нелегальной литературе, среди рабочих растет страстное стремление к знанию и к социализму, среди рабочих выделяются настоящие герои, которые — несмотря на безобразную обстановку своей жизни, несмотря на огульную каторжную работу на фабрике, — находят в себе столько характера и силы воли, чтобы учиться, учиться и учиться и вырабатывать из себя сознательных социал-демократов, «рабочую интеллигенцию». В России уже есть эта «рабочая интеллигенция», и мы должны приложить все усилия к тому, чтобы ее ряды постоянно расширялись, чтобы ее высокие умственные запросы вполне удовлетворялись, чтобы из ее рядов выходили руководители русской социал-демократической рабочей партии. Та газета, которая хотела бы стать органом всех русских социал-демократов, должна стоять поэтому на уровне передовых рабочих; она не только не должна искусственно понижать своего уровня, а, напротив, постоянно поднимать его, следить за всеми тактическими, политическими и теоретическими вопросами всемирной социал-демократии. Только тогда запросы рабочей интеллигенции будут удовлетворяться, и она сама возьмет в свои руки русское рабочее дело, а следовательно, и русское революционное дело...

Написано в конце 1899 г.

Впервые напечатано в 1924 г. в журнале
«Пролетарская Революция», № 8—9

Полн. собр. соч., т. 4,
с. 267—269

Из статьи «О промышленных судах»

Промышленными судами называются суды, состоящие из выборных от рабочих и хозяев (фабрикантов в промышленности) и разбирающие дела и споры, которые возникают так часто из-за условий найма, из-за определения платы за обыкновенную и сверхурочную работу, из-за расчета рабочих не по правилам, из-за вознаграждения за порчу материалов, из-за неправильного наложения штрафов и т. д., и т. д. В большинстве западноевропейских государств такие суды существуют, в России — нет, и мы намерены рассмотреть, какие выгоды приносят они рабочим и почему желательно учреждение промышленных судов кроме обыкновенных судов, в которых судит один, назначенный правительством или выбранный имущими классами, судья, без всяких выборных от хозяев и от рабочих...

Полн. собр. соч., т. 4, с. 274.

...Третья выгода промышленных судов для рабочих — та, что рабочие учатся в них и посредством их знакомству с законами. Обыкновенно рабочие (в массе) не знают законов и не могут знать их, хотя с них тем не менее взыскивают чиновники и чиновнические судьи за незнание законов. Если рабочий, когда ему чиновник укажет закон, ответит, что он не знал о таком законе, то чиновник (и судья) либо засмеется, либо обругается: «отговариваться незнанием закона никто не имеет права» — вот что говорит основной русский закон. Всякий чиновник и судья *предполагает* поэтому, что каждый рабочий знает законы. Но ведь такое предположение — буржуазная ложь, ложь, сочиненная людьми имущими и капиталистами против неимущих, такая же ложь, как и предположение, что рабочий заключает с хозяином «свободный договор». На самом деле рабочему, который с малых лет забирается на фабрику, едва-едва выучившись грамоте (а очень и очень многие и грамоте-то не могут выучиться!),

законов узнать некогда и не от кого и, пожалуй, незачем,— потому что, если законы применяют, не спрашивая его, чиновники из буржуазии, то мало пользы принесут рабочему законы! Буржуазные классы, которые обвиняют рабочих в незнании законов, сами ровно ничего не сделали для того, чтобы облегчить рабочим приобретение такого знания, и потому действительно виноваты в незнании рабочими законов не столько сами рабочие, сколько их эксплуататоры (= грабители), которые владеют всей собственностью, живут чужим трудом и одни только хотят пользоваться образованием и наукой. Никакая школа и никакие книжки не дадут и не могут дать рабочим знания законов, потому что книжки читать могут только очень и очень немногие рабочие из массы задавленных капиталом миллионов трудящегося народа, школой пользуются по той же причине тоже немногие, да и те, кто проходит школу, умеют большей частью только читать, писать и считать; а этого еще мало, чтобы разобраться в такой сложной и трудной области, как русские законы. Рабочие могут ознакомиться с законами только тогда, когда им придется самим применять эти законы и слышать и видеть суд по этим законам. Рабочие, например, могли бы лучше знать законы, если бы их назначали в присяжные заседатели (обязывая фабрикантов платить им прежнюю плату и за те дни, которые они проводят в суде), но в буржуазном обществе устроено так, что присяжными могут быть только люди из имущего класса (да еще крестьяне, вышколенные «общественной службой», т. е. на деле службой в низших полицейских должностях); неимущие же, пролетарии, должны только подчиняться чужому суду, а сами судить не имеют права! Когда устраиваются промышленные суды, то рабочие сами выбирают в них судьями своих товарищей, и эти выборы повторяются через определенные сроки; таким образом, выборные из рабочих сами применяют законы и получают возможность ознакомиться с ними на практике, то есть не только прочесть напечатанные в книжке законы (это ведь далеко еще не значит ознакомиться с законами), но и на деле убедиться в том, к каким случаям и как именно применяются те или другие законы и какое влияние оказывают они на рабочих. А потом и кроме выборных судей и остальные рабочие гораздо легче знакомятся с законами при устройстве промышленных судов, потому что с судьями из своих товарищей рабочий всегда легко может переговорить и получить от него нужные сведения. Так как промышленный суд доступнее рабочим, чем суд чиновников, то рабочие несравненно чаще посещают его, слушают разбор тех дел, в которых участвуют их родственники и знакомые, и таким образом знакомятся с законами. А рабочему человеку крайне важно

не из книжек только, а из самой жизни познакомиться с законами, чтобы понять, в чьих интересах составлены эти законы, в чьих интересах действуют люди, применяющие законы. Ознакомившись с законами, всякий рабочий ясно увидит, что это — интересы имущего класса, собственников, капиталистов, буржуазии, и что рабочему классу никогда не добиться себе прочного и коренного улучшения своей судьбы, пока он сам не добьется права выбирать своих выборных для участия в составлении законов и в надзоре за их исполнением.

Далее (в-четвертых), хорошая сторона промышленных судов состоит в том, что они приучают рабочих принимать самостоятельное участие в общественных, государственных делах (потому что суд есть государственное учреждение, деятельность суда есть одна из частей государственной деятельности), приучают рабочих выбирать более разумных, честных и твердо стоящих за рабочее дело товарищей на такие должности, в которых деятельность этих рабочих видна всему рабочему классу, на такие должности, в которых представители рабочих могут заявлять нужды и требования всех рабочих. Интерес класса капиталистов, интерес всей буржуазии состоит в том, чтобы оставить рабочих невежественными и раздробленными, чтобы удалять скорее тех рабочих, которые умнее других и которые пользуются своим умом и своими знаниями не для того, чтобы сделаться изменником рабочему делу, выслуживаясь пред мастерами, хозяевами и полицейскими, а пользуются для того, чтобы помочь и остальным рабочим приобрести больше знаний и научиться сообща стоять за рабочее дело. Но чтобы таких передовых рабочих, которые так нужны для рабочего дела, знали все рабочие и доверяли им, для этого очень важно, чтобы все видели деятельность этого рабочего, чтобы все знали о том, умеет ли он выражать действительные нужды и желания рабочих и стоять за них...

Написано в конце 1899 г.

Там же, с. 277—280.

*Впервые напечатано в 1924 г. в журнале
«Пролетарская Революция», № 8—9*

Из статьи «О стачках»

...Когда разорение народа доходит до такой степени, что и в городах и в деревнях всегда есть массы безработного народа, когда фабриканты скапливают громадные богатства и мелкие хозяйчики вытесняются миллионерами,— тогда отдельный рабочий становится совершенно бессильным перед капиталистом. Капиталист получает возможность совершенно задавить рабочего, загнать его до смерти на каторжной работе, да и не его одного, а также и его жену и его детей. И в самом деле, взгляните на те промыслы, в которых рабочие еще не добились себе защиты закона и в которых рабочие не могут оказывать сопротивления капиталистам,— и вы увидите безмерно длинный рабочий день, доходящий до 17—19 час., вы увидите надрывающихся за работой детей с 5—6-летнего возраста, вы увидите поколение постоянно голодающих и вымирающих мало-помалу с голоду рабочих. Пример: те рабочие, которые работают у себя по домам на капиталистов; да всякий рабочий припомнит еще много и много других примеров! Даже при рабстве и при крепостном праве никогда не было такого страшного угнетения рабочего народа, до какого доходят капиталисты, если рабочие не могут оказывать им сопротивления, не могут завоевать себе законов, ограничивающих произвол хозяев.

И вот, чтобы не дать довести себя до такого крайнего положения, рабочие начинают отчаянную борьбу. Видя, что поодиночке каждый из них совершенно бессилен и что ему грозит гибель под гнетом капитала, рабочие начинают поднимать сообща восстания против своих хозяев. Начинаются рабочие стачки...

Написано в конце 1899 г.

Впервые напечатано в 1924 г. в журнале
«Пролетарская Революция»,
№ 8—9

Полн. собр. соч., т. 4,
с. 290—291.

Из статьи
«По поводу
«Profession de foi»»⁶⁴

...Становясь на точку зрения социализма и классовой борьбы и отвергая в то же время возможность «призывать в настоящий момент широкие массы к политическим действиям», Киевский комитет, в сущности, сходит совершенно с принципов социал-демократизма, и желание остаться на почве этих принципов приводит его к ряду вопиющих противоречий:

в самом деле, как же возможно говорить о «политическом воспитании» рабочих, если не признается возможным вести политическую агитацию и политическую борьбу? Неужели среди социал-демократов нужно еще доказывать, что не может быть никакого политического воспитания *вне* политической борьбы и политических действий? Неужели можно думать, что политически воспитать рабочие массы могут какие-нибудь занятия или книги и т. п., помимо политической деятельности и политической борьбы? Неужели русские социал-демократы должны вернуться к точке зрения крепостников, которые говорили, что сперва нужно воспитать крестьян, а потом освободить их, или к точке зрения наших, пресмыкающихся пред правительством, писак, которые говорят, что сперва надо воспитать народ, а потом уже дать ему политические права? Как можно «ставить своей задачей» пробуждать сознание необходимости борьбы за политические права и в то же время не считать возможным призывать рабочих к политическим действиям, не считать возможным вести политическую агитацию? Пробуждать сознание необходимости политической борьбы и в то же время не призывать к политической борьбе?! Что это? Как это? И подобная путаница вовсе не результат недомолвок или недоделанности чернового наброска, а естественный и неизбежный результат той двойственности и половичатости, которая проникает собою все воззрения Киевского комитета...

...Стремление ограничить политическую агитацию наличностью поводов в каждом отдельном случае либо не имеет смысла, либо выражает лишь стремление сделать шаг назад по направлению к «Стедо»⁶⁵ и «Рабочей Мысли»⁶⁶, стремление сузить и без того слишком узкие рамки нашей пропагандистской и агитационной деятельности. Нам возразят еще, пожалуй, что рабочие массы не поймут еще идеи политической борьбы, идеи, доступной лишь для более развитых отдельных рабочих. На это возражение, которое так часто доводится слышать от «молодых» русских социал-демократов, мы ответим, что, во-первых, социал-демократия всегда и везде была и не может не быть представительницей сознательных, а не бессознательных рабочих, что не может быть ничего опаснее и преступнее демагогического заигрывания с неразвитостью рабочих. Если критерием деятельности брать то, что сейчас же непосредственно доступно в наибольшей степени самой широкой массе, то придется проповедовать антисемитизм или агитировать, скажем, на почве обращения к отцу Иоанну Кронштадтскому.

Задача социал-демократии — развивать политическое сознание масс, а не тащиться в хвосте политически бесправной массы; во-вторых, — и это главное — неверно, что массы не поймут идеи политической борьбы. Эту идею поймет самый серый рабочий, при том условии, конечно, если агитатор или пропагандист сумеет подойти к нему так, чтобы сообщить ему эту идею, сумеет передать ее понятным языком и опираясь на известные ему факты обыденной жизни. А это условие ведь необходимо и для передачи условий экономической борьбы: и в этой области серый рабочий из низших и средних слоев массы не в состоянии усвоить общей идеи экономической борьбы; эту идею усваивают немногие интеллигентные рабочие, за которыми масса идет, руководимая инстинктом и непосредственным ближайшим интересом.

То же самое и в области политики: общую идею политической борьбы усвоит, конечно, только интеллигентный рабочий, за которым пойдет масса, ибо она прекрасно чувствует свое политическое бесправие (как признает в одном месте «Profession de foi» Киевского комитета), и самые непосредственные повседневные интересы постоянно приводят ее в столкновение с всяческими проявлениями политического гнета. Ни в одном политическом или социальном движении, ни в одной стране никогда не было и быть не могло иного отношения между массой данного класса или народа и немногочисленными интеллигентными представителями его, кроме именно такого: всегда и везде вождями известного класса являлись его передовые, наиболее интеллигентные представители. И в русском

рабочем движении не может быть иначе. А потому игнорирование интересов и запросов этого передового слоя рабочих, стремление *опуститься* до уровня понимания низших слоев (вместо того, чтобы постоянно *поднимать* уровень сознания рабочих) необходимо должно оказать глубоко вредное действие и подготовить почву для проникновения в рабочую среду всяких не социалистических и не революционных идей...

Написано в конце 1899 г. или в начале 1900 г.

Там же, с. 315—316.

Впервые напечатано в 1928 г. в Ленинском сборнике VII

Из «Проекта заявления редакции «Искры»⁶⁷ и «Зари»⁶⁸»

...Особенно насущной задачей мы признаем обсуждение вопросов организации и способов практического ведения дела. Отсутствие вреемственности и раздробленность, о которых было говорено выше, особенно вредно отражаются на современном состоянии партийной дисциплины, организации и конспиративной техники. Надо прямо и открыто признать, что в этом отношении мы, социал-демократы, отстали от старых деятелей русского революционного движения и от других организаций, действующих в России, и надо приложить все силы, чтобы пополнить недочеты в этом отношении. Широкое привлечение к движению масс рабочей и интеллигентной молодежи, учащение провалов и изощрение правительственных преследований делают настоятельно необходимой пропаганду принципов и приемов партийной организации, дисциплины и конспиративной техники.

Такая пропаганда, если ее поддержат все отдельные группы и все более опытные товарищи, может и должна повести к выработке из молодых социалистов и рабочих умелых руководителей революционного движения, способных преодолевать все препятствия, которые ставит нашей работе гнет самодержавного полицейского государства, и отвечать на запросы рабочей массы, стихийно рвущейся к социализму и политической борьбе...

Написано в конце марта — начале апреля 1900 г.

Полн. собр. соч., т. 4, с. 327.

Впервые напечатано в 1925 г. в Ленинском сборнике IV

Отдача в солдаты 183-х студентов *

11-го января в газетах опубликовано правительственное сообщение от министерства народного просвещения об отдаче в солдаты 183-х студентов киевского университета «за учинение скопом беспорядков». Временные правила 29-го июля 1899 г.⁶⁹ — эта угроза студенчеству и обществу — приводятся в исполнение менее, чем через полтора года после их издания, и правительство точно спешит оправдаться за применение невиданной карательной меры, выступая с целым обвинительным актом, не жалея красок на изображение студенческих злодейств.

Злодейства одно другого ужаснее. Летом — общестуденческий съезд в Одессе с программой организовать все русское студенчество для выражения всякого рода протестов по поводу явлений академической, общественной и политической жизни. За эти преступные политические цели все студенты-делегаты были арестованы, документы отобраны ⁷⁰. Но брожение не утихает, а растет и настойчиво обнаруживается во *многих* высших учебных заведениях. Студенты хотят свободно и самостоятельно обсуждать и вести свои общие дела. Их начальство, — с тем бездушным формализмом, которым искони отличается русское чиновничество, — отвечает мелкими придирками, доводит недовольство до крайних размеров и невольно наталкивает мысль не погрязшей еще в тине буржуазного прозябания молодежи на протест против всей системы полицейского и чиновнического самовластья.

Киевские студенты требуют удаления профессора, занявшего место уехавшего товарища. Начальство противится, доводит молодежь до «сборищ и демонстраций» и... уступает. Студенты собирают сходку для обсуждения того, почему возможны такие гнус-

* Номер был сверстан, когда появилось правительственное сообщение.

ности, как изнасилование двумя белоподкладочниками одной девушки (так гласит слух). Начальство приговаривает главных «виновников» к карцеру. Те отказываются подчиниться. Их увольняют. Толпа демонстративно провожает на вокзал уволенных. Собирается новая сходка, студенты остаются до вечера, отказываясь уйти, пока не явится ректор. Являются вице-губернатор и начальник жандармского управления с отрядом солдат, окруживших университет и вошедших в аудиторию, и — приглашают ректора. Студенты требуют — вы думаете, может быть, конституций? нет, они требуют, чтобы не применяли наказание карцером и приняли обратно уволенных. Участников сходки переписывают и отпускают по домам.

Вдумайтесь в это поразительное несоответствие между скромностью и безобидностью студенческих требований — и переполохом правительства, которое поступает так, как будто бы топор был уже занесен над опорами его владычества. Ничем так не выдает себя наше «всемогущее» правительство, как этим переполохом. Лучше всяких «преступных воззваний» оно показывает этим, — показывает всякому, имеющему глаза, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать, — что оно чувствует себя совершенно непрочным и верит только в силу штыка и нагайки, охраняющих его от народного возмущения. Искушенное опытом десятилетий, правительство твердо убедилось в том, что оно окружено горячим матерьялом, что достаточно малейшей искорки, достаточно протеста против карцера, чтобы зажечь пожар. А если так, то понятно, что расправа нужна примерная: отдать в солдаты сотни студентов! «Фельдфебеля в Вольтеры дать!»⁷¹ — эта формула нисколько не устарела. Напротив, XX веку суждено увидеть ее настоящее осуществление.

На многие мысли и сопоставления наводит эта новая карательная мера, новая своей попыткой воскресить давным-давно отжившее старое. Поколения три тому назад, во времена николаевские, отдача в солдаты была естественным наказанием, вполне соответствовавшим всему строю русского крепостного общества. Дворянчиков отдавали в солдаты, чтобы заставить их служить и выслуживаться до офицера в отмену вольности дворянства. Крестьянина отдавали в солдаты как в долголетнюю каторгу, где его ждали нечеловеческие пытки «зеленой улицы»⁷² и т. п. Но вот уже более четверти века, как у нас существует «всеобщая» воинская повинность, введение которой прославлено в свое время, как великая демократическая реформа. Всеобщая не па бумаге только, но и на деле воинская повинность, несомненно, есть демократическая реформа: она порывает с сословностью и вводит равноправность граждан. Но если бы это было так на самом деле, разве могла бы тогда отдача в солдаты служить на-

казанием? И если правительство превращает воинскую повинность в наказание, не доказывает ли оно этим, что мы стоим гораздо ближе к рекрутчине, чем к *всеобщей* воинской повинности? Временные правила 1899 г. срывают фарисейскую маску и разоблачают азиатскую сущность даже тех наших учреждений, которые всего больше походят на европейские. В сущности, у нас не было и нет *всеобщей* воинской повинности, потому что привилегии знатного происхождения и богатства создают массу исключений. В сущности, у нас не было и нет ничего похожего на равноправность граждан в военной службе. Наоборот, казарма насквозь пропитана духом самого возмутительного бесправия. Полная незащитность солдата из крестьян или рабочих, попирание человеческого достоинства, вымогательство, битье, битье и битье. А для тех, у кого есть влиятельные связи и деньги, — льготы и изъятия. Неудивительно, что отдача в эту школу произвола и насилия может быть наказанием и даже очень тяжелым наказанием, приближающимся к лишению прав. Правительство рассчитывает в этой школе обучить «бунтовщиков» дисциплине. Не ошибется ли оно в своем расчете? Не будет ли школа русской военной службы военной школой для революции? Конечно, не всем студентам под силу пройти полный курс такой школы. Одних сломит тяжелая лямка, погубит столкновение с военными властями, других — слабых и дряблых — запугает казарма, но третьих она закалит, расширит их кругозор, заставит их продумать и прочувствовать их освободительные стремления. Они испытают теперь всю силу произвола и угнетения на собственном опыте, когда все их человеческое достоинство будет поставлено в зависимость от усмотрения фельдфебеля, способного зачастую умышленно поглумиться над «образованным». Они увидят, каково на деле положение простого народа, они изболеются за те надругательства и насилия, которых ежедневными свидетелями заставят их быть, и поймут, что те несправедливости и придирки, от которых страдают студенты, это — капля в море народного угнетения. Кто поймет это, тот выйдет из военной службы с Аннибаловой клятвой⁷³ борьбы вместе с передовым классом народа за освобождение народа от деспотизма.

Но не меньше жестокости нового наказания возмущает его унижительность. Правительство делает вызов всем, в ком осталось еще чувство порядочности, объявляя протестовавших против произвола студентов простыми дебоширами, — вроде того, как оно объявило ссыльных рабочих-стачечников людьми порочного поведения. Взгляните на правительственное сообщение: его пестрят слова: беспорядок, буйства, бесчинства, беззастенчивость, разнузданность. С одной стороны, признание преступных политических целей и стремления к

политическим протестам; с другой — третирование студентов, как простых дебоширов, нуждающихся в уроках дисциплины. Это — пощечина русскому общественному мнению, симпатии которого к студенчеству очень хорошо известны правительству. И единственным достойным ответом на это со стороны студенчества было бы исполнение угрозы киевлян, устройство выдержанной и стойкой забастовки всех учащихся во всех высших учебных заведениях с требованием отмены временных правил 29-го июля 1899 года.

Но ответить правительству обязано не одно студенчество. Правительство само позаботилось сделать из этого происшествия нечто гораздо большее, чем чисто студенческую историю. Правительство обращается к общественному мнению, точно хвастаясь энергичностью своей расправы, точно издеваясь над всеми освободительными стремлениями. И все сознательные элементы во всех слоях народа обязаны ответить на этот вызов, если они не хотят пасть до положения безгласных, молча переносящих оскорбления рабов. А во главе этих сознательных элементов стоят передовые рабочие и неразрывно связанные с ними социал-демократические организации. Рабочий класс постоянно терпит неизмеримо большее угнетение и надругательство от того полицейского самовластия, с которым так резко столкнулись теперь студенты. Рабочий класс поднял уже борьбу за свое освобождение. И он должен помнить, что эта великая борьба возлагает на него великие обязанности, что он не может освободить себя, не освободив всего народа от деспотизма, что он обязан прежде всего и больше всего откликаться на всякий политический протест и оказывать ему всякую поддержку. Лучшие представители наших образованных классов доказали и запечатлели кровью тысяч замученных правительством революционеров свою способность и готовность отрясать от своих ног прах буржуазного общества и идти в ряды социалистов. И тот рабочий недостойн названия социалиста, который может равнодушно смотреть на то, как правительство посылает войско против учащейся молодежи. Студент шел на помощь рабочему, — рабочий должен прийти на помощь студенту. Правительство хочет одурачить народ, заявляя, что стремление к политическому протесту есть простое бесчинство. Рабочие должны публично заявить и разъяснить самым широким массам, что это — ложь, что настоящий очаг насилия, бесчинства и разнузданности — русское самодержавное правительство, самовластье полиции и чиновников.

Как организовать этот протест, это должны решить местные социал-демократические организации и рабочие группы. Раздача, разбрасывание, расклейка листов, устройство собраний, на кото-

рые были бы приглашаемы по возможности все классы общества, — таковы наиболее доступные формы протеста. Но было бы желательно, чтобы там, где есть крепкие и прочно поставленные организации, была сделана попытка более широкого и открытого протеста посредством публичной демонстрации. Хорошим образчиком может служить харьковская демонстрация 1-го декабря прошлого года перед редакцией «Южного Края»⁷⁴. Праздновался юбилей этой пакудной газеты, травящей всякое стремление к свету и свободе, восхваляющей все зверства нашего правительства. Перед редакцией собралась толпа, которая торжественно предавала разодранию номера «Южного Края», привязывала их к хвостам лошадей, обертывала в них собак, бросала камни и пузырьки с сернистым водородом в окна с кликами: «долой продажную прессу!». Вот какого чествования поистине заслуживают не только редакции продажных газет, но и все наши правительственные учреждения. Юбилей начальственного благоволения празднуют они лишь изредка, — юбилей народной расправы заслуживают они всегда. Всякое проявление правительственного произвола и насилия есть законный повод для такой демонстрации. И пусть открытое заявление правительства о расправе со студентами не останется без открытого ответа со стороны народа!

Написано в январе 1901 г.

*Напечатано в феврале 1901 г. в газете
«Искра», № 2*

*Полн. собр. соч., т. 4,
с. 391—396.*

Из статьи «Случайные заметки»⁷⁵

...При правительствующем сенате издается, как известно, «Собрание узаконений и распоряжений правительства», периодически выходящее о каждом мероприятии правительства. Вот эти данные мы и возьмем, и посмотрим, о чем правительство узаконяет и распоряжается. Именно: о чем. Мы не позволим себе критики начальственных велений, — мы только подсчитаем число «оных», относящихся до той или другой области...

...Сопоставление числа узаконений того или другого рода может вполне служить приблизительным показателем того, о чем наше правительство думает и заботится, чем интересуется.

Вот, например, частными обществами, если они не преследуют нравственно столь почтенной и политически столь безопасной цели наживы, наше правительство интересуется уже несравненно менее (если не считать проявлением интереса стремление затормозить, запретить, закрыть и пр.). За «отчетный» период — пишущий эти строки состоит на службе и потому надеется, что читатель простит ему употребление бюрократических терминов — утверждены уставы двух обществ (общества вспомоществования нуждающимся учащимся Владикавказской мужской гимназии и Владикавказского о-ва учебно-воспитательных прогулок и путешествий) и всемирно-стивейше разрешено изменить уставы трех (ссудосберегательной и вспомогательной касс служащих и рабочих на Людиновском и Су-кремльском заводах и на Мальцевской железной дороге; первого общества хмелеводства; благотворительного общества поощрения женского труда), 55 узаконений о торгово-промышленных обществах и 5 — о всяких других. В сфере торгово-промышленных интересов «мы» стремимся стоять на высоте задачи, стремимся делать все возможное для облегчения союзов между купцами и промышленниками (стремимся, но не делаем, ибо тяжеловесность машины и безгранич-

ная волокита ставят очень тесные пределы «возможному» в полицейском государстве). В сфере же некоммерческих союзов мы принципиально стоим за гомеопатию. Ну, общество хмелеводства или поощрения женского труда — это еще ничего себе. А вот учебно-воспитательные прогулки... Господь их знает, о чем они на прогулках говорить будут и не будет ли затруднен неослабный надзор со стороны инспекции? Нет уже, знаете ли с огнем надо обращаться осторожнее.

Школы. Учреждены целых три школы. И притом какие школы! Низшая школа скотников в имении его императорского высочества великого князя Петра Николаевича при селе Благодатном. Что села великих князей все должны быть благодатные, — в этом я давно уже не сомневался. Но теперь я не сомневаюсь и в том, что просвещением младшего брата могут искренно и от всей души интересоваться и увлекаться даже самые высокие персоны. Далее: утверждены уставы Дергачевской сельской ремесленной учебной мастерской и Асановской низшей сельскохозяйственной школы. Жаль, что у нас нет под руками никакого справочника, чтобы посмотреть, не принадлежат ли каким-нибудь высоким персонам и эти благодатные села, в которых с такой энергией культивируется народное образование и... помещичье хозяйство. Впрочем, я утешаю себя тем, что подобные справки не входят в число обязанностей статистика.

Вот и все узаконения, выражающие «попечения правительства о народе». Группировку я производил, как видите, по самым льготным принципам. Почему, например, общество хмелеводства не есть коммерческое общество? Только разве потому, что там иногда, может быть, говорят не об одной коммерции? Или школа скотников — кто ее, собственно говоря, разберет, действительно ли это школа или только усовершенствованный скотный двор?..

Написано в конце января — начале февраля 1901 г.

Полн. собр. соч., т. 4, с. 423, 425—427.

*Напечатано в апреле 1901 г. в журнале «Заря», № 1
Подпись: Т. Х.*

Из статьи
«Рабочая партия и крестьянство»⁷⁶

...Не для того, чтобы отозвать из города в деревню убежденных социал-демократов, не для того, чтобы приковать их к деревне, должны мы внести в свою программу крестьянские требования,— нет, а для того, чтобы дать руководство для деятельности тем силам, которые *не могут* найти себе приложения иначе как в деревне, для того, чтобы использовать для дела демократии и политической борьбы за свободу те связи с деревней, которые в силу обстоятельств имеются у немалого числа преданных социал-демократии интеллигентов и рабочих и которые по необходимости расширяются и растут вместе с ростом движения. Мы давно уже переросли ту стадию, когда мы были маленьким отрядом добровольцев, когда весь запас социал-демократических сил исчерпывался кружками молодежи, поголовно «ходивших к рабочим». Наше движение располагает теперь целой армией, армией рабочих, затронутых борьбой за социализм и за свободу,— армией интеллигентов, принимавших и принимающих участие в движении и разбросанных уже в настоящее время по всем концам России,— армией сочувствующих, с верой и надеждой взвращающих на рабочее движение и готовых оказать ему тысячи услуг. И перед нами стоит великая задача: организовать все эти армии, организовать так, чтобы мы способны были не только устраивать мимолетные вспышки, не только наносить врагу случайные, разрозненные (и потому не опасные) удары, а преследовать врага неуклонной, упорной и выдержанной борьбой по всей линии, травить самодержавное правительство везде, где оно сеет угнетение и пожинаяет ненависть. А разве возможно достигнуть этой цели, не заносая в многомиллионную массу крестьянства семена классовой борьбы и политического сознания? И не говорите, что такое занесение невозможно: оно не только возможно, оно уже происходит, оно идет тысячами путей, ускользающих от нашего внимания и нашего воз-

действия. Оно пойдет неизмеримо шире и быстрее, когда мы сумеем дать лозунг для такого воздействия и выкинем знамя освобождения русского крестьянства от всех остатков позорного крепостного права...

Написано в феврале, позднее 19 (4 марта) 1901 г.

Полн. собр. соч., т. 4, с. 436—437.

Напечатано в апреле 1901 г. в газете «Искра», № 3

Из статьи
«Гонители земства
и Аннибалы либерализма»⁷⁷

...В 1869 г. учреждаются инспектора народных училищ в видах оттеснения земства от действительного заведования народным образованием. Высочайше утвержденное 19-го сентября 1869 г. положение Комитета министров признает, что «земские учреждения ни по своему составу, ни по основным началам не суть власти правительственные». Закон 4-го июля 1870 г. и циркуляр 22-го октября 1870 г. подтверждают и усиливают зависимость земских служащих от губернаторов. В 1871 г. инструкция инспекторам народных училищ предоставляет им устранять от должности учителей, признаваемых неблагонадежными, и останавливать всякое решение училищного совета с предоставлением дела на разрешение попечителя. 25-го декабря 1873 г. Александр II в рескрипте на имя министра народного просвещения выражает опасение, что пародная школа при недостатке попечительного наблюдения может быть обращена «в орудие нравственного растления народа, к чему уже и обнаружены некоторые попытки», и повелевает предводителям дворянства способствовать ближайшим своим участием обеспечению нравственного влияния этих школ⁷⁸. Затем в 1874 г. выходит новое Положение о народных училищах, отдающее всю силу заведования школами в руки директоров народных училищ. Земство «протестует», если можно без иронии назвать протестом ходатайство о пересмотре закона при участии земских представителей (ходатайство Казанского земства в 1874 г.). Ходатайство, конечно, отклоняется. И т. д. и т. д. ...

Написано в июне 1901 г.

Полн. собр. соч., т. 5, с. 38.

Впервые напечатано в декабре 1901 г.
в журнале «Заря», № 2—3

Подпись: Т. П.

Из материалов к статье «Гонители земства и Аннибалы либерализма»

Выписка из журнала «Вольное Слово»⁷⁹

...§ VII (№ 59) — о народном образовании:

Положение о народных училищах 1864 г. — «собственно странный компромисс между бюрократическим принципом, клерикальными поползновениями и интересами земской школы, — но который по сравнению с последующими узаконениями, а особенно Положением 1874 г., земства теперь вспоминают с сожалением» (стр. 8).

«В 1869 г. учреждены инспектора народных училищ — по одному на губернию. В 1871 г. министерство народного просвещения подкапывает Положение 1864 г. посредством инструкции этим новозаведенным инспекторам народных школ» (№ 59, стр. 8) — между прочим, право устранять учителей... «Новый институт школьных урядников не замедлил показать себя на деле — и уже в 1873 г. последовало, по представлению одного из них, г. Дружинина, закрытие земской технической школы в г. Ржеве — за неисполнение земской управой требования попечителя об исключении обнесенных»
«г. Дружининым учеников»

[Sic? *. Я не знаю, что это значит] [обнесенных, в устах г. З. С. (как видно из дальнейшего) значит опороченных: «обнес как людей политически неблагонадежных»]

№ 60 (окончание).

Рескрипт 25. XII. 1873⁸⁰ не имел почти никаких последствий (вследствие «абсолютной пассивности наших предводителей дворянства») «кроме некоторого поощрения доносов на школьных деятелей» (стр. 11).

«Характерно, во всяком случае, что в обществе были голоса, которые приветствовали рескрипт этот, в надежде, что предводители дворянства, как элемент все-таки земский, могут парализовать значение инспекторов народных школ, элемента несомненно полицейского».

* — так? Ред.

Вышедшее в 1874 г. Положение о народных училищах «разбило и эти ожидания» — всю силу заведования школами оно отдало в руки директоров и инспекторов.

Примеры полицейского безобразия со стороны инспекторов (в лучшем случае — одна канцелярщина).

Вывод З. С. — необходимость государственного самоуправления...

Написано в июне 1901 г.

Полн. собр. соч., т. 5,
с. 393—394.

Впервые напечатано в Полном собрании сочинений В. И. Ленина, том 5

Из работы «Аграрный вопрос и «критики Маркса»»⁸¹

...Вина Каутского⁷ в том, что он имеет скверную привычку (которая наблюдается также у многих узких ортодоксов) — не забывать никогда о том, что члены боевой социалистической партии должны и в ученых своих трудах не упускать из виду читателя-рабочего, должны стараться писать *просто*, без тех ненужных ухищрений слога, без тех внешних признаков «учености», которые так пленяют декадентов и титулованных представителей официальной науки. Каутский и здесь предпочел рассказать толково и ясно, в чем состоят новейшие агрономические открытия, и опустить ничего не говорящие для девяти десятых публики ученые имена. Ворошиловы⁸² поступают наоборот: они предпочитают высыпать целый мешок ученых имен из области агрономии, политической экономии, критической философии и т. п., загромождая ученых сором суть дела.

Например, Ворошилов-Чернов своим облыжным обвинением Каутского в незнании ученых имен и научных открытий загромоздил и замаял крайне интересный и поучительный эпизод модной критики, именно: атаку буржуазной экономии на социалистическую идею об уничтожении противоположности между городом и деревней. Профессор Луйо Brentano уверяет, например, что переселение из деревень в города вызывается не данными социальными условиями, а *естественной необходимостью*, законом убывающего плодородия почвы *. Г-н Булгаков, вслед за своим учителем, объявлял

* См. статью Каутского в «Neue Zeit»⁸³ XIX, 2, 1900—1901, № 27: «Tolstoi und Brentano» («Толстой и Brentano». *Ред.*). Каутский сопоставляет с современным научным социализмом учение Л. Толстого, остающегося глубоким наблюдателем и критиком буржуазного строя, несмотря на реакционную наивность своей теории, — и буржуазную экономию, «звезда» которой, Brentano (как известно, учитель гг. Струве, Булгакова, Герца и tutti quanti [всякие другие. *Ред.*]), обнаруживает самую невероятную путаницу, смешивая явления природы и явления общественные, смешивая

еще в «Начале»⁸⁴ (1899, март, стр. 29) идею об уничтожении противоположности между городом и деревней «совершенной фантазией», которая «вызовет улыбку у агронома». Герц пишет в своей книге⁸⁵: «Уничтожение различия между городом и деревней является, правда, основным стремлением старых утопистов (и даже «Манифеста»), — но нам все же не верится, чтобы общественный строй, заключающий в себе все условия для направления человеческой культуры к высшим достижимым целям, действительно уничтожил те великие центры энергии и культуры, какими являются большие города, и, в угоду оскорбленному эстетическому чувству, отказался от этих обильных сокровищниц искусства и науки, без которых невозможен прогресс» (S. 76. Русский переводчик, стр. 182, ухитрился слово «potenzirt» * перевести «потенциальный». Беда с этими русскими переводами! На стр. 270 тот же переводчик переводит: «Wer isst zuletzt das Schwein?» ** — «Кто же в конце концов свинья?»). Как видите, Герц защищает буржуазный порядок от социалистических «фантазий» фразами, в которых не меньше «борьбы за идеализм», чем у гг. Струве и Бердяева! Но самая защита от этого напыщенного идеалистического фразерства нимало не выигрывает.

Что социал-демократы умеют ценить историческую заслугу великих центров энергии и культуры, это они доказывают своей непримиримой борьбой против всего, что прикрепляет к месту на-

вая понятия продуктивности и прибыльности, стоимости и цены и т. п. «Это не столь характерно для Brentano лично, — справедливо говорит Каутский, — как для той школы, к которой он принадлежит. Историческая школа буржуазной экономики в ее современном виде считает стремление к целостному пониманию общественного механизма превзойденной ступенью (überwundener Standpunkt). Экономическая наука должна, по этому воззрению, не исследовать социальные законы и сводить их в цельную систему, а ограничиваться протокольным описанием отдельных социальных фактов прошлого и настоящего. Так она и привыкает к тому, чтобы касаться только поверхностной стороны явлений. А когда тот или другой представитель этой школы поддается тем не менее искушению рассмотреть более глубокие основания явлений, — тогда он оказывается совершенно не в состоянии ориентироваться и блуждает беспомощно кругом да около. И в нашей партии с некоторого времени проявляется стремление заменить Марксову теорию не какой-либо другой теорией, а тем отсутствием всякой теории (Theorielosigkeit), которое отличает историческую школу, — стремление принизить теоретика до роли репортера. Кому нужно не простое бесцельное перепрыгивание (Fortwurschteln) от случая к случаю, а целостное энергичное движение вперед к великой цели, тому да послужит обнаруженная нами брентановская путаница предостережением от теперешних методов исторической школы» (S. 25).

* — возведенный в степень, обильный. *Ред.*

** — «Кто же в конце концов ест свинью?» — *Ред.*

селение вообще, крестьян и сельских рабочих в частности. И поэтому их, в отличие от критиков, не поймает на удочку ни один аграрий, стремящийся доставить «мужичку» зимние «заработки». Но решительное признание прогрессивности больших городов в капиталистическом обществе несколько не мешает нам включать в свой идеал (и в свою программу действия, ибо неосуществимые идеалы мы предоставляем гг. Струве и Бердяевым) уничтожение противоположности между городом и деревней. Неправда, что это равносильно отказу от сокровищ науки и искусства. Как раз наоборот: это необходимо для того, чтобы сделать эти сокровища *доступными всему народу*, чтобы уничтожить ту отчужденность от культуры миллионов деревенского населения, которую Маркс так метко называл «идиотизмом, деревенской жизни»⁸⁶. И в настоящее время, когда возможна передача электрической энергии на расстояние, когда техника транспорта повысилась настолько, что можно при меньших (против теперешних) издержках перевозить пассажиров с быстротой свыше 200 верст в час*, — нет ровно никаких технических препятствий тому, чтобы сокровищами науки и искусства, веками скопленными в немногих центрах, пользовалось все население, размещенное более или менее равномерно по всей стране...

Написано: главы I—IX в июне — сентябре 1901 г.

Полн. собр. соч., т. 5,
с. 148—151.

Впервые напечатано: главы I—IV в декабре 1901 г. в журнале «Заря», № 2—3

* Проект такой дороги между Манчестером и Ливерпулем не получил утверждения парламента только вследствие корыстного противодействия железнодорожных тузов, боящихся разорения старых компаний.

Из работы «Внутреннее обозрение»

...Мы должны почерпнуть новую веру в всесплие руководимого нами рабочего движения, видя, что возбуждение в передовом революционном классе передается и на другие классы и слои общества, что оно привело уже не только к небывалому подъему революционного духа в студенчестве *, но и к начинающемуся пробуждению деревни, и к усилению веры в себя и готовности к борьбе в таких общественных группах, которые (как группы) оставались до сих пор мало отзывчивыми.

Общественное возбуждение растет в России во всем народе, во всех его классах, и наш долг, долг революционных социал-демократов, направить все усилия на то, чтобы суметь воспользоваться им, чтобы разъяснить передовой рабочей интеллигенции, какого союзника имеет она и в крестьянстве, и в студенчестве, и в интеллигенции вообще, чтобы научить ее пользоваться вспыхивающими то здесь, то там огоньками общественного протеста. Роль передового борца за свободу мы в состоянии будем исполнить лишь тогда, когда руководимый боевой революционной партией рабочий класс, не забывая ни на минуту своего особого положения в современном обществе и своих особых всемирно-исторических задач освобождения человечества от экономического рабства, поднимет в то же время общенародное знамя борьбы за *свободу* и привлечет под это знамя всех тех, кого теперь гг. Сипягины, Кондоиди и вся эта шайка

* В тот момент, когда мы пишем это, отовсюду идут известия о новом усилении брожения в среде студенчества, о сходках в Киеве, Петербурге и других городах, об образовании революционных студенческих групп в Одессе и проч. Может быть, история возложит на студенчество роль застрельщика и в решительной схватке? Как бы там ни было, но для победы в этой схватке необходим подъем масс пролетариата, и мы должны скорее и скорее позаботиться об увеличении их сознательности, воодушевления и организованности.

так усердно толкает в ряды недовольных из самых разнообразных слоев общества.

Для этого нужно только, чтобы мы восприняли в свое движение не только непреклонно революционную теорию, выработанную вековым развитием европейской мысли, но и революционную энергию и революционный опыт, завещанные нам нашими западноевропейскими и русскими предшественниками, а не перенимали рабски всяческие формы оппортунизма, от которых начинают уже отделяться сравнительно мало пострадавшие от них западные наши товарищи, и которые так сильно задерживают наш путь к победе.

Перед русским пролетариатом стоит теперь наиболее трудная, но зато и наиболее благодарная революционная задача: раздавить врага, которого не могла осилить многострадальная русская интеллигенция, и занять место в рядах международной армии социализма...

Написано в октябре 1901 г.

Впервые напечатано в декабре 1901 г. .

в журнале «Заря», № 2—3

Подпись: Т. Х.

*Полн. собр. соч., т. 5,
с. 334—335.*

О журнале «Свобода»

Журнальчик «Свобода»⁸⁷ совсем плохой. Автор его — журнал производит именно такое впечатление, как будто бы он весь от начала до конца был писан одним лицом — претендует на популярное писание «для рабочих». Но это не популярность, а дурного тона популярничанье. Словечка нет простого, все с ужимкой... Без выкрутас, без «народных» сравнений и «народных» словечек — вроде «ихний» — автор не скажет ни одной фразы. И этим уродливым языком разжевываются без новых данных, без новых примеров, без новой обработки избитые социалистические мысли, умышленно вульгаризируемые. Популяризация, сказали бы мы автору, очень далека от вульгаризации, от популярничанья. Популярный писатель подводит читателя к глубокой мысли, к глубокому учению, исходя из самых простых и общеизвестных данных, указывая при помощи несложных рассуждений или удачно выбранных примеров главные *выводы* из этих данных, наталкивая думающего читателя на дальнейшие и дальнейшие вопросы. Популярный писатель не предполагает не думающего, не желающего или не умеющего думать читателя, — напротив, он предполагает в неразвитом читателе серьезное намерение работать головой и *помогает* ему делать эту серьезную и трудную работу, *ведет* его, помогая ему делать первые шаги и *уча* идти дальше самостоятельно. Вульгарный писатель предполагает читателя не думающего и думать не способного, он не наталкивает его на первые начала серьезной науки, а в уродливо-упрощенном, посоленном шуточками и прибауточками виде, преподносит ему «готовыми» *все* выводы известного учения, так что читателю даже и жевать не приходится, а только проглотить эту кашу.

Написано осенью 1901 г.

Полн. собр. соч., т. 5.
с. 358—359.

Впервые напечатано в 1936 г. в журнале
«Большевик», № 2

Начало демонстраций

Две недели тому назад мы отмечали 25-летие первой социально-революционной демонстрации в России 6 декабря 1876 г. на Казанской площади в Петербурге и указывали на громадный подъем демонстрационного движения в начале истекающего года. Мы говорили, что демонстранты должны выставить более определенный политический лозунг, чем «земля и воля» (1876 г.)⁸⁸, — более широкое требование, чем «отмена Временных правил» (1901 г.). Таким лозунгом должна быть *политическая свобода*, таким общенародным требованием должно быть *требование созыва народных представителей*.

И вот мы видим уже, что демонстрации возобновляются по самым различным поводам и в Нижнем, и в Москве, и в Харькове. Возбуждение повсюду растет, и необходимость объединить его в один поток *против самодержавия*, сеющего везде произвол, угнетение и насилие, становится все настоятельнее. В Нижнем небольшая, но удачно сошедшая демонстрация 7-го ноября была вызвана проводами Максима Горького. Европейски знаменитого писателя, все оружие которого состояло — как справедливо выразился оратор нижегородской демонстрации — в свободном слове, самодержавное правительство высылает без суда и следствия из его родного города. Башибузуки обвиняют его в дурном влиянии на нас — говорил оратор от имени всех русских людей, в ком есть хоть капля стремления к свету и свободе — а мы заявляем, что это было хорошее влияние. Опричники бесчинствуют тайно, а мы сделаем их бесчинства публичными и открытыми. У нас бьют рабочих, отстаивающих свои права на лучшую жизнь, у нас бьют студентов, протестующих против произвола, у нас дают всякое честное и смелое слово! — Демонстрация, в которой участвовали и рабочие, закончилась торжественной декламацией студента: «падет произвол, и восстанет народ, могучий, свободный и сильный!»

В Москве Горького ждали на вокзале сотни учащихся, и перепуганная полиция *арестовала* его среди пути в вагоне, запретила ему (несмотря на особо данное прежде разрешение) въезд в Москву и заставила прямо проехать с Нижегородской дороги на Курскую. Демонстрация по поводу высылки Горького не удалась, но 18 числа произошла, без всякой подготовки, небольшая демонстрация студентов и «посторонних лиц» (как выражаются наши министры) перед домом генерал-губернатора по поводу запрещения вечера в память Н. А. Добролюбова, со дня смерти которого минуло 17 ноября 40 лет. Представитель самодержавной власти в Москве был освистан людьми, которым, как и всей образованной и мыслящей России, дорог писатель, страстно ненавидевший произвол и страстно ждавший народного восстания против «внутренних турок» — против самодержавного правительства. Исполнительный комитет московских студенческих организаций справедливо указывал в своем бюллетене от 23 ноября, что эта неподготовленная демонстрация служит ясным показателем недовольства и протеста.

В Харькове демонстрация, вызванная студенческими делами, перешла уже в настоящую уличную свалку, в которой приняли участие и не одни студенты. Опыт прошлого года не прошел для студентов даром. Они увидели, что только поддержка народа и главным образом поддержка рабочих может обеспечить им успех, а для приобретения такой поддержки они должны выступать на борьбу не за академическую (студенческую) только свободу, а за *свободу всего народа*, за *политическую свободу*. Харьковский союзный совет студенческих организаций прямо выразил это уже в своей октябрьской прокламации. Да и студенты Петербурга, Москвы, Киева, Риги и Одессы, как видно из их листков и прокламаций, начали понимать всю «бессмысленность мечтаний» об академической свободе при беспросветном рабстве народа. Гнусная речь ген. Ванновского в Москве, опровергавшего «слухи», будто он что-то когда-то обещал; невиданная наглость сыщика в Петербурге (схватившего студента в Электротехническом институте, чтобы отнять у него полученное им через посыльного письмо); дикое избиение полицией ярославских студентов на улице и в участке, — все эти и тысячи других фактов вопияли о борьбе, борьбе и борьбе против всего самодержавного строя. Чашу терпения переполнил случай с харьковскими ветеринарами. Студенты 1-го курса подали петицию об удалении проф. Лагермарка, жалуясь на казенное отношение к делу, на невыносимую грубость, доходившую до бросания программы в лицо студентам! Правительство, не разобрав дела, ответило тем, что выбросило из института весь курс, да еще оболгало студентов в

своём сообщении, заявив, будто они требуют себе права назначать профессоров. Тогда поднялось все харьковское студенчество, было постановлено устроить забастовку и демонстрацию. 28 ноября — 2 декабря Харьков второй раз в этом году превратился в поле сражения «внутренних турок» с протестовавшим против самодержавного произвола народом. Клики: «долгой самодержавие! да здравствует свобода!», с одной стороны. Удары пашками, битье нагайками, топтание народа лошадьми — с другой стороны. Полиция и казаки, нещадно избивавшие всех и каждого, не разбирая ни пола, ни возраста, одержали победу над безоружными и торжествуют...

Неужели мы дадим им торжествовать?

Рабочие! Вам слишком хорошо знакома та вражья сила, которая измывает над русским народом. Эта вражья сила связывает вас по рукам и погам в вашей ежедневной борьбе с хозяевами за лучшую жизнь и за человеческое достоинство. Эта вражья сила выхватывает сотни и тысячи ваших лучших товарищей, бросая их в тюрьмы, отправляя в ссылку и, точно в издевку, объявляя еще их «лицами порочного поведения». Эта вражья сила 7 мая стреляла в обуховских рабочих в Петербурге, поднявшихся с кликом: «нам нужна свобода!», — а потом еще устроила комедию суда, чтобы закатать на каторгу тех героев, которых не уложила пуля. Эта вражья сила, избивающая сегодня студентов, завтра бросится с еще большим озверением избивать вас, рабочих. Не теряйте времени! Помните, что вы должны поддерживать всякий протест и борьбу против башибузуков самодержавного правительства! Старайтесь всеми средствами войти в соглашение с демонстрантами-студентами, устраивайте кружки для быстрой передачи сведений и распространения воззваний; разъясняйте всем и каждому, что вы поднимаетесь на борьбу за свободу всего народа.

Когда здесь и там начинают вспыхивать огоньки народного возмущения и открытой борьбы, — всего прежде и всего более нужен сильный приток свежего воздуха, чтобы эти огоньки могли разгореться в широкое пламя!

Из книги «Что делать?»

Наболевшие вопросы нашего движения» ⁸⁹

...Без революционной теории не может быть и революционного движения. Нельзя достаточно настаивать на этой мысли в такое время, когда с модной проповедью оппортунизма обнимается увлечение самыми узкими формами практической деятельности. А для русской социал-демократии значение теории усиливается еще тремя обстоятельствами, о которых часто забывают, именно: во-первых, тем, что наша партия только еще складывается, только еще вырабатывает свою физиономию и далеко еще не закончила счетов с другими направлениями революционной мысли, грозящими совлечь движение с правильного пути. Напротив, именно самое последнее время ознаменовалось (как давно уже предсказывал «экономистам» Аксельрод ⁹⁰) оживлением не социал-демократических революционных направлений. При таких условиях «неважная» на первый взгляд ошибка может вызвать самые печальные последствия, и только близорукие люди могут находить несвоевременными или излишними фракционные споры и строгое различие оттенков. От упрочения того или другого «оттенка» может зависеть будущее русской социал-демократии на много и много лет.

Во-вторых, социал-демократическое движение международно, по самому своему существу. Это означает не только то, что мы должны бороться с национальным шовинизмом. Это означает также, что начинающееся в молодой стране движение может быть успешно лишь при условии претворения им опыта других стран. А для такого претворения недостаточно простого знакомства с этим опытом или простого переписывания последних резолюций. Для этого необходимо уметь критически относиться к этому опыту и самостоятельно проверять его. Кто только представит себе, как гигантски разрослось и разветвилось современное рабочее движение, тот поймет, какой запас теоретических сил и политического (а также революционного) опыта необходим для выполнения этой задачи.

В-третьих, национальные задачи русской социал-демократии таковы, каких не было еще ни перед одной социалистической партией в мире. Нам придется ниже говорить о тех политических и организационных обязанностях, которые возлагает на нас эта задача освобождения всего народа от ига самодержавия. Теперь же мы хотим лишь указать, что *роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией*. А чтобы хоть сколько-нибудь конкретно представить себе, что это означает, пусть читатель вспомнит о таких предшественниках русской социал-демократии, как Герцен, Белинский, Чернышевский и блестящая плеяда революционеров 70-х годов; пусть подумает о том всемирном значении, которое приобретает теперь русская литература; пусть... да довольно и этого!..

Полн. собр. соч., т. 6, с. 24—25.

...Мы отметили в предыдущей главе ⁹¹ *повальное* увлечение теорией марксизма русской образованной молодежи в половине 90-х годов. Такой же повальный характер приняли около того же времени рабочие стачки после знаменитой петербургской промышленной войны 1896 года ⁹². Их распространение по всей России явно свидетельствовало о глубине вновь поднимающегося народного движения, и если уже говорить о «стихийном элементе», то, конечно, именно это стачечное движение придется признать прежде всего стихийным. Но ведь и стихийность стихийности — рознь. Стачки бывали в России и в 70-х и в 60-х годах (и даже в первой половине XIX века), сопровождаясь «стихийным» разрушением машин и т. п. По сравнению с этими «бунтами» стачки 90-х годов можно даже назвать «сознательными» — до такой степени значителен тот шаг вперед, который сделало за это время рабочее движение. Это показывает нам, что «стихийный элемент» представляет из себя, в сущности, не что иное, как *зачаточную форму* сознательности. И примитивные бунты выражали уже собой некоторое пробуждение сознательности: рабочие теряли исконную веру в незыблемость давящих их порядков, начинали... не скажу понимать, а чувствовать необходимость коллективного отпора, и решительно порывали с рабской покорностью перед начальством. Но это было все же гораздо более проявлением отчаяния и мести, чем *борьбой*. Стачки 90-х годов показывают нам гораздо больше проблесков сознательности: выставляются определенные требования, рассчитывается наперед, какой момент удобнее, обсуждаются известные случаи и примеры в других местах и т. д. Если бунты были восстанием просто угнетенных людей, то

систематические стачки выражали уже собой зачатки классовой борьбы, но именно только зачатки. Взятые сами по себе, эти стачки были борьбой тред-юнионистской⁹³, но еще не социал-демократической, они знаменовали пробуждение антагонизма рабочих и хозяев, но у рабочих не было, да и быть не могло сознания непримиримой противоположности их интересов всему современному политическому и общественному строю, то есть сознания социал-демократического. В этом смысле стачки 90-х годов, несмотря на громадный прогресс по сравнению с «бунтами», оставались движением чисто стихийным.

Мы сказали, что социал-демократического сознания у рабочих и не могло быть. Оно могло быть принесено только извне. История всех стран свидетельствует, что исключительно своими собственными силами рабочий класс в состоянии выработать лишь сознание тред-юнионистское, т. е. убеждение в необходимости объединяться в союзы, вести борьбу с хозяевами, добиваться от правительства издания тех или иных необходимых для рабочих законов и т. п.* Учение же социализма выросло из тех философских, исторических, экономических теорий, которые разрабатывались образованными представителями имущих классов, интеллигенцией. Основатели современного научного социализма, Маркс и Энгельс, принадлежали и сами, по своему социальному положению, к буржуазной интеллигенции. Точно так же и в России теоретическое учение социал-демократии возникло совершенно независимо от стихийного роста рабочего движения, возникло как естественный и неизбежный результат развития мысли у революционно-социалистической интеллигенции. К тому времени, о котором у нас идет речь, т. е. к половине 90-х годов, это учение не только было уже вполне сложившейся программой группы «Освобождение труда»⁹⁵, но и завоевало на свою сторону большинство революционной молодежи в России...

Там же, с. 29—31.

...Всякое преклонение пред стихийностью рабочего движения, всякое умаление роли «сознательного элемента», роли социал-демократии означает тем самым, — совершенно независимо от того, желает ли этого умаляющий или нет, — усиление влияния буржуазной идеологии на рабочих. Все, кто толкует о «переоценке идео-

* Тред-юнионизм вовсе не исключает всякую «политику», как иногда думают. Тред-юнионы всегда вели известную (но не социал-демократическую) политическую агитацию и борьбу. О различии тред-юнионистской и социал-демократической политики мы скажем в следующей главе⁹⁴.

логии» *, о преувеличении роли сознательного элемента ** и т. п., воображают, что чисто рабочее движение само по себе может выработать и выработает себе самостоятельную идеологию, лишь бы только рабочие «вырвали из рук руководителей свою судьбу». Но это глубокая ошибка...

Там же, с. 38.

...Раз о самостоятельной, самими рабочими массами в самом ходе их движения вырабатываемой идеологии не может быть и речи***, то вопрос стоит *только так*: буржуазная или социалистическая идеология. Середины тут нет (ибо никакой «третьей» идеологии не выработало человечество, да и вообще в обществе, раздираемом классовыми противоречиями, и не может быть никогда внеклассовой или надклассовой идеологии). Поэтому *всякое* умаление социалистической идеологии, *всякое* отстранение от нее означает тем самым усиление идеологии буржуазной. Толкуют о стихийности. Но *стихийное* развитие рабочего движения идет именно к подчинению его буржуазной идеологии, *идет именно по программе* «Credo», ибо стихийное рабочее движение есть тред-юнионизм, есть *Nur-Gewerkschaftlerei* ⁹⁶, а тред-юнионизм означает как раз идейное порабощение рабочих буржуазией. Поэтому наша задача, задача социал-демократии, состоит в *борьбе со стихийностью*, состоит в том, чтобы *совлечь* рабочее движение с этого стихийного стремления тред-юнионизма под крылышко буржуазии и привлечь его под крылышко революционной социал-демократии. Фраза авторов «экономического» письма в № 12 «Искры», что никакие усилия самых вдохновенных идеологов не могут совлечь рабочего движения с пути, определяемого взаимодействием материальных элементов и материальной

* Письмо «экономистов» в № 12 «Искры».

** «Р. Дело» № 10.

*** Это не значит, конечно, что рабочие не участвуют в этой выработке. Но они участвуют не в качестве рабочих, а в качестве теоретиков социализма, в качестве Прудонов и Вейтлингов, участвуют, другими словами, лишь тогда и постольку, поскольку им в большей или меньшей степени удается овладевать знанием своего века и двигать вперед это знание. А чтобы рабочим *чаще удавалось это*, для этого необходимо как можно больше заботиться о повышении уровня сознательности рабочих вообще, для этого необходимо, чтобы рабочие не замыкались в искусственно суженные рамки «литературы для рабочих», а учились бы овладевать все больше и больше *общей литературой*. Вернее даже было бы сказать вместо «замыкались» — были замыкаемы, потому что рабочие-то сами читают и хотят читать все, что пишут и для интеллигенции, и только некоторые (плохие) интеллигенты думают, что «для рабочих» достаточно рассказывать о фабричных порядках и пережевывать давно известное.

среды, совершенно равносильна поэтому отказу от социализма, и если бы эти авторы способны были продумать то, что они говорят, до конца бесстрашно и последовательно, как должен продумывать свои мысли всякий, кто выступает на арену литературной и общественной деятельности, то им ничего не осталось бы, как «сложить на пустой груди ненужные руки» и... и предоставить поле действия гг. Струве и Прокоповичам, которые тянут рабочее движение «по линии наименьшего сопротивления», т. е. по линии буржуазного тред-юнионизма, или гг. Зубатовым, которые тянут его по линии поповско-жандармской «идеологии».

Вспомните пример Германии. В чем состояла историческая заслуга Лассалья пред немецким рабочим движением? В том, что он *совлек* это движение с того пути прогрессистского тред-юнионизма и кооперативизма, на который оно стихийно направлялось (*при благосклонном участии Шульце-Деличей и им подобных*). Для исполнения этой задачи нужно было нечто, совсем не похожее на разговоры о преуменьшении стихийного элемента, о тактике-процессе, о взаимодействии элементов и среды и т. п. Для этого нужна была *отчаянная борьба со стихийностью*, и только в результате такой, долгие-долгие годы ведшейся борьбы достигнуто было, например, то, что рабочее население Берлина из опоры прогрессистской партии сделалось одной из лучших крепостей социал-демократии. И борьба эта отнюдь не закончена и посейчас (как могло бы показаться людям, изучающим историю немецкого движения по Прокоповичу, а философию его по Струве ⁹⁷). И сейчас немецкий рабочий класс, если можно так выразиться, раздроблен между несколькими идеологиями: часть рабочих объединена в католические и монархические рабочие союзы, другая — в гириш-дункеровские ⁹⁸, основанные буржуазными поклонниками английского тред-юнионизма, третья — в союзы социал-демократические. Последняя часть неизмеримо больше всех остальных, но этого главенства социал-демократическая идеология могла добиться и это главенство она сможет сохранить только путем неуклонной борьбы со всеми остальными идеологиями.

Но почему же — спросит читатель — стихийное движение, движение по линии наименьшего сопротивления идет именно к господству буржуазной идеологии? По той простой причине, что буржуазная идеология по происхождению своему гораздо старше, чем социалистическая, что она более всесторонне разработана, что она обладает *неизмеримо* большими средствами распространения *. И чем

* Часто говорят: рабочий класс *стихийно* влечется к социализму. Это совершенно справедливо, в том смысле, что социалистическая теория всех глубже и всех вернее определяет причины бедствий рабочего класса, а

моложе социалистическое движение в какой-либо стране, тем энергичнее должна быть поэтому борьба против всех попыток упрочить несоциалистическую идеологию, тем решительнее надо предостерегать рабочих от тех плохих советчиков, которые кричат против «преувеличения сознательного элемента» и т. п. Авторы «экономического» письма громят, в унисон с «Раб. Делом», нетерпимость, свойственную младенческому периоду движения. Мы ответим на это: да, наше движение действительно находится в младенческом состоянии, и для того, чтобы скорее возмужать, оно должно именно заразиться нетерпимостью по отношению к людям, задерживающим его рост своим преклонением пред стихийностью. Нет ничего смешнее и ничего вреднее, как корчить из себя стариков, давно уже переживших все решительные эпизоды борьбы!..

Там же, с. 39—42.

...Итак, мы убедились, что основная ошибка «нового направления»¹⁰⁰ в русской социал-демократии состоит в преклонении пред стихийностью, в непонимании того, что стихийность массы требует от нас, социал-демократов, массы сознательности. Чем больше стихийный подъем масс, чем шире становится движение, тем еще несравненно быстрее возрастает требование на массу сознательности и в теоретической, и в политической, и в организационной работе социал-демократии.

Стихийный подъем масс в России произошел (и продолжает происходить) с такой быстротой, что социал-демократическая молодежь оказалась неподготовленной к исполнению этих гигантских задач. Эта неподготовленность — наша общая беда, беда *всех* русских социал-демократов. Подъем масс шел и ширился непрерывно и преемственно, не только не прекращаясь там, где он начался, но и захватывая новые местности и новые слои населения (под влиянием рабочего движения оживилось брожение учащейся молодежи, интеллигенции вообще, даже и крестьянства). Революционеры же *отставали* от этого подъема и в своих «теориях», и в своей деятельности, им не удавалось создать непрерывной и преемственной организации, способной *руководить* всем движением...

Там же, с. 52—53.

потому рабочие и усваивают ее так легко, *если* только эта теория сама не пасует пред стихийностью, *если* только она подчиняет себе стихийность. Обыкновенно это подразумевается само собою, но «Раб. Дело»⁹⁹ как раз забывает и извращает это подразумеваемое. Рабочий класс стихийно влечется к социализму, но наиболее распространенная (и постоянно воскрешаемая в самых разнообразных формах) буржуазная идеология тем не менее стихийно всего более павязывается рабочему.

...Вдумайтесь, в самом деле, в следующее рассуждение Мартынова¹⁰¹. Он говорит на стр. 40, что обличительная тактика «Искры» односторонняя, что, «сколько бы мы ни сеяли недоверия и ненависти к правительству, мы цели не достигнем, покуда нам не удастся развить достаточную активную общественную энергию для его низвержения». Это, в скобках сказать, знакомая уже нам забота о повышении активности массы при стремлении принизить свою активность. Но дело теперь не в этом. Мартынов говорит здесь, следовательно, о *революционной* энергии («для низвержения»). И к какому же он приходит выводу? Так как в обычное время разные общественные слои неизбежно идут вразброд, то «ввиду этого ясно, что мы, социал-демократы, не можем одновременно руководить активной деятельностью разных оппозиционных слоев, не можем для них диктовать положительную программу действий, не можем им указывать, какими способами следует изо дня в день бороться за свои интересы... Либеральные слои уже сами позаботятся о той активной борьбе за свои ближайшие интересы, которая их столкнет лицом к лицу с нашим политическим режимом» (41). Таким образом, начав говорить о революционной энергии, об активной борьбе за низвержение самодержавия, Мартынов сейчас же сбился на профессиональную энергию, на активную борьбу за ближайшие интересы! Понятно само собой, что мы не можем руководить борьбой студентов, либералов и проч. за их «ближайшие интересы», но ведь не об этом же была речь, почтеннейший «экономист»! Речь шла о возможном и необходимом участии разных общественных слоев в низвержении самодержавия, а *этой* «активной деятельностью разных оппозиционных слоев» мы не только *можем*, но и непременно должны руководить, если мы хотим быть «авангардом». О том, чтобы наши студенты, наши либералы и пр. «сталкивались лицом к лицу с нашим политическим режимом», позаботятся не только они сами, — об этом прежде всего и больше всего позаботится сама полиция и сами чиновники самодержавного правительства. Но «мы», если мы хотим быть передовыми демократами, должны позаботиться о том, чтобы *наталкивать* людей, недовольных собственно только университетскими или только земскими и т. п. порядками, на мысль о негодности всего политического порядка. Мы должны взять на себя задачу организовать такую всестороннюю политическую борьбу под руководством *нашей* партии, чтобы посильную помощь этой борьбе и этой партии могли оказывать и действительно стали оказывать все и всякие оппозиционные слои. Мы должны вырабатывать из практиков социал-демократов таких политических вождей, которые бы умели руководить всеми проявлениями этой всесторонней борьбы,

умели в нужную минуту «продиктовать положительную программу действий» и волнующимся студентам, и недовольным земцам, и возмущенным сектантам, и обиженным народным учителям, и проч., и проч. Поэтому *совершенно неверно* утверждение Мартынова, что «по отношению к ним мы можем выступать *лишь в отрицательной* роли обличителя порядков... Мы можем *только* рассеивать их надежды на разные правительственные комиссии» (курсив наш). Говоря это, Мартынов показывает тем самым, что он *ровнехонько ничего не понимает* в вопросе о действительной роли революционного «авангарда». И если читатель примет это во внимание, то ему станет понятен *истинный смысл* следующих заключительных слов Мартынова: «Искра» есть орган революционной оппозиции, обличающий наши порядки, и преимущественно политические порядки, поскольку они сталкиваются с интересами самых различных слоев населения. Мы же работаем и будем работать для рабочего дела в тесной органической связи с пролетарской борьбой. Суживая сферу своего воздействия, мы тем самым осложняем самое воздействие» (63). Истинный смысл этого вывода такой: «Искра» хочет *поднять* тред-юнионистскую политику рабочего класса (которой по недоразумению, неподготовленности или по убеждению ограничиваются у нас так часто практики) до социал-демократической политики. А «Раб. Дело» хочет *принизать* социал-демократическую политику до тред-юнионистской. И при этом еще оно уверяет всех и каждого, что это — «вполне совместимые позиции в общем деле» (63). O, sancta simplicitas! *

Пойдем дальше. Есть ли у нас силы для того, чтобы направить свою пропаганду и агитацию во *все* классы населения? Конечно, да. Наши «экономисты», склонные нередко отрицать это, упускают из виду тот гигантский шаг вперед, который сделало наше движение с 1894 (приблизительно) по 1901 г. Истинные «хвостисты», они живут зачастую в представлениях давно миновавшего периода начала движения. Тогда у нас действительно было поразительно мало сил, тогда была естественна и законна решимость всецело уйти в работу среди рабочих и сурово осуждать всякие отклонения от нее, тогда вся задача состояла в том, чтобы упрочиться в рабочем классе. Теперь в движение втянута гигантская масса сил, к нам идут все лучшие представители молодого поколения образованных классов, везде и повсюду по всей провинции вынуждены сидеть люди, принимавшие уже или желающие принять участие в движении, люди, тяготеющие к социал-демократии (тогда как в 1894 г. по пальцам

* — O, святая простота! *Ред.*

можно было пересчитать русских социал-демократов). Один из основных политических и организационных недостатков нашего движения, — что мы *не умеем* занять все эти силы, дать всем подходящую работу (подробнее мы скажем об этом в следующей главе). Громадное большинство этих сил совершенно лишено возможности «идти к рабочим», так что об опасности отвлечь силы от нашего основного дела не может быть и речи. А для доставления рабочим настоящего, всестороннего и живого политического знания необходимы «свой люди», социал-демократы, везде и повсюду, во всех общественных слоях, на всяких позициях, дающих возможность знать внутренние пружины нашего государственного механизма. И необходимы такие люди не только в пропагандистском и агитационном, но еще более в организационном отношении...

Там же, с. 85—88.

...Попробуем ответить на этот вопрос * маленькой картинкой деятельности типичного социал-демократического кружка 1894—1901 годов. Мы уже указывали на повальное увлечение марксизмом учащейся молодежи этого периода. Это увлечение относилось, разумеется, не только и даже не столько к марксизму, как к теории, а как к ответу на вопрос: «что делать?», как к призыву идти в поход на врага. И новые ратники шли в поход с удивительно первобытным снаряжением и подготовкой. В массе случаев не было даже почти никакого снаряжения и ровно никакой подготовки. Шли на войну, как мужики от сохи, захватив одну только дубину. Кружок студентов, без всякой связи с старыми деятелями движения, без всякой связи с кружками в других местностях или даже в других частях города (или в иных учебных заведениях), без всякой организации отдельных частей революционной работы, без всякого систематического плана деятельности на сколько-нибудь значительный период, заводит связи с рабочими и берется за дело. Кружок разворачивает постепенно более и более широкую пропаганду и агитацию, привлекает фактом своего выступления сочувствие довольно широких слоев рабочих, сочувствие некоторой части образованного общества, доставляющего деньги и отдающего в распоряжение «Комитету» новые и новые группы молодежи. Растет обаяние комитета (или союза борьбы), растет размах его деятельности, и он расширяет эту деятельность совершенно стихийно: те же люди, которые год или несколько месяцев тому назад выступали в студенческих кружках и решали вопрос: «куда идти?», которые заводили и поддержи-

* Что такое кустарничество? *Ред.*

вали сношения с рабочими, изготовляли и выпускали листки, заводят связи с другими группами революционеров, раздобывают литературу, берутся за издание местной газеты, начинают говорить об устройстве демонстрации, переходят, наконец, к открытым военным действиям (причем этим открытым военным действием может явиться, смотря по обстоятельствам, и первый же агитационный листок, и первый номер газеты, и первая демонстрация). И обыкновенно первое же начало этих действий ведет за собою немедленно полный провал. Немедленно и полный именно потому, что эти военные действия явились не результатом систематического, заранее обдуманного и исподволь подготовленного плана длинной и упорной борьбы, а просто стихийным ростом традиционно ведущейся кружковой работы; потому что полиция, естественно, почти всегда знала всех главных деятелей местного движения, «зарекомендовавших» себя еще со студенческой скамьи, и только выжидала самого удобного для нее момента облавы, нарочно давая кружку достаточно разрастись и развернуться, чтобы иметь осязательный *corpus delicti* *, и нарочно оставляя всегда несколько известных ей лиц «на разводку» (как гласит техническое выражение, употребляемое, насколько мне известно, и нашим братом, и жандармами). Таковую войну нельзя не сравнить с походом вооруженных дубинами шаек крестьян против современного войска. И надо только удивляться жизненности движения, которое ширилось, росло и одерживало победы, несмотря на это полное отсутствие подготовки у сражавшихся. Правда, с исторической точки зрения, примитивность снаряжения была не только неизбежна вначале, но *даже законна*, как одно из условий широкого привлечения ратников. Но как только начались серьезные военные действия (а они начались уже, в сущности, с летних стачек 1896 года), — недостатки нашей военной организации стали все сильнее и сильнее давать себя чувствовать. Опешив на первых порах и наделав ряд ошибок (вроде обращения к обществу с описанием злодейств социалистов или ссылки рабочих из столиц в промышленные центры провинции), правительство вскоре приспособилось к новым условиям борьбы и сумело поставить на надлежащие места свои, вооруженные всеми усовершенствованиями, отряды провокаторов, шпионов и жандармов. Погромы стали так часто повторяться, захватывать такую массу лиц, выметать до такой степени начисто местные кружки, что рабочая масса теряла буквально всех руководителей, движение приобретало невероятно скачкообразный характер, и абсолютно никакой преемственности

* — состав преступления. *Ред.*

и связности работы не могло установиться. Поразительная раздробленность местных деятелей, случайность состава кружков, неподготовленность и узкий кругозор в области теоретических, политических и организационных вопросов были неизбежным результатом описанных условий. Дело дошло до того, что в некоторых местах рабочие в силу недостатка у нас выдержки и конспиративности проникаются недоверием к интеллигенции и сторонятся от нее: интеллигенты, говорят они, слишком необдуманно приводят к провалам!..

Там же, с. 100—102.

...Не только вообще отстают революционеры от стихийного подъема масс, но даже и рабочие-революционеры отстают от стихийного подъема рабочих масс. А этот *факт* самым наглядным образом подтверждает, даже с «практической» точки зрения, не только нелепость, но и *политическую реакционность* той «педагогии», которою нас так часто угощают при обсуждении вопроса о наших обязанностях по отношению к рабочим. Этот факт свидетельствует, что самая первая, самая настоятельная наша обязанность — содействие выработке рабочих-революционеров, стоящих на таком же уровне *в отношении партийной деятельности*, как и интеллигенты-революционеры (мы подчеркиваем слова: в отношении партийной деятельности, ибо в других отношениях достижение такого же уровня рабочими, хотя и необходимо, но далеко не так легко и не так настоятельно). Поэтому *главное* внимание должно быть обращено на то, чтобы *поднимать* рабочих до революционеров, отнюдь не на то, чтобы *опускаться* самим непременно до «рабочей массы», как хотят «экономисты», непременно до «рабочих-средняков», как хочет «Свобода» (поднимающаяся в этом отношении на вторую ступеньку экономической «педагогии») ¹⁰². Я далек от мысли отрицать необходимость популярной литературы для рабочих и особо популярной (только, конечно, не балаганной) литературы для особенно отстающих рабочих. Но меня возмущает это постоянное припутывание педагогии к вопросам политики, к вопросам организации. Ведь вы, господа радители о «рабочем-средняке», в сущности, скорее оскорбляете рабочих своим желанием непременно *нагнуться*, прежде чем заговорить о рабочей политике или о рабочей организации. Да говорите же вы о серьезных вещах выпрямившись, и представьте педагогию педагогам, а не политикам и не организаторам! Разве среди интеллигенции нет тоже передовиков, «средняков» и «массы»? Разве для интеллигенции не признается также всеми необходимостью популярной литературы и не пишется эта литера-

тура? Но представьте только себе, что в статье об организации студентов или гимназистов автор станет, как открытие какое-то, разжевывать, что нужна прежде всего организация «студентов-средняков». Такого автора наверное осмеют — и поделом. Да вы дайте нам, скажут ему, организационные идейки, ежели они у вас есть, а уж там мы сами разберем, кто из нас «средняк», кто выше и кто ниже. А ежели у вас *своих* организационных идей нет, — все ваши потуги насчет «массы» и «средняков» окажутся просто скучными. Поймите же, что самые уже вопросы о «политике», об «организации» настолько серьезны, что об них нельзя говорить иначе как вполне серьезно: можно и должно *подготавливать* рабочих (и студентов и гимназистов) к тому, чтобы с ними *можно было заговорить* об этих вопросах, но, раз уже вы заговорили о них, давайте настоящие ответы, не пятьтесь назад, к «среднякам» или к «массе», не отделывайтесь прибаутками или фразами *...

Там же, с. 130—132.

...«Надо мечтать!» Написал я эти слова и испугался. Мне представилось, что я сижу на «объединительном съезде», против меня сидят редакторы и согрудники «Рабочего Дела». И вот встает товарищ Мартынов и грозно обращается ко мне: «А позвольте вас спросить, имеет ли еще автономная редакция право мечтать без предварительного опроса комитетов партии?». А за ним встает товарищ Кричевский и (философски углубляя товарища Мартынова, который уже давно углубил товарища Плеханова) еще более грозно продолжает: «Я иду дальше. Я спрашиваю, имеет ли вообще право мечтать марксист, если он не забывает, что по Марксу человечество всегда ставит себе осуществимые задачи и что тактика есть процесс роста задач, растущих вместе с партией?».

От одной мысли об этих грозных вопросах у меня мороз подирает по коже, и я думаю только — куда бы мне спрятаться. Попробую спрятаться за Писарева.

«Разлад разладу рознь, — писал по поводу вопроса о разладе между мечтой и действительностью Писарев. — Моя мечта может обго-

* «Свобода» № 1, статья «Организация», стр. 66: «тяжелой поступью рабочая громада будет крепить все требования, которые выставляются от лица российского Труда», — непременно с большой буквы! И этот же автор восклицает: «я вовсе не отношусь враждебно к интеллигенции, но» ... (это то самое *но*, которое Щедрин переводил словами: выше лба уши не растут!)... «но меня всегда страшно сердит, когда придет человек и наговорит очень красивых и прекрасных вещей и требует, чтобы они были приняты за свою (его?) красоту и пыше достоинства» (62). Да, меня это тоже «всегда страшно сердит»...

нять естественный ход событий или же она может хватать совершенно в сторону, туда, куда никакой естественный ход событий никогда не может прийти. В первом случае мечта не приносит никакого вреда; она может даже поддерживать и усиливать энергию трудящегося человека... В подобных мечтах нет ничего такого, что извращало или парализовало бы рабочую силу. Даже совсем напротив. Если бы человек был совершенно лишен способности мечтать таким образом, если бы он не мог изредка забегать вперед и созерцать воображением своим в цельной и законченной картине то самое творение, которое только что начинает складываться под его руками, — тогда я решительно не могу представить, какая побудительная причина заставляла бы человека предпринимать и доводить до конца обширные и утомительные работы в области искусства, науки и практической жизни... Разлад между мечтой и действительностью не приносит никакого вреда, если только мечтающая личность серьезно верит в свою мечту, внимательно вглядываясь в жизнь, сравнивает свои наблюдения с своими воздушными замками и вообще добросовестно работает над осуществлением своей фантазии. Когда есть какое-нибудь соприкосновение между мечтой и жизнью, тогда все обстоит благополучно»¹⁰³.

Вот такого-то рода мечтаний, к несчастью, слишком мало в нашем движении. И виноваты в этом больше всего кичащиеся своей трезвенностью, своей «близостью» к «конкретному» представители легальной критики и нелегального «хвостизма»...

Там же, с. 171—173.

...История русской социал-демократии явственно распадается на три периода.

Первый период обнимает около десяти лет, приблизительно 1884—1894 гг. Это был период возникновения и упрочения теории и программы социал-демократии. Число сторонников нового направления в России измерялось единицами. Социал-демократия существовала без рабочего движения, переживая, как политическая партия, процесс утробного развития.

Второй период обнимает три-четыре года, 1894—1898 гг. Социал-демократия появляется на свет божий, как общественное движение, как подъем народных масс, как политическая партия. Это — период детства и отрочества. С быстротой эпидемии распространяется повальное увлечение интеллигенции борьбой с народничеством и хождением к рабочим, повальное увлечение рабочих стачками. Движение делает громадные успехи. Большинство руководителей — совсем

молодые люди, далеко не достигшие того «тридцатипятилетнего возраста», который казался г. Н. Михайловскому какой-то естественной гранью. Благодаря своей молодости, они оказываются неподготовленными к практической работе и поразительно быстро сходят со сцены. Но размах работы у них большей частью был очень широкий. Многие из них начинали революционно мыслить, как народовольцы. Почти все в ранней юности восторженно преклонялись перед героями террора. Отказ от обаятельного впечатления этой героической традиции стоил борьбы, сопровождался разрывом с людьми, которые во что бы то ни стало хотели остаться верными «Народной воле» и которых молодые социал-демократы высоко уважали. Борьба заставляла учиться, читать нелегальные произведения всяких направлений, заниматься усиленно вопросами легального народничества. Воспитанные на этой борьбе социал-демократы шли в рабочее движение, «ни на минуту» не забывая ни о теории марксизма, озарившей их ярким светом, ни о задаче низвержения самодержавия. Образование партии весной 1898 года было самым рельефным и в то же время *последним* делом социал-демократов этой полосы.

Третий период подготавливается, как мы видели, в 1897 году и окончательно выступает на смену второго периода в 1898 году (1898—?). Это — период разброда, распада, шатания. В отрочестве бывает так, что голос у человека ломается. Вот и у русской социал-демократии этого периода стал ломаться голос, стал звучать фальшью, — с одной стороны, в произведениях гг. Струве и Прокоповича, Булгакова и Бердяева, с другой стороны — у В. И.—на и Р. М., у Б. Кричевского и Маргынова. Но брели розно и шли назад только руководители: само движение продолжало расти и делать громадные шаги вперед. Пролетарская борьба захватывала новые слои рабочих и распространялась по всей России, влияя в то же время косвенно и на оживление демократического духа в студенчестве и в других слоях населения. Сознательность же руководителей спасовала перед широтой и силой стихийного подъема; среди социал-демократов преобладала уже другая полоса — полоса деятелей, воспитавшихся почти только на одной «легальной» марксистской литературе, а ее было тем более недостаточно, чем большей сознательности требовала от них стихийность массы. Руководители не только оказывались позади и в теоретическом отношении («свобода критики») и в практическом («кустарничество»), но пытались защищать свою отсталость всякими выпренными доводами. Социал-демократизм принижался до тред-юнионизма и брентанистами ¹⁰⁴ легальной и хвостистами нелегальной литературы. Программа «Credo» начинала осуществляться, особенно когда «кустарничество» социал-демокра-

тов вызвало оживление революционных не социал-демократических направлений.

И вот, если читатель упрекнет меня за то, что я чересчур подробно занимался каким-то «Раб. Делом», я отвечу на это: «Р. Дело» приобрело «историческое» значение потому, что всего рельефнее отразило в себе «дух» этого третьего периода *. Не последовательный Р. М., а именно флюгерствующие Кричевские и Мартыновы могли настоящим образом выразить разброд и шатания, готовность идти на уступки и перед «критикой», и перед «экономизмом», и перед терроризмом. Не величественное пренебрежение к практике со стороны какого-нибудь поклонника «абсолюта» характерно для этого периода, а именно соединение мелкого практицизма с полнейшей теоретической беззаботностью. Не столько прямым отрицанием «великих слов» занимались герои этого периода, сколько их опошлением: научный социализм перестал быть целостной революционной теорией, а превращался в мешанину, в которой «свободно» добавляли жидкости из всякого нового немецкого учебника; лозунг «классовая борьба» не толкал вперед к все более широкой, все более энергичной деятельности, а служил средством успокоения, так как ведь «экономическая борьба неразрывно связана с политической»; идея партии не служила призывом к созданию боевой организации революционеров, а оправдывала какую-то «революционную канцелярщину» и ребяческую игру в «демократические» формы.

Когда кончается третий и начинается четвертый период (во всяком случае предвещаемый уже многими признаками), — мы не знаем. Из области истории мы переходим здесь в область настоящего, отчасти будущего. Но мы твердо верим, что четвертый период поведет к упрочению воинствующего марксизма, что из кризиса русская социал-демократия выйдет окрепшей и возмужавшей, что «на смену» арьергарда оппортунистов выступит действительный передовой отряд самого революционного класса.

В смысле призыва к такой «смене» и сводя вместе все изложенное выше, мы можем на вопрос: что делать? дать краткий ответ:

Ликвидировать третий период.

Написано осенью 1901 — в феврале 1902 г.

Там же, с. 180—183

Напечатано в марте 1902 г. в Штутгарте отдельной книгой

* Я мог бы также ответить немецкой пословицей: Den Sack schlägt man, den Esel meint man, или по-русски: кошку бьют, невестке наветки дают. Не одно «Раб. Дело», а широкая масса практиков и теоретиков увлекалась модной «критикой», путалась в вопросе о стихийности, сбивалась с социал-демократического на тред-юнионистское понимание наших политических и организационных задач.

Материалы к выработке программы РСДРП

Из «Проекта программы Российской социал-демократической рабочей партии»*

...XII. Ближайшие цели русской социал-демократии значительно видоизменяются, однако, тем, что многочисленные у нас остатки докапиталистического, крепостного, общественного порядка задерживают в сильнейшей степени развитие производительных сил, делают невозможным полное и всестороннее развитие классовой борьбы пролетариата, принижают жизненный уровень трудящегося населения, обуславливают азиатски-варварские формы вымирания многомиллионного крестьянства, держат в темноте, бесправии и придавленности весь народ.

XIII. Самый значительный из этих остатков крепостного порядка, самый могучий оплот всего этого варварства есть царское самодержавие. Оно является самым злейшим и опаснейшим врагом освободительного движения пролетариата и культурного развития всего народа.

[В]

Поэтому ** Российская социал-демократическая рабочая партия ставит своей ближайшей политической задачей низвержение царского самодержавия и замену его *республикой* на основе демократической конституции, обеспечивающей:

1) самодержавие народа, т. е. сосредоточение всей верховной государственной власти в руках законодательного собрания, составленного из представителей народа;

* Принципиальная часть этого проекта представляет из себя проект, предлагаемый одним членом редакции, Фреем (и составленный им на основании первоначального проекта Г. В — ча). Практическая же часть (с указанного ниже места и до конца) предлагается всей комиссией, т. е. пятью членами редакции.

** Начиная отсюда — принято всей комиссией.

2) всеобщее, равное и прямое избирательное право при выборах как в законодательное собрание, так и во все местные органы самоуправления для всякого гражданина, достигшего 21 года; тайную подачу голосов при всех выборах; право каждого избирателя быть избранным во все представительные собрания; жалование народным представителям;

3) неприкосновенность личности и жилища граждан;

4) неограниченную свободу совести, слова, печати, собраний, стачек и союзов;

5) свободу передвижения и промыслов;

6) уничтожение сословий и полную равноправность всех граждан, независимо от пола, религии и расы;

7) признание права на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства;

8) предоставление каждому гражданину права преследовать всякого чиновника перед судом без жалобы по начальству;

9) замену постоянного войска всеобщим вооружением народа;

10) отделение церкви от государства и школы от церкви;

11) всеобщее даровое и обязательное до 16 лет образование; снабжение бедных детей пищей, одеждой и учебными пособиями за счет государства.

[Г]

В интересах ограждения рабочего класса и повышения его боевой способности * Российская социал-демократическая рабочая партия требует:

1) ограничения рабочего дня восемью часами в сутки для всех наемных рабочих;

2) установления законом еженедельного отдыха, продолжающегося непрерывно не менее 36 часов, для наемных рабочих обоого пола во всех отраслях народного хозяйства;

3) полного запрещения сверхурочных работ;

4) воспрещения ночного труда (от 9 час. вечера до 5 час. утра) во всех отраслях народного хозяйства, за исключением тех, где он безусловно необходим по техническим соображениям;

* Предложение Фрея: изменить начало этого абзаца таким образом:

«В интересах охраны рабочего класса от физического и нравственного вырождения, а также в интересах повышения его способности к борьбе за свое освобождение...»

- 5) воспрещения предпринимателям пользоваться наемным трудом детей до 15-летнего возраста;
6) воспрещения женского труда в тех отраслях, где он вреден специально для женского организма...

Написано между 25 января и 18 февраля (7 февраля и 3 марта) 1902 г.

Полн. собр. соч., т. 6,
с. 205—207.

Впервые напечатано в 1924 г. в Ленинском сборнике II

Из «Замечаний на второй проект программы Плеханова»

...В XIII § мне кажется неудачной замена слов «уничтожение (или отмена) частной собственности» выражением «экспроприация эксплуататоров». Это менее ясно и точно. Неудачен и конец параграфа: «планомерная организация общественного производительного процесса для удовлетворения нужд как всего общества, так и отдельных его членов». Этого мало. Этакую-то организацию, пожалуй, еще и тресты дадут. Определеннее было бы сказать «за счет *всего* общества» (ибо это включает и планомерность и указывает на направителя планомерности), и не только для удовлетворения нужд членов, а для обеспечения *полного* благосостояния и свободного *всестороннего* развития *всех* членов общества...

...§ XVI — совершенно странен и неуместен. «Политическое воспитание» пролетариата в том и состоит, что мы его просвещаем, организуем, руководим его борьбой, — а об этом речь уже была в XII § (где следовало бы лишь добавить о «руководстве его борьбой»)...

...§ XIX. По-моему, совершенно излишне указание, что для нас демократия (resp.*: политическая свобода) есть «переходная ступень» (к чему переход? о республике ведь мы прямо ниже сказали, как о *ближайшем* практическом требовании) — и что конституция есть «естественное правовое дополнение («достояние», очевидно, ошибка переписчика) к капиталистическим отношениям производства». Это в программе совсем не у места. Вполне достаточно, если мы говорим, что самодержавие задерживает или стесняет *в с е* общественное развитие: значит, и развитие капитализма не мирится с ним. Подробности на этот счет должны отойти в комментарий, а то они даже ослабляют в программе наше объявление войны самодержавию, придают программе характер чего-то книжного, абстрактного.

Да и к чему эти общие места о правовых дополнениях к капитализму и о «правовом порядке» (§ XX), когда мы ниже гораздо прямее и

* — respective. — или. *Ред.*

определеннее говорим о республике? (Кстати, в § XX стоит выражение «старый крепостной строй», т. е. здесь и сам проект придает слову «крепостничество» более широкий, чем только юридический смысл.)

О несовместимости самодержавия с правовым порядком тоже нечего говорить, раз сейчас же стоит требование его низвержения и замены республикой. Лучше выразиться более определенно о «бесправии» народа при самодержавии и т. п.

«...Самодержавие — злейший враг освободительных стремлений рабочего класса...», следовало бы добавить: «и культурного развития всего народа» или в этом роде. Вот этим мы и выразим (а не словами о «представительстве»), что социал-демократия представляет интересы не только рабочего класса, а *всего* общественного развития...

Написано ранее 14 (27) марта 1902 г.

Там же, с. 232, 234—235.

Впервые напечатано в 1924 г. в Ленинском сборнике II

Из статьи
7 «По поводу государственной росписи»

Как и всегда, наши газеты опубликовали всеподданнейший доклад министра финансов по поводу росписи государственных доходов и расходов на 1902 год...

...Недостаток места заставляет нас лишь вкратце коснуться остальных частей доклада. Витте защищается также от обвинения в скудости расходов на народное просвещение: к 36 млн. руб. по смете этого министерства он прибавляет расходы на учебное дело всех других ведомств и «нагоняет» цифру до 75 млн. руб. Но даже и эта (сомнительной верности) цифра совершенно мизерна на всю Россию, и по отношению ко всему бюджету не составляет и пяти процентов...

«Искра», № 15, 15 января 1902 г.

Полн. собр. соч., т. 6, с. 257,
262.

Из статьи
«**Политическая агитация**
и «**классовая точка зрения**»»

...Читатели помнят, вероятно, какой шум вызвал доклад орловского губернского предводителя дворянства, М. А. Стаховича, на миссионерском съезде о необходимости признания законом *свободы совести*. Консервативная печать, с «Московскими Ведомостями»¹⁰⁵ во главе, рвет и мечет против г. Стаховича, не зная, как и обругать его, обвиняя чуть ли не в государственной измене всех орловских дворян за то, что они снова выбрали г. Стаховича в предводители. А этот выбор — действительно поучительное явление, приобретающее до известной степени характер дворянской демонстрации против полицейского произвола и безобразия...

...Когда общество устроено так, что ничтожное меньшинство пользуется богатством и властью, а масса постоянно терпит «лишения» и несет «тяжелые обязанности», то вполне естественно сочувствие эксплуататоров к религии, учащей «безропотно» переносить земной ад ради небесного, будто бы, рая. В пылу усердия «Моск. Вед.» начинают проговариваться. И они проговорились до такой степени, что *нечаянно правду сказали*. Слушайте дальше: ...«Они и не подозревают, что, благодаря тому же «заблуждению», они, гг. Стаховичи, едят сытно, спят спокойно и живут весело.

Святая истина! Именно так, именно благодаря громадному распространению в народных массах религиозных «заблуждений» «спят спокойно» и Стаховичи, и Обломовы, и все наши капиталисты, живущие трудом этих масс, да и сами «Моск. Вед.». И чем больше будет распространяться просвещение в народе, чем более религиозные предрассудки будут вытесняться социалистическим сознанием, тем ближе будет день победы пролетариата, избавляющей все угнетенные классы от их порабощения в современном обществе...

...Далее, вспомните слова о поддержке коммунистами *всякого* революционного движения против существующего строя. Эти слова часто понимают слишком узко, не распространяя их на поддержку либеральной оппозиции. Не следует, однако, забывать, что бывают эпохи, когда всякое столкновение с правительством на почве прогрессивных общественных интересов, как бы мелко оно само по себе ни было, может при известных условиях (*а наша поддержка есть одно из этих условий*) разгореться в общий пожар. Достаточно напомнить, в какое общественное движение разрослось в России столкновение студентов с правительством на почве академических требований или во Франции столкновение всех прогрессивных элементов с военщиной на почве одного, решенного путем подлогов, судебного дела ¹⁰⁶. Вот почему наш прямой долг разъяснять пролетариату, расширять и, путем активного участия рабочих, поддерживать всякий либеральный и демократический протест, будет ли он проистекать из столкновения земцев с министерством внутренних дел, или дворян с ведомством полицейского православия, или статистиков с помпадурями ¹⁰⁷, крестьян с «земскими», сектантов с урядниками и проч. и проч. Кто морщит презрительно нос по поводу мизерности некоторых из этих столкновений или «безнадежности» попытки раздуть их в общий пожар, тот не понимает, что всесторонняя политическая агитация есть именно фокус, в котором совпадают насущные интересы политического воспитания пролетариата с насущными интересами всего общественного развития и всего народа в смысле всех демократических элементов его. Наш прямой долг — вмешиваться во всякий либеральный вопрос, определять свое, социал-демократическое, отношение к нему, принимать меры к тому, чтобы пролетариат активно участвовал в решении этого вопроса и заставлял решать его по-своему. Кто сторонится от такого вмешательства, тот на деле (каковы бы ни были его намерения) пасует перед либерализмом, отдавая в его руки дело политического воспитания рабочих, уступая гегемонию политической борьбы таким элементам, которые в конечном счете являются вожакими буржуазной демократии.

Классовый характер соц.-демократического движения должен выражаться не в сужении наших задач до непосредственных и ближайших нужд «чисто рабочего» движения, а в руководстве всеми сторонами и всеми проявлениями великой освободительной борьбы пролетариата, этого единственного действительно революционного класса современного общества. Социал-демократия должна всегда и неуклонно расширять воздействие рабочего движения на все сферы общественной и политической жизни современного общества. Она должна руководить не только экономической борьбой рабочих, но

также и политической борьбой пролетариата, она должна ни на минуту не упускать из виду нашей конечной цели, всегда пропагандировать, охранять от искажений и развивать дальше пролетарскую идеологию — учение научного социализма, т. е. марксизм. Мы должны неустанно бороться против всякой буржуазной идеологии, в какие бы модные и блестящие мундиры она ни рядилась...

«Искра», № 16, 1 февраля 1902 г.

Там же, с. 268—269.

Признаки банкротства

Всего только год прошел с того времени, как пуля Карповича, уложив Боголепова, очистила место «новому курсу» в области университетской политики правительства. В течение этого года мы последовательно наблюдали необыкновенный подъем общественного возмущения, необыкновенную ласковость тона в речах наших правителей, слишком обыкновенное, к сожалению, увлечение общества этими новыми речами, увлечение, охватившее и известную часть студенчества, и, наконец, вслед за осуществлением пышных обещаний Ванновского — новый взрыв студенческого протеста. Для тех, кто прошлой весной ожидал «новой эры» и серьезно верил, что царский фельдфебель осуществит хотя бы в малой дозе упования студентов и общества, — словом, для русских либералов должно быть теперь ясно, как неправы они были, лишний раз даровав правительству кредит, как мало было основания приостанавливать весной начавшее принимать внушительные формы движение в пользу реформы и дать себя убаюкать сладкими песнями правительственных сирен. После того, как нарушено было обещание вернуть в университеты всех пострадавших в прошлом году, после того, как рядом новых реакционных мер брошен вызов всем тем, кто требовал действительной реформы учебных порядков, после ряда новых кулачных расправ над демонстрантами, требовавшими от злостного банкрота исполнения данных им обязательств, — после всего этого правительство «сердечного попечения» публикует задуманные в видах «умиротворения» «временные правила» о студенческих организациях ¹⁰⁸ и... вместо «умиротворения» получает картину общего пожара «беспорядков», охватившего снова все учебные заведения.

Мы, революционеры, ни на минуту не поверили в серьезность обещанных Ванновским реформ. Мы не переставали твердить либералам, что циркуляры «сердечного» генерала и рескрипты Николая

Обманова ¹⁰⁹ представляют лишь новое проявление все той же либеральной политики, в которой самодержавие успело искуситься за 40-летний период борьбы с «внутренним врагом», т. е. со всеми прогрессивными элементами России. Мы предостерегали либералов от тех «бессмысленных мечтаний», которым они начали поддаваться после первых же шагов правительства в духе «нового курса», мы разоблачали всю заведомую лживость правительственных посулов и говорили обществу: если твой противник ошеломлен первым серьезным натиском, не уставай наносить ему новые удары, удваивай их силу и их частоту... Та карикатура на право организаций, которая ныне преподнесена студентам «временными правилами», предсказывалась революционерами с самого начала разговоров об этом новом подарке правительства. Мы знали, чего можно и должно ждать от самодержавия и его реформаторских потуг. Мы знали, что никого и ничего не «умиротворит» Ванновский, что никаких прогрессивных надежд он не удовлетворит и что «беспорядки» неизбежно возобновятся в той или другой форме.

Год прошел, и общество стоит у той же мертвой точки. Полагающиеся в благоустроенном государстве высшие учебные заведения снова отказываются функционировать. Снова десятки тысяч молодежи выбито из обычной колеи, и снова перед обществом поставлен тот же вопрос: «что же дальше?».

Значительное большинство студентов отказывается принимать «временные правила» и разрешенные ими организации. Профессора с большей, чем у них принято, определенностью выражают явное недовольство этим даром правительства. И, право, не нужно быть революционером, не нужно быть радикалом, чтобы признать, что такая, с позволения сказать, «реформа» не только не дает студентам чего-либо похожего на свободу, но и никуда не годна с точки зрения введения в университетскую жизнь какого-нибудь спокойствия. Да разве не ясно с первого взгляда на эти «временные правила», что ими заранее создается целый ряд поводов к столкновениям между студентами и властями? Разве не очевидно, что введение в жизнь этих правил грозит из каждой сходки, *легально* созданной по самому мирному поводу, сделать исходный пункт новых «беспорядков»? Можно ли сомневаться, напр., что исполняющая полицейские функции инспекция своим председательством на сходках должна вечно раздражать одних, провоцировать на протест других, нагонять трепет и сковывать уста третьим? И разве не ясно, что русское студенчество не станет терпеть, чтобы содержание прений на этих сходках грубо определялось «усмотрением» начальства?

А, между тем, дарованное правительством «право» сходов и орга-

низаций в том нелепом виде, в каком оно создано «временными правилами», есть *максимум* того, что самодержавие может дать студентам, оставаясь самодержавием. Всякий дальнейший шаг в этом направлении означал бы самоубийственное нарушение того равновесия, на котором покоятся отношения власти к «подданным». Или примириться с этим возможным для правительства максимумом, или усилить *политический, революционный* характер своего протеста — вот дилемма, которую приходится решать студентам. И большинство их принимает второе решение. Резче, чем когда-либо прежде, звучит в студенческих воззваниях и резолюциях революционная нота. Политика чередования зверских расправ и иудиных поцелуев делает свое дело и революционизирует студенческую массу.

Да, студенты так или иначе порешили поставленный перед ними вопрос и заявили, что отложенное в сторону (под влиянием убаюкивающих песен) оружие они снова готовы взять в руки. Но что же намерено делать общество, которое успело, поди, вздремнуть под звуки этих предательских песен? Отчего оно продолжает молчать и «втихомолку сочувствовать»? Отчего ничего не слышно об *его* протестах, об *его* активной поддержке возобновившихся волнений? Неужели оно готово «спокойно» ждать наступления тех неизбежных трагических явлений, которыми до сих пор сопровождалось всякое студенческое движение? Неужели оно думает ограничиться жалкою ролью счетчика жертв борьбы и пассивного зрителя ее потрясающих картин? Отчего не слышно голоса «отцов» в то время, когда «дети» недвусмысленно заявили свое намерение принести новые жертвы на алтарь русской свободы? Отчего наше общество не поддерживает студентов хотя бы так, как их уже поддержали рабочие? Ведь не их, не пролетариев, сыновья и братья обучаются в высших учебных заведениях, а между тем рабочие и в Киеве, и в Харькове, и в Екатеринославе уже заявили открыто свое сочувствие протестантам, невзирая на ряд «предупредительных мер» полицейских властей, несмотря на их угрозы пустить в ход против демонстрантов вооруженную силу. Неужели это проявление революционного идеализма русского пролетариата не повлияет на поведение общества, кровно и непосредственно заинтересованного в судьбе студентов, и не подвинет его на энергичный протест?

Студенческие «беспорядки» этого года начинаются при довольно благоприятных предзнаменованиях. Сочувствие «толпы», «улицы» им обеспечено. Было бы преступной ошибкой со стороны либерального общества, если б оно не приложило всех усилий для того, чтобы *своевременно* оказанной студентам поддержкой деморализовать окончательно правительство и вынудить у него действительные уступки.

Ближайшее будущее покажет, насколько наше либеральное об-

щество способно к такой роли. От решения этого вопроса зависит в значительной степени исход нынешнего студенческого движения. Но каков бы ни был этот исход, одно остается несомненным: возобновление общестуденческих беспорядков после столь короткого периода спокойствия является признаком политического банкротства современного строя. В течение трех лет университетская жизнь не может войти в колею, учебные занятия ведутся урывками, одно из колес государственного механизма перестает действовать и, беспомощно повертевшись некоторое время, снова надолго останавливается. И не может быть теперь никакого сомнения в том, что в пределах современного политического режима нет средств для радикального исцеления этого недуга. Покойник Боголепов попытался спасти отечество «героическим» средством, заимствованным из арсенала допотопной, николаевской, медицины. Известно, что вышло из применения этого средства. Очевидно, что в *этом* направлении дальше идти нельзя. Теперь потерпела фиаско политика заигрывания со студентами. А ведь кроме насилия и заигрывания третьего пути нет. И каждое новое проявление этого несомненного банкротства современного режима будет все глубже и глубже подтачивать его основы, лишая правительство в глазах индифферентных обывателей всякого авторитета, умножая число лиц, сознающих необходимость борьбы с ним.

Да, банкротство самодержавия несомненно, и оно спешит сообщить о нем всему миру. Разве не объявлением о банкротстве является провозглашение «усиленной охраны» в доброй трети империи и одновременное выступление местных властей во всех концах России с «обязательными постановлениями», воспрепятствующими под угрозой усиленных наказаний поступки, и без того не разрешенные русскими законами? По самому существу своему всякие исключительные правила, отменяющие действие общих законов, предполагаются действующими в ограниченных пределах времени и места. Предполагается, что чрезвычайные условия требуют временного применения в определенной местности чрезвычайных мер для того, чтобы водворить то нарушенное равновесие, при котором возможно беспрепятственное действие общих законов. Таково рассуждение представителей современного режима. Вот уже 20 с лишком лет, как введено положение об усиленной охране. 20 лет действия его в главных центрах империи не повели к «умиротворению» страны, к восстановлению общественного порядка. После 20 лет применения этого сильно действующего средства оказывается, что болезнь «неблагонадежности», для борьбы с которой создано оно, распространилась так далеко и пустила такие глубокие корни, что применение его необходимо распространить на все сколько-нибудь значительные города и фаб-

ричные центры! Это ли не банкротство, открыто заявляемое самим банкротом? Убежденные защитники современного строя (такие, несомненно, имеются) должны с ужасом думать о том, как население понемногу привыкает к этому сильно действующему средству и становится нечувствительным к впрыскиваниям новых доз его.

А в то же время, уже помимо воли правительства, выясняется банкротство его *экономической* политики. Хищническое хозяйство самодержавия покоилось на чудовищной эксплуатации крестьянства. Это хозяйство предполагало, как неизбежное последствие, повторяющиеся от времени до времени голодовки крестьян той или иной местности. В эти моменты хищник-государство пробовало парадировать перед населением в светлой роли заботливого кормильца им же обобранного народа. С 1891 года голодовки стали гигантскими по количеству жертв, а с 1897 г. почти непрерывно следующими одна за другой. В 1892 г. Толстой с ядовитой насмешкой говорил о том, что «паразит собирает на кормить то растение, соками которого он питается»¹¹⁰. Это была, действительно, нелепая идея. Нынче времена переменялись, и с превращением голодовки в нормальное состояние деревни наш паразит не столько носится с утопической мыслью накормить ограбленное крестьянство, сколько объявляет самую эту мысль государственным преступлением. Цель достигнута — нынешний грандиозный голод проходит при необычайной даже у нас обстановке гробового молчания. Не слышно стонов голодающих крестьян, нет попытки общественной инициативы в борьбе с голодом, газеты молчат о том, что делается в деревне. Завидное молчание, но не чувствуют ли гг. Спягины, что это спокойствие чрезвычайно напоминает затишье перед грозой?

Государственный строй, искони державшийся на пассивной поддержке миллионов крестьянства, привел последнее к такому состоянию, при котором оно из года в год оказывается не в состоянии прокормиться. Это *социальное* банкротство монархии гг. Обмаповых не менее поучительно, чем ее *политическое* банкротство.

Когда же наступит ликвидация дел нашего злостного банкрота? Долго ли еще ему удастся жить, изо дня в день заплатавая дыры в своем политическом и финансовом бюджете кожей с живого тела народного организма? От многих факторов будет зависеть большая или меньшая продолжительность отсрочки, которую даст история нашему банкроту; но одним из важнейших будет та степень революционной активности, которую проявят люди, сознавшие полное банкротство современного режима. Его разложение подвинулось очень далеко, оно значительно опередило *политическую мобилизацию* тех общественных элементов, которым приходится быть его могиль-

щиками. Эта политическая мобилизация всего вернее будет совершена революционной социал-демократией, которая одна будет в силах нанести самодержавию смертельный удар. Новая схватка студентов с правительством дает всем нам возможность и возлагает на нас обязанность ускорить это дело мобилизации всех общественных сил, враждебных самодержавию. В политической жизни месяцы военного времени зачисляются историей за годы. А время, переживаемое нами, действительно — военное время.

«Искра», № 17, 15 февраля 1902 г.

*Полн. собр. соч., т. 6,
с. 273—279.*

Из «Письма Северному союзу РСДРП»¹¹¹

...§ 2 начинается, крайне неточным, двусмысленным и опасным заявлением: «считая социализм — классовым интересом пролетариата». Эти слова как бы отождествляют социализм с «классовым интересом пролетариата». А это отождествление *совершенно неправильно*. Именно в настоящее время, когда необычайно широко распространилось *крайне узкое* понимание «классовых интересов пролетариата», прямо непозволительно выставлять формулу, которая если и может быть, с грехом пополам, признана, то лишь при условии *чрезвычайно широкого* понимания выражения: «классовый интерес». «Классовый интерес» заставляет пролетариев объединяться, бороться с капиталистами, думать над условиями своего освобождения. «Классовый интерес» делает их восприимчивыми к социализму. Но социализм, будучи идеологией классовой борьбы пролетариата, подчиняется общим условиям возникновения, развития и упрочения идеологии, т. е. он основывается на всем материале человеческого знания, предполагает высокое развитие науки, требует научной работы и т. д. и т. д. В классовую борьбу пролетариата, стихийно развивающуюся на почве капиталистических отношений, социализм *вносится* идеологами...

...*Совершенно неверно*, что осуществление (?? достижение, завоевание) политической свободы — «такая же» необходимость для пролетариата, как повышение платы и сокращение рабочего дня. Именно *не такая*: эта необходимость *другого порядка, гораздо более сложного* порядка, чем необходимость повышения платы и т. п. Различие «необходимости» того и другого порядка наглядно видно, напр., и из того, что самодержавие готово давать (*и действительно иногда дает*) отдельным слоям или группам рабочего класса улучшение положения, *лишь бы* эти слои помирились с абсолютизмом. Разбираемая фраза совершенно недопустима, выражая невероятную

вульгаризацию «экономического» материализма и принижение социал-демократического понимания до тред-юнионистского...

Полн. собр. соч., т. 6,
с. 362—363, 364.

...§ 12. «Всячески» мы не можем и не будем способствовать улучшению положения рабочих при существующих условиях. Напр., по-зубатовски¹¹² способствовать не можем и даже при условии зубатовского развращения не будем способствовать. Мы боремся только за такое улучшение положения рабочих, которое *повышает* их способность вести классовую борьбу, т. е. при котором улучшение условий *не соединяется* с развращением политического сознания, с опекой полиции, с прикреплением к месту, с порабощением «благодетелю», с уничтожением человеческого достоинства и проч. и проч. Именно в России, где самодержавие так склонно (и все более и более *становится* склонным) *откупаться* от революции разными подачками и лжереформами, мы обязаны резко отграничить себя от всяких «реформаторов». Мы тоже боремся за реформы, но именно не «всячески», а *только по-социал-демократически*, только по-революционному боремся за реформы...

Написано в апреле 1902 г.

Там же, с. 368—369

Впервые напечатано в 1923 г. в журнале
«Летопись Революции», № 1, Берлин —
Петербург — Москва

**Из «Письма к товарищу
о наших
организационных задачах»¹¹³**

...Кстати, по поводу пропагандистов я хотел бы еще сказать несколько слов против обычного *переполнения* этой профессии малоспособными людьми и принижения этим уровня пропаганды. У нас иногда всякий студент без разбора считается пропагандистом, и вся *молодежь* требует, чтобы ей «дали кружок» и т. п. С этим надо бы бороться, ибо вреда от этого бывает очень много. Действительно выдержанных принципиально и способных пропагандистов *очень немного* (и чтобы стать таковым, надо порядочно поучиться и понабрать опыта), и таких людей надо специализировать, занимать их целиком и беречь сугубо. Надо организовывать по несколько лекций в неделю для таких лиц и уметь вовремя вызывать их в другие города, организовывать вообще объезд разных городов умелыми пропагандистами. А массу начинающей молодежи надо ставить более на практические предприятия, которые у нас бывают в загоне по сравнению с тем студенческим хождением по кружкам, которое оптимистически называется «пропагандой». Конечно, для серьезных практических предприятий нужна тоже основательная подготовка, но все же тут легче найти дело и для «начинающих»...

Написано между 1 и 11 (14 и 24) сентября 1902 г.

Полн. собр. соч., т. 7, с. 15.

Напечатано в 1902 г. на гектографе

К учащимся средних школ ¹¹⁴

Приветствуя от всей души энергичный почин учащихся, мы со своей стороны дадим им такой товарищеский совет. Старайтесь сделать главной целью своей организации самообразование, выработку из себя убежденных, стойких и выдержанных социал-демократов. Отделяйте возможно более строго эту крайне важную и необходимую подготовительную работу от непосредственной практической деятельности. Старайтесь при вступлении (и до вступления) в ряды действующей армии завязывать самые тесные (и самые конспиративные) сношения с местными или общерусскою социал-демократическими организациями, чтобы вам не пришлось приступать к делу в одиночку, чтобы вы могли начинать уже не с начала, а продолжать сделанное раньше, становиться сразу в ряды и шеренги, двигать вперед движение, поднимая его на высшую ступень.

**Из письма
«К вопросу о докладах
комитетов и групп РСДРП
общепартийному съезду»**

Один из членов Организационного комитета ¹¹⁵ обратился ко мне с просьбой прислать список вопросов, по которым желателен ответ в докладах комитетов и групп нашей партии на II съезде ее. Прилагаю ниже примерный список таких вопросов...

...12. Как именно велась борьба направлений в местных кружках? Только среди с.-д. интеллигентов? — или среди рабочих тоже? — среди соприкасающихся кругов студенчества? — выражалась ли в расколах? — в образовании сепаратных групп? — разгоралась ли она из-за общих принципиальных вопросов? — из-за содержания листов? — из-за вопроса о демонстрациях? — об отношении к студенческому движению? — из-за вопроса о майских требованиях?

Описать детальнее ход, последствия борьбы направлений и современное положение дел в этом отношении...

...13. Преобладающий состав комитета (resp.* группы, кружка и, если их много, то каждого в отдельности)? — студенчество? рабочие? Пополняется выбором (и как именно?) или иначе? Есть ли особый интеллигентский и рабочий комитет? особые группы технические, пропагандистские, агитационные? литературные, центральные, районные, местные, исполнительные? взаимоотношение между ними по «уставу» (буде таковой имеется) и в действительности? Общие собрания, их ведомство, частота и размеры? Организация сношений с другими городами и за границей (т. е. особые люди, группы или вне групп стоящие и т. п.)? Организация распределения литературы? Организация разъездов?

Выводы опыта в организационном отношении и преобладающие взгляды на организационные принципы в комитетах, у интеллигентов и рабочих?

* — respective — или. *Ред.*

Особенно важно подробно выяснить причины и *последствия* возникновения особых интеллигентских и рабочих (заводских, ремесленных и т. д.) комитетов...

...28. Студенчество. Случайное и личное или организованное воздействие? Много ли социал-демократов выходит из студентов? Есть ли связи с студенческими кружками, землячествами, союзными советами? Как ведутся эти сношения? — чтения? — распространение литературы? Преобладающее настроение в студенчестве и история смены разных настроений.

Отношение к студенческим волнениям?

Участие студентов в демонстрациях? Попытки заранее сговориться об этом?

Студенты как пропагандисты, подготовка их?

29. Средние учебные заведения, гимназии, семинарии и пр., торговые и коммерческие училища? Характер связей с учениками? Отношение к новому фазису подъема движения в их среде? Попытки устройства кружков и занятий? Бывали ли (и часто ли) социал-демократы из только что кончивших (или некончивших) гимназистов? Кружки, чтения? распространение литературы?..

Написано в декабре 1902 — январе 1903 г.

Полн. собр. соч., т. 7, с. 72, 76—77, 81.

Впервые напечатано в 1924 г. в журнале «Пролетарская Революция», № 1

Из статьи
«Самодержавие колеблется...»

...Давно уже замечено опытными и умными людьми, что нет опаснее момента для правительства в революционную эпоху, как начало уступок, начало колебаний. Русская политическая жизнь последних лет блестяще подтвердила это. Правительство проявило колебание в вопросе о рабочем движении, дав ход зубатовщине, — и оскандалилось, сыграв прекрасно на руку революционной агитации. Правительство хотело было уступить в студенческом вопросе — и оскандалилось, подвинув семимильными шагами революционизирование студенчества. Правительство повторяет теперь тот же прием в широких размерах, по отношению ко всем вопросам внутренней политики, — и оно неминуемо оскандалится, неминуемо облегчит, усилит и разовьет революционный натиск на самодержавие!..

«Искра», № 35, 1 марта 1903 г.

Полн. собр. соч., т. 7,
с. 126—127.

Из брошюры «К деревенской бедноте»

Объяснение для крестьян,
чего хотят социал-демократы»

...Наконец, очень важное улучшение для всего народа, а для деревенской бедноты особенно, состоит в *даровом обучении* детей, которого требуют социал-демократы. В настоящее время в деревне гораздо меньше школ, чем в городах, и притом везде только богатые классы, только буржуазия имеет возможность давать детям хорошее образование. Только даровое и обязательное обучение *всех детей* может избавить народ хотя бы отчасти от теперешней темноты. А деревенская беднота особенно страдает от темноты и особенно пуждается в образовании. Но, конечно, нам нужно настоящее, свободное образование, а не такое, какого хотят чиновники и попы...

Написано в первой половине марта
1903 г.

Полн. собр. соч., т. 7,
с. 172—173.

Напечатано в мае 1903 г. отдельной
брошюрой, изданной в Женеве «Заграничной лигой русской революционной социал-демократий»

Проекты резолюций ко II съезду РСДРП¹¹⁶

Проект резолюции об отношении к учащейся молодежи¹¹⁷

Учащиеся

Съезд приветствует оживление революционной самодеятельности среди учащейся молодежи, предлагает всем организациям партии оказать всяческое содействие этой молодежи в ее стремлениях организовать и рекомендует всем организациям, группам и кружкам учащихся: во-1-х, поставить на первый план в своей деятельности выработку среди своих членов цельного и последовательного революционного мировоззрения, серьезное ознакомление с марксизмом, с одной стороны, а с другой стороны, с русским народничеством и западно-европейским оппортунизмом, как главными течениями среди современных борющихся передовых направлений; во-2-х, остерегаться тех ложных друзей молодежи, которые отвлекают ее от серьезного революционного воспитания пустой революционной или идеалистической фразеологией и филистерскими¹¹⁸ сетованиями о вреде и ненужности горячей и резкой полемики между революционными и оппозиционными направлениями, ибо эти ложные друзья на деле распространяют только беспринципность и легкомысленное отношение к революционной работе; в-3-х, стараться при переходе к практической деятельности заранее заводить связи с с.-д. организациями, чтобы воспользоваться их указаниями и избегать, по возможности, крупных ошибок в самом начале работы.

*Написано в шоне — июле, не позднее
17 (30), 1903 г.*

Полн. собр. соч., т. 7, с. 253.

Впервые напечатано в 1927 г. в Ленинском сборнике VI

Проект резолюции о партийной литературе

Литература

Съезд признает безусловную и настоятельную необходимость создания широкой популярной с.-д. литературы для всех слоев населения и в особенности для масс рабочего класса.

На первое место съезд ставит составление ряда брошюр (в 1—5 печатных листов) по каждому (теоретическому и практическому) пункту нашей партийной программы с подробным изложением и объяснением значения этого пункта, — а затем ряда листовок (1—8 печатных страниц) на те же темы для массового разбрасывания и раздачи в городах и в деревнях. Съезд поручает редакции ЦО¹¹⁹ немедленно принять все меры к исполнению этой задачи.

Что касается до издания особой, популярной газеты для народа или для широких слоев рабочего класса, то съезд, не отвергая этого плана в принципе, считает несвоевременным его немедленное осуществление.

*Написано в июне — июле, не позднее
17 (30), 1903 г.*

Там же, с. 255.

*Напечатано в 1904 г. в книге: «Второй
очередной съезд РСДРП. Полный текст
протоколов». Женева, изд. ЦК*

II съезд РСДРП

17 (30) июля — 10 (23) августа 1903 г.

Предложения к пунктам общеполитических требований программы партии¹²⁰

- 1) В конце пункта 6-го оставить «и языка».
- 2) Вставить новый пункт:
«Право населения получать образование на родном языке, право каждого гражданина объясняться на родном языке в собраниях, общественных и государственных учреждениях».
- 3) Вычеркнуть в пункте 11 фразу об языке.

*Написано между 30 июля и 1 августа
(12 и 14 августа) 1903 г.*

Полн. собр. соч., т. 7, с. 277.

*Впервые напечатано в Полном собрании
сочинений В. И. Ленина, том 7*

Выступление при обсуждении резолюции Потресова (Старовера) об отношении к либералам¹²¹

10(23) августа

Резолюция Старовера будет понята неправильно: студенческое движение и «Освобождение»¹²² — две вещи различные. Одинаковое отношение к ним будет вредно. Имя Струве слишком известно, и рабочие знают его. Тов. Старовер думает, что надо дать определенную директиву; по-моему, нам нужно определенное принципиальное и тактическое отношение.

Впервые напечатано в 1927 г. в Ленинском сборнике VI

Там же, с. 311.

**Выступление по вопросу
об отношении
к учащейся молодежи**

10(23) августа

Формула «ложные друзья» не одними реакционерами употребляется, а что такие ложные друзья есть — это мы видим на либералах и социалистах-революционерах¹²³. Именно эти ложные друзья подходят к молодежи с уверениями, что ей не надо разбираться в разных течениях. Мы же ставим главной целью выработку цельного революционного миросозерцания, а дальнейшая практическая задача состоит в том, чтобы молодежь, организуясь, обращалась к нашим комитетам.

*Напечатано 1904 г. в книге: «Второй
очередной съезд РСДРП. Полный текст
протоколов», Женева, изд. ЦК*

Там же, с. 312.

План писем о задачах революционной молодежи

Письма о задачах революционной молодежи можно было бы распределить по такому плану:

I. Что представляет из себя современное студенчество и в чем состоит задача его идейного объединения?

II. Значение марксизма в деле революционизирования студенчества [в революционном движении].

III. Социал-демократы и социалисты-революционеры в России. Их теоретические и тактические различия. Террор.

IV. Вопросы студенческой организации с точки зрения «революционизирования студенчества».

V. Студенчество и рабочий класс (?).

{ Идейное объединение = некоторая безыдейность.
Общий довод — разные группы в студенчестве.
Разбор, какие группы, их случайность respective * необходимость.
Культурники в разных классах общества.
» как базис либералов.

Недостаточная классовая определенность 6-ти групп: самодержавие более всего определяет (реакционеры — культурники — либералы). Мелкая буржуазия, рабочие, буржуазия — намечаются уже *к л а с с о в ы е группировки* **.

Прогрессивное значение классовой (и политической) дифференциации. Пример: *академисты и их выделение из «либералов»*. Это выделение не мешает, а помогает политической утилизации [развитию, росту].

* — соответственно. *Ред.*

** Не «последних дней» (создание — социалистическая интеллигенция), а полувековое создание, начиная от кружка петрашевцев ¹²⁴, примерно.

«Идейное объединение». Quid est? * Кого с кем? Академисты + либералы? Либералы + социалисты?

Только социалисты-революционеры и социал-демократы?

Идейное объединение = распространение определенных идей, *выяснение* классовой розни, идейная размежевка.

Идейное объединение = распространение *способных вести вперед* идей, идей передового класса.

Революционный марксизм, его выступление в Европе перед 1848 г., его роль в Западной Европе и России.

{ *В с т а в и т ь*: о «superkluge» ** рассуждении, что-де бур- }
 { жуазное студенчество не может проникнуться социализмом. }

Написано в августе — сентябре 1903 г.

Впервые напечатано в 1924 г. в журнале
 «Красная Молодежь», № 1

Полн. соб. соч., т. 7,
 с. 437—438.

* — Что это такое? *Ред.*

** — «сверхумном». *Ред.*

Задачи революционной молодежи ¹²⁵

Письмо первое

Редакционное заявление газеты «Студент» ¹²⁶, напечатанное впервые, если мы не ошибаемся, в № 4 (28) «Освобождения» и полученное равным образом «Искрой», свидетельствует, на наш взгляд, о значительном шаге вперед, происшедшем в воззрениях редакции после выпуска № 1 «Студента». Г-н Струве не ошибся, когда поспешил выразить свое несогласие со взглядами, изложенными в заявлении: эти взгляды, действительно, коренным образом расходятся с тем направлением оппортунизма, которого так последовательно и усердно держится либерально-буржуазный орган. Признав, что *только* революционное чувство не может создать идейного объединения студенчества», что «для этой цели необходим социалистический идеал, опирающийся на то или иное социалистическое мировоззрение» и притом «определенное, цельное» мировоззрение, редакция «Студента» порвала уже в принципе с идейным безразличием и теоретическим оппортунизмом, поставив на правильную почву вопрос о средствах революционизирования студенчества.

Правда, с ходячей точки зрения вульгарного «революционизма», идейное объединение студенчества не требует цельного миросозерцания, а исключает таковое, идейное объединение обозначает «терпимое» отношение к различного рода революционным идеям, предполагает воздержание от решительного признания одного какого-либо определенного круга идей, одним словом, идейное объединение, с точки зрения этих мудрецов политиканства, предполагает некоторую безыдейность (конечно, прикрытую более или менее искусно избитыми формулами о широте взглядов, о важности единства во что бы то ни стало и немедленно и т. д. и т. п.). Довольно благовидным и, с первого взгляда, очень убедительным доводом в пользу такой постановки вопроса служит всегда указание на тот общезвестный и неоспоримый факт, что в студенчестве есть и не могут не быть весьма различные

группы по их политико-социальным взглядам, а поэтому требование цельности и определенности миросозерцания неминуемо оттолкнет некоторые из этих групп, — следовательно, помешает объединению, следовательно, вызовет раздоры, вместо дружной работы, следовательно, ослабит силу общего политического натиска и т. д. без конца.

Присмотримся к этому благовидному рассуждению. Возьмем, например, деление студенчества на группы из № 1 «Студента» — в этом первом номере требование определенного и цельного миросозерцания еще не было выдвинуто редакцией, которую поэтому трудно было бы заподозрить в пристрастности к социал-демократической «узости». Редакционная статья в № 1 «Студента» различает в современном студенчестве четыре крупные группы: 1) «равнодушная толпа» — «лица, совершенно индифферентно относящиеся к студенческому движению»; 2) «академисты» — сторонники студенческих движений на исключительно академической почве; 3) «противники студенческих движений вообще — националисты, антисемиты и т. д.»; 4) «политики» — сторонники борьбы за свержение царского деспотизма. «Эта группа, в свою очередь, состоит из двух противоположных элементов — из чисто буржуазной политической оппозиции, революционно настроенной, и — из создания последних дней (только ли последних дней? *Н. Ленин*) — социалистически настроенного революционного интеллигентного пролетариата». Если принять во внимание, что последняя подгруппа в свою очередь делится, как всем известно, на студентов социалистов-революционеров и студентов социал-демократов, то окажется, что в современном студенчестве имеется *шесть* политических групп: реакционеры, равнодушные, академисты, либералы, социалисты-революционеры и социал-демократы.

Спрашивается: не случайная ли эта группировка? не есть ли это временное распределение настроений? Достаточно прямо поставить этот вопрос, чтоб на него был тотчас дан отрицательный ответ всяким, сколько-нибудь знакомым с делом, человеком. Да иной группировки и быть не могло бы в нашем студенчестве, потому что оно является самой отзывчивой частью интеллигенции, а интеллигенция потому и называется интеллигенцией, что всего сознательнее, всего решительнее и всего точнее отражает и выражает развитие классовых интересов и политических группировок во всем обществе. Студенчество не было бы тем, что оно есть, если бы его политическая группировка не соответствовала политической группировке во всем обществе, — «соответствовала» не в смысле полной пропорциональности студенческих и общественных групп по их силе и численности, а в смысле необходимой и неизбежной наличности в студенчестве тех групп,

какие есть в обществе. И для всего русского общества, с его зачаточным (сравнительно) развитием классовых антагонизмов, с его политической девственностью, с его забитостью и придавленностью громадных и громаднейших масс населения полицейским деспотизмом, характерны именно такие шесть групп: реакционеры, равнодушные, *культурники*, либералы, социалисты-революционеры и социал-демократы. Вместо «академистов» я поставил здесь «культурников», т. е. сторонников легального прогресса без политической борьбы, прогресса на почве самодержавия. Такие культурники есть во всех слоях русского общества, и везде они, подобно студенческим «академистам», ограничиваются маленьким кругом профессиональных интересов, улучшением данных отраслей народного хозяйства или государственного и местного управления, везде они боязливо сторонятся «политики», не различая (как не различают академисты) «политиков» различных направлений и называя политикой все и вся, относясь до... формы правления. Слой культурников всегда являлся и является поныне широким основанием нашего либерализма: в «мирные» времена (т. е., в переводе на «русский» язык, во времена политической реакции) понятия культурника и либерала почти совершенно сливаются, да даже и в военные времена, во времена подъема общественного настроения, во времена растущего натиска на самодержавие, различие между этими понятиями нередко остается смутным. Русский либерал, даже когда он выступает перед публикой в свободном заграничном издании с прямым и открытым протестом против самодержавия, все ж таки не перестает чувствовать себя больше всего культурником и нет-нет, а примется рассуждать по-рабьи, или, если хотите, по-легалному, по-лояльному, по-верноподданнически: зри «Освобождение».

Отсутствие определенной и ясно видной для всех грани между культурниками и либералами характерно вообще для всей политической группировки русского общества. Нам могли бы сказать, пожалуй, что вышеприведенное деление на шесть групп неправильно, ибо оно не соответствует классовому делению русского общества. Но такое возражение было бы несостоятельно. Классовое деление является, конечно, самым глубоким основанием политической группировки; оно в *последнем счете* всегда определяет, конечно, эту группировку. Но это глубокое основание вскрывается лишь по мере хода исторического развития и по мере сознательности участников и творцов этого развития. Этот «последний счет» подводится лишь политической борьбой, — иногда результатом долгой, упорной, годами и десятилетиями измеряемой борьбы, то проявляющейся бурно в разных политических кризисах, то замирающей и как бы останавливающейся

ся на время. Недаром, например, в Германии, где особенно острые формы принимает политическая борьба и где особенно сознательно выступает передовой класс — пролетариат, — существуют все еще такие партии (и могучие партии), как центр, прикрывающий вероисповедным отличительным признаком свое разнородное (а в общем безусловно антипролетарское) классовое содержание¹²⁷. Тем менее можно удивляться тому, что классовое происхождение современных политических групп в России затемняется в сильнейшей степени политическим бесправием всего народа, господством над ним замечательно организованной, идейно сплоченной, традиционно-замкнутой бюрократии. Надо удивляться скорее тому, какой сильный отпечаток успело уже наложить европейско-капиталистическое развитие России, вопреки ее азиатскому политическому строю, на политическую группировку общества.

Передовой класс всякой капиталистической страны, промышленный пролетариат, выступил уже и у нас на путь массового, организованного движения под руководством социал-демократии, под знаменем программы, которая уже давно стала программой всего международного сознательного пролетариата. Разряд равнодушных к политике неизмеримо многочисленнее, конечно, в России, чем в любой европейской стране, но и у нас уже не может быть речи о примитивной и первобытной девственности этого разряда: равнодушие неосознательных рабочих — отчасти и крестьян — все чаще и чаще сменяется вспышками политического брожения и активного протеста, доказывая наглядно, что *это* равнодушие не имеет ничего общего с равнодушием сытых буржуа и мелких буржуа. Этот последний класс, особенно многочисленный в России при ее слабом еще, сравнительно, развитии капитализма, с одной стороны, начинает уже, несомненно, поставлять и реакционеров, сознательных и последовательных, — с другой стороны, и несравненно чаще, он слабо еще выделяется из массы серого и забитого «трудящегося народа», находя себе идеологов в широких слоях разночинской интеллигенции с совершенно неустановившимся мирозерцанием, с бессознательным смешением демократических и примитивно социалистических идей. Именно эта идеология и характерна для старой русской интеллигенции, как правого фланга либерально-народнической ее части, так и самого левого: «социалистов-революционеров».

Я сказал: «старой» русской интеллигенции. Появляется у нас уже и новая, либерализм которой почти совсем очистился (не без помощи русского марксизма, конечно) от примитивного народничества и расплывчатого социализма. Образование настоящей буржуазно-либеральной интеллигенции идет у нас семимильными шагами, особенно

благодаря участию в этом процессе столь поворотливых и отзывчивых ко всякому модному веянию оппортунизма людей, как гг. Струве, Бердяевы, Булгаковы и К°. Что касается, наконец, до не принадлежащих к интеллигенции либеральных и реакционных слоев русского общества, то связь их с классовыми интересами тех или иных групп нашей буржуазии и наших землевладельцев достаточно ясна для всякого, кто сколько-нибудь знаком, например, с деятельностью наших земств, дум, биржевых, ярмарочных комитетов и т. д.

Итак, мы пришли к несомненному выводу, что политическая группировка нашего студенчества не случайно, а необходимо и неизбежно является именно такой, какой мы обрисовали ее выше, в со-гласии с № 1 газеты «Студент». Установив этот факт, мы легко уже можем разобраться в спорном вопросе о том, что собственно должно понимать под «идейным объединением студенчества», под его «революционизированием» и т. п. На первый взгляд, чрезвычайно странно даже, как мог оказаться спорным такой простой вопрос. Если политическая группировка студенчества соответствует политической группировке общества, то не означает ли это само собою, что под «идейным объединением» студенчества можно понимать только одно из двух: или привлечение возможно большего числа студентов на сторону вполне определенного круга социально-политических идей, или возможно более тесное сближение между студентами определенной политической группы и представителями этой группы вне студенчества? Не ясно ли само собою, что о революционизировании студенчества можно говорить только с точки зрения вполне определенного взгляда на содержание и характер этого революционизирования? Для социал-демократа, например, оно означает, во-первых, распространение социал-демократических убеждений среди студенчества и борьбу с теми взглядами, которые хотя и называются «социалистически-революционными», но с революционным социализмом не имеют ничего общего, а во-вторых, стремление расширить, сделать более сознательным и более решительным всякое демократическое, а в том числе и академическое движение в студенчестве.

Каким образом был запутан и оказался спорным такой простой и ясный вопрос, — это очень интересный и очень характерный эпизод. Спор велся между «Революционной Россией» (№№ 13 и 17)¹²⁸ и «Искрой» (№№ 31 и 35) по поводу «открытого письма» Киевского союзного совета объединенных землячеств и студенческих организаций (напечатано в № 13 «Революционной России» и в № 1 «Студента»). Киевский союзный совет нашел «узким» постановление II Всерос-

сийского студенческого съезда 1902 года ¹²⁹ о том, чтобы студенческие организации состояли в сношениях с комитетами Российской социал-демократической рабочей партии, причем совершенно очевидный факт сочувствия некоторой части студенчества некоторых местностей «партии социалистов-революционеров» был благовидно прикрыт весьма «беспристрастным» и весьма несостоятельным рассуждением на тему о том, что «студенчество, как таковое, не может примыкать всецело ни к партии социалистов-революционеров, ни к партии социал-демократов». «Искра» указала на несостоятельность этого рассуждения, а «Революционная Россия», разумеется, горой встала на защиту его, обвинив искровских «фанатиков разъединений и расколов» в «бестактности», в недостатке политической зрелости.

После того, что сказано было выше, несуразность такого рассуждения слишком уже очевидна. Речь идет о той или иной политической роли студенчества. И вот сначала, видите ли, надо закрыть глаза на то, что студенчество не отрезано от остального общества и поэтому всегда и неизбежно отражает в себе всю политическую группировку общества. Потом, с закрытыми глазами, принимаются разглагольствовать о студенчестве, как таковом, или о студенчестве вообще. Вывод получается... о вреде разъединений и расколов, связанных с присоединением к той или иной политической партии. Ясно, как день, что для доведения до конца этого курьезного рассуждения надо было перескочить с политической почвы на почву профессиональную или учебную. И «Революционная Россия» в статье «Студенчество и революция» (№ 17) делает именно такое сальто-мортале, ссылаясь, во-первых, на общестуденческие интересы, на общестуденческую борьбу, а во-вторых, на учебные цели студенчества, задачи подготовки к предстоящей общественной деятельности, задачи выработки сознательных политических борцов. Обе эти ссылки весьма справедливы, — только к делу-то они не относятся и вопрос лишь запутывают. Вопрос стоит о *политической* деятельности, которая, по самому существу своему, неразрывно связана с борьбой партий и неизбежно требует *выбора* одной определенной партии. Каким же образом от этого выбора можно отговариваться тем, что для *всякой* политической деятельности нужна серьезнейшая научная подготовка, «выработка» твердых убеждений, или тем, что *всякая* политическая работа не может ограничиваться одними кружками политиков данного направления, а должна направляться в более и более широкие слои населения, должна смыкаться с профессиональными интересами каждого слоя, соединять профессиональное движение с политическим, поднимать первое до второго?? Ведь один уж тот факт, что людям приходится, для защиты своей позиции, прибегать к подобным отговоркам, пока-

зывает воочию, до какой степени недостает им самим ни определенных научных убеждений, ни твердой политической линии! С какой стороны ни подходить к делу, вы видите новое и новое подтверждение той старой истины, которую давно проповедают социал-демократы, преследуя эквилибристику социалистов-революционеров, и в научно-теоретическом и в практически-политическом отношении,— между марксизмом, с одной стороны, западноевропейским «критическим» оппортунизмом, с другой стороны, и русским мелкобуржуазным народничеством, с третьей стороны*.

В самом деле, представьте себе сколько-нибудь развитые политические отношения и взгляните на практическую постановку нашего «спорного вопроса». Допустим, перед нами есть партии клерикалов, либералов и социал-демократов. Они действуют в известных местностях, скажем, среди некоторых слоев студенчества и хотя бы рабочего класса. Они стараются привлечь на свою сторону возможно большее число влиятельнейших представителей того и другого. Спрашивается, мыслима ли такая вещь, чтобы против выбора этими представителями какой-либо одной определенной партии они стали восставать на том основании, что есть известные общие учебные и профессиональные интересы всего студенчества и всего рабочего класса? Это было бы все равно, как если бы необходимость борьбы партий оспаривали ссылкой на искусство книгопечатания, приносящее такую пользу всем партиям без различия. Нет ни одной партии в цивилизованных странах, которая бы не понимала громадной пользы возможно более широких и прочно поставленных учебных и профессиональных союзов, но всякая стремится к тому, чтобы в этих союзах преобладало именно ее влияние. Кто же не знает, что ссылка на беспартийность тех или иных учреждений является обыкновенно не более, как лицемерной фразой в устах правящих классов, желающих затушевать то, что существующие учреждения пропитаны уже в 99-ти случаях из ста самым определенным политическим духом? А ведь наши гг. социалисты-революционеры, в сущности, именно и поют дифирамбы в честь «беспартийности». Возьмите, например, такую чувствительную тираду «Революционной России» (№ 17-й): «Что же это за близорукая тактика, когда революционная организация непременно желает увидеть во всякой другой самостоятельной, неподчиненной ей организации *конкурента*, который должен быть уничтожен, в среду

* Само собой разумеется, что положение о непоследовательности и внутренней противоречивости программы и тактики социалистов-революционеров требует особого обстоятельного разъяснения. Мы надеемся остановиться на этом вопросе подробно в одном из следующих писем.

которого должно быть непременно внесено разделение, разъединение, дезорганизация?». Это сказано по поводу воззвания московской социал-демократической организации 1896 г.¹³⁰, которая упрекает студенчество за то, что оно замкнулось в последние годы в узкий круг своих университетских интересов, и которую «Революционная Россия» поучает, что существование студенческой организации никогда не мешает отдавать свои силы на рабочее дело тем, кто «определился в революционном отношении».

Посмотрите, сколько здесь путаницы. Конкуренция возможна (и неизбежна) только между политической и политической же организацией, между политическим и политическим же стремлением. Между обществом взаимопомощи и революционным кружком конкуренция невозможна, и, приписывая последнему желание непременно уничтожить первое, «Революционная Россия» говорит сущие пустяки. Но если в том же обществе взаимопомощи проявилось известное политическое стремление, — например, не помогать революционерам или исключать из библиотеки нелегальные книги, — то конкуренция и прямая борьба *обязательна* для всякого честного «политика». Если есть люди, замыкающие кружки в узко-университетские интересы (а такие люди несомненно есть, и в 1896 году их было гораздо больше!), то *борьба* между ними и людьми, проповедующими не сужение, а расширение интересов, точно так же необходима и обязательна. А ведь в открытом письме Киевского совета, вызвавшего полемику «Рев. России» с «Искрой», речь шла о выборе не между студенческими и революционными организациями, а между революционными организациями разных направлений. Следовательно, *выбирать* начали именно те, кто уже «определился в революционном отношении», а наши «социалисты-революционеры» тащат их *назад* под тем предлогом, что конкуренция между революционной и чисто студенческой организацией близорука... Очень уж это несвязно, господа!

Революционная часть студенчества начала делать выбор между двумя революционными партиями, а ее угощают таким поучением: «не навязыванием» «определенного» (предпочтительнее, конечно, неопределенность...) «партийного ярлыка» (для кого ярлык, а для кого — знамя), «не насилем над умственной совестью товарищей-студентов» (вся буржуазная пресса всех стран всегда объясняет рост социал-демократии насилем вожakov и науськивателей над совестью мирных товарищей...) «достигалось это влияние», т. е. влияние социалистической части студенчества на остальную. Думается, всякий порядочный студент оценит по заслугам это обвинение социалистов в «навязывании» ярлыков и в «насиловании совести». И эти бесхарактерные, дряблые и беспринципные речи говорятся в России, где так

еще безмерно слабы понятия партийной организации, партийной выдержки и чести, партийного знамени!

Революционному студенчеству наши «социалисты-революционеры» ставят в образец прежние студенческие съезды, которые провозглашали свою «солидарность с общеполитическим движением, совершенно отвлекаясь от фракционных раздоров, существующих в революционном лагере». Что такое «общеполитическое» движение? Движение социалистическое плюс либеральное. Отвлечься от этого различия — значит встать на сторону непосредственного и ближайшего, т. е. именно либерального движения. И к этому зовут «социалисты-революционеры»! К отстранению от партийной борьбы зовут люди, именующие себя *особой партией*! Не показывает ли это, что подобная партия не в состоянии провезти своего политического товара под собственным флагом, а вынуждена прибегать к контрабанде? Не явствует ли отсюда отсутствие у этой партии какого-либо *своего* определенного программного базиса? Мы сейчас увидим это.

Ошибки социалистов-революционеров в их рассуждениях о студенчестве и революции не могут быть объяснены одной только нелогичностью, которую мы старались доказать выше. В известном смысле можно утверждать обратное: нелогичность их рассуждений вытекает из их основной ошибки. Как «партия», они заняли с самого начала такую внутренне противоречивую, такую скользкую позицию, что на ней не могли удержаться, без постоянных шатаний и падений, люди вполне честные и вполне способные к политическому мышлению. Надо всегда помнить, что не различными ошибками тех или иных писателей, тех или иных деятелей объясняет социал-демократия вред, приносимый делу социализма «социалистами-революционерами», а, наоборот, все эти ошибки она считает неизбежным результатом фальшивой программной и политической позиции. На таком вопросе, как студенческий, эта фальшь выступает особенно наглядно, и становится очевидным противоречие между *буржуазно-демократической* точкой зрения и мишурным облачением революционного социализма. В самом деле, всмотритесь в ход мыслей программной статьи «Революционной России»: «Студенчество и революция». Автор кладет во главу угла «бескорыстность и чистоту стремлений», «силу идеальных мотивов» у «юности». Именно в этом ищет он объяснения ее «новаторских» политических стремлений, а не в тех реальных условиях общественного быта России, которые, с одной стороны, порождают непримиримое противоречие между самодержавием

и весьма широкими и весьма разнородными слоями населения, а с другой стороны, — чрезвычайно затрудняют (скоро надо уже будет говорить: затрудняли) иное проявление политического недовольства, как через посредство университетов.

Автор обрушивается затем на попытки социал-демократов сознательно отнестись к различию политических групп внутри студенчества, сплотить теснее однородные политические группы и разъединить то, что политически разнородно. Не то, чтобы автор критиковал неправильность той или иной из этих попыток, — смешно было бы утверждать, что все эти попытки и во всем всегда были удачны. Нет, автору чужда совершенно самая идея о том, что различие классовых интересов неизбежно должно отразиться и на политической группировке, что студенчество не может составить изъятия из всего общества, несмотря на всю свою бескорыстность, чистоту, идеальность и проч., что задача социалиста не затушевывать этого различия, а, напротив, разъяснять его возможно более широкой массе и закреплять его в политической организации. Автор смотрит на вещи с идеалистической точки зрения буржуазного демократа, а не с материалистической — социал-демократа.

Автор не стыдится поэтому выставлять и повторять призыв революционного студенчества к «общеполитическому движению». Для него центр тяжести лежит именно в общеполитическом, т. е. в общедемократическом движении, которое должно быть едино. Единства этого не должны нарушать «чисто революционные кружки», которые должны группироваться «параллельно с общестуденческой организацией». С точки зрения интересов этого широкого и единого демократического движения преступно, конечно, «навязывание» партийных ярлыков и насилдование умственной совести товарищей. Именно так смотрела буржуазная демократия и в 1848 году, когда попытки указать на противоречие классовых интересов буржуазии и пролетариата вызвали «всеобщее» осуждение «фанатиков разъединения и раскола». Именно так смотрит и новейшая разновидность буржуазной демократии, — оппортунисты и ревизионисты, жаждущие единой великой демократической партии, мирно идущей путем реформ, путем сотрудничества классов. Все они всегда были и не могут не быть врагами «фракционных» раздоров и сторонниками «общеполитического» движения.

Вы видите: рассуждения социалистов-революционеров, несуразные и противоречивые до смешного с точки зрения социалиста, становятся вполне понятны и последовательны с точки зрения буржуазно-демократической. Это — потому, что партия социалистов-революционеров есть в сущности не что иное, как *фракция* буржуазной

демократии, фракция, по составу своему преимущественно интеллигентская, по точке зрения преимущественно мелкобуржуазная, по теоретическому своему знамени — эклектически соединяющая новейший оппортунизм и стародадедовское народничество.

Лучшим опровержением объединительной фразеологии буржуазного демократа является самый ход политического развития и политической борьбы. И в России рост действительного движения успел уже привести к *такому* опровержению. Я имею в виду выделение «академистов», как особой группы студенчества. Покуда не было настоящей борьбы, академисты не выделялись из «общестуденческой» массы, и «единство» всей «мыслящей части» студенчества казалось ненарушимым. Как только дошло до *дела*, — расхождение разнородных элементов стало неизбежным*.

Прогресс политического движения и прямого натиска на самодержавие тотчас же ознаменовался прогрессом определенности в политической группировке, — вопреки всяческим пустым речам об объединении всех и каждого. В том, что разделение академистов и политиков есть крупный шаг вперед, — едва ли станет сомневаться хоть один человек. Но означает ли это разделение, что студенты социал-демократы «порвут» с академистами? «Революционной России» кажется, что да (см. № 17, стр. 3).

Но кажется ей это только вследствие той путаницы, которую мы обнаружили выше. Полная размежевка политических направлений отнюдь не означает «разрыва» профессиональных и учебных союзов. Социал-демократ, который поставит своей задачей работу в студенчестве, *непрерывно* постарается проникнуть сам или через посредство своих агентов в возможно большее число возможно более широких «чисто студенческих» и самообразовательных кружков, постарается расширять кругозор того, кто требует только академической свободы, постарается пропагандировать именно социал-демократическую программу среди тех, кто еще ищет какой-нибудь программы.

Резюмируем. Известная часть студенчества хочет выработать себе определенное и цельное социалистическое мировоззрение. Конечной целью этой подготовительной работы может быть — для студентов, желающих практически участвовать в революционном движении, — только сознательный и бесповоротный выбор одного из двух направ-

* Если верить некоторым сообщениям, то в последнее время обнаруживается все сильнее и дальнейшее расхождение разнородных элементов студенчества, именно выделение социалистов от политиков-революционеров, которые и слышать не хотят о социализме. Говорят, что среди сосланных в Сибирь студентов очень определенно выступило это последнее направление. Посмотрим, подтвердятся ли эти сообщения.

лений, сложившихся в настоящее время в революционной среде. Кто протестует против такого выбора во имя идейного объединения студенчества, во имя его революционизирования вообще и т. п., — тот затемняет социалистическое сознание, тот проповедует на самом деле лишь безыдейность. Политическая группировка студенчества не может не отражать политической группировки всего общества, и долг всякого социалиста — стремиться к возможно более сознательной и последовательной размежевке политически разнородных групп. Призыв, обращенный к студенчеству партией соц.-рев., — «провозгласить свою солидарность с общеполитическим движением и совершенно отвлечься от фракционных раздоров в революционном лагере» — является, по сущности своей, не чем иным, как призывом *назад*, от социалистической к буржуазно-демократической точке зрения. В этом нет ничего удивительного, ибо «партия соц.-рев.» есть лишь фракция буржуазной демократии в России. Разрыв студента социал-демократа с революционерами и политиками всех других направлений отнюдь не означает разрыва общестуденческих и образовательных организаций; напротив, только стоя на точке зрения вполне определенной программы, можно и должно работать в самых широких кругах студенчества над расширением академического кругозора и над пропагандой научного социализма, т. е. марксизма.

Р. С. В следующих письмах я хотел бы побеседовать с читателями «Студента» о значении марксизма для выработки цельного мирозерцания, о принципиальных и тактических отличиях социал-демократической партии и партии соц.-рев., о вопросах студенческой организации и об отношении студенчества к рабочему классу вообще.

Напечатано в сентябре 1903 г. в газете
«Студент», № 2—3
Подпись: Н. Л е н и н

Полн. собр. соч., т. 7,
с. 341—356.

Письма

М. И. Ульяновой ¹³¹

19. V. 01.

Надумал написать тебе несколько слов, дорогая Маняша, а то ты, пожалуй, подумаешь, что я и совсем свиной стал. Удивительно часто, в самом деле, забываю я здесь о своих обязанностях! Правда, теперь, когда приехали Надя и Е. В., мы устроились гораздо лучше, своей квартирой, и я начинаю более правильно заниматься, но сутолоки все же более чем достаточно.

Как-то ты поживаешь? Надеюсь, наладила уже более правильный режим, который так важен в одиночке? Я Марку писал сейчас письмо и с необычайной подробностью расписывал ему, как бы лучше всего «режим» установить: по части умственной работы особенно рекомендовал переводы и притом *обратные*, т. е. сначала с иностранного на русский письменно, а потом с русского перевода опять на иностранный. Я вынес из своего опыта, что это самый рациональный способ изучения языка. А по части физической усиленно рекомендовал ему, и повторяю то же тебе, гимнастику ежедневную и обтирания. В одиночке это прямо необходимо.

Из одного твоего письма, пересланного сюда мамой, я увидел, что тебе удалось уже наладить некоторые занятия. Надеюсь, что благодаря этому ты будешь хоть иногда забывать об обстановке и время (которое обыкновенно в тюрьмах летит быстро, если нет особо неблагоприятных условий) будет проходить еще незаметнее. Советую еще распределить правильно занятия по имеющимся книгам так, чтобы разнообразить их: я очень хорошо помню, что перемена чтения или работы — с перевода на чтение, с письма на гимнастику, с серьезного чтения на беллетристику — чрезвычайно много помогает. Иногда ухудшение настроения — довольно-таки изменчивого в тюрьме — зависит просто от утомления однообразными впечатлениями или однообразной работой, и достаточно бывает переменить ее, чтобы войти в норму и совладать с нервами. После обеда, вечером для отдыха я,

помню, regelmässig * брался за беллетристику и нигде не смаковал ее так, как в тюрьме. А главное — не забывай ежедневной, обязательной гимнастики, заставляй себя проделать по нескольку десятков (без уступки!) всяких движений! Это очень важно. Ну, прощай пока. Крепко целую тебя и желаю бодрости и здоровья.

Твой Влад. Ульянов

Послано из Мюнхена в Москву
Впервые напечатано в 1929 г. в журнале
«Пролетарская Революция», № 11

Полн. собр. соч., т. 55,
с. 208—209.

Из письма М. А. Ульяновой

17. XII. 02.

...Маняша пишет также, что занялась языками и в том числе даже английским. Я было хотел послать ей один учебничек произношения, очень хороший, на немецком языке. Мне недавно пришлось заниматься, и я очень доволен этим учебником, не могу нахвалиться им. Называется он *Henry Sweet: Elementarbuch des gesprochenen Englisch*. Oxford. 1901. Стоит около 1 р. 25 коп. Если хочет Маняша, — пришлю ей, ибо мне уже не нужен. Но только раз у нее есть Туссэн, не знаю уже, стоит ли, ибо Туссэн превосходен. Я прежде не верил в эту систему, а теперь убедился, что это единственная серьезная, дельная система. И если, пройдя первый выпуск Туссэна, взять пару — другую уроков у природного иностранца, то можно выучиться безусловно хорошо. Есть теперь и словари Туссэна с обозначением произношения: очень советую Маняше купить, ибо наш Александров *massu vret*. (Например, карманный словарь *Muret* по методу Туссэна, *Taschen-Wörterbuch der englischen und deutschen Sprache, Teil I, Englisch-deutsch, Preis 2 Mark*. Berlin. 1902. *Langenscheidtsche Verlagsbuchhandlung* — очень советую купить.)...

Послано из Лондона в Самару;
Впервые напечатано в 1929 г. в журнале
«Пролетарская Революция», № 11

Полн. собр. соч., т. 55,
с. 226—227.

Из письма Ф. В. Ленгнику

*Несколько мыслей по поводу письма 7 ц. 6 ф.**

(Зарину от Ленина)

...Некоторые местные «деятели» (получающие сие название от их бездеятельности), видя по несколько номеров «Искры» всего, не работая активно над *массовым* получением и распространением ее, выдумывают себе легкую отговорку: это не то. Нам подай *массовую* литературу, для массы! Разжуй, в рот положи, а проглотим, может быть, и сами.

Как феноменально нелепы кажутся эти вопли тому, кто знает и видит, что они, эти местные «деятели», не умеют поставить распространение и того, что есть. Не смешно ли читать: подайте десятки пудов, когда вы *не умеете* взять и развезти и *п я т и п у д о в*? Сделайте-ка это сначала, почтеннейшие «фантазеры на час» (ибо первая неудача сбивает вас со всего, даже со всех ваших убеждений!). Сделайте это, и тогда, когда вы сделаете это не раз, а десятки раз, *вырастет* и издательство в ногу с запросами.

Говорю: вырастет, ибо ваши вопли о массовой литературе (без критики и смысла перенятые у соц.-рев. и свободовцев и всяких растерянных «бездеятелей») основаны на забвении маленькой... очень маленькой мелочи, именно: на забвении того, что вы не умеете взять и распространить *даже сотой доли* той массовой литературы, которую мы сейчас издаем. Я беру один из последних списков одного из немногих (из мизерно, жалко, постыдно немногих) наших транспортов. *Нижегородские речи, ростовская борьба, брошюра о стачках, Дикштейн* ** — ограничусь этим. Четыре, только четыре вещички! Как мало!!

Да, очень мало! Да, нам нужно четыреста, а не четыре.

* Псевдоним не раскрыт. *Ред.*

** Это старо! — вопите вы. Да. Все партии, имеющие *хорошую* популярную литературу, распространяют *с т а р ь е*: Геда и Лафарга, Бебеля, Бракке, Либкнехта и пр. *п о д е с я т и л е т и я м*. Слышите ли: по десятилетиям! И популярная литература *только та и хороша, только та и годится*, которая служит *десятилетия*. Ибо популярная литература есть ряд *учебников для народа*, а учебники излагают азы, не меняющиеся *п о п о л у с т о л е т и я м*. Та «популярная» литература, которая вас «пленяет» и которую «Свобода» и с.-р. издают пудами ежемесячно, есть *макулатура и шарлатанство*. Шарлатаны всегда суетливые и шумят больше, а некоторые наивные люди принимают это за энергию.

Но позвольте-ка вас спросить, сумели ли вы *хоть четыре-то* распространить *в десятках тысяч*? Нет, вы не сумели этого сделать. Вы не сумели распространить и в сотнях. *Поэтому вы и кричите: давайте нам десятки пудов!* (Никто и никогда ничего вам не даст, ежели не сумеете *брать*: запомните это.)...

*Написано в феврале, позднее 12, 1903 г.
Послано из Лондона в Киев*

*Полн. собр. соч., т. 46,
с. 270—271.*

*Впервые напечатано в 1924 г. в журнале
«Молодая Гвардия», № 2—3*

1905—1907 годы

Революция 1905—1907 гг. явилась генеральной репетицией Великого Октября, боевым крещением российского пролетариата и его партии. Революция подтвердила глубокую жизненность ленинских идей о гегемонии пролетариата в освободительном движении. Российский пролетариат впервые в истории выступил в роли вождя народа в буржуазно-демократической революции. Пролетариат, писал В. И. Ленин, «завоевал освобождение рабочих масс из-под влияния предательского и презренно-бессильного либерализма. Он завоевал себе роль гегемона в борьбе за свободу, за демократию, как условие для борьбы за социализм. Он завоевал всем угнетенным и эксплуатируемым классам России *уменье вести революционную массовую борьбу*» (Полн. собр. соч., т. 19, с. 371).

В условиях первой русской революции проявились боевые качества партии пролетариата, партии большевиков. Большевизм в огне революции прошел первую историческую проверку. Практика революции показала, что большевики могут привести народ к победе над царизмом. Партия приобрела не только богатый материал для дальнейшего творческого развития марксистской теории, но и огромный опыт практического руководства борьбой масс. «Мы уже несколько лет,— говорил В. И. Ленин на V съезде РСДРП,— проверяем опытом нашей революции свои теоретические взгляды и общие тактические решения» (Полн. собр. соч., т. 15, с. 313).

Ленинские работы, написанные в период первой русской революции, явились продолжением теоретической разработки проблем стратегии и тактики большевистской партии в открытой революционной борьбе с царизмом. Важное место в этих работах занимают вопросы политического воспитания народных масс и политического воспитания молодежи. В. И. Ленин обращает особое внимание на работу по вовлечению молодежи в борьбу с самодержавием. В самом начале революции, в феврале 1905 г., В. И. Ленин писал: «Нужны молодые силы... В России людей тьма, надо только шире и смелее, смелее и шире, еще раз шире и еще раз смелее вербовать молодежь...» (Полн. собр. соч., т. 9, с. 247).

В статье «Кризис меньшевизма», написанной в декабре 1906 г., В. И. Ленин, отвечая на жалобы меньшевиков по поводу того, что «у нас преобладает в партии рабочая молодежь», еще более резко подчеркивал роль молодежи в революционном движении, в партии пролетариата. «Эта жалоба русского оппортуниста,— писал В. И. Ленин,— напомнила мне одно место у Энгельса... Возражая какому-то пошлому буржуазному профессору, немецкому кадету, Энгельс писал:

разве не естественно, что у нас, партии революции, преобладает молодежь? Мы партия будущего, а будущее принадлежит молодежи. Мы партия новаторов, а за новаторами всегда охотнее идет молодежь. Мы партия самоотверженной борьбы с старым гнильем, а на самоотверженную борьбу всегда первой пойдет молодежь.

Нет, предоставим лучше кадетам подбирать «уставших» старцев в 30 лет, «поумневших» революционеров и ренегатов социал-демократии. Мы всегда будем партией молодежи передового класса!» (Полн. собр. соч., т. 14, с. 162—163).

Ленинские работы 1905—1907 гг., посвященные политическому воспитанию молодежи, политическому воспитанию трудящихся масс, развивают идеи, заложенные В. И. Лениным в работах предшествующего периода. Основная из этих идей — революционное воспитание молодежи в процессе ее активной революционной деятельности.

В неоконченной статье «О смещении политики с педагогикой» В. И. Ленин резко выступал против пассивного просвещения трудящихся в отрыве от прямых политических задач и непосредственной революционной борьбы, против тех, «кто вздумал бы из этой «педагогике» сделать особый лозунг, *противопоставлять* ее «политике», строить на этом противопоставлении особое направление». Надо, подчеркивал В. И. Ленин, учить «не одной книжкой», но «и участием в повседневной жизненной борьбе» пролетариата (Полн. собр. соч., т. 10, с. 357). И это тем более необходимо в период революции, ибо «месяцы революции скорее и полнее воспитывают иногда граждан, чем десятилетия политического застоя» (Полн. собр. соч., т. 10, с. 339—340).

В статьях «Социализм и религия», «Памяти графа Гейдена», «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов» В. И. Ленин выдвинул задачу революционного раскрепощения пролетариата от духовного рабства, от религии как одного «из видов духовного гнета» (Полн. собр. соч., т. 12, с. 142), от идейного влияния контрреволюционных представителей так называемого образованного общества, у которых «образованность, культурность и просвещенность есть только разновидность квалифицированной проституции» (Полн. собр. соч., т. 16, с. 40). В деле этого раскрепощения, подчеркивал В. И. Ленин, решающим является революционная борьба пролетариата. «Никакими книжками, — писал он в декабре 1905 г., — и никакой проповедью нельзя просветить пролетариат, если его не просветит его собственная борьба против темных сил капитализма» (Полн. собр. соч., т. 12, с. 146).

Важнейшее идейное значение имела написанная В. И. Лениным в годы первой русской революции статья «Партийная организация и партийная литература». Выдвинутый в ней В. И. Лениным принцип партийности литературы, партийности всего дела просвещения и воспитания народа являлся и является одним из основополагающих принципов марксистско-ленинской идеологии.

Из статьи «Падение Порт-Артура»

...Падение Порт-Артура подводит один из величайших исторических итогов тем преступлениям царизма, которые начали обнаруживаться с самого начала войны и которые будут обнаруживаться теперь еще шире, еще более неудержимо. После нас хоть потоп! — рассуждал каждый маленький и большой Алексеев, не думая о том, не веря в то, что потоп действительно наступит. Генералы и полководцы оказались бездарностями и ничтожествами. Вся история кампании 1904 г. явилась, по авторитетному свидетельству одного английского военного обозревателя (в «Times» ¹³²), «преступным пренебрежением элементарными принципами морской и сухопутной стратегии». Бюрократия гражданская и военная оказалась такой же тунеядствующей и продажной, как и во времена крепостного права. Офицерство оказалось необразованным, неразвитым, неподготовленным, лишенным тесной связи с солдатами и не пользующимся их доверием. Темнота, невежество, безграмотность, забитость крестьянской массы выступили с ужасающей откровенностью при столкновении с прогрессивным народом в современной войне, которая так же необходимо требует высококачественного человеческого материала, как и современная техника. Без инициативного, сознательного солдата и матроса невозможен успех в современной войне. Никакая выносливость, никакая физическая сила, никакая стадность и сплоченность массовой борьбы не могут дать перевеса в эпоху скорострельных малокалиберных ружей, машинных пушек, сложных технических устройств на судах, рассыпного строя в сухопутных сражениях. Военное могущество самодержавной России оказалось мишурным. Царизм оказался помехой современной, на высоте новейших требований стоящей, организации военного дела, — того самого дела, которому царизм отдавался всей душой, которым он всего более гордился, которому он приносил безмерные жертвы, не стесняясь никакой народ-

ной оппозицией. Гроб повапленный¹³³ — вот чем оказалось самодержавие в области внешней защиты, наиболее родной и близкой ему, так сказать, специальности. События подтвердили правоту тех иностранцев, которые смеялись, видя, как десятки и сотни миллионов рублей бросаются на покупку и постройку великолепных военных судов, и говорили о бесполезности этих затрат при неумении обращаться с современными судами, при отсутствии людей, способных со знанием дела пользоваться новейшими усовершенствованиями военной техники. Отсталыми и никуда не годными оказались и флот, и крепость, и полевые укрепления, и сухопутная армия.

Связь между военной организацией страны и всем ее экономическим и культурным строем никогда еще не была столь тесной, как в настоящее время...

«Вперед», № 2, 14 (1) января 1905 г.

*Полн. собр. соч., т. 9,
с. 155—156.*

Из статьи
**«Революционная армия
и революционное правительство»**

...Каков будет окончательный исход борьбы между сторонниками самодержавия и массой народа, в этом не может сомневаться ни один человек, сколько-нибудь сохранивший способность рассуждения. Но мы не должны закрывать себе глаза на то, что серьезная борьба только еще начинается, что нас ждут еще великие испытания. И революционная армия и революционное правительство представляют из себя «организмы» настолько высокого типа, требуют учреждений таких сложных, гражданского самосознания такого развитого, что было бы ошибкой ждать простого, немедленного, верного осуществления этих задач сразу. Нет, мы не ждем этого, мы умеем ценить значение той упорной, медленной, часто невидной работы политического воспитания, которую всегда вела и всегда будет вести социал-демократия. Но мы не должны допускать также еще более опасного в настоящий момент неверия в силы народа, мы должны помнить, какой громадной просвещающей и организующей силой обладает революция, когда могучие исторические события силой вытаскивают обывателей из их медвежьих углов, чердаков и подвалов и заставляют их становиться *гражданами*. Месяцы революции скорее и полнее воспитывают иногда граждан, чем десятилетия политического застоя. Задача сознательных руководителей революционного класса — всегда идти впереди его в деле такого воспитания, разъяснять значение новых задач и звать вперед к нашей великой конечной цели. Неудачи, которые неизбежно ждут нас при дальнейших попытках образования революционной армии и учреждения временного революционного правительства, только научат нас *практическому* решению этих задач, только привлекут новые и свежие, таящиеся теперь под спудом, народные силы к их решению.

Возьмите военное дело. Ни один социал-демократ, знакомый хоть сколько-нибудь с историей, учившийся у великого знатока этого

дела Энгельса, не сомневался никогда в громадном значении военных знаний, в громадной важности военной техники и военной организации, как орудия, которым пользуются массы народа и классы народа для решения великих исторических столкновений. Социал-демократия никогда не опускалась до игры в военные заговоры, она никогда не выдвигала на первый план военных вопросов, пока не было налицо условий начавшейся гражданской войны *. Но теперь все социал-демократы выдвинули военные вопросы, если не на первое, то на одно из первых мест, поставили на очередь изучение их и ознакомление с ними народных масс. Революционная армия должна практически применить военные знания и военные орудия для решения всей дальнейшей судьбы русского народа, для решения первого, насущнейшего вопроса, вопроса о свободе...

«Пролетарий», № 7, 10 июля (27 июня)
1905 г.

Полн. собр. соч., т. 10,
с. 339—340.

* Ср. «Задачи русских социал-демократов» Ленина, стр. 23, о несвоевременности (в 1897 г.) вопроса о способах решительной атаки на царизм. (См.: Полн. собр. соч., т. 2, с. 461—462. Ред.)

О смещении политики с педагогикой¹³⁴

У нас есть не мало социал-демократов, которые под влиянием каждого поражения рабочих в отдельных схватках их с капиталистами или с правительством впадают в пессимизм и пренебрежительно отстраняют все разговоры о высших и великих целях рабочего движения ссылкой на недостаточную степень влияния нашего на массу. Куда уж нам! Где уж нам! говорят такие люди. Нечего и толковать о роли социал-демократии, как авангарда в революции, когда мы даже не знаем толком настроения масс, не умеем слиться с массой, поднять рабочую массу! Неудачи социал-демократов 1-го мая текущего года значительно усилили такое настроение. Большевики или новоискровцы¹³⁵, разумеется, поспешили подхватить его, чтобы еще раз в качестве особого лозунга выдвинуть лозунг: к массам! точно в пику кому-то, точно в ответ на мысли и разговоры о временном революционном правительстве, о революционно-демократической диктатуре и т. п.

Нельзя не сознаться, что в этом пессимизме и в выводах из него, делаемых торопливыми новоискровскими публицистами, есть одна очень опасная черта, способная принести серьезный вред социал-демократическому движению. Слов нет, самокритика безусловно необходима для всякой живой и жизненной партии. Нет ничего пошлее самодовольного оптимизма. Нет ничего законнее указаний на постоянную, безусловную необходимость углубления и расширения, расширения и углубления нашего влияния на массы, нашей строго марксистской пропаганды и агитации, нашего сближения с экономической борьбой рабочего класса и т. д. Но именно потому, что такие указания законны всегда и постоянно, при любых условиях и положениях, они не должны быть превращаемы в особые лозунги, они не могут оправдывать попыток построить на них какое-то особое направление в социал-демократии. Тут есть граница, перейдя которую

вы превращаете эти бесспорные указания в сужение задач и размаха движения, в доктринерское забвение насущных передовых политических задач момента.

Углублять и расширять работу и влияние на массы надо всегда. Без этого социал-демократ не есть социал-демократ. Ни единая организация, группа, кружок не может считаться социал-демократической организацией, если они постоянно и регулярно не ведут этой работы. В значительной степени весь смысл нашего строгого обособления в отдельную самостоятельную партию пролетариата состоит в том, чтобы мы всегда и неуклонно вели эту марксистскую работу, поднимая до уровня сознательной социал-демократичности по возможности весь рабочий класс, не позволяя никаким, решительно никаким политическим бурям — тем более политическим переменам декорации — отвлечь нас от этой насущной работы. Без этой работы политическая деятельность неизбежно выродилась бы в игрушку, ибо серьезное значение для пролетариата эта деятельность приобретает лишь тогда и лишь в той мере, в какой она поднимает массу определенного класса, заинтересовывает его, двигает его на активное, передовое участие в событиях. Эта работа нужна, мы уже сказали, всегда: после каждого поражения об ней можно и должно напоминать, ее следует подчеркивать, ибо слабость ее есть *всегда* одна из причин поражения пролетариата. После каждой победы об ней тоже *всегда* следует напоминать и значение ее подчеркивать, ибо иначе победа будет кажущаяся, плоды ее будут не обеспечены, реальное значение ее с точки зрения всей нашей великой борьбы за нашу конечную цель будет ничтожно и может даже оказаться отрицательным (именно в том случае, если частичная победа усыпит нашу бдительность, ослабит недоверие к ненадежным союзникам, позволит пропустить момент для дальнейшего и более серьезного натиска на врага).

Но именно потому, что эта работа углубления и расширения влияния на массы нужна одинаково всегда, и после каждой победы и после каждого поражения, и в эпоху политического застоя и в самое бурное революционное время, именно поэтому из указания на нее и нельзя делать какого-то особого лозунга, на нем нельзя строить особого направления, не рискуя впасть в демагогию и в принижение задач передового и единственного действительно революционного класса. В политической деятельности социал-демократической партии всегда есть и будет известный элемент педагогики: надо воспитывать весь класс наемных рабочих к роли борцов за освобождение всего человечества от всякого угнетения, надо постоянно обучать новые и новые слои этого класса, надо уметь подойти к самым серым, неразвитым,

наименее затронутым и нашей наукой и наукой жизни представителям этого класса, чтобы суметь заговорить с ними, суметь сблизиться с ними, суметь выдержанно, терпеливо подпять их до социал-демократического сознания, не превращая наше учение в сухую догму, уча ему не одной книжкой, а и участием в повседневной жизненной борьбе этих самых серых и самых неразвитых слоев пролетариата. В этой повседневной деятельности есть, повторяем, известный элемент педагогики. Социал-демократ, который забыл бы об этой деятельности, перестал бы быть социал-демократом. Это верно. Но у нас часто забывают теперь, что социал-демократ, который задачи политики стал бы сводить к педагогике, тоже — хотя по другой причине — перестал бы быть социал-демократом. Кто вздумал бы из этой «педагогики» сделать особый лозунг, *противопоставлять* ее «политике», строить на этом противопоставлении особое направление, апеллировать к массе во имя этого лозунга против «политиков» социал-демократии, тот сразу и неизбежно опустился бы до демагогии.

Всякое сравнение хромает, это давно известно. Всякое сравнение уподобляет лишь одну сторону или лишь некоторые стороны сравниваемых предметов или понятий, абстрагируя временно и условно другие стороны. Напомним читателю эту общеизвестную, но часто забываемую, истину и сравним социал-демократическую партию с большой школой, низшей, средней и высшей в одно и то же время. Никогда и ни при каких условиях эта большая школа не сможет забыть о деле преподавания азбуки, обучения начаткам знания и начаткам самостоятельной мысли. Но если бы кто-нибудь вздумал отделяться от вопросов высшего знания ссылками на азбуку, если бы кто-нибудь стал противопоставлять непрочные, сомнительные, «узкие» результаты этого высшего знания (доступного во много раз меньшему кругу лиц сравнительно с кругом, проходящим азбуку) — прочным, глубоким, широким и солидным результатам начальной школы, тот обнаружил бы близорукость невероятную. Тот мог бы даже подействовать полному извращению всего смысла большой школы, ибо игнорирование вопросов высшего знания лишь облегчило бы шарлатанам, демагогам и реакционерам сбить с толку прошедших одну только азбуку людей. Или еще, сравним партию с армией. Ни в мирное ни в военное время нельзя забыть об обучении рекрутов, о науке стрельбы, о распространении вширь и вглубь в массах азбуки военного дела. Но если бы руководители маневров или действительных *оружейников*...*

Написано в июне 1905 г.
Впервые напечатано в 1926 г. в Ленинском сборнике V

Полн. собр. соч., т. 10,
с. 355—358.

* На этом рукопись обрывается. *Ред.*

Из статьи
«Кровавые дни в Москве»¹³⁶

Женева, 10 октября (27/IX).

Новая вспышка рабочего восстания — массовая стачка и уличная борьба в Москве. В столице 9 января грянул первый гром революционного выступления пролетариата. Раскаты этого грома пронеслись по всей России, подняв с невиданной раньше быстротой свыше миллиона пролетариев на гигантскую борьбу. За Петербургом последовали окраины, где национальное угнетение обострило и без того невыносимый политический гнет. Рига, Польша, Одесса, Кавказ стали по очереди очагами восстания, которое росло в ширину и в глубину с каждым месяцем, с каждой неделей. Теперь дело дошло до центра России, до сердца «истинно русских» областей, которые умиляли всего долее реакционеров своею устойчивостью. Целый ряд обстоятельств объясняет эту сравнительную устойчивость, т. е. отсталость центра России: и менее развитые формы крупной промышленности, охватившей громадные рабочие массы, но менее порвавшей связи с землей, менее концентрировавшей пролетариев в интеллектуальных центрах; — и большая удаленность от заграницы; — и отсутствие национальной розни. Рабочее движение, с такой могучей силой проявившееся в этом районе еще в 1885—1886 годах¹³⁷, как бы замерло на долгое время, и усилия социал-демократов десятки и сотни раз разбивались о сопротивление особенно трудных местных условий работы.

Но наконец и центр зашевелился. Иваново-Вознесенская стачка¹³⁸ показала неожиданно высокую политическую зрелость рабочих. Брожение во всем центральном промышленном районе шло уже непрерывно усиливаясь и расширяясь после этой стачки. Теперь это брожение стало выливаться наружу, стало превращаться в восстание. Несомненно, вспышку обострило еще революционное московское студенчество, которое только что приняло совершенно аналогичную петербургской резолюцию, клеймящую Государственную думу, зовущую к борьбе за республику, за учреждение временного революционного правительства. «Либеральные» профессора, только что выбравшие либеральнейшего ректора, пресловутого г-на Трубец-

кого, закрыли университет под давлением полицейских угроз: они боялись, по их словам, повторения тифлисской бойни¹³⁹ в стенах университета. Они ускорили только пролитие крови на улицах, вне университета.

Насколько мы можем судить по кратким телеграфным сообщениям заграничных газет, ход событий в Москве был «обычный», вошедший, так сказать, в норму после 9-го января. Началось со стачки наборщиков, которая быстро разрослась. В субботу, 24 сентября (7 октября), не работали уже типографии, электрические конки, табачные фабрики. Газеты не вышли. Ждали всеобщей стачки заводских и железнодорожных рабочих. Вечером состоялись большие манифестации, в которых кроме наборщиков участвовали также рабочие и других профессий, студенты и проч. Казаки и жандармы много раз разгоняли манифестантов, но они собирались снова. Было ранено много полицейских. Манифестанты бросали камни и стреляли из револьверов. Тяжело ранен офицер, командовавший жандармами. Убит один казачий офицер, один жандарм и т. д.

К стачке примкнули в субботу пекаря.

В воскресенье 25 сентября (8 октября) события сразу приняли грозный оборот. С 11 часов утра начались скопления рабочих на улицах, — особенно на Страстном бульваре и в других местах. Толпа пела Марсельезу. Типографии, отказывавшиеся бастовать, были разгромлены. Казакам удавалось рассеивать манифестантов лишь после упорнейшего сопротивления.

Перед магазином Филиппова, около дома генерал-губернатора, собралась толпа человек в 400, главным образом подмастерьев-булочников. Казаки атаковали толпу. Рабочие проникли в дома, взобрались на крыши и осыпали оттуда казаков камнями. Казаки стреляли на крышу и, не будучи в состоянии выбить рабочих, прибегли к правильной осаде. Дом был окружен, отряд полиции и две роты гренадеров произвели обходное движение, проникли в дом сзади и в конце концов заняли и крышу. Арестовано 192 подмастерья. Восемь арестованных ранено; двое рабочих убито (повторяем, что все это — исключительно телеграфные сообщения заграничных газет, далекие, разумеется, от истины и дающие лишь приблизительное представление о размерах сражения). Одна солидная бельгийская газета приводит сообщение, что дворники были усердно заняты очисткой улиц от следов крови; эта маленькая подробность — говорит она — больше, чем длинные отчеты, свидетельствует о серьезности борьбы...

Написано 27 сентября (10 октября)
1905 г.

Полн. собр. соч., т. 11,
с. 313—315.

Впервые напечатано в 1926 г. в Ленинском сборнике V

По поводу смерти Трубецкого

Либеральная газета «Frankfurter Zeitung»¹⁴⁰ была страшно возмущена последовательно-революционной резолюцией московских студентов, требовавших созыва учредительного собрания не царем, и не Государственной думой, и даже (пусть не сердятся товарищи из новой «Искры»!) не «демократической организацией народа», а временным революционным правительством. По этому поводу немецкие либеральные биржевики вопили о «незрелости» студентов и пр. Теперь, помещая телеграмму о смерти Трубецкого, та же газета (13. X., Abendblatt *) замечает: «Может быть, ему (Трубецкому) устроили в министерстве народного просвещения сцену».

Бедный Трубецкой! Стремиться к народной свободе и умереть от «сцены» в передней царского министра... Мы готовы допустить, что это слишком жестокая казнь даже для российского либерала. Но только, господа, не лучше ли, не достойнее ли для сторонников народной свободы отказаться от всяких сношений с правительством палачей и шпионов? Не лучше ли умирать в прямой, честной, открытой, просвещающей и воспитывающей народ, уличной борьбе с этими гадами, без уничтожения которых невозможна действительная свобода, чем умирать от «сцеп» при беседах с Треповыми и его презренными лакеями?

*Написано в начале октября 1905 г.
Впервые напечатано в 1926 г. в Ленинском сборнике V*

*Полн. собр. соч., т. 11,
с. 333.*

В Боевой комитет при Санкт-Петербургском комитете

16. X. 1905.

Дорогие товарищи! Очень благодарен Вам за присылку 1) отчета Боевого комитета и 2) записки по вопросу об организации подготовки восстания + 3) схемы организации. Прочитав эти документы, я счел долгом прямо обратиться к Боевому комитету для товарищеского обмена мнений. Нечего и говорить, что о практической постановке дела я судить не берусь; что делается все возможное при тяжелых русских условиях, в этом не может быть сомнения. Но, по документам судя, дело грозит выродиться в канцелярщину. Все эти схемы, все эти планы организации Боевого комитета производят впечатление бумажной волокиты,— я прошу извинить меня за откровенность, но я надеюсь, что вы меня не заподозрите в желании придрататься. В таком деле менее всего пригодны схемы, да споры и разговоры о функциях Боевого комитета и правах его. Тут нужна бешеная энергия и еще энергия. Я с ужасом, ей-богу с ужасом, вижу, что о бомбах говорят *больше полгода* и ни одной не сделали! А говорят ученейшие люди... Идите к молодежи, господа! вот одно единственное, всеспасаящее средство. Иначе, ей-богу, вы опоздаете (я это по всему вижу) и окажетесь с «учеными» записками, планами, чертежами, схемами, великолепными рецептами, но без организации, без живого дела. Идите к молодежи. Основывайте *тотчас* боевые дружины везде и повсюду и у студентов, и у рабочих особенно, и т. д. и т. д. Пусть тотчас же организуются отряды от 3-х до 10, до 30 и т. д. человек. Пусть тотчас же вооружаются они сами, кто как может, кто револьвером, кто ножом, кто тряпкой с керосином для поджога и т. д. Пусть тотчас же эти отряды выбирают себе руководителей и *связываются*, по возможности, с Боевым комитетом при Петербургском комитете. Не требуйте никаких формальностей, наплюйте,

христа ради, на все схемы, пошлите вы, бога для, все «функции, права и привилегии» ко всем чертям. Не требуйте обязательного вхождения в РСДРП — это было бы абсурдным требованием для вооруженного восстания. Не отказывайтесь связываться с каждым кружком, хотя бы в три человека, при единственном условии, чтобы он был полицейски надежен и готов был драться с царским войском. Пусть желающие кружки входят в РСДРП или *примыкают* к РСДРП, это превосходно; но я безусловно считал бы ошибкой *требовать* этого.

Роль Боевого комитета при Петербургском комитете должна быть — *помогать* этим отрядам революционной армии, служить «бюро» для связи и т. д. Ваши *услуги* примет всякий отряд с охотой, но если вы *в таком деле* начнете со схем да с речей о «правах» Боевого комитета, вы погубите все дело, уверяю вас, погубите безвозвратно.

Тут надо действовать широкой проповедью. Пусть 5—10 человек обойдут в неделю *сотни* кружков рабочих и студентов, влезут всюду, куда только можно, и везде предложат ясный, короткий, прямой и простой план: образуйте тотчас же отряд, вооружайтесь, чем можете, работайте изо всех сил, мы поможем вам, чем сможем, но *не ждите от нас*, работайте сами.

Центр тяжести в таком деле — инициатива массы мелких кружков. Они сделают все. Без них весь ваш Боевой комитет — ничто. Я готов измерять продуктивность работ Боевого комитета числом таких отрядов, с которыми он связан. Если через 1—2 месяца у Боевого комитета не будет в Питере *minimum* 200—300 отрядов, тогда это мертвый Боевой комитет. Тогда его надо похоронить. При теперешнем кипении не набрать сотни отрядов — значит стоять вне жизни.

Проповедники должны давать отрядам каждому краткие и простейшие рецепты бомб, элементарнейший рассказ о всем типе работ, а затем предоставлять всю деятельность им самим. Отряды должны *тотчас же* начать военное обучение на немедленных операциях, тотчас же. Одни сейчас же предпримут убийство шпика, взрыв полицейского участка, другие — нападение на банк для конфискации средств для восстания, третьи — маневр или снятие планов и т. д. Но обязательно сейчас же начинать учиться на деле: не бойтесь этих пробных нападений. Они могут, конечно, выродиться в крайность, но это беда завтрашнего дня, а сегодня беда в нашей косности, в нашем доктринерстве, ученой неподвижности, старческой боязни инициативы. Пусть каждый отряд сам учится хотя бы на избивании городских: десятки жертв окупятся с лихвой тем, что дадут сотни опытных борцов, которые завтра поведут за собой сотни тысяч.

Крепко жму руку, товарищи, и желаю успеха. Своего взгляда я отнюдь не навязываю, но считаю долгом подать *советательный* голос.

Ваш Ленин

Впервые напечатано в 1926 г. в Ленинском сборнике V

*Полн. собр. соч., т. 11,
с. 336—338.*

Из статьи
**«Политическая стачка
и уличная борьба в Москве»**

...Весь ход русской революции за последние месяцы свидетельствует о том, что достигнутая теперь ступень не является и не может быть высшей ступенью. Движение поднимется еще выше, как поднялось уже оно со времени 9-го января. Тогда мы видели впервые движение, поразившее мир единодушием и сплоченностью гигантских масс рабочих, поднявшихся во имя политических требований. Но это движение было еще крайне несознательное в революционном отношении и совершенно беспомощное в смысле вооружения и военной готовности. Польша и Кавказ дали образец борьбы уже более высокой, где пролетариат стал выступать отчасти вооруженным, где война приняла затяжную форму. Одесское восстание ознаменовалось присоединением нового и важного условия успеха: переходом части войск на сторону народа. Правда, сразу успех не был еще достигнут; трудная задача «сочетания морских и сухопутных сил» (одна из труднейших задач даже для регулярного войска) не была еще разрешена. Но она была поставлена, и все признаки говорят за то, что одесские события не останутся единичным казусом. Московская стачка показывает нам распространение борьбы на «истинно русскую» область, устойчивость которой так долго радовала реакционеров. Революционное выступление в этом районе имеет гигантское значение уже потому, что боевое крещение получают массы пролетариата, наименее подвижного и в то же время сосредоточенного на сравнительно небольшой области, в количестве, не имеющем себе равного нигде в России. Движение началось с Питера, обошло по окраинам всю Россию, мобилизовало Ригу, Польшу, Одессу, Кавказ, и теперь пожар перекинулся на самое «сердце» России.

Позорная комедия Государственной думы кажется еще презреннее наряду с этим действительно революционным выступлением готового на борьбу и истинно передового класса. Соединение пролета-

риата с революционной демократией, о котором мы не раз говорили, становится фактом. Радикальное студенчество, принявшее и в Петербурге и в Москве лозунги революционной социал-демократии, является авангардом всех демократических сил, которые гнушаются подлостью «конституционно-демократических» реформистов, пошедших в Государственную думу, которые тяготеют к настоящей решительной борьбе с проклятым врагом русского народа, а не к маклерству с самодержавием.

Посмотрите на либеральных профессоров, ректоров, помощников ректоров и всю эту компанию Трубецких, Мануиловых и проч. Ведь это — лучшие люди либерализма и конституционно-демократической партии, наиболее идейные, наиболее образованные, наиболее бескорыстные, наиболее свободные от непосредственного давления интересов и влияний денежного мешка. И как ведут себя эти лучшие люди? Как воспользовались они первой властью, властью правления в университетах, властью, врученной им по выбору? Они уже трусят революции, они боятся обострения и расширения движения, они уже тушат пожар и стараются внести успокоение, получая за это вполне заслуженные плевки в лицо в виде похвал князей Мещерских.

И они были хорошо наказаны, эти филистеры буржуазной науки. Они закрыли университет в Москве, боясь бойни в университете. Они вызвали только еще скорее несравненно более крупную бойню на улице. Они хотели затушить революцию в университете, они только зажгли революцию на улице. Они попали в хорошие тиски, вместе с господами Треповыми и Романовыми, которых они бросились теперь убеждать в необходимости свободы собраний: закроешь университет — откроешь уличную борьбу. Откроешь университет — откроешь трибуну для народных революционных собраний, готовящих новых и еще более решительных борцов за свободу.

Как бесконечно поучителен пример этих либеральных профессоров для оценки нашей Государственной думы! Не ясно ли теперь, из опыта высших школ, что либералы и кадеты ¹⁴¹ так же будут бояться за «судьбу Думы», как эти жалкие рыцари алтынной науки боятся за «судьбу университетов»? Не ясно ли теперь, что либералы и к.-д. не могут иначе воспользоваться Думой, как для еще более широкой, еще более вонючей проповеди мирного легального прогресса? Не ясно ли теперь, как смешны надежды на превращение Думы в революционное собрание? Не ясно ли, что есть *один* лишь способ «повлиять» не на Думу специально, не на университеты специально, а на весь старый самодержавный порядок, *способ московских рабочих*, способ народного восстания? Оно одно не только заставит Мануиловых в университетах просить свободы собраний, Петрункевичей

в Думе просить свободы народу; оно *завоюет* действительную свободу народу.

Московские события показали действительную группировку общественных сил: либералы забегали от правительства к радикалам, отговаривая последних от революционной борьбы. Радикалы боролись в рядах пролетариата. Не забудем же этого урока: он прямо относится и к Государственной думе.

Пусть Петрункевичи и прочие к.-д. занимаются в самодержавной России игрой в парламентаризм, — рабочие будут вести революционную борьбу за настоящее самодержавие народа.

Как бы ни кончилась вспышка восстания в Москве, революционное движение во всяком случае воспрянет теперь еще более окрепшим, охватит более широкую область, запасется новыми силами. Допустим даже, что царские войска празднуют теперь в Москве полную победу, — еще несколько таких побед, и полный крах царизма станет фактом. И это будет уже тогда действительный, настоящий крах всего наследия крепостничества, самодержавия и мрака, а не то дряблое, трусливое и лицемерное штопанье гниющей ветоши, которым обольщают себя и других либеральные буржуа. Допустим даже, что завтрашняя почта принесет тяжелую весть: вспышка восстания еще раз подавлена. Мы воскликнем тогда: еще раз — да здравствует восстание!

План статьи «Уроки московских событий»*

Уроки московских событий

Когда вода напирает на плотину, брешь вне шлюз (вершвяков) есть начало краха,
брешь в плотине: поток устремляется.

1. Facts. Trêve. Перемирие? Нет. Приостановка. Сандену перед Мукденом.
2. Частичное разрешение собраний — громадное обострение кризиса — измена либералов — революция на улице.

α ((Громадное обострение политического кризиса, вызванное частичным разрешением собраний (в университетах).

β ((Либеральные профессора и радикальные студенты. Либ.-монарх. и революционно-республиканская демократия.

γ ((«Vossische Zeitung» ¹⁴². «Не мешать либералам». Abwiegler **.

δ ((Чем приперли правительство к стене рабочие + революционные демократы?

Восстанием (offene Revolte etc. cf. «Petersburger Zeitung» ¹⁴³, приведено в «Frankfurter Zeitung» 12. X. Abendblatt ***).

ε ((Рабочие + революционные демократы. Правительство + либерально-монархические буржуа. Отступление правительства: открытие университета. «Бояться» в Питере.

ζ ((Idem **** — с законом о собраниях, с рабочим съездом etc.: раздвигать брешь. Военное придвигание для атаки в будущем. Cf. Witte («Vossische Zeitung» 11. X.): ждет исхода борьбы.

* См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 376—385. *Ред.*

** — Проповедники успокоения. *Ред.*

*** — открытое возмущение и т. д. ср. «Петербургскую Газету», приведено в «Франкфуртской Газете» 12. X. Вечерний выпуск. *Ред.*

**** — То же самое. *Ред.*

η ((То же в Гос. думе: поводы к конфликтам и к обострению. Решение народом в *внепарламентской борьбе*. Дума победит, как Трубецкой, просить о свободе собраний, *уже завоеванной*.

Inter arma silent leges *.

∅ { Сугубо отметить начало военной выучки: 1) защита револю-
верами от малых сил войска и отступление перед большими;
2) скрытая баррикада на Рождественке за толпой, *désarçonnés*
plusieurs казаques **].

«Темпс» 15. X., воскресенье. В Петербурге венки с надписями. Между прочим: «Au champion de la liberté, tombé sur le champ de bataille» ***.

Последние известия:

NB { Телеграммы 12. X. (в газетах от 13. X.) сообщают, что
1) Московский университет открыт вновь.
2) Политическая стачка в Москве растет.
3) СПб. студенты на большом собрании решили устраивать, пользуясь академической свободой, большие политические собрания в стенах университета. Правительство в затруднении, боясь запретить эти незаконные собрания.
4) Многочисленные организации рабочих Петербурга, Москвы, Харькова, Киева проектируют рабочий съезд в Москве.

К вопросу о самостоятельной социалистической политике. «Vossische Zeitung»: «не мешать либералам» (студенчество и с.-д.). Contra: приперли правительство. Чем? *Восстание* в Москве.

Новая «продвижка» вперед [*idem* съезд].

По случаю кусочка буржуазной свободы — будьте поскромнее (посбавьте) в борьбе за пролетарскую свободу.

Автономией университета пользуйтесь не для автономии революции и ее проповеди, ее расширения, а для отвлечения *от* революции к буржуазной «науке».

≤ Так как революция буржуазная, ergo **** руководитесь в своей деятельности соображением, как бы не отшатнулась буржуазия. ≥

* — Во время войны молчат законы. *Ред.*

** — несколько выбитых из седла казаков. *Ред.*

*** — «Борцу за свободу, павшему на поле битвы». *Ред.*

**** — следовательно.

- До Гос. думы — никаких соглашений с к.-д.
не предлагалось.
- После Гос. думы — Парвус + Череванин + Мартов.
- До Гос. думы — либо революционное правительство, либо «решение» какого-либо представительного учреждения.
- После Гос. думы — либо «демократическая организация народа» (к.-д.? + с.-д.?) либо Гос. дума.

Паки и паки лживость слов «Освобождения»: и после Гос. думы вся та же агитация.

Написано в октябре, ранее 11 (24),
1905 г.

Полн. собр. соч., т. 11,
с. 428—430.

Впервые напечатано в 1931 г. в Ленинском сборнике XVI

Из статьи «Уроки московских событий»

Революционный подъем московского пролетариата, выразившийся так ярко в политической стачке и уличной борьбе, еще не улегся. Стачка продолжается. Она перекинулась частью в Петербург, где бастуют наборщики из сочувствия своим московским товарищам. Еще неизвестно, стихнет ли настоящее движение вслед до следующей волны прибоя, или примет затяжные формы. Но некоторые, и притом крайне поучительные, результаты московских событий уже сказались, и на этих результатах стоит остановиться.

В общем и целом, движение в Москве не дошло до решительного боя революционных рабочих с силами царизма. Это были только небольшие стычки на форпостах, частью, может быть, военная демонстрация в гражданской войне, но не одно из тех сражений, которые определяют исход войны. Из двух предположений, высказанных нами неделю тому назад, оправдывается как будто первое, именно, что перед нами не начало решительного натиска, а лишь репетиция его. Но репетиция все же показала всех действующих лиц исторической драмы во весь рост, проливая, таким образом, яркий свет на вероятный — отчасти даже неизбежный — ход самой драмы.

Завязкой московских событий были происшествия чисто академического, на первый взгляд, характера. Правительство даровало частичную «автономию», или якобы автономию, университетам. Гг. профессора получили самоуправление. Студенты получили право сходок. В общей системе самодержавно-крепостнического гнета была пробита, таким образом, маленькая брешь. И в эту брешь сейчас же устремились с неожиданной силой новые революционные потоки. Мизерная уступочка, крошечная реформа, проведенная в целях притупления политических противоречий и «примирения» разбойников с ограбляемыми, вызвала на деле громадное обострение борьбы и расширение состава ее участников. На студенческие сходки пова-

лпли рабочие. Стали получаться революционные народные митинги, на которых преобладал передовой класс в борьбе за свободу — пролетариат. Правительство вознегодовало. «Солидные» либералы, получившие профессорское самоуправление, заметались и забегали от революционных студентов к полицейскому, нагаечному правительству. Либералы воспользовались свободой, чтобы изменить свободе, чтобы удерживать студентов от расширения и обострения борьбы, чтобы проповедовать «порядок» — перед лицом башibuзукoв и черносотенцев, господ Трепова и Романова! Либералы воспользовались самоуправлением, чтобы править дела народных палачей, чтобы закрыть университет, это чистое святилище разрешенной нагаечниками «науки», которое осквернили студенты, допустив в него «подлую чернь» для обсуждения «не разрешенных» самодержавной шайкой вопросов. Самоуправляющиеся либералы предавали народ и изменяли свободе, ибо они боялись побоища в университете. И они были примерно наказаны за свою подлую трусость. Закрыв революционный университет, они открыли уличную революцию. Жалкие педанты, они уже ликовали было, наперерыв с негодяями Глазовыми, что им удалось потушить пожар в школе. На самом деле, они только разожгли пожар в громадном промышленном городе. Они запретили, эти ходульные людешки, рабочим идти к студенчеству; они только толкнули студенчество к революционным рабочим. Они оценивали все политические вопросы с точки зрения своего, насквозь пропитанного вековой казенщиной, курятника; они умоляли студентов пощадить этот курятник. Достаточно было первого свежего ветерка, выступления свободной и юной революционной стихии, — чтобы все позабыли даже и думать о курятнике, ибо ветерок крепчал, превращаясь в бурю, направленную против основного источника всей казенщины и всего надругательства над русским народом, против царского самодержавия. И даже теперь, когда первая опасность миновала, когда шторм явно улегся, лакеи самодержавия все еще дрожат от страха при одном воспоминании о той пучине, которая разверзлась перед ними в кровавые московские дни: «пока еще это не пожар, но уже несомненный поджог», — бормочет г. Меньшиков в лакейском «Новом Времени»¹⁴⁴ (от 30-го сентября) — «пока это еще не революция... но уже пролог к революции». «Она идет», доказывал я (г. Меньшиков) в апреле, и с тех пор какие страшные шаги «ею» сделаны!.. Народную стихию всколыхнуло до самых ее пучин»...

Да, в хорошие тиски попали Треповы и Романов вместе с предающими либеральными буржуа. Откроешь университет — дашь трибуну для народных революционных собраний, окажешь неоценимую услугу социал-демократии. Закроешь университет —

откроешь уличную борьбу. И мечутся, скрежеща зубами, наши рыцари кнута: они снова открывают московский университет, они делают вид, что хотят позволить студентам самим охранять порядок во время уличных процессий, они смотрят сквозь пальцы на революционное самоуправление студентов, которые оформливают деление на партии социал-демократов, социалистов-революционеров и т. д., образуя правильное политическое представительство в студенческом «парламенте» (и которые, мы уверены, не ограничатся революционным самоуправлением, а займутся немедленно и серьезно организацией и вооружением отрядов революционной армии). А вместе с Треповым мечутся и либеральные профессора, бросаясь уговаривать — сегодня студентов, чтобы были поскромнее, завтра нагаечников, чтобы они были помягче. Метания тех и других доставляют нам величайшее удовольствие; значит, хорошо дует революционный ветерок, если политические командиры и политические перебежчики подпрыгивают так высоко на верхней палубе...

*Полн. собр. соч., т. 11,
с. 376—379.*

...В самом деле, случайно ли поведение либеральных профессоров перед московскими событиями и во время их? Исключение это или правило для всей конституционно-демократической партии? Выражает ли это поведение частичные особенности данной группы либеральной буржуазии или коренные интересы всего этого класса в общем и целом? Среди социалистов не может быть двух мнений по этим вопросам, но не все социалисты последовательно умеют проводить истинно социалистическую тактику.

Чтобы яснее представить суть дела, возьмем изложение либеральной тактики самими либералами. На страницах русской печати они избегают говорить прямо против социал-демократов и даже прямо о социал-демократах. Но вот интересное сообщение берлинской «Vossische Zeitung», несомненно выражающее более откровенно взгляды либералов:

«Студенческие беспорядки возобновились и в Петербурге и в Москве чрезвычайно бурно с самого начала учебного года, несмотря на дарованную, — правда, очень поздно, — автономия университетам и высшим учебным заведениям. В Москве они сопровождаются, кроме того, широким рабочим движением. Эти беспорядки указывают на начало новой фазы русского революционного движения. Ход студенческих собраний и резолюции их показывают, что студенчество приняло пароль социал-демократических вождей: превращать университеты в места народных собраний и таким образом нести революцию в широкие слои населения. Как осуществляется этот пароль, показали уже московские студенты: они пригласили в здание университета рабочих и других лиц, не имеющих никакого

отношения к университету, и притом в таком числе, что студенты сами остались в меньшинстве. Само собою разумеется, что такое явление не может долго продолжаться при существующих условиях. Правительство предпочтет закрыть университеты, чем терпеть такие собрания. Это до такой степени ясно, что на первый взгляд кажется непонятым, как могли социал-демократические вожди дать такой пароль. Они знали прекрасно, к чему это приведет; они и стремились именно к тому, чтобы правительство закрыло университеты. И чего же ради? Да просто по той причине, что они стремятся помешать всеми возможными средствами *либеральному* движению. Они сознают, что они не в силах провести своими собственными силами крупного политического действия; поэтому пусть либералы и радикалы тоже не смеют ничего делать, ибо это, извольте видеть, только повредит социалистическому пролетариату. Он должен сам завоевать себе свои права. Русская социал-демократия может очень гордиться этой «непреклонной» («unbeugsame» — негибачемой) тактикой, но всякому беспристрастному наблюдателю она должна казаться крайне близорукой; вряд ли она приведет русскую социал-демократию к победам. Совершенно непонятно, что она выиграет при закрытии университетов, неизбежном при продолжении такой тактики. Между тем, продолжение занятий в университетах и высших учебных заведениях в высшей степени важно для всех партий прогресса. Продолжительные забастовки студентов и профессоров принесли уже русской культуре тяжелый вред. Возобновление академических работ крайне необходимо. Автономия сделала возможным свободное отправление профессорами их учебных занятий. Поэтому профессора всех университетов и высших учебных заведений согласны между собой в том, что необходимо энергично взяться снова за учение. Они употребляют все свое влияние, чтобы побудить студентов отказаться от проведения социал-демократического пароля».

Итак, борьба между буржуазным либерализмом (конституционалистами-демократами) и социал-демократами обрисовалась вполне. Не мешайте либеральному движению! вот лозунг, великолепно выраженный в цитируемой статье. А в чем состоит это либеральное движение? — *В попятном движении*, ибо свободой университета профессора пользуются и желают пользоваться не для революционной, а для *противореволюционной* проповеди, не для разжигания пожара, а для тушения его, не для расширения поля борьбы, а для отвлечения от решительной борьбы на сторону мирного сотрудничества с Треповыми. «Либеральное движение» при обострении борьбы стало (мы видели это на деле) переметываемым от революционеров к реакционерам. Либералы приносят, конечно, известную пользу нам, поскольку вносят колебание в ряды Треповых и других слуг Романова, но эта польза не будет перевешиваться вредом от внесения ими колебания в наши ряды лишь тогда, если мы бесповоротно отмежемся от конституционалистов-демократов и беспощадно будем клеймить всякий нетвердый шаг их. Либералы, сознавая или чаще чувствуя свое господство в современном хозяйственном строе, стремятся быть господами и в революции, называя всякое продолжение, расширение и обострение революции за пределы самого дюжинного штопанья

«помехой» либеральному движению. Из боязни за судьбу разрешенной Треповым университетской якобы свободы, они борются сегодня с свободой революционной. Из боязни за легальную «свободу собраний», которую даст завтра правительство в полицейски изуродованном виде, они будут удерживать нас от использования этих собраний в истинно пролетарских целях. Из боязни за судьбу Государственной думы они уже проявили мудрую умеренность на сентябрьском съезде и проявляют ее теперь, воюя с идеей бойкота; не мешайте-де нам делать дело в Государственной думе!..

«Пролетарий», № 22, 24 (11) октября
1905 г.

Там же, с. 380—382.

Заграничная молодежь и русская революция

Письмо из захолустья⁷, зовущее всех из-за границы в Россию («Пролетарий» № 19), вызвало ответ тов. «Революционера», который обратился в редакцию «Пролетария» с письмом из Берна¹⁴⁵. Тов. «Революционер» настаивает на важном значении теории в движении, на необходимости серьезно учиться и т. д. Мы, конечно, вполне согласны с ним в этом, и смысл нашей оговорки по поводу письма из захолустья был именно таков. Тов. «Революционер» советует партии устроить где-нибудь, например в Женеве, нечто вроде университета, чтобы молодежь могла серьезно учиться. Планы этого рода возникали не раз, но осуществление их встречает слишком много практических затруднений.

«Пролетарий», № 22, 24 (11) октября
1905 г.

Полн. собр. соч., т. 11,
с. 388.

Ультиматум революционной Риги

Немецкие газеты, уделяющие обыкновенно много внимания событиям в Остзейском крае, рассказывают следующий поучительный факт. В Рижском политехникуме дела идут, как и в других высших учебных заведениях: студенческие сходки превратились в политические митинги. Студенты организуются в боевую силу революции. Либеральные тузы морщат нос и ворчат себе в бороду по поводу слабости правительства. Но в Лифляндии господам помещикам пришлось до того туго, что они решительно взяли за организацию вооруженной охраны своих имений, не полагаясь на правительство, которое не может ничего поделать ни с крестьянами, ни с рабочими, ни со студентами. Остзейские бароны организуют гражданскую войну всерьез: они прямо нанимают целые отряды, вооружают их хорошими магазинками и размещают по своим обширным имениям. И вот оказалось, что часть немецких студентов-корпорантов в Остзейском крае поступила в такие отряды! Разумеется, латышское и русское студенчество не только объявило бойкот этим черносотенцам в студенческой форме, но и назначило особую комиссию для расследования дела об участии студентов в помещичьих черных сотнях. Два члена этой комиссии были посланы в деревню для собирания сведений у крестьян. Правительство арестовало обоих делегатов и препроводило их в рижскую тюрьму.

Тогда латышские и русские студенты поднялись. Собрана была громадная сходка. Приняли решительнейшую резолюцию. От приглашенного директора политехникума потребовали немедленного принятия мер к освобождению арестованных. Резолюцию закончили прямым ультиматумом: если в течение трех дней к означенному часу арестованные не будут освобождены, тогда студенты при помощи рижских рабочих добьются их освобождения всеми и всяческими средствами.

Губернатора в это время не было в Риге, он уехал в Питер добиваться генерал-губернаторских полномочий. Исправляющий должность губернатора струсил и «вывернулся» дипломатически. Он вызвал к себе (так рассказывает «Vossische Zeitung»¹⁴⁶ от 20 октября н. ст.) директора и обоих арестованных и спросил последних, знают ли они о незаконности своих действий. Те ответили, конечно, что не видят в них ничего незаконного. Тогда и. д. губернатора, по словам будто бы одной рижской газеты, настойчиво рекомендовал им воздерживаться от столь незаконных действий и — выпустил обоих на свободу.

«В глазах студенчества,— прибавляет с грустью влюбленный в остзейских баронов корреспондент,— и в глазах стоящей за ними массы правительство склонилось перед ультиматумом. Да и сторонние наблюдатели не могли не вынести такого же впечатления».

«Пролетарий», № 23, 31 (18) октября
1905 г.

Полн. собр. соч., т. 12,
с. 19—20.

Обострение положения в России

Под этим заглавием либеральная берлинская газета «Vossische Zeitung» помещает следующее небезынтересное сообщение:

«С неупержимой силой развиваются события в империи царей. Для всякого беспристрастного наблюдателя ясно, что ни правительство, ни какая-либо оппозиционная или революционная партия не является хозяином положения. Безвременно умерший князь Трубецкой и другие профессора высших учебных заведений тщетно пытались отговорить русское студенчество от того опасного пути, идя по которому оно решило превратить университеты в места политических народных собраний. Студенты с энтузиазмом почтили память Трубецкого, массами проводили на кладбище его останки, превратили похороны его в внушительную политическую демонстрацию, но его совета, не пускать в университет посторонних элементов, они не послушались. И в Петербургском университете, и в горной академии, и в политехникуме происходят гигантские народные собрания, в которых студенты составляют часто меньшинство и которые тянутся с раннего утра до позднего вечера. Говорятся страстные зажигательные речи, поются революционные песни. Кроме того усердно ругают там либералов, особенно за их «половинчатость», которая-де не случайно свойственна русскому либерализму, а обусловлена будто бы вечными историческими законами».

Есть что-то глубоко трагическое в этих упреках. Несмотря на историческое обоснование их, они на самом деле уже потому совершенно неисторичны, что у либералов в России нет даже и возможности-то никакой проявить какую бы то ни было половинчатость, сколько-нибудь способную повредить столь важному для всех партий делу освобождения. Не дела либералов, а их страдания тормозят их жизненный путь. Правительство столь же *беспомощно* (курсив оригинала) перед этими событиями, как беспомощно оно и перед рабочими волнениями и перед общим брожением. Конечно, возможно, что оно замышляет снова сильное кровопускание, дожидаясь лишь момента, когда движение созреет для казацкой атаки. Но если даже до этого дойдет, то все-таки никто из власть имущих не уверен, не приведет ли это к еще более бурному взрыву недовольства. Даже и генерал Трепов не верит уже больше в свое дело. Перед своими друзьями он не скрывает, что считает себя обреченным на смерть и что он не ждет никаких положительных результатов от своего управления. Он говорит: «Я уже только исполняю свой долг и исполню его до конца».

Плохи должны быть дела царского трона, если глава полиции приходит к таким заключениям. И в самом деле, нельзя не признать, что, несмотря на все усилия Трепова, несмотря на ляхорадочную деятельность бесконечных комиссий и конференций, напряженное положение с прошлого года не только не улеглось, а, напротив, усилилось. Куда ни взглянешь, везде положение стало хуже и опаснее, везде дела заметно обострились».

Много правды в этой оценке, но много и либерального скудоумия. «Либералы не могли проявить половинчатости, вредной для дела». Вот как? Отчего же эти бедные либералы *могли* проявить себя тем не менее более открыто и свободно, чем другие партии? Нет! Студентами руководит здоровый революционный инстинкт, поддерживаемый их общением с пролетариатом, когда они усердно отгораживаются от конституционалистов-демократов и дискредитируют этих конституционалистов-демократов в глазах народа. Завтрашний день несет нам великие, всемирно-исторические битвы за свободу. Возможно, что борцы за свободу потерпят еще не одно поражение. Но поражения только глубже и глубже встряхнут рабочих и крестьян, только еще более обострят кризис, только еще грознее сделают неминуемую окончательную победу дела свободы. И мы приложим все усилия, чтобы к этой победе не присосались буржуазные шпавки монархического помещичьего либерализма, чтобы этой победой не воспользовались главным образом господа крупные буржуа, как не раз бывало в Европе. Мы приложим все усилия, чтобы эта победа рабочих и крестьян была доведена до конца, до полного разгрома всех ненавистных учреждений самодержавия, монархии, бюрократии, военщины, крепостничества. Только такая победа даст в руки настоящее оружие пролетариату, — и тогда мы зажжем Европу, чтобы сделать из русской демократической революции пролог европейского социалистического переворота.

«Пролетарий», № 23, 31 (18) октября
1905 г.

Полн. собр. соч., т. 12,
с. 23—25.

Партийная организация и партийная литература

Новые условия социал-демократической работы, создавшиеся в России после октябрьской революции ¹⁴⁷, выдвинули на очередь вопрос о партийной литературе. Различие между нелегальной и легальной печатью, — это печальное наследие эпохи крепостнической, самодержавной России, — начинает исчезать. Оно еще не померло, далеко нет. Лицемерное правительство нашего министра-премьера еще бесчинствует до того, что «Известия Совета Рабочих Депутатов» ¹⁴⁸ печатаются «нелегально», но, кроме позора для правительства, кроме новых моральных ударов ему, ничего не получается из глупых попыток «запретить» то, чему помешать правительство не в силах.

При существовании различия между нелегальной и легальной печатью вопрос о партийной и непартийной печати решался крайне просто и крайне фальшиво, уродливо. Вся нелегальная печать была партийна, издавалась организациями, велась группами, связанными так или иначе с группами практических работников партии. Вся легальная печать была не партийна, — потому что партийность была под запретом, — но «тяготела» к той или другой партии. Неизбежны были уродливые союзы, ненормальные «сожительства», фальшивые прикрытия; с вынужденными недомолвками людей, желавших выразить партийные взгляды, смешивалось недомыслие или трусость мысли тех, кто не дорос до этих взглядов, кто не был, в сущности, человеком партии.

Проклятая пора эзоповских речей, литературного холопства, рабьего языка, идейного крепостничества! Пролетариат положил конец этой гнусности, от которой задыхалось все живое и свежее на Руси. Но пролетариат завоевал пока лишь половину свободы для России.

Революция еще не закончена. Если царизм *уже не* в силах победить революции, то революция *еще не* в силах победить царизма.

И мы живем в такое время, когда всюду и па всем сказывается это противоестественное сочетание открытой, честной, прямой, последовательной партийности с подпольной, прикрытой, «дипломатичной», увертливой «легальностью». Это противоестественное сочетание сказывается и на нашей газете: сколько бы ни острил г. Гучков насчет социал-демократической тирании, запрещающей печатать либерально-буржуазные, умеренные газеты, а факт все же остается фактом, — Центральный Орган Российской социал-демократической рабочей партии, «Пролетарий», все же остается за дверью *самодержавно-полицейской* России.

Как-никак, а половина революции заставляет всех нас приняться немедленно за новое налаживание дела. Литература может теперь, даже «легально», быть на $\frac{9}{10}$ партийной. Литература должна стать партийной. В противовес буржуазным правам, в противовес буржуазной предпринимательской, торгашеской печати, в противовес буржуазному литературному карьеризму и индивидуализму, «барскому анархизму» и погоне за наживой, — социалистический пролетариат должен выдвинуть принцип *партийной литературы*, развить этот принцип и провести его в жизнь в возможно более полной и цельной форме.

В чем же состоит этот принцип партийной литературы? Не только в том, что для социалистического пролетариата литературное дело не может быть орудием наживы лиц или групп, оно не может быть вообще индивидуальным делом, не зависимым от общего пролетарского дела. Долой литераторов беспартийных! Долой литераторов сверхчеловеков! Литературное дело должно стать *частью* общепролетарского дела, «колесиком и винтиком» одного-единого, великого социал-демократического механизма, приводимого в движение всем сознательным авангардом всего рабочего класса. Литературное дело должно стать составной частью организованной, планомерной, объединенной социал-демократической партийной работы.

«Всякое сравнение хромает», говорит немецкая пословица. Хромает и мое сравнение литературы с винтиком, живого движения с механизмом. Найдутся даже, пожалуй, истеричные интеллигенты, которые поднимут вопль по поводу такого сравнения, принижающего, омертвляющего, «бюрократизирующего» свободную идейную борьбу, свободу критики, свободу литературного творчества и т. д., и т. д. По существу дела, подобные вопли были бы только выражением буржуазно-интеллигентского индивидуализма. Спору нет, литературное дело всего менее поддается механическому равнению, шивелированию, господству большинства над меньшинством. Спору нет, в этом деле безусловно необходимо обеспечение большего про-

стора личной инициативе, индивидуальным склонностям, простора мысли и фантазии, форме и содержанию. Все это бесспорно, но все это доказывает лишь то, что литературная часть партийного дела пролетариата не может быть шаблонно отождествляема с другими частями партийного дела пролетариата. Все это отнюдь не опровергает того чуждого и странного для буржуазии и буржуазной демократии положения, что литературное дело должно непременно и обязательно стать неразрывно связанной с остальными частями частью социал-демократической партийной работы. Газеты должны стать органами разных партийных организаций. Литераторы должны войти непременно в партийные организации. Издательства и склады, магазины и читальни, библиотеки и разные торговли книгами — все это должно стать партийным, подотчетным. За всей этой работой должен следить организованный социалистический пролетариат, всю ее контролировать, во всю эту работу, без единого исключения, вносить живую струю живого пролетарского дела, отнимая, таким образом, всякую почву у старинного, полуобломовского, полуторгашеского русского принципа: писатель пописывает, читатель почитывает.

Мы не скажем, разумеется, о том, чтобы это преобразование литературного дела, испакощенного азиатской цензурой и европейской буржуазией, могло произойти сразу. Мы далеки от мысли проповедовать какую-нибудь единообразную систему или решение задачи несколькими постановлениями. Нет, о схематизме в этой области всего менее может быть речь. Дело в том, чтобы вся наша партия, чтобы весь сознательный социал-демократический пролетариат во всей России сознал эту новую задачу, ясно поставил ее и взялся везде и повсюду за ее решение. Выйдя из плена крепостной цензуры, мы не хотим идти и не пойдем в плен буржуазно-торгашеских литературных отношений. Мы хотим создать и мы создадим свободную печать не в полицейском только смысле, но также и в смысле свободы от капитала, свободы от карьеризма; — мало того: также и в смысле свободы от буржуазно-анархического индивидуализма.

Эти последние слова покажутся парадоксом или насмешкой над читателями. Как! закричит, пожалуй, какой-нибудь интеллигент, пылкий сторонник свободы. Как! Вы хотите подчинения коллективности такого тонкого, индивидуального дела, как литературное творчество! Вы хотите, чтобы рабочие по большинству голосов решали вопросы науки, философии, эстетики! Вы отрицаете абсолютную свободу абсолютно-индивидуального идейного творчества!

Успокойтесь, господа! Во-первых, речь идет о партийной литературе и ее подчинении партийному контролю. Каждый волен писать и говорить все, что ему угодно, без малейших ограничений. Но каж-

дый вольный союз (в том числе партия) волен также прогнать таких членов, которые пользуются фирмой партии для проповеди антипартийных взглядов. Свобода слова и печати должна быть полная. Но ведь и свобода союзов должна быть полная. Я обязан тебе предоставить, во имя свободы слова, полное право кричать, врать и писать что угодно. Но ты обязан мне, во имя свободы союзов, предоставить право заключать или расторгать союз с людьми, говорящими то-то и то-то. Партия есть добровольный союз, который неминуемо бы распался, сначала идейно, а потом и материально, если бы он не очищал себя от членов, которые проповедуют антипартийные взгляды. Для определения же грани между партийным и антипартийным служит партийная программа, служат тактические резолюции партии и ее устав, служит, наконец, весь опыт международной социал-демократии, международных добровольных союзов пролетариата, постоянно включавшего в свои партии отдельные элементы или течения, не совсем последовательные, не совсем чисто марксистские, не совсем правильные, но также постоянно предпринимавшего периодические «очищения» своей партии. Так будет и у нас, господа сторонники буржуазной «свободы критики», *внутри* партии: теперь партия у нас сразу становится массовой, теперь мы переживаем крутой переход к открытой организации, теперь к нам войдут неминуемо многие непоследовательные (с марксистской точки зрения) люди, может быть, даже некоторые христиане, может быть, даже некоторые мистики. У нас крепкие желудки, мы твердокаменные марксисты. Мы переварим этих непоследовательных людей. Свобода мысли и свобода критики внутри партии никогда не заставят нас забыть о свободе группировки людей в вольные союзы, называемые партиями.

Во-вторых, господа буржуазные индивидуалисты, мы должны сказать вам, что ваши речи об абсолютной свободе одно лицемерие. В обществе, основанном на власти денег, в обществе, где нищенствуют массы трудящихся и тунеядствуют горстки богачей, не может быть «свободы» реальной и действительной. Свободны ли вы от вашего буржуазного издателя, господин писатель? от вашей буржуазной публики, которая требует от вас порнографии в рамках * и картинах, проституции в виде «дополнения» к «святому» сценическому искусству? Ведь эта абсолютная свобода есть буржуазная или анархическая фраза (ибо, как мирозерцание, анархизм есть вывернутая наизнанку буржуазность). Жить в обществе и быть свободным от

* В источнике, по-видимому, опечатка; по смыслу следовало бы «в романах». *Ред.*

общества нельзя. Свобода буржуазного писателя, художника, актрисы есть лишь замаскированная (или лицемерно маскируемая) зависимость от денежного мешка, от подкупа, от содержания.

И мы, социалисты, разоблачаем это лицемерие, срываем фальшивые вывески,— не для того, чтобы получить неклассовую литературу и искусство (это будет возможно лишь в социалистическом внеклассовом обществе), а для того, чтобы лицемерно-свободной, а на деле связанной с буржуазией, литературе противопоставить действительно-свободную, *открыто* связанную с пролетариатом литературу.

Это будет свободная литература, потому что не корысть и не карьера, а идея социализма и сочувствие трудящимся будут вербовать новые и новые силы в ее ряды. Это будет свободная литература, потому что она будет служить не пресыщенной героине, не скучающим и страдающим от ожирения «верхним десяти тысячам», а миллионам и десяткам миллионов трудящихся, которые составляют цвет страны, ее силу, ее будущее. Это будет свободная литература, оплодотворяющая последнее слово революционной мысли человечества опытом и живой работой социалистического пролетариата, создающая постоянное взаимодействие между опытом прошлого (научный социализм, завершивший развитие социализма от его примитивных, утопических форм) и опытом настоящего (настоящая борьба товарищей рабочих).

За работу же, товарищи! Перед нами трудная и новая, но великая и благодарная задача — организовать обширное, разностороннее, разнообразное литературное дело в тесной и неразрывной связи с социал-демократическим рабочим движением. Вся социал-демократическая литература должна стать партийной. Все газеты, журналы, издательства и т. д. должны приняться немедленно за реорганизационную работу, за подготовку такого положения, чтобы они входили целиком на тех или иных началах в те или иные партийные организации. Только тогда «социал-демократическая» литература станет таковой на самом деле, только тогда она сумеет выполнить свой долг, только тогда она сумеет и в рамках буржуазного общества вырваться из рабства у буржуазии и слиться с движением действительно передового и до конца революционного класса.

Из статьи
«Умирающее самодержавие
и новые органы народной власти»

Растет восстание. Растет бессилие, растерянность, разложение самодержавного виттевского правительства ¹⁴⁹. Растет вширь и вглубь организация самых различных групп, слоев и классов народа, организация революционных и контрреволюционных сил.

Таково современное положение. Его можно выразить словами: организация и мобилизация революции. За морским сражением в Севастополе следуют, без всякого перерыва, сухопутные сражения в Воронеже и Киеве. Вооруженное восстание в этом последнем городе делает, видимо, еще шаг вперед, шаг к слиянию революционной армии с революционным пролетариатом и студенчеством. Об этом свидетельствует, по крайней мере, сообщение «Руси» ¹⁵⁰ о митинге в 16 000 человек в Киевском политехническом институте под охраной саперного батальона восставших солдат.

Вполне естественно, что при таких условиях даже либеральная буржуазия, всеми силами души жаждущая сделки с самодержавием, начинает терять терпение, терять веру в «великого» акробата Витте, оглядываться налево в поисках силы, способной осуществить переворот, который стал безусловной необходимостью...

Социализм и религия

Современное общество все построено на эксплуатации громадных масс рабочего класса ничтожным меньшинством населения, принадлежащим к классам землевладельцев и капиталистов. Это общество — рабовладельческое, ибо «свободные» рабочие, всю жизнь работающие на капитал, «имеют право» лишь на такие средства к существованию, которые необходимы для содержания рабов, производящих прибыль, для обеспечения и увековечения капиталистического рабства.

Экономическое угнетение рабочих неизбежно вызывает и порождает всякие виды угнетения политического, принижения социального, огрубения и затемнения духовной и нравственной жизни масс. Рабочие могут добиться себе большей или меньшей политической свободы для борьбы за свое экономическое освобождение, но никакая свобода не избавит их от нищеты, безработицы и гнета, пока не сброшена будет власть капитала. Религия есть один из видов духовного гнета, лежащего везде и повсюду на народных массах, задавленных вечной работой на других, нуждой и одиночеством. Бессилие эксплуатируемых классов в борьбе с эксплуататорами так же неизбежно порождает веру в лучшую загробную жизнь, как бессилие дикаря в борьбе с природой порождает веру в богов, чертей, в чудеса и т. п. Того, кто всю жизнь работает и нуждается, религия учит смирению и терпению в земной жизни, утешая надеждой на небесную награду. А тех, кто живет чужим трудом, религия учит благотворительности в земной жизни, предлагая им очень дешевое оправдание для всего их эксплуататорского существования и продавая по сходной цене билеты на небесное благополучие. Религия есть опиум народа. Религия — род духовной сивухи, в которой рабы капитала топят свой человеческий образ, свои требования на сколько-нибудь достойную человека жизнь.

Но раб, сознавший свое рабство и поднявшийся на борьбу за свое освобождение, наполовину перестает уже быть рабом. Современный сознательный рабочий, воспитанный крупной фабричной промышленностью, просвещенный городской жизнью, отбрасывает от себя с презрением религиозные предрассудки, предоставляет небо в распоряжение попов и буржуазных ханжей, завоеывая себе лучшую жизнь здесь, на земле. Современный пролетариат становится на сторону социализма, который привлекает науку к борьбе с религиозным туманом и освобождает рабочего от веры в загробную жизнь тем, что сплачивает его для настоящей борьбы за лучшую земную жизнь.

Религия должна быть объявлена частным делом — этими словами принято выражать обыкновенно отношение социалистов к религии. Но значение этих слов надо точно определить, чтобы они не могли вызывать никаких недоразумений. Мы требуем, чтобы религия была частным делом по отношению к государству, но мы никак не можем считать религию частным делом по отношению к нашей собственной партии. Государству не должно быть дела до религии, религиозные общества не должны быть связаны с государственной властью. Всякий должен быть совершенно свободен исповедовать какую угодно религию или не признавать никакой религии, т. е. быть атеистом, каковым и бывает обыкновенно всякий социалист. Никакие различия между гражданами в их правах в зависимости от религиозных верований совершенно не допустимы. Всякие даже упоминания о том или ином вероисповедании граждан в официальных документах должны быть безусловно уничтожены. Не должно быть никакой выдачи государственной церкви, никакой выдачи государственных сумм церковным и религиозным обществам, которые должны стать совершенно свободными, независимыми от власти союзами граждан-единомышленников. Только выполнение до конца этих требований может покончить с тем позорным и проклятым прошлым, когда церковь была в крепостной зависимости от государства, а русские граждане были в крепостной зависимости у государственной церкви, когда существовали и применялись средневековые, инквизиторские законы (по сию пору остающиеся в наших уголовных уложениях и уставах), преследовавшие за веру или за неверие, насиловавшие совесть человека, связывавшие казенные местечки и казенные доходы с раздачей той или иной государственно-церковной сивухи. Полное отделение церкви от государства — вот то требование, которое предъявляет социалистический пролетариат к современному государству и современной церкви.

Русская революция должна осуществить это требование, как не-

обходимую составную часть политической свободы. Русская революция поставлена в этом отношении в особо выгодные условия, ибо отворотительная казенщина полицейски-крепостнического самодержавия вызвала недовольство, брожение и возмущение даже в среде духовенства. Как ни забито, как ни темно было русское православное духовенство, даже его пробудил теперь гром падения старого, средневекового порядка на Руси. Даже оно примыкает к требованию свободы, протестует против казенщины и чиновнического произвола, против полицейского сыска, навязанного «служителям бога». Мы, социалисты, должны поддержать это движение, доводя до конца требования честных и искренних людей из духовенства, ловя их на словах о свободе, требуя от них, чтобы они порвали решительно всякую связь между религией и полицией. Либо вы искренни, и тогда вы должны стоять за полное отделение церкви от государства и школы от церкви, за полное и безусловное объявление религии частным делом. Либо вы не принимаете этих последовательных требований свободы, — и тогда, значит, вы всё еще в плену у традиций инквизиции, тогда, значит, вы всё еще примазываетесь к казенным местечкам и казенным доходам, тогда, значит, вы не верите в духовную силу вашего оружия, вы продолжаете брать взятки с государственной власти, — тогда сознательные рабочие всей России объявляют вам беспощадную войну.

По отношению к партии социалистического пролетариата религия не есть частное дело. Партия наша есть союз сознательных, передовых борцов за освобождение рабочего класса. Такой союз не может и не должен безразлично относиться к бессознательности, темноте или мракобесничеству в виде религиозных верований. Мы требуем полного отделения церкви от государства, чтобы бороться с религиозным туманом чисто идейным и только идейным оружием, нашей прессой, нашим словом. Но мы основали свой союз, РСДРП, между прочим, именно для такой борьбы против всякого религиозного одурачения рабочих. Для нас же идейная борьба не частное, а общепартийное, общепролетарское дело.

Если так, отчего мы не заявляем в своей программе, что мы атеисты? отчего мы не запрещаем христианам и верующим в бога поступать в нашу партию?

Ответ на этот вопрос должен разъяснить очень важную разницу в буржуазно-демократической и социал-демократической постановке вопроса о религии.

Наша программа вся построена на научном и, притом, именно материалистическом мировоззрении. Разъяснение нашей программы необходимо включает поэтому и разъяснение истинных исторических

и экономических корней религиозного тумана. Наша пропаганда необходимо включает и пропаганду атеизма; издание соответственной научной литературы, которую строго запрещала и преследовала до сих пор самодержавно-крепостническая государственная власть, должно составить теперь одну из отраслей нашей партийной работы. Нам придется теперь, вероятно, последовать совету, который дал однажды Энгельс немецким социалистам: перевод и массовое распространение французской просветительной и атеистической литературы XVIII века ¹⁵¹.

Но мы ни в каком случае не должны при этом сбиваться на абстрактную, идеалистическую постановку религиозного вопроса «от разума», вне классовой борьбы, — постановку, нередко даваемую радикальными демократами из буржуазии. Было бы нелепостью думать, что в обществе, основанном на бесконечном угнетении и огрубении рабочих масс, можно чисто проповедническим путем рассеять религиозные предрассудки. Было бы буржуазной ограниченностью забывать о том, что гнет религии над человечеством есть лишь продукт и отражение экономического гнета внутри общества. Никакими книжками и никакой проповедью нельзя просветить пролетариат, если его не просветит его собственная борьба против темных сил капитализма. Единство этой действительно революционной борьбы угнетенного класса за создание рая на земле важнее для нас, чем единство мнений пролетариев о рае на небе.

Вот почему мы не заявляем и не должны заявлять в нашей программе о нашем атеизме; вот почему мы не запрещаем и не должны запрещать пролетариям, сохранившим те или иные остатки старых предрассудков, сближение с нашей партией. Проповедовать научное миросозерцание мы всегда будем, бороться с непоследовательностью каких-нибудь «христиан» для нас необходимо, но это вовсе не значит, чтобы следовало выдвигать религиозный вопрос на первое место, отнюдь ему не принадлежащее, чтобы следовало допускать раздробление сил действительно революционной, экономической и политической борьбы ради третьестепенных мнений или бредней, быстро теряющих всякое политическое значение, быстро выбрасываемых в кладовую для хлама самым ходом экономического развития.

Реакционная буржуазия везде заботилась и у нас начинает теперь заботиться о том, чтобы разжечь религиозную вражду, чтобы отвлечь в эту сторону внимание масс от действительно важных и коренных экономических и политических вопросов, которые решает теперь практически объединяющийся в своей революционной борьбе всероссийский пролетариат. Эта реакционная политика раздробления пролетарских сил, сегодня проявляющаяся, главным образом, в

черносотенных погромах, завтра, может быть, додумается и до каких-нибудь более тонких форм. Мы, во всяком случае, противопоставим ей спокойную, выдержанную и терпеливую, чуждую всякого разжигания второстепенных разногласий, проповедь пролетарской солидарности и научного мирозерцания.

Революционный пролетариат добьется того, чтобы религия стала действительно частным делом для государства. И в этом, очищенном от средневековой плесени, политическом строе пролетариат поведет широкую, открытую борьбу за устранение экономического рабства, истинного источника религиозного одурачения человечества.

*«Новая Жизнь», № 28, 3 декабря 1905 г.
Подпись: Н. Л е н и н*

*Полн. собр. соч., т. 12,
с. 142—147.*

Из статьи «Кризис меньшевизма»

...Противопоставление партии-аппарата и партии-авангарда, которое делает Ларин ¹⁵², или партии борцов с полицией партии сознательных политических борцов, кажется глубоким и полным «чисто пролетарского» духа. На деле это совершенно такой же интеллигентский оппортунизм, как и соответственное противопоставление, делавшееся в 1899—1901 годах рабочемысленцами и акимовцами ¹⁵³.

С одной стороны, когда есть объективные условия для непосредственно-революционного натиска масс, тогда «обслуживание стихии» есть *высшая* политическая задача партии. Противопологать *такую* революционную работу «политике» значит низводить политику до политиканства. Это значит превозносить политику думской борьбы, ставя ее выше политики масс в октябре и декабре, — т. е. именно переходить с пролетарско-революционной на интеллигентско-оппортунистическую точку зрения.

Всякая форма борьбы требует соответственной техники и соответственного аппарата. Когда главной формой борьбы в силу объективных условий становится парламентская борьба, в партии неизбежно усиливаются черты аппарата для парламентской борьбы. Наоборот, когда объективные условия порождают борьбу масс в виде массовых политических стачек и восстаний, партия пролетариата *должна* иметь «аппараты» для «обслуживания» *именно этих* форм борьбы, и само собою разумеется, что это должны быть особые «аппараты», непохожие на парламентские. Организованная партия пролетариата, которая бы признавала наличность условий для народных восстаний и не заботилась о соответственном аппарате, была бы партией интеллигентских болтунов; рабочие ушли бы от нее в анархизм, буржуазный революционизм и т. п.

С другой стороны, состав политически руководящего авангарда каждого класса, пролетариата в том числе, тоже зависит и от поло-

жения этого класса и от главной формы его борьбы. Ларин жалуется, например, на то, что у нас преобладает в партии рабочая молодежь, что семейных рабочих у нас мало, что они отходят от партии. Эта жалоба русского оппортуниста напомнила мне одно место у Энгельса (чуть ли не в «Жилищном вопросе», «Zur Wohnungsfrage»). Возражая какому-то пошлому буржуазному профессору, немецкому кадету, Энгельс писал: разве не естественно, что у нас, партии революции, преобладает молодежь? Мы партия будущего, а будущее принадлежит молодежи. Мы партия новаторов, а за новаторами всегда охотнее идет молодежь. Мы партия самоотверженной борьбы с старым гнильем, а на самоотверженную борьбу всегда первую пойдет молодежь.

Нет, предоставим лучше кадетам подбирать «уставших» старцев в 30 лет, «поумневших» революционеров и ренегатов социал-демократии. Мы всегда будем партией молодежи передового класса!

И у Ларина самого прорывается откровенное признание насчет того, почему ему так жаль уставших от борьбы семейных людей. По-набрать бы таких усталых побольше в партию, это сделал бы ее «тяжеле на подъем, подрывая почву под политической авантюрой» (с. 18).

Вот так-то лучше, добрый Ларин! К чему лукавить и обманывать самого себя. Вам нужна не партия-авангард, а *партия-арьергард*, чтобы потяжеле была на подъем. Так и надо говорить прямо!..

Из статьи «Против бойкота

(Из заметок с.- д. публициста)» ¹⁵⁴

... На русскую социал-демократию, несомненно, ложится обязанность самого тщательного и всестороннего изучения нашей революции, распространения в массах знакомства с ее формами борьбы, формами организаций и пр., укрепление революционных традиций в народе, внедрение в массы убеждения, что единственно и исключительно революционной борьбой можно добиться сколько-нибудь серьезных и сколько-нибудь прочных улучшений, неуклонное разоблачение всей низости тех самодовольных либералов, которые заражают общественную атмосферу миазмами «конституционного» низкопоклонства, предательства и молчалинства. Один день октябрьской стачки или декабрьского восстания во сто раз больше значил и значит в истории борьбы за свободу, чем месяцы лакейских речей кадетов в Думе о безответственном монархе и монархически-конституционном строе. Нам надо позаботиться, — и кроме нас никому будет позаботиться, — о том, чтобы народ знал эти полные жизни, богатые содержанием и великие по своему значению и своим последствиям дни гораздо подробнее, детальнее и основательнее, чем те месяцы «конституционного» удушья и балалайкинско-молчалинского преуспеяния, о которых при благосклонном попустительстве Столыпина и его цензурно-жандармской свиты благовестят так усердно органы нашей партийно-либеральной и беспартийно-«демократической» (тьфу! тьфу!) печати.

Нет сомнения, симпатии к бойкоту вызываются у многих именно этим достойным всякого уважения стремлением революционеров поддержать традицию лучшего революционного прошлого, оживить безотрадное болото современных серых будней огоньком смелой, открытой, решительной борьбы. Но именно потому, что нам дорого бережное отношение к революционным традициям, мы должны решительно протестовать против того взгляда, будто применением одного из лозунгов особой исторической эпохи можно содействовать

возрождению существенных условий этой эпохи. Одно дело — хранение традиций революции, меньше использовать их для постоянной пропаганды и агитации, для ознакомления масс с условиями непосредственной и наступательной борьбы против старого общества, другое дело — повторение одного из лозунгов, вырванного из совокупности породивших его и обеспечивших ему успех условий, и применение его к условиям, существенно отличным.

Тот же Маркс, который так высоко ценил революционные традиции и неумолимо бичевал ренегатское или филистерское отношение к ним, требовал в то же время меньше *мыслить* от революционеров, меньше *анализировать* условия применения старых приемов борьбы, а не простого повторения известных лозунгов. «Национальные» традиции 1792 года во Франции останутся, может быть, навсегда *образцом* известных революционных приемов борьбы, но это не мешало Марксу в 1870 году, в знаменитом «Адресе» Интернационала предупредить французский пролетариат против ошибочного перенесения этих традиций в условия иной эпохи ¹⁹⁵.

Так и у нас. Изучить условия применения бойкота мы должны, внедрить в массы ту идею, что бойкот является вполне законным и необходимым иногда приемом в моменты революционного подъема (что бы ни говорили педанты, всеу приемлющие имя Маркса), мы должны. Но есть ли налицо этот подъем, это основное условие провозглашения бойкота, — этот вопрос надо уметь поставить самостоятельно и решить его на основании серьезного разбора данных. Наш долг — готовить наступление такого подъема, поскольку это в наших силах, и не зарекаться от бойкота в соответствующий момент, но считать лозунг бойкота вообще применимым к всякому худому или очень худому представительному учреждению было бы безусловной ошибкой...

Написано 26 июня (9 июля) 1907 г.

Напечатано в конце июля 1907 г. в брошюре «О бойкоте третьей Думы», изданной в С.-Петербурге

Подпись: *В. И. Ленин*

Полн. собр. соч., т. 16,
с. 26—27.

Из статьи «Памяти графа Гейдена

(Чему учат народ '
наши беспартийные «демократы»?») ¹⁵⁶

...Можно ли найти ⁷примеры того, что черносотенцы развратили и сбили с толку сколько-нибудь широкие слои населения? Нет.

Ни их пресса, ни их союз, ни их собрания, ни выборы в I или II Думу не могли дать таких примеров. Черносотенцы озлобляют насильями и зверствами, в которых участвуют полиция и войска. Черносотенцы возбуждают к себе ненависть и презрение своими мошенничествами, подвохами, подкупами. Черносотенцы организуют на правительственные деньги кучки и шайки пропойц, способных действовать только с разрешения полиции и по наущению ее. Во всем этом нет и следа сколько-нибудь опасного идейного влияния на сколько-нибудь широкие слои населения.

И, наоборот, столь же несомненно, что такое влияние оказывает наша легальная, либеральная и «демократическая» пресса. Выборы в I и II Государственную думу, собрания, союзы, учебное дело — все доказывает это. А рассуждение «Товарища» ¹⁵⁷ по поводу смерти Гейдена показывает воочию, каково это идейное влияние.

«...Тяжелая утрата... прекрасный образ... счастливый удел... был прежде всего человек».

Помещик, граф Гейден, благородно либеральничал до октябрьской революции. Сейчас же после первой победы народа, после 17 октября 1905 года, он без малейших колебаний перешел в лагерь контрреволюции, в партию октябристов, в партию озлобленного против крестьян и против демократии помещика и крупного капиталиста ¹⁵⁸. В I Думе сей благородный мужчина защищал правительство, а после разгона первой Думы договаривался, — но не договорился, — об участии в министерстве. Таковы основные крупнейшие этапы в жизненной карьере этого типичного контрреволюционного помещика.

И вот являются прилично одетые, просвещенные и образованные господа, с фразами о либерализме, демократизме, социализме на устах, с речами о сочувствии делу свободы, делу крестьянской борьбы за землю против помещиков,— господа, которые располагают фактически монополией легальной оппозиции в печати, в союзах, на собраниях, на выборах, и проповедают народу, вознеся очи горé: «Редкий и счастливый удел!.. Покойный граф был прежде всего человек».

Да, Гейден был не только человек, но и гражданин, умевший возвышаться до понимания общих интересов своего класса и отстаивать эти интересы весьма умно. А вы, господа просвещенные демократы, вы — просто слезоточивые дурачки, прикрывающие либеральным юродством свою неспособность быть чем-либо иным, как культурными лакеями того же помещичьего класса.

Влияние помещиков на народ не страшно. Обмануть сколько-нибудь широкую рабочую и даже крестьянскую массу сколько-нибудь надолго никогда им не удастся. Но влияние *интеллигенции*, непосредственно не участвующей в эксплуатации, обученной оперировать с общими словами и понятиями, носящейся со всякими «хорошими» заветами, иногда по искреннему тупоумию возводящей свое междуклассовое положение в *принцип* внеклассовых партий и внеклассовой политики,— влияние этой буржуазной интеллигенции на народ опасно. Тут, и только тут есть налицо заражение широких масс, способное принести действительный вред, требующее напряжения всех сил социализма для борьбы с этой отравой.

— Гейден был человек образованный, культурный, гуманный, терпимый,— захлебываются либеральные и демократические слюнтяи, воображая себя возвысившимися над всякой «партийностью», до «общечеловеческой» точки зрения.

Ошибаетесь, почтеннейшие. Эта точка зрения не общечеловеческая, а общехолопская. Раб, сознающий свое рабское положение и борющийся против него, есть революционер. Раб, не сознающий своего рабства и прозябающий в молчаливой, бессознательной и бессловесной рабской жизни, есть просто раб. Раб, у которого слюнки текут, когда он самодовольно описывает прелести рабской жизни и восторгается добрым и хорошим господином, есть холоп, хам. Вот вы именно такие хамы, господа из «Товарища». Вы с омерзительным благодушием умиляетесь тем, что контрреволюционный помещик, поддерживавший контрреволюционное правительство, был образованный и гуманный человек. Вы не понимаете того, что, вместо того, чтобы превращать раба в революционера, вы превращаете рабов в холопов. Ваши слова о свободе и демократии — напускной лоск,

заученные фразы, модная болтовня или лицемерие. Это размалеванная вывеска. А сами по себе вы — гробы повапленные. Душонка у вас насквозь хамская, а вся ваша образованность, культурность и просвещенность есть только разновидность квалифицированной проституции. Ибо вы продаете свои души и продаете не только из нужды, но и из «любви к искусству»!..

Полн. собр. соч., т. 16,
с. 33—40.

... — Гейден был человек образованный, — умиляются наши салонные демократы. Да, мы уже это признали и охотно признаем, что он был образованнее и *умнее* (это не всегда бывает соединено с образованностью) самих демократов, ибо он лучше понимал интересы *своего* класса и *своего* контрреволюционного общественного движения, чем вы, господа из «Товарища», понимаете интересы освободительного движения. Образованный контрреволюционный помещик умел тонко и хитро защищать интересы своего класса, искусно прикрывал флером благородных слов и внешнего джентльменства корыстные стремления и хищные аппетиты крепостников, настаивал (перед Столыпинными) на ограждении этих интересов наиболее цивилизованными формами классового господства. Все свое «образование» Гейден и ему подобные принесли на алтарь служения помещичьим интересам. Для действительного демократа; а не для «порядочного» хама из русских радикальных салонов, это могло бы послужить великолепной темой для публициста, показывающего *проституирование* образования в современном обществе.

Когда «демократ» болтает об образованности, он хочет вызвать в уме читателя представление о богатых знаниях, о широком кругозоре, об облагораживании ума и сердца. Для господ Гейденов образование — легонький лак, дрессировка, «натасканность» в джентльменских формах обделывания самых грубых и самых грязных политических гешефтов. Ибо весь октябризм, все «мирнообновленство»¹⁵⁹ Гейдена, все переговоры его со Столыпиным после разгона I Думы были по существу обделыванием самого грубого и грязного дела, обстраиванием того, как бы понадежнее, похитрее, поискуснее, прочнее изнутри, незаметнее снаружи, защитить *права* благородного российского дворянства на кровь и пот миллионов «мужичья», ограбляемого этими Гейденами всегда и непрестанно, и до 1861 г., и в 1861 году, и после 1861 года, и после 1905 года.

Еще Некрасов и Салтыков учили русское общество различать под приглаженной и напомаженной внешностью образованности

крепостника-помещика его хищные интересы, учили ненавидеть лицемерие и бездушие подобных типов, а современный российский интеллигент, мнящий себя хранителем демократического наследства, принадлежащий к кадетской партии * или к кадетским подголоскам, учит народ хамству и восторгается своим беспристрастием беспартийного демократа. Зрелище едва ли не более отвратительное, чем зрелище подвигов Дубасова и Столыпина...

— Гейден был «человек», — захлебывается от восторга салонный демократ. Гейден был гуманен.

Это умиление гуманностью Гейдена заставляет нас вспомнить не только Некрасова и Салтыкова, но и «Записки охотника» Тургенева. Перед нами — цивилизованный, образованный помещик, культурный, с мягкими формами обращения, с европейским лоском. Помещик угощает гостя вином и ведет возвышенные разговоры. «Отчего вино не нагрето?» — спрашивает он лакея. Лакей молчит и бледнеет. Помещик звонит и, не повышая голоса, говорит вошедшему слуге: «Насчет Федора... распорядиться» ¹⁶⁰.

Вот вам образчик гейденовской «гуманности» или гуманности à la Гейден. Тургеневский помещик тоже «гуманный» человек... по сравнению с Салтычихой, например, настолько гуманен, что не идет сам в конюшню присматривать за тем, хорошо ли распорядились выпороть Федора. Он настолько гуманен, что не заботится о мочении в соленой воде розог, которыми секут Федора. Он, этот помещик, не позволит себе ни ударить, ни выбранить лакея, он только «распоряжается» издали, как образованный человек, в мягких и гуманных формах, без шума, без скандала, без «публичного оказательства»...

Совершенно такова же гуманность Гейдена. Он сам не участвовал в порке и истязании крестьян с Луженовскими и Филоновыми. Он не ездил в карательные экспедиции вместе с Реннекампами и Меллерами-Закомельскими. Он не расстреливал Москвы вместе с Дубасовым. Он был настолько гуманен, что воздерживался от подобных подвигов, предоставляя подобным героям всероссийской «конюшни» «распоряжаться» и руководя в тиши своего мирного и культурного кабинета политической партией, которая поддерживала правительство Дубасовых и вожди которой пили здравницу победителю Москвы Дубасову... Разве это не гуманно в самом деле: посылать Дубасовых «насчет Федора распорядиться» вместо того, чтобы быть на конюшне самому? Для старых баб, ведущих отдел политики

* Кадеты проявили во сто раз больше холопства в оценке Гейдена, чем гг. из «Товарища». Мы взяли последних, как образец «демократизма» у «порядочных людей» русского общества.

в нашей либеральной и демократической печати, это — образец гуманности...— Золотой был человек, мухи не обидел! «Редкий и счастливый удел» Дубасовых поддерживать, плодами дубасовских расправ пользоваться и за Дубасовых не быть ответственным...

*Напечатано в начале сентября 1907 г.
в первом сборнике «Голос жизни»,
С.-Петербург*

Там же, с. 42—44.

Антимилитаристская пропаганда и союзы социалистической рабочей молодежи

На международном социалистическом конгрессе в Штутгарте обсуждался, как известно, вопрос о милитаризме, а в связи с ним и вопрос об антимилитаристской пропаганде. В принятой по этому поводу резолюции говорится, между прочим, что конгресс считает обязанностью трудящихся классов «содействовать тому, чтобы рабочая молодежь воспитывалась в духе братства народов и социализма и была проникнута классовым самосознанием». В этом конгресс видит залог того, что войско перестанет быть слепым орудием в руках правящих классов, которым они распоряжаются по своему усмотрению и которое они во всякую минуту могут направить против народа.

Вести пропаганду среди солдат, находящихся на действительной службе, чрезвычайно трудно, иногда почти невозможно. Жизнь в казарме, строгий надзор, редкие отлучки крайне затрудняют сношения с внешним миром; военная дисциплина, бессмысленная муштра запугивают солдат; военное начальство употребляет все усилия, чтобы выбить из «серой скотины» всякую живую мысль, всякое человеческое чувство, внушить ему чувства слепого повиновения, бессмысленной и дикой злобы к врагам «внешним» и «внутренним»... К оторванному от обычной среды, одинокому, темному, запуганному солдату, которому вбили в голову самые дикие взгляды на все окружающее, подступиться гораздо труднее, чем к молодежи призывного возраста, живущей в кругу семьи и товарищей, тесно связанной с ними общими интересами. Антимилитаристская пропаганда среди рабочей молодежи дает повсюду прекрасные результаты. И это имеет громадное значение. Рабочий, вступающий в ряды армии сознательным социал-демократом — плохая опора для власти имущих.

Во всех европейских странах существуют союзы социалистической рабочей молодежи. В некоторых странах, например в Бельгии,

в Австрии, в Швеции, эти союзы являются крупными организациями, выполняющими ответственную партийную работу. Конечно, главной целью союзов молодежи является самообразование, выработка ясного цельного социалистического мировоззрения. Но наряду с этим союзы молодежи ведут и практическую работу. Они борются за улучшение положения учеников, стараются защитить их от безмерной эксплуатации хозяев. Еще больше времени и внимания посвящают союзы социалистической рабочей молодежи антимилитаристской пропаганде.

С этой целью они стараются установить тесные связи с молодыми солдатами. Достигается это следующим образом. Пока молодой рабочий еще не поступил в солдаты, он состоит членом союза, платит членские взносы. Когда он становится солдатом, союз продолжает поддерживать с ним постоянные сношения, регулярно посылает ему небольшую денежную помощь («солдатское су», как называют это во Франции), которая, как ни мала она сама по себе, для него имеет существенное значение. Зато он, с своей стороны, обязуется регулярно сообщать союзу обо всем, что делается у него в казарме, писать о своих впечатлениях. Таким образом, и вступив на службу, солдат не теряет связи с той организацией, членом которой он состоял.

Солдата всегда стараются угнать на службу подальше от места его родины. Делается это в том расчете, чтобы солдат не был связан никакими интересами с местным населением, чтобы он чувствовал себя чуждым ему. Тогда его легче заставить подчиниться приказу — стрелять в толпу. Союзы рабочей молодежи стараются уничтожить эту отчужденность солдата от местного населения. Союзы молодежи связаны между собою. Явившись в новый город, солдат, бывший член союза молодежи у себя на родине, встречается местным союзом как желанный гость, его сразу вводят в круг местных интересов, помогают, чем могут. Он перестает быть чужаком, пришельцем. Он знает также, что, если с ним случится какая-нибудь беда, ему помогут, поддержат. Это сознание придает ему мужество, он смелее держится в казарме, смелее отстаивает свои права и свое человеческое достоинство.

Тесные связи с молодыми солдатами дают возможность союзам молодежи вести среди солдат широкую антимилитаристскую пропаганду. Делается это, главным образом, при помощи антимилитаристской литературы, которую союзы молодежи издают и распространяют в громадном количестве, особенно во Франции, в Бельгии, а также в Швейцарии, Швеции и пр. Литература эта самого разнообразного содержания: открытки с картинками антимилитаристского

содержания, солдатские антимилитаристские песенники (многие из этих песен очень распространены среди солдат), «солдатский катехизис» (во Франции он был распространен более, чем в 100 000 экземпляров), всякого рода брошюры, воззвания, листки; еженедельные, двухнедельные, ежемесячные газеты и журналы для солдат, некоторые из них с иллюстрациями. «Казарма», «Рекрут», «Молодой Солдат», «Пьюпью» (ласкательное прозвище молодого рекрута), «Вперед» расходятся очень широко. Например, в Бельгии газеты «Рекрут» и «Казарма» расходятся каждая в 60 000 экземпляров. Особенно много журналов выходит ко времени рекрутского набора. Специальные номера солдатских газет рассылаются по адресам всех новобранцев. Антимилитаристская литература доставляется солдатам в казармы, передается им на улице, ее солдаты находят в кофейнях, трактирах, всюду, где они только бывают.

Особенно много внимания уделяется новобранцам. Им устраивают торжественные проводы. Во время рекрутского набора по городу ходят процессии. Так, например, в Австрии рекруты, одетые в траур, под звуки похоронного марша проходят через весь город. Впереди них едет разукрашенная красным повозка. На стенах всюду расклеиваются красивые афиши, на которых крупными буквами напечатано: «Вы не станете стрелять в народ!». В честь рекрутов устраиваются вечеринки, на которых говорят горячие антимилитаристские речи. Одним словом, делается все, чтобы пробудить сознание рекрута, чтобы застраховать его от зловредного влияния тех идей и чувств, которые будут ему всеми правдами и неправдами внушать в казарме.

И работа социалистической молодежи не пропадает даром. В Бельгии среди солдат существует уже около 15 солдатских союзов, примыкающих в большинстве к социал-демократической рабочей партии и тесно связанных между собой. Есть полки, в которых две трети солдат организованы. Во Франции антимилитаристское настроение стало массовым. Во время стачек в Дюнкирхене, Крезе, Лонгви, Монсо-ле-Мин солдаты, которых двинули против стачечников, заявили о своей солидарности с ними...

С каждым днем в рядах армии насчитывается все больше социал-демократов, войско становится все ненадежнее. Когда буржуазия должна будет стать лицом к лицу с организованным рабочим классом — па чьей стороне будет войско? Социалистическая рабочая молодежь со всей энергией и пылом, свойственным молодежи, работает над тем, чтобы оно было на стороне народа.

Из книги
«Аграрная программа
социал-демократии
в первой русской революции
1905 — 1907 годов»

...Добрый Маслов не соображает, что высокий процент культурных расходов местных самоуправлений есть высокая доля второстепенных расходов ¹⁶¹. Почему это так? Потому, что пределы ведомства местных самоуправлений и финансовые полномочия их определяет та же центральная государственная власть и определяет так, что на армию и проч. берет куш, на «культуру» дает грош. Обязателен ли такой дележ в буржуазном обществе? Обязателен, ибо в буржуазном обществе буржуазия не могла бы господствовать, если бы она не тратила куша на обеспечение своего господства, как класса, оставляя грош на культурные расходы. И надо быть Масловым, чтобы возыметь гениальную мысль: а что если я *новый куш* объявлю собственностью земств, ведь я *обойду* господство буржуазии! Как бы проста была, если бы пролетарии рассуждали по Маслову, их задача: стоит потребовать, чтобы доходы с железных дорог, почт, телеграфов, винной монополии не «национализировались», а «муниципализировались» — и эти доходы пойдут не на армию и флот, а на культурные цели. Не нужно вовсе свергать центральной власти или в корне ее переделывать, — надо просто-напросто добиться «муниципализации» всех крупных статей дохода, и дело будет в шляпе. О, мудрецы!

Муниципальные доходы в Европе и во всякой буржуазной стране, это такие доходы, — пусть запомнит это добрый Маслов! — которые буржуазная центральная власть согласна пожертвовать на культурные цели, *ибо эти доходы второстепенные*, ибо сбор таких доходов неудобен в центре, ибо главные, коренные, основные потребности буржуазии и буржуазного господства уже обеспечены *кушем*. Поэтому совет народу: получи новый куш, сотни миллионов с муниципализированных земель, и обеспечь его культурное назначение передачей куша в собственность земств, а не центральной власти,

есть совет шарлатанский. Не может в буржуазном государстве буржуазия дать действительно на культурные цели *ничего кроме грошей*, ибо куши нужны ей на обеспечение господства буржуазии, как класса. Почему центральная власть берет себе девять десятых налогов с земли, с торговых заведений и т. п., а земствам позволяет брать одну десятую, устанавливая закон, что дополнительное земское обложение не может превышать такого-то низкого процента? Потому, что куш нужен на обеспечение господства буржуазии, как класса, и больше гроша она не может, оставаясь буржуазией, отдать на культуру *...

Полн. собр. соч., т. 16,
с. 321—322.

...Буржуазная интеллигенция на Западе, подобно английским фабианцам ¹⁶², возводит муниципальный социализм в особое «направление» именно потому, что она мечтает о социальном мире, о примирении классов и желает перенести общественное внимание с коренных вопросов всего экономического строя и всего государственного устройства на мелкие вопросы местного самоуправления. В области вопросов первого рода классовые противоречия всего резче; именно эта область, как мы уже указывали, затрагивает самые основы господства буржуазии, как класса. Именно здесь поэтому мешанская, реакционная утопия частичного осуществления социализма особенно безнадежна. Внимание переносится на область мелких местных

* Из обстоятельнейшей работы Кауфмана (Kaufmann R. «Die Kommunalfinanzen», 2 Bände. Lpz. 1906, II Abt. 5. Band des Hand- und Lehrbuches der Staatswissenschaften, begr. von Frankenstein, fortges. von Heckel) (Кауфман Р. «Местные финансы», 2 тома, Лейпциг, 1906, II раздел, книга 5 руководства и учебника по государственным наукам, основанного Франкенштейном и продолженного Геккелем. *Ред.*) видно, что в Англии распределение местных и центральных государственных расходов *выгоднее* для местного самоуправления, чем в Пруссии и во Франции. В Англии 3 миллиарда марок расходуют местные учреждения, 3,6 миллиарда — центральная власть государства; во Франции — 1,1 миллиарда против 2,9; в Пруссии — 1,1 и 3,5. Выделим *культурные* расходы, например, на образование в стране, наиболее благоприятно (с точки зрения муниципалистов) поставленной, т. е. в Англии. Мы увидим, что из местных расходов на образование шло 16,5 миллионов фунтов стерлингов из 151,6 млн. (1902—1903 гг.), т. е. немногим более $\frac{1}{10}$. Центральная власть, по бюджету на 1908 г. (см. «Almanach de Gotha»), на образование расходует 16,9 млн. фунтов стерлингов из 198,6, т. е. менее $\frac{1}{10}$. Расходы на армию и флот = 59,2 млн. фунтов стерлингов, да прибавьте сюда расходы на государственные долги = 28,5 млн. фунтов стерлингов, да 3,8 млн. на суд и полицию, 1,9 млн. на иностранные дела, да 19,8 млн. на расходы внимания, и вы увидите, что буржуазия тратит *грош* на культуру, *куш* на обеспечение своего господства, как класса.

вопросов, не вопроса о господстве буржуазии, как класса, не вопроса об основных орудиях этого господства, — а вопроса о расходовании *крох*, бросаемых богатой буржуазией на «*нужды населения*». Понятно, что если выделены такие вопросы о расходовании ничтожных (по сравнению с общей массой прибавочной стоимости и с общей суммой государственных расходов буржуазии) сумм, которые *сама буржуазия соглашается* отдать на народное здравие (Энгельс указывал в «Жилищном вопросе», что заразные эпидемии в городах пугают самую буржуазию¹⁶³), — на народное образование (должна же буржуазия иметь обученных рабочих, способных применяться к высокому уровню техники!) и т. д., то в области *таких мелких* вопросов можно разглагольствовать о «социальном мире», о вреде классовой борьбы и т. п. Какая же тут классовая борьба, если сама буржуазия расходует деньги на «нужды населения», на медицину, на образование? К чему социальная революция, если через местные самоуправления можно понемногу и постепенно расширять «коллективную собственность», «социализировать» производство: конки, бойни, на которые так кстати указывает почтенный Ю. Ларин?

Мещанский оппортунизм этого «направления» состоит в том, что забывают *узкие границы* так называемого «муниципального социализма» (на деле, муниципального капитализма, как справедливо говорят английские с.-д. против фабрианцев). Забывают, что, пока буржуазия господствует, как класс, она не может позволить затронуть хотя бы даже с «муниципальной» точки зрения настоящих *основ* ее господства, — что если буржуазия позволяет, терпит «муниципальный социализм», то именно потому, что *основ* ее господства он не трогает, *серьезных* источников ее богатства не задевает, простирается только на ту местную, узкую область расходов, которую сама буржуазия *отдает* в ведение «населения». Достаточно самого небольшого знакомства с «муниципальным социализмом» на Западе, чтобы знать, как всякая попытка *социалистических* муниципалитетов чуточку выйти из рамок обычного, т. е. мелкого, мелочного, не дающего *существенных* облегчений рабочему, хозяйничанья, всякая попытка чуточку затронуть *капитал* вызывает всегда и безусловно решительное veto центральной власти буржуазного государства...

Написано в ноябре — декабре 1907 г.

Там же, с. 339—340.

Напечатано в 1908 г. в Петербурге отдельной книжкой издательством «Зерно» (конфисковано); вторично напечатано в 1917 г. в Петрограде издательством «Жизнь и знание»

Письма

Из письма

А. А. Богданову и С. И. Гусеву

11. II. 1905.

Разметову, Харитону

...Нужны молодые силы. Я бы советовал прямо расстреливать на месте тех, кто позволяет себе говорить, что людей нет. В России людей тьма, надо только шире и смелее, смелее и шире, еще раз шире и еще раз смелее вербовать молодежь, *не боясь ее*. Время военное. Молодежь решит исход всей борьбы, и студенческая и еще больше рабочая молодежь. Бросьте все старые привычки неподвижности, чиновничества и пр. Основывайте из молодежи *с о т н и* кружков впередовцев¹⁶⁴ и поощряйте их работать вовсю. Расширяйте комитет *втрое* приемом молодежи, создавайте пяток или десяток подкомитетов, «кооптируйте» всякого и каждого честного и энергичного человека. Давайте право любому подкомитету писать и издавать листки без всякой волокиты (не беда, если ошибется: мы во «Вперед» «мягко» поправим). Надо с отчаянной быстротой объединять и пускать в ход всех революционно-инициативных людей. Не бойтесь их неподготовленности, не дрожите по поводу их неопытности и неразвитости *. Во-1-х, если вы не сумеете организовать и подтолкнуть их, то они пойдут за меньшевиками и Гапонами и той же своей неопытностью повредят впятеро больше. Во-2-х, учить будут теперь *в нашем духе* события. События уже учат всех и каждого именно во впередовском духе.

Только непременно организовывать, организовывать и организовывать *сотни* кружков, отодвигая совершенно на задний план обычные комитетские (иерархические) благоглупости. Время военное. Либо *н о в ы е*, молодые, свежие, энергичные военные организации повсюду для революционной социал-демократической работы всех сортов, всех видов и во всех слоях, — либо вы погибнете со славой «комитетских» людей с печатями.

* В рукописи далее следуют зачеркнутые слова: «не хвыкайте по поводу того, что они зеленые». *Ред.*

Я об этом буду писать во «Вперед» * и говорить на съезде. Пишу Вам, чтобы *попытаться* паки и паки вызвать на обмен мыслей, вызвать на то, чтобы с редакцией *связали непосредственно* десяток *м о л о д ы х, с в е ж и х* рабочих (и других) кружков, хотя... хотя, между нами будь сказано, никакой надежды на осуществление этих дерзких пожеланий не питаю. Разве через два месяца запросите, чтобы я по телеграфу ответил, согласен ли на такие-то изменения «плана»... Заранее отвечаю, что на всё согласен...

Впервые напечатано в 1925 г. в журнале «Пролетарская Революция», № 4 (39)

Полн. собр. соч., т. 9, с. 247—248.

С. И. Гусеву

Харитону

15. II. 05.

Дорогой друг! За письма большое спасибо. Продолжайте непременно в том же духе, только вот еще что: 1) никогда не ограничивайтесь конспектированием переданных Вам писем или сообщений, а непременно пересылайте их (кроме Ваших писем) *ц е л и к о м*; 2) обязательно связывайте нас *н е п о с р е д с т в е н н о* с новыми силами, с молодежью, со свежими кружками. Не забывайте, что сила революционной организации в числе ее связей. Числом передаваемых нам *новых* русских связей мы должны определять дееспособность и результаты работы наших друзей. До сих пор *в с е* питерцы (позор им) не дали нам *ни одной* новой русской связи (ни Серафима, ни Сысойка, ни Землячка, ни Ник. Ив.). Это скандал, это зарез, это крах! Учитесь у меньшевиков, Христа ради. В № 85 «Искры» тьма корреспонденций. Ведь Вы вот читали молодежи «Вперед», отчего же не связали нас ни с кем из этой молодежи?? Помните, что стоит Вам провалиться, и мы на мели, пока Вы не приобрели нам *десятка* новых, молодых, верных друзей «Впереда», которые умеют работать, умеют вести сношения, сумеют переписываться и без Вас. Помните это!! Профессиональный революционер должен создавать в каждом месте десятки новых связей, давать им при себе всю работу в руки, учить их и подтягивать не поучениями, а работой. Затем ехать в другое место и через месяц-два возвращаться проверять молодых замести-

* См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 294—306. Ред.

Не менее актуальной задачей революционной социал-демократии была защита и развитие теоретических основ партии. Предстояло решительно и последовательно отстоять марксистскую философию, разоблачить спекуляции философско-идеалистов, объявлявших материализм неспособным преодолеть кризис естественных наук, объяснить их новейшие открытия. Эту задачу блестяще выполнил В. И. Ленин в работе «Материализм и эмпириокритицизм» (1908—1909), в которой дана глубокая и целостная характеристика марксистской философии. Ленинская работа давала марксистское обобщение новейших открытий естественных наук и указывала дальнейшие пути их развития, поднимала диалектический материализм на более высокую ступень, соответствующую новой эпохе, новому уровню естествознания. Работа В. И. Ленина вооружала большевистскую партию в борьбе с идеалистическими теориями, в том числе и в области воспитания и образования.

Важное значение в борьбе за революционную теорию, за ограждение рабочего класса от влияния религии и буржуазной идеологии имели также написанные В. И. Лениным в этот период работы «Марксизм и ревизионизм» (1908), «Студенческое движение и современное политическое положение» (1908), «Об отношении рабочей партии к религии» (1909), «Классы и партии в их отношении к религии и церкви» (1909), «О фракции сторонников отзовизма и богоискательства» (1909) и др. Подчеркивая, что борьбу социал-демократии с религией и буржуазной идеологией необходимо подчинить задаче развития классового самосознания пролетариата, В. И. Ленин в статье «Об отношении рабочей партии к религии» писал: «...Атеистическая пропаганда социал-демократии должна быть подчинена ее основной задаче: развитию классовой борьбы эксплуатируемых масс против эксплуататоров» (Полн. собр. соч., т. 17, с. 419—420).

Собирание и сплочение революционных сил пролетариата, их политическое воспитание были одной из ведущих задач большевистской партии в условиях разгрома реакции. Для того чтобы правильно и эффективно вести политическую работу в массах, указывал В. И. Ленин, революционным социал-демократам следует в совершенстве овладеть «педагогикой политической деятельности».

Решению этой проблемы, подготовке руководителей рабочего движения из среды пролетариата В. И. Ленин придавал первостепенное значение. В некрологе, посвященном И. В. Бабушкину, В. И. Ленин писал, что рабочие-вожаки, подобные Бабушкину, «встали во главе вооруженной массовой борьбы против царского самодержавия». «Мы намерены,— писал В. И. Ленин,— издать брошюру с жизнеописанием таких рабочих. Такая брошюра будет лучшим ответом всяким маловеерам и умалителям Российской социал-демократической рабочей партии. Такая брошюра будет лучшим чтением для молодых рабочих, которые будут учиться по ней, как надо жить и действовать всякому сознательному рабочему» (Полн. собр. соч., т. 20, с. 82—83).

Из статьи «Марксизм и ревизионизм»

Известное изречение гласит, что если бы геометрические аксиомы задевали интересы людей, то они наверное опровергались бы. Естественно-исторические теории, задевавшие старые предрассудки теологии, вызвали и вызывают до сих пор самую бешеную борьбу. Неудивительно, что учение Маркса, которое прямо служит просвещению и организации передового класса современного общества, указывает задачи этого класса и доказывает неизбежную — в силу экономического развития — замену современного строя новыми порядками, неудивительно, что это учение должно было с боя брать каждый свой шаг на жизненном пути.

Нечего говорить о буржуазной науке и философии, по-казенному преподаваемых казенными профессорами для оглушения подрастающей молодежи из имущих классов и для «натаскивания» ее на врагов внешних и внутренних. Эта наука и слышать не хочет о марксизме, объявляя его опровергнутым и уничтоженным; и молодые ученые, делающие себе карьеру на опровержении социализма, и ветхие старцы, хранящие завет всевозможных обветшалых «систем», с одинаковым усердием нападают на Маркса. Рост марксизма, распространение и укрепление его идей в рабочем классе, неизбежно вызывает учащение и обострение этих буржуазных вылазок против марксизма, который после каждого «уничтожения» его официальной наукой становится все крепче, закаленное и жизненнее...

*Написано во второй половине марта—
не позднее 3 (16) апреля 1908 г.*

Полн. собр. соч., т. 17, с.17.

*Напечатано между 25 сентября и 2 октября (8 и 15 октября) 1908 г. в сборнике: «Карл Маркс(1818—1883)». С.-Петербург, изд. О. и М. Кедровых.
Подпись: Вл. И л ь и н*

Из статьи «К оценке русской революции»

...Вопрос об оценке нашей революции имеет отнюдь не теоретическое только, а и самое непосредственное, практически-злободневное значение. Вся наша работа пропаганды, агитации и организации непрерывно связана в настоящий момент с процессом усвоения самыми широкими массами рабочего класса и полупролетарского населения уроков великих 3-х лет. Мы не можем ограничиться в настоящий момент голым заявлением (в духе резолюций X съезда «левицы» ППС¹⁶⁵), что данные не позволяют сейчас установить, путь ли революционного взрыва или путь долгих, медленных, мелких шагов вперед лежит сейчас перед нами. Конечно, установить этого не сможет сейчас никакая статистика в мире. Конечно, нашу работу мы должны вести так, чтобы она была вся проникнута общим *социалистическим* духом и содержанием, какие бы тяжелые испытания ни готовило нам будущее. Но это еще не все. Остановиться на этом, значит не уметь дать никакого фактического руководства пролетарской партии. Мы должны прямо поставить и твердо решить вопрос, в каком направлении будем мы вести теперь работу переработки опыта трех лет революции? Мы должны заявить открыто и во всеуслышание, в поучение колеблющихся и падающих духом, в посрамление ренегатствующих и отходящих от социализма, что рабочая партия видит в непосредственно-революционной борьбе масс, в октябрьской и декабрьской борьбе 1905 года, величайшие движения пролетариата после Коммуны, что только в развитии таких форм борьбы лежит залог грядущих успехов революции, что эти образцы борьбы должны служить нам маяком в деле воспитания новых поколений борцов...

Напечатано в апреле 1908 г. с журнале
«Przegląd Socjaldemokratyczny», № 2
Подпись: Н. Л е н и н

Полн. собр. соч., т. 17, с. 50.

На русском языке напечатано (23) 10
мая 1908 г. в газете «Пролетарий», № 30

Из работы «Аграрный вопрос в России к концу XIX века»¹⁶⁶

...В районе наибольшего прихода рабочих сложились к концу XIX века довольно крупные капиталистические предприятия в земледелии. Капиталистическая кооперация сложилась при употреблении, наир., таких машин, как молотилки. Г-н Тезяков, описавший условия жизни и труда сельскохозяйственных рабочих в Херсонской губернии¹⁶⁷, указывает, что конная молотилка требует от 14 до 23 и более рабочих, а паровая от 50 до 70. В некоторых хозяйствах собиралось по 500—1000 рабочих — цифра чрезвычайно высокая для земледелия. Капитализм дал возможность заменять более дорогой мужской труд женским и детским. Напр., в местечке Каховке — одном из главных рабочих рынков Таврической губ., где прежде собиралось до 40 000 рабочих, а в 90-х годах прошлого века 20—30 тысяч, в 1890 году было зарегистрировано 12,7% женщин, а в 1895 году уже 25,6%. Детей в 1893 г. было 0,7%, а в 1895 году уже 1.69%.

Собирая рабочих со всех концов России, капиталистические экономисты сортировали их по своим надобностям, создавая нечто подобное иерархии фабричных рабочих. Различают, напр., полных рабочих, полурабочих — из них выделяют еще «рабочих большой силы» (16—20 лет) — и полурабочих «малой помощи» (дети 8—14 лет). Никакого следа старых так называемых «патрпархальных» отношений помещика к «своему» крестьянину здесь не остается. Рабочая сила становится товаром, подобным всякому другому...

*Написано в первой половине 1908 г.
Впервые напечатано в 1918 г. отдельной
брошюрой, изданной в Москве издательством
«Жизнь и знание»*

*Полн. собр. соч., т. 17,
с. 113—114.*

Лев Толстой, как зеркало русской революции

Сопоставление имени великого художника с революцией, которой он явно не понял, от которой он явно отстранился, может показаться на первый взгляд странным и искусственным. Не называть же зеркалом того, что очевидно не отражает явления правильно? Но наша революция — явление чрезвычайно сложное; среди массы ее непосредственных совершителей и участников есть много социальных элементов, которые тоже явно не понимали происходящего, тоже отстранялись от настоящих исторических задач, поставленных перед ними ходом событий. И если перед нами действительно великий художник, то некоторые хотя бы из существенных сторон революции он должен был отразить в своих произведениях.

Легальная русская пресса, переполненная статьями, письмами и заметками по поводу юбилея 80-летия Толстого, всего меньше интересуется анализом его произведений с точки зрения характера русской революции и движущих сил ее. Вся эта пресса до тошноты переполнена лицемерием, лицемерием двоякого рода: казенным и либеральным. Первое есть грубое лицемерие продажных писак, которым вчера было велено травить Л. Толстого, а сегодня — отыскивать в нем патриотизм и постараться соблюсти приличия перед Европой. Что писакам этого рода заплачено за их писания, это всем известно, и никого обмануть они не в состоянии. Гораздо более утонченно и потому гораздо более вредно и опасно лицемерие либеральное. Послушать кадетских балалайкиных ¹⁶⁸ из «Речи» ¹⁶⁹ — сочувствие их Толстому самое полное и самое горячее. На деле, рассчитанная декламация и напыщенные фразы о «великом богоискателе» — одна сплошная фальшь, ибо русский либерал ни в толстовского бога не верит, ни толстовской критике существующего строя не сочувствует. Он примазывается к популярному имени, чтобы приумножить свой политический капитал, чтобы разыграть роль вождя

общенациональной оппозиции, он старается громом и треском фраз *заглушить* потребность прямого и ясного ответа на вопрос: чем вызываются кричащие противоречия «толстовщины», какие недостатки и слабости нашей революции они выражают?

Противоречия в произведениях, взглядах, учениях, в школе Толстого — действительно кричащие. С одной стороны, гениальный художник, давший не только несравненные картины русской жизни, но и первоклассные произведения мировой литературы. С другой стороны — помещик, юродствующий во Христе. С одной стороны, замечательно сильный, непосредственный и искренний протест против общественной лжи и фальши, — с другой стороны, «толстовец», т. е. истасканный, истеричный хлюпик, называемый русским интеллигентом, который, публично бия себя в грудь, говорит: «я скверный, я гадкий, но я занимаюсь нравственным самоусовершенствованием; я не кушаю больше мяса и питаюсь теперь рисовыми котлетками». С одной стороны, беспощадная критика капиталистической эксплуатации, разоблачение правительственных насилий, комедии суда и государственного управления, вскрытие всей глубины противоречий между ростом богатства и завоеваниями цивилизации и ростом нищеты, одичалости и мучений рабочих масс; с другой стороны, юродивая проповедь «непротивления злу» насилием. С одной стороны, самый трезвый реализм, срывание всех и всяческих масок; — с другой стороны, проповедь одной из самых гнусных вещей, какие только есть на свете, именно: религии, стремление поставить на место попов по казенной должности попов по нравственному убеждению, т. е. культивирование самой утонченной и потому особенно омерзительной поповщины. Поистине:

Ты и убогая, ты и обильная,
Ты и могучая, ты и бессильная
— Матушка Русь!¹⁷⁰

Что при таких противоречиях Толстой не мог абсолютно понять ни рабочего движения и его роли в борьбе за социализм, ни русской революции, это само собою очевидно. Но противоречия во взглядах и учениях Толстого не случайность, а выражение тех противоречивых условий, в которые поставлена была русская жизнь последней трети XIX века. Патриархальная деревня, вчера только освободившаяся от крепостного права, отдана была буквально на поток и разграбление капиталу и фиску. Старые устои крестьянского хозяйства и крестьянской жизни, устои, действительно державшиеся в течение веков, пошли на слом с необыкновенной быстротой. И противоречия во взглядах Толстого надо оценивать не с точки зрения современно-

го рабочего движения и современного социализма (такая оценка, разумеется, необходима, но она недостаточна), а с точки зрения того протеста против надвигающегося капитализма, разорения и обезземеления масс, который должен был быть порожден патриархальной русской деревней. Толстой смешон, как пророк, открывший новые рецепты спасения человечества,— и поэтому совсем мизерны заграничные и русские «толстовцы», пожелавшие превратить в догму как раз самую слабую сторону его учения. Толстой велик, как выразитель тех идей и тех настроений, которые сложились у миллионов русского крестьянства ко времени наступления буржуазной революции в России. Толстой оригинален, ибо совокупность его взглядов, взятых как целое, выражает как раз особенности нашей революции, как *крестьянской буржуазной революции*. Противоречия во взглядах Толстого, с этой точки зрения,— действительное зеркало тех противоречивых условий, в которые поставлена была историческая деятельность крестьянства в нашей революции. С одной стороны, века крепостного гнета и десятилетия форсированного пореформенного разорения накопили горы ненависти, злобы и отчаянной решимости. Стремление смести до основания и казенную церковь, и помещиков, и помещичье правительство, уничтожить все старые формы и распорядки землевладения, расчистить землю, создать на место полицейски-классового государства общежитие свободных и равноправных мелких крестьян,— это стремление красной нитью проходит через каждый исторический шаг крестьян в нашей революции, и несомненно, что идейное содержание писаний Толстого гораздо больше соответствует этому крестьянскому стремлению, чем отвлеченному «христианскому анархизму», как оценивают иногда «систему» его взглядов.

С другой стороны, крестьянство, стремясь к новым формам общежития, относилось очень бессознательно, патриархально, по-юродивому, к тому, каково должно быть это общежитие, какой борьбой надо завоевать себе свободу, какие руководители могут быть у него в этой борьбе, как относится к интересам крестьянской революции буржуазия и буржуазная интеллигенция, почему необходимо насильственное свержение царской власти для уничтожения помещичьего землевладения. Вся прошлая жизнь крестьянства научила его ненавидеть барина и чиновника, но не научила и не могла научить, где искать ответа на все эти вопросы. В нашей революции меньшая часть крестьянства действительно боролась, хоть скольконибудь организуясь для этой цели, и совсем небольшая часть поднималась с оружием в руках на истребление своих врагов, на уничтожение царских слуг и помещичьих защитников. Большая часть

крестьянства плакала и молилась, резонерствовала и мечтала, писала прошения и посылала «ходателей», — совсем в духе Льва Николаича Толстого! И, как всегда бывает в таких случаях, толстовское воздержание от политики, толстовское отречение от политики, отсутствие интереса к ней и понимания ее, делали то, что за сознательным и революционным пролетариатом шло меньшинство, большинство же было добычей тех беспринципных, холуйских, буржуазных интеллигентов, которые под названием кадетов бегали с собрания трудовиков¹⁷¹ в переднюю Столыпина, кланчили, торговались, примиряли, обещали примирить, — пока их не выгнали пинком солдатского сапога. Толстовские идеи, это — зеркало слабости, недостатков нашего крестьянского восстания, отражение мягкотелости патриархальной деревни и заскорузлой трусливости «хозяйственного мужичка».

Возьмите солдатские восстания 1905—1906 годов. Социальный состав этих борцов нашей революции — промежуточный между крестьянством и пролетариатом. Последний в меньшинстве; поэтому движение в войсках не показывает даже приблизительно такой все-российской сплоченности, такой партийной сознательности, которые обнаружены пролетариатом, точно по мановению руки ставшим социал-демократическим. С другой стороны, нет ничего ошибочнее мнения, будто причиной неудачи солдатских восстаний было отсутствие руководителей из офицерства. Напротив, гигантский прогресс революции со времен Народной воли¹⁷² сказался именно в том, что за ружье взялась против начальства «серая скотинка», самостоятельность которой так напугала либеральных помещиков и либеральное офицерство. Солдат был полон сочувствия крестьянскому делу; его глаза загорались при одном упоминании о земле. Не раз власть переходила в войсках в руки солдатской массы, — но решительного использования этой власти почти не было; солдаты колебались; через пару дней, иногда через несколько часов, убив какого-нибудь ненавистного начальника, они освобождали из-под ареста остальных, вступали в переговоры с властью и затем становились под расстрел, ложились под розги, впрягались снова в ярмо — совсем в духе Льва Николаича Толстого!

Толстой отразил накипевшую ненависть, созревшее стремление к лучшему, желание избавиться от прошлого, — и незрелость мечтательности, политической невоспитанности, революционной мягкотелости. Историко-экономические условия объясняют и необходимость возникновения революционной борьбы масс и неподготовленность их к борьбе, толстовское непротивление злу, бывшее серьезнейшей причиной поражения первой революционной кампании.

Говорят, что разбитые армии хорошо учатся. Конечно, сравнение революционных классов с армиями верно только в очень ограниченном смысле. Развитие капитализма с каждым часом видоизменяет и обостряет те условия, которые толкали крестьянские миллионы, сплоченные вместе ненавистью к помещикам-крепостникам и к их правительству, на революционно-демократическую борьбу. В самом крестьянстве рост обмена, господства рынка и власти денег все более вытесняет патриархальную старину и патриархальную толстовскую идеологию. Но одно приобретение первых лет революции и первых поражений в массовой революционной борьбе несомненно: это — смертельный удар, нанесенный прежней рыхлости и дряблости масс. Разграничительные линии стали резче. Классы и партии размежевались. Под молотом столыпинских уроков, при неуклонной, выдержанной агитации революционных социал-демократов, не только социалистический пролетариат, но и демократические массы крестьянства будут неизбежно выдвигать все более закаленных борцов, все менее способных впадать в наш исторический грех толстовщины!

*«Пролетарий», № 35, (24) 11 сентября
1908 г.*

*Полн. собр. соч., т. 17,
с. 206—213.*

Студенческое движение и современное политическое положение

Забастовка студентов провозглашена в Петербургском университете. К ней присоединился целый ряд других высших учебных заведений. Движение перекинулось уже в Москву и Харьков. Судя по всем данным, которые имеются в заграничных и русских газетах, а также в частных письмах из России, мы стоим перед фактом довольно широкого *академического* движения ¹⁷³.

Назад к старине! Назад к дореволюционной России, — вот о чем прежде всего свидетельствуют эти события. По-прежнему правительственная реакция подтягивает университеты. Вечная в самодержавной России борьба с студенческими организациями приняла форму похода черносотенного министра Шварца — действующего в полном согласии с «премьером» Столыпиным — против автономии, которую обещали студентам осенью 1905 г. (чего только не «обещало» тогда российским гражданам самодержавие под натиском революционного рабочего класса!), — против автономии, которой студенты пользовались, пока самодержавию было «не до студентов», и которую самодержавие не могло не начать отнимать, оставаясь самодержавием.

По-прежнему скорбит и ноет либеральная печать, — на этот раз вместе с некоторыми октябристами, — скорбят и хныкают гг. профессора, умоляя правительство не вступать на путь реакции, использовать прекрасный случай «обеспечить реформами мир и порядок» в «измученной потрясениями стране», — умоляя студенчество не прибегать к незаконным способам действия, способным только сыграть на руку реакции и т. д., и т. д., и т. д. Какие все это старье-престарье, затасканные мотивы и как живо воскрешают они перед нами то, что было лет этак 20 тому назад, в конце 80-х годов прошлого века! Сходство той поры с теперешней покажется особенно поразительным, если взять современный момент отдельно, вне связи с

пережитыми тремя годами революции. Ибо Дума (на первый взгляд) только чуть-чуть иначе выражает совершенно то же самое дореволюционное соотношение сил: господство дикого помещика, предпочитающего придворные связи и воздействие через своего брата чиновника всяким представительствам; — поддержку того же чиновника купечеством (октябристы), которое не смеет разойтись с отцами-благородцами; — «оппозицию» буржуазной интеллигенции, больше всего заботящейся о доказательстве своей лояльности и называющей увещание власть имущих политической деятельностью либерализма. Рабочие депутаты Думы слишком, слишком слабо напоминают о том, какую роль сыграл недавно пролетариат своей открытой массовой борьбой.

Спрашивается, можем ли мы при таких условиях придавать значение старым формам примитивно-академической борьбы студенчества? Если либералы опустили до «политики» (только в насмешку, конечно, можно тут говорить о политике) 80-х годов, то не будет ли со стороны социал-демократии приращением ее задач, если она сочтет нужным поддержать так или иначе академическую борьбу?

Такой вопрос, по-видимому, ставится кое-где студентами-социал-демократами. По крайней мере, в редакцию нашей газеты доставлено одно письмо от группы студентов-социал-демократов, в котором, между прочим, говорится:

«13-го сентября сходка студентов Петербургского университета постановила призвать студентов к всероссийской студенческой забастовке, мотивируя свой призыв агрессивной тактикой Шварца; платформа забастовки — академическая, сходка даже приветствует «первые шаги» московских и петербургских советов профессоров в деле борьбы за автономию. Мы недоумеваем перед академической платформой, выставленной петербургской сходкой, и считаем ее недопустимой при данных условиях и не могущей объединить студенчество для активной, широкой борьбы. Мы мыслим студенческое выступление лишь координированным с общим политическим выступлением и ни в коем случае отдельно. Нет тех элементов в наличности, которые были бы в состоянии объединить студенчество. Ввиду этого мы высказываемся против академического выступления».

Ошибка, которую делают авторы письма, имеет гораздо большее политическое значение, чем можно было бы подумать с первого взгляда, ибо рассуждение авторов затрагивает в сущности тему несравненно более широкую и важную, чем вопрос об участии в данной забастовке.

«Мы мыслим студенческое выступление лишь координированным с общим политическим выступлением. Ввиду этого мы высказываемся против академического выступления».

Такое рассуждение в корне неправильно. Революционный лозунг — надо стремиться к координированному политическому вы-

ступлению студентов с пролетариатом и т. д. — превращается здесь из живого руководства для все более широкой, всесторонней, боевой агитации в мертвую догму, которая механически примеривается к различным этапам различных форм движения. Политическое координированное выступление недостаточно только провозглашать, повторяя «последнее слово» уроков революции. За политическое выступление надо *уметь* агитировать, *используя* для этой агитации все возможности, все условия и прежде всего, больше всего, всякие массовые конфликты тех или иных передовых элементов с самодержавием. Не в том дело, конечно, чтобы мы заранее разделили всякое студенческое движение на обязательные «стадии» и непременно следили за аккуратным прохождением каждой стадии, боясь «несвоевременных» переходов к политике и т. п. Подобный взгляд был бы самым вредным педантством и вел бы только к оппортунистической политике. Но так же вредна обратная ошибка, когда с создавшимся фактически положением и условиями данного массового движения не хотят считаться ради ложно понятого в неподвижном смысле лозунга: такое применение лозунга неизбежно вырождается в революционную фразу.

Возможны условия, когда академическое движение принижает политическое или раздробляет его или отвлекает от него, и — тогда социал-демократические группы студентов, конечно, обязаны были бы сосредоточить свою агитацию против такого движения. Всякий видит, однако, что объективные политические условия данного момента иные: академическое движение выражает *начало* движения новой «смены» учащейся молодежи, которая более или менее привыкла уже к узенькой автономии, причем начинается это движение в обстановке отсутствия других форм массовой борьбы в данный момент, в обстановке затишья, когда широкие массы продолжают *переваривать* опыт трех лет революции все еще молча, сосредоточенно, медленно.

При таких условиях социал-демократия сделала бы глубокую ошибку, если бы она высказалась «против академического выступления». Нет, группы студентов, принадлежащих к нашей партии, должны направить все усилия на поддержку, использование и расширение данного движения. Как и всякая поддержка примитивных форм движения социал-демократией, и данная поддержка должна состоять больше всего и главным образом в идейном и организационном воздействии на более широкие слои, возбужденные конфликтом и переживающие сплошь да рядом в этой форме конфликта *первый* политический конфликт. Ибо учащаяся молодежь, вошедшая в университеты в течение последних двух лет, жила почти всецело жизнью,

оторванной от политики, и воспитывалась в духе узкого академического автономизма, воспитывалась не только казенными профессорами и правительственной печатью, но и либеральными профессорами и всей партией к.-д. Для такой молодежи широкая забастовка (если сумеет эта молодежь создать широкую забастовку! мы должны все сделать, чтобы помочь ей в этом, но, конечно, не нам, социалистам, ручаться за успех того или иного буржуазного движения) является началом политического конфликта, все равно, сознают ли это борющиеся или нет. Наша задача — разъяснить массе «академических» протестантов объективное значение этого конфликта, постараться сделать его *сознательно* политическим, удесятерить агитационную деятельность соц.-демократических групп студенчества и *всю* эту деятельность *направить* к тому, чтобы усвоены были революционные выводы из истории 3-х лет, чтобы понята была неизбежность новой революционной борьбы, чтобы наши старые — и оставшиеся вполне современными — лозунги низвержения самодержавия и созыва учредительного собрания снова стали предметом обсуждения и оселком политической концентрации свежих поколений демократии.

От такой работы с.-д. студенты не вправе отказаться ни при каких условиях, — и, как бы трудна ни была эта работа в данный момент, какие бы неудачи ни постигли тех или иных агитаторов в том или ином университете, землячестве, собрании и т. д., мы скажем: толците и отверзется! Работа политической агитации никогда не пропадает даром. Успех ее измеряется не только тем, удалось ли нам сейчас же и сразу добиться большинства или согласия на координированное политическое выступление. Возможно, что мы этого не добьемся сразу: на то мы и организованная пролетарская партия, чтобы не смущаться временными неудачами, а упорно, неуклонно, выдержанно вести *свою работу* хотя бы при самых трудных условиях.

Печатаемое нами ниже воззвание СПб. коалиционного студенческого совета показывает, что даже самые активные элементы студенчества упорно держатся за чистый академизм и тянут пока еще кадетско-октябристскую песенку. И это в то время, как кадетско-октябристская печать держится по отношению к забастовке самым гнусным образом, доказывая в самом разгаре борьбы, что она вредна, преступна и т. д. Отпор, который счел нужным дать Петербургский комитет нашей партии коалиционному совету, мы не можем не приветствовать (см. «Из партии»¹⁷⁴).

Очевидно, современному студенчеству недостаточно еще, для превращения его из «академиков» в «политиков», бичей Шварца,

ему нужны еще скорпионы новых и новых черносотенных фельдфебелей для полного революционного обучения новых кадров. Над этими кадрами, обучаемыми всей столыпинской политикой, обучаемыми каждым шагом контрреволюции, должны неустанно работать и мы, с.-д., видящие ясно объективную неизбежность новых буржуазно-демократических конфликтов в национальном масштабе с самодержавием, которое сплотилось с черносотенно-октябристской Думой.

Да, в национальном масштабе, ибо черносотенная контрреволюция, поворачивая Россию вспять, не только закаляет новых борцов в рядах революционного пролетариата, но и вызовет неизбежно новое движение непролетарской, т. е. буржуазной демократии (понимая под этим, конечно, не участие в борьбе *всей оппозиции*, а широкое участие действительно демократических, т. е. способных на борьбу элементов буржуазии и мелкой буржуазии). Начало массовой студенческой борьбы в России 1908 года есть политический симптом, симптом всего современного положения, созданного контрреволюцией. Тысячи и миллионы нитей связывают учащуюся молодежь с средней и низшей буржуазией, мелким чиновничеством, известными группами крестьянства, духовенства и т. д. Если весной 1908 г. делались попытки возродить «Союз освобождения» * полевее, чем старый кадетский, полупомещичий, Петром Струве представляемый союз, — если осенью начинает волноваться масса молодежи, наиболее близкой к демократической буржуазии в России, — если завывли снова с удесятеренной злобой продажные писаки против революции в школах, — если стонут и плачут подлые либеральные профессора и кадетские вожди по поводу несвоевременных, опасных, губительных стачек, неугодных милым октябристам, способных «оттолкнуть» октябристов, господствующих октябристов, — значит, прибывает новый порох в пороховницах! значит, *не только* в студенчестве начинается реакция — против реакции.

И как бы слабо и зачаточно ни было это начало, партия рабочего класса должна использовать и использует его. Мы умели работать годы и десятилетия перед революцией, внося свои революционные лозунги сначала в кружки, потом в массы рабочих, потом на улицу, потом на баррикады. Мы должны суметь *и теперь* наладить прежде всего то, что является задачей дня, без чего пустыми словами будет разговоры о координированном политическом выступлении, — именно: крепкую пролетарскую организацию, ведущую всюду и везде *политическую агитацию* в массах во имя своих революционных лозунгов. За эту организацию в своей студенческой среде, за эту агит-

* См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 52—56. *Ред.*

тацию на почве данного движения должны приняться и наши университетские группы.

Пролетариат не заставит себя ждать. Он часто уступает буржуазной демократии первенство выступлений на банкетах, в легальных союзах, в стенах университетов, с трибуны представительных учреждений. Он никогда не уступает и не уступит первенства в серьезной, великой революционной борьбе масс. Не так скоро и не так легко созревают все условия для взрыва этой борьбы, как хотелось бы тому или иному из нас, — но эти условия зреют и созревают неизменно. И маленькое начало маленьких академических конфликтов есть большое начало, ибо за ним — не сегодня, так завтра, не завтра, так послезавтра — последуют большие продолжения.

*«Пролетарий», № 36, (16) 3 октября
1908 г.*

*Полн. собр. соч., т. 17,
с. 214—220.*

Десять вопросов референту¹⁷⁵

1. Признает ли референт, что философия марксизма есть *диалектический материализм*?

Если нет, то почему не разобрал он ни разу бесчисленных заявлений Энгельса об этом?

Если да, то зачем называют махисты свой «пересмотр» диалектического материализма «философией марксизма»?

2. Признает ли референт основное деление философских систем у Энгельса на *материализм* и *идеализм*, причем средними между тем и другим, колеблющимися между ними считает Энгельс *линию Юма* в новой философии, называя эту линию «агностицизмом» и объявляя кантианство разновидностью агностицизма?¹⁷⁶

3. Признает ли референт, что в основе теории познания диалектического материализма лежит признание внешнего мира и отражения его в человеческой голове?

4. Признает ли референт правильным рассуждение Энгельса о превращении «вещей по себе» в «вещи для нас»?¹⁷⁷

5. Признает ли референт правильным утверждение Энгельса, что «действительное единство мира заключается в его материальности»? (*Anti-Dühring*, 2 изд., 1886 г., стр. 28, I отдел. § IV о мировой схематике)¹⁷⁸.

6. Признает ли референт правильным утверждение Энгельса, что «материя без движения так же немыслима, как движение без материи» (*Anti-Dühring*, 1886, 2 изд., стр. 45, в § 6 о натурфилософии, космогонии, физике и химии)¹⁷⁹.

7. Признает ли референт, что идея причинности, необходимости, закономерности и т. д. является отражением в человеческой голове законов природы, действительного мира? Или Энгельс был неправ, утверждая это (*Anti-Dühring*, S. 20—21, в § III — об априоризме, и S. 103—104, в § XI — о свободе и необходимости)¹⁸⁰.

8. Известно ли референту, что Мах выражал свое согласие с главой имманентной школы, Шуппе, и даже посвятил ему свой последний и главный философский труд? ¹⁸¹ Как объясняет референт это присоединение Маха к явно идеалистической философии Шуппе, защитника *поповщины* и вообще явного реакционера в философии?

9. Почему референт умолчал о «приключении» с его вчерашним товарищем (по «Очеркам»), меньшевиком Юшкевичем, который сегодня объявил Богданова (вслед за Рахметовым) *идеалистом*? ¹⁸² Известно ли референту, что Петцольдт в своей последней книге ¹⁸³ целый ряд учеников Маха отнес к *идеалистам*?

10. Подтверждает ли референт тот факт, что махизм не имеет ничего общего с большевизмом? что против махизма неоднократно протестовал Ленин? ¹⁸⁴ что меньшевики Юшкевич и Валентинов «чистые» эмпириокритики?

Написано в мае, ранее 15 (28), 1908 г.

Впервые напечатано в 1925 г. в Ленинском сборнике III

Полн. собр. соч., т. 18,
с. 5—6.

Из книги «Материализм и эмпириокритицизм

Критические заметки
об одной реакционной философии»¹⁸⁵

Г л а в а V

Новейшая революция в естествознании и философский идеализм

Год тому назад в журнале «Die Neue Zeit» была помещена статья Иосифа Динэ-Дэнеса: «Марксизм и новейшая революция в естествознании» (1906—1907, № 52). Недостаток этой статьи — игнорирование гносеологических выводов, которые делаются из «новой» физики и которые специально интересуют нас в настоящее время. Но именно этот недостаток делает для нас особенно интересными точку зрения и выводы упомянутого автора. Иосиф Динэ-Дэнес стоит, подобно пишущему эти строки, на точке зрения того самого «рядового марксиста», про которого с таким величественным презрением говорят наши махисты. «Диалектиком-материалистом, — пишет, например, г. Юшкевич, — называет себя обыкновенно средний, рядовой марксист» (стр. 1 его книги¹⁸⁶). Вот этот-то рядовой марксист в лице И. Динэ-Дэнеса сопоставил новейшие открытия в естествознании, и особенно в физике (икс-лучи, лучи Беккереля, радий¹⁸⁷ и т. д.), непосредственно с «Анти-Дюрингом» Энгельса. К какому же выводу привело его это сопоставление? «В самых различных областях естествознания, — пишет И. Динэ-Дэнес, — приобретены новые знания, и все они сводятся к тому пункту, который хотел выставить на первый план Энгельс, именно к тому, что в природе «нет никаких непримиримых противоположностей, никаких насильственно фиксированных разграничительных линий и различий» и что, если встречаются в природе противоположности и различия, то их неподвижность, абсолютность вносятся в природу исключительно нами». Открыли, например, что свет и электричество суть лишь проявления одной и той же силы природы¹⁸⁸. С каждым днем становится вероятнее, что химическое сродство сводится к электрическим процессам. Неразрушимые и неразложимые элементы химии, число которых продолжает все возрастать точно в насмешку над единством мира, оказываются разрушаемыми и разложимыми. Элемент радий

удалось превратить в элемент гелий ¹⁸⁹. «Подобно тому, как все силы природы сводятся к одной силе, так и все вещества природы сводятся к *одному веществу*» (курсив И. Динэ-Дэнеса). Приведа мнение одного из писателей, считающих атом только сгущением эфира ¹⁹⁰, автор восклицает: «Как блистательно подтверждается изречение Энгельса: движение есть форма бытия материи». «Все явления природы суть движение, и различие между ними состоит только в том, что мы, люди, воспринимаем это движение в различных формах... Дело обстоит именно так, как сказал Энгельс. Точно так же, как и история, природа подчинена диалектическому закону движения».

С другой стороны, нельзя взять в руки литературы махизма или о махизме, чтобы не встретить претенциозных ссылок на новую физику, которая-де опровергла материализм и т. д. и т. п. Основательны ли эти ссылки, вопрос другой, но связь новой физики или, вернее, определенной школы в новой физике с махизмом и другими разновидностями современной идеалистической философии не подлежит ни малейшему сомнению. Разбирать махизм, игнорируя эту связь, — как делает Плеханов ¹⁹¹, — значит издеваться над духом диалектического материализма, т. е. жертвовать методом Энгельса ради той или иной буквы у Энгельса. Энгельс говорит прямо, что «с каждым, составляющим эпоху, открытием даже в естественноисторической области» (не говоря уже об истории человечества) «материализм неизбежно должен изменять свою форму» («Л. Фейербах», стр. 19 нем. изд.) ¹⁹². Следовательно, ревизия «формы» материализма Энгельса, ревизия его натурфилософских положений не только не включает в себе ничего «ревизионистского» в установившемся смысле слова, а, напротив, необходимо требуется марксизмом. Махистам мы ставим в упрек отнюдь не такой пересмотр, а их *чисто ревизионистский* прием — изменять *суть* материализма под видом критики *формы* его, перенимать основные положения реакционной буржуазной философии без всякой попытки прямо, откровенно и решительно поспорить с такими, например, безусловно крайне существенными в данном вопросе, утверждениями Энгельса, как его утверждение: «...движение немисливо без материи» («Анти-Дюринг», стр. 50) ¹⁹³.

Само собою разумеется, что, разбирая вопрос о связи одной школы новейших физиков с возрождением философского идеализма, мы далеки от мысли касаться специальных учений физики. Нас интересуют исключительно гносеологические выводы из некоторых определенных положений и общеизвестных открытий. Эти гносеологические выводы до такой степени напрашиваются сами собой, что их затрагивают уже многие физики. Мало того, среди физиков имеются уже различные направления, складываются определенные школы

на этой почве. Наша задача поэтому ограничивается тем, чтобы отчетливо представить, в чем суть расхождения этих направлений и в каком отношении стоят они к основным линиям философии...

Полн. собр. соч., т. 18,
с. 264—266.

7. Русский «физик-идеалист»

В силу некоторых печальных условий моей работы я почти совсем не мог ознакомиться с русской литературой по разбираемому вопросу. Ограничусь только изложением очень важной для моей темы статьи нашего известного философского черносотенца г. Лопатина: «Физик-идеалист», помещенной в «Вопросах Философии и Психологии»¹⁹⁴ за прошлый год (1907, сент.—окт.). Истинно русский философский идеалист г. Лопатин относится к современному европейским идеалистам примерно так же, как «Союз русского народа»¹⁹⁵ к западным реакционным партиям. Но тем поучительнее взглянуть на то, как однородные философские тенденции проявляются в совершенно различной культурной и бытовой обстановке. Статья г. Лопатина есть, как французы говорят, *éloge* — похвальное слово покойному русскому физика Н. И. Шишкину (ум. в 1906 г.). Г-на Лопатина прельстило то, что этот образованный человек, очень интересовавшийся Герцем и новой физикой вообще, был не только правым кадетом (стр. 339), но и глубоко верующим человеком, поклонником философии Вл. Соловьева и проч. и т. п. Однако, несмотря на свое преимущественное «устремление» в пограничную область философского и полицейского, г. Лопатин сумел дать кое-какой материал и для характеристики *гносеологических* взглядов физика-идеалиста. «Он был, — пишет г. Лопатин, — настоящим позитивистом в своем неустанном стремлении к самой широкой критике приемов исследования, предположений и фактов науки по их пригодности в качестве средств и материала для построения цельного, законченного мирозерцания. В этом отношении Н. И. Шишкин был совершенным антитипом очень многих своих современников. В напечатанных в этом журнале раньше моих статьях я уже неоднократно старался выяснить, из каких разнородных и часто шатких материалов складывается так называемое научное мирозерцание: сюда входят и доказанные факты, и более или менее смелые обобщения, и удобные в данный момент для той или иной научной области гипотезы, и даже вспомогательные научные фикции, и все это возводится в достоинство непрекаемых объективных истин, с точки зрения которых следует судить всякие другие идеи и верования философского и религиозного

порядка, отвергая в них все, что в этих истинах не указано. Наш высокоталантливый мыслитель-натуралист проф. Вл. И. Вернадский с образцовой ясностью показал, как пусты и неуместны подобные претензии превращать научные взгляды данной исторической эпохи в неподвижную, общеобязательную догматическую систему. А между тем в таком превращении повинны не только широкие круги читающей публики (*Примечание г. Лопатина*: «Для этих кругов написан целый ряд популярных книг, назначение которых состоит в том, чтобы убедить в существовании такого решающего все вопросы научного катехизиса. Типические произведения в этом роде: «Сила и материя» Бюхнера или «Мировые загадки» Геккеля») и не только отдельные ученые по специальным отраслям естествознания; что гораздо страннее, им нередко грешат официальные философы, все усилия которых иногда только к тому и направляются, чтобы доказать, что они ничего не говорят кроме того, что раньше их сказано представителями отдельных специальных наук, только говорят своим особым языком.

У Н. И. Шишкина совсем не было предвзятого догматизма. Он — убежденный поборник механического объяснения явлений природы, по для него оно — только метод исследования» (341)... Гм... гм... Знакомые напевы!.. «Он вовсе не думал, что механическая теория раскрывает самую сущность изучаемых феноменов, он видел в ней только наиболее удобный и плодотворный способ их объединения и обоснования в целях науки. Поэтому для него механическое понимание природы и материалистическое воззрение на нее далеко не совпадают между собою...». Совершенно как у авторов «Очерков «по» философии марксизма»!.. «Совершенно наоборот, ему казалось, что в вопросах высшего порядка механическая теория должна занять строго критическую, даже примирительную позицию...».

На языке махистов это называется «превзойти устарелое, узкое и одностороннее» противоположение материализма идеализму... «Вопросы о первом начале и последнем конце вещей, о внутреннем существе нашего духа, о свободе воли, о бессмертии души и т. д. не могут в действительной широте своего смысла подлежать ее компетенции — потому уже, что она, как метод исследования, заключена в естественные границы своей применимости лишь к фактам физического опыта» (342)... Последние две строки — несомненный плагиат из «Эмпириомонизма» А. Богданова.

«Свет может быть рассматриваем, — писал Шишкин в своей статье: «О психофизических явлениях с точки зрения механической теории» («Вопросы Философии и Психологии», кн. 1, стр. 127), — как вещество, как движение, как электричество, как ощущение».

Несомненно, что г. Лопатин совершенно правильно причислил Шишкина к позитивистам и что этот физик всецело принадлежал к махистской школе новой физики. Шишкин хочет сказать своим рассуждением о свете, что разные способы рассматривать свет представляют из себя разные методы «организации опыта» (по терминологии А. Богданова), одинаково законные с той или иной точки зрения, или разные «связи элементов» (по терминологии Э. Маха), и что, во всяком случае, учение физиков о свете не есть снимок с объективной реальности. Но рассуждает Шишкин из рук вон плохо. «Свет может быть рассматриваем как вещество, как движение...». Ни вещества без движения, ни движения без вещества в природе нет. Первое «противопоставление» Шишкина бессмысленно... «Как электричество...». Электричество есть движение вещества, следовательно, и тут Шишкин неправ. Электромагнитная теория света доказала, что свет и электричество суть формы движения одного и того же вещества (эфира)... «Как ощущение...». Ощущение есть образ движущейся материи. Иначе, как через ощущения, мы ни о каких формах вещества и ни о каких формах движения ничего узнать не можем; ощущения вызываются действием движущейся материи на наши органы чувств. Так смотрит естествознание. Ощущение красного цвета отражает колебания эфира, происходящие приблизительно с быстротой 450 триллионов в секунду. Ощущение голубого цвета отражает колебания эфира быстротой около 620 триллионов в секунду. Колебания эфира существуют независимо от наших ощущений света. Наши ощущения света зависят от действия колебаний эфира на человеческий орган зрения. Наши ощущения отражают объективную реальность, т. е. то, что существует независимо от человечества и от человеческих ощущений. Так смотрит естествознание. Рассуждение Шишкина, направленное против материализма, есть самая дешевая софистика...

Там же, с. 317—320.

Глава VI

Эмпириокритицизм и исторический материализм

Русские махисты, как мы уже видели, разделяются на два лагеря: г. В. Чернов и сотрудники «Русского Богатства» — цельные и последовательные противники диалектического материализма и в философии и в истории. Другая, наиболее интересующая нас здесь, компания махистов желает быть марксистами и старается всячески

уверить читателей, что махизм совместим с историческим материализмом Маркса и Энгельса. Правда, эти уверения большей частью только уверениями и остаются: ни один махист, желающий быть марксистом, не сделал ни малейшей попытки сколько-нибудь систематически изложить действительные тенденции основоположников эмпириокритицизма в области общественных наук. Мы остановимся вкратце на этом вопросе и возьмем сначала имеющиеся в литературе заявления немецких эмпириокритиков, а потом их русских учеников.

1. Экскурсии немецких эмпириокритиков в область общественных наук

В 1895 году, еще при жизни Р. Авенариуса, в издаваемом им философском журнале была помещена статья его ученика, Ф. Блей: «Метафизика в политической экономии»*. Все учителя эмпириокритицизма воюют с «метафизикой» не только открытого, сознательного философского материализма, но и естествознания, стихийно стоящего на точке зрения материалистической теории познания. Ученик предпринимает войну с метафизикой в политической экономии. Война эта направлена против самых различных школ в политической экономии, но нас интересует исключительно характер эмпириокритической аргументации против школы Маркса и Энгельса.

«Цель настоящего исследования, — пишет Ф. Блей, — показать, что вся современная политическая экономия оперирует с метафизическими предпосылками при объяснении явлений хозяйственной жизни: она «выводит» «законы» хозяйства из его «природы», и человек выступает лишь как нечто случайное по отношению к этим «законам»... Всеми своими современными теориями политическая экономия стоит на метафизической почве, все ее теории небологичны и поэтому ненаучны и не имеют никакой ценности для познания... Теоретики не знают, на чем они строят свои теории, плодами какой почвы эти теории являются. Они мнят себя реалистами, оперирующими без всяких предпосылок, так как они-де занимаются такими «простыми» (nüchterne), «практическими», «очевидными» (sinnfällige) хозяйственными явлениями... И все они имеют со многими направлениями в физиологии то сходство между родней, которое дает детям — в на-

* «Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie», 1895, XIX том. F. Blei. «Die Metaphysik in der Nationalökonomie», SS. 378—390 («Трехмесячник Научной Философии», 1895, XIX том. Ф. Блей. «Метафизика в политической экономии», стр. 378—390. *Ред.*).

шем случае: физиологам и экономистам — только происхождение от тех же отца и матери, именно: от метафизики и от спекуляции. Одна школа экономистов анализирует «явления» «хозяйства» (в кавычки Авенариус и его школа берут обычные слова, желая показать, что они-то, истинные философы, понимают всю «метафизичность» подобного вульгарного, не очищенного «гносеологическим анализом» словоупотребления), не ставя в связь того, что она находит (das Gefundene) на этом пути, с поведением индивидов: физиологи исключают поведение индивидуума как «действия души» (Wirkungen der Seele) из своих исследований, — экономисты этого направления объявляют поведение индивидов не имеющим значения (eine Negligible) по отношению к «имманентным законам хозяйства» (378—379). У Маркса теория констатировала из конструированных процессов «хозяйственные законы», причем «законы» стояли в начальном отделе (Initialabschnitt) зависимого жизненного ряда, а хозяйственные процессы в конечном отделе (Finalabschnitt)... «Хозяйство» превратилось у экономистов в трансцендентную категорию, в которой они открывали такие «законы», которые хотели открыть: «законы» «капитала» и «труда», «ренты», «заработной платы», «прибыли». Человек превратился у экономистов в платоническое понятие «капиталиста», «рабочего» и т. д. Социализм приписал «капиталисту» свойство быть «жадным до прибыли», либерализм — рабочему свойство быть «требовательным», — и оба закона при этом были объясняемы из «закономерного действия капитала» (381—382).

«Маркс подошел к изучению французского социализма и политической экономии уже с социалистическим миросозерцанием, и познавательной целью его было дать «теоретическое обоснование» этому миросозерцанию для «обеспечения» его исходной ценности. Маркс нашел у Рикардо закон стоимости, но... выводы французских социалистов из Рикардо не могли удовлетворить Маркса для «обеспечения» его *E*-ценности, приведенной в состояние жизнеразности, т. е. «миросозерцания», ибо эти выводы уже входили составной частью в содержание его начальной ценности, в виде «возмущения обкрадыванием рабочих» и т. д. Выводы были отвергнуты как «экономически формально неверные», ибо они суть простое «применение морали к политической экономии». «Но что неверно в формальном экономическом смысле, может быть верно в всемирно-историческом смысле. Если нравственное сознание массы объявляет известный экономический факт несправедливым, то это есть доказательство того, что этот факт сам пережил себя, что появились другие экономические факты, в силу которых тот факт стал невыносимым и несохраняемым. Позади формальной экономической неправды может быть,

следовательно, скрыто истинное экономическое содержание» (Энгельс в предисловии к «Нищите философии»).

«В этой цитате, — продолжает Ф. Блей, приводя цитату из Энгельса, — снят (abgehoben — технический термин у Авенариуса, в смысле: дошел до сознания, выделился) средний отдел (Medialabschnitt) зависимого ряда, интересующего нас здесь. После «познания» того, что позади «нравственного сознания неправды» должен быть скрыт «экономический факт», наступает конечный отдел...» (Finalabschnitt: теория Маркса есть высказывание, т. е. *E*-ценность, т. е. жизнеразность, проходящая три стадии, три отдела: начало, середина, конец, Initialabschnitt, Medialabschnitt, Finalabschnitt)... «т. е. «познание» этого «экономического факта». Или другими словами: теперь задача состоит в том, чтобы начальную ценность, т. е. «миросозерцание», «снова найти» в «экономических фактах» для «обеспечения» этой начальной ценности. — Эта определенная вариация зависимого ряда содержит в себе уже марксову метафизику, — безразлично, как бы ни выступало «познанное» в конечном отделе (Finalabschnitt). «Социалистическое миросозерцание», как самостоятельная *E*-ценность, «абсолютная истина», обосновывается «задним числом» посредством «специальной» теории познания — именно: посредством экономической системы Маркса и материалистической теории истории... Посредством понятия прибавочной стоимости «субъективно» «истинное» в марксовом миросозерцании находит свою «объективную истину» в теории познания «экономических категорий», — обеспечение начальной ценности завершено, метафизика получила задним числом критику познания» (384—386).

Читатель, вероятно, негодует на нас за то, что мы так долго цитируем эту невероятно пошлую галиматью, это квазиученое шутовство в костюме терминологии Авенариуса. Но — *wer den Feind will verstehen, muß im Feindes Lande gehen*: кто желает знать *vraga*, тот должен побывать во *вражеской* стране¹⁹⁶. А философский журнал Р. Авенариуса — настоящая вражеская страна для марксистов. И мы приглашаем читателя преодолеть на мигу законное отвращение к клоунам буржуазной науки и проанализировать аргументацию ученика и сотрудника Авенариуса.

Первый довод: Маркс — «метафизик», не постигший гносеологической «критики понятий», не разработавший общей теории познания и просунувший прямо материализм в свою «специальную теорию познания».

В этом доводе нет ничего, принадлежащего лично Блею и только Блею. Мы уже видели десятки и сотни раз, как *все* основоположники эмпириокритицизма и *все* русские махисты обвиняют материализм в

«метафизике», т. е., вернее, повторяют истасканные доводы кантианцев, юмистов, идеалистов против материалистической «метафизики».

Второй довод: марксизм так же метафизичен, как естествознание (физиология).— И в этом доводе «повинен» не Блей, а Мах и Авенариус, ибо они провозгласили войну против «естественноисторической метафизики», называя этим именем ту стихийно-материалистическую теорию познания, которой держится (по собственному их признанию и по суждению всех сколько-нибудь знающих вопрос людей) громадное большинство естествоиспытателей.

Третий довод: объявление марксизмом «личности» за величину, не имеющую значения, *quantité négligeable*, признание человека «случайностью», подчинение его каким-то «имманентным экономическим законам», отсутствие анализа *des Gefundenen* — того, что мы находим, что нам дано, и т. д.— Этот довод *целиком* повторяет круг идей эмпириокритической «принципиальной координации», т. е. *идеалистического* выверта в теории Авенариуса. Блей совершенно прав, что нельзя найти у Маркса и Энгельса и тени намека на допущение подобного идеалистического вздора и что с точки зрения этого вздора неизбежно приходится отвергнуть марксизм *целиком*, с самого начала, с самых основных его философских посылок.

Четвертый довод: теория Маркса «небиологична», она никаких «жизнеразностей» и тому подобной игры в биологические термины, составляющей «науку» реакционного профессора Авенариуса, знать не знает.— Довод Блея правилен с точки зрения махизма, ибо пропасть между теорией Маркса и «биологическими» бирюльками Авенариуса действительно сразу бросается в глаза. Мы сейчас увидим, как русские махисты, желая быть марксистами, шли на деле по стопам Блея.

Пятый довод: партийность, пристрастность теории Маркса, предвзятость его решения. Эмпириокритицизм *весь*, а вовсе не один только Блей, претендует на беспартийность и в философии и в общественной науке. Ни социализм, ни либерализм. Не разграничение коренных и непримиримых направлений в философии, материализма и идеализма, а стремление подняться *выше* их. Мы проследили эту тенденцию махизма на длинном ряде вопросов гносеологии и мы не вправе удивляться, встречая ее в социологии.

Шестой «довод»: высмеивание «объективной» истины. Блей сразу почуял, и почуял совершенно справедливо, что исторический материализм и все экономическое учение Маркса насквозь пропитаны признанием объективной истины. И Блей правильно выразил тенденции доктрины Маха и Авенариуса, когда он «с порога», что на-

зывается, отверг марксизм именно за идею объективной истины, — когда он сразу объявил, что ничего, кроме «субъективных» взглядов Маркса, на деле за учением марксизма не скрывается.

И если наши махисты отрекутся от Блея (а они, наверное, отрекутся от него), то мы скажем им: неча на зеркало пенять, коли... и т. д. Блей есть зеркало, *верно* отражающее тенденции эмпириокритицизма, а отречение наших махистов свидетельствует только об их благих намерениях — и об их нелепом эклектическом стремлении соединить Маркса с Авенариусом.

От Блея перейдем к Петцольдту. Если первый — простой ученик, то второго такие выдающиеся эмпириокритики, как Лесевич, объявляют учителем. Если Блей прямо поставил вопрос о марксизме, то Петцольдт, — не опускающийся до того, чтобы считаться с каким-то там Марксом или Энгельсом, — в положительной форме излагает взгляды эмпириокритицизма в социологии, давая возможность сопоставить их с марксизмом.

Второй том петцольдтовского «Введения в философию чистого опыта» озаглавлен: «На пути к устойчивости» («Auf dem Wege zum Dauernden»). Тенденцию к устойчивости автор кладет в основу своего исследования. «Окончательное (endgültig), устойчивое состояние человечества может быть с формальной стороны раскрыто в своих главных чертах. Таким образом мы приобретаем основы для этики, эстетики и формальной теории познания» (S. III). «Человеческое развитие несет в себе свою цель», оно идет к «совершенному (vollkommenen), устойчивому состоянию» (60). Признаки этого многочисленны и разнообразны. Например, много ли таких ярких радикалов, которые бы к старости не «поумнели», не успокоились? Правда, эта «преждевременная устойчивость» (S. 62) есть свойство филистера. Но разве филистеры не составляют «компактного большинства»? (S. 62).

Вывод нашего философа, печатаемый курсивом: «Самый существенный признак всех целей нашего мышления и творчества есть устойчивость» (72). Пояснение: многие «не могут видеть», как картина на стене висит криво или ключ на столе положен криво. И такие люди «вовсе не обязательно педанты» (72). Они имеют «чувство того, что есть какой-то беспорядок» (72; курсив Петцольдта). Одним словом, «тенденция к устойчивости есть стремление к самому окончательному, по своей природе последнему состоянию» (73). Все это из пятой главы второго тома, озаглавленной: «Психическая тенденция к устойчивости». Доказательства этой тенденции все самые веские. Например: «Стремлению к самому последнему, к самому высокому в первоначальном, пространственном смысле следуют люди,

любящие восхождение на горы. Их толкает на это не всегда одно только стремление к виду вдаль и к физическому упражнению, стремление к чистому воздуху и великой природе, но также и глубоко заложенное во всяком органическом существе стремление быть настойчивым во взятом раз направлении деятельности вплоть до достижения естественной цели» (73). Еще пример: каких только денег не платят люди за то, чтобы собрать полную коллекцию почтовых марок! «Может закружиться голова, как поглядишь на прейскурант торговца почтовыми марками... А тем не менее ничего не может быть естественнее и понятнее, чем это стремление к устойчивости» (74).

Философски необразованные люди не понимают всей широты принципов устойчивости или экономии мышления. Петцольдт развивает для профанов подробно свою «теорию». «Сострадание есть выражение непосредственной потребности в устойчивом состоянии» — гласит содержание § 28-го... «Сострадание не есть повторение, удвоение наблюдаемого страдания, а страдание по поводу этого страдания... Непосредственность сострадания должна быть с величайшей энергией выдвинута вперед. Если мы признаем ее, то мы признаем тем самым, что благо других может так же непосредственно и первоначально интересовать человека, как и его собственное благо. Таким образом, мы тем самым отклоняем всякое утилитаристское и эвдемонистское обоснование учения о нравственности. Человеческая природа, именно благодаря ее стремлению к устойчивости и к покою, в основе своей не зла, а проникнута готовностью оказать помощь.

Непосредственность сострадания часто обнаруживается в непосредственности помощи. Чтобы спасти другого, нередко бросаются без размышления на помощь утопающему. Вид человека, борющегося со смертью, невыносим и заставляет бросающегося на помощь забыть прочие свои обязанности, даже рисковать своим существованием и существованием своих близких ради спасения бесполезной жизни какого-нибудь опустившегося пьяницы, т. е. сострадание может при известных обстоятельствах увлечь на действия, не заслуживающие оправдания с нравственной точки зрения»...

И подобными несказанными пошлостями заняты десятки и сотни страниц эмпириокритической философии!

Мораль выводится из понятия «нравственного устойчивого состояния» (второй отдел второго тома: «Устойчивые состояния души», глава 1-я: «О нравственном устойчивом состоянии»). «Устойчивое состояние по своему понятию не содержит ни в одном из своих компонентов никаких условий изменения. Отсюда уже следует, без дальнейших рассуждений, что это состояние не оставляет никакой воз-

возможности для войны» (202). «Хозяйственное и социальное равенство вытекает из понятия окончательного (endgültig), устойчивого состояния» (213). Не из религии вытекает это «устойчивое состояние», а из «науки». Не «большинство» осуществит его, как думают социалисты, не власть социалистов «поможет человечеству» (207), — нет, «свободное развитие» приведет к идеалу. Разве не понижается, в самом деле, прибыль на капитал, не растет постоянно заработная плата? (223). Неправда все эти утверждения насчет «наемного рабства» (229). Рабам безнаказанно перебивали ноги, а теперь? Нет, «нравственный прогресс» несомненен: взгляните на университетские поселения в Англии, на армию спасения (230), на немецкие «этические общества». Во имя «эстетического устойчивого состояния» (глава 2-я второго отдела) отвергается «романтика». А к романтике относятся и все виды непомерного расширения Я, и идеализм, и метафизика, и оккультизм, и солипсизм, и эгоизм, и «насильственное майоризирование меньшинства большинством», и «социал-демократический идеал организации всего труда государством» (240—241)*.

Беспредельное тупоумие мещанина, самодовольно размазывающего самый истасканный хлам под прикрытием «новой», «эмпирио-критической» систематизации и терминологии, — вот к чему сводятся социологические экскурсии Блея, Петцольдта, Маха. Претенциозный костюм словесных вывертов, вымученные ухищрения силлогистики, утонченная схоластика, — одним словом, то же самое и в гносеологии, и в социологии, то же реакционное содержание за такой же крикливой вывеской...

Там же, с. 333—342.

4. Партии в философии и философские безголовцы

Нам осталось еще рассмотреть вопрос об отношении махизма к религии. Но этот вопрос расширяется до вопроса о том, есть ли, вообще, партии в философии и какое значение имеет беспартийность в философии.

В течение всего предыдущего изложения, на каждом из затронутых нами вопросов гносеологии, на каждом философском вопросе,

* В том же духе Мах высказывается за чиновничий социализм Поппера и Менгера, обеспечивающий «свободу индивидуума», тогда как-де «невыгодно отличающаяся» от этого социализма учение социал-демократов грозит «рабством еще более всеобщим и более тяжелым, чем в монархическом или олигархическом государстве». См. «Erkenntnis und Irrtum», 2. Auflage, 1906, SS. 80—81 («Познание и заблуждение», 2 изд., 1906, стр. 80—81. *Ред.*).

поставленном новой физикой, мы прослеживали борьбу *материализма* и *идеализма*. За кучей новых терминологических ухищрений, за сором геллертерской схоластики всегда, без исключения, мы находили *две* основные линии, два основных направления в решении философских вопросов. Взять ли за первичное природу, материю, физическое, внешний мир — и считать вторичным сознание, дух, ощущение (— опыт, по *распространенной* в наше время терминологии), психическое и т. п., вот тот коренной вопрос, который *на деле* продолжает разделять философов на *два большие лагеря*. Источник тысяч и тысяч ошибок и путаницы в этой области состоит именно в том, что за внешностью терминов, дефиниций, схоластических вывертов, словесных ухищрений *просматривают* эти две основные тенденции (Богданов, например, не хочет признать своего идеализма, потому что вместо «метафизических», видите ли, понятий: «природа» и «дух» он взял «опытные»: физическое и психическое. Словечко изменил!).

Гениальность Маркса и Энгельса состоит как раз в том, что в течение очень долгого периода, *почти полу столетия*, они развивали материализм, двигали вперед одно основное направление в философии, не топались на повторении решенных уже гносеологических вопросов, а проводили последовательно, — показывали, *как* надо проводить *тот же* материализм в области общественных наук, беспощадно отменяя, как сор, вздор, напыщенную претенциозную галиматью, бесчисленные попытки «открыть» «новую» линию в философии, изобрести «новое» направление и т. д. Словесный характер подобных попыток, схоластическую игру в новые философские «взмы», засорение сути вопроса вычурными ухищрениями, неумение понять и ясно представить борьбу двух коренных гносеологических направлений, — вот что преследовали, травили Маркс и Энгельс в течение всей своей деятельности.

Мы сказали: почти полу столетия. В самом деле, еще в 1843 году, когда Маркс только еще становился Марксом, т. е. основателем социализма, как науки, основателем *современного материализма*, неизмеримо более богатого содержанием и несравненно более последовательного, чем все предыдущие формы материализма, — еще в то время Маркс с поразительной ясностью намечал коренные линии в философии. К. Грюн приводит письмо Маркса к Фейербаху от 20-го октября 1843 года¹⁹⁷, где Маркс приглашает Фейербаха написать статью в «Deutsch-Französische Jahrbücher»¹⁹⁸ против Шеллинга. Этот Шеллинг — пустой хвостун, — пишет Маркс, — со своими претензиями обнять и превзойти все прежние философские направления. «Французским романтикам и мистикам Шеллинг говорит: я — соединение философии и теологии; французским материалистам: я — соедине-

ние плоти и идеи; французским скептикам: я — разрушитель догматики» *. Что «скептики», называются ли они юмистами или кантианцами (или махистами, в XX веке), кричат против «догматики» и материализма и идеализма, Маркс видел уже тогда и, не давая отвлечь себя одной из тысячи мизерных философских системок, он сумел через Фейербаха прямо встать на материалистическую дорогу против идеализма. Тридцать лет спустя, в послесловии ко второму изданию первого тома «Капитала», Маркс так же ясно и отчетливо противопоставляет *свой материализм* гегелевскому, т. е. самому последовательному, самому развитому *идеализму*, презрительно отстраняя контовский «позитивизм» и объявляя жалкими эпигонами современных философов, которые мнят, что уничтожили Гегеля, на деле же вернулись к повторению догегелевских ошибок Канта и Юма ¹⁹⁹. В письме к Кугельману от 27-го июня 1870 г. Маркс так же презрительно третирует «Бюхнера, Ланге, Дюринга, Фехнера и т. д.» за то, что они не сумели понять диалектики Гегеля и относятся к нему с пренебрежением **. Возьмите, наконец, отдельные философские замечания Маркса в «Капитале» и в других сочинениях, — вы увидите *неизменный* основной мотив: настаивание на *материализме* и презрительные насмешки по адресу всякого затушевывания, всякой путаницы, всяких отступлений к *идеализму*. В этих двух коренных противоположениях вращаются *все* философские замечания Маркса — с точки зрения профессорской философии, в этой «узости» и «односторонности» и состоит их недостаток. На деле в этом нежелании считаться с убудочными прожектами примирения материализма и идеализма состоит величайшая заслуга Маркса, шедшего *вперед* по резко-определенному философскому пути.

Вполне в духе Маркса и в тесном сотрудничестве с ним Энгельс во всех своих философских работах коротко и ясно противопоставляет по *всем* вопросам материалистическую и идеалистическую линию, не беря всерьез ни в 1878, ни в 1888, ни в 1892 годах ²⁰² бесконечных потуг «превзойти» «односторонность» материализма и идеализма, провозгласить *новую* линию, какой бы то ни было «позитивизм», «реализм» или прочий профессорский шарлатанизм. Всю борьбу с Дю-

* Karl Grün. «Ludwig Feuerbach in seinem Briefwechsel und Nachlaß, sowie in seiner philosophischen Charakterentwicklung», I. Bd., Lpz., 1874, S. 361 (Карл Грюн. «Людвиг Фейербах, его переписка и литературное наследство, а также анализ его философского развития», т. I, Лейпциг, 1874, стр. 361. *Ред.*).

** Про позитивиста Бизли (Beesley) Маркс говорит в письме от 13 декабря 1870 г.: «как последователь Конта, он не может не выкидывать всяких вывертов» (crotchets) ²⁰⁰. Сравните с этим оценку Энгельсом в 1892 г. позитивистов à la Гексли ²⁰¹.

рингом Энгельс провел *целиком* под лозунгом последовательного проведения материализма, обвиняя материалиста Дюринга за словесное засорение сути дела, за фразу, за приемы рассуждения, выражающие собой уступку идеализму, переход на позицию идеализма. Либо последовательный до конца материализм, либо ложь и путаница философского идеализма, — вот та постановка вопроса, которая дана в *каждом параграфе* «Анти-Дюринга» и не заметить которой могли только люди с мозгами, подпорченными уже реакционной профессорской философией. И вплоть до 1894 года, когда написано последнее предисловие к пересмотренному автором и дополненному последний раз «Анти-Дюрингу», Энгельс, продолжая следить и за новой философией, и за новым естествознанием, продолжал с прежней решительностью настаивать на своей ясной и твердой позиции, отмечая сор новых систем и системок.

Что Энгельс следил за новой философией, видно из «Людвига Фейербаха». В предисловии 1888 года говорится даже о таком явлении, как возрождение классической немецкой философии в Англии и в Скандинавии, о господствующем же неокантианстве и юмизме у Энгельса нет (и в предисловии, и в тексте книги) других слов, кроме самого крайнего презрения. Совершенно очевидно, что Энгельс, наблюдая повторение *модной* немецкой и английской философией старых, догегелевских, ошибок кантианства и юмизма, готов был ждать добра даже *от поворота* (в Англии и в Скандинавии) к Гегелю²⁰³, надеясь, что крупный идеалист и диалектик поможет узреть мелкие идеалистические и метафизические заблуждения.

Не вдаваясь в рассмотрение громадного количества оттенков неокантианства в Германии и юмизма в Англии, Энгельс отвергает с порога основное отступление их от материализма. Энгельс объявляет *все направление* и той и другой школы «*научным шагом назад*». И как он оценивает несомненно «позитивистскую», с точки зрения ходячей терминологии, несомненно «реалистическую» тенденцию этих неокантианцев и юмистов, из которых, например, он не мог не знать Гексли? Тот «позитивизм» и тот «реализм», который прельщал и прельщает бесконечное число путаников, Энгельс объявлял *в лучшем случае филистерским приемом тайком протаскивать материализм*, публично разнося его и отрекаясь от него!²⁰⁴ Достаточно хоть капельку подумать над *такой* оценкой Т. Гексли, самого крупного естествоиспытателя и несравненно более реалистичного реалиста и позитивного позитивиста, чем Мах, Авенариус и К^о, — чтобы понять, с каким презрением встретил бы Энгельс теперешнее увлечение кучки марксистов «новейшим позитивизмом» или «новейшим реализмом» и т. п.

Маркс и Энгельс от начала и до конца были партийными в философии, умели открывать отступления от материализма и поправки идеализму и фидеизму во всех и всяческих «новейших» направлениях. Поэтому *исключительно* с точки зрения выдержанности материализма оценивали они Гексли. Поэтому Фейербаха упрекали они за то, что он не провел материализма до конца, — за то, что он отрекался от материализма из-за ошибок отдельных материалистов, — за то, что он воевал с религией в целях подновления или сочинения новой религии, — за то, что он не умел в социологии отделаться от идеалистической фразы и стать материалистом.

И эту величайшую и самую ценную традицию своих учителей вполне оценил и перенял И. Дицген, каковы бы ни были его частные ошибки в изложении диалектического материализма. Много грешил И. Дицген своими неловкими отступлениями от материализма, но никогда не пытался он принципиально отделиться от него, выкинуть «новое» зная, всегда в решительный момент заявлял он твердо и категорически: я материалист, наша философия есть материалистическая. «Из всех партий, — справедливо говорил наш Иосиф Дицген, — самая гнусная есть партия середины... Как в политике партии все более и более группируются в два только лагеря, ... так и наука делится на два основных класса (Generalklassen): там — метафизики, здесь — физики или материалисты *. Промежуточные элементы и примиренческие шарлатаны со всяческими кличками, спиритуалисты, сенсуалисты, реалисты и т. д. и т. д., падают на своем пути то в то, то в другое течение. Мы требуем решительности, мы хотим ясности. Идеалистами ** называют себя реакционные мракобесы (Retraitebläser), а материалистами должны называться все те, которые стремятся к освобождению человеческого ума от метафизической тарбарщины... Если мы сравним обе партии с прочным и текучим, то посередине лежит нечто кашеподобное» ***.

Правда! «Реалисты» и т. п., а в том числе и «позитивисты», махисты и т. д., все это — жалкая каша, презренная *партия середины* в философии, путающая по каждому отдельному вопросу материалистическое и идеалистическое направление. Попытки выскочить из

* И здесь пеловкое, петочное выражение: вместо «метафизики» надо было сказать «идеалисты». И. Дицген сам противопоставляет в других местах метафизиков диалектикам.

** Заметьте, что И. Дицген уже поправился и объяснил *точнее*, какова партия врагов материализма.

*** См. статью: «Социал-демократическая философия», написанную в 1876 году. «Kleinere philosophische Schriften», 1903, S. 135 («Мелкие философские работы», 1903, стр. 135. *Ред.*).

этих двух коренных направлений в философии не содержат в себе ничего, кроме «примиренческого шарлатанства».

Что «научная поповщина» идеалистической философии есть простое преддверие прямой поповщины, в этом для И. Дицгена не было и тени сомнения. «Научная поповщина, — писал он, — серьезнейшим образом стремится пособить религиозной поповщине» (I. с., 51). «В особенности область теории познания, непонимание человеческого духа, является такой вшивой ямой» (Lausgrube), в которой «кладет яйца» и та и другая поповщина. «Дипломованные лакеи с речами об «идеальных благах», оупляющие народ при помощи вымученного (geschraubter) идеализма» (53), — вот что такое профессора философии для И. Дицгена. «Как у боженьки антипод — дьявол, так у поповского профессора (Kathederpfaffen) — материалист». Теория познания материализма является «универсальным оружием против религиозной веры» (55), — и не только против «всем известной, настоящей, обыкновенной религии попов, но и против очищенной, возвышенной профессорской религии опьянелых (benebelter) идеалистов» (58).

По сравнению с «половинчатостью» свободомыслящих профессоров Дицген готов был предпочесть «религиозную честность» (60) — там «есть система», там есть люди цельные, не разрывающие теории и практики. «Философия не наука, а средство защиты от социал-демократии» (107) — для гг. профессоров. «Те, кто зовут себя философами, профессора и приват-доценты, все тонут, несмотря на свое свободомыслие, более или менее в предрассудках, в мистике... все составляют по отношению к социал-демократии... одну реакционную массу» (108). «Чтобы идти по верному пути, не давая никаким религиозным и философским нелепостям (Welsch) сбивать себя, надо изучать неверный путь неверных путей (der Holzweg der Holzwege) — философию» (103).

И посмотрите теперь с точки зрения партий в философии, на Маха и Авенариуса с их школой. О, эти господа *хвалятся* своей *беспартийностью*, и если есть у них антипод, то только один и *только... материалист*. Через *все* писания *всех* махистов красной нитью проходит тупоумная претензия «подняться выше» материализма и идеализма, превзойти это «устарелое» противоположение, а *на деле* вся эта братия *ежеминутно* отступает в идеализм, ведя сплошную и неуклонную борьбу с материализмом. Утонченные гносеологические выверты какого-нибудь Авенариуса остаются профессорским измышлением, попыткой основать маленькую «свою» философскую секту, а *на деле*, в общей обстановке борьбы идей и направлений современного общества, *объективная* роль этих гносеологических ухищрений

одна и только одна: расчищать дорогу идеализму и фидеизму, служить им верную службу. Не случайность же в самом деле, что за маленькую школку эмпириокритиков хватаются и английские спиритуалисты вроде Уорда, и французские неокритицисты, хвалящие Маха за борьбу с материализмом, и немецкие имманенты! Формула И. Дидгена: «дипломированные лакеи фидеизма» не в бровь, а в глаз бьет Маха, Авенариуса и всю их школу*.

Несчастье русских махистов, вздумавших «примирять» махизм с марксизмом, в том и состоит, что они доверились раз реакционным профессорам философии и, доверившись, покатались по наклонной плоскости. Приемы сочинения разных попыток развить и дополнить Маркса были очень нехитры. Прочтут Оствальда, поверят Оствальду, перескажут Оствальда, назовут это марксизмом. Прочтут Маха, поверят Маху, перескажут Маха, назовут это марксизмом. Прочтут Пуанкаре, поверят Пуанкаре, перескажут Пуанкаре, назовут это марксизмом! *Ни одному* из этих профессоров, способных давать самые ценные работы в специальных областях химии, истории, физики, *нельзя верить ни в едином слове*, раз речь заходит о философии. Почему? По той же причине, по которой *ни одному* профессору политической экономии, способному давать самые ценные работы в области фактических, специальных исследований, *нельзя верить ни в одном слове*, раз речь заходит об общей теории политической экономии. Ибо эта последняя — такая же *партийная* наука в современном обществе, как и *гносеология*. В общем и целом профессора-экономисты

* Вот еще пример того, как широко распространенные течения реакционной буржуазной философии на деле используют махизм. Едва ли не «последней модой» самою новейшей американской философии является «прагматизм» (от греческого прагма — дело, действие; философия действия)²⁰⁵. О прагматизме говорят философские журналы едва ли не более всего. Прагматизм высмеивает метафизику и материализма и идеализма, превозносит опыт и только опыт, признает единственным критерием практику, ссылается на позитивистское течение вообще, *опирается специально на Оствальда, Маха, Пирсона, Пуанкаре, Дюгема*, на то, что наука не есть «абсолютная копия реальности», п... преблагополучно выводит изо всего этого бога в целях практических, только для практики, без всякой метафизики, без всякого выхода за пределы опыта (ср. *William James. «Pragmatism. A new name for some old ways of thinking»*, N. Y. and L., 1907, p. 57 и 106 особ. (ср. *Уильям Джемс. «Прагматизм. Новое название для некоторых старых путей мышления»*, Нью-Йорк и Лондон, 1907, стр. 57 и 106 особ. *Ред.*)). Различия между махизмом и прагматизмом так же ничтожны и десятистепенны с точки зрения материализма, как различия между эмпириокритицизмом и эмпириомонизмом. Сравните хотя бы богдановское и прагматистское определение истины: «истина для прагматиста есть родовое понятие для всяческого рода определенных рабочих ценностей (working-values) в опыте» (ib., p. 68).

не что иное, как ученые приказчики класса капиталистов, и профессора философии — ученые приказчики теологов.

Задача марксистов и тут и там суметь усвоить себе и переработать те завоевания, которые делаются этими «приказчиками» (вы не делаете, например, ни шагу в области изучения новых экономических явлений, не пользуясь трудами этих приказчиков), — и *уметь* отсечь их реакционную тенденцию, уметь вести *свою* линию и бороться *со всей линией* враждебных нам сил и классов. Вот этого-то и не сумели наши махисты, *рабски* следующие за реакционной профессорской философией. «Может быть, мы заблуждаемся, но мы ищем», — писал от имени авторов «Очерков» Луначарский. — Не *вы* ищете, а *вас ищут*, вот в чем беда! Не вы подходите с вашей, т. е. марксистской (ибо вы желаете быть марксистами), точки зрения к каждому повороту буржуазно-философской моды, а к вам подходит эта мода, вам навязывает она свои новые подделки во вкусе идеализма, сегодня à la Оствальд, завтра à la Мах, послезавтра à la Пуанкаре. Те глупенькие «теоретические» ухищрения (с «энергетикой», с «элементами», «интроекцией» и т. п.), которым вы наивно верите, остаются в пределах узенькой, миниатюрной школки, а идейная и *общественная тенденция* этих ухищрений улавливается сразу Уордами, неокритицистами, имманентами, Лопатиными, прагматистами и *служит свою службу*. Увлечение эмпириокритицизмом и «физическим» идеализмом так же быстро проходит, как увлечение неокантианством и «физиологическим» идеализмом, а фидеизм с каждого такого увлечения берет себе добычу, на тысячи ладов видоизменяя свои ухищрения в пользу философского идеализма.

Отношение к религии и отношение к естествознанию превосходно иллюстрирует это *действительное* классовое использование буржуазной реакцией эмпириокритицизма.

Возьмите первый вопрос. Не полагаете ли вы, что это случайность, если в коллективном труде *против* философии марксизма Луначарский договорился до «обожествления высших человеческих потенций», до «религиозного атеизма» * и т. п.? Если вы полагаете так, то исключительно в силу того, что русские махисты неверно осведомили публику насчет *всего* махистского течения в Европе и отношения этого течения к религии. Не только нет в этом отношении ничего подобного отношению Маркса, Энгельса, И. Дидгена, даже Фейербаха, а есть *прямо обратное*, начиная с заявлений Петцольдта:

* «Очерки», стр. 157, 159. В «Заграничной Газете» ²⁰⁸ тот же автор говорит о «научном социализме в его религиозном значении» (№ 3, стр. 5), а в «Образовании» ²⁰⁷, 1903, № 1, стр. 164, он прямо пишет: «Давно зреет во мне новая религия...».

эмпириокритицизм «не противоречит ни теизму, ни атеизму» («Einführung in die Philosophie der reinen Erfahrung» *, I, 351) или Маха — «религиозные мнения частное дело» (фр. пер., р. 434) и кончая *прямым фидеизмом*, *прямым черносомнением* и Корнелиуса, который расхваливает Маха и которого расхваливает Мах, и Каруса, и всех имманентов. Нейтральность *философа* в этом вопросе *уже есть* лакейство пред фидеизмом, а дальше нейтральности не поднимаются и не могут подняться Мах и Авенариус в силу исходных пунктов своей гносеологии.

Раз вы отрицаете объективную реальность, данную нам в ощущении, вы уже потеряли всякое оружие против фидеизма, ибо вы уже скатились к агностицизму или субъективизму, а это для него только и нужно. Если чувственный мир есть объективная реальность, — всякой другой «реальности» или квазиреальности (вспомните, что Базаров поверил «реализму» имманентов, объявляющих бога «реальным попятнем») закрыта дверь. Если мир есть движущаяся материя, — ее можно и должно бесконечно изучать в бесконечно сложных и детальных проявлениях и разветвлениях *этого* движения, движения *этой* материи, но вне ее, вне «физического», внешнего мира, знакомого всем и каждому, ничего быть не может. И вражда к материализму, тучи клевет на материалистов, — все это в цивилизованной и демократической Европе порядок дня. Все это продолжается до сих пор. Все это *скрывается* от публики русскими махистами, которые *ни единого* раза не попытались просто даже сопоставить выходок против материализма Маха, Авенариуса, Петцольдта и К^о с заявлениями *в пользу* материализма Фейербаха, Маркса, Энгельса, И. Диггена.

Но «укрывательство» отношений Маха и Авенариуса к фидеизму ничему не поможет. Факты говорят за себя. Никакие усилия в мире не оторвут этих реакционных профессоров от того позорного столба, к которому пригвоздили их поцелуй Уорда, неокритицистов, Шуппе, Шуберта-Зольдерна, Леклера, прагматистов и т. д. И влияние названных сейчас лиц, как философов и профессоров, распространенность их идей в «образованной», т. е. буржуазной, публике, специальная литература, созданная ими, вдесятеро шире и богаче, чем специальная школка Маха и Авенариуса. Школка служит, кому надо. Школкой пользуются, как надо.

Позорные вещи, до которых опустился Луначарский, — не исключение, а порождение эмпириокритицизма, и русского, и немецкого. Нельзя защищать их «хорошими намерениями» автора, «осо-

* — «Введение в философию чистого опыта». *Ред.*

бым смыслом» его слов: будь это прямой и обычный, т. е. непосредственно фидеистический смысл, мы не стали бы и разговаривать с автором, ибо не нашлось бы, наверное, ни одного марксиста, для которого подобные заявления *не* приравнивали бы *всецело* Анатолия Луначарского к Петру Струве. Если этого нет (а этого *еще* нет), то исключительно потому, что мы видим «особый» смысл и *воюем*, пока *еще* есть почва для товарищеской войны. В том-то и позор заявлений Луначарского, что он *мог* связать их с своими «хорошими» намерениями. В том-то и зло его «теории», что она допускает *такие* средства или *такие* выводы в осуществление благих намерений. В том-то и беда, что «благие» намерения остаются *в лучшем случае* субъективным делом Карпа, Петра, Сидора, а общественное значение подобных заявлений безусловно и неоспоримо, и никакими оговорками и разъяснениями ослаблено быть не может.

Надо быть слепым, чтобы не видеть идейного родства между «обожествлением высших человеческих потенций» Луначарского и «всеобщей подстановкой» психического под всю физическую природу Богданова. Это — одна и та же мысль, выраженная в одном случае преимущественно с точки зрения эстетической, в другом — гносеологической. «Подстановка», *молча* и с другой стороны подходя к делу, *уже* обожествляет «высшие человеческие потенции», отрывая «психическое» от человека и подставляя необъятно расширенное, абстрактное, божественно-мертвое, «психическое вообще» под *всю физическую природу*. А «Логос» Юшкевича, вносимый «в иррациональный поток данного»?

Коготок увяз — всей птичке пропасть. А наши махисты все увязли в идеализме, т. е. ослабленном, утонченном фидеизме, увязли с того самого момента, как взяли «ощущение» не в качестве образа внешнего мира, а в качестве особого «элемента». Ничье ощущение, ничья психика, ничей дух, ничья воля, — к этому неизбежно скатиться, если не признавать материалистической теории *отражения* сознанием человека объективно-реального внешнего мира...

Написано в феврале — октябре 1908 г.

Там же, с. 356—367.

Напечатано в мае 1909 г. в Москве отдельной книгой издательством «Звено»

Из статьи
«Об оценке текущего момента»

...Либеральная буржуазия вступила у пас на контрреволюционный путь. Отрицать это могут только храбрые Череванины и трусливо отрекающиеся от своего единомышленника и соратника редакторы «Голоса С.-Д.»²⁰⁸. Но если бы из этой контрреволюционности буржуазных либералов кто-нибудь сделал вывод, что их оппозиция и недовольство, их конфликты с черносотенными помещиками или вообще соревнование и борьба различных фракций буржуазии между собой не может иметь никакого значения в процессе нарастания нового подъема, то это было бы громадной ошибкой и настоящим меньшевизмом наизнанку. Опыт русской революции, как и опыт других стран, неопровержимо свидетельствует, что когда есть налицо объективные условия глубокого политического кризиса, то самые мелкие и наиболее, казалось бы, удаленные от настоящего очага революции конфликты могут иметь самое серьезное значение, как повод, как переполняющая чашу капля, как начало поворота в настроении и т. д. Напомним, что земская кампания и петиции либералов 1904 года были предтечей такой своеобразной и чисто пролетарской «петиции», как 9-ое января. Не против того спорили большевики по поводу земской кампании, что ее нужно использовать для пролетарских демонстраций, а против того, что эти демонстрации хотели (наши меньшевики) ограничить залами земских собраний, против того, что демонстрации перед земцами объявлялись высшим видом демонстраций, против того, что планы демонстраций составлялись под углом стремления не запугать либералов. Другой пример: студенческие движения. В стране, переживающей эпоху буржуазно-демократической революции, при условиях прогрессирующего накопления горячего материала, эти движения могут легко оказаться началом событий, идущих неизмеримо дальше, чем мелкий и частный конфликт из-за ведения дел в одной отрасли государственного управления.

Разумеется, социал-демократия, ведя самостоятельную классовую политику пролетариата, никогда не будет приспосабливаться ни к студенческой борьбе, ни к новым земским съездам, ни к постановке вопроса поссорившимися фракциями буржуазии, никогда не будет придавать этой семейной ссоре самодовлеющего значения и т. п. Но именно партия социал-демократов есть партия руководящего во всей освободительной борьбе класса, она безусловно обязана использовать все и всяческие конфликты, разжигать их, расширять их значение, связывать с ними свою агитацию за революционные лозунги, нести весть об этих конфликтах в широкие массы, побуждать их к самостоятельным и открытым выступлениям с своими собственными требованиями и т. д. Во Франции после 1793 г. родилась и стала неуклонно расти контрреволюционная либеральная буржуазия, но, тем не менее, конфликты и борьба разных фракций ее в течение ста лет после того продолжали то в одной, то в другой форме служить поводами новых революций, в которых пролетариат неизменно играл роль главной движущей силы и которые он *довел* до завоевания республики...

«Пролетарий», № 38, (14) 1 ноября
1908 г.

Полн. собр. соч., т. 17,
с. 280—281.

Из статьи
«Об отношении рабочей партии
к религии»

Речь депутата Суркова в Государственной думе при обсуждении сметы синода и прения в нашей думской фракции при обсуждении проекта этой речи, печатаемые нами ниже, подняли чрезвычайно важный и злободневный как раз в настоящее время вопрос ²⁰⁹. Интерес ко всему, что связано с религией, несомненно, охватил ныне широкие круги «общества» и проник в ряды интеллигенции, близкой к рабочему движению, а также в известные рабочие круги. Социал-демократия безусловно обязана выступить с изложением своего отношения к религии.

Социал-демократия строит все свое миросозерцание на научном социализме, т. е. марксизме. Философской основой марксизма, как неоднократно заявляли и Маркс и Энгельс, является диалектический материализм, вполне воспринявший исторические традиции материализма XVIII века во Франции и Фейербаха (1-ая половина XIX века) в Германии, — материализма безусловно атеистического, решительно враждебного всякой религии. Напомним, что весь «Анти-Дюринг» Энгельса, прочтенный в рукописи Марксом, изобличает материалиста и атеиста Дюринга в невыдержанности его материализма, в оставлении им лазеек религии и религиозной философии. Напомним, что в своем сочинении о Людвиге Фейербахе Энгельс ставит в упрек ему то, что он боролся с религией не ради уничтожения ее, а ради подновления, сочинения повой, «возвышенной» религии и т. п. Религия есть опиум народа, — это изречение Маркса есть краеугольный камень всего миросозерцания марксизма в вопросе о религии ²¹⁰. Все современные религии и церкви, все и всяческие религиозные организации марксизм рассматривает всегда, как органы буржуазной реакции, служащие защите эксплуатации и одурманению рабочего класса.

И в то же время, однако, Энгельс неоднократно осуждал попытки

людей, желавших быть «левее» или «революционнее» социал-демократии, внести в программу рабочей партии прямое признание атеизма в смысле объявления войны религии. В 1874 году, говоря о знаменитом манифесте беглецов Коммуны, бланкистов, живших в качестве эмигрантов в Лондоне, Энгельс трактует как глупость их шумливое провозглашение войны религии, заявляя, что такое объявление войны есть лучший способ оживить интерес к религии и затруднить действительное отмирание религии. Энгельс ставит в вину бланкистам неумение понять того, что только классовая борьба рабочих масс, всесторонне втягивая самые широкие слои пролетариата в сознательную и революционную общественную *практику*, в состоянии на деле освободить угнетенные массы от гнета религии, тогда как провозглашение политической задачей рабочей партии войны с религией есть анархическая фраза ²¹¹. И в 1877 году в «Анти-Дюринге», беспощадно травя малейшие уступки Дюринга-философа идеализму и религии, Энгельс не менее решительно осуждает якобы революционную идею Дюринга о запрещении религии в социалистическом обществе. Объявлять подобную войну религии — значит — говорит Энгельс — «перебисмаркить самого Бисмарка», т. е. повторить глупость бисмарковской борьбы с клерикалами (пресловутая «борьба за культуру», Kulturkampf, т. е. борьба Бисмарка в 1870-х годах против германской партии католиков, партии «центра», путем полицейских преследований католицизма). Такой борьбой Бисмарк только *укрепил* воинствующий клерикализм католиков, только повредил делу действительной культуры, ибо выдвинул на первый план религиозные деления вместо делений политических, отвлек внимание некоторых слоев рабочего класса и демократии от насущных задач классовой и революционной борьбы в сторону самого поверхностного и буржуазно-лживого антиклерикализма. Обвиняя, желавшего быть ультрареволюционным, Дюринга в желании повторить в иной форме ту же глупость Бисмарка, Энгельс требовал от рабочей партии уменья терпеливо работать над делом организации и просвещения пролетариата, делом, ведущим к отмиранию религии, а не бросаться в авантюры политической войны с религией ²¹². Эта точка зрения вошла в плоть и кровь германской социал-демократии, высказывавшейся, например, за свободу для иезуитов, за допущение их в Германию, за уничтожение всяких мер полицейской борьбы с той или иной религией. «Объявление религии частным делом» — этот знаменитый пункт Эрфуртской программы (1891 года) ²¹³ закрепил указанную политическую тактику социал-демократии.

Эта тактика успела уже теперь стать рутинной, успела породить новое искажение марксизма в обратную сторону, в сторону оппорту-

низма. Стали толковать положение Эрфуртской программы в том смысле, что мы, с.-д., наша партия *считает* религию частным делом, что для нас, как с.-д., для нас, как партии, религия есть частное дело. Не вступая в прямую полемику с этим оппортунистическим взглядом, Энгельс в 1890-х годах счел необходимым решительно выступить против него не в полемической, а в позитивной форме. Именно: Энгельс сделал это в форме заявления, нарочно им подчеркнутого, что социал-демократия считает религию частным делом *по отношению к государству*, а отнюдь не по отношению к себе, не по отношению к марксизму, не по отношению к рабочей партии²¹⁴.

Такова внешняя история выступлений Маркса и Энгельса по вопросу о религии. Для людей, неряшливо относящихся к марксизму, для людей, не умеющих или не желающих думать, эта история есть комок бессмысленных противоречий и шатаний марксизма: какая-то, дескать, каша из «последовательного» атеизма и «поблажек» религии, какое-то «беспринципное» колебание между р-р-революционной войной с богом и трусливым желанием «подделаться» к верующим рабочим, боязнь отпугнуть их и т. д. и т. п. В литературе анархических фразеров можно найти не мало выходов против марксизма в этом вкусе.

Но кто сколько-нибудь способен серьезно отнестись к марксизму, вдуматься в его философские основы и в опыт международной социал-демократии, тот легко увидит, что тактика марксизма по отношению к религии глубоко последовательна и продумана Марксом и Энгельсом, что то, что дилетанты или невежды считают шатаниями, есть прямой и неизбежный вывод из диалектического материализма. Глубоко ошибочно было бы думать, что кажущаяся «умеренность» марксизма по отношению к религии объясняется так называемыми «тактическими» соображениями в смысле желания «не отпугнуть» и т. п. Напротив, политическая линия марксизма и в этом вопросе неразрывно связана с его философскими основами.

Марксизм есть материализм. В качестве такового, он так же беспощадно враждебен религии, как материализм энциклопедистов XVIII века или материализм Фейербаха. Это несомненно. Но диалектический материализм Маркса и Энгельса идет дальше энциклопедистов и Фейербаха, применяя материалистическую философию к области истории, к области общественных наук. Мы должны бороться с религией. Это — азбука *всего* материализма и, следовательно, марксизма. Но марксизм не есть материализм, установившийся на азбуке. Марксизм идет дальше. Он говорит: надо *уметь* бороться с религией, а для этого надо *материалистически* объяснить источник веры и религии у масс. Борьбу с религией нельзя ограничивать абстрактно-

идеологической проповедью, нельзя сводить к такой проповеди; эту борьбу надо поставить в связь с конкретной практикой классового движения, направленного к устранению социальных корней религии. Почему держится религия в отсталых слоях городского пролетариата, в широких слоях полупролетариата, а также в массе крестьянства? По невежеству народа, отвечает буржуазный прогрессист, радикал или буржуазный материалист. Следовательно, долой религию, да здравствует атеизм, распространение атеистических взглядов есть главная наша задача. Марксист говорит: неправда. Такой взгляд есть поверхностное, буржуазно-ограниченное культурничество. Такой взгляд недостаточно глубоко, не материалистически, а идеалистически объясняет корни религии. В современных капиталистических странах это — корни главным образом *социальные*. Социальная придавленность трудящихся масс, кажущаяся полная беспомощность их перед слепыми силами капитализма, который причиняет ежедневно и ежечасно в тысячу раз больше самых ужасных страданий, самых диких мучений рядовым рабочим людям, чем всякие из ряда вон выходящие события вроде войн, землетрясений и т. д., — вот в чем самый глубокий современный корень религии. «Страх создал богов». Страх перед слепой силой капитала, которая слепа, ибо не может быть предусмотрена массами народа, которая на каждом шагу жизни пролетария и мелкого хозяйчика грозит принести ему и приносит «внезапное», «неожиданное», «случайное» разорение, гибель, превращение в нищего, в паупера, в проститутку, голодную смерть, — вот тот *корень* современной религии, который прежде всего и больше всего должен иметь в виду материалист, если он не хочет оставаться материалистом приговорительного класса. Никакая просветительная книжка не вытравит религии из забитых капиталистической каторгой масс, зависящих от слепых разрушительных сил капитализма, пока эти массы сами не научатся объединенно, организовано, планомерно, сознательно бороться против этого *корня* религии, против *господства капитала* во всех формах.

Следует ли из этого, что просветительская книжка против религии вредна или излишня? Нет. Из этого следует совсем не это. Из этого следует, что атеистическая пропаганда социал-демократии должна быть *подчинена* ее основной задаче: развитию классовой борьбы эксплуатируемых *масс* против эксплуататоров.

Человек, не вдумавшийся в основы диалектического материализма, т. е. философии Маркса и Энгельса, не может не понять (или, по крайней мере, сразу не понять) этого положения. Как это так? Подчинить идейную пропаганду, проповедь известных идей, борьбу с тем врагом культуры и прогресса, который держится тысячелетия (т. е.

с религией), — классовой борьбе, т. е. борьбе за определенные практические цели в экономической и политической области?

Подобное возражение принадлежит к числу ходячих возражений против марксизма, свидетельствующих о полном непонимании марксовой диалектики. Противоречие, смущающее тех, кто возражает подобным образом, есть живое противоречие живой жизни, т. е. диалектическое, не словесное, не выдуманное противоречие. Отделять абсолютной, непреходимой гранью теоретическую пропаганду атеизма, т. е. разрушение религиозных верований у известных слоев пролетариата, и успех, ход, условия классовой борьбы этих слоев — значит рассуждать недиалектически, превращать в абсолютную грань то, что есть подвижная, относительная грань, — значит насильственно разрывать то, что неразрывно связано в живой действительности. Возьмем пример. Пролетариат данной области и данной отрасли промышленности делится, положим, на передовой слой довольно сознательных социал-демократов, которые являются, разумеется, атеистами, и довольно отсталых, связанных еще с деревней и крестьянством рабочих, которые веруют в бога, ходят в церковь или даже находятся под прямым влиянием местного священника, основывающего, допустим, христианский рабочий союз. Положим, далее, что экономическая борьба в такой местности привела к стачке. Для марксиста обязательно успех стачечного движения поставить на первый план, обязательно решительно противодействовать разделению рабочих в этой борьбе на атеистов и христиан, решительно бороться против такого разделения. Атеистическая проповедь может оказаться при таких условиях и излишней и вредной — не с точки зрения обывательских соображений о неотпугивании отсталых слоев, о потере мандата на выборах и т. п., а с точки зрения действительного прогресса классовой борьбы, которая в обстановке современного капиталистического общества во сто раз лучше приведет христиан-рабочих к социал-демократии и к атеизму, чем голая атеистическая проповедь. Проповедник атеизма в такой момент и при такой обстановке сыграл бы только *на руку* попу и попам, которые ничего так не желают, как замены деления рабочих по участию в стачке делением по вере в бога. Анархист, проповедуя войну с богом во что бы то ни стало, на деле помог бы попам и буржуазии (как и всегда анархисты *на деле* помогают буржуазии). Марксист должен быть материалистом, т. е. врагом религии, но материалистом диалектическим, т. е. ставящим дело борьбы с религией не абстрактно, не на почву отвлеченной, чисто теоретической, всегда себе равной проповеди, а конкретно, на почву классовой борьбы, идущей *на деле* и воспитывающей массы больше всего и лучше всего. Марксист должен уметь учитывать всю конкрет-

ную обстановку, всегда находить границу между анархизмом и оппортунизмом (эта граница относительна, подвижна, переменна, но она существует), не впадать ни в абстрактный, словесный, на деле пустой «революционаризм» анархиста, ни в обывательщину и оппортунизм мелкого буржуа или либерального интеллигента, который трусит борьбы с религией, забывает об этой своей задаче, мирится с верой в бога, руководится не интересами классовой борьбы, а мелким, мизерным расчетцем: не обидеть, не оттолкнуть, не испугать, премудрым правилом: «живи и жить давай другим», и т. д. и т. п.

С указанной точки зрения следует решать все частные вопросы, касающиеся отношения социал-демократии к религии...

«Пролетарий», № 45, 13 (26) мая
1909 г.

Полн. собр. соч., т. 17,
с. 415—421.

Классы и партии в их отношении к религии и церкви

Прения в Государственной думе по вопросу о смете сипода, затем о возвращении прав лицам, покинувшим духовное звание, и, наконец, о старообрядческих общинах дали чрезвычайно поучительный материал для характеристики русских политических партий со стороны их отношения к религии и церкви. Бросим общий взгляд на этот материал, останавливаясь, главным образом, на прениях по смете сипода (стенографические отчеты о прениях по другим из указанных выше вопросов нами еще не получены).

Первый вывод, который особенно бросается в глаза при рассмотрении думских прений, состоит в том, что воинствующий клерикализм в России не только имеется налицо, но явно усиливается и организуется все больше. 16-го апреля епископ Митрофан заявил: «первые шаги нашей думской деятельности были направлены именно к тому, чтобы нам, почтенным высоким избранием народным, чтобы здесь в Думе стать выше партийных дроблений и образовать одну группу духовенства, которая все стороны освещала бы со своей этической точки зрения... Что же причиной, что мы не пришли к этому идеальному положению?.. Вина в тех, которые разделяют с вами» (т. е. с кадетами и «левыми») «эти скамьи, именно, депутаты духовенства, принадлежащие к оппозиции. Они первые возвысили свой голос и заговорили, что это не больше, как нарождение клерикальной партии, и что это в высшей степени нежелательно. Конечно, говорить о клерикализме русского православного духовенства не приходится — никогда тенденций подобного рода у нас не было, и мы, желая выделиться в отдельную группу, преследовали чисто моральные, этические цели, а теперь, господа, когда вследствие такого несогласия, внесенного левыми депутатами в нашу братскую среду, последовало разделение и раздробление, теперь вы» (т. е. кадеты) «обвиняете нас в этом».

Епископ Митрофан в своей неграмотной речи выболтал тайну: левые, видите, виноваты в том, что отбили часть думских попов от образования особой «моральной» (это слово, конечно, удобнее для надувания народа, чем «клерикальной») группы!

Почти месяц спустя, 13-го мая, епископ Евлогий прочел в Думе «постановление думского духовенства»: «православное думское духовенство в подавляющем большинстве находит»... что во имя «первенствующего и господствующего положения православной церкви» недопустимы ни свобода проповеди для старообрядцев, ни явочный порядок открытия старообрядческих общин, ни наименование старообрядческих духовных лиц священнослужителями. «Чисто моральная точка зрения» русских попов вполне обнаружила себя, как чистейший клерикализм. «Подавляющее большинство» думского духовенства, от имени которого говорил епископ Евлогий, составили, вероятно, 29 правых и умеренно правых священников третьей Думы, а может быть, и 8 священников октябристов. К оппозиции отошли, должно быть, 4 священника группы прогрессистов и мирнообновленцев и один из польско-литовской группы.

Какова же «чисто моральная, этическая точка зрения подавляющего большинства думского (третьеиюньского, следует добавить) духовенства»? Вот несколько выдержек из речей: «Я только говорю, что инициатива этих (т. е. церковных) преобразований должна исходить изнутри церкви, а не извне, не со стороны государства и, конечно, не со стороны бюджетной комиссии. Ведь церковь есть учреждение божественное и вечное, ее законы непреложны, а идеалы жизни государственной, как известно, подвергаются постоянным изменениям» (епископ Евлогий, 14 апреля). Оратор вспоминает «тревожную историческую параллель: секуляризацию церковных имуществ при Екатерине II. «Кто может поручиться за то, что бюджетная комиссия, выразившая в настоящем году пожелание подчинить их (церковные средства) государственному контролю, в следующем году не выскажет пожелания переложить их в общегосударственное казначейство, а затем и совсем передать заведование их из власти церковной к власти гражданской или государственной?.. Церковные правила говорят, что если вверены епископу души христианские, то тем более должны быть вверены церковные имущества... Ныне стоит перед вами (депутатами Думы) ваша духовная мать, святая православная церковь, не только как перед народными представителями, но и как перед своими духовными детьми» (там же).

Перед нами — чистый клерикализм. Церковь выше государства, как вечное и божественное выше временного, земного. Церковь не прощает государству секуляризации церковных имуществ. Церковь

требует себе первенствующего и господствующего положения. Для нее депутаты Думы не только — вернее не столько — народные представители, сколько «духовные дети».

Это не чиповники в рясах, как выразился с.-д. Сурков, а *крепостники* в рясах. Защита феодальных привилегий церкви, открытое отстаивание средневековья — вот суть политики большинства третьедумского духовенства. Епископ Евлогий вовсе не исключение. Гепецкий тоже вопит против «секуляризации», как недопустимой «обиды» (14 апреля). Поп Машкевич громит *октябристский* доклад за стремление «подорвать те исторические и канонические устои, на которых стояла и должна стоять наша церковная жизнь», «сдвинуть жизнь и деятельность русской православной церкви с канонического пути на тот путь, на котором... действительные князья церкви — епископы — должны будут уступить почти все свои права, унаследованные от апостолов, князьям светским»... «Это есть не что иное, как... посягательство на чужую собственность и на права церкви и на ее достоинство». «Докладчик нас ведет к разрушению канонического строя церковной жизни, он хочет подчинить православную церковь, со всеми ее хозяйственными функциями, Государственной думе, такому учреждению, которое состоит из самых разнообразных элементов, и терпимых и нетерпимых вероисповеданий в нашем государстве» (14 апреля).

Русские народники и либералы долго утешали себя или, вернее, обманывали себя «теорией», что в России нет почвы для воинствующего клерикализма, для борьбы «князей церкви» со светской властью и т. п. В числе прочих народнических и либеральных иллюзий наша революция рассеяла и эту иллюзию. Клерикализм существовал в скрытой форме, пока в целостности и неприкосновенности существовало самодержавие. Всевластие полиции и бюрократии закрывало от глаз «общества» и народа классовую борьбу вообще, борьбу «крепостников в рясе» с «подлой чернью», в частности. Первая же брешь, пробитая революционным пролетариатом и крестьянством в крепостническом самодержавии, сделала тайное явным. Как только политической свободой, свободой организации масс начали пользоваться, захватив ее в конце 1905 г., пролетариат и передовые элементы буржуазной демократии, так потянулись к самостоятельной и открытой организации и реакционные классы. Они не организовывались и не выступали особенно наглядно при нераздельном абсолютизме не потому, что были слабы, а потому, что были сильны, — не потому, что они не способны были к организации и политической борьбе, а потому, что они не видели еще тогда серьезной надобности в самостоятельной классовой организации. Они не верили в возможность мас-

сового движения против самодержавия и крепостников в России. Они полагались всецело на то, что для удержания черни достаточно кнут. Первые же раны, нанесенные самодержавию, заставили социальные элементы, поддерживающие самодержавие и нуждающиеся в нем, выйти на свет божий. С массами, которые способны были создать 9-ое января, стачечное движение 1905 г. и октябрьско-декабрьскую революцию, нельзя уже бороться *только* старым кнутом. Надо выступать на попроще самостоятельных политических организаций; надо, чтобы Совет объединенного дворянства организовывал черные сотни и развертывал самую бесшабашную демагогию; надо, чтобы «князья церкви — епископы» организовали реакционное духовенство в самостоятельную силу.

Третья Дума и третьедумский перипод русской контрреволюции характеризуются как раз тем, что эта организация реакционных сил прорвалась наружу, начала развертываться в общенациональном масштабе, потребовала особого черносотенно-буржуазного «парламента». Воинствующий клерикализм показал себя воочию, и российской социал-демократии неоднократно придется быть наблюдательницей и участницей конфликтов буржуазии клерикальной с буржуазией антиклерикальной. Если общая наша задача состоит в том, чтобы помогать пролетариату сплотиться в особый класс, умеющий отделить себя от буржуазной демократии, то в эту задачу входит, как часть, использование всех средств пропаганды и агитации, в том числе и думской трибуны, для разъяснения массам отличия социалистического антиклерикализма от антиклерикализма буржуазного.

Октябристы и кадеты, выступавшие в III Думе против крайних правых, против клерикалов и правительства, чрезвычайно облегчили нам эту задачу, показав наглядно отношение буржуазии к церкви и религии. Легальная печать кадетов и так называемых прогрессистов обращает теперь особенное внимание на вопрос о старообрядцах, на то, что октябристы вместе с кадетами высказались против правительства, на то, что они хоть в малом «встали на путь реформ», обещанных 17-го октября. Нас интересует гораздо больше принципиальная сторона вопроса, т. е. отношение буржуазии вообще, вплоть до претендующих на звание демократов-кадетов, к религии и церкви. Мы не должны позволять, чтобы вопрос сравнительно частный — о столкновении старообрядцев с господствующей церковью, о поведении связанных с старообрядцами и частью зависимых от них даже прямо в финансовом смысле октябристов («Голос Москвы» ²¹⁵ издается, как говорят, на средства старообрядцев) — заслонял коренной вопрос об интересах и политике буржуазии, как класса.

Взгляните на речь графа Уварова, октябриста по направлению, вышедшего из фракции октябристов. Говоря после с.-д. Суркова, он сразу отказывается ставить вопрос на ту принципиальную почву, на которую его поставил рабочий депутат. Уваров только нападает на синод и обер-прокурора за нежелание дать Думе сведения о некоторых церковных доходах и о расходовании приходских сумм. Так же ставит вопрос официальный представитель октябристов Каменский (16 апреля), требующий восстановления прихода «в интересах укрепления православия». Эту мысль развивает так называемый «левый октябрист» Капустин: «Если мы обратимся к народной жизни, — восклицает он, — к жизни сельского населения, то сейчас, теперь, мы видим печальное явление — колеблется религиозная жизнь, колеблется величайшая единственная основа нравственного строя населения... Чем заменить понятие греха, чем заменить указание совести? Ведь не может же быть, чтобы это было заменено понятием классовой борьбы и прав того или другого класса. Это — печальное понятие, которое вошло в жизнь нашего обихода. Так вот, с той точки зрения, чтобы религия, как основа нравственности, продолжала существовать, была доступна всему населению, нужно, чтобы проводники этой религии пользовались надлежащим авторитетом...»

Представитель контрреволюционной буржуазии хочет укрепить религию, хочет укрепить влияние религии на массы, чувствуя недостаточность, устарелость, даже вред, приносимый правящим классам «чиновниками в рясах», которые *понижают* авторитет церкви. Октябрист воюет против крайностей клерикализма и полицейской опеки *для усиления* влияния религии на массы, для замены хоть некоторых средств оглушения народа, слишком грубых, слишком устарелых, слишком обветшавших, недостигающих цели, — более тонкими, более усовершенствованными средствами. Полицейская религия уже недостаточна для оглушения масс, давайте нам религию более культурную, обновленную, более ловкую, способную действовать в самоуправляющемся приходе, — вот чего требует капитал от самодержавия.

И кадет Караулов *целиком* стоит на той же самой точке зрения. Этот «либеральный» ренегат (эволюционировавший от «Народной воли» к правым кадетам) вопит против «денационализации церкви, понимая под этим изгнание народных масс, мирян, из церковного строительства». Он находит «ужасным» (буквально так!), что массы «обезвериваются». Он кричит совершенно по-меньшиковски о том, что «огромная самоценность церкви обесценивается... к громадному вреду не только для дела церковного, но и для дела государственного». Он называет «золотыми словами» отвратительное лицемерие изувера

Евлогия на тему о том, что «задача церкви вечна, непреложна и, значит, связывать церковь с политикой невозможно». Он протестует против союза церкви с черной сотней *во имя того*, чтобы церковь «в большей силе и славе, чем теперь, делала свое великое, святое дело в духе христовом — любви и свободы».

Товарищ Белоусов очень хорошо сделал, что посмеялся с думской трибуны над этими «лирическими словами» Караулова. Но такой насмешки далеко еще и далеко не достаточно. Надо было выяснить, — и надо будет при первом удобном случае выяснить с думской трибуны, — что точка зрения кадетов совершенно тождественна с точкой зрения октябристов и выражает не что иное, как стремление «культурного» капитала организовать оглушение народа религиозным дурманом посредством более тонких средств церковного обмана, чем те, которые практиковал живущий в старине рядовой российский «батьюшка».

Чтобы держать народ в духовном рабстве, нужен теснейший союз церкви с черной сотней, — говорил устами Пуришкевича дикий помещик и старый держиморда. Ошибаетесь, гг., возражает им устами Караулова контрреволюционный буржуа: вы только окончательно оттолкнете народ от религии такими средствами. Давайте-ка действовать поумнее, похитрее, поискуснее, — уберем прочь слишком глупого и грубого черносотенца, объявим борьбу с «денационализацией церкви», напишем на знамени «золотые слова» епископа Евлогия, что церковь выше политики, — только при таком способе действия мы сумеем одурачить хоть часть отсталых рабочих и, в особенности, мещан и крестьян, мы сумеем помочь обновленной церкви выполнить ее «великое, святое дело» поддержания духовного рабства народных масс.

Наша либеральная печать, вплоть до газеты «Речь», усиленно порицала в последнее время Струве и К^о как авторов сборника «Вехи». Но официальный оратор партии к.-д. в Государственной думе, Караулов, превосходно разоблачил все гнусное лицемерие этих попреков и этих отречений от Струве и К^о. Что у Караулова и у Милюкова на уме, то у Струве на языке. Либералы порицают Струве *только* за то, что он неосторожно выболтал правду, что он слишком раскрыл карты. Либералы, порицающие «Вехи» и продолжающие поддерживать партию к.-д., обманывают народ самым бессовестным образом, осуждая неосторожно-откровенное *слово* и продолжая *делать* то самое *дело*, которое этому слову соответствует.

О поведении трудовиков в Думе во время прений по разбираемым вопросам приходится сказать немногое. Как и всегда, обнаружилась яркая разница между трудовиками-крестьянами и трудовиками-ин-

теллигентами к невыгоде для последних с их большей готовностью следовать за к.-д. Крестьянин Рожков, правда, обнаружил своей речью всю свою политическую бессознательность: он тоже повторил пошлость кадетов насчет того, что Союз русского народа помогает не укреплять, а разрушать веру, он не сумел изложить никакой программы. Но зато, когда он бесхитростно стал рассказывать голую, неприкрашенную правду о поборах духовенства, о вымогательствах попов, о том, как требуют за брак кроме денег «бутылку водки, закуски и фунт чаю, а иногда спрашивают такое, что с трибуны я и боюсь говорить» (16 апреля, стр. 2259 стенографического отчета), — черносотенная Дума не вытерпела, раздался дикий вой с правых скамей. «Что это за издевательство? что за безобразие?» — вопили черносотенцы, чувствуя, что простая мужицкая речь о поборах с изложением «таксы» за требы революционизирует массы больше, чем какие угодно теоретические или тактические противорелигиозные и противоцерковные заявления. И шайка зубров, отстаивающих самодержавие в III Думе, запугала своего лакея, председателя Мейендорфа, и заставила его лишить слова Рожкова (социал-демократы, к которым присоединились некоторые трудовики, к.-д. и пр., подали протест против этого поступка председателя).

Речь трудовика-крестьянина Рожкова, несмотря на чрезвычайную ее элементарность, превосходно показала всю пропасть между лицемерной, рассчитанно-реакционной защитой религии кадетами и примитивной, бессознательной, рутинной религиозностью мужика, в котором условия его жизни порождают — против его воли и помимо его сознания — действительно революционное озлобление против поборов и готовность решительной борьбы с средневековьем. Кадеты — представители контрреволюционной буржуазии, которая хочет обновить и укрепить религию против народа. Рожковы — представители революционной буржуазной демократии, неразвитой, бессознательной, забитой, несамостоятельной, раздробленной, но таящей в себе далеко и далеко еще не исчерпанные запасы революционной энергии в борьбе с помещиками, с попами, с самодержавием.

Интеллигент-трудовик Розанов приближался к кадетам гораздо менее бессознательно, чем Рожков. Розанов сумел сказать об отделении церкви от государства, как требовании «левых», но он не удержался от реакционных, мещанских фраз об «изменении избирательного закона в том направлении, чтобы духовенство было устранено от участия в политической борьбе». Революционность, которая сама собой прорывается у типичного, среднего мужика, когда он начинает говорить правду о своем житье-бытье, исчезает у трудовика-интеллигента, сменяясь расплывчатой, а иногда и прямо гнусной фразой.

В сотый и в тысячный раз мы видим подтверждение той истины, что, только идя за пролетариатом, способны русские крестьянские массы свергнуть давящий и губящий их гнет крепостников-землевладельцев, крепостников в рясах, крепостников-самодержавщиков.

Представитель рабочей партии и рабочего класса, с.-д. Сурков, один из всей Думы поднял прения на действительно принципиальную высоту и сказал без обиняков, как относится к церкви и религии пролетариат, как должна относиться к ней вся последовательная и жизнеспособная демократия. «Религия есть опиум народа»... «Ни одного гроша народных денег этим кровавым врагам народа, затемняющим народное сознание», — этот прямой, смелый, открытый боевой клич социалиста прозвучал как вызов черносотенной Думе и отозвался в миллионах пролетариев, которые распространят его в массах, которые сумеют, когда придет время, претворить его в революционное действие.

«Социал-Демократ», № 6, 4 (17) июня
1909 г.

Полн. собр. соч., т. 17,
с. 429—438.

Из статьи
«О фракции
сторонников отзовизма²¹⁶
и богостроительства²¹⁷»

...В чем ошибка рассуждения анархистов? В том, что они, ввиду в корне неправильных представлений о ходе общественного развития, не умеют учесть особенностей конкретного политического (и экономического) положения в разных странах, обуславливающих специфическое значение для известного периода времени то одного, то другого средства борьбы. На самом деле немецкая социал-демократия не только не стоит на точке зрения парламентаризма во что бы то ни стало, не только не подчиняет все и вся парламентаризму, а напротив: как раз она всего лучше в международной армии пролетариата развернула такие внепарламентские орудия борьбы, как социалистическую печать, как профессиональные союзы, как систематическое использование народных собраний, как воспитание молодежи в социалистическом духе и т. д. и т. п. ...

Приложение к № 47—48 газеты «Пролетарий», 11 (24) сентября 1909 г.

Полн. собр. соч., т. 19,
с. 79—80.

Письма

Из письма А. М. Горькому

Личное Ал. М—чу

24. III. 08.

Дорогой А. М.! Получил Ваше письмо насчет драки моей с махистами. Вполне понимаю и уважаю Ваши чувства и должен сказать, что от питерских друзей получаю нечто подобное, но я убежден глубочайше, что Вы ошибаетесь.

Вы должны понять и поймете, конечно, что раз человек партии пришел к убеждению в сугубой неправильности и *вреде* известной проповеди, то он обязан выступить против нее. Я бы не поднял шуму, если бы не убедился безусловно (и в этом убеждаюсь с каждым днем больше по мере ознакомления с первоисточниками мудрости Базарова, Богданова и К^о), что книга их — нелепая, вредная, филистерская, поповская *вся*, от начала до конца, от ветвей до корня, до Маха и Авенариуса. Плеханов *всецело* прав против них по существу, только не умеет или не хочет или ленится сказать это *конкретно*, обстоятельно, просто, без излишнего запугивания публики философскими тонкостями. И я во что бы то ни стало скажу это *по-своему*.

Какое же тут «примирение» может быть, милый А. М.? Помилуйте, об этом смешно и заикаться. Бой *абсолютно* неизбежен. И партийные люди должны направить свои усилия не на то, чтобы замазывать или откладывать или увертываться, а на то, чтобы практически необходимая партийная работа *не страдала*. Об этом *Вам* надо позаботиться, и $\frac{9}{10}$ русских беков помогут Вам в этом и большое спасибо скажут.

Как это сделать? «Нейтральностью»? Нет. Нейтральности в таком вопросе быть не может и *не будет*. Если можно говорить о ней, то разве в *условном* смысле: надо *отделить* всю эту драку от фракции. До сих пор писали «на стороне», вне фракционных изданий, пишете и дальше так. Только таким образом фракция не будет ангажирована, не будет *впутана*, не будет вынуждена завтра, послезавтра ре-

шать, голосовать, т. е. превращать драку в хроническую, затяжную, безысходную.

Вот почему я *против* пускания какой бы то ни было философии в журнал ²¹⁸. Я знаю, меня за это ругают: хочет рот заткнуть другим, сам еще не разинув рта! Но Вы подумайте хладнокровно.

Журнал с философией. № 1 — три статьи Базарова, Богданова, Луначарского против Плеханова. Одна моя статья, где говорится, что «Очерки философии марксизма» = бердяевщина и поповщина.

№ 2 — трижды три статьи Богданова, Базарова, Луначарского против Плеханова и Ленина в взвинченном тоне. Одна моя статья, где с другой стороны доказывается, что «Очерки философии марксизма» = поповщина.

№ 3 — вой и руготня!

Я могу написать статей шесть или двенадцать против «Очерков философии марксизма», по статье против каждого автора и каждой стороны их воззрений. Может это так тянуться? Доколе? Не сделает *это* раскола неизбежным вследствие обострения и озлобления без конца? Не свяжет *это* фракцию решением: реши же, разберись же, закончи же «дискуссию» вотумом...

Подумайте об этом хорошенько, если боитесь раскола. Возьмутся ли практики распространять книги с таким «боем»? Не лучше ли иной путь: по-старому пишите *на стороне*, вне фракционных изданий. Подеритесь на стороне, фракция *пока* подождет. Если есть возможность *ослабить* неизбежное озлобление, то только так, по моему.

Вы пишете: меньшевики выиграют от драки. Ошибаетесь, глубоко ошибаетесь, А. М.! Они выиграют, если большевистская фракция не отделит себя от философии трех беков. Тогда они выиграют окончательно. А если философская драка будет идти вне фракции, то меки будут окончательно сведены на политику и тут им смерть.

Я говорю: *отделить* драку от фракции. Конечно, на живых людях это отделение сделать трудненько, больненько. Нужно время. Нужны заботливые товарищи. Тут помогут практики, тут должны помочь Вы, — тут «психология», Вам и книги в руки. Я думаю, Вы смогли бы тут много помочь, — если, конечно, по прочтении моей книжки * против «Очерков» не впадете против меня в такое же бешенство, в какое я впал против них.

Подумайте хорошенько насчет журнала и отвечайте мне скорее. Я немного сомневаюсь, стоит ли нам вместе к Вам ехать *теперь?*

* Имеется в виду книга «Материализм и эмпириокритицизм» (см.: Полн. собр. соч., т. 18). *Ред.*

Чего тут теребить лишним образом нервы? «Дальние проводы»... а без драки не обойтись. Не лучше ли без длинных переговоров и торжественных и никчемных съездов порешить попроще дело о журнале? Это я Вам только задаю вопросы, чтобы посоветоваться с Вами...

Послано из Женевы на о. Капри (Италия)

Полн. собр. соч., т. 47,
с. 150—153.

Впервые напечатано в 1924 г. в Ленинском сборнике I

Из письма «Ученикам каприйской школы»²¹⁹

Товарищам Юлию, Ване, Савелию, Ивану, Владимиру, Станиславу и Фоме.

30 авг. нов. ст. 1909 г.

Уважаемые товарищи! Получив от Вас программу школы и два письма, в последнем из которых Вы задаете мне вопрос о мотивах объявления школы новой фракцией, я считаю долгом еще раз объяснить Вам свой взгляд. «Фракционная подкладка школы чистейшая фикция», пишете Вы. «Гегемония над школой немыслима, ибо большинство Совета, это — мы».

Я утверждаю, что это — явный самообман с вашей стороны. Совсем не в том дело, чтобы вас обвиняли в «непосредственном фракционерстве»; совсем не в том дело, у кого большинство в Совете. Дело в том, что школа устроена 1) по почину новой фракции; — 2) исключительно на средства новой фракции; — 3) в таком месте, где есть только лекторы новой фракции; — 4) в таком месте, где не могут быть, за самыми редкими исключениями, лекторы других фракций.

Все эти условия не зависят от вашей воли. Изменить их вы не можете. А эти условия уже *предопределяют* характер школы, *предопределяют* настолько, что никакие добрые намерения с вашей стороны и никакие решения вашего Совета решительно не в состоянии изменить что-либо существенное.

Во всякой школе самое важное — идейно-политическое направление лекций. Чем определяется это направление? Всецело и исключительно *составом лекторов*. Вы прекрасно понимаете, товарищи, что всякий «контроль», всякое «руководство», всякие «программы», «уставы» и проч., все это — звук пустой по отношению к составу лекторов. Никакой контроль, никакие программы и т. д. абсолютно

не в состоянии изменить того направления занятий, которое определяется составом лекторов. И никогда и нигде в мире ни единая уважающая себя организация, фракция или группа *не возьмется* разделить ответственность за школу, направление которой уже предопределено составом лекторов, если это направление враждебное...

*Послано из Бомбона (Франция) на
о. Капри (Италия)*

*Полн. собр. соч., т. 47,
с. 194—197.*

*Впервые напечатано в 1926 г. в журнале
«Пролетарская Революция», № 2*

1910—1914 годы

Реакция, наступившая после поражения первой российской революции, не могла задержать ход истории, предотвратить назревание нового революционного взрыва. Социально-экономические процессы, вызвавшие революцию, не только не были остановлены, но еще более обострились. Это обострение неизбежно вело к нарастанию и углублению классовых противоречий в стране, к новым классовым битвам. В декабре 1910 г., оценивая первые признаки восходящей революционной волны в России, В. И. Ленин писал: «Полоса *полного* господства черносотенной реакции кончилась. Начинается полоса нового подъема. Пролетариат, *отступавший* — хотя и с большими перерывами — с 1905 по 1909 год, собирается с силами и начинает переходить в *наступление*... Пролетариат начал. Демократическая молодежь продолжает. Русский народ просыпается к новой борьбе, идет навстречу новой революции» (Полн. собр. соч., т. 20, с. 74—75).

В условиях нового революционного подъема возрастала роль революционной партии и необходимость усиления ее руководства классовой борьбой пролетариата. Пражская конференция РСДРП, состоявшаяся в январе 1912 г., очистила партию от оппортунистических элементов, мешавших сплочению революционных сил, и определила стратегию и тактику большевизма на новом этапе. Партия активизировала практическую подготовку революции. Предстояло усилить работу по воспитанию и организации пролетарских масс, по сплочению вокруг рабочего класса крестьянской и городской демократии, шире развернуть в массах агитацию за лозунги революции, используя для этого все легальные и нелегальные средства.

В решении этих задач выдающуюся роль сыграла основанная В. И. Лениным большевистская газета «Правда», воспитавшая не одно поколение борцов за дело рабочего класса. Важным общероссийским органом партии была также большевистская фракция IV Государственной думы. Думская тактика большевиков сыграла большую роль в разоблачении контрреволюционной буржуазии, способствовала сокрушительной критике царизма и его политики, в том числе и в области просвещения.

Образцом такой критики явилась речь большевистского депутата А. Е. Бадаева 4(17) июня 1913 г., написанная В. И. Лениным и впоследствии известная как ленинская статья «К вопросу о политике министерства народного просвещения». В этой работе В. И. Ленин дал глубокий, всесторонний анализ состояния народного образования в России и тех причин, которые обрекали трудящиеся массы на невежество и безграмотность. В. И. Ленин убедительно доказал, что

«нет более злого, более непримиримого врага просвещения народа в России, чем российское правительство» (Полн. собр. соч., т. 23, с. 133). «Россия, — писал он, — *всегда* останется бедной и нищей в отношении расходов на просвещение народа, пока народ не просветится настолько, чтобы свергнуть с себя гнет крепостников-помещиков» (там же, с. 129).

Ленинские работы по вопросам просвещения, воспитания и образования, написанные в 1910—1914 гг., как и работы предшествующих лет, неотрывны от общих задач революционной борьбы, от задач революционного просвещения народных масс и демократической интеллигенции. Одним из наиболее крупных отрядов этой интеллигенции, которому В. И. Ленин уделял особое внимание, было народное учительство.

В. И. Ленин резко критиковал варварскую политику самодержавия по отношению к народным учителям, обрекавшую их на нищету и бесправие. Он стремился привлечь народное учительство к активному участию в революционной борьбе пролетариата, к пропаганде социал-демократических идей в крестьянской массе. В период подготовки и проведения Всероссийского съезда по народному образованию (декабрь 1913—январь 1914 г.), который «Пролетарская правда» назвала съездом народных учителей, В. И. Ленин написал четыре статьи, посвященные школе и учительству, — «Нищета народных учителей», «Национальный состав учащихся в русской школе», «Еще о разделении школьного дела по национальностям», «О наших школах». В двух из этих статей В. И. Ленин прямо обращался к участникам съезда.

Огромное внимание в годы нового революционного подъема уделял В. И. Ленин и политическому, революционному воспитанию учащейся молодежи, подерживая проявления ее гражданской активности, стремление к политическому самообразованию, к организации. В статье «Возрастающее несоответствие» (1913) В. И. Ленин выступил против полицейского режима, насаждаемого самодержавием в школе, против попыток буржуазных партий удержать учащихся от борьбы с этим режимом. Разоблачая живость выступлений в IV Государственной думе представителей буржуазных партий, осуждавших «раннее» вовлечение учащихся в политику, В. И. Ленин писал: «Всякое осуждение вовлечения в политику, хотя бы и «раннего», есть лицемерие и обскурантизм» (Полн. собр. соч., т. 22, с. 387—388).

Одним из наиболее острых вопросов, вставших перед большевистской партией в годы нового революционного подъема, был вопрос об интернациональном единстве рабочего движения. В годы реакции самодержавие усилило угнетение и до того находившихся в тяжелых условиях нерусских народов России, ужесточило политику насильственного обрусения «иностранцев», увеличило ограничение и преследование национальной культуры, национальной школы, национального языка. Самодержавие, отмечал В. И. Ленин, «*все* сделало для взаимотчуждения народов» (Полн. собр. соч., т. 32, с. 342).

Одновременно с разгулом великодержавного, черносотенного шовинизма бурно расцвел в послереволюционные годы «воинствующий буржуазный национализм, отупляющий, одурачивающий, разъединяющий рабочих» (Полн. собр. соч., т. 24, с. 122). Буржуазный национализм мешал сближению угнетенных народов России, слиянию национально-освободительной борьбы с общероссийским революционным движением.

Опасность национализма обострялась тем, что националистические тенденции проявились и в рядах социал-демократии, притом не только российской, но и международной. Изменяя принципам пролетарского интернационализма, оппортунистические теоретики II Интернационала выступили с программой «культурно-национальной автономии», которая, по словам В. И. Ленина, стре-

милась «воплотить в жизнь самый утонченный и самый абсолютный, до конца доведенный, национализм» (Полн. собр. соч., т. 24, с. 131).

Ярким проявлением буржуазного национализма явились лозунги «национальной культуры» и разделения школьного дела по национальностям. В работах, посвященных национальной программе большевистской партии, — «Рабочий класс и национальный вопрос» (1913), «Тезисы по национальному вопросу» (1913), «Либералы и демократы в вопросе о языках» (1913), «Критические заметки по национальному вопросу» (1913), «Еще о разделении школьного дела по национальностям» (1913), «К вопросу о национальной политике» (1914) и др. — В. И. Ленин убедительно показал, что спекуляции на лозунге национальной культуры «есть буржуазный (а часто и черносотенно-клерикальный) обман». В каждой национальной культуре, писал В. И. Ленин, есть элементы социалистической культуры, но в каждой нации есть также культура буржуазная, «при этом не в виде только «элементов», а в виде господствующей культуры» (Полн. собр. соч., т. 24, с. 120—121).

Ленинское учение о двух культурах имело огромное значение для революционного решения национального вопроса, для интернационального воспитания пролетариата, для разоблачения проповеди национализма, которая, по словам В. И. Ленина, велась «в каждой деревенской школе, в каждой казарме, в каждой церкви» (Полн. собр. соч., т. 24, с. 324). Этой проповеди В. И. Ленин противопоставлял «лозунг интернационализма рабочих». «Ставя лозунг «интернациональной культуры демократизма и всемирного рабочего движения», — писал он, — мы из каждой национальной культуры берем только ее демократические и ее социалистические элементы, берем их только и безусловно в противовес буржуазной культуре, буржуазному национализму каждой нации» (там же, с. 121).

В ленинских работах по национальному вопросу важное место занимают проблемы национальной школы и обучения на родном языке. Борьбу за национальную школу, за равноправие наций в деле образования, за обучение на родном языке В. И. Ленин рассматривал не как самоцель, а как часть общей революционной борьбы пролетариата. Он решительно выступал против отделения школьного вопроса от общих задач освободительного движения, против попыток буржуазных националистов «оторвать школу (как и «национальную культуру» вообще) от экономики и политики» (Полн. собр. соч., т. 24, с. 134).

Решительный отпор В. И. Ленина встретил и усиленно пропагандируемый националистами план «культурно-просветительной автономии», разделение школьного дела по национальностям. Деление школьного дела по национальностям, подчеркивал В. И. Ленин, — это «вредная мера и с точки зрения демократии и еще больше с точки зрения пролетариата». «Это повело бы лишь к упорочному обособленности наций, а мы должны стремиться к сближению их. Это повело бы к росту шовинизма, а мы должны идти к теснейшему союзу рабочих всех наций, к совместной борьбе их против всякого шовинизма, против всякой национальной исключительности, против всякого национализма. Школьная политика у рабочих всех наций едина: свобода родного языка, демократическая и светская школа» (Полн. собр. соч., т. 25, с. 72).

Выступая за последовательно демократическое решение национального вопроса, В. И. Ленин не допускал насильственного введения единого общегосударственного языка в многонациональном государстве. «Демократическое государство, — писал он, — безусловно должно признать полную свободу родных языков и отвергнуть всякие привилегии одного из языков» (Полн. собр. соч., т. 25, с. 71—72). «... Русские марксисты говорят, что необходимо: — отсутствие обязательного государственного языка, при обеспечении населению школ с преподаванием на всех местных языках...» (там же, т. 24, с. 295).

Ленинская программа по национальному вопросу явилась мощным орудием интернационального воспитания трудящихся, сплочения многонационального пролетариата и всех угнетенных народов России вокруг большевистской партии. В условиях развитого социализма, когда сложилась новая историческая общность — советский народ, особенно очевидно, какой созидательной силой обладала эта программа. Последовательное проведение КПСС ленинской национальной политики открывает все большие возможности взаимного обогащения национальных культур на базе единой, общенародной культуры зрелого социализма.

Не начало ли поворота?

Настоящий номер был уже сверстан ²²⁰, когда мы получили петербургские и московские газеты от 12 ноября. Как ни недостаточны сведения легальной печати, но из них вытекает все же несомненно, что в целом ряде городов произошли студенческие сходки, манифестации, уличные шествия с протестом против смертной казни, с речами против правительства. Петербургская демонстрация 11 ноября, даже по сведениям держащих себя совершенно по-октябристски «Русских Ведомостей» ²²¹, собрала *не менее 10 000 человек* на Невском. Та же газета сообщает, что на Петербургской стороне «у Народного дома к шествию присоединилось много рабочих. У Тучкова моста шествие остановилось. Полицейский отряд никак не мог остановить шествие, и толпа прошла с пением и флагами на Большой проспект Васильевского острова. Только у университета полиции удалось рассеять толпу».

Полиция и войска вели себя, разумеется, истинно-русски.

Откладывая до следующего номера оценку этого несомненного демократического подъема, мы не можем не сказать здесь нескольких слов об отношении разных партий к демонстрации. «Русские Ведомости», поместившие 11-го *ложное* известие, что демонстрация отменена, сообщают 12-го, будто с.-д. не приняли никакого постановления, а отдельные депутаты из них даже высказывали свое отрицательное отношение, и лишь одни трудовики в принятой резолюции сочли невозможным препятствовать демонстрации. Мы не сомневаемся, что это позорящее наших с.-д. депутатов сообщение ложно; вероятно, оно так же злобно выдуманно «Русскими Ведомостями», как и их вчерашнее сообщение об отмене демонстрации. «Голос Москвы» ²²² сообщает 12-го, что, «за исключением с.-д., депутаты всех партий относятся отрицательно к выступлению студенчества на улицах».

Ясно, что кадетские и октябристские органы сугубо «уклоняются от истины», будучи запуганы совершенно нелепыми, смешными криками правых о том, что «пружины, готовые демонстрацию, нажимаются из Таврического дворца».

А что кадеты вели себя недостойно, это — факт. «Речь» поместила 11-го, в день демонстрации, воззвание депутатов к.-д., приглашающее не устраивать демонстрации. Мотивировка и в этом воззвании и в передовице «Речи» поистине подлая: «не омрачать» скорбных дней! «устраивать манифестации, соединять их с памятью Толстого» — значит обнаруживать «отсутствие искренней любви к священной памяти»!! и т. д. в чисто октябристском духе (сравните передовицу от 11-го в «Голосе Москвы» с почти буквально тождественными фразами).

К счастью, подлая подножка, подставленная демократии кадетами, не удалась. Демонстрация все же состоялась. И если полицейская «Россия» ²²³ продолжает винить во всем кадетов, ухитряясь даже в их воззвании видеть «разжигание», то в Думе ²²⁴, по словам «Голоса Москвы», и октябристы и крайние правые (Шульгин) оценили *заслугу* кадетов, признали их «противниками демонстрации».

Кого весь ход русской революции не научил тому, что дело освободительного движения в России *безнадежно*, пока им руководят кадеты, пока он не умеет оберечь себя от измен кадетов, тот пусть учится снова и снова на фактах современной политики, на истории демонстрации 11-го ноября.

Первое же начало демократического подъема — начало кадетских гнусностей.

Отметим еще сообщение «Голоса Москвы», что рабочие предложили будто бы студентам устроить грандиозную демонстрацию 14-го. Доля правды тут, наверное, есть, ибо сегодня (15 (28) ноября) парижские газеты сообщают об аресте в С.-Петербурге 13-ти членов бюро профессиональных союзов за *попытку* организовать рабочую манифестацию.

Из статьи «Начало демонстраций»

...С лета текущего года начинается опять подъем. Число экономических стачечников *возрастает* и возрастает очень сильно. Полоса *полного* господства черносотенной реакции кончилась. Начинается полоса нового подъема. Пролетариат, *отступавший* — хотя и с большими перерывами — с 1905 по 1909 год, собирается с силами и начинает переходить в *наступление*. Оживление в некоторых отраслях промышленности сейчас же ведет к оживлению пролетарской борьбы.

Пролетариат начал. Другие, буржуазные, демократические классы и слои населения, продолжают. Смерть умеренно-либерального, чуждого демократии, председателя I Думы, Муромцева, вызывает первое робкое начало манифестаций. Смерть Льва Толстого вызывает — впервые после долгого перерыва — *уличные демонстрации* с участием преимущественно студенчества, но отчасти также и рабочих. Прекращение работы целым рядом фабрик и заводов в день похорон Толстого показывает начало, хотя и очень скромное, демонстративных забастовок.

В самое последнее время зверства царских тюремщиков, истязавших в Вологде и Зерентуе наших товарищей каторжан, преследуемых за их геройскую борьбу в революции, подняли еще выше брожение среди студентов. Повсюду в России происходят сходки и митинги, полиция силой врывается в университеты, избивает учащихся, арестует их, преследует газеты за малейшее правдивое слово о волнениях и всем этим только усиливает волнения.

Пролетариат начал. Демократическая молодежь продолжает. Русский народ просыпается к новой борьбе, идет навстречу новой революции.

Первое же начало борьбы показало нам опять, что живы те силы, которые поколебали царскую власть в 1905 г. и которые разрушат ее в этой грядущей революции. Первое же начало борьбы показало нам

опять значение *массового* движения. Никакие преследования, никакие расправы не могут остановить движения, раз поднялись *массы*, раз начали шевелиться миллионы. Преследования только разжигают борьбу, втягивают в нее новые и новые ряды борцов. Никакие покушения террористов не помогут угнетенным массам, и никакие силы на земле не остановят масс, когда они поднимутся.

Теперь они начали подниматься. Этот подъем, может быть, пойдет быстро,— может быть, пойдет медленно и с перерывами, но он во всяком случае идет к революции. Русский пролетариат шел впереди всех в 1905 году. Вспоминая это славное прошлое, он должен напрочь теперь все усилия, чтобы восстановить, укрепить, развить свою организацию, свою партию, Российскую социал-демократическую рабочую партию. Наша партия переживает ныне трудные дни, но она непобедима, как непобедим пролетариат.

За работу же, товарищи! Беритесь везде и повсюду за постройку организаций, за создание и укрепление рабочих с.-д. партийных ячеек, за развитие экономической и политической агитации. В первой русской революции пролетариат научил народные массы бороться за свободу, во второй революции он должен привести их к победе!

Из статьи
«Иван Васильевич Бабушкин

7 (Некролог)»

...Есть люди, которые сочинили и распространяют басню о том, что Российская социал-демократическая рабочая партия есть партия «интеллигентская», что рабочие от нее оторваны, что рабочие в России — социал-демократы без социал-демократии, что так было в особенности до революции и в значительной мере во время революции. Либералы распространяют эту ложь из ненависти к той революционной борьбе масс, которой руководила в 1905 г. РСДРП, а из социалистов перенимает эту лживую теорию кое-кто по неразумию или легкомыслию. Биография Ивана Васильевича Бабушкина, десятилетняя социал-демократическая работа этого *рабочего-искровца* служит наглядным опровержением либеральной лжи. И. В. Бабушкин — один из тех рабочих-передовиков, которые за *10 лет* до революции начали создавать *рабочую* социал-демократическую партию. Без неустанной, геройски-упорной работы *таких* передовиков в пролетарских массах РСДРП не просуществовала бы не только десяти лет, но и десяти месяцев. Только благодаря деятельности *таких* передовиков, только благодаря их поддержке, РСДРП выросла к 1905 г. в партию, которая *неразрывно слилась* с пролетариатом в великие октябрьские и декабрьские дни, которая сохранила эту связь в лице *рабочих депутатов* не только II, но и III, черносотенной, Думы.

Либералы (кадеты) хотят превратить в народного героя недавно умершего председателя I Думы, С. А. Муромцева. Мы, социал-демократы, не должны пропускать случая, чтобы выразить презрение и ненависть царскому правительству, которое преследовало даже таких умеренных и безобидных чиновников, как Муромцев. Муромцев был только либеральным чиновником. Он не был даже демократом. Он боялся революционной борьбы масс. Он ждал свободы для России не от такой борьбы, а от доброй воли царского самодержавия, от

соглашения с этим злейшим и беспощадным врагом русского народа. В таких людях смешно видеть народных героев русской революции.

А такие народные герои есть. Это — люди, подобные Бабушкину. Это — люди, которые не год и не два, а целые 10 лет перед революцией посвятили себя целиком борьбе за освобождение рабочего класса. Это — люди, которые не растратили себя на бесполезные террористические предприятия одиночек, а действовали упорно, неуклонно среди пролетарских масс, помогая развитию *их* сознания, *их* организации, *их* революционной самодеятельности. Это — люди, которые встали во главе вооруженной массовой борьбы против царского самодержавия, когда кризис наступил, когда революция разразилась, когда миллионы и миллионы пришли в движение. Все, что отвоевано было у царского самодержавия, отвоевано *исключительно* борьбой масс, руководимых такими людьми, как Бабушкин.

Без таких людей русский народ остался бы навсегда народом рабов, народом холопов. С такими людьми русский народ завоеует себе полное освобождение от всякой эксплуатации.

Прошла уж пятая годовщина декабрьского восстания 1905 года. Будем чествовать эту годовщину, вспоминая рабочих-передовиков, которые пали в борьбе с врагом. Мы обращаемся с просьбой к товарищам рабочим собирать и присылать нам воспоминания о тогдашней борьбе и дополнительные сведения о Бабушкине, а также о других социал-демократических рабочих, павших в восстании 1905 г. Мы намерены издать брошюру с жизнеописанием таких рабочих. Такая брошюра будет лучшим ответом всяким маловеерам и умалителям Российской социал-демократической рабочей партии. Такая брошюра будет лучшим чтением для молодых рабочих, которые будут учиться по ней, как надо жить и действовать всякому сознательному рабочему.

Из статьи
**«О лозунгах и о постановке
думской и внедумской
с.-д. работы»**

...О республике всякий с.-д., который держит где бы то ни было политическую речь, должен говорить всегда. Но о республике надо уметь говорить: о ней нельзя говорить одинаково на заводском митинге и в казачьей деревне, на студенческом собрании и в крестьянской избе, с трибуны III Думы и со страниц зарубежного органа. Искусство всякого пропагандиста и всякого агитатора в том и состоит, чтобы наилучшим образом повлиять на данную аудиторию, делая для нее известную истину возможно более убедительной, возможно легче усвояемой, возможно нагляднее и тверже запечатлеваемой...

«Социал-Демократ», № 25, 8 (21) декабря 1911 г.

*Полн. собр. соч., т. 21,
с. 20—21.*

Памяти Герцена

Минуло сто лет со дня рождения Герцена. Чествует его вся либеральная Россия, заботливо обходя серьезные вопросы социализма, тщательно скрывая, чем отличался *революционер* Герцен от либерала. Поминает Герцена и правая печать, облыжно уверяя, что Герцен отрекся под конец жизни от революции. А в заграничных, либеральных и народнических, речах о Герцене царит фраза и фраза.

Рабочая партия должна помянуть Герцена не ради обывательского славословия, а для уяснения своих задач, для уяснения настоящего исторического места писателя, сыгравшего великую роль в подготовке русской революции.

Герцен принадлежал к поколению дворянских, помещичьих революционеров первой половины прошлого века. Дворяне дали России Биронов и Аракчеевых, бесчисленное количество «пьяных офицеров, забияк, картежных игроков, героев ярмарок, псарей, драчунов, секунов, серальников», да прекраснодушных Маниловых. «И между ними,— писал Герцен,— развились люди 14 декабря, фаланга героев, выкормленных, как Ромул и Рем, молоком дикого зверя... Это какие-то богатыри, кованные из чистой стали с головы до ног, воины-сподвижники, вышедшие сознательно на явную гибель, чтобы разбудить к новой жизни молодое поколение и очистить детей, рожденных в среде палачества и рабологии».

К числу таких детей принадлежал Герцен. Восстание декабристов разбудило и «очистило» его. В крепостной России 40-х годов XIX века он сумел подняться на такую высоту, что встал в уровень с величайшими мыслителями своего времени. Он усвоил диалектику Гегеля. Он понял, что она представляет из себя «алгебру революции». Он пошел дальше Гегеля, к материализму, вслед за Фейербахом. Первое из «Писем об изучении природы» — «Эмпирия и идеализм», — написанное в 1844 году, показывает нам мыслителя, который, даже те-

перь, головой выше бездны современных естествоиспытателей-эмпириков и тьмы тем нынешних философов, идеалистов и полуйдеалистов. Герцен вплотную подошел к диалектическому материализму и остановился перед — историческим материализмом.

Эта «остановка» и вызвала духовный крах Герцена после поражения революции 1848 года. Герцен покинул уже Россию и наблюдал эту революцию непосредственно. Он был тогда демократом, революционером, социалистом. Но его «социализм» принадлежал к числу тех бесчисленных в эпоху 48-го года форм и разновидностей буржуазного и мелкобуржуазного социализма, которые были окончательно убиты июньскими днями. В сущности, это был вовсе не социализм, а прекраснодушная фраза, доброе мечтание, в которое облекала свою *тогдашнюю* революционность буржуазная демократия, а равно невысвободившийся из-под ее влияния пролетариат.

Духовный крах Герцена, его глубокий скептицизм и пессимизм после 1848 года был крахом *буржуазных иллюзий* в социализме. Духовная драма Герцена была порождением и отражением той всемирно-исторической эпохи, когда революционность буржуазной демократии *уже* умирала (в Европе), а революционность социалистического пролетариата *еще не* созрела. Этого не поняли и не могли понять рыцари либерального российского языкоблудия, которые прикрывают теперь свою контрреволюционность цветистыми фразами о скептицизме Герцена. У этих рыцарей, которые предали русскую революцию 1905 года, которые забыли и думать о великом звании *революционера*, скептицизм есть форма перехода от демократии к либерализму, — к тому холуйскому, подлому, грязному и зверскому либерализму, который расстреливал рабочих в 48 году, который восстанавливал разрушенные троны, который рукоплескал Наполеону III и который *проклинал*, не умея понять его классовой природы, Герцен.

У Герцена скептицизм был формой перехода от иллюзий «надклассового» буржуазного демократизма к суровой, непреклонной, непобедимой классовой борьбе пролетариата. Доказательство: «Письма к старому товарищу», Бакунину, написанные за год до смерти Герцена, в 1869 году. Герцен рвет с анархистом Бакуниным. Правда, Герцен видит еще в этом разрыве только разногласие в тактике, а не пропасть между мирозерцанием уверенного в победе своего класса пролетария и отчаявшегося в своем спасении мелкого буржуа. Правда, Герцен повторяет опять и здесь старые буржуазно-демократические фразы, будто социализм должен выступать с «проповедью, равно обращенной к работнику и хозяину, земледельцу и помещику». Но все же таки, разрывая с Бакуниным, Герцен обратил свои взоры не к либерализму, а к *Интернационалу*, к тому Интернационалу,

которым руководил Маркс, — к тому Интернационалу, который начал *«собирать полки»* пролетариата, объединять *«мир рабочий»*, *«покидающий мир пользующихся без работы!»*

Не поняв буржуазно-демократической сущности всего движения 1848 года и всех форм домарксовского социализма, Герцен тем более не мог понять буржуазной природы русской революции. Герцен — основоположник «русского» социализма, «народничества». Герцен видел «социализм» в освобождении крестьян *с землей*, в общинном землевладении и в крестьянской идее «права на землю». Свои излюбленные мысли на эту тему он развивал бесчисленное количество раз.

На деле в этом учении Герцена, как и во всем русском народничестве — вплоть до полинявшего народничества теперешних «социалистов-революционеров» — нет *ни грана* социализма. Это — такая же прекраснотушная фраза, такое же доброе мечтание, облекающее *революционность* буржуазной крестьянской демократии в России, как и разные формы «социализма 48-го года» на Западе. Чем больше земли получили бы крестьяне в 1861 году и чем дешевле бы они ее получили, тем сильнее была бы подорвана власть крепостников-помещиков, тем быстрее, свободнее и шире шло бы развитие капитализма в России. Идея «права на землю» и «уравнительного раздела земли» есть не что иное, как формулировка революционных стремлений к равенству со стороны крестьян, борющихся за полное свержение помещичьей власти, за полное уничтожение помещичьего землевладения.

Революция 1905 года вполне доказала это: с одной стороны, пролетариат выступил вполне самостоятельно во главе революционной борьбы, создав социал-демократическую рабочую партию; с другой стороны, революционные крестьяне («трудовики» и «Крестьянский союз»²²⁵), борясь за всякие формы уничтожения помещичьего землевладения вплоть до «отмены частной собственности на землю», боролись именно как хозяева, как мелкие предприниматели.

В настоящее время словопрения насчет «социалистичности» права на землю и т. п. служат только к *затемнению* и прикрытию действительно важного и серьезного исторического вопроса: о различии *интересов* либеральной буржуазии и революционного крестьянства в русской *буржуазной* революции; иначе говоря, о либеральной и демократической, о «соглашательской» (монархической) и республиканской тенденции в этой революции. Именно этот вопрос поставлен «Колоколом»²²⁶ Герцена, если смотреть на суть дела, а не на фразы, —

если исследовать классовую борьбу, как основу «теорий» и учений, а не наоборот.

Герцен создал вольную русскую прессу за границей — в этом его великая заслуга. «Полярная Звезда»²²⁷ подняла традицию декабристов. «Колокол» (1857—1867) встал горой за освобождение крестьян. Рабье молчание было нарушено.

Но Герцен принадлежал к помещичьей, барской среде. Он покинул Россию в 1847 г., он не видел революционного народа и не мог верить в него. Отсюда его либеральная апелляция к «верхам». Отсюда его бесчисленные слащавые письма в «Колоколе» к Александру II Вешателю, которых нельзя теперь читать без отвращения. Чернышевский, Добролюбов, Серно-Соловьевич, представлявшие новое поколение революционеров-разночинцев, были тысячу раз правы, когда упрекали Герцена за эти отступления от демократизма к либерализму. Однако справедливость требует сказать, что, при всех колебаниях Герцена между демократизмом и либерализмом, демократ все же брал в нем верх.

Когда один из отвратительнейших типов либерального хамства, Кавелин, восторгавшийся ранее «Колоколом» именно за его *либеральные* тенденции, восстал против конституции, напал на революционную агитацию, восстал против «насилия» и призывов к нему, стал проповедовать терпение, Герцен *порвал* с этим либеральным мудрецом. Герцен обрушился на его «тощий, нелепый, вредный памфлет», писанный «для негласного руководства либеральничающему правительству», на кавелинские «политико-сентиментальные сентенции», изображающие «русский народ скотом, а правительство умницей». «Колокол» поместил статью «Надгробное слово», в которой бичевал «профессоров, вьющих гнилую паутинку своих высокомерно-крошечных идей, экс-профессоров, когда-то простодушных, а потом озлобленных, видя, что здоровая молодежь не может сочувствовать их золотушной мысли». Кавелин сразу узнал себя в этом портрете.

Когда был арестован Чернышевский, подлый либерал Кавелин писал: «Аресты мне не кажутся возмутительными... революционная партия считает все средства хорошими, чтобы сбросить правительство, а оно защищается своими средствами». А Герцен точно отвечал этому кадету, говоря по поводу суда над Чернышевским: «А тут жалкие люди, люди-трава, люди-слизняки говорят, что не следует бранить эту шайку разбойников и негодяев, которая управляет нами».

Когда либерал Тургенев написал частное письмо Александру II с уверением в своих верноподданнических чувствах и пожертвовал два золотых на солдат, раненных при усмирении польского восстания, «Колокол» писал о «седовласой Магдалине (мужеского рода),

писавшей государю, что она не знает сна, мучась, что государь не знает о постигнувшем ее раскаянии». И Тургенев сразу узнал себя.

Когда вся орава русских либералов отхлынула от Герцена за защиту Польши, когда все «образованное общество» отвернулось от «Колокола», Герцен не смутился. Он продолжал отстаивать свободу Польши и бичевать усмирителей, палачей, вешателей Александра II. Герцен спас честь русской демократии. «Мы спасли честь имени русского, — писал он Тургеневу, — и за это пострадали от рабского большинства».

Когда получалось известие, что крепостной крестьянин убил помещика за покушение на честь невесты, Герцен добавлял в «Колоколе»: «И превосходно сделал!». Когда сообщали, что вводятся военные начальники для «спокойного» «освобождения», Герцен писал: «Первый умный полковник, который со своим отрядом примкнет к крестьянам, вместо того, чтобы душить их, сядет на трон Романовых». Когда полковник Рейтерн застрелился в Варшаве (1860 г.), чтобы не быть помощником палачей, Герцен писал: «Если расстреливать, так нужно расстреливать тех генералов, которые велют стрелять по безоружным». Когда перебили 50 крестьян в Бездне и казнили их вожака Антона Петрова (12 апреля 1861 года)²²⁸, Герцен писал в «Колоколе»:

«О, если б слова мои могли дойти до тебя, труженик и страдалец земли русской!.. как я научил бы тебя презирать твоих духовных пастырей, поставленных над тобой петербургским синодом и немецким царем... Ты ненавидишь помещика, ненавидишь подьячего, боишься их — и совершенно прав; но веришь еще в царя и архиерея... не верь им. Царь с ними, и они его. Его ты видишь теперь, ты, отец убитого юноши в Бездне, ты, сын убитого отца в Пензе... Твои пастыри — темные как ты, бедные как ты... Таков был пострадавший за тебя в Казани иной Антоний (не епископ Антоний, а Антон безднинский)... Тела твоих святителей не сделают сорока восьми чудес, молитва к ним не вылечит от зубной боли; но живая память об них может совершить одно чудо — твоё освобождение».

Отсюда видно, как подло и низко клеветают на Герцена окопавшиеся в рабьей «легальной» печати наши либералы, возвеличивая слабые стороны Герцена и умалчивая о сильных. Не вина Герцена, а беда его, что он не мог видеть революционного народа в самой России в 40-х годах. Когда он увидал его в 60-х — он безбоязненно встал на сторону революционной демократии против либерализма. Он боролся за победу народа над царизмом, а не за сделку либеральной буржуазии с помещичьим царем. Он поднял знамя революции.

Чествуя Герцена, мы видим ясно три поколения, три класса, действовавшие в русской революции. Сначала — дворяне и помещики,

декабристы и Герцен. Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию.

Ее подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями «Народной воли». Шире стал круг борцов, ближе их связь с народом. «Молодые штурманы будущей бури» — звал их Герцен. Но это не была еще сама буря.

Буря, это — движение самих масс. Пролетариат, единственный до конца революционный класс, поднялся во главе их и впервые поднял к открытой революционной борьбе миллионы крестьян. Первый натиск бури был в 1905 году. Следующий начинает расти на наших глазах.

Чествуя Герцена, пролетариат учится на его примере великому значению революционной теории; — учится понимать, что беззаветная преданность революции и обращение с революционной проповедью к народу не пропадает даже тогда, когда целые десятилетия отделяют посев от жатвы; — учится определению роли разных классов в русской и международной революции. Обогащенный этими уроками, пролетариат пробьет себе дорогу к свободному союзу с социалистическими рабочими всех стран, раздавив ту гадину, царскую монархию, против которой Герцен первый поднял великое знамя борьбы путем обращения к массам с *вольным русским словом*.

«Социал-Демократ», № 26, 8 мая (25 апреля) 1912 г.

Полн. собр. соч., т. 21,
с. 255—262.

Вопрос о партийности среди демократического студенчества

Мы отмечали на днях в «Правде» (см. №) статью студента М.²²⁹, дающую замечательно ценный материал по вопросу о «студенческих настроениях». Относительно партийности студентов автор говорит:

«Конечно, в состав левых организаций входит сравнительно ограниченная часть студенчества. При нынешних условиях иначе быть не может, да и вообще: сила организаций определяется не числом членов, а влиянием на массу. Трудно гадать о будущем, но следует указать, что теперь левые организации идут в ногу со студенческой массой» («Запросы Жизни»²³⁰ № 47).

Автор совершенно прав, что *у нас* в России, особенно при теперешних политических условиях, «сила организаций определяется не числом членов, а влиянием на массу». Для Европы это было бы не верно; для России осени 1905 года тоже не верно; но для теперешней России это верно настолько, что можно даже отважиться на кажущийся парадокс: число членов организации не должно подниматься свыше определенного минимума *для того*, чтобы влияние ее на массу было широко и устойчиво!

Но какова партийность этих «левых» организаций в студенчестве? Студент М. пишет:

«Особенно следует отметить, что не чувствуется розни между отдельными левыми организациями. Такая рознь особенно была сильна года три назад, в пору бездействия и затишья. Случалось, что выборы в столовые и т. под. комиссии шли по партийным спискам. Теперь эти распри почти исчезли, — отчасти потому, что всем ясна необходимость соединить силы для общего действия, отчасти вследствие того, что старые партийные позиции поколеблены, а новые еще не закреплены».

Нет сомнения, что и в этом отношении студенчество отразило на себе явление общерусского масштаба. Везде, во всей демократии, и среди рабочих тоже, «старые партийные позиции поколеблены, а новые еще не закреплены». Что такое ликвидаторство? Это и есть либо

малодушная уступка духу времени, духу «поколебленности» старых партийных позиций, либо злорадное использование либералами этой поколебленности.

Задача *всей* демократии — бороться изо всех сил против этой «поколебленности» и добиваться точного, ясного, определенного, обдуманного «закрепления» «новых позиций». Смешивать споры, дискуссии по партийным (и внутрипартийным) платформам с «распрями» было бы величайшей ошибкой.

«Соединять силы для общего действия» — совершенно необходимо, в том числе, например, силы марксистов и народников. Но это не устраняет партийной определенности, а *требует* ее. Соединять действия можно только тогда, когда есть *настоящее* единство убеждения о том, необходимо ли данное действие. Это ясно, как ясен ясный божий день. Русская демократия страдала от того, что пробовала «соединить силы» для *демократического* действия с недемократами, с либералами!

Попробуйте «соединить силы» сторонников, скажем, политических стачек с «силами» их противников: выйдет, очевидно, *вред* для «действия». Нет, добейтесь сначала ясной, определенной, точной, обдуманной размежевки «позиций», платформ и программ — и затем *соединяйте* силы такие, которые *могут* идти вместе по своим убеждениям, по своей социальной натуре, соединяйте их *только* на том действии, в котором можно ждать единодушия. Тогда и только тогда выйдет прок из начинания.

Написано между 24 и 29 ноября (7 и 12 декабря) 1912 г.

Впервые напечатано в 1954 г. в журнале «Коммунист», № 6
Подпись: В. И.

Полн. собр. соч., т. 22,
с. 210—211.

Русские и негры

Что за странное сопоставление? — подумает читатель. — Как можно ставить рядом одну из рас с одной из наций?

Сопоставление возможное. Негры позже всех освободились от рабства и до сих пор несут на себе всего более тяжелые следы рабства — даже в передовых странах, ибо капитализм не может «вместить» иного освобождения, кроме правового, да и это последнее всячески урезывает.

Про русских история говорит, что они «почти» освободились от *крепостного* рабства в 1861 году. Приблизительно в то же самое время, после гражданской войны с американскими рабовладельцами, освободились от рабства негры в Северной Америке.

Освобождение американских рабов произошло путем менее «реформаторским», чем освобождение рабов русских.

Поэтому теперь, полвека спустя, на русских осталось *гораздо больше* следов рабства, чем на неграх. И даже было бы точнее, если бы мы говорили не только о следах, но и об учреждениях... Но мы ограничимся в данной статейке одной маленькой иллюстрацией сказанного: вопросом о грамотности. Известно, что безграмотность — один из следов рабства. Не может быть грамотно большинство населения в стране, угнетенной пашами, Пуришкевичами и т. п.

— В России *неграмотных* 73%, не считая детей до 9-летнего возраста.

Среди негров в Северо-Американских Соединенных Штатах неграмотных (1900 г.) — $44\frac{1}{2}\%$.

Позором ложится на цивилизованную, передовую страну, североамериканскую республику, такой безобразно высокий % неграмотных. И всякому известно притом, что *вообще* положение негров в Америке недостойно цивилизованной страны: капитализм *не может* дать *полного* освобождения ни даже полного равенства.

Поучительно, что среди белых в Америке процент неграмотных составляет всего 6%. Но если мы разделим Америку на районы бывшие рабовладельческие (американскую «Россию») и на районы нерабовладельческие (американскую не Россию), то получим процент неграмотных *среди белых*: 11—12% у первых, 4—6% у вторых!

В бывших рабовладельческих районах *вдвое выше* процент неграмотных *среди белых*. Следы рабства лежат не только на неграх!

Позор Америке за положение негров!..

Написано в конце января — начале февраля 1913 г.

Впервые напечатано в 1925 г. в журнале «Красная Нива», № 3
Подпись: W.

*Полн. собр. соч., т. 22,
с. 345—346.*

Из статьи «Возрастающее несоответствие

Заметки публициста»

...Думские формулы перехода разных партий по объяснениям Кассо представляют большой интерес²³¹. Они дают нам точный, официально утвержденный депутатами разных партий материал для политического анализа. Именно анализа и недостает обыкновенно больше всего этому материалу. Он теряется в заметках ежедневной печати или в груди стенографических отчетов Думы. А на нем очень стоит остановиться для уяснения истинной природы разных партий.

Редакционная статья «Речи» на другой день после принятия формулы недоверия заявляет: «Таким образом, русское общество получило от Гос. думы то, на что имело право рассчитывать» (№ 37, 7 февраля). Выходит как будто, что «обществу» надо лишь знать: доверяет Дума г-ну Кассо или нет, ничего больше!

Это неверно. Народу и демократии надо знать *мотивы* недоверия, чтобы *понимать* причины явления, признаваемого ненормальным в политике, и чтобы уметь найти *выход* к нормальному. Объединение на одном только слове «не доверяем» к.-д., октябристов и с.-д. дает слишком мало по этим серьезнейшим вопросам. Вот формула перехода октябристов:

«Гос. дума... считает: 1) всякое вовлечение учащих средней школы в политическую борьбу губительным для духовного развития молодых сил России и вредным для нормального течения общественной жизни; 2) необходимость в случаях своевременной осведомленности властей о нежелательных явлениях в средней школе предупредительных мер, а не выжидания, пока явления примут ненормальный характер *; 3) решительно высказывается против применения к

* Этот текст внесен в заседании 25 января. В заседании 1 февраля § 2 изменен так: «Отмечая по поводу данного частного случая господствующее в средней школе формальное и безучастное отношение к учащимся, отчужденность педагогического персонала от семьи, необходимо установить общий благожелательный взгляд на подрастающее поколение».

учащимся тех полицейских мер, которые имели место 10.XII.1912 без ведома учебного начальства, вместо естественного педагогического воздействия; 4) признает антипедагогической медленность, с которой решается судьба удаленных из учебных заведений учащихся, и, ожидая немедленной ликвидации этого случая в смысле, благожелательном для учащихся, — переходит к очередным делам».

Каковы политические идеи этого вотума?

Политика в школе вредна. Ученики виноваты. Но карать их должны педагоги, а не полицейские. Правительством мы недовольны за недостаток «благожелательности» и за медленность.

Это — идеи антидемократические. Это — оппозиция либеральная: система старой власти пусть остается, но применять ее надо помягче. Бей, но в меру и без огласки.

Посмотрите на формулу перехода прогрессистов ²³²:

«...Дума находит: 1) министерство народного просвещения, осведомленное о том, что происходило в средних учебных заведениях СПб. в последнее время, проявило безучастное отношение к своим обязанностям и не оградило среднюю школу от вторжения в нее полиции; 2) приемы, допущенные чинами полиции, которые были приняты без протеста со стороны министерства народного просвещения и заключались в обысках школ, во взятии и содержании детей в участке под арестом, в недопустимых способах расследования, не могут быть никоим образом оправданы, тем более, что дело шло в данном случае не об охране государственной безопасности, а о восстановлении порядка в средней школе; 3) вся система мер министерства народного просвещения, направленная к отчуждению школы от семьи, бездушным формализмом, угнетающим нравственное и умственное развитие молодого поколения, создает условия, благоприятные для возникновения явлений, ненормальных в школьной жизни. Считаю объяснения министра народного просвещения неудовлетворительными, Дума переходит к очередным делам».

Эта формула внесена 30 января, и прогрессисты тогда же заявили, что голосуют за октябристов, если они добавят недоверие. Результаты этого торга мы видели выше.

На какой почве мог идти торг? На почве согласия в основном.

Прогрессисты тоже считают политику в школе ненормальной, тоже требуют «восстановления порядка» (крепостнического). У них тоже оппозиция с родительным падежом, оппозиция не системе старой власти, а ее применению — «безучастному, бездушному» и т. п. Пирогов в 1860-х годах соглашается, что надо сечь, но требовал, чтобы секли *не* безучастно, *не* бездушно²³³. Прогрессисты не против того, чтобы теперешние социальные элементы «восстанавливали порядок», но им советуетеся делать это «участливее». Какой прогресс-то у нас за полвека!

Формула перехода кадетов:

«Выслушав объяснения министра народного просвещения и признавал: 1) что в них имеет место полное смешение точки зрения педагогической с точкой зрения полицейской; 2) что объяснения эти представляют полное отрицание тех нормальных оснований, на которых могут быть установлены дружественные отношения сотрудничества между школой и семьей; 3) что политика министерства, вызывая глубокое недовольство в среде учащихся и законное раздражение в обществе, сама содействует образованию той атмосферы, которая благоприятствует раннему вовлечению учащейся молодежи в занятия политикой и таким образом сама создает условия, возникновение которых должна была бы предупредить; 4) что обращение с учащимися, как с государственными преступниками, калечит жизнь наиболее одаренных из подрастающего поколения, вырывает из рядов его многочисленные жертвы и составляет угрозу для будущности России, — Дума признает объяснения министра неудовлетворительными и переходит к очередным делам».

В гораздо более мягкой и закутанной фразами форме здесь *тоже* осуждается «раннее» вовлечение в политику. Это — антидемократическая точка зрения. И октябристы и кадеты осуждают полицейские меры лишь потому, что требуют вместо них *предупреждения*. Не разгонять собрания, а предупреждать их должна система. Ясно, что система сама от такой реформы лишь подкрасится, но не изменится. Мы недовольны политикой министерства, — говорят к.-д., — и у них выходит, совсем по-октябристски, что *возможно желать* изменения этой политики без кое-чего гораздо более глубокого.

К.-д. выражаются против правительства гораздо резче, чем октябристы, и неразвитые политически элементы за этой резкостью слов просматривают полное тождество либеральной, антидемократической, *постановки вопроса* у к.-д. и у октябристов.

Дума должна серьезно учить народ политике. Кто учится политике у кадетов, тот развращает, а не развивает свое сознание.

Что октябристы, прогрессисты и кадеты торговались и сторговались на общей формуле, это не случайность, а результат их идейно-политической солидарности в основном. Нет ничего мизернее кадетской политики: ради признания неудовлетворительными объяснений соглашаться на прямое осуждение политики в школах. Но соглашались кадеты на это потому, что они сами осуждают «раннее» вовлечение.

Формула Трудовой группы:

«Принимая во внимание: 1) что грубое насилие, произведенное 9.XII.1912 над учащейся молодежью средней школы, поразившее общество позорным привлечением охранного отделения к делу педагогического надзора за учащимися средней школы, встретило в объяснении министра народного просвещения г. Кассо лишь полное одобрение и злорадную насмешку над общественным мнением; 2) что система сыска и охраны, являющаяся результатом всей политики объединенного министерства и, в частности, министра народного просвещения Кассо, ведет к окончательному разгрому и грозит в будущем тяжелыми потрясениями для

подростающего поколения, — Гос. дума требует: немедленного принятия обратно всех уволенных 9. XII, и, признавая объяснения министра народного просвещения Кассо неудовлетворительными, — его немедленной отставки и переходит к очередным делам».

Эта формула, строго говоря, есть резко либеральная формула, но того, что должен бы сказать демократ, *в отличие* от либерала, в ней нет. И либерал может признать позорным привлечение охраны к педагогическому надзору, но демократ должен сказать (и должен научить народ тому), что *никакой* «надзор» не вправе посягать на свободное устройство кружков и бесед о политике. И либерал может осуждать «*всю* политику объединенного министерства», но демократ в России должен разъяснить, что есть некоторые общие условия, в силу которых какое угодно иное министерство вынуждено было бы вести ту же, в сущности, политику.

Демократизм трудовической формулы сказывается *только* в ее тоне, в настроении авторов. Настроение есть политический симптом, слов нет. Но от формулы перехода не грех требовать продуманной мысли, а не только «духоподъемного» настроения.

Формула перехода социал-демократов:

«Выслушав объяснения министра народного просвещения и усматривая в них: 1) решимость бороться с естественным и отрадным стремлением учащейся молодежи к расширению своего умственного кругозора путем самообразования и к товарищескому общению; 2) оправдание системы чиновнического формализма, шпионства и полицейского сыска, насаждаемой в высшей, средней и нижней школе, умственно и нравственно калечащей молодежь, беспощадно подавляющей всякие проблески самостоятельности мысли и независимости характера и порождающей эпидемию самоубийств среди учащихся, — Гос. дума признает эти объяснения неудовлетворительными. Признавая вместе с тем, что 1) господство полицейской точки зрения в деле народного просвещения неразрывно связано с господством охранной полиции над всю русскую жизнь, подавлением всех видов организованной самостоятельности граждан и их бесправием и что 2) только коренное преобразование государственного строя и системы государственного управления способно освободить граждан от полицейских пут, освободить от них и школу, — Гос. дума переходит к очередным делам».

Едва ли можно признать безупречной и эту формулу. Нельзя не пожалеть ей более популярного и более обстоятельного изложения, нельзя не пожалеть, что не указана законность занятия политикой и т. д. и т. п.

Но наша критика *всех формул* вовсе не направлена на частности редактирования, а исключительно на *основные политические идеи* авторов. Демократ должен был сказать главное: кружки и беседы *естественны и отрадны*. В этом суть. Всякое осуждение вовлечения в политику, хотя бы и «раннего», есть лицемерие и обскурантизм.

Демократ должен был поднять вопрос *от* «объединенного министерства» к государственному строю. Демократ должен был отметить «неразрывную связь», во-1-х, с «господством охранной полиции», во-2-х, с господством в экономической жизни класса крупных помещиков феодального типа.

Написано 6—9 (19—22) февраля 1913 г.

Напечатано в марте и апреле 1913 г.
в журнале «Просвещение», № 3 и 4

Подпись: В. И л ъ н

Полн. собр. соч., т. 22,
с. 383—388.

Три источника и три составных части марксизма ²³⁴

Учение Маркса вызывает к себе во всем цивилизованном мире величайшую вражду и ненависть всей буржуазной (и казенной, и либеральной) науки, которая видит в марксизме нечто вроде «вредной секты». Иного отношения нельзя и ждать, ибо «беспристрастной» социальной науки не может быть в обществе, построенном на классово-вой борьбе. Так или иначе, но *вся* казенная и либеральная наука *защищает* наемное рабство, а марксизм объявил беспощадную войну этому рабству. Ожидать беспристрастной науки в обществе наемного рабства — такая же глупенькая наивность, как ожидать беспристрастия фабрикантов в вопросе о том, не следует ли увеличить плату рабочим, уменьшив прибыль капитала.

Но этого мало. История философии и история социальной науки показывают с полной ясностью, что в марксизме нет ничего похожего на «сектанство» в смысле какого-то замкнутого, застенелого учения, возникшего *в стороне* от столбовой дороги развития мировой цивилизации. Напротив, вся гениальность Маркса состоит именно в том, что он дал ответы на вопросы, которые передовая мысль человечества уже поставила. Его учение возникло как прямое и непосредственное *продолжение* учения величайших представителей философии, политической экономии и социализма.

Учение Маркса всеильно, потому что оно верно. Оно полно и стройно, давая людям цельное мирозерцание, непримиримое ни с каким суеверием, ни с какой реакцией, ни с какой защитой буржуазного гнета. Оно есть законный преемник лучшего, что создало человечество в XIX веке в лице немецкой философии, английской политической экономии, французского социализма.

На этих трех источниках и вместе с тем составных частях марксизма мы вкратце и остановимся.

I

Философия марксизма есть *материализм*. В течение всей новейшей истории Европы, и особенно в конце XVIII века, во Франции, где разыгралась решительная битва против всяческого средневекового хлама, против крепостничества в учреждениях и в идеях, материализм оказался единственной последовательной философией, верной всем учениям естественных наук, враждебной суевериям, ханжеству и т. п. Враги демократии старались поэтому всеми силами «опровергнуть», подорвать, оклеветать материализм и защищали разные формы философского идеализма, который всегда сводится, так или иначе, к защите или поддержке религии.

Маркс и Энгельс самым решительным образом отстаивали философский материализм и неоднократно разъясняли глубокую ошибочность всяких уклонений от этой основы. Наиболее ясно и подробно изложены их взгляды в сочинениях Энгельса: «Людвиг Фейербах» и «Опровержение Дюринга», которые — подобно «Коммунистическому Манифесту»²³⁵ — являются настольной книгой всякого сознательного рабочего.

Но Маркс не остановился на материализме XVIII века, а двинул философию вперед. Он обогатил ее приобретениями немецкой классической философии, особенно системы Гегеля, которая в свою очередь привела к материализму Фейербаха. Главное из этих приобретений — *диалектика*, т. е. учение о развитии в его наиболее полном, глубоком и свободном от односторонности виде, учение об относительности человеческого знания, дающего нам отражение вечно развивающейся материи. Новейшие открытия естествознания — радий, электроны, превращение элементов — замечательно подтвердили диалектический материализм Маркса, вопреки учениям буржуазных философов с их «новыми» возвращениями к старому и гнилому идеализму.

Углубляя и развивая философский материализм, Маркс довел его до конца, распространил его познание природы на познание *человеческого общества*. Величайшим завоеванием научной мысли явился *исторический материализм* Маркса. Хаос и произвол, царившие до сих пор во взглядах на историю и на политику, сменились поразительно целой и стройной научной теорией, показывающей, как из одного уклада общественной жизни развивается, вследствие роста производительных сил, другой, более высокий, — из крепостничества, например, вырастает капитализм.

Точно так же, как познание человека отражает независимо от него существующую природу, т. е. развивающуюся материю, так

общественное познание человека (т. е. разные взгляды и учения философские, религиозные, политические и т. п.) отражает *экономический строй* общества. Политические учреждения являются надстройкой над экономическим основанием. Мы видим, например, как разные политические формы современных европейских государств служат укреплению господства буржуазии над пролетариатом.

Философия Маркса есть законченный философский материализм, который дал человечеству великие орудия познания, а рабочему классу — в особенности.

II

Признав, что экономический строй является основой, на которой возвышается политическая надстройка, Маркс всего более внимания уделил изучению этого экономического строя. Главный труд Маркса — «Капитал» посвящен изучению экономического строя современного, т. е. капиталистического, общества.

Классическая политическая экономия до Маркса сложилась в Англии — самой развитой капиталистической стране. Адам Смит и Давид Рикардо, исследуя экономический строй, положили начало *трудовой теории стоимости*. Маркс продолжал их дело. Он строго обосновал и последовательно развил эту теорию. Он показал, что стоимость всякого товара определяется количеством общественно-необходимого рабочего времени, идущего на производство товара.

Там, где буржуазные экономисты видели отношение вещей (обмен товара на товар), там Маркс вскрыл *отношение между людьми*. Обмен товаров выражает связь между отдельными производителями при посредстве рынка. *Деньги* означают, что эта связь становится все теснее, неразрывно соединяя всю хозяйственную жизнь отдельных производителей в одно целое. *Капитал* означает дальнейшее развитие этой связи: товаром становится рабочая сила человека. Наемный рабочий продает свою рабочую силу владельцу земли, фабрик, орудий труда. Одну часть рабочего дня рабочий употребляет на то, чтобы покрыть расходы на содержание свое и своей семьи (заработная плата), а другую часть дня рабочий трудится даром, создавая *прибавочную стоимость* для капиталиста, источник прибыли, источник богатства класса капиталистов.

Учение о прибавочной стоимости есть краеугольный камень экономической теории Маркса.

Капитал, созданный трудом рабочего, давит рабочего, разоряя мелких хозяев и создавая армию безработных. В промышленности победа крупного производства видна сразу, но и в земледелии мы ви-

дим то же явление: превосходство крупного капиталистического земледелия увеличивается, растет применение машин, крестьянское хозяйство попадает в петлю денежного капитала, падает и разоряется под гнетом отсталой техники. В земледелии — иные формы падения мелкого производства, но самое падение его есть бесспорный факт.

Побивая мелкое производство, капитал ведет к увеличению производительности труда и к созданию монопольного положения союзов крупнейших капиталистов. Самое производство становится все более общественным, — сотни тысяч и миллионы рабочих связываются в планомерный хозяйственный организм, — а продукт общего труда присваивается горстью капиталистов. Растет анархия производства, кризисы, бешеная погоня за рынком, необеспеченность существования для массы населения.

Увеличивая зависимость рабочих от капитала, капиталистический строй создает великую мощь объединенного труда.

От первых зачатков товарного хозяйства, от простого обмена, Маркс проследил развитие капитализма до его высших форм, до крупного производства.

И опыт всех капиталистических стран, как старых, так и новых, показывает наглядно с каждым годом все большему и большему числу рабочих правильность этого учения Маркса.

Капитализм победил во всем мире, но эта победа есть лишь преддверие победы труда над капиталом.

III

Когда было свергнуто крепостничество и на свет божий явилось «свободное» капиталистическое общество, — сразу обнаружилось, что эта свобода означает новую систему угнетения и эксплуатации трудящихся. Различные социалистические учения немедленно стали возникать, как отражение этого гнета и протест против него. Но первоначальный социализм был *утопическим* социализмом. Он критиковал капиталистическое общество, осуждал, проклинал его, мечтал об уничтожении его, фантазировал о лучшем строе, убеждал богатых в безнравственности эксплуатации.

Но утопический социализм не мог указать действительного выхода. Он не умел ни разъяснить сущность наемного рабства при капитализме, ни открыть законы его развития, ни найти ту *общественную силу*, которая способна стать творцом нового общества.

Между тем бурные революции, которыми сопровождалось падение феодализма, крепостничества, везде в Европе и особенно во

Франции, все нагляднее вскрывали, как основу всего развития и его движущую силу, *борьбу классов*.

Ни одна победа политической свободы над классом крепостников не была завоевана без отчаянного сопротивления. Ни одна капиталистическая страна не сложилась на более или менее свободной, демократической основе, без борьбы не на жизнь, а на смерть между разными классами капиталистического общества.

Гениальность Маркса состоит в том, что он сумел раньше всех сделать отсюда и провести последовательно тот вывод, которому учит всемирная история. Этот вывод есть учение о *классовой борьбе*.

Люди всегда были и всегда будут глупенькими жертвами обмана и самообмана в политике, пока они не научатся за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обещаниями разыскивать *интересы* тех или иных классов. Сторонники реформы и улучшений всегда будут одурачиваемы защитниками старого, пока не поймут, что всякое старое учреждение, как бы дико и гнило оно ни казалось, держится силами тех или иных господствующих классов. А чтобы сломить сопротивление этих классов, есть *только одно* средство: найти в самом окружающем нас обществе, просветить и организовать для борьбы такие силы, которые могут — и по своему общественному положению *должны* — составить силу, способную смести старое и создать новое.

Только философский материализм Маркса указал пролетариату выход из духовного рабства, в котором прозябали донныне все угнетенные классы. Только экономическая теория Маркса разъяснила действительное положение пролетариата в общем строе капитализма.

Во всем мире, от Америки до Японии и от Швеции до Южной Африки, множатся самостоятельные организации пролетариата. Он просвещается и воспитывается, ведя свою классовую борьбу, избавляется от предрассудков буржуазного общества, сплачивается все теснее и учится измерять меру своих успехов, закаляет свои силы и растет неудержимо.

К вопросу о политике министерства народного просвещения ²³⁶

(Дополнения к вопросу о народном просвещении)

Наше министерство народного, извините за выражение, «просвещения» чрезвычайно похваляется тем, что расходы его растут особенно быстро. В объяснительной записке премьера и министра финансов к росписи на 1913 год находим свод данных о смете министерства народного якобы просвещения за послереволюционные годы. С 46-ти миллионов рублей в 1907 году эта смета поднялась до 137-ми миллионов в 1913 году. Увеличение громадное: почти втрое за каких-нибудь шесть лет!

Напрасно только наши казенные хвалители полицейских «порядков» или *беспорядков* в России забывают, что до смешного маленькие цифры в процентном исчислении их возрастания растут всегда с *громадной* быстротой. Если нищему, имеющему три копейки, вы дадите пятак, увеличение его «имущества» сразу будет «громадное»: на целых 167%!

Не следовало ли министерству, если бы оно не преследовало цели *затемнения* народного сознания и *сокрытия* нищенского положения народного образования в России, привести *иные данные*? Именно не следовало ли привести данные, сравнивающие не сегодняшний наш пятак со вчерашним нашим алтыном, а данные, сравнивающие то, что мы имеем, с тем, что *необходимо* цивилизованному государству? Всякий, кто не хочет обманывать себя и обманывать народ, должен признать, что такие данные министерство *обязано* было привести,— что, не приводя *таких* данных, министерство не исполнило своего долга. Вместо *разъяснения* народу и народным представителям наших государственных нужд, министерство *затемняет* эти нужды, занимаясь глупой казенной игрой в цифирьки, казенным пережевыванием старых, ничего не разъясняющих цифр.

В моем распоряжении нет, конечно, и сотой доли тех средств и

тех источников ознакомления с делом народного образования, которыми располагает министерство. Но я все же постарался добыть хоть *некоторые* источники. И я смело утверждаю, что я смогу привести вам *беспорные*, официальные, данные, действительно *выясняющие* положение нашего казенного народного «затемнения».

Я беру официальный, правительственный «Ежегодник России» на 1910 год, — издание министерства внутренних дел (С.-Петербург. 1911).

Я читаю в нем на странице 211-ой, что *все* число учащихся в Российской империи, соединяя вместе и низшие, и средние, и высшие школы, и учебные заведения всех видов, составляло в 1904 году 6 200 172 человека, а в 1908 году — 7 095 351 человек. Увеличение налицо. *Пятый* год, год великого пробуждения народных масс в России, год великой народной борьбы за свободу под руководством пролетариата, этот год *заставил* даже наше казенное ведомство двинуться с мертвой точки.

Но посмотрите, на какое *нищенство* осуждены мы, благодаря сохранению казенщины, благодаря всевластию крепостников-помещиков, *даже* при условиях наиболее быстрого «ведомственного» прогресса.

Тот же «Ежегодник России» там же рассчитывает, что на 1000 жителей приходится в России 46,7 учащихся в 1908 году (в 1904 году было 44,3 учащихся на 1000 жителей).

О чем говорит эта цифра, которую министерство народного просвещения поленилось сообщить Думе из изданий министерства внутренних дел? О чем говорит эта пропорция: *менее 50 учащихся на 1000 жителей?*

Она говорит, господа защитники казенного народного затемнения, о *невероятной* отсталости и дикости России благодаря всевластию крепостников-помещиков в нашем государстве. Число детей и подростков школьного возраста составляет в России свыше 20%, т. е. *свыше пятой доли* всего числа жителей. Эту цифру не трудно было бы узнать *даже* господам Кассо и Коковцову через своих департаментских чиновников.

Итак, детей в школьном возрасте 22%, а учащихся 4,7%, то есть *почти впятеро меньше!!* Это значит, что около *четыре х пять* детей и подростков в России *лишено* народного образования!!

Такой дикой страны, в которой бы массы народа настолько были *ограблены* в смысле образования, света и знания, — такой страны в Европе не осталось ни одной, кроме России. И эта одичалость народных масс, в особенности крестьян, не случайна, а неиз-

бежна при гнете помещиков, захвативших десятки и десятки миллионов десятин земли, захвативших и государственную власть как в Думе, так и в Государственном совете, да и не только в этих учреждениях, сравнительно еще *низших*...

Четыре пятых молодого поколения осуждены на безграмотность крепостническим государственным устройством России. Этому отуплению народа помещичьей властью соответствует безграмотность в России. Тот же правительственный «Ежегодник России» считает (на странице 88-ой), что в России грамотных всего 21% населения, а за вычетом (из населения) детей дошкольного возраста, т. е. детей до 9 лет, всего 27%.

А в цивилизованных странах неграмотных нет вовсе, как в Швеции и в Дании, или неграмотных всего 1—2%, как в Швейцарии и в Германии. Даже отсталая Австро-Венгрия создала для своего славянского населения условия жизни *неизмеримо* более культурные, чем крепостническая Россия: в Австрии 39% неграмотных, в Венгрии 50%. Следовало бы *подумать* над этими цифрами нашим шовинистам, правым, националистам и октябристам, если бы они не ставили своей «государственной» целью — самим отучиться думать и народ отучить думать. Но если сами они уже отучились, то народ в России все больше *учится* думать, — думать и о том, какой класс своим господством в государстве осуждает русских крестьян на нищету материальную и нищету духовную.

Америка принадлежит *не* к передовым странам по числу грамотных. В ней почти 11% неграмотных, а среди негров 44% неграмотных. Но американские негры все же *более чем вдвое* лучше поставлены в отношении «народного просвещения», чем русские крестьяне. Американские негры, как ни придавлены они к стыду американской республики, все же счастливее русских крестьян, — а счастливее они потому, что американских рабовладельцев народ ровно полвека тому назад разбил наголову, раздавил эту гадину, смел начисто рабовладение и рабовладельческий государственный строй, рабовладельческие политические привилегии в Америке.

Господа Кассо, Коковцовы и Маклаковы научат и русский народ подражать американскому примеру.

В Америке учащихся было в 1908 году *17 миллионов*, то есть *192 учащихся на тысячу жителей* — *более чем вчетверо* больше против России. Сорок три года тому назад, в 1870 году, когда Америка только еще *начинала* строить свою свободную жизнь, после *очистки* страны от рабовладельческих зубров, — сорок три года тому назад в Америке было 6 871 522 учащихся, т. е. больше, чем в России 1904 года и *почти* столько же, сколько в России

1908 года. Но и тогда, в 1870 году, на 1000 жителей в Америке было 178 (*сто семьдесят восемь*) учащихся, т. е. без малого вчетверо больше, чем в *современной* России.

Вот вам, господа, новое доказательство того, что России *еще* предстоит отвоевать себе упорной, революционной борьбой народа *ту свободу*, которую полвека назад приобрели себе американцы.

Смета министерства народного затемнения в России определена на 1913 год в 136,7 миллионов рублей. Это составляет на одного жителя (170 миллионов в 1913 г.) всего по 80 копеек. Даже если принять ту цифру «общей суммы расходов казны на просвещение», которую дает г. министр финансов на странице 109-й своей объяснительной записки к росписи, именно цифру 204,9 миллионов рублей, все же мы получим только 1 руб. 20 копеек на одного жителя. В Бельгии, Англии, Германии сумма расходов на народное образование составляет 2—3 рубля и даже 3 руб. 50 коп. на одного жителя. В Америке в 1910 году тратилось на народное образование 426 миллионов долларов, т. е. 852 миллиона рублей, т. е. по 9 руб. 24 коп. на 1 жителя. Сорок три года тому назад, в 1870 году, американская республика расходовала на народное образование 126 млн. рублей в год, т. е. по *3 руб. 30 коп.* на 1 жителя.

Нам возражают, конечно, казенные перья и казенные слуги, что Россия бедна, у нее нет денег. О да, Россия не только бедна, она — нищая, когда идет речь о народном образовании. Зато Россия очень «богата» расходами на крепостническое государство, помещиками управляемое, расходами на полицию, на войско, на аренды и десятитысячные жалованья помещикам, дослужившимся до «высоких» чинов, на политику авантюр и грабежа вчера в Корее или на реке Ялу, сегодня в Монголии и в турецкой Армении. Россия *всегда* останется бедной и нищей в отношении расходов на просвещение народа, *пока* народ не просветится настолько, чтобы свергнуть с себя гнет крепостников-помещиков.

Россия бедна, когда речь идет о жалованье народным учителям. Им платят жалкие гроши. Народные учителя голодают и мерзнут в нетопленных и почти нежилых избах. Народные учителя живут вместе со скотом, который крестьяне зимой берут в избу. Народных учителей травит любой урядник, любой деревенский черносотенец или добровольный охранник и сыщик, не говоря уже о придираках и преследованиях со стороны начальства. Россия бедна, чтобы платить честным работникам народного просвещения, но Россия очень богата, чтобы кидать миллионы и десятки миллионов на дворян-тунеядцев, на военные авантюры, на подачки сахарозаводчикам и нефтяным королям и тому подобное.

Еще одна, последняя цифра из американской жизни, господа,— чтобы показать угнетенным русскими помещиками и *их* правительством народам, как живет народ, сумевший революционной войной добиться свободы. В 1870 году в Америке числилось 200 515 учителей с жалованием в 37,8 миллионов долларов, т. е. по 189 долларов или по 377 рублей в год в среднем на учителя. Это было сорок лет тому назад! А теперь в Америке 523 210 учителей, а жалованья они получают 253,9 миллиона долларов, т. е. по 483 доллара или по 966 рублей в год на учителя. И в России, даже при теперешнем уровне ее производительных сил, было бы вполне возможно уже в настоящее время обеспечить не менее удовлетворительным жалованьем армию народных учителей, помогающих народу подняться из невежества, темноты и забитости,— если бы... если бы весь государственный строй России, снизу доверху был переделан в столь же демократический, как американский.

Либо нищета и одичание при всевластии помещиков-крепостников, при третьейюньских порядках или безобразиях — либо свобода и цивилизация при *умении и решимости* завоевать свободу, вот тот наглядный урок, который преподает русским гражданам смета министерства народного просвещения.

Но я касался до сих пор почти одной только материальной или даже финансовой стороны вопроса. Еще неизмеримо более печальна или, вернее, более отвратительна картина духовной забитости, приниженности, придавленности, бесправия учащихся и учащихся в России. Вся деятельность министерства народного просвещения в этом отношении — одно сплошное надругательство над правами граждан, над народом. Полицейский сыск, полицейский произвол, полицейские *помехи* просвещению народа вообще и рабочих в особенности, полицейское *разрушение* того, что делает сам народ для своего просвещения, — вот к чему сводится *вся* деятельность министерства, смету которого будут одобрять господа помещики, от правых до октябристов включительно.

И чтобы *доказать* вам, гг. члены IV Думы, правильность моих слов, я вызову свидетеля, которого *даже* вы, господа помещики, не сможете отвести. Этот свидетель: член III и IV Государственной думы октябрист г. *Клюжев*, член попечительного совета 2-й и 3-ей самарской женской гимназии, член школьной комиссии при самарской городской думе, член ревизионной комиссии самарского губернского земства, бывший инспектор народных училищ. Я перечислил (на основании официального справочника III Думы) чины и звания этого октябриста, чтобы *доказать* вам, что *само* правительство, *сами* помещики в нашем помещичьем земстве поставили

г. Ключева на виднейшие места в области «работы» (сыскной и палаческой «работы») нашего министерства народного одурачения.

Уж если кто, то, конечно, г. Ключев проделал всю карьеру законопослушного и богобоязненного служаки-чиновника. Уж если кто, то, конечно, г. Ключев завоевал своей верной службой на месте, в провинции, доверие господ дворян и помещиков.

И вот вам несколько цитат этого благонадежнейшего (с крепостнической точки зрения) свидетеля из его речи в *т р е т ь е й* Думе по смете министерства народного просвещения.

Самарское земство — рассказывал в III Думе г. Ключев — *единогласно* приняло предложение г-на Ключева ходатайствовать о превращении некоторых двухклассных сельских училищ в четырехклассные. Попечитель округа — сообщает законопослушный и богобоязненный г. Ключев — *о т к а з ы в а е т*. Почему? Официальное объяснение: *«ввиду незначительного числа детей школьного возраста»*.

И вот г. Ключев делает следующее сопоставление: у нас (говорит он про задавленную помещиками Россию), у нас на 6000 жителей самарских сел *н и о д н о г о* четырехклассного училища. В городе Сердоболе (Финляндия) на **2800** жителей — *четыре* средних (и выше средних) школы.

Таково сопоставление, сделанное г. октябристом и заслуженнейшим Передоновым *... виноват, я обмолвился... заслуженнейшим г-ном Ключевым в III Думе. Подумайте над этим сопоставлением, господа представители, если не народные, то хоть помещичьи представители! Кто ходатайствовал об открытии училищ? Не левые ли? Не мужичье ли? Не рабочие ли? боже упаси!! Ходатайствовало *единогласно* самарское земство, т. е. самарские *п о м е щ и к и*, в том числе и наиболее черносотенные. А правительство, в лице попечителя, отказывает под предлогом, что *«незначительно»* число детей школьного возраста!! Ну, не прав ли я был целиком и всемерно, когда сказал, что правительство *мешает* народному просвещению в России? — что правительство — величайший враг народного просвещения в России?

Если в Финляндии мы видим культуру, цивилизацию, свободу, грамотность, образованных женщин и так далее, то это *исключительно* потому, что в Финляндии *н е т* такого «общественного бедствия», как российское правительство. Теперь хотят и Финляндию навязать это бедствие, и Финляндию сделать рабской страной. Не

* Передонов — тип учителя шпиона и тупицы в романе Сологуба «Мелкий бес».

удастся вам это, господа!! Своими попытками насильно ввести политическое рабство в Финляндии вы только ускорите пробуждение от политического рабства народов России!

Я приведу еще одно показание октябристского свидетеля г-на Ключева: «Как вербуются педагоги?» — спрашивал в своей речи г. Ключев и сам дал следующий ответ на свой вопрос:

«Один покойный самарский деятель, Попов, завещал капитал на устройство женской учительской семинарии». И кого, вы думаете, назначили начальницей семинарии. Вот что пишет душеприказчик покойного Попова: «А на место начальницы назначена *вдова гвардейского генерала*, которая, по собственному своему признанию, впервые услышала о существовании учебного заведения, называемого женскою учительскою семинарией»!

Не подумайте, господа, что этот факт взят мной из сборника басен Демьяна Бедного, из такой басни, за которую «Просвещение» оштрафовали, а редактора его засадили в тюрьму²³⁷. Нет. Этот факт взят из речи октябриста Ключева, который боится только (в качестве богобоязненного и полициейбоязненного человека) *подумать* о значении этого факта. Ибо этот факт опять-таки с бесспорностью доказывает, что нет более злого, более непримиримого врага просвещения народа в России, чем российское правительство. А господа жертвователи капиталов на народное образование должны понять, что они выкидывают деньги зря, хуже чем зря. Желая жертвовать на образование народа, они *на деле* оказываются дающими деньги на *гвардейских генералов* и на их *вдов*. Такие жертвователи, если они не хотят выкидывать денег, должны понять, что жертвовать их надо социал-демократам, которые *одни* только сумеют на эти деньги доставить народу *настоящее* образование, действительно независимое от «гвардейских генералов»... и от боязливых и законопослушных господ Ключевых.

Еще одна цитата из речи того же г. Ключева:

«Тщетно было наше (третьедумское) пожелание Государственной думы об открытии доступа в высшие учебные заведения семинаристам. Министерство не нашло возможным откликнуться на наши пожелания». «Впрочем, правительство вознаграждает путь к высшему образованию не только семинаристам, но и вообще детям крестьянского и мещанского сословия. Это не красная фраза, — воскликнул октябристский чиновник министерства народного просвещения — а правда. Из 119 000 человек, обучающихся в гимназиях, крестьян только 18 000. А во всех учебных заведениях министерства народного просвещения крестьян всего только 15 процентов. В духовных семинариях из 20 500 учеников — крестьян всего 1300 человек. В кадетские корпуса и тому подобные заведения крестьян вовсе не пускают» (эти цитаты из речи Ключева приведены, между прочим, в статье К. Добросердова в № 6 «Невской Звезды»²³⁸ за 1912 год от 22 мая 1912 года).

Так говорил в III Думе г. Ключев. Показаний этого свидетеля не опровергнут и господа владыки IV Думы. А свидетель, *против* своей воли и *помимо* своего желания, подтверждает целиком *революционную* оценку современного положения России вообще и народного образования в особенности. Ибо, в самом деле, чего заслуживает правительство, которое по словам одного из видных правительственных чиновников и деятелей правительственной партии октябристов *заграждает* путь к образованию мещан и крестьян?

Сообразите-ка, господа, чего заслуживает такое правительство с точки зрения этих мещан и крестьян!

И не забывайте, что мещан и крестьян в России 88 процентов населения, т. е. без малого *девять десятых* народа. А дворян всего *полтора процента*. И вот, правительство берет деньги с *девяти* десятых народа на школы и учебные заведения всех видов *и на эти деньги* учит дворян, *заграждая* путь мещанам и крестьянам!! Неужели не ясно, чего заслуживает это дворянское правительство? — это правительство, угнетающее *девять десятых* населения ради охраны привилегий *одной сотой* населения??

Наконец, вот вам последняя цитата из речи моего свидетеля, г-на октябристского чиновника министерства народного просвещения, члена III (и IV) Думы Ключева:

«За пятилетие 1906—1910 годов, — говорит г. Ключев, — в казанском округе исключено со службы директоров средних учебных заведений и народных школ — 21, инспекторов народных училищ — 32, учителей городских училищ — 1054, а перемещено тех и других 870 человек. Подумайте, — восклицал г. Ключев, — как может спать спокойно наш учитель? Засыпая в Астрахани, он не уверен, что завтра не очутится в Вятке. Войдите в это психическое состояние загнанного, как заяц, педагога!».

Это восклицание не какого-нибудь «левого» учителя, а октябриста. Эти данные приведены служакой-чиновником. Это — *ваш* свидетель, господа правые, националисты и октябристы!! И этот «ваш» свидетель вынужден признать самый бесшабашный, самый бесстыдный, самый отвратительный произвол правительства в обращении с учителями!! Этот *ваш* свидетель, господа владыки IV Думы и Государственного совета, вынужден признать тот факт, что учителя в России *«загананы»*, как зайцы, русским правительством!!

И, опираясь на этот факт, один из тысячи и тысяч подобных фактов русской жизни, мы спросим русский народ и все народы, населяющие Россию: для того ли нужно нам правительство, чтобы охранять привилегии дворян и чтобы *«заганать»* народных учите-

лей? Не заслуживает ли это правительство того, чтобы народ его *выгнал*?

Да, русские народные учителя загнаны, как зайцы! Да, девяти десятым населения России правительство заграждает путь к образованию. Да, наше министерство народного просвещения есть министерство полицейского сыска, глумления над молодежью, надругательства над народным стремлением к знанию. Но русские крестьяне и особенно русские рабочие, господа члены IV Думы, не все, далеко не все похожи на *зайцев*. Рабочий класс сумел это доказать в пятом году, и он сумеет доказать еще раз и доказать гораздо убедительнее, гораздо внушительнее, гораздо серьезнее свою способность к революционной борьбе за настоящую свободу и за *настоящее*, некасовское и недворянское, *народное* просвещение!

Написано 27 апреля (10 мая) 1913 г.

Впервые напечатано в 1930 г. во 2—3 изданиях Сочинений В. И. Ленина, том XVI

Полн. собр. соч., т. 23, с. 125—135.

Капитализм и женский труд

Современное капиталистическое общество таит в своих недрах множество таких случаев нищеты и угнетения, которые не бросаются сразу в глаза. Раздробленные семьи мещан, ремесленников, рабочих, служащих, мелких чиновников бедствуют невыразимо, с трудом сводя концы с концами в *лучшие* времена. Миллионы и миллионы женщин в таких семьях живут (или, вернее, мучаются) жизнью «домашних рабынь», старающихся накормить и обшить семью на гроши, ценою каждодневных отчаянных усилий и «экономии» на всем — кроме своего труда.

Из этих женщин капитал всего охотнее берет себе работниц на дому, готовых за чудовищно низкую плату «прирабатывать» себе и семье на кусок хлеба. Из этих же женщин капиталисты всех стран берут себе (подобно рабовладельцам древности и крепостным помещикам средних веков) любое число наложниц за самую «доступную» цену. И никакое «нравственное негодование» (в 99 случаях из ста лицемерное) по поводу проституции не сможет ничего поделать против этой торговли женским телом: пока существует наемное рабство, неизбежно будет существовать и проституция. Все угнетенные и эксплуатируемые классы в истории человеческих обществ всегда вынуждены были (в этом и состоит их эксплуатация) отдавать угнетателям, во-первых, свой неоплаченный труд и, во-вторых, своих женщин в наложницы «господам».

Рабство, крепостничество и капитализм одинаковы в этом отношении. Изменяется только *форма* эксплуатации; эксплуатация остается.

В Париже, «столице мира», центре цивилизации, открылась в настоящее время *выставка* произведений «эксплуатируемых работниц на дому».

На каждом выставленном предмете мы видим билетик, показывающий, сколько *получает* за его приготовление работница на дому и сколько она может выработать при этом в день и в час.

И что же оказывается? Больше $1\frac{1}{4}$ франка, т. е. 50 копеек, *ни на одном* товаре работница на дому выработать *не может*. А громадная масса работ доставляет заработок еще неизмеримо более низкий. Вот, например, абажуры. Плата — 4 копейки за дюжину. Или бумажные мешки — 15 копеек за 1000, заработок — *шесть* копеек в час. Вот маленькие игрушки с лентами и т. п. — $2\frac{1}{2}$ копейки за час. Вот цветочные работы — *две-три* копейки за час. Вот дамское и мужское белье — от *двух* до шести копеек за час. И так далее без конца.

Следовало бы и нашим рабочим обществам и профессиональным союзам организовать подобную «выставку». Она не даст колоссальных барышей, собираемых выставками буржуазии. Выставка пролетарской женской нужды и нищеты даст иную пользу: она поможет наемным рабочим и рабыням понять свое положение, оглянуться на свою «жизнь», вдуматься в условия избавления от этого вечного гнета нужды, нищеты, проституции и всяких надругательств над неимущим.

Написано 27 апреля (10 мая) 1913 г.

Напечатано 5 мая 1913 г. в газете
«Правда», № 102

Полн. собр. соч., т. 23,
с. 136—137.

Рабочий класс и национальный вопрос

Россия — пестрая в национальном отношении страна. Правительственная политика, политика помещиков, поддерживаемых буржуазией, проникнута вся насквозь черносотенным национализмом.

Политика эта направлена своим острием против *большинства* народов России, составляющих *большинство* ее населения. А рядом с этим поднимает голову буржуазный национализм других наций (польской, еврейской, украинской, грузинской и т. д.), стараясь *отвлечь* рабочий класс национальной борьбой или борьбой за национальную культуру от его великих мировых задач.

Национальный вопрос требует ясной постановки и решения со стороны всех сознательных рабочих.

Когда буржуазия боролась за свободу вместе с народом, вместе с трудящимися, она отстаивала полную свободу и полное равноправие наций. Передовые страны, Швейцария, Бельгия, Норвегия и др., дают нам образец того, как мирно уживаются вместе или мирно отделяются друг от друга свободные нации при действительном демократическом строе.

Теперь буржуазия боится рабочих, ищет союза с Пуришкевичами, с реакцией, предаёт демократизм, отстаивает угнетение или неравноправность наций, развращает рабочих *националистическими* лозунгами.

Один только пролетариат отстаивает в наши дни истинную свободу наций и единство рабочих всех наций.

Чтобы разные нации свободно и мирно уживались вместе или расходились (когда это им удобнее), составляя разные государства, для этого необходим полный демократизм, отстаиваемый рабочим классом. Ни одной привилегии ни для одной нации, ни для одного языка! Ни малейшего притеснения, ни малейшей несправедливости к национальному меньшинству! — вот принципы рабочей демократии.

Капиталисты и помещики во что бы то ни стало желают разъединить рабочих разных наций, а сами сильные мира сего великолепно уживаются вместе, как акционеры «доходных» миллионных «дел» (вроде ленских приисков) — и православные и евреи, и русские и немцы, и поляки и украинцы, все, у кого есть *капитал*, дружно эксплуатируют рабочих всех наций.

Сознательные рабочие стоят за *полное единство* рабочих всех наций во всех и всяких просветительных, профессиональных, политических и т. д. рабочих организациях. Пусть господа кадеты позорят себя отрицанием или умалением равноправия украинцев. Пусть буржуазия всех наций тешится лживыми фразами о национальной культуре, о национальных задачах и т. д. и т. п.

Рабочие не дадут разделить себя никакими сладкими речами о национальной культуре или «национально-культурной автономии». Рабочие всех наций отстаивают дружно, вместе, в общих организациях, полную свободу и полное равноправие — залог истинной культуры.

Рабочие создают во всем мире свою, интернациональную культуру, которую давно готовили проповедники свободы и враги угнетения. Старому миру, миру национального угнетения, национальной грызни или национального обособления, рабочие противопоставляют новый мир единства трудящихся всех наций, в котором нет места ни для одной привилегии, ни для малейшего угнетения человека человеком.

Написано 3 (16) мая 1913 г.

Напечатано 10 мая 1913 г. в газете
«Правда», № 106

Полн. собр. соч., т. 23,
с. 149—150.

Рабочий класс и неомальтузианство

На Пироговском съезде врачей ²³⁹ много интереса и много дебатов вызвал вопрос об аборте, т. е. о производстве искусственных выкидышей. Докладчик Личкус привел данные о чрезвычайно сильном распространении вытравления плода в современных так называемых культурных государствах.

В Нью-Йорке за один год было 80 000 искусственных выкидышей, во Франции их бывает по 36 000 ежемесячно. В Петербурге процент искусственных выкидышей увеличился за 5 лет более чем вдвое.

Пироговский съезд врачей принял решение, что уголовное преследование матери за искусственный аборт никогда не должно иметь места, а врачи должны преследоваться за это лишь в случае «корыстных целей».

В прениях большинство, высказываясь за ненаказуемость аборта, естественно затрагивало и вопрос о так называемом неомальтузианстве ²⁴⁰ (искусственные меры, предохраняющие от зачатия), причем касались и социальной стороны дела. Например, г. Вигдорчик, по отчету «Русского Слова» ²⁴¹, заявлял, что «предохранительные от зачатия меры надо приветствовать», а г. Астрахан восклицал, срывая бурные аплодисменты:

«Мы должны убеждать матерей рождать детей, чтобы их калечили в учебных заведениях, чтобы для них устраивались жеребьевки, чтобы их доводили до самоубийства!»

Если верно сообщение, что подобная декламация г. Астрахана вызывала бурные аплодисменты, то этот факт меня не удивляет. Слушатели были буржуа, средние и мелкие, с мещанской психологией. Чего же от них и ждать, кроме самого пошлого либерализма?

Но с точки зрения рабочего класса, едва ли можно приискать более наглядное выражение всей реакционности и всего убожества

«социального неомальгузианства», чем приведенная фраза г. Астрахана.

«...Рождать детей, чтобы их калечили...» Только для этого? Почему же не для того, чтобы они лучше, дружнее, сознательнее, решительнее нашего *боролись* против современных условий жизни, калечащих и губящих наше поколение??

Вот тут-то и заключается коренное отличие психологии крестьянина, ремесленника, интеллигента, вообще мелкого буржуа, от психологии пролетария. Мелкий буржуа видит и чувствует, что он гибнет, что жизнь становится все труднее, борьба за существование все беспощаднее, положение его и его семьи все более безвыходное. Факт бесспорный. И мелкий буржуа протестует против него.

Но *как* протестует?

Он протестует, как представитель класса, безнадежно гибнущего, отчаявшегося в своем будущем, забитого и трусливого. Ничего не поделаешь, хоть детей бы поменьше было, страдающих от нашей муки и каторги, от нашей нищеты и наших унижений, — вот крик мелкого буржуа.

Сознательный рабочий бесконечно далек от этой точки зрения. Он не даст затемнять своего сознания подобными воплями, как бы ни были они искренни и прочувствованы. Да и мы, рабочие, и масса мелких хозяйчиков, мы ведем жизнь, полную невыносимого гнета и страданий. Нашему поколению тяжелее, чем нашим отцам. Но в одном отношении мы гораздо счастливее наших отцов. *Мы научились и быстро учимся бороться* — и бороться не в одиночку, как боролись лучшие из отцов, не во имя внутренне чуждых нам лозунгов буржуазных краснабеев, а во имя своих лозунгов, лозунгов своего класса. Мы боремся лучше, чем наши отцы. Наши дети будут бороться еще лучше, и *они победят*.

Рабочий класс не гибнет, а растет, крепнет, мужает, спланивается, просвещается и закаляется в борьбе. Мы — пессимисты насчет крепостничества, капитализма и мелкого производства, но мы — горячие оптимисты насчет рабочего движения и его целей. Мы уже закладываем фундамент нового здания, и наши дети достроят его.

Вот почему — и только поэтому — мы безусловные враги неомальгузианства, этого течения для мещанской парочки, заскорузлой и себялюбивой, которая бормочет испуганно: самим бы, дай бог, продержаться как-нибудь, а детей уж лучше ненадобно.

Разумеется, это нисколько не мешает нам требовать безусловной отмены всех законов, преследующих аборт или за распространение медицинских сочинений о предохранительных мерах и т. п. Такие

законы — одно лицемерие господствующих классов. Эти законы не исцеляют болячек капитализма, а превращают их в особенно злокачественные, особенно тяжелые для угнетенных масс. Одно дело — свобода медицинской пропаганды и охрана азбучных демократических прав гражданина и гражданки. Другое дело — социальное учение неомальтузианства. Сознательные рабочие всегда будут вести самую беспощадную борьбу против попыток навязать это реакционное и трусливое учение самому передовому, самому сильному, наиболее готовому на великие преобразования классу современного общества.

Написано 6 (15) июня 1913 г.

*Напечатано 16 июня 1913 г. в газете
«Правда», № 137
Подпись: В. И.*

*Полн. собр. соч., т. 23,
с. 255—257.*

Детский труд в крестьянском хозяйстве

Для правильной оценки тех условий, в которые поставлено мелкое земледельческое производство при капитализме, всего важнее вопрос о положении работника, его зарплатке, количестве труда, обстановке жизни, — затем о содержании скота и о качестве ухода за ним, — наконец, о приемах обработки земли, об удобрении ее, о расхищении ее сил и т. д.

Нетрудно понять, что, обходя эти вопросы (как поступает сплошь да рядом буржуазная политическая экономия), мы получим совершенно извращенное представление о крестьянском хозяйстве, ибо *действительная* его «жизнеспособность» зависит именно от положения работника, от условий содержания скота и ухода за землей. Предположить голословно, что в этих отношениях мелкое производство поставлено одинаково с крупным, значит принять за доказанное как раз то, что требуется доказать, — значит встать сразу на буржуазную точку зрения.

Буржуазии хочется доказать, что крестьянин — заправский и жизнеспособный «хозяин», а не раб капитала, придавленный так же, как наемный рабочий, но более связанный, более запутанный, чем этот последний. Если серьезно и добросовестно искать *данных* для решения спорного вопроса, то надо доискиваться систематических и объективных показателей *условий жизни и труда* в мелком и крупном производстве.

К числу таких показателей — и притом особенно важных — принадлежит степень применения *детского* труда. Чем сильнее эксплуатация детского труда, тем, несомненно, хуже положение работника, тем тяжелее его жизнь.

Австрийская и германская сельскохозяйственные переписи дают сведения о числе детей и подростков в общем числе занятых сельским хозяйством лиц. При этом в Австрии особо сосчитаны все работники

и работницы, имеющие *меньше* 16 лет. Таких оказалось 1,2 миллиона из 9 миллионов, т. е. 13%. В Германии же выделены только малолетние *до 14 лет*, и таких оказалось шестьсот тысяч (601 637) из пятнадцати миллионов (15 169 549), т. е. 3,9%.

Ясно, что австрийские и германские данные несравнимы. Но вполне сравнимы *отношения* между пролетарскими, крестьянскими и капиталистическими хозяйствами, обнаруживающиеся при этом.

К пролетарским хозяйствам мы относим крошечные кусочки земли (до двух гектаров, т. е. почти двух десятин на хозяйство), — которые дают подсобный заработок наемным рабочим. К крестьянским хозяйствам относим имеющие от 2-х до 20-ти гектаров; здесь семейный труд преобладает над наемным. Наконец, капиталистические, это — более крупные хозяйства, в которых наемный труд преобладает над семейным.

Вот данные о детском труде в хозяйствах этих трех типов:

Хозяйства:	Группы хозяйств	На сто лиц в сельском хозяйстве приходится детей:	
		до 16 лет Австрия	до 14 лет Германия
Пролетарские	{ до ½ гектара	8,8	2,2
	{ от ½ до 2 гектаров	12,2	3,9
Крестьянские	{ » 2 » 5 »	15,3	4,6
	{ » 5 » 10 »	15,6	4,8
	{ » 10 » 20 »	12,8	4,5
Капиталистические	{ » 20 » 100 »	11,1	3,4
	{ » 100 и более »	4,2	3,6
Всего		13,0	3,9

Мы видим отсюда, что в обеих странах эксплуатация детского труда *всего сильнее* именно в *крестьянских* хозяйствах вообще и в частности как раз в *среднекрестьянских* хозяйствах (5—10 гектаров, т. е. 4½—9 десятин земли).

Итак, мало того, что мелкое производство поставлено хуже крупного. Мы видим еще, что специально крестьянское хозяйство поставлено хуже не только, чем капиталистическое, но даже чем пролетарское хозяйство.

Как объяснить это явление?

В пролетарском хозяйстве земледелие ведется на таком ничтожном клочке земли, что о «хозяйстве», собственно, и говорить серьезно не приходится. Земледелие здесь *подсобное* занятие; главное же — наемный труд в земледелии и в промышленности. Влияние промыш-

ленности вообще поднимает уровень жизни работника и в частности сокращает эксплуатацию детского труда. Например, в Германии перепись насчитала в промышленности только 0,3% работников до 14 лет (т. е. вдесятеро меньше против земледелия) и только 8% до 16 лет.

В крестьянском же хозяйстве влияние промышленности всего слабее, а конкуренция с капиталистическим земледелием всего сильнее. Крестьянин не в силах держаться, не надрываясь над работой сам и не заставляя вдвое тяжелее работать своих детей. Нужда заставляет крестьянина своим горбом наверстывать недостаток капитала и технических усовершенствований. А если у крестьянина тяжелее всего работают дети, то это означает также, что тяжело работать и хуже кормиться приходится крестьянскому скоту: необходимость напрягать все силы и «экономить» на всем сказывается неизбежно на всех сторонах хозяйства.

Германская статистика показывает, что среди наемных рабочих детей всего больше (почти 4% — 3,7%) в крупных капиталистических хозяйствах (100 и более десятин). А среди семейных рабочих детей всего больше у крестьян, именно: около 5% (4,9% — 5,2%). Из *временных* наемных рабочих процент детей доходит до 9,0% у крупных капиталистов, а из *временных семейных* рабочих этот процент у крестьян достигает 16,5% — 24,4%!!

Крестьянин в горячее время страдает от недостатка рабочих сил; нанять рабочих он может лишь в небольшом числе; приходится налегать всячески на работу собственных детей. В результате получается тот факт, что в германском земледелии вообще процент детей среди семейных рабочих почти в полтора раза превышает этот процент среди наемных рабочих. Детей среди семейных рабочих — 4,4%, а среди наемных — 3,0%.

Крестьянину приходится напрягаться на работе *больше*, чем наемному рабочему. Этот факт, подтвержденный тысячами отдельных наблюдений, доказан теперь вполне статистикой целых стран. Капитализм осуждает крестьян на величайшую придавленность и на гибель. Спасения иного нет, кроме присоединения к классовой борьбе наемных рабочих. Но, чтобы понять этот вывод, крестьянину приходится пережить долгие годы разочарований в обманчивых буржуазных лозунгах.

Написано 8 (21) июня 1913 г.

Полн. собр. соч., т. 23,
с. 284—287.

Напечатано 12 июня 1913 г. в газете
«Правда», № 133
Подпись: В. И.

Интересный съезд²⁴²

Вчера, 12-го июня, в Харькове открылся интересный съезд. Он интересен в двух отношениях. Во-1-х, это — первый общеземский съезд, посвященный статистике народного образования. Во-2-х, он почтен особым вниманием администрации. Председатель съезда *назначен* администрацией, сведущие лица «профильтрованы», как выражается Б. Веселовский в «Русском Слове», ею же. Представители печати на съезд не допущены.

Едва ли можно объяснить эти меры, — которые даже с «русской» точки зрения кажутся непомерно... предусмотрительными, — тем, что съезд собирается в одном из украинских центров. На общеземском съезде съедутся не украинские только статистики и земцы, а работники на этом поприще, принадлежащие ко всем национальностям России.

Должно быть, предмет занятий съезда не очень нравится администрации, — хотя речь будет идти только о постановке статистики, о том, что сделано, почему сделано мало, а следует сделать больше и лучше.

Народное образование отстало в России, как нигде в свете. Член Думы Бадаев указал в своей речи, что даже негры в Америке насчитывают всего 44% неграмотных — в Европе один-два процента — тогда как в России 79% неграмотных!

За последнее время народное образование все же, несмотря на тысячи препятствий, растет и развивается быстрее, чем прежде. Знать правду о положении народного образования — прямой и насущнейший интерес народных масс вообще, рабочих в особенности.

Статистику народного образования было бы очень нетрудно поставить по-европейски. Каждый учитель и учительница легко могли бы сообщать ежегодно сведения и о каждом учащемся (возраст, национальность, условия семейной жизни, хозяйственное положение

ние родителей и т. д.) и о каждом учащем (образование, размер получаемого жалования, рабочий день, национальность и пр. и т. п.). Небольшое число статистиков, разрабатывая ежегодно такие данные, могло бы доставлять государству богатейший и ценнейший материал и об условиях воспитания и обучения молодого поколения, и о целом ряде сторон народной жизни... если бы... если бы... Представители печати на харьковский съезд не допущены, председатель съезда назначен, сведущие лица, по словам Б. Веселовского в «Русском Слове», профильтрованы администрацией.

Мы наговорили глупостей о европейской статистике народного образования. Какая уж тут Европа! Помолчим-ка лучше.

Написано 8 (21) июня 1913 г.

*Напечатано 13 июня 1913 г. в газете
«Правда», № 134
Подпись: N.*

*Полн. собр. соч., т. 23,
с. 288—289.*

Из статьи
«О призывах либералов
к поддержке IV Думы»

...Голосование по смете министерства народного просвещения чрезвычайно наглядно подтвердило нашу оценку ²⁴³.

Думой приняты были три формулы: 1) националистическая, архиреакционная формула — прошла голосами правых и октябристов; 2) октябристская — прошла голосами кадетов (содержит в себе вопиющее по лицемерности и абсолютно недопустимое для демократов, и даже для честных либералов, пожелание, чтобы министерство народного просвещения «не отвлекалось посторонними делу политическими соображениями»); наконец, 3) пожелание крестьянской группы, прошедшее, вероятно, при помощи не только к.-д., но и демократов вплоть до с.-д. За крестьянское пожелание подано было 137 голосов, против 134-х, при 4-х воздержавшихся.

Едва ли можно сомневаться в том, что ошибка с.-д., если они голосовали за крестьянскую формулу, состояла в невнесении своего заявления или декларации. Голосовать следовало за, но нельзя было не оговорить своего несогласия, например, с пунктом 5 крестьянской формулы. В этом пункте говорится о родном языке в *начальных* школах. Демократия не могла бы ограничиться начальными школами. И вообще, *последовательно-демократическими* пожелания крестьян признать нельзя.

Голосовать следовало за, ибо в формуле крестьян нет пунктов за правительство, нет лицемерия, но оговорить свое несогласие с непоследовательностью и робостью крестьянского демократизма было обязательно. Например, умолчание об отношении школы к церкви для с.-д. совершенно недопустимо, и т. д. ...

Из «Тезисов по национальному вопросу»²⁴⁴

...5. Отстаивая последовательно демократический государственный строй, социал-демократия требует безусловного равноправия национальностей и борется с какими бы то ни было привилегиями в пользу одной или нескольких национальностей.

В частности, социал-демократия отвергает «государственный» язык. В России таковой особенно излишен, ибо свыше семи десятых населения России принадлежит к родственным славянским племенам, которые при свободной школе в свободном государстве легко достигли бы, в силу требований экономического оборота, возможности сталкиваться без всяких «государственных» привилегий одному из языков.

Социал-демократия требует замены старых административных делений России, установленных крепостниками-помещиками и чиновниками самодержавно-крепостнического государства, делениями, основанными на требованиях современной хозяйственной жизни и согласованными по возможности с национальным составом населения.

Все области государства, отличающиеся бытовыми особенностями или национальным составом населения, должны пользоваться широким самоуправлением и автономией при учреждениях, построенных на основе всеобщего, равного и тайного голосования.

6. Социал-демократия требует издания общегосударственного закона, ограждающего права всякого национального меньшинства в какой бы то ни было местности государства. По этому закону, всякое мероприятие, посредством которого национальное большинство пыталось бы создать для себя национальную привилегию или уменьшить права национального меньшинства (в области учебного дела, употребления того или иного языка, в делах бюджетных и т. д.),

должно быть объявлено не имеющим силы, а проведение такого мероприятия запрещено под страхом наказания.

7. Социал-демократия относится отрицательно к лозунгу «культурно-национальной» (или просто «национальной») «автономии» и к проектам осуществления таковой, ибо этот лозунг (1) безусловно противоречит интернационализму классовой борьбы пролетариата,— (2) облегчает вовлечение пролетариата и трудящихся масс в сферу влияния идей буржуазного национализма,— (3) способен отвлекать от задачи последовательно демократических преобразований государства в целом, каковые преобразования одни только обеспечивают (насколько вообще это возможно при капитализме) национальный мир...

*Написано в июне, ранее 26 (9 июля),
1913 г.*

*Полн. собр. соч., т. 23,
с. 316—318.*

Впервые напечатано в 1925 г. в Ленинском сборнике III

Пятый международный съезд по борьбе с проституцией

В Лондоне закончился недавно «пятый международный съезд по борьбе против торговли девушками».

Развернулись герцогини, графини, епископы, пасторы, раввины, полицейские чиновники и всякого рода буржуазные филантропы! Сколько было торжественных обедов и пышных официальных приемов! Сколько было торжественных речей о вреде и гнусности проституции!

Какие же средства борьбы требовали изящные буржуазные делегаты съезда? Главным образом два средства: религию и полицию. Самое, дескать, верное и надежное против проституции. Один английский делегат, как сообщает лондонский корреспондент лейпцигской «Народной Газеты»²⁴⁶, хвалился тем, что он проводил в парламенте *телесное наказание* за сводничество. Вот он каков, современный «цивилизованный» герой борьбы с проституцией!

Одна дама из Канады восторгалась полицией и женским полицейским надзором за «падшими» женщинами, а насчет повышения заработной платы заметила, что работницы не заслужили лучшей платы.

Один немецкий пастор громил современный материализм, который-де все более распространяется в народе и содействует распространению свободной любви.

Когда австрийский делегат Гертнер попробовал поднять вопрос о социальных причинах проституции, о нужде и нищете рабочих семей, об эксплуатации детского труда, о невыносимых квартирных условиях и т. д., — оратора заставили замолчать враждебными возгласами!

Зато о высоких особах рассказывали — в группах делегатов — поучительные и торжественные вещи. Когда, например, императрица германская посещает какой-нибудь родильный дом в Берлине,

то матерям «незаконных» детей *надевают на пальцы кольца*, — чтобы не шокировать высокую особу видом невенчаных матерей!!

Можно судить по этому, какое отвратительное буржуазное лицемерие царит на этих аристократически-буржуазных конгрессах. Акробаты благотворительности и полицейские защитники издевательств над нуждой и нищетой собираются для «борьбы с проституцией», которую поддерживают именно аристократия и буржуазия...

«Рабочья Правда», № 1, 13 июля 1913 г.
Подпись: W.

Полн. собр. соч., т. 23,
с. 331—332.

Что можно сделать для народного образования

В западных государствах распространено не мало гнилых предрассудков, от которых свободна святая матушка Русь. Там полагают, например, что громадные публичные библиотеки, с сотнями тысяч и миллионами томов, вовсе не должны составлять достояния только кучки ученых или якобы ученых, пользующихся этими библиотеками. Там задаются странной, непонятной, дикой целью — сделать эти громадные необъятные библиотеки доступными не для цеха ученых, профессоров и т. п. специалистов, а для массы, для толпы, для улицы.

Какая профанация библиотечного дела! Какое отсутствие «порядка», коим справедливо можем гордиться мы. Вместо *правил*, обсуждаемых и вырабатываемых десятком чиновничьих комиссий, изобретающих сотни формальностей и ограничений для пользования книгами, — устремлять внимание на то, чтобы даже *дети* могли пользоваться богатыми коллекциями книг; заботиться о том, чтобы читатели у себя на дому могли читать казенные книги; видеть гордость и славу публичной библиотеки не в том, сколько в ней редкостей, сколько каких-нибудь изданий XVI века или рукописаний X века, а в том, *как широко* обращаются книги *в народе*, сколько привлечено новых читателей, как быстро удовлетворяется любое требование на книгу, сколько книг роздано на дом, сколько детей привлечено к чтению и пользованию библиотекой... Странные предрассудки распространены в западных государствах, и нельзя не порадоваться, что наше попечительное начальство охраняет нас заботливо и тщательно от влияния этих предрассудков, охраняет наши богатые публичные библиотеки от улицы, от черни!

Передо мной лежит отчет нью-йоркской публичной библиотеки за 1911 год.

В этом году публичную библиотеку в Нью-Йорке перевели из двух старых зданий в одно новое, построенное городом. Все число томов достигает теперь приблизительно двух миллионов. Случилось так, что первую книгу из читального зала для посетителей затребовали на русском языке. Это было сочинение Н. Грота: «Нравственные идеалы нашего времени». Требовательный билетик на книгу был подан в 9 часов 8 минут утра. Книга была прислана читателю в 9 часов 15 минут.

За год посетило библиотеку 1 658 376 человек. Читателей в читальном зале было 246 950, взявших для чтения 911 891 том.

Но это еще небольшая доля *книжного оборота* библиотеки. Посещать библиотеку могут немногие. Разумная постановака образовательного дела измеряется тем, сколько книг выдается на дом читателям, — какие удобства предоставляются *большинству населения*.

Нью-Йоркская публичная библиотека имеет в трех округах Нью-Йорка, Манхэттане, Бронксе и Ричмонде (с общим населением почти в *три* миллиона человек), *сорок два* отделения, а вскоре будет их иметь 43. Систематически преследуется при этом та цель, чтобы каждый житель не дальше чем за *три четверти версты* от своего дома, — т. е. не более чем в десяти минутах ходьбы, — имел отделение публичной библиотеки, являющееся *центром* всякого рода учреждений и предприятий по народному образованию.

За 1911 год было выдано на дом почти *восемь миллионов* — 7 914 882 — томов, на четыреста тысяч больше, чем в 1910 году. На каждую сотню жителей, всех возрастов и обою пола, приходится по 267 книг, выданных за год для чтения на дому.

Каждое из 42 отделений библиотеки не только дает возможность на месте читать справочные книги и получать книги на дом, но является также помещением для вечерних лекций, для народных собраний, для разумных развлечений.

В нью-йоркской публичной библиотеке книг на восточных языках около 15 000, на еврейском — около 20 000, на славянских — около 16 000. В главном читальном зале на *открытых* полках стоит, для свободного всеобщего пользования, около 20 000 томов.

Для детей публичная библиотека в Нью-Йорке устроила особый читальный зал — центральный, с постепенным открытием таковых и при отделениях. Библиотекари заботятся о всяческих удобствах для детей и дают им справки. Всего было взято детьми книг на дом 2 859 888 томов, немногим менее трех миллионов (больше трети общего). Число детей, посетителей читального дома, достигло 1 120 915.

Что касается потери книг, то публичная библиотека в Нью-Йорке определяет число теряемых книг в 70—80—90 на каждые 100 000 выдаваемых на дом книг.

Вот какие порядки существуют в Нью-Йорке. А у нас?

*«Рабочая Правда», № 5, 18 июля 1913 г.
Подпись: W*

*Полн. собр. соч., т. 23,
с. 348—350.*

Национализация еврейской школы

Политика правительства вся пропитана духом национализма. «Господствующей», т. е. великорусской национальности стараются предоставлять всяческие привилегии,— хотя великороссов в России *меньшинство* населения, именно: только 43%.

Все остальные нации, населяющие Россию, стараются все более урезать в правах, обособить одну от другой и разжечь вражду между ними.

Крайнее проявление современного национализма, это — проект национализации еврейской школы. Возник этот проект у спечителя одесского учебного округа, и в министерстве народного «просвещения» встречен сочувственно. В чем же состоит эта национализация?

В том, что евреев хотят выделить в *особые* еврейские учебные заведения (средние). Во все же остальные учебные заведения, и частные, и правительственные, двери для евреев хотят закрыть совершенно. В довершение этого «гениального» плана предполагается ограничить число учащихся в еврейских гимназиях знаменитой «процентной нормой»!

Во всех европейских странах подобные меры и законы против евреев существовали только в мрачную эпоху средних веков, инквизиции, сожжения еретиков и прочих прелестей. В Европе евреи давно получили полное равноправие и все больше сливаются с тем народом, среди которого они живут.

В нашей же политике вообще, а в излагаемом проекте особенно, помимо притеснения и угнетения евреев, всего более вредно стремление разжечь национализм, обособить одну из национальностей в государстве от другой, усилить их отчужденность, разделить их школы.

Интересы рабочего класса — как и вообще интересы политической свободы — требуют, наоборот, самого полного равноправия всех без исключения национальностей данного государства и устра-

нения всяческих перегородок между нациями, соединення детей всяческих наций в единых школах и т. д. Только отбрасывая все дикие и глупые национальные предрассудки, только сливая в один союз рабочих всех наций, может рабочий класс стать силой, дать отпор капиталу и добиться серьезного улучшения жизни.

Посмотрите на капиталистов: они стараются разжечь национальную вражду в «простом народе», а сами отлично обделяют свои делишки: в одном и том же акционерном обществе — и русские, и украинцы, и поляки, и евреи, и немцы. Против рабочих объединены капиталисты всех наций и религий, а рабочих стараются разделить и ослабить национальной враждой!

Вреднейший проект национализации еврейской школы показывает, между прочим, как ошибочен план так называемой «культурно-национальной автономии», то есть изъятия школьного дела из рук государства и передачи его в руки каждой нации в отдельности. Совсем не к этому должны мы стремиться, а к соединению рабочих всех наций в борьбе против *всякого* национализма, в борьбе за истинно демократическую *общую* школу и за политическую свободу вообще. Пример передовых стран всего мира — хотя бы Швейцарии в западной Европе или Финляндии в восточной Европе — показывает нам, что только последовательно-демократические общегосударственные учреждения обеспечивают наиболее мирное и человеческое (а не зверское) сожительство разных национальностей без искусственного и вредного разделения школьного дела по национальностям.

«Северная Правда», № 14, 18 августа
1913 г.
Подпись: В. И.

Полн. собр. соч., т. 23,
с. 375—376.

Либералы и демократы в вопросе о языках

Газеты отмечали неоднократно отчет кавказского наместника, отличающийся не черносотенством, а робким «либерализмом». Между прочим, наместник высказывается против искусственной русификации, т. е. обрусения нерусских народностей. На Кавказе представители нерусских народностей *сами* стараются научить детей по-русски, например, в армянских церковных школах, в которых преподавание русского языка необязательно.

Указывая на это, одна из самых распространенных в России либеральных газет — «Русское Слово» (№ 198) делает тот справедливый вывод, что враждебное отношение в России к русскому языку «происходит исключительно» вследствие «искусственного» (надо было сказать: насильственного) насаждения русского языка.

«О судьбе русского языка беспокоиться нечего. Он сам завоеует себе признание во всей России», — пишет газета. И это справедливо, ибо потребности экономического оборота всегда заставят живущие в одном государстве национальности (пока они захотят жить вместе) изучать язык большинства. Чем демократичнее будет строй России, тем сильнее, быстрее и шире разовьется капитализм, тем настоятельнее потребности экономического оборота будут толкать разные национальности к изучению языка, наиболее удобного для общих торговых сношений.

Но либеральная газета торопится побить себя и доказать свою либеральную непоследовательность.

«Вряд ли, — пишет она, — кто-нибудь даже из противников обрусения станет возражать, что в таком огромном государстве, как Россия, должен быть один общегосударственный язык и что таким языком... может быть только русский».

Логика навыворот! Маленькая Швейцария не теряет, а выигрывает от того, что в ней нет *одного* общегосударственного языка, а их

целых три: немецкий, французский и итальянский. В Швейцарии 70% населения немцы (в России 43% великорусов), 22% — французы (в России 17% украинцев), 7% — итальянцы (в России 6% поляков и 4½% белорусов). Если итальянцы в Швейцарии часто говорят по-французски в общем парламенте, то они делают это не из-под палки какого-нибудь дикого полицейского закона (такового в Швейцарии нет), а просто потому, что цивилизованные граждане демократического государства сами предпочитают язык, понятный для большинства. Французский язык не внушает нецели и итальянцам, ибо это — язык свободной, цивилизованной нации, язык, не навязываемый отвратительными полицейскими мерами.

Почему же «огромная» Россия, гораздо более пестрая, страшно отсталая, должна *тормозить* свое развитие сохранением какой бы то ни было привилегии для одного из языков? Не наоборот ли, господа либералы? Не должна ли Россия, если она хочет догнать Европу, покончить со всеми и всяческими привилегиями как можно скорее, как можно полнее, как можно решительнее?

Если отпадут всякие привилегии, если прекратится навязывание одного из языков, то все славяне легко и быстро научатся понимать друг друга и не будут пугаться «ужасной» мысли, что в общем парламенте раздадутся речи на разных языках. А потребности экономического оборота сами собой *определят* тот язык данной страны, знать который большинству *выгодно* в интересах торговых сношений. И это определение будет тем тверже, что его примет добровольно население разных наций, тем быстрее и шире, чем последовательнее будет демократизм, чем быстрее будет в силу этого развитие капитализма.

Либералы и к вопросу о языках, как и ко всем политическим вопросам, подходят, как лицемерные торгаши, протягивающие одну руку (открыто) демократии, а другую руку (за спиной) крепостникам и полицейским. Мы против привилегий — кричит либерал, а за спиной выторговывает себе у крепостников то одну, то другую привилегию.

Таков *всякий* либерально-буржуазный национализм — не только великорусский (он хуже всех, благодаря его насильственному характеру и родству с гг. Пуришкевичами), но и польский, еврейский, украинский, грузинский и всякий иной. Буржуазия *всех* наций и в Австрии и в России под лозунгом «национальной культуры» проводит *на деле* раздробление рабочих, обессиление демократии, торгашеские сделки с крепостниками о продаже народных прав и народной свободы.

Лозунг рабочей демократии не «национальная культура», а интернациональная культура демократизма и всемирного рабочего движения. Пусть буржуазия обманывает народ всякими «позитивными» национальными программами. Сознательный рабочий ответит ей: есть только одно решение национального вопроса (поскольку вообще возможно его решение в мире капитализма, мире наживы, грызни и эксплуатации) и это решение — последовательный демократизм.

Доказательства: Швейцария в западной Европе — страна старой культуры и Финляндия в восточной Европе — страна молодой культуры.

Национальная программа рабочей демократии: никаких безусловно привилегий ни одной нации, ни одному языку; решение вопроса о политическом самоопределении наций, т. е. государственном отделении их, вполне свободным, демократическим путем; издание общегосударственного закона, в силу которого любое мероприятие (земское, городское, общинное и т. д. и т. п.), проводящее в чем бы то ни было привилегию одной из наций, нарушающее равноправие наций или права национального меньшинства, объявляется незаконным и недействительным — и любой гражданин государства вправе требовать отмены такого мероприятия, как противоконституционного, и уголовного наказания тех, кто стал бы проводить его в жизнь.

Национальной грызне различных буржуазных партий из-за вопросов о языке и т. д. рабочая демократия противопоставляет требование: безусловного единства и полного слияния рабочих *всех* национальностей во *всех* рабочих организациях, профессиональных, кооперативных, потребительных, просветительных и всяких иных, в противовес всяческому буржуазному национализму. Только такое единство и слияние может отстоять демократию, отстоять интересы рабочих против капитала, — который уже стал и все более становится интернациональным, — отстоять интересы развития человечества к новому укладу жизни, чуждому всяких привилегий и всякой эксплуатации.

Как епископ Никон защищает украинцев?

«Киевская Мысль» ²⁴⁶ сообщает, что епископ Никон, член Государственной думы, правый, подписал первым законопроект об украинской школе и обществах, вносимый в Государственную думу.

Содержание законопроекта: разрешить преподавание в начальных школах на украинском языке; назначать учащими украинцев; ввести преподавание украинского языка и истории Украины; не преследовать украинских обществ и не закрывать их «в порядке административного усмотрения, часто голого произвола».

Таким образом, товарищу Пуришкевича по партии — епископу Никону — не нравится в *некоторых* случаях произвол.

Епископ Никон справедливо полагает, что поднимаемый им «вопрос есть вопрос чрезвычайной важности, касающийся калечения 37-миллионного украинского народа»; — что «богатая, красивая, талантливая, цветущая и поэтическая Украина обрекается на вырождение, постепенное оупение и медленное умирание».

Протест против угнетения украинцев великороссами вполне справедлив. Но посмотрите, какими доводами защищает украинские требования епископ Никон:

«Украинский народ не ищет какой-то пресловутой автономии, восстановления Сечи Запорожской; украинцы — не сепаратисты... Украинцы — не инородцы, они — свои, наши родные братья, а потому-то их и не должно ограничивать в языке и национальном культурном развитии; иначе мы сами приравняем их, своих братьев, к евреям, полякам, грузинам и др., действительно инородцам».

Итак, дело сводится к тому, что украинец епископ Никон и его единомышленники выпрашивают у великорусских помещиков *привилегий* украинцам на том основании, что они — братья, а евреи — инородцы! Говоря прямее и проще: еврея и др. мы согласны давить, как инородца, если нам сделают уступки.

Знакомая картина защиты «национальной культуры» всеми буржуазными националистами, от черносотенных до либеральных и даже до буржуазно-демократических!

Епископ Никон знать ничего не хочет о том, что нельзя защитить от угнетения украинцев, не защищая от всякого угнетения все без исключения народы, — не изгоняя абсолютно из государственной жизни понятия «инородца», — не отстаивая полного равноправия всех национальностей. Нельзя защищать никого от национального гнета, не проводя последовательно самой широкой местной и областной автономии и принципа решения *всех* государственных вопросов волею большинства населения (т. е. принципа последовательного демократизма).

У епископа Никона лозунг «национальной культуры» украинцев означает на деле лозунг пропаганды черносотенства на украинском языке, лозунг украинско-клерикальной культуры.

Сознательные рабочие поняли, что лозунг «национальной культуры» есть клерикальный или буржуазный обман — все равно, идет ли речь о великорусской, украинской, еврейской, польской, грузинской или любой иной культуре. 125 лет тому назад, когда не было еще раскола нации на буржуазию и пролетариат, лозунг национальной культуры мог быть единым и цельным призывом к борьбе против феодализма и клерикализма. Но с тех пор классовая борьба буржуазии с пролетариатом разгорелась повсюду. Раскол «единой» нации на эксплуататоров и эксплуатируемых стал совершившимся фактом.

О национальной культуре вообще могут говорить только клерикалы или буржуа. Трудящиеся массы могут говорить только об интернациональной (международной) культуре всемирного рабочего движения. Только такая культура означает полное, действительное, искреннее равноправие наций, отсутствие национального гнета, осуществление демократии. Только единство и слияние рабочих всех наций во *всех* рабочих организациях в борьбе против капитала ведет к «решению национального вопроса».

Резолюции летнего 1913 года совещания ЦК РСДРП с партийными работниками ²⁴⁷

Из «Резолюции по национальному вопросу»

Разгул черносотенного национализма, рост националистических тенденций среди либеральной буржуазии, усиление националистических тенденций среди верхних слоев угнетенных национальностей — выдвигают в настоящий момент национальный вопрос на видное место.

Положение дел внутри социал-демократии (попытки кавказских с.-д., Бунда ²⁴⁸ и ликвидаторов отменить программу партии ²⁴⁹ и т. д.) заставляет партию еще более обратить внимание на этот вопрос.

Опираясь на программу РСДРП, совещание — в интересах правильной постановки с.-д. агитации по национальному вопросу — выдвигает следующие положения:

1. Поскольку возможен национальный мир в капиталистическом обществе, основанном на эксплуатации, наживе и грызне, постольку это достижимо лишь при последовательном, до конца демократическом, республиканском устройстве государства, обеспечивающем полное равноправие всех наций и языков, отсутствие обязательного государственного языка, при обеспечении населению школ с преподаванием на всех местных языках и при включении в конституцию основного закона, объявляющего недействительными какие бы то ни было привилегии одной из наций и какие бы то ни было нарушения прав национального меньшинства. В особенности необходима при этом широкая областная автономия и вполне демократическое местное самоуправление, при определении границ самоуправляющихся и автономных областей на основании учета самим местным населением хозяйственных и бытовых условий, национального состава населения и т. д.

2. Разделение по национальностям школьного дела в пределах одного государства безусловно вредно с точки зрения демократии вообще и интересов классовой борьбы пролетариата в особенности.

Именно к такому разделению сводится принятый в России всеми буржуазными партиями еврейства и мещанскими, оппортунистическими, элементами разных наций план так называемой «культурно-национальной» автономии или «создания учреждений, гарантирующих свободу национального развития»...

Написано в сентябре 1913 г.

*Напечатано в декабре 1913 г. в брошюре
«Известие и резолюция летнего 1913 года
совещания Центрального Комитета
РСДРП с партийными работниками»,
изданной в Париже ЦК РСДРП*

*Полн. собр. соч., т. 24,
с. 57—58.*

О «культурно-национальной» автономии ²⁵⁰

Сущность плана или программы так называемой «культурно-национальной» автономии (иначе: «создание учреждений, гарантирующих свободу национального развития») состоит в *разделении школьного дела по национальностям*.

На этой сущности тем более надо настаивать, чем чаще всякие открытые и прикрытые националисты (среди них бундовцы) пытаются затемнить ее.

Каждая нация, независимо от того, где живет любое принадлежащее к ней лицо (независимо от территории: отсюда название «экстерриториальной», внеземельной автономии), составляет единый государственно-признанный союз, ведающий национально-культурные дела. Главное из этих дел — школьное дело. Определение состава наций вольной записью каждого гражданина, независимо от его места жительства, в любой национальный союз обеспечивает абсолютную точность и абсолютную последовательность деления школьного дела по национальностям.

Спрашивается, допустимо ли такое разделение с точки зрения демократии вообще и с точки зрения интересов пролетарской классовой борьбы в особенности?

Достаточно представить себе ясно сущность программы «культурно-национальной автономии», чтобы ответить на этот вопрос без колебаний, — безусловно недопустимо.

Пока разные нации живут в одном государстве, их связывают миллионы и миллиарды нитей экономического, правового и бытового характера. Как же можно вырвать школьное дело из этих связей? Можно ли его «изъять из ведения» государства, как гласит классическая, по рельефному подчеркиванию бессмыслицы, бундовская формулировка? Если экономика сплачивает живущие в одном государстве нации, то попытка разделить их раз навсегда для области

«культурных» и в особенности школьных вопросов нелепа и реакционна. Напротив, надо добиваться *соединения* наций в школьном деле, чтобы в школе подготавливалось то, что в жизни осуществляется. В данное время мы наблюдаем неравноправие наций и неодинаковость их уровня развития; при таких условиях разделение школьного дела по национальностям *фактически* неминуемо будет *ухудшением* для более отсталых наций. В Америке в южных, бывших рабовладельческих, штатах до сих пор выделяют детей негров в особые школы, тогда как на севере белые и негры учатся вместе. В России возник недавно проект «национализации еврейской школы», т. е. отделения еврейских детей от детей других национальностей в особых школах. Нечего и прибавлять, что возник этот проект в самых реакционных, пуришкевичевских, кругах.

Нельзя быть демократом, отстаивая принцип разделения школьного дела по национальностям. Заметьте: мы рассуждаем пока с общедемократической, т. е. с буржуазно-демократической точки зрения.

Неизмеримо решительнее приходится выступить против разделения школьного дела по национальностям с точки зрения пролетарской классовой борьбы. Кто же не знает, что капиталисты всех наций данного государства сливаются самым тесным, неразрывным образом в акционерных предприятиях, в картелях и трестах, в союзах промышленников и т. п. *против* рабочих какой угодно национальности? Кто не знает, что в *любом* капиталистическом предприятии — начиная с громадных заводов, рудников и фабрик, продолжая торговыми фирмами и кончая капиталистическими землевладельческими хозяйствами — мы *всегда*, без всякого исключения, видим бóльшую национальную пестроту рабочих, чем в захолустной, мирной, сонной деревне?

Городскому рабочему, который всего лучше знаком с развитым капитализмом и всего глубже воспринял — из всей своей жизни, выпитал даже может быть с молоком матери психологию классовой борьбы, — такому рабочему невольно и неизбежно приходит в голову, что разделение школьного дела по национальностям не только *средняя* затея, но и прямо мошенническая, шарлатанская *со стороны капиталистов*. Рабочих *можно* раздробить, разделить, ослабить проповедью такой идеи, а еще более разделением народных школ по нациям, тогда как капиталистам, дети которых превосходно обеспечены богатыми частными школами и особо нанимаемыми учителями, *ни в каком случае* никаким раздроблением, никаким ослаблением никакая «культурно-национальная автономия» грозить не может.

На деле «культурно-национальная автономия», т. е. абсолютно

чистое и последовательное разделение школьного дела по национальностям, выдумана не капиталистами (они *пока* поглубже приемы употребляют для разделения рабочих), а оппортунистической, мещанской интеллигенцией Австрии. Ни в одной из западноевропейских, демократических стран с пестрым национальным составом этой гениально-мещанской и гениально-националистической идеи *нет и в помине*. Только на востоке Европы, в отсталой, феодальной, клерикальной, чиновичьей Австрии, где *всякая* общественная и политическая жизнь застопорена мизерно-мелкой дракой (даже хуже: сварой, потасовкой) из-за языков, возникла эта идея отчаявшегося мелкого буржуа. Хоть бы разгородить раз навсегда все нации с абсолютной чистотой и последовательностью на «национальные курьи» в школьном деле ²⁵¹, если нельзя помирить кошку с собакой! — вот психология, породившая глупенькую «культурно-национальную автономию». Пролетариат, сознающий и ценящий свой интернационализм, не пойдет никогда на эту глупость утопченного национализма.

Не случайно, что в России приняли «культурно-национальную автономию» *только все* буржуазные партии еврейства, затем (в 1907 г.) конференция *мелкобуржуазных*, левонароднических партий разных наций ²⁵² и, наконец, мещанские, оппортунистические элементы *околомарксистских* групп, т. е. бундовцы и ликвидаторы (последние побоялись даже сделать это прямо открыто, вполне определенно). Не случайно, что с трибуны Государственной думы *только* националистически зараженный полуликвидатор Чхенкели да мелкий буржуа Керенский говорили о «культурно-национальной автономии».

Смешно вообще читать ликвидаторские и бундовские ссылки на Австрию по этому вопросу. Во-первых, почему для *образца* надо брать самую отсталую из национально-пестрых стран? Почему не самую передовую? Ведь это прием, похожий на прием плохих русских либералов, т. е. кадетов, которые образцов для конституции ищут более всего в отсталых странах, Пруссии, Австрии, а не в передовых, не во Франции, Швейцарии, Америке!

Во-вторых, беря австрийский пример, российские националистические мещане, т. е. бундовцы, ликвидаторы, левонародники и т. п., еще с своей стороны *особо* ухудшают его. У нас больше всего и в первую голову применяют в пропаганде и агитации план «культурно-национальной автономии» именно бундовцы (плюс *все* буржуазные партии еврейства, за которыми — не всегда сознавая это — плетутся бундовцы). Между тем именно на родине идеи «культурно-национальной автономии», в Австрии, основоположник этой идеи,

Отто Бауэр, посвятил особую главу своей книги доказательству того, что *невозможно* к евреям применить идею «культурно-национальной автономии»!

Это доказывает лучше длинных речей, как мало последователен и верит в свою идею О. Бауэр, исключивший *единственную* экстерриториальную (не имеющую своей области) нацию из плана экстерриториальной автономии наций.

Это доказывает, как бундовцы перенимают у Европы *старомодные* планы, удесятерая ошибки Европы, доходя до абсурда «в развитии» этих ошибок.

Ибо — это в-третьих, — австрийские с.-д. на съезде в Брюнне (1899) *отвергли* предложенную им программу «культурно-национальной автономии». Они приняли лишь компромисс в виде союза всех национально-отграниченных *областей* государства. В этом компромиссе *нет* ни экстерриториальности, ни разделения школьного дела по национальностям. По этому компромиссному проекту, самые передовые (в капиталистическом отношении) места поселения, города, фабрики, рудники, крупные сельские имения и т. п., *не дробят* школьного дела по национальностям!

Российский рабочий класс боролся и будет бороться с реакционной, вредной, мещанской, националистической идеей «культурно-национальной автономии».

Из статьи
«Критические заметки
по национальному вопросу»

2. «Национальная культура»

Как видит читатель, статья в «Северной Правде» на одном из примеров, именно на вопросе об общегосударственном языке, поясняет непоследовательность и оппортунизм либеральной буржуазии, которая в национальном вопросе протягивает руку крепостникам и полицейским ²⁵³. Всякий понимает, что кроме вопроса об общегосударственном языке либеральная буржуазия поступает столь же предательски, лицемерно и тупоумно (даже с точки зрения интересов либерализма) по целому ряду других однородных вопросов.

Вывод отсюда? Вывод тот, что *всякий* либерально-буржуазный национализм несет величайшее развращение в рабочую среду, наносит величайший ущерб делу свободы и делу пролетарской классовой борьбы. Это тем опаснее, что *прикрывается* буржуазная (и буржуазно-крепостническая) тенденция лозунгом «национальной культуры». Во имя национальной культуры — великорусской, польской, еврейской, украинской и пр. — обдeldывают реакционные и грязные делишки черносотенцы и клерикалы, а затем и буржуа *всех* наций.

Таков факт современной национальной жизни, если смотреть на нее по-марксистски, т. е. с точки зрения классовой борьбы, если сличать лозунги с интересами и политикой классов, а не с пустыми «общими принципами», декламациями и фразами.

Лозунг национальной культуры есть буржуазный (а часто и черносотенно-клерикальный) обман. Наш лозунг есть интернациональная культура демократизма и всемирного рабочего движения.

Тут бундовец г. Либман срывается в бой и сокрушает меня следующей убийственной тирадой:

«Всякий, кто хоть немного знаком с национальным вопросом, знает, что интернациональная культура не есть иннациональная * культура (культура без

* Итер — между; ин — не; интернациональный — междунациональный, международный; иннациональный — ненациональный, ненародный, безнациональный, безнародный.

национальной формы); или национальная культура, которая не должна быть ни русской, ни еврейской, ни польской, а только чистой культурой, есть бессмыслица; интернациональные идеи именно могут стать близкими рабочему классу только тогда, когда приурочены к языку, на котором рабочий говорит, и к конкретным национальным условиям, в которых он живет; рабочий не должен быть равнодушен к положению и развитию своей национальной культуры, потому что через нее и только через нее получает он возможность принять участие в «интернациональной культуре демократизма и всемирного рабочего движения». Это давно известно, но обо всем этом В. И. и знать не хочет...

Вдумайтесь в это типичное бундовское рассуждение, долженствующее, изволите видеть, разрушить выставленный мною марксистский тезис. С чрезвычайно самоуверенным видом, как человек, «знакомый с национальным вопросом», в качестве «давно известных» истин преподносит нам г. бундист обычные буржуазные взгляды.

Да, интернациональная культура не безнациональна, любезный бундист. Никто этого не говорил. Никто «чистой» культуры ни польской, ни еврейской, ни русской и т. д. не провозглашал, так что ваш пустой набор слов есть лишь попытка отвлечь внимание читателя и заслонить суть дела звоном слов.

В каждой национальной культуре есть, хотя бы не развитые, элементы демократической и социалистической культуры, ибо в каждой нации есть трудящаяся и эксплуатируемая масса, условия жизни которой неизбежно порождают идеологию демократическую и социалистическую. Но в каждой нации есть также культура буржуазная (а в большинстве еще черносотенная и клерикальная) — притом не в виде только «элементов», а в виде господствующей культуры. Поэтому «национальная культура» вообще есть культура помещиков, попов, буржуазии. Эту основную истину, азбучную для марксиста, бундист оставил в тени, «заговорил» своим набором слов, т. е. на деле *против* вскрытия и разъяснения классовой пропасти дал читателю затемнение ее. На деле бундист выступил, как буржуа, весь интерес которого требует распространения веры в внеклассовую национальную культуру.

Ставя лозунг «интернациональной культуры демократизма и всемирного рабочего движения», мы из каждой национальной культуры берем только ее демократические и ее социалистические элементы, берем их только и безусловно в противовес буржуазной культуре, буржуазному национализму каждой нации. Ни один демократ и тем более ни один марксист не отрицает равноправия языков или необходимости на родном языке полемизировать с «родной» буржуазией, пропагандировать антиклерикальные или антибуржуазные идеи «родному» крестьянству и мещанству — об этом нечего гово-

речь, этими бесспорными истинами бундист загоразживает спорное, т. е. то, в чем действительно заключается вопрос.

Вопрос в том, допустимо ли для марксистов ставить, прямо или косвенно, лозунг национальной культуры, или обязательно *против* него проповедовать на всех языках, «приноравливаясь» ко всем местным и национальным особенностям — лозунг *интернационализма* рабочих.

Значение лозунга «национальной культуры» определяется не обещанием или добрым намерением данного интеллигентика «толковать» этот лозунг «в смысле проведения через него интернациональной культуры». Смотреть так было бы ребяческим субъективизмом. Значение лозунга национальной культуры определяется объективным соотношением всех классов данной страны и всех стран мира. Национальная культура буржуазии есть *факт* (причем, повторяю, буржуазия везде проводит сделки с помещиками и попами). Воинствующий буржуазный национализм, оступляющий, одурачивающий, разъединяющий рабочих, чтобы вести их на поводу буржуазии, — вот основной факт современности.

Кто хочет служить пролетариату, тот должен объединять рабочих всех наций, борясь неуклонно с буржуазным национализмом и «своим» и чужим. Кто защищает лозунг национальной культуры, — тому место среди националистических мещан, а не среди марксистов.

Возьмите конкретный пример. Может великорусский марксист принять лозунг национальной, великорусской, культуры? Нет. Такого человека надо поместить среди националистов, а не марксистов. Наше дело — бороться с господствующей, черносотенной и буржуазной национальной культурой великороссов, развивая исключительно в интернациональном духе и в теснейшем союзе с рабочими иных стран те зачатки, которые имеются и в нашей истории демократического и рабочего движения. Бороться со своими великорусскими помещиками и буржуа, против его «культуры», во имя интернационализма, бороться, «приноравливаясь» к особенностям Пуришкевичей и Струве, — вот твоя задача, а не проповедовать, не допускать лозунга национальной культуры.

То же самое относится к наиболее угнетенной и затравленной нации, еврейской. Еврейская национальная культура — лозунг раввинов и буржуа, лозунг наших врагов. Но есть другие элементы в еврейской культуре и во всей истории еврейства. Из 10½ миллионов евреев на всем свете немного более половины живет в Галиции и России, отсталых, полудиких странах, держащих евреев *насилем* в положении касты. Другая половина живет в цивилизованном мире, и там нет кастовой обособленности евреев. Там сказались

ясно великие всемирно-прогрессивные черты в еврейской культуре: ее интернационализм, ее отзывчивость на передовые движения эпохи (процент евреев в демократических и пролетарских движениях везде выше процента евреев в населении вообще).

Кто прямо или косвенно ставит лозунг еврейской «национальной культуры», тот (каковы бы ни были его благие намерения) — враг пролетариата, сторонник *старого* и *кастового* в еврействе, пособник раввинов и буржуа. Наоборот, те евреи-марксисты, которые сливаются в интернациональные марксистские организации с русскими, литовскими, украинскими и пр. рабочими, внося свою лепту (и по-русски и по-еврейски) в создание интернациональной культуры рабочего движения, те евреи — вопреки сепаратизму Бунда — продолжают лучшие традиции еврейства, борясь против лозунга «национальной культуры».

Буржуазный национализм и пролетарский интернационализм — вот два непримиримо-враждебные лозунга, соответствующие двум великим классовым лагерям всего капиталистического мира и выражающие *две* политики (более того: два мирозерцания) в национальном вопросе. Отстаивая лозунг национальной культуры, строя на нем целый план и практическую программу так называемой «культурно-национальной автономии», бундовцы *на деле* выступают проводниками буржуазного национализма в рабочую среду.

Полн. собр. соч., т. 24,
с. 119—123.

3. Националистический жупел «ассимиляторства»

...Наконец, в необыкновенно богатом националистическими перлами рассуждении г. Юркевича надо отметить еще следующее ²⁵⁴. Меньшинство украинских рабочих — национально сознательно, говорит он, — «большинство находится еще под влиянием русской культуры» (більшість перебуває ще під впливом російської культури).

Когда речь идет о пролетариате, это противопоставление украинской культуры в целом великорусской культуре, тоже в целом, означает самое бесстыдное предательство интересов пролетариата в пользу буржуазного национализма.

Есть две нации в каждой современной нации — скажем мы всем национал-социалам. Есть две национальные культуры в каждой национальной культуре. Есть великорусская культура Пуришкевичей, Гучковых и Струве, — но есть также великорусская культура, характеризующаяся именами Чернышевского и Плеханова. Есть *такие же две* культуры в украинстве, как и в Германии, Франции,

Англии, у евреев и т. д. Если большинство украинских рабочих находится под влиянием великорусской культуры, то мы знаем твердо, что наряду с идеями великорусской поповской и буржуазной культуры действуют тут и идеи великорусской демократии и социал-демократии. Борясь с первого рода «культурой», украинский *марксист* всегда выделит вторую культуру и скажет своим рабочим: «всякую возможность общения с великорусским сознательным рабочим, с его литературой, с его кругом идей обязательно всеми силами ловить, использовать, закреплять, этого требуют коренные интересы и украинского и великорусского рабочего движения».

Если украинский марксист даст себя увлечь *вполне законной и естественной* ненавистью к великороссам-угнетателям *до того*, что он перенесет хотя бы частичку этой ненависти, хотя бы только отчуждение, на пролетарскую культуру и пролетарское дело великорусских рабочих, то этот марксист скатится тем самым в болото буржуазного национализма. Точно так же и великорусский марксист скатится в болото национализма, не только буржуазного, но и черносотенного, если он забудет хоть на минуту требование полного равноправия украинцев или их *право* на образование самостоятельного государства.

Великорусские и украинские рабочие должны вместе и, пока они живут в одном государстве, в самом тесном организационном единстве и слиянии отстаивать общую или интернациональную культуру пролетарского движения, относясь с абсолютной терпимостью к вопросу о языке пропаганды и об учете чисто местных или чисто национальных *частностей* в этой пропаганде. Таково безусловное требование марксизма. Всякая проповедь отделения рабочих одной нации от другой, всякие нападки на марксистское «ассимиляторство», всякое противопоставление в вопросах, касающихся пролетариата, одной национальной культуры в целом другой якобы целой национальной культуре и т. п. есть *буржуазный* национализм, с которым обязательно беспощадная борьба.

4. «Культурно-национальная автономия»

Вопрос о лозунге «национальной культуры» имеет для марксистов громадное значение не только потому, что он определяет идейное содержание всей нашей пропаганды и агитации по национальному вопросу в отличие от пропаганды буржуазной, — но и потому еще, что целая программа пресловутой культурно-национальной автономии построена на этом лозунге.

Основной, принципиальный грех этой программы тот, что она

стремится воплотить в жизнь самый утонченный и самый абсолютный, до конца доведенный, национализм. Суть этой программы: каждый гражданин записывается в ту или иную нацию, и каждая нация составляет юридическое целое, с правом принудительного обложения своих членов, с национальными парламентами (сеймами), с национальными «статс-секретарями» (министрами).

Такая идея в применении к национальному вопросу похожа на идею Прудона в применении к капитализму. Не уничтожить капитализм и его основу — товарное производство, а *очистить* эту основу от злоупотреблений, от наростов и т. п.; не уничтожить обмен и меновую стоимость, а, наоборот, «конституировать» ее, сделать ее всеобщей, абсолютной, «справедливой», лишенной колебаний, кризисов, злоупотреблений — вот идея Прудона.

Как мелкобуржуазен Прудон, как его теория абсолютирует, возводит в перл создания обмен и товарное производство, так мелкобуржуазна теория и программа «культурно-национальной автономии», абсолютирующая, возводящая в перл создания буржуазный национализм, очищающая его от насилия и несправедливостей и т. д. ...

Там же, с. 129—131.

... Не подлежит сомнению, что «национальная культура» в обычном значении этого слова, т. е. школы и т. д., находится в настоящее время под преобладающим влиянием клерикалов и буржуазных шовинистов во всех странах мира. Когда бундовцы, защищая «культурно-национальную» автономию, говорят, что конституирование наций сделает классовую борьбу внутри их *чистой* от всяких посторонних соображений, то это явная и смешная софистика. Серьезная классовая борьба во всяком капиталистическом обществе ведется прежде всего в области экономической и политической. Выделение *отсюда* области школьной, во-первых, нелепая утопия, ибо оторвать школу (как и «национальную культуру» вообще) от экономики и политики нельзя, а во-вторых, именно экономическая и политическая жизнь капиталистической страны *заставляет* на каждом шагу ломать нелепые и устарелые национальные перегородки и предрассудки, а выделение школьного и т. п. дела как раз консервировало бы, обострило, усилило «чистый» клерикализм и «чистый» буржуазный шовинизм.

В акционерных обществах сидят вместе, вполне сливаясь друг с другом, капиталисты разных наций. На фабрике работают вместе рабочие разных наций. При всяком действительно серьезном и глубоком политическом вопросе группировка идет по классам, а не по нациям. «Изъятие из ведения государства» школьного и т. п. дела

и передача его нациям означает как раз попытку *отделить* от сливающейся нации экономики наиболее, так сказать, идеологическую область общественной жизни, где всего легче «чистая» национальная культура или национальное культивирование клерикализма и шовинизма.

В практическом своем осуществлении план «экстерриториальной» (внеземельной, не связанной с землей, на которой та или иная нация живет) или «культурно-национальной» автономии означал бы только одно: *разделение школьного дела по национальностям*, т. е. введение национальных курий в школьном деле. Достаточно себе ясно представить эту *действительную* сущность знаменитого бундовского плана, чтобы понять всю его реакционность даже с точки зрения демократии, не говоря уже о точке зрения классовой борьбы пролетариата за социализм.

Один пример и один проект «национализации» школьного дела наглядно пояснят, в чем тут суть. В Соединенных Штатах Северной Америки до сих пор держится во всей жизни деление штатов на северные и южные; первые — с наибольшими традициями свободы и борьбы против рабовладельцев, вторые — с наибольшими традициями рабовладения, с остатками травли негров, с их экономической придавленностью, культурной приниженностью (44% неграмотных среди негров и 6% среди белых) и т. д. Так вот, в северных штатах негры учатся вместе с белыми, в одних школах. На юге есть особые — «национальные» или расовые, как угодно, — школы для негров. Кажется, это единственный пример «национализации» школы на деле.

На востоке Европы есть страна, где до сих пор возможны дела вроде дела Бейлиса ²⁵⁵, где евреи осуждены гг. Пуришкевичами на положение хуже негров. В этой стране возник недавно в министерстве проект *национализации еврейской школы*. К счастью, эта реакционная утопия едва ли осуществится, как и утопия австрийских мелких буржуа, отчаявшихся в осуществлении последовательной демократии, в прекращении национальной грызни и выдумавших *футляры* для наций в школьном деле, чтобы они не могли грызться *из-за дележа* школ..., но «конституировалась» для *вечной* грызни одной «национальной культуры» против другой.

В Австрии культурно-национальная автономия осталась в значительной степени литературской выдумкой, которую не взяли всерьез сами австрийские с.-д. Зато в России ее приняли в программу все буржуазные партии еврейства и несколько мещанских, оппортунистических элементов разных наций — например, бундовцы, ликвидаторы на Кавказе, конференция российских нацио-

нальных партий левонароднического направления. (Эта конференция — заметим в скобках — состоялась в 1907 году, и ее решение принято было *при воздержании* русских с.-р. и польских социал-патриотов, *P.P.S.*²⁵⁶. Воздержание — удивительно характерный способ отношения эсеров и п.-п.-с-ов к важнейшему принципиальному вопросу в области национальной программы!)

В Австрии именно Отто Бауэр, главнейший теоретик «культурно-национальной автономии», посвятил специальную главу своей книги доказательству невозможности выставлять эту программу для евреев. В России, именно в еврействе, все буржуазные партии — и их подголосок Бунд — приняли эту программу*. Что это значит? Это значит, что история разоблачила политической практикой другого государства нелепость выдумки Бауэра, точно так же, как русские бернштейнианцы (Струве, Туган-Барановский, Бердяев и К^о) разоблачили своей быстрой эволюцией от марксизма к либерализму действительное идейное содержание немецкой бернштейниады.

Ни австрийские, ни российские с.-д. не приняли «культурно-национальной автономии в свою программу. Но буржуазные партии еврейства в самой отсталой стране и ряд мещанских якобы социалистических групп *приняли ее*, чтобы нести в утонченной форме идеи буржуазного национализма в рабочую среду. Факт этот говорит сам за себя...

Там же, с. 133—136.

5. Равноправие наций и права национального меньшинства

...В неразрывной связи с принципом полного равноправия стоит обеспечение прав национального меньшинства. В моей статье в «Северной Правде» этот принцип выражен почти так же, как в более

* Что бундовцы с необыкновенным азартом часто отрицают факт принятия «культурно-национальной автономии» *всеми* буржуазными партиями еврейства, это понятно. Слишком явно этот факт вскрывает действительную роль Бунда. Когда один из бундовцев, г. Манн в «Луче»²⁵⁷, попробовал повторить свое отрицание, его вполне разоблачил Н. Скоп. (см. «Просвещение» № 3). Но когда г. Лев Юркевич в «Дзвіне» (1913, № 7—8, с. 92) цитирует из «Просвещения» (№ 3, стр. 78) фразу Н. Ск.: «Бундисты — вместе со всеми буржуазными еврейскими партиями и группами — давно отстаивают культурно-национальную автономию» и *извращает* эту цитату, *выкидывая* из нее слово «бундисты» и *подменяя* слова: «культурно-национальную автономию» словами: «национальных прав», то остается лишь развести руками!! Г-н Лев Юркевич — не только националист, не только поразительный невежда в истории с.-д. и их программе, но и *прямой подделыватель цитат* для ради пользы Бунда. Плохи же дела Бунда и господ Юркевичей!

позднем, официальном и более точном, решении совещания марксистов. Это решение требует «включения в конституцию основного закона, объявляющего недействительными какие бы то ни было привилегии одной из наций и какие бы то ни было нарушения прав национального меньшинства».

Г-н Либман пробует смеяться над этой формулировкой, спрашивая: «Откуда же это известно, в чем состоят права национального меньшинства?». Относится ли, дескать, к числу этих прав право на «свою программу» в национальных школах? Как велико должно быть национальное меньшинство, чтобы оно имело право иметь своих судей, чиновников, школы на родном языке? Г. Либман желает вывести из этих вопросов необходимость «положительной» национальной программы.

На самом же деле эти вопросы показывают наглядно, какие реакционные вещи протаскивает наш бундист под прикрытием спора якобы о мелких деталях и частностях.

«Своя программа» в своей национальной школе!.. У марксистов, любезный национал-социал, есть *общая* школьная программа, требующая, например, безусловно светской школы. С точки зрения марксистов, в демократическом государстве недопустимо нигде и никогда *отступление* от этой общей программы (а заполнение ее какими-либо «местными» предметами, языками и проч. определяется решением местного населения). Из принципа же «изъять из ведения государства» школьное дело и отдать его нациям вытекает, что мы, рабочие, предоставляем «нациям» в нашем, демократическом, государстве тратить народные деньги на клерикальную школу! Г. Либман, сам того не замечая, наглядно пояснил реакционность «культурно-национальной автономии»!

«Как велико должно быть национальное меньшинство?» Этого не определяет даже излюбленная бундовцами австрийская программа: она гласит (еще короче и еще менее ясно, чем у нас) — «Право национальных меньшинств охраняется особым законом, который должен быть издан имперским парламентом» (§ 4 брюнской программы) ²⁵⁸.

Почему же это никто не придирался к австрийским с.-д. с вопросом, каков именно этот закон? Какому именно меньшинству и какие именно права он должен обеспечить?

Потому, что все разумные люди понимают неуместность и невозможность определять в программе частности. Программа устанавливает лишь основные принципы. В данном случае основной принцип подразумевается у австрийцев и прямо выражен в решении последнего российского совещания марксистов. Этот принцип: недопущение

никаких национальных привилегий и никакого национального неравноправия.

Возьмем конкретный пример, чтобы разъяснить вопрос бундовцу. В городе С.-Петербурге, по данным школьной переписи 18 января 1911 года, было в начальных школах министерства народного «просвещения» 48 076 учащихся. Из них было евреев 396, т. е. менее одного процента. Далее, было учащихся — 2 румын, 1 грузин, 3 армян и т. д.²⁵⁹. Можно ли составить такую «положительную» национальную программу, чтобы охватить это разнообразие отношений и условий? (А Питер далеко еще, разумеется, не самый «пестрый» национальный город в России.) Кажется, даже специалисты по национальным «тонкостям», вроде бундовцев, не составят такой программы.

Между тем, будь в конституции государства основной закон о действительности всякой меры, нарушающей права меньшинства, — любой гражданин мог бы требовать отмены распоряжения, которое отказало бы, например, в найме, на казенный счет, особым учителям еврейского языка, еврейской истории и т. п. или в предоставлении казенного помещения для лекций еврейским, армянским, румынским детям, даже одному грузинскому ребенку. Во всяком случае нет ничего невозможного в том, чтобы удовлетворить все разумные и справедливые желания национальных меньшинств на основе равноправия, и никто не скажет, чтобы пропаганда равноправия была вредна. Наоборот, пропаганда разделения школьного дела по нациям, пропаганда, например, особой еврейской школы для еврейских детей в Питере была бы безусловно вредна, а создание национальных школ для *всяких* национальных меньшинств, для 1, 2, 3 детей прямо-таки невозможно.

Далее, невозможно ни в каком общегосударственном законе определить, каково должно быть национальное меньшинство, чтобы оно имело право на особую школу или на особых учителей по дополнительным предметам и т. п.

Наоборот, общегосударственный закон о равноправии вполне может быть разработан детально и развит в специальных узаконениях, в постановлениях областных сеймов, городов, земств, общин и т. д. ...

Написано в октябре—декабре 1913 г.

Там же, с. 140—142.

Напечатано в ноябре—декабре 1913 г. в журнале «Просвещение», № 10, 11 и 12
Подпись: В. И л ь и н

Нищета народных учителей ²⁶⁰

К предстоящему в декабре всероссийскому съезду по народному образованию уместно будет обратить внимание на старый, но вечно новый вопрос о нищете народных учителей.

Перед нами первый том «Однодневной переписи начальных школ в Империи». Издан этот том министерством народного — извиште — просвещения. Подписан известным статистиком г. В. И. Покровским ²⁶¹.

Казенный характер этой чиновничьей работы — в самом дурном смысле слов: казенный и чиновничий — сразу бросается в глаза. Перепись произведена была 18 января 1911 года. Целых два года спустя появляется всего первый том об одних лишь губерниях Петербургского учебного округа! Без мучительной, нудной волокиты у нас умеют, видимо, только проводить законы, вроде закона против печати.

Программу переписи, как водится, многократно обсуждали в течение всего 1910 года в целом ряде чиновничьих кабинетов и совещаний, из которых каждый и каждое портили ее. В результате, например, по вопросу о родном языке учащихся имеется лишь общая графа о «русском» языке: подразделение на белорусский, малорусский (украинский) и великорусский явно запрещено. В результате в перепись школ Империи *не вошел* целый ряд школ, например, городские училища по положению 1872 года, частные училища 1 и 2 разряда и т. д.

Запрещено собирать полные данные. Запрещено знать правду о языке, на котором говорят в семье учащиеся. Запрещено сравнивать казенные и частные школы.

Составитель статистики, расхваленный либералами господин Покровский, со своей стороны поспособствовал *ухудшению* материала

переписи. О каждом учащем был, например, отдельно собран материал, касающийся величины содержания. Естественно, что по такому жгучему вопросу, как нищета народных учителей, важно знать правду. Важно знать, *сколько* именно учителей и учительниц получают отчаянно низкую, самую низкую, очень низкую, вообще низкую и т. д. плату.

Материал об этом собран. Сведения об этом *есть*. Но г. либеральный статистик «обрабатывает» его так, чтобы *прикрыть неприятную правду*.

Г-н статистик сообщает нам только *средние* размеры жалованья учителей и учительниц по губерниям и по разным разрядам школ. Казенные деления соблюдены свято. Но тому, кто хочет знать правду, интересно не то, в какой губернии и в каком разряде школ голодают учителя, а то, *сколько* учителей голодает и бедствует. Определить по собранному переписью материалу, *сколько* учителей получают голодную плату (скажем, ниже 360 руб., от 360 до 400 руб. и т. п.), было вполне возможно и безусловно было должно это сделать. Но этого не сделано. Это скрыто в архиве сотен тысяч карточек.

Сообщены публике только казенно-выхолощенные и казенно-прикрашенные цифры средних размеров жалованья по разрядам и по губерниям... Нечего и говорить о том, что либеральные статистики пожелали скрыть от публики, какая часть голодных учителей имеет семью.

Из «средних» цифр видно, что плата учительнице (в Санкт-Петербургском округе) 433 руб. в год, учителю — 376. Но большинство учителей находится в деревнях. Здесь «средняя» плата 347 руб. учительнице и 367 руб. учителю. (Заметим, что вообще число учительниц раза в два больше числа учителей.)

Большинство учащихся СПб. округа находится *вне* Петербургской губернии. Размер жалованья учительницам составляет: в Олонецкой губ. — 375 руб., в Новгородской губ. — 358 руб., в Вологодской губ. — 320 руб., в Архангельской губ. — 319 руб., в Псковской губ. — 312 руб.

Ясно даже из этих, прикрашивающих действительность, цифр, что *большинство* учительниц получает голодную плату. При теперешней дороговизне жизни — 26—30 рублей в месяц учительницам, из которых (опять-таки в среднем) 11,5 проц. замужних и 4,4 проц. вдов, — это заработок, безусловно, нищенский, осуждающий учащихся на голод и бедствия.

Из «поразрядных» данных мы видим, что в церковноприходских одноклассных школах было 2180 учительниц (в СПб. учебном округе, где все число учительниц — 7693). Перед нами, следова-

тельно, «разряд» с весьма внушительным числом учащихся. Сколько же получают учительницы этого разряда?

В среднем 302 рубля в городе и 301 рубль в деревне.

Российское государство тратит сотни миллионов на содержание чиновничества, полицию, военные расходы и т. д., а учителей в народных школах оно осуждает на голодание. Буржуазия «сочувствует» народному образованию, — но под условием, чтобы учащие жили хуже прислуги в барских и богатых домах...

«За Правду», № 51, 4 декабря 1913 г.

Полн. собр. соч., т. 24,
с. 195—197.

Национальный состав учащихся в русской школе

Чтобы иметь более точное представление о плане «культурно-национальной автономии», который сводится к разделению школьного дела по национальностям, полезно взять конкретные данные о национальном составе учащихся в русских школах. Относительно петербургского учебного округа такие данные собраны переписью школ 18 января 1911 года ²⁶².

Вот данные о распределении учащихся в начальных школах министерства народного просвещения по *родному языку* учащихся. Данные относятся ко всему с.-петербургскому учебному округу, а в скобках мы приводим *цифры относительно С.-Петербурга*. Под именем «русского языка» чиновники постоянно смешивают великорусский, белорусский и украинский («малороссийский», по казенному наименованию). Всего учащихся — 265 660 (48 076).

Русский — 232 618 (44 223); польский — 1737 (780); чешский — 3 (2); литовский — 84 (35); латышский — 1371 (113); жмудский — 1 (0); французский — 14 (13); итальянский — 4 (4); румынский — 2 (2); немецкий — 2408 (845); шведский — 228 (217); норвежский — 31 (0); датский — 1 (1); голландский — 1 (0); английский — 8 (7); армянский — 3 (3); цыганский — 4 (0); еврейский — 1196 (396); грузинский — 2 (1); осетинский — 1 (0); финский — 10 750 (874); карельский — 3998 (2); чудский — 247 (0); эстонский — 4723 (536); лопарский — 9 (0); зырянский — 6008 (0); самоедский — 5 (0); татарский — 63 (13); персидский — 1 (1); китайский — 1 (1); неизвестно какой — 138 (7).

Таковы сравнительно точные данные. Они показывают громадную национальную пестроту населения, — хотя относятся к одному из наиболее великорусских районов России. Сразу видна наибольшая национальная пестрота крупного города С.-Петербурга. Это —

явление не случайное, а закон капитализма во всех странах и во всех концах мира. Крупные города, фабричные, горнозаводские, железнодорожные, вообще торговые и промышленные поселки неизбежно отличаются наибольшей национальной пестротой населения, а как раз этого рода поселения и растут всего быстрее, постоянно отнимая все большую и большую долю жителей у захолустной деревни.

Попробуйте теперь к этим данным живой жизни прикинуть ту мертвую утопию националистических мечтан, которая называется «культурно-национальной автономией» или (в переводе бундовцев) «изъятием из ведения государства» вопросов национальной культуры, т. е. в первую голову школьного дела.

«Из ведения государства пзъемлется» школьное дело и передается в руки 23-х (относительно Петербурга) «национальных союзов», развивающих каждый «свою» «национальную культуру»!!

Смешно даже тратить слова для доказательства нелепости и реакционности подобной «национальной программы».

Ясно, как день, что проповедь подобного плана *на деле* означает проведение или поддержку идей буржуазного национализма, шовинизма и клерикализма. Интересы демократии вообще, а интересы рабочего класса в особенности, требуют как раз обратного: надо добиваться *слияния* детей *всех* национальностей в *единых* школах данной местности; надо, чтобы рабочие всех национальностей *сообща* проводили ту пролетарскую политику в школьном деле, которую так хорошо выразил депутат владимирских рабочих Самойлов от имени российской социал-демократической рабочей фракции Государственной думы ²⁶³. Против какого бы то ни было деления школьного дела по национальностям мы должны выступать самым решительным образом.

Не о том, чтобы разгородить нации так или иначе в школьном деле, должны мы заботиться, а наоборот — о том, чтобы создать основные демократические условия мирного сожительства наций на основе равноправия. Не «национальную культуру» должны поднимать мы на щит, а разоблачать клерикальный и буржуазный характер этого лозунга во имя интернациональной (международной) культуры всемирного рабочего движения.

Но возможно ли, спросят нас, обеспечить на основе равноправия интересы *одного* грузинского ребенка среди 48 076 школьников Петербурга? Мы ответим на это: создать особую грузинскую школу в Петербурге на основах грузинской «национальной культуры» — невозможно, а проповедь такого плана есть несение *вредных* идей в народную массу.

Но мы не будем отстаивать ничего вредного и добиваться ничего невозможного, требуя для этого ребенка дарового казенного помещения для лекций грузинского языка, грузинской истории и т. д., перевода для него грузинских книг из центральной библиотеки, оплаты казной части расходов по вознаграждению грузинского учителя и т. п. При действительной демократии, при полном изгнании бюрократизма и «передонощины»²⁶⁴ из школы, этого вполне может добиться население. А добиться этой действительной демократии *нельзя* иначе как при условии слияния рабочих *всех* национальностей.

Проповедовать особые национальные школы для каждой «национальной культуры» — реакционно. Но при условии действительной демократии вполне можно обеспечить интересы преподавания на родном языке, родной истории и пр. без разделения школ по национальностям. А полное местное самоуправление означает невозможность навязать что-либо насильно — к примеру скажем — 713 карельским детям Кемского уезда (где русских детей только 514) или 681 зырянскому ребенку Печорского уезда (153 русских), или 267 латышам Новгородского уезда (свыше 7000 русских) и т. д., и т. д.

Проповедь неосуществимой культурно-национальной автономии есть нелепость, которая только раздробляет рабочих идейно уже сейчас. Проповедь слияния рабочих всех национальностей облегчает успех пролетарской классовой солидарности, способной гарантировать равноправие и наиболее мирное сожительство всех национальностей.

«Пролетарская Правда», № 7, 14 декабря 1913 г.

Полн. собр. соч., т. 24,
с. 219—222.

Из статьи
«О национальной программе РСДРП»

...«Культурно-национальная автономия» означает именно самый утонченный и потому самый вредный национализм, означает развращение рабочих лозунгом национальной культуры, пропаганду глубоко вредного и даже антидемократического разделения школьного дела по национальностям. Одним словом, интернационализму пролетариата эта программа противоречит безусловно, отвечая лишь идеалам националистических мещан...

«Социал-Демократ», № 32, 15 (28) декабря 1913 г.

Полн. собр. соч., т. 24,
с. 225.

Еще о разделении школьного дела по национальностям

Марксисты ведут решительную борьбу с национализмом во всех его видах, начиная с грубого, реакционного национализма наших правящих кругов и правоокебристских партий, вплоть до более или менее утонченного и прикрытого национализма буржуазных и мелкобуржуазных партий.

Реакционный или черносотенный национализм стремится обеспечить привилегии одной из наций, осуждая все остальные нации на подчиненное, неравноправное и даже совершенно бесправное положение. Ни один марксист и даже ни один демократ не может относиться к такому национализму иначе как с полной враждебностью.

Буржуазный и буржуазно-демократический национализм, на словах признавая равноправие наций, на деле отстаивает (часто тайком, за спиной народа) некоторые привилегии одной из наций и всегда стремится к достижению больших выгод для «своей» нации (т. е. для буржуазии своей нации), к разделению и разграничению наций, к развитию национальной исключительности и т. д. Толкуя больше всего о «национальной культуре», подчеркивая то, что разделяет одну нацию от другой, буржуазный национализм *разделяет рабочих* разных наций и одурачивает их «национальными лозунгами».

Сознательные рабочие, борясь против *всякого* национального гнета и *всяких* национальных привилегий, не ограничиваются этим. Они борются со всяким, даже наиболее утонченным, национализмом, отстаивая не только единство, но и *слияние рабочих всех* национальностей в борьбе с реакцией и с всяческим буржуазным национализмом. Не разграничивать нации наше дело, а сплачивать рабочих всех наций. Не «национальная культура» написана на нашем знамени, а *интернациональная* (международная), сливающая все нации в высшем социалистическом единстве и подготовляемая уже теперь интернациональным объединением капитала.

Влияние мелкобуржуазного, мещанского национализма заразило и некоторых «тоже-социалистов», защищающих так называемую «культурно-просветительную автономию», то есть передачу школьного дела (и вообще дела национальной культуры) из рук государства в руки отдельных наций. Понятно, что марксисты борются против этой проповеди *разграничения наций*, против этого утонченного национализма, против *деления школьного дела по национальностям*. Когда наши бундовцы, а потом ликвидаторы пожелали, *вопреки* программе, защищать «культурно-национальную автономию», их осудили не только большевики, но и меньшевики-партийцы (Плеханов).

Теперь г. Ан в «Новой Рабочей Газете» (№ 103) ²⁶⁵ пробует защищать худое дело, подменяя вопрос и осыпая нас бранью. Брань мы спокойно отодвигаем прочь, — это лишь признак бессилия ликвидаторов.

Школы на родном языке — уверяет г. Ан — это и есть разделение школьного дела по национальностям; правдисты хотят отнять у инородцев их национальные школы!

Над таким приемом г. Ана можно лишь посмеяться, ибо все знают, что правдисты стоят за самое полное равноправие языков и даже за ненужность государственного языка! Г-н Ан от бессильного гнева начал терять голову, — это опасно, любезный г. Ан!

Права родного языка вполне точно и определенно признаны § 8 программы марксистов ²⁶⁶.

Если бы г. Ан был прав, что школы на родном языке это и есть разделение школьного дела по национальностям, — тогда зачем было бундовцам в 1906 году и ликвидаторам в 1912 году «дополнять» (а вернее, *извращать*) программу, которая в 1903 году *вполне* признала *родной язык* на том самом съезде, что *отверг* «культурно-национальную автономию»?

Нет, г. Ан, вам не удастся подменить вопроса и замаять шумом, криком, бранью *нарушение* ликвидаторами этой программы, их «приспособление социализма к национализму», по выражению т. Плеханова.

Мы не хотим нарушения программы. Мы не хотим приспособлять социализм к национализму. Мы отстаиваем полную демократию, полную свободу и равноправие языков, нисколько не защищая этим «передачи школьного дела нациям», «разделения школьного дела по национальностям».

«Ведь вопрос идет о разделении школ по нациям, — думает г. Ан, — значит, на месте должны быть эти нации, которые мешают друг другу развиваться и,

следовательно, *нужно их разграничить* в области и народного образования».

Подчеркнутые нами слова ясно обнаруживают, как ликвидаторство тянет г. Ана прочь от социализма к национализму. *Разграничение* наций в пределах одного государства вредно, и мы, марксисты, стремимся *сблизить и слить* их. Не «разграничение» наций — наша цель, а обеспечение полной демократией их равноправия и столь же мирного (сравнительно) сожительства, как в Швейцарии*.

«Пролетарская Правда», № 9, 17 декабря 1913 г.

Полн. собр. соч., т. 24,
с. 236—238.

* Г-н Ан смело говорит, что «нет смешения наций и в кантонах Швейцарии». Не устыдится ли он, если мы назовем ему *четыре* кантона: Берн, Фрейбург, Граубюнден, Валлис?

О наших школах

Всероссийская школьная перепись 18 января 1911 года ²⁶⁷ дает возможность, — несмотря на крайне плохую обработку данных, — приоткрыть чуточку завесу казенной тайны.

Данные есть пока только о петербургском учебном округе, — отдельно по городам и селениям. Посмотрим, на основании этих данных, что представляют из себя наши *церковно-приходские* школы.

В городах числилось 329 городских одноклассных училищ, 139 частных III разряда и 177 церковно-приходских одноклассных. Сравним среднее жалование учительницам (число учителей совсем невелико): — в городских школах — 924 рубля в год, в частных — 609, в церковно-приходских — 302 *рубля*.

Нищие, голодные учительницы — вот что такое наши церковно-приходские школы.

Посмотрим, как велик процент учащихся с высшим и средним светским общим образованием. В городских школах — 76 проц., в частных — 67 проц., в церковно-приходских — 18 проц.!

Необразованные учительницы (о законоучителях пока нет речи) — вот что такое наши церковно-приходские школы.

В деревнях имеем 3545 земских одноклассных школ и 2506 церковно-приходских одноклассных. В первых среднее жалование учительниц 374 рубля в год, во вторых — 301 *рубль*.

В первых процент образованных учителей (учащих вообще) — 20 проц., *во вторых* — 2,5 проц. — опять-таки не считая законоучителей.

Можно видеть по этим данным, до чего жалко положение церковно-приходских школ!

Перепись собрала также данные о том, сколько приходится в среднем на одного учащегося квадратных аршин пола и кубических аршин воздуха — т. е. о тесноте школ.

В земских школах имеется 2,6 кв. аршина пола и 10,1 куб. аршина воздуха, в церковно-приходских — 2,4 кв. аршина пола и 9,6 куб. аршина воздуха.

Площадь пола должна быть в 6 раз больше световой площади окон. На деле она больше в 9 раз, т. е. школы не только тесны, но и *темны*.

Разумеется, эти данные крайне скудны. Министерство изо всех сил постаралось, чтобы подробных, точных, полных данных о нищенском положении наших школ *не* было собираемо.

И все же жалкое, нищенское положение церковно-приходских школ выступает даже из неполных, казенно-урезанных, плохо обработанных данных.

Одна из насущных задач представителей культурно-просветительных и профессиональных рабочих организаций на предстоящем Всероссийском съезде по народному образованию — поставить всесторонне вопрос и всесторонне осветить вопрос о положении нашей школы и школьного учителя.

«Пролетарская Правда», № 10, 18 декабря 1913 г.

Полн. собр. соч., т. 24,
с. 239—240.

Нужен ли обязательный государственный язык?

Либералы отличаются от реакционеров тем, что, по крайней мере, для *начальной* школы они признают право преподавания на родном языке. Но они совершенно сходятся с реакционерами насчет того, что обязательный государственный язык должен быть.

Что означает обязательный государственный язык? Это значит практически, что язык великороссов, составляющих *меньшинство* населения России, навязывается всему остальному населению России. В каждой школе преподавание государственного языка должно быть *обязательно*. Все официальные делопроизводства должны обязательно вестись на государственном языке, а не на языке местного населения.

Чем оправдывают необходимость обязательного государственного языка те партии, которые его защищают?

«Доводы» черносотенцев, конечно, коротки: всех пнородцев необходимо держать в ежовых рукавицах и не позволять им «распускаться». Россия должна быть неделима, и все народы должны подчиняться великорусскому началу, так как великороссы будто бы были строителями и собирателями земли русской. Поэтому язык правящего класса должен быть обязательным государственным языком. Господа Пуришкевичи даже не прочь бы и вовсе запретить «собачьи наречия», на которых говорит до 60% невеликорусского населения России.

Позиция либералов — гораздо «культурнее» и «тоньше». Они — за то, чтобы в известных пределах (например, низшая школа) был допущен родной язык. Но вместе с тем они отстаивают обязательность государственного языка. Это, мол, необходимо, в интересах «культуры», в интересах «единой» и «неделимой» России и т. д.

«Государственность есть утверждение культурного единства... В состав государственной культуры непременно входит государственный язык... В ос-

нове государственности лежит единство власти, и государственный язык — орудие этого единства. Государственный язык обладает такой же принудительной и общеобязательной силой, как все другие формы государственности...

Если России суждено пребыть единой и нераздельной, то надо твердо отстаивать государственную целесообразность русского литературного языка».

Вот — типичная философия либерала относительно необходимости государственного языка.

Приведенные слова заимствованы нами из статьи г. С. Патрашкина в либеральной газете «День»²⁶⁸ (№ 7). За такие мысли, по вполне понятным причинам, черносотенное «Новое Время»²⁶⁹ наградило жирным поцелуем автора их. Г-н Патрашкин высказывает здесь «вполне здравые мысли», заявила газета Меньшикова (№ 13588). За такие весьма «здравые» мысли черносотенцы постоянно хвалят и национал-либеральную «Русскую Мысль»²⁷⁰. Да и как не хвалить, раз либералы при помощи «культурных» доводов пропагандируют то, что так нравится нововременцам?

Русский язык — велик и могуч, говорят нам либералы. Так неужели же вы не хотите, чтобы каждый, кто живет на любой окраине России, знал этот великий и могучий язык? Неужели вы не видите, что русский язык обогатит литературу инородцев, даст им возможность приобщиться к великим культурным ценностям и т. д.?

Все это верно, господа либералы, — отвечаем мы им. Мы лучше вас знаем, что язык Тургенева, Толстого, Добролюбова, Чернышевского — велик и могуч. Мы больше вас хотим, чтобы между угнетенными классами всех без различия наций, населяющих Россию, установилось возможно более тесное общенное и братское единство. И мы, разумеется, стоим за то, чтобы каждый житель России имел возможность научиться великому русскому языку.

Мы не хотим только одного: элемента *принудительности*. Мы не хотим загонять в рай дубиной. Ибо, сколько красивых фраз о «культуре» вы ни сказали бы, *обязательный* государственный язык сопряжен с принуждением, влоачиванием. Мы думаем, что великий и могучий русский язык не нуждается в том, чтобы кто бы то ни было должен был изучать его *из-под палки*. Мы убеждены, что развитие капитализма в России, вообще весь ход общественной жизни ведет к сближению всех наций между собою. Сотни тысяч людей перебраываются из одного конца России в другую, национальный состав населения перемешивается, обособленность и национальная заскорузлость должны отпасть. Те, кто по условиям своей жизни и работы нуждаются в знании русского языка, научатся ему и без палки. А принудительность (палка) приведет только к одному: она затруднит великому и могучему русскому языку доступ в другие нацио-

нальные группы, а главное — обострит вражду, создаст миллион новых трений, усилит раздражение, взаимонепонимание и т. д.

Кому это нужно? Русскому народу, русской демократии — этого не нужно. Он не признает *никакого* национального угнетения хотя бы и «в интересах русской культуры и государственности».

Вот почему русские марксисты говорят, что необходимо: — *отсутствие* обязательного государственного языка, при обеспечении населению школ с преподаванием на всех местных языках, и при включении в конституцию основного закона, объявляющего недействительными какие бы то ни было привилегии одной из наций и какие бы то ни было нарушения прав национального меньшинства...*

«Пролетарская Правда», № 14 (32),
18 января 1914 г.

Полн. собр. соч., т. 24,
с. 293—295.

* См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 57—58. Ред.

**Вставка к статье Н. К. Крупской
«К вопросу о политике
министерства
народного просвещения»²⁷¹**

В цивилизованных странах почти нет безграмотных. Народ стараются там привлечь в школы. Устройству библиотек всячески содействуют. А у нас министерство народного, — извините, — «просвещения» прибегает к самым отчаянным усилиям, к самым позорным полицейским мерам, чтобы *затруднить* дело образования, чтобы *помешать* народу учиться! У нас министерство *разгромило* школьные библиотеки!! Ни в одной культурной стране мира не осталось особых правил *против* библиотек, не осталось такого гнусного учреждения, как *цензура*. А у нас, помимо общих преследований печати, помимо диких мер *против* библиотек вообще, издаются еще во сто крат более стеснительные правила *против* народных библиотек! Это — вопиющая политика народного *затемнения*, вопиющая политика помещиков, желающих *одичания* страны. Некоторые богатые люди, вроде Павленкова, пожертвовали деньги на народные библиотеки. Теперь правительство диких помещиков разгромило библиотеки. Не пора ли тем, кто хочет *помочь* просвещению в России, понять, что деньги жертвовать надо не на подчиненные министерству и подлежащие разгрому библиотеки, а на борьбу за политическую свободу, без которой Россия задыхается в дикости.

Написано в январе 1914 г.

Впервые напечатано в Полном собрании сочинений В. И. Ленина, том 24

Полн. собр. соч., т. 24,
с. 270.

Либеральный профессор о равенстве

Г-н либеральный профессор Туган-Барановский отправился в поход против социализма. На этот раз он подошел к вопросу не с политико-экономической стороны, а со стороны общих рассуждений о равенстве (может быть, эти общие рассуждения показались профессору более подходящими для религиозно-философских собеседований, на которых он выступал?).

«Если взять социализм,— провозгласил г. Туган,— не как экономическую теорию, а как жизненный идеал, то, несомненно, он связан с идеалом равенства, но равенство — понятие... из опыта и разума не выводимое».

Вот рассуждение либерального ученого, повторяющего невероятно избитые и затасканные доводы: дескать, опыт и разум свидетельствуют явно, что люди *не* равны, а социализм основывает свой идеал на равенстве. Значит, социализм, извольте видеть, нелепость, противоречит опыту и разуму и так далее!

Г-н Туган повторяет старый прием реакционеров: сначала извратить социализм, приписав ему нелепость, а потом победоносно опровергать нелепицы! Когда говорят, что опыт и разум свидетельствуют, что люди *не* равны, то под равенством разумеют равенство *способностей* или *одинаковость* физических сил и душевных способностей людей.

Само собою разумеется, что в этом смысле люди *не* равны. Ни один разумный человек и ни один социалист не забывает этого. Только к социализму *такое* равенство не имеет *никакого* отношения. Если г. Туган совсем не умеет *думать*, то во всяком случае он *умеет* читать и, взявши известное сочинение одного из основателей научного социализма, Фридриха Энгельса, против Дюринга, г. Туган мог бы прочесть там специальное разъяснение, что под равенством в области экономической глупо разуместь что-либо иное кроме *уничтожения*

классов. Но, когда господа профессора берутся опровергать социализм, то не знаешь, чему больше удивляться, их тупости или их невежеству или их недобросовестности.

Придется начинать с азов, раз имеешь дело с г. Туганом.

Под равенством социал-демократы в области политической разумеют *равноправие*, а в области экономической, как уже сказано, *уничтожение классов.* Об установлении же человеческого равенства в смысле равенства сил и способностей (телесных и душевных) социалисты и не помышляют.

Равноправие есть требование одинаковых политических прав для *всех* граждан государства, достигших известного возраста и не страдающих ни обыкновенным, ни либерально-профессорским слабоумием. Это требование выдвинуто впервые вовсе не социалистами, но пролетариатом, а *буржуазией.* Общеизвестный исторический опыт всех стран мира свидетельствует об этом, и г. Туган легко мог бы узнать это, если бы он не ссылаясь на «опыт» исключительно в целях одурачения студентов и рабочих, в целях угождения власть имущим «уничтожением» социализма.

Буржуазия выдвинула требование *равенства* прав всех граждан в борьбе с средневековыми, феодальными, крепостническими, сословными привилегиями. В России, например, в отличие от Америки, от Швейцарии и т. п. и сейчас сохраняются привилегии сословия дворянского во всей политической жизни, и на выборах в Государственный совет, и на выборах в Думу, и в местном управлении, и в отношении налогов, и в многом, многом другом.

Даже самый недогадливый и неразвитый человек может сообразить, что отдельные люди, принадлежащие к дворянскому сословию, *не* равны по своим телесным и душевным способностям, как *не* равны между собой и люди, принадлежащие к «податному», «черному», «низшему» или «непривилегированному» крестьянскому сословию. Но по *правам* своим все дворяне *равны*, а все крестьяне равны по своему бесправию.

Понимает ли теперь г. ученый и либеральный профессор Туган разницу между равенством в смысле равноправия и равенством в смысле равенства сил и способностей?

Перейдем теперь к равенству в смысле экономическом. В Соединенных Штатах Америки, как и в других передовых государствах, средневековых привилегий нет. Все граждане равны в смысле политических прав. Но равны ли они *по положению в общественном производстве?*

— Нет, г. Туган, не равны. Одни владеют землей, фабриками, капиталами и живут на счет неоплаченного труда рабочих; — та-

ковых ничтожное меньшинство. Другие, именно громадная масса населения, не имеют никаких средств производства и живут только продажей своей рабочей силы; это — пролетарии.

Дворян в Соединенных Штатах Америки нет, а буржуа и пролетарии имеют *равные* политические права. Но они *не* равны по своему *классовому* положению: одни, класс капиталистов, владеют средствами производства и живут на счет неоплаченного труда рабочих; другие, класс наемных рабочих, пролетариев, не имеют средств производства и живут продажей на рынке своей рабочей силы.

Уничтожить классы — это значит поставить *всех* граждан в *одинаковое* отношение к *средствам производства* всего общества, это значит — все граждане имеют *одинаковый* доступ к работе на общественных средствах производства, на общественной земле, на общественных фабриках и так далее.

Это разъяснение того, что есть социализм, необходимо было для просвещения ученого либерального профессора г. Тугана, который, может быть, поватужившись, поймет теперь, что *равенства* сил и способностей людей в социалистическом обществе ждать нелепо.

Кратко говоря: когда социалисты говорят о равенстве, они понимают под ним всегда *общественное* равенство, равенство общественного положения, а никоим образом не равенство физических и душевных способностей отдельных личностей.

Читатель спросит, пожалуй, в недоумении: как могло быть, чтобы ученый либеральный профессор позабыл эти азбучные истины, известные всякому из любого изложения взглядов социализма? Ответ простой: *личные* особенности современных профессоров таковы, что среди них можно встретить даже редкостно-тупых людей вроде Тугана. Но *общественное* положение профессоров в буржуазном обществе таково, что пускают на эту должность только тех, кто продает науку на службу интересам капитала, только тех, кто соглашается против социалистов говорить самый невероятный вздор, бессовестнейшие нелепости и чепуху, Буржуазия все это простит профессорам, лишь бы они занимались «уничтожением» социализма.

Из проекта речи
«К вопросу о национальной
политике»²⁷²

...Пятый год объединил рабочих всех наций России. Реакция старается разжечь национальную вражду. Либеральная буржуазия *всех* наций, а великорусская прежде всего и больше всего, борется за привилегии *своей* нации (пример: польское коло против равноправия евреев в Польше²⁷³), — борется за национальное обособление, за национальную исключительность и тем *помогает* политике нашего министерства внутренних дел.

А истинная демократия, с рабочим классом во главе, поднимает знамя полного равноправия наций и слияния рабочих всех наций в их классовой борьбе. С этой точки зрения мы отвергаем так называемую «культурно-национальную» автономию, то есть разделение по национальностям школьного дела в одном государстве или изъятие школьного дела из ведения государства с передачей его отдельно организованным национальным союзам. Демократическое государство должно признавать автономию разных областей, особенно областей и округов с разным национальным составом населения. Такая автономия нисколько не противоречит демократическому централизму; напротив, лишь посредством автономии областей в большом и пестром по национальному составу государстве *можно* осуществить действительно демократический централизм. Демократическое государство безусловно должно признать *полную свободу* родных языков и отвергнуть *всякие* привилегии одного из языков. Демократическое государство не допустит подавления, майоризирования, ни единой национальности другою ни в одной области, ни в одной отрасли общественных дел.

Но отнимать школьное дело из рук государства и делить его по нациям, отдельно организованным в национальные союзы, это — вредная мера и с точки зрения демократии и еще больше с точки зрения пролетариата. Это повело бы лишь к упрочению обособлен-

ности наций, а мы должны стремиться к сближению их. Это повело бы к росту шовинизма, а мы должны идти к теснейшему союзу рабочих всех наций, к совместной борьбе их против *всякого* шовинизма, против *всякой* национальной исключительности, против *всякого* национализма. Школьная политика у рабочих всех наций едина: свобода родного языка, демократическая и *с в е т с к а я* школа...

Написано позднее 6 (19) апреля 1914 г.

*Впервые напечатано в 1924 г. в журнале
«Пролетарская Революция», № 3*

*Полн. собр. соч., т. 25,
с. 71—72.*

Рецензия

Н. А. Рубакин. Среди книг, том II (изд-во «Наука»). М. 1913 г. Цена 4 руб. (изд. 2-ое)

Громадный том в 930 страниц большого формата очень убористой печати, частью в два столбца, представляет из себя «опыт обзора русских книжных богатств в связи с историей научно-философских и литературно-общественных идей». Так значится в подзаголовке книги.

Содержание рассматриваемого второго тома охватывает различные области общественных наук. Сюда входит, между прочим, и социализм как в Западной Европе, так и в России. Нечего и говорить, что издание подобного типа представляет громадный интерес и что план автора, в общем и целом, вполне верен. В самом деле, дать *разумный* «обзор русских книжных богатств» и «справочное пособие» для самообразования и библиотек нельзя иначе, как в связи с историей идей. Тут нужны именно «предварительные замечания» по каждому отделу (которые и дает автор) с общим обзором предмета и с точным изложением *каждого* идейного течения, а затем перечень литературы к этому отделу и по каждому идейному течению.

Автором и его многочисленными сотрудниками, названными в предисловии, затрачен громадный труд и начато чрезвычайно ценное предприятие, которому от души надо пожелать расти и развиваться вширь и вглубь. Особенно ценно, между прочим, то, что автор не исключает ни зарубежных, ни подвергшихся преследованиям изданий. Ни одной солидной библиотеке без сочинения г-на Рубакина нельзя будет обойтись.

Недостатки сочинения — эклектизм ²⁷⁴ автора и недостаточно широкое (вернее, едва только начавшее применяться) обращение к специалистам за сотрудничеством по определенным вопросам.

Первый недостаток стоит, пожалуй, в связи с курьезным предубеждением автора против «полемики». В предисловии г. Рубакин заявляет, что он «на своем веку никогда не участвовал ни в каких полемиках, полагая, что в огромнейшем числе случаев полемика —

один из лучших способов затемнения истины посредством всякого рода человеческих эмоций». Автор не догадывается, во-1-х, что без «человеческих эмоций» никогда не бывало, нет и быть не может человеческого *искания* истины. Автор забывает, во-2-х, что он хочет дать обзор «истории идей», а история идей есть история смены и, следовательно, борьбы идей.

Одно из двух: или относиться бессознательно к борьбе идей — и тогда трудненько браться за ее историю (не говоря уже об участии в этой борьбе); или отказаться от претензии «никогда не участвовать ни в каких полемиках». Я открываю, например, «предварительные замечания» г. Рубакина относительно теории политической экономии и вижу сразу, что автор выходит из указанной дилеммы посредством, во-1-х, *прикрытой* полемики (вид полемики, имеющий все недостатки ее и ни одного из ее больших достоинств), во-2-х, посредством защиты эклектицизма.

Излагая «Краткий курс» Богданова²⁷⁵, г. Рубакин «позволяет себе» отметить «интересную» аналогию одного из выводов автора-«марксиста» с «известной формулой прогресса Н. К. Михайловского» (стр. 815)...

О, г. Рубакин, «никогда на своем веку не участвовавший ни в каких полемиках»!..

А страничкой раньше воспевается «строгая научность, глубокий анализ и критическое отношение к важнейшим теориям»... кого бы вы думали?.. образцового эклектика г. Тугана-Барановского!! Г-н Рубакин сам вынужден признать, что сей профессор сторонник немножечко марксизма, немножечко народничества, немножечко «теории предельной полезности», но тем не менее называет его «социалистом»!!! Разве писать такую чудовищную вещь не значит *полемизировать* в самой худшей возможной форме *против* социализма?

Если бы г. Рубакин те 80 с лишним тысяч букв (т. е. целую брошюру), которые он написал как введение в литературу политической экономии, разделил на четыре части и поручил написать их, скажем, черносотенцу, либералу, народнику и марксисту, — то *открытой* полемики было бы больше, и 999 читателей из 1000 в тысячу раз легче и быстрее нашли бы истину.

Подобный прием — обращение за сотрудничеством к представителям «полемики» — г. Рубакин осуществил в вопросе о большевизме и меньшевизме, уделив по полустраничке мне * и Л. Мартову. Что до меня касается, то я изложением Л. Мартова чрезвычайно доволен, например, его признанием, что ликвидаторство сводится к попыт-

* См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 279—280. Ред.

кам «создать открытую рабочую партию» и к «отрицательному отношению к сохранившимся подпольным организациям» (стр. 771—772), или его признанием: «меньшевизм не видел для пролетариата иной возможности плодотворного участия в данном кризисе» (т. е. кризисе 1905 года), «кроме содействия буржуазно-либеральной демократии в ее попытках оттеснить от государственной власти реакционную часть имущих классов — содействия, которое, однако, пролетариат должен осуществлять, сохраняя полную политическую самостоятельность» (772).

Как только г. Рубакин начинает самостоятельно продолжать очерк меньшевизма, получаютс_я ошибки, например, утверждение, будто Аксельрод вместе с Плехановым *«отошел»* от ликвидаторства (772). Не ставя в особую вину г-ну Рубакину подобных ошибок, неизбежных вначале при таком разностороннем сводном издании, нельзя не пожелать, чтобы автор почаще применял метод обращения к представителям разных течений *во всех* областях знания. От этого выиграют точность и полнота работы да и *объективность* ее; от этого проиграют только эклектицизм и *прикрытая* полемика.

«Просвещение», № 4, апрель 1914 г.
Подпись: В. И.

Полн. собр. соч., т. 25,
с. 111—114.

**Из «Проекта закона
о равноправии наций
и о защите прав
национальных меньшинств»²⁷⁶**

... 8. Каждая самоуправляющаяся единица государства, как сельская, так и городская, выбирает, на основе всеобщего, равного, прямого и закрытого голосования, с пропорциональным представительством, школьные советы, которые заведуют, всецело и автономно, расходами на все без исключения культурно-просветительные потребности населения под контролем и руководством городских и земских учреждений.

9. В неоднородных по национальному составу территориальных единицах число членов школьных советов должно быть не менее 20. Число это (20) может быть повышаемо по постановлению самоуправляющихся единиц и автономных сеймов. Местностями с неоднородным национальным составом населения признаются те, в которых инациональное меньшинство достигает 5% населения.

10. Всякое национальное меньшинство данной самоуправляющейся единицы, которое так незначительно, что при пропорциональном представительстве не может выбрать одного члена школьного совета, вправе выбирать в школьный совет члена, пользующегося совещательным голосом.

11. Пропорциональная доля сумм, расходуемых на культурно-просветительные нужды инациональных меньшинств данной местности, не может быть меньше, чем пропорциональная доля инациональных меньшинств во всем населении данной местности.

12. Переписи населения, с учетом родного языка граждан, производятся не реже 1 раза в 10 лет во всем государстве и не реже 1 раза в 5 лет в областях и местностях с неоднородным национальным составом населения.

13. Всякие меры школьных советов, нарушающие в чем бы то ни было полное равноправие наций и языков местного населения или пропорциональность расходов на культурно-просветительные нужды

в соответствии с долей национальных меньшинств в населении, признаются недействительными и подлежат отмене по протесту, который вправе заявлять любой гражданин государства, независимо от его места жительства.

Написано позднее 6 (19) мая 1914 г.

Впервые напечатано в 1937 г. в Ленинском сборнике ХХХ

*Полн. собр. соч., т. 25,
с. 136—137.*

Из статьи
**«Развращение рабочих
утонченным национализмом»**

...Признание равноправия наций и языков дорого для марксистов не только потому, что они самые последовательные демократы. Интересы пролетарской солидарности, товарищеского единства классовой борьбы рабочих требуют самого полного равноправия наций для устранения самомалейшего национального недоверия, отчуждения, подозрительности, вражды. А полное равноправие включает и отрицание всяких привилегий за одним из языков, включает признание *права* на самоопределение всех наций.

Но для буржуазии требование равноправия наций очень часто равносильно на деле проповеди национальной исключительности и шовинизма, очень часто совместимо с *проповедью* разделения и отчуждения наций. С этим *безусловно* не мирится пролетарский *интернационализм*, проповедующий не только *сближение* наций, но *слияние* рабочих всех национальностей данного государства в *единых* пролетарских организациях. Поэтому марксисты решительно осуждают так называемую «культурно-национальную автономию», то есть *изъятие* школьного дела из ведения государства и передачу в руки *отдельных* национальностей. Этот план есть разделение школьного дела по национальностям данного государственного союза в вопросах «национальной культуры» на *национальные союзы* с своими *особыми* сеймами, школьными финансами, школьными советами, школьными учреждениями.

Это — план утонченного национализма, развращающий и разделяющий рабочий класс. Этому плану (бундовцев, ликвидаторов, народников, т. е. различных мелкобуржуазных групп) марксисты противопоставляют принцип: самое полное равноправие наций и языков вплоть до отрицания надобности в государственном языке, но вместе с этим отстаивание наибольшего сближения наций, единства *государственных* учреждений для всех наций, единства школь-

ных советов, единства школьной полптики (светская школа!), единства рабочих разных наций в борьбе с *национализмом всякой национальной буржуазии*, национализмом, который для обмана простачков преподносят в виде лозунга «национальной культуры».

Пусть мещанские националисты, бундовцы, ликвидаторы, народники, писатели «Дзвина»²⁷⁷, защищают открыто свои принципы утонченного буржуазного национализма, это их право. Но пусть не обманывают рабочих, как это делает, например, г-жа В. О. в № 35 «Северной Рабочей Газеты», пытаясь уверить читателей, будто газета «За Правду» *отрицает* преподавание на родном языке!!!

Это — грубая клевета, ибо правдисты не только признают это право, но *последовательнее* всех признают его. Правдисты *первые* в России, примкнув к совещанию марксистов, провозгласившему *отсутствии обязательного государственного языка*, признали *полностью* права родного языка!

Смешивать обучение на родном языке с «разделением по национальностям школьного дела в пределах одного государства», с «культурно-национальной автономией», с «изъятием школьного дела из ведения государства» есть самое вопиющее невежество.

Нигде в мире марксисты (и даже демократы) не отрицают обучения на родном языке. И *нигде в мире* не принята марксистами программа «культурно-национальной автономии», — в *одной* Австрии она была *выдвинута*.

Пример Финляндии, приведенный г-жей В. О., побивает ее самое, ибо в этой стране признано и проведено *равноправие наций и языков* (что мы безусловно и последовательнее всех признаем), *но нет и речи об «изъятии школьного дела из ведения государства»*, об особых национальных союзах для заведования всем школьным делом, о разгораживании всего государственного школьного дела национальными перегородками и т. п.

Из статьи
«О нарушении единства,
прикрываемом криками о единстве»

... О своих взглядах по существу Троцкий постарался как можно меньше сказать в своем новом журнале. «Путь Правды» ²⁷⁸ (№ 37) уже отметил, что ни по вопросу о подполье, ни о лозунге борьбы за открытую партию и т. д. Троцкий не сказал ни звука *. Вот почему, между прочим, мы говорим о *худшей* фракционности в этом случае, когда обособленная организация хочет возникнуть *без всякой* идейно-политической физиономии.

Но если Троцкий не пожелал изложить своих взглядов прямо, го целый ряд мест его журнала показывает, какие идеи он проводит тайком и пряча их.

В первой же редакционной статье первого номера мы читаем:

«Дореволюционная социал-демократия была у нас только по своей идее, по своим целям *рабочей* партией. В действительности она представляла собой организацию марксистской интеллигенции, которая вела за собой пробуждавшийся рабочий класс» (5).

Это — давно известная либеральная и ликвидаторская песенка, служащая на деле введением к *отрицанию* партии. Песенка эта основана на извращении исторических фактов. Уже стачки 1895—1896 годов создали *массовое* рабочее движение, связанное и идейно и организационно с социал-демократией. И на эти стачки, на экономическую и неэкономическую агитацию «интеллигенция *вела за собой* рабочий класс»!!?

Или вот точные данные о государственных преступлениях за 1901—1903 годы сравнительно с предыдущей эпохой:

* См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 1—4. Ред.

На 100 участников освободительного движения (привлеченных за государственные преступления) было лиц, занимающихся:

Эпохи:	Сельским хозяйством	Промышленностью и торговлей	Либеральными профессиями и учащимся	Неопределенных занятий и без занятий
1884—1890	7,1	15,1	53,3	19,9
1901—1903	9,0	46,1	28,7	8,0

Мы видим, что в 80-ые годы, когда *не* было еще социал-демократической партии в России, когда движение было «народническим», преобладала интеллигенция: она дает больше половины участников.

Полное изменение этой картины в 1901—1903 годах, когда уже была социал-демократическая партия, когда вела свою работу старая «Искра». Интеллигенция уже составляет *меньшинство* среди участников движения, *рабочих* («промышленность и торговля») уже гораздо больше, чем интеллигенции, а рабочих и крестьян вместе больше половины всего числа.

Именно в борьбе течений внутри марксизма сказалось мелкобуржуазно-интеллигентское *крыло* социал-демократии, начиная с «экономизма» (1895—1903), продолжая «меньшевизмом» (1903—1908) и «ликвидаторством» (1908—1914). Троцкий повторяет ликвидаторские клеветы на партию, боясь прикоснуться к истории двадцатилетней борьбы течений внутри партии...

Напечатано в мае 1914 г. в журнале
«Просвещение», № 5
Подпись: В. И л ь и н

Полн. собр. соч., т. 25,
с. 201—202.

Письма

Из письма А. М. Горькому

Дорогой А. М.! Что же это Вы такое делаете? — просто ужас, право!

Вчера прочитал в «Речи» Ваш ответ на «вой» за Достоевского ²⁷⁹ и готов был радоваться, а сегодня приходит ликвидаторская газета и там напечатан абзац Вашей статьи, которого в «Речи» не было.

Этот абзац таков:

«А «богоискательство» надобно *на время*» (только на время?) «отложить», — это занятие бесполезное: нечего искать, где не положено. Не посеяв, не сожнешь. Бога у вас нет, *вы ещ е*» (еще!) «не создали его. Богов не ищут, — *и х с о з д а ю т*; жизнь не выдумывают, а творят».

Выходит, что Вы против «богоискательства» только «на время»!! Выходит, что Вы против богоискательства *только* ради замены его богостроительством!! ²⁸⁰

Ну, разве это не ужасно, что у Вас *выходит* такая штука?

Богоискательство отличается от богостроительства или богосозидательства или боготворчества и т. п. ничуть не больше, чем желтый черт отличается от черта синего. Говорить о богоискательстве не для того, чтобы высказаться против *в с я к и х* чертей и богов, против всякого идейного труположства (всякий боженька есть труположство — будь это самый чистенький, идеальный, не искомый, а строяемый боженька, все равно), — а для предпочтения синего черта желтому, это во сто раз хуже, чем не говорить совсем.

В самых свободных странах, в таких странах, где *с о в с е м* неуместен призыв «к демократии, к народу, к общественности и науке», — в таких странах (Америка, Швейцария и т. п.) народ и рабочих отупляют особенно усердно именно идеей чистенького, духовного, строяемого боженьки. Именно потому, что всякая религиозная идея, всякая идея о всяком боженьке, всякое кокетничанье даже с божень-

кой есть невыразимейшая мерзость, особенно терпимо (а часто даже доброжелательно) встречаемая *демократической* буржуазией, — именно поэтому это — самая опасная мерзость, самая гнусная «зараза». Миллион грехов, пакостей, насилий и зараз *физических* гораздо легче раскрываются толпой и потому гораздо менее опасны, чем *тонкая*, духовная, приодетая в самые нарядные «идейные» костюмы идея боженьки. Католический поп, растлевающий девушек (о котором я сейчас случайно читал в одной немецкой газете), — *гораздо менее* опасен именно для «демократии», чем поп без рясы, поп без грубой религии, поп идейный и демократический, проповедующий созидание и сотворение боженьки. Ибо первого попа *легко* разоблачить, осудить и выгнать, а второго *нельзя* выгнать так просто, разоблачить его в 1000 раз труднее, «осудить» его ни один «хрупкий и жалостно шаткий» обыватель не согласится.

И Вы, зная «хрупкость и жалостную шаткость» (русской: почему русской? а итальянская лучше??) *мещанской* души, смущаете эту душу ядом, наиболее сладеньким и наиболее прикрытым леденцами и всякими раскрашенными бумажками!!

Право, это ужасно.

«Довольно уже самооплеваний, заменяющих у нас самокритику». А богостроительство не есть ли *худший* вид самооплевания?? Всякий человек, занимающийся строительством *бога* или даже только допускающий такое строительство, *оплевывает* себя худшим образом, занимаясь вместо «деяний» *как раз* самосозерцанием, самолюбованием, причем «созерцает»-то такой человек самые грязные, тупые, холопские черты или черточки своего «я», обожествляемые богостроительством.

С точки зрения не личной, а общественной, *всякое* богостроительство есть именно *любовное самосозерцание* тупого мещанства, хрупкой обывательщины, мечтательного «самооплевания» филистеров и мелких буржуа, «отчаявшихся и уставших» (как Вы изволили очень верно сказать про *душу* — только не «русскую» надо бы говорить, а *мещанскую*, ибо еврейская, итальянская, английская — *все один черт*, везде паршивое мещанство одинаково гнусно, а демократическое мещанство», занятое идейным труположеством, сугубо гнусно).

Вчитываясь в Вашу статью и *доискиваясь*, откуда у Вас эта *описка* выйти могла, я недоумеваю. Что это? Остатки «Исповеди», которую *Вы сами* не одобряли?? Отголоски ее??

Или иное — например, неудачная попытка *согнуться* до точки зрения общедемократической вместо точки зрения *пролетарской*? Может быть для разговора с «демократией вообще» Вы захотели (простите за выражение) посюсюкать, как сюсюкают с детьми? мо-

жет быть «для популярного изложения» *обывателям* захотели допустить на минуту *его* или *их*, обывателей, предрассудки??

Но ведь это — прием *неправильный* во всех смыслах и во всех отношениях!

Я написал выше, что в *демократических* странах *совсем* неуместен был бы со стороны пролетарского писателя призыв «к демократии, к народу, к общественности и науке». Ну, а у нас в России?? Такой призыв *не совсем* уместен, ибо он тоже как-то льстит обывательским предрассудкам. Призыв какой-то общий до туманности — у нас даже Изгоев из «Русской Мысли» *обеими руками* его подпишет. Зачем же брать такие лозунги, которые *Вы - то* отделяете превосходно от изгоевщины, *но читатель* не сможет отделить?? Зачем для читателя набрасывать демократический флер вместо *ясного* различения *мещан* (хрупких, жалостно шатких, усталых, отчаявшихся, самосозерцающих, богосозерцающих, богостроительских, богопотакующих, самооплевывающих, *бестолково-анархистичных* — чудесное слово!! и прочая и прочая)

— и *пролетариев* (умеющих быть добрыми не на словах, умеющих различать «науку и общественность» *буржуазии* от своей, демократию буржуазную от пролетарской)?

Зачем Вы это делаете?

Обидно дьявольски.

Ваш В. И.

Написано 13 или 14 ноября 1913 г.
Послано из Кракова на о. Капри (Италия)

Полн. собр. соч., т. 48,
с. 226—228.

Впервые напечатано 2 марта 1924 г.
в газете «Правда», № 51

А. М. Горькому

...*По вопросу о боге, божественном и обо всем, связанном с этим, у Вас получается противоречие — то самое, по-моему, которое я указывал в наших беседах во время нашего последнего свидания на Капри: Вы порвали (или как бы порвали) с «впередовцами», не заметив идейных основ «впередовства».

Так и теперь. Вы «раздосадованы», Вы «не можете понять, как проскользнуло слово на время» — так Вы пишете, — и в то же самое время Вы защищаете идею бога и богостроительства.

* Начало письма не разыскано. *Ред.*

«Бог есть комплекс тех выработанных племенем, нацией, человечеством идей, которые будят и организуют социальные чувства, имея целью связать личность с обществом, обуздать зоологический индивидуализм».

Эта теория явно связана с теорией или теориями Богданова и Луначарского.

И она — явно неверна и явно реакционна. Наподобие христианских социалистов (худшего вида «социализма» и худшего извращения его) Вы употребляете прием, который (несмотря на Ваши наилучшие намерения) повторяет фокус-покус поповщины: из идеи бога убирается прочь то, что *исторически и житейски* в ней есть (нечисть, предрассудки, освящение темноты и забитости, с одной стороны, крепостничества и монархии, с другой), причем вместо исторической и житейской реальности в идею бога вкладывается добренькая мешанская фраза (бог = «идеи будящие и организующие социальные чувства»).

Вы хотите этим сказать «доброе и хорошее», указать на «правду-справедливость» и тому подобное. Но это Ваше доброе желание остается Вашим личным достоянием, субъективным «невинным пожеланием». Раз Вы его написали, оно пошло в *массу*, и его *з н а ч е н и е* определяется не Вашим добрым пожеланием, а *соотношением общественных сил*, объективным соотношением классов. В силу этого соотношения *в ы х о д и т* (вопреки Вашей воле и независимо от Вашего сознания), выходит так, что Вы подкрасили, подсахарили идею клерикалов, Пуришкевичей, Николая II и гг. Струве, ибо *н а д е л е* идея бога им помогает держать народ в рабстве. Приукрасив идею бога, Вы приукрасили цепи, коими они сковывают темных рабочих и мужиков. Вот — скажут попы и К^о — какая хорошая и глубокая это — идея (идея бога), как признают даже «*ваши*», гг. демократы, вожди, — и мы (попы и К^о) служим этой идее.

Неверно, что бог есть комплекс идей, будящих и организующих социальные чувства. Это — богдановский *идеализм*, затушевывающий материальное происхождение идей. Бог есть (исторически и житейски) прежде всего комплекс идей, порожденных тупой придавленностью человека и внешней природой и классовым гнетом, — идей, *закрепляющих* эту придавленность, *усыпляющих* классовую борьбу. Было время в истории, когда, несмотря на такое происхождение и такое действительное значение идеи бога, борьба демократии и пролетариата шла в форме борьбы *одной религиозной идеи* против другой.

Но и это время давно прошло.

Теперь и в Европе и в России *всякая*, даже самая утонченная, самая благонамеренная защита или оправдание идеи бога есть оправдание реакции.

Все Ваше определение насквозь реакционно и буржуазно. Бог = комплекс идей, которые «будят и организуют социальные чувства, имея целью связать личность с обществом, обуздать зоологический индивидуализм».

Почему это реакционно? Потому, что подкрашивает поповско-крепостническую идею «обуздания» зоологии. В действительности «зоологический индивидуализм» обуздала не идея бога, обуздало его и первобытное стадо и первобытная коммуна. Идея бога *всегда* усыпляла и притупляла «социальные чувства», подменяя живое мертвечиной, будучи *всегда* идеей рабства (худшего, безысходного рабства). Никогда идея бога не «связывала личность с обществом», а всегда *связывала угнетенные классы верой в божественность угнетателей*.

Буржуазно Ваше определение (и не научно, неисторично), ибо оно оперирует огульными, общими, «робинзоновскими» понятиями вообще — а не определенными *к л а с с а м и* определенной исторической эпохи.

Одно дело — идея бога у дикаря зырянина и т. п. (полудикаря тоже), другое — у Струве и К^о. В обоих случаях эту идею поддерживает классовое господство (и эта идея поддерживает его). «Народное» понятие о боженьке и божецком есть «народная» тупость, забитость, темнота, совершенно такая же, как «народное представление» о царе, о лешем, о таскании жен за волосы. Как можете Вы «народное представление» о боге называть «демократическим», я абсолютно не понимаю.

Что философский идеализм «всегда имеет в виду только интересы личности», это неверно. У Декарта по сравнению с Гассенди больше имелись в виду интересы личности? Или у Фихте и Гегеля против Фейербаха?

Что «богостроительство есть процесс дальнейшего развития и накопления социальных начал в индивидууме и в обществе», это прямо ужасно!! Если бы в России была свобода, ведь Вас бы вся буржуазия подняла на щит за такие вещи, за эту социологию и теологию чисто буржуазного типа и характера.

Ну, пока довольно — и то затянулось письмо. Еще раз крепко жму руку и желаю здоровья.

Ваш В. И.

Написано во второй половине ноября 1913 г. Послано из Кракова на о. Капри (Италия)

Полн. собр. соч., т. 48, с. 230—233.

Впервые напечатано в 1924 г. в Ленинском сборнике I

1914—1917 годы

Начало первой мировой войны показало, что противоречия в системе капитализма, вступившего в свою последнюю, империалистическую стадию, достигли наивысшего предела. Монополистическая буржуазия, втянувшая народы в мировую бойню, писал В. И. Ленин, вела войну «из-за грабежа чужих стран, из-за удушения малых народов, из-за финансового господства над миром, из-за раздела и передела колоний, из-за спасения гибнущего капиталистического строя, путем одурачения и разъединения рабочих разных стран» (Полн. собр. соч., т. 31, с. 13).

Война поставила международное рабочее движение перед суровым испытанием. С первых же дней войны разгул шовинизма охватил не только буржуазию, но и широкие мелкобуржуазные слои города и деревни. Печать, церковь, школа, искусство и литература — все было поставлено на службу лозунгу «защиты отечества». Используя этот лозунг, большая часть социал-демократических партий стала на сторону своих правительств, превратившись в пособников империализма, в партии социал-шовинистов. Социал-шовинизм явился прямой изменой социализму. Он наносил тяжелый удар рабочему классу, обезоруживал пролетариат идейно и политически.

Разоблачение империалистического характера войны, разоблачение предательства социал-шовинистов было одной из важнейших задач революционной социал-демократии. Эту задачу твердо и последовательно решала большевистская партия, возглавляемая В. И. Лениным. Ведущим тактическим лозунгом, выдвинутым В. И. Лениным в программных документах партии, было превращение империалистической войны в войну гражданскую.

Ленинские работы, написанные в годы войны, вооружили российский пролетариат и его партию ясным пониманием сущности и закономерностей империализма, перспектив социалистической революции в новых исторических условиях. Эти работы послужили теоретическим обоснованием стратегии и тактики борьбы против капитализма и одновременно дали в руки рабочего класса конкретную программу действий.

Важное место в этой программе занимали вопросы политического просвещения, интернационального и революционного воспитания масс. В трудных условиях войны партия умело использовала все легальные возможности — рабочие клубы и просветительные организации, больничные кассы, страховые общества и т. д. для привлечения широких слоев трудящихся к борьбе с самодержавием, для их воспитания в процессе этой борьбы. «Если буржуазные господа и их некритические подголоски, социалистические реформисты, — писал В. И. Ленин, — говорят с таким чванством о «воспитании» масс, то под воспитанием они обыкновенно понимают нечто школьное, педагогическое, деморализующее массы, прививающее им буржуазные предрассудки.

Действительное воспитание масс никогда не может быть отделено от самостоятельной политической и в особенности от революционной борьбы самой массы. Только борьба воспитывает эксплуатируемый класс, только борьба открывает ему меру его сил, расширяет его кругозор, поднимает его способности, проясняет его ум, выковывает его волю» (Полн. собр. соч., т. 30, с. 314).

Война, по словам В. И. Ленина, явилась «всесильным «режиссером», «могучим ускорителем» течения всемирной истории. Она оказала мощное революционизирующее влияние на народные массы России, стала тем крутым поворотом, на котором сразу опрокинулась «телега залитой кровью и грязью романовской монархии» (Полн. собр. соч., т. 31, с. 13). В феврале 1917 г. царизм был низложен. Февральская революция увенчала победой освободительную борьбу народов России против самодержавия и открыла перспективы дальнейшего политического развития страны. Оценивая эти перспективы, В. И. Ленин в апреле 1917 г. писал: «Своеобразие текущего момента в России состоит в переходе от первого этапа революции, давшего власть буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата, — ко второму ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства» (Полн. собр. соч., т. 31, с. 114).

Сложившаяся политическая ситуация требовала от большевистской партии «приспособиться к особым условиям партийной работы в среде неслыханно широких, только что проснувшихся к политической жизни, масс пролетариата» (там же). Готовя социалистическую революцию, партия должна была удесятить усилия по революционному воспитанию трудящихся, армии, молодежи. Важной частью этой работы стало создание молодежных организаций, работавших под непосредственным руководством большевиков.

Ленинский курс на подготовку социалистической революции выдвигал также задачу уточнения и развития программных требований партии, в том числе и в области просвещения. В ряду пунктов первой программы партии, нуждающихся в переделке и исправлении, на Седьмой (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б) были названы и те, которые относились к народному образованию (Полн. собр. соч., т. 31, с. 414).

В подготовленных В. И. Лениным «Материалах по пересмотру партийной программы» требования партии в области народного образования, сформулированные в 1903 г. на II съезде РСДРП, были существенно дополнены и уточнены. Новым в проекте второй Программы было требование обеспечить полную светскость школы (поскольку, как писала Н. К. Крупская в пояснениях к Программе, отделение школы от церкви еще не гарантирует светскости школы). Новыми были также требования политехнического образования и тесной связи обучения с общественно полезным трудом; снабжения всех учащихся (а не только бедных) пищей, одеждой и учебными пособиями за счет государства; передачи дела народного образования в руки демократических органов местного самоуправления, введения выборности учителей и права населения на отзыв учителей. В реализации последних требований партия видела важное средство демократизации школьного дела, привлечения трудящихся к управлению народным образованием.

Новые программные требования партии в области народного образования, разработанные под руководством В. И. Ленина, явились дальнейшим развитием марксистского учения о воспитании и образовании. Эти требования были положены в основу революционной перестройки школьного дела после победы Великой Октябрьской социалистической революции.

Из статьи «Карл Маркс»

(Краткий биографический очерк
с изложением марксизма)»²⁵¹

...Неизбежность превращения капиталистического общества в социалистическое Маркс выводит всецело и исключительно из экономического закона движения современного общества. Обобществление труда, в тысячах форм идущее вперед все более и более быстро и проявляющееся за те полвека, которые прошли со смерти Маркса, особенно наглядно в росте крупного производства, картелей, синдикатов и трестов капиталистов, а равно в гигантском возрастании размеров и мощи финансового капитала, — вот главная материальная основа неизбежного наступления социализма. Интеллектуальным и моральным двигателем, физическим исполнителем этого превращения является воспитываемый самим капитализмом пролетариат. Его борьба с буржуазией, проявляясь в различных и все более богатых содержанием формах, неизбежно становится политической борьбой, направленной к завоеванию политической власти пролетариатом («диктатура пролетариата»). Обобществление производства не может не привести к переходу средств производства в собственность общества, к «экспроприации экспроприаторов». Громадное повышение производительности труда, сокращение рабочего дня, замена остатков, руин мелкого, примитивного, раздробленного производства коллективным усовершенствованным трудом — вот прямые последствия такого перехода. Капитализм окончательно разрывает связь земледелия с промышленностью, но в то же время своим высшим развитием он готовит новые элементы этой связи, соединения промышленности с земледелием на почве сознательного приложения науки и комбинации коллективного труда, нового расселения человечества (с уничтожением как деревенской заброшенности, оторванности от мира, одичалости, так и противоестественного скопления гигантских масс в больших городах). Новая форма семьи, новые условия в положении женщины и в воспитании подрастающих поколений готовятся

высшими формами современного капитализма: женский и детский труд, разложение патриархальной семьи капитализмом неизбежно приобретают в современном обществе самые ужасные, бедственные и отвратительные формы. Но тем не менее «крупная промышленность, отводя решающую роль в общественно-организованном процессе производства, вне сферы домашнего очага, женщинам, подросткам и детям обоего пола, создает экономическую основу для высшей формы семьи и отношения между полами. Разумеется, одинаково нелепо считать абсолютной христианско-германскую форму семьи, как и форму древнеримскую или древнегреческую или восточную, которые, между прочим, в связи одна с другой образуют единый исторический ряд развития. Очевидно, что составление комбинированного рабочего персонала из лиц обоего пола и различного возраста, будучи в своей стихийной, грубой, капиталистической форме, когда рабочий существует для процесса производства, а не процесс производства для рабочего, зачумленным источником гибели и рабства, — при соответствующих условиях неизбежно должно превратиться, наоборот, в источник гуманного развития» («Капитал», I, конец 13-й главы). Фабричная система показывает нам «зародыши воспитания эпохи будущего, когда для всех детей свыше известного возраста производительный труд будет соединяться с преподаванием и гимнастикой не только как одно из средств для увеличения общественного производства, но и как единственное средство для производства всесторонне развитых людей» (там же) ²⁸². На ту же историческую почву, не в смысле одного только объяснения прошлого, но и в смысле безбоязненного предвидения будущего и смелой практической деятельности, направленной к его осуществлению, ставит социализм Маркса и вопросы о национальности и о государстве...

Написано в июле — ноябре 1914 г.

Напечатано с сокращениями в 1915 г.
в Энциклопедическом словаре Гранат,
издание 7-е, том 28
Подпись: В. И л ь и н

Полн. собр. соч., т. 26,
т. 73—75.

О национальной гордости великороссов

Как много говорят, толкуют, кричат теперь о национальности, об отечестве! Либеральные и радикальные министры Англии, бездна «передовых» публицистов Франции (оказавшихся вполне согласными с публицистами реакции), тьма казенных, кадетских и прогрессивных (вплоть до некоторых народнических и «марксистских») писак России — все на тысячи ладов воспевают свободу и независимость «родины», величие принципа национальной самостоятельности. Нельзя разобрать, где здесь кончается продажный хвалитель палача Николая Романова или истязателей негров и обитателей Индии, где начинается дюжинный мещанин, по тупоумию или по бесхарактерности плывущий «по течению». Да и неважно разбирать это. Перед нами очень широкое и очень глубокое идейное течение, корни которого весьма прочно связаны с интересами господ помещиков и капиталистов великодержавных наций. На пропаганду выгодных этим классам идей затрачиваются десятки и сотни миллионов в год: мельница немалая, берущая воду отовсюду, начиная от убежденного шовиниста Меньшикова и кончая шовинистами по оппортунизму или по бесхарактерности, Плехановым и Масловым, Рубановичем и Смирновым, Кропоткиным и Бурцевым.

Попробуем и мы, великорусские социал-демократы, определить свое отношение к этому идейному течению. Нам, представителям великодержавной нации крайнего востока Европы и доброй доли Азии, неприлично было бы забывать о громадном значении национального вопроса; — особенно в такой стране, которую справедливо называют «тюрьмой народов»; — в такое время, когда именно на дальнем востоке Европы и в Азии капитализм будит к жизни и к сознанию целый ряд «новых», больших и малых наций; — в такой момент, когда царская монархия поставила под ружье миллионы великороссов

и «инородцев», чтобы «решить» целый ряд национальных вопросов сообразно интересам совета объединенного дворянства²⁸³ и Гучковых с Крестовниковыми, Долгоруковыми, Кутлерами, Родичевыми.

Чуждо ли нам, великорусским сознательным пролетариям, чувство национальной гордости? Конечно, нет! Мы любим свой язык и свою родину, мы больше всего работаем над тем, чтобы *ее* трудящиеся массы (т. е. $\frac{2}{10}$ *ее* населения) поднять до сознательной жизни демократов и социалистов. Нам больнее всего видеть и чувствовать, каким насилиям, гнету и издевательствам подвергают нашу прекрасную родину царские палачи, дворяне и капиталисты. Мы гордимся тем, что эти насилия вызвали отпор из нашей среды, из среды великорусов, что *эта* среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов, что великорусский рабочий класс создал в 1905 году могучую революционную партию масс, что великорусский мужик начал в то же время становиться демократом, начал свергать попа и помещика.

Мы помним, как полвека тому назад великорусский демократ Чернышевский, отдавая свою жизнь делу революции, сказал: «жалкая нация, нация рабов, сверху донизу — все рабы»²⁸⁴. Откровенные и прикровенные рабы-великороссы (рабы по отношению к царской монархии) не любят вспоминать об этих словах. А, по-нашему, это были слова настоящей любви к родине, любви, тоскующей вследствие отсутствия революционности в массах великорусского населения. Тогда *ее* не было. Теперь *ее* мало, но она уже есть. Мы полны чувства национальной гордости, ибо великорусская нация *тоже* создала революционный класс, *тоже* доказала, что она способна дать человечеству великие образцы борьбы за свободу и за социализм, а не только великие погромы, ряды виселиц, застенки, великие голодовки и великое раболепство перед попами, царями, помещиками и капиталистами.

Мы полны чувства национальной гордости, и именно поэтому мы особенно ненавидим *свое* рабское прошлое (когда помещики дворяне вели на войну мужиков, чтобы душить свободу Венгрии, Польши, Персии, Китая) и *свое* рабское настоящее, когда те же помещики, спешествуемые капиталистами, ведут нас на войну, чтобы душить Польшу и Украину, чтобы давить демократическое движение в Персии и в Китае, чтобы усилить позорящую наше великорусское национальное достоинство шайку Ромаповых, Бобринских, Пуришкевичей. Никто не повинен в том, если он родился рабом; но раб, который не только чуждается стремлений к своей свободе, но оправдывает и прикрашивает свое рабство (например, называет удушение Польши, Украины и т. д. «защитой отечества» великороссов), такой раб есть

вызывающий законное чувство негодования, презрения и омерзения холуй и хам.

«Не может быть свободен народ, который угнетает чужие народы»²⁸⁵, так говорили величайшие представители последовательной демократии XIX века, Маркс и Энгельс, ставшие учителями революционного пролетариата. И мы, великорусские рабочие, полные чувства национальной гордости, хотим во что бы то ни стало свободной и независимой, самостоятельной, демократической, республиканской, гордой Великороссии, строящей свои отношения к соседям на человеческом принципе равенства, а не на унижающем великую нацию крепостническом принципе привилегий. Именно потому, что мы хотим ее, мы говорим: нельзя в XX веке, в Европе (хотя бы и дальневосточной Европе), «защищать отечество» иначе, как борясь всеми революционными средствами против монархии, помещиков и капиталистов *своего* отечества, т. е. *худших* врагов нашей родины; — нельзя великороссам «защищать отечество» иначе, как желая поражения во всякой войне царизму, как наименьшего зла для $\frac{9}{10}$ населения Великороссии, ибо царизм не только угнетает эти $\frac{9}{10}$ населения экономически и политически, но и деморализирует, унижает, обесценивает, простигуирует его, приучая к угнетению чужих народов, приучая прикрывать свой позор лицемерными, якобы патриотическими фразами.

Нам возразят, может быть, что кроме царизма и под его крылышком возникла и окрепла уже другая историческая сила, великорусский капитализм, который делает прогрессивную работу, централизуя экономически и сплачивая громадные области. Но такое возражение не оправдывает, а еще сильнее обвиняет наших социалистов-шовинистов, которых надо бы назвать царско-пуришкевичевскими социалистами (как Маркс назвал лассальянцев королевско-прусскими социалистами)²⁸⁶. Допустим даже, что история решит вопрос в пользу великорусского великодержавного капитализма против ста и одной маленькой нации. Это не невозможно, ибо вся история капитала есть история насилий и грабежа, крови и грязи. И мы вовсе не сторонники непременно маленьких наций; мы безусловно, *при прочих равных условиях*, за централизацию и против мещанского идеала федеративных отношений. Однако даже в таком случае, во-первых, не наше дело, не дело демократов (не говоря уже о социалистах) помогать Романову-Бобринскому-Пуришкевичу душить Украину и т. д. Бисмарк сделал по-своему, по-юнкерски, прогрессивное историческое дело, но хорош был бы тот «марксист», который на этом основании вздумал бы оправдывать социалистическую помощь Бисмарку! И притом Бисмарк помогал экономическому развитию, объе-

диния раздробленных немцев, которых угнетали другие народы. А экономическое процветание и быстрое развитие Великороссии требует освобождения страны от насилия великороссов над другими народами — эту разницу забывают наши поклонники истинно русских почти-Бисмарков.

Во-вторых, если история решит вопрос в пользу великорусского великодержавного капитализма, то отсюда следует, что тем более великой будет *социалистическая* роль великорусского пролетариата, как главного двигателя коммунистической революции, порождаемой капитализмом. А для революции пролетариата необходимо длительное воспитание рабочих в духе *полнейшего* национального равенства и братства. Следовательно, с точки зрения интересов именно великорусского пролетариата, необходимо длительное воспитание масс в смысле самого решительного, последовательного, смелого, революционного отстаивания полного равноправия и права самоопределения всех угнетенных великороссами наций. Интерес (не по-холопски понятой) национальной гордости великороссов совпадает с *социалистическим* интересом великорусских (и всех иных) пролетариев. Нашим образцом останется Маркс, который, прожив десятилетия в Англии, стал наполовину англичанином и требовал свободы и национальной независимости Ирландии в интересах социалистического движения английских рабочих.

Наши же доморощенные социалистические шовинисты, Плеханов и проч. и проч., в том последнем и предположительном случае, который мы рассматривали, окажутся изменниками не только своей родине, свободной и демократической Великороссии, но и изменниками пролетарскому братству всех народов России, т. е. делу социализма.

Из книги
«Новые данные о законах
развития капитализма
в земледелии

В ы п у с к I

Капитализм и земледелие
в Соединенных Штатах Америки»

...Юг Соединенных Штатов был рабовладельческим, пока гражданская война 1861—1865 гг. не смела рабства. До сих пор количество негров, не превышающее 0,7—2,2% в населении северных и западных районов, составляет на юге от 22,6 до 33,7% всего населения. Среднее для всех Соединенных Штатов — 10,7% негров в населении. О приниженном положении негров нечего и говорить: американская буржуазия в этом отношении ничем не лучше буржуазии других стран. «Освободив» негров, она постаралась на почве «свободного» и республикански-демократического капитализма восстановить все возможное, сделать все возможное и невозможное для самого бесстыдного и подлого угнетения негров. Для характеристики культурного уровня достаточно указать один маленький статистический факт. В то время как число неграмотных среди белого населения Соединенных Штатов составляло в 1900 году 6,2% населения (считая население 10 и более лет от роду), для негров этот % был 44,5%!! Более чем в 7 раз выше!! На севере и западе неграмотных 4—6% (1900 год), на юге 22,9—23,9%!! Нетрудно представить себе, какая совокупность фактов из области правовых и бытовых отношений соответствует этому позорнейшему факту из области народной грамотности...

Написано в 1915 г.

Впервые напечатано в 1917 г. в Петрограде отдельной брошюрой издательством «Жизнь и знание»

*Полн. собр. соч., т. 27,
с. 141—142.*

Из статьи
«Военная программа
пролетарской революции»²⁸⁷

...Если теперешняя война вызывает у реакционных христианских социалистов, у плаксивых мелких буржуа *только* ужас и запуганность, только отвращение ко всякому употреблению оружия, к крови, смерти и пр., то мы должны сказать: капиталистическое общество было и всегда является *ужасом без конца*. И если теперь этому обществу настоящая реакционнейшая из всех войн *подготавливает конец с ужасом*, то мы не имеем никаких оснований приходить в отчаяние. А не чем иным, как проявлением именно отчаяния, является, по своему объективному значению, «требование» разоружения — вернее сказать: мечтание о разоружении — в такое время, когда на глазах у всех силами самой буржуазии подготавливается единственно законная и революционная война, именно: гражданская война против империалистской буржуазии.

Кто скажет, что это оторванная от жизни теория, тому мы напомним два всемирно-исторических факта: роль трестов и фабричной работы женщин, с одной стороны, Коммуну 1871 года и декабрьское восстание 1905 года в России, с другой.

Дело буржуазии — развивать тресты, загонять детей и женщин на фабрики, мучить их там, развращать, осуждать на крайнюю нужду. Мы не «требуем» такого развития, не «поддерживаем» его, мы боремся против него. Но *как* боремся? Мы знаем, что тресты и фабричная работа женщин прогрессивны. Мы не хотим идти назад, к ремеслу, к домонополистическому капитализму, к домашней работе женщин. Вперед через тресты и пр. и дальше них к социализму!

Это рассуждение применимо, с соответственными изменениями, и к теперешней милитаризации народа. Сегодня империалистская бур-

жуазия милитаризует не только весь народ, но и молодежь. Завтра она приступит, пожалуй, к милитаризации женщин. Мы должны сказать по поводу этого: тем лучше! Скорее вперед! Чем скорее, тем ближе к вооруженному восстанию против капитализма. Как могут социал-демократы давать себя запугать милитаризацией молодежи и т. п., если они не забывают примера Коммуны? Это не «оторванная от жизни теория», не мечта, а факт. И было бы поистине совсем уж плохо, если бы социал-демократы, вопреки всем экономическим и политическим фактам, начали сомневаться в том, что империалистская эпоха и империалистские войны неизбежно должны вести к повторению таких фактов.

Один буржуазный наблюдатель Коммуны писал в мае 1871 года в одной английской газете: «Если бы французская нация состояла только из женщин, какая это была бы ужасная нация!» Женщины и дети с 13 лет боролись во время Коммуны наряду с мужчинами. Иначе не может быть и при грядущих битвах за низвержение буржуазии. Пролетарские женщины не будут смотреть пассивно, как хорошо вооруженная буржуазия будет расстреливать плохо вооруженных или невооруженных рабочих. Они возьмутся за оружие, как и в 1871 году, и из теперешних запуганных наций — вернее: из теперешнего рабочего движения, дезорганизованного более оппортунистами, чем правительствами, — вырастет несомненно, рано или поздно, но абсолютно несомненно интернациональный союз «ужасных наций» революционного пролетариата.

Теперь милитаризация проникает собой всю общественную жизнь. Империализм есть ожесточенная борьба великих держав за раздел и передел мира, — он неизбежно должен поэтому вести к дальнейшей милитаризации во всех странах, и в нейтральных и в маленьких. Что же будут делать против этого пролетарские женщины?? Только проклинать всякую войну и все военное, только требовать разоружения? Никогда женщины угнетенного класса, который действительно революционен, не помирятся с такой позорной ролью. Они будут говорить своим сыновьям: «Ты вырастешь скоро большой. Тебе дадут ружье. Бери его и учись хорошенько военному делу. Эта наука необходима для пролетариев — не для того, чтобы стрелять против твоих братьев, рабочих других стран, как это делается в теперешней войне и как советуют тебе делать изменники социализма, — а для того, чтобы бороться против буржуазии своей собственной страны, чтобы положить конец эксплуатации, нищете и войнам не путем добреньких пожеланий, а путем победы над буржуазией и обезоружения ее».

Если отказаться от ведения такой пропаганды и именно такой пропаганды в связи с теперешней войной, то лучше вовсе не говорить больших слов о международной революционной социал-демократии, о социалистической революции, о войне против войны...

Написано на немецком языке в сентябре 1916 г.

*Полн. собр. соч., т. 80,
с. 136—138.*

Впервые напечатано в сентябре и октябре 1917 г. в газете «Jugend-Internationale», № 9 и 10.

Подпись: N. L e n i n

На русском языке впервые напечатано в 1929 г. во 2—3 изданиях Сочинений В. И. Ленина, том XIX

Из статьи
«Интернационал Молодежи»²⁸⁸

(Заметка)»

Под этим заглавием выходит в Швейцарии с 1 сентября 1915 г. на немецком языке «боевой и пропагандистский орган Международного союза социалистических организаций молодежи». Всего вышло уже 6 номеров этого издания, которое необходимо вообще отметить и затем усиленно рекомендовать вниманию всех членов нашей партии, имеющих возможность соприкоснуться с заграничными социал-демократическими партиями и с организациями молодежи.

Большинство официальных социал-демократических партий Европы стоит теперь на позиции самого низменного и подлого социал-шовинизма и оппортунизма. Таковы партии немецкая, французская, фабианская²⁸⁹ и «рабочая»²⁹⁰ в Англии, шведская, голландская (партия Трульстры), датская, австрийская и пр. В швейцарской партии, несмотря на выделение (к великому благу рабочего движения) крайних оппортунистов в непартийный «Грютли-союз», внутри самой социал-демократической партии остались многочисленные оппортунистические, социал-шовинистские и каутскианского толка вожди, имеющие громадное влияние на дела партии.

При таком положении дел в Европе союзу социалистических организаций молодежи выпадает громадная, благодарная — но зато и трудная — задача борьбы за революционный интернационализм, за истинный социализм против царящего оппортунизма, перешедшего на сторону империалистской буржуазии. В «Интернационале Молодежи» помещен ряд хороших статей в защиту революционного интернационализма, и все издание проникнуто превосходным духом горячей ненависти к изменникам социализма, «защищающим отечество» в настоящей войне, самым искренним стремлением к очищению международного рабочего движения от разъедающих его шовинизма и оппортунизма.

Разумеется, теоретической ясности и твердости в органе моло-

дежи *еще* нет, а может быть, и никогда не будет именно потому, что это — орган кипящей, бурлящей, ищущей молодежи. Но к недостатку теоретической ясности *таких* людей надо относиться совсем иначе, чем мы относимся — и должны относиться — к теоретической каше в головах и к отсутствию революционной последовательности в сердцах наших «окистов»²⁹¹, «социал-революционеров», толстовцев, анархистов, всеевропейских каутскианцев («центра») и т. п. Одно дело — сбивающие пролетариат с толку взрослые люди, претендующие на то, чтобы вести и учить других: с ними необходима *беспощадная* борьба. Другое дело — организации *молодежи*, которые открыто заявляют, что они еще учатся, что их основное дело — готовить работников социалистических партий. Таким людям надо всячески помогать, относясь как можно терпеливее к их ошибкам, стараясь исправлять их постепенно и путем преимущественно *убеждения*, а не борьбы. Нередко бывает, что представители поколения пожилых и старых *не умеют* подойти, как следует, к молодежи, которая по необходимости вынуждена приближаться к социализму *иначе*, не *тем* путем, не *в той форме*, не *в той* обстановке, как ее отцы. Поэтому, между прочим, за *организационную самостоятельность* союза молодежи мы должны стоять безусловно и не только вследствие того, что этой самостоятельности боятся оппортунисты, а и по существу дела. Ибо без полной самостоятельности молодежь *не сможет* ни выработать из себя хороших социалистов ни подготовиться к тому, чтобы вести социализм *вперед*.

За полную самостоятельность союзов молодежи, но и за полную свободу товарищеской критики их ошибок! Лыстать молодежи мы не должны...

Напечатано в декабре 1916 г. в «Сборнике «Социал-Демократа», № 2
Подпись: Н. Л е н и н

Полн. собр. соч., т. 30,
с. 225—226.

Из «Тетрадей по империализму»

ДЖИЛБРЕТ. «ИЗУЧЕНИЕ ДВИЖЕНИЯ»

Ф р а н к Б. Д ж и л б р е т. *«Изучение движения с точки зрения природы национального богатства»*. («Annals of the American Academy», 1915, май, с. 96 и след.)

...«Движения каждого индивидуума, независимо от того, какова его работа, были изучены и стандартизированы...

...При укладке кирпичей движения, употребляемые для укладки одного кирпича, были сокращены от 18 до 5, с увеличением выпуска продукции от 120 кирпичей в час до 350 в час. При укладывании хлопчатобумажной ткани от 20 до 30 движений были сведены к 10 или 12, с тем результатом, что вместо 150 дюжин кусков ткани укладывались 400 дюжин без увеличения усталости. Изучались движения девушки, наклеивающей этикетки на банки с мазью для обуви. Ее методы были изменены лишь немного, и в то время как раньше она делала 24 банки в 40 секунд, она затем давала 24—в 20 секунд с меньшими усилиями. Подобное изучение способствовало сокращению движений не только мужчин и женщин в других профессиях, но также и движений врачей, сиделок, канцелярских работников, словом, движений работников каждого типа подвергнутой изучению работы»... (96—97)

Сбор (assembly) шнуровых машин ... «тогда как 18 шнуровых машин собирались одним человеком в день, теперь оказалось возможным одному человеку собирать 66 шнуровых машин в день без увеличения усталости» (97)...

Новейший способ = 1) изучение микродвижений... 2) употребление «хроноциклографа» (97)...

I. «Часы, отмечающие микродвижения», помещаются перед рабочим, отмечающие (часы отмечают) «различные моменты времени дня в каждом кадре фильма, изображающего движение» (98)...

II. «Хроноциклографический метод постановки изучения дви-

жения заключается в прикреплении маленьких электрических лампочек к пальцам оператора или к какой-либо части тела оператора или материала, путь движения которого желательно изучить»... (фотографируется движение света, его линия) (98).

Интерес всего общества эти изучения... «Характерным результатом является постепенное заполнение пробела между школой и фабрикой. Интенсивное изучение движений доказывает, что есть !!
NB гораздо больше сходства в промыслах и даже профессиях с механической стороны, чем мы когда-либо могли считать возможным. Промышленный мир будет все больше и больше требовать молодых рабочих, обученных ловкости пальцев»... (101)...

в народных школах надо учить этому:

...«ловкость пальцев», т. е. такая тренировка мышц, при которой они бы легко и быстро отвечали требованиям квалифицированного труда»...

Сейчас происходит «огромное расточительство» (102) от разрозненных, повторных etc. «исследований»... «Делом правительства Соединенных Штатов является учреждение такого бюро стандартизации механических промыслов. Стандарты, там установленные и собранные, были бы общественной собственностью, и самостоятельные исследователи смогли бы изобретать на основании их дальнейшие стандарты» (103)...

прекрасный образец технического прогресса при
капитализме к социализму.

Написано в 1915—1916 гг. на русском, немецком, французском, английском и других языках

Тетрадь «до вперые опубликована в 1938 г. в журнале «Пролетарская Революция», № 9

Полн. собр. соч., т. 28, с. 132—134.

Из «Доклада о революции 1905 года»²⁹²

...Исключительно своеобразным было сплетение экономических и политических забастовок во время революции. Не подлежит сомнению, что только самая тесная связь этих двух форм стачек гарантировала большую силу движения. Широкие массы эксплуатируемых нельзя было бы никоим образом вовлечь в революционное движение, если бы эти массы не видели перед собою ежедневно примеров, как наемные рабочие различных отраслей промышленности принуждали капиталистов к непосредственному, немедленному улучшению своего положения. Благодаря этой борьбе новый дух повеял во всей массе русского народа. Только теперь крепостная, пребывавшая в медвежьей спячке, патриархальная, благочестивая и покорная Россия совлекла с себя ветхого Адама; только теперь русский народ получил действительно демократическое, действительно революционное воспитание.

Если буржуазные господа и их некритические подголоски, социалистические реформисты, говорят с таким чванством о «воспитании» масс, то под воспитанием они обыкновенно понимают нечто школьное, педантичное, деморализующее массы, прививающее им буржуазные предрассудки.

Действительное воспитание масс никогда не может быть отделено от самостоятельной политической и в особенности от революционной борьбы самой массы. Только борьба воспитывает эксплуатируемый класс, только борьба открывает ему меру его сил, расширяет его кругозор, поднимает его способности, проясняет его ум, выковывает его волю. И потому даже реакционеры должны были признать, что 1905 год, год борьбы, «сумасшедший год», окончательно похоронил патриархальную Россию...

Написано на немецком языке ранее
9 (22) января 1917 г.

Полн. собр. соч., т. 80,
с. 313—314.

Впервые напечатано 22 января 1925 г.
в газете «Правда», № 18
Подпись: Н. Л е н и н

Из «Писем из далека»

Письмо 3

О пролетарской милиции

...Какая полиция нужна им, Гучковым и Милюковым, помещикам и капиталистам? Такая же, какая была при царской монархии. Все буржуазные и буржуазно-демократические республики в мире завели у себя или восстановили у себя, после самых коротких революционных периодов, именно такую полицию, особую организацию отделенных от народа и противопоставленных ему вооруженных людей, подчиненных, так или иначе, буржуазии.

Какая милиция нужна нам, пролетариату, всем трудящимся? Действительно народная, т. е., во-первых, состоящая из всего поголовно населения, из всех взрослых граждан обоего пола, а во-вторых, соединяющая в себе функции народной армии с функциями полиции, с функциями главного и основного органа государственного порядка и государственного управления.

Чтобы сделать эти положения более наглядными, возьму чисто схематический пример. Нечего и говорить, что была бы нелепа мысль о составлении какого бы то ни было «плана» пролетарской милиции: когда рабочие и весь народ настоящей массой возьмутся за дело практически, они во сто раз лучше разработают и обставят его, чем какие угодно теоретики. Я не предлагаю «плана», я хочу только иллюстрировать свою мысль.

В Питере около 2 миллионов населения. Из них более половины имеет от 15 до 65 лет. Возьмем половину — 1 миллион. Откинем даже целую четверть на больных и т. п., не участвующих в данный момент в общественной службе по уважительным причинам. Остается 750 000 человек, которые, работая в милиции, допустим, 1 день из 15 (и продолжая получать за это время плату от хозяев), составили бы армию в 50 000 человек.

Вот какого типа «государство» нам нужно!

Вот такая милиция была бы на деле, а не на словах только, «народной милицией».

Вот каким путем должны мы идти к тому, чтобы *нельзя было* восстановить ни особой полиции, ни особой, отдельной от народа, армии.

Такая милиция, на 95 частей из 100, состояла бы из рабочих и крестьян, выражала бы *действительно* разум и волю, силу и власть огромного большинства народа. Такая милиция действительно бы вооружала и обучала военному делу поголовно весь народ, обеспечивая *не* по-гучковски, *не* по-милюковски от всяких попыток восстановления реакции, от всяких происков царских агентов. Такая милиция была бы исполнительным органом «Советов рабочих и солдатских депутатов», она пользовалась бы *абсолютным* уважением и доверием населения, ибо она сама была бы организацией поголовно всего населения. Такая милиция превратила бы демократию из красивой вывески, прикрывающей порабощение народа капиталистами и издевательство капиталистов над народом, в настоящее *воспитание масс* для участия во *всех* государственных делах. Такая милиция втянула бы подростков в политическую жизнь, уча их не только словом, но и делом, *работой*. Такая милиция развила бы те функции, которые, говоря ученым языком, относятся к ведению «полиции благосостояния», санитарный надзор и т. п., привлекая к подобным делам поголовно всех взрослых женщин. А не привлекая женщин к общественной службе, к милиции, к политической жизни, не вырывая женщин из их оцепляющей домашней и кухонной обстановки, *нельзя* обеспечить настоящей свободы, *нельзя* строить даже демократии, не говоря уже о социализме.

Такая милиция была бы пролетарской милицией, потому что промышленные и городские рабочие так же естественно и неизбежно получили бы в ней руководящее влияние на массу бедноты, как естественно и неизбежно заняли они руководящее место во всей революционной борьбе народа и в 1905—1907 гг. и в 1917 году.

Такая милиция обеспечила бы абсолютный порядок и беззаветно осуществляемую товарищескую дисциплину. А в то же время она, в переживаемый всеми воюющими странами тяжелый кризис, дала бы возможность действительно демократически бороться с этим кризисом, осуществлять правильно и быстро разверстку хлеба и др. припасов, проводить в жизнь «всеобщую трудовую повинность», которую французы называют теперь «гражданской мобилизацией», а немцы «обязанностью гражданской службы», и без которой *нельзя* — *оказалось, что нельзя*, — лечить раны, нанесенные и наносимые разбойничьей и ужасной войной.

Неужели пролетариат России проливал свою кровь только для

того, чтобы получить пышные обещания одних только политических демократических реформ? Неужели он не потребует и не добьется, чтобы *всякий* трудящийся *тотчас* увидал и почувствовал известное улучшение своей жизни? Чтобы всякая семья имела хлеб? Чтобы всякий ребенок имел бутылку хорошего молока и чтобы ни один взрослый в богатой семье не смел взять лишнего молока, пока не обеспечены дети? Чтобы дворцы и богатые квартиры, оставленные царем и аристократией, не стояли зря, а дали приют бескровным и нищим? Кто может осуществить эти меры кроме всенародной милиции с непременным участием женщин наравне с мужчинами?..

Цюрих, 11 (24) марта 1917 г.

Впервые напечатано в 1924 г. в журнале
«Коммунистический Интернационал»,
№ 3—4

Полн. собр. соч., т. 81,
с. 42—44.

Из работы «Задачи пролетариата в нашей революции

(Проект платформы пролетарской партии)» 293

...12. Замена полиции народной милицией — есть преобразование, вытекшее из всего хода революции и проводимое теперь в жизнь в большинстве мест России. Мы должны разъяснять массам, что в большинстве буржуазных революций обычного типа такое преобразование оказывалось крайне недолговечным, и буржуазия, даже самая демократическая и республиканская, восстанавливала полицию старого, царистского типа, отделенную от народа, находящуюся под командой буржуа, способную всячески угнетать народ.

Чтобы не *дать* восстановить полицию, есть только одно средство: создание всенародной милиции, слияние ее с армией (замена постоянной армии всеобщим вооружением народа). В такой милиции должны участвовать поголовно все граждане и гражданки от 15 до 65 лет, если этими примерно взятыми возрастными позволено определить участие подростков и стариков. Капиталисты должны платить наемным рабочим, прислуге и пр. за дни, посвященные общественной службе в милиции. Без привлечения женщин к самостоятельному участию не только в политической жизни вообще, но и к постоянной, поголовной общественной службе нечего и говорить не только о социализме, но и о полной и прочной демократии. А такие функции «полицейские», как попечение о больных, о беспризорных детях, о здоровом питании и пр., вообще не могут быть удовлетворительно осуществлены без равноправия женщин на деле, а не на бумаге только.

Не дать восстановить полиции; привлечь организационные силы всего народа к созданию поголовной милиции — таковы задачи, которые пролетариат должен нести в массы в интересах охраны, упрочения и развития революции...

Написано 10 (23) апреля 1917 г.

Полн. собр. соч., т. 31,
с. 164—165.

Напечатано в сентябре 1917 г. в Петрограде отдельной брошюрой издательством «Прибой»

Подпись: Н. Лени н

**Седьмая (Апрельская)
Всероссийская
конференция РСДРП(б)²⁹⁴**

24—29 апреля (7—12 мая) 1917 г.

**Из «Резолюции
по национальному вопросу»**

...Партия пролетариата решительно отвергает так называемую «культурно-национальную автономию», т. е. изъятие из ведения государства школьного дела и т. п. и передачу его в руки своего рода национальных сеймов. Рабочих, живущих в одной местности и даже работающих в одних и тех же предприятиях, культурно-национальная автономия искусственно размежевывает по принадлежности к той или иной «национальной культуре», т. е. усиливает связь рабочих с буржуазной культурой отдельных наций, между тем как задача социал-демократии состоит в усилении интернациональной культуры всемирного пролетариата...

Приложение к № 13 газеты «Солдатская Правда», 16 (3) мая 1917 г.

*Полн. собр. соч., т. 31,
с. 440*

Из «Материалов по пересмотру партийной программы»

К проекту переработки программы

...Чтобы сделать читателю наиболее легким и удобным сравнение старого и нового текста программы, оба текста печатаются вместе следующим образом:

обычным шрифтом набраны те части старой программы, которые остаются без изменений и в новой;

курсивом набраны те части программы, которые вовсе удаляются из новой программы;

жирным шрифтом набраны те части новой программы, которых вовсе не было в старой...

Полн. собр. соч., т. 32, с. 147.

...**Конституция демократической республики российской должна обеспечить:**

...8. Право населения получать образование на родном языке, обеспечиваемое созданием на счет государства и органов самоуправления необходимых для того школ; право каждого гражданина объясняться на родном языке на собраниях; введение родного языка *наравне с государственным* во всех местных общественных и государственных учреждениях; отмену обязательного государственного языка...

...13. Отделение церкви от государства и школы от церкви; полную светскость школы.

14. *Даровое и обязательное общее и профессиональное образование для всех детей обоего пола до 16 лет; снабжение бедных детей пиццей, одеждой и учебными пособиями за счет государства.*

14. Бесплатное и обязательное общее и политехническое (знакомящее в теории и на практике со всеми главными отраслями производства) образование для всех детей обоего пола до 16 лет; тесную связь обучения с детским общественно-производительным трудом.

15. Снабжение всех учащихся пиццей, одеждой и учебными пособиями за счет государства.

16. Передачу дела народного образования в руки демократических органов местного самоуправления; устранение центральной власти от всякого вмешательства в установление школьных программ и в подбор учительского персонала; выборность учителей непосредственно самим населением и право населения отзывать нежелательных учителей...

Там же, с. 153, 154, 155

...В интересах охраны рабочего класса от физического и нравственного вырождения, а также и в интересах развития его способности к освободительной борьбе, партия требует:

...5. Воспрещения предпринимателям пользоваться трудом детей в школьном возрасте (до 16 лет) и ограничения рабочего времени подростков (16—18 лет) шестью часами.

5. Воспрещения предпринимателям пользоваться трудом детей в школьном возрасте (до 16-ти лет), ограничения рабочего времени молодых людей (16—20 лет) четырьмя часами и воспрещения им работы по ночам в опасных для здоровья производствах и рудниках.

6. Воспрещения женского труда в тех отраслях, где он вреден для женского организма; освобождения женщин от работ в течение четырех недель до и шести недель после родов, с сохранением заработной платы в обычном размере за все это время.

6. Воспрещения женского труда в тех отраслях, где он вреден для женского организма; воспрещения женского ночного труда; освобождения женщин от работ в течение 8 недель до и 8 недель после родов с сохранением полного заработка за все это время при бесплатной врачебной и лекарственной помощи.

7. Устройства при всех заводах, фабриках и других предприятиях, где работают женщины, яслей для грудных и малолетних детей; освобождения женщин, кормящих ребенка, от работы не реже чем через три часа, на время не менее чем на полчаса.

7. Устройства при всех заводах, фабриках и др. предприятиях, где работают женщины, яслей для грудных и малолетних детей и помещений для кормления грудью; освобождения женщин, кормящих грудью, от работы не реже чем через три часа, на время не менее чем полчаса; выдачи пособий кормящим матерям и сокращения рабочего дня для них до 6 часов...

Написано в апреле — мае 1917 г.

Там же, с. 156—157.

Напечатано в первой половине июня 1917 г. в брошюре «Материалы по рассмотрению партийной программы», изданной в Петрограде издательством «Прибой»

Из книги «Государство и революция»

Учение марксизма о государстве
и задачи пролетариата в революции» ²⁸⁶

Г л а в а V

Экономические основы
отмирания государства

Самое обстоятельное разъяснение этого вопроса дано Марксом в его «Критике Готской программы» (письмо к Бракке от 5 мая 1875 года, напечатанное только в 1891 году в «Neue Zeit», IX, 1 и вышедшее порусски отдельным изданием) ²⁹⁶. Полемическая часть этого замечательного произведения, состоящая в критике лассальянства, затеяла, так сказать, его положительную часть, именно: анализ связи между развитием коммунизма и отмиранием государства.

1. Постановка вопроса Марксом

При поверхностном сравнении письма Маркса к Бракке от 5 мая 1875 года и рассмотренного выше письма Энгельса к Бебелю от 28 марта 1875 года ²⁹⁷ может показаться, что Маркс гораздо более «государственник», чем Энгельс, и что различие между взглядами обоих писателей на государство очень значительное.

Энгельс предлагает Бебелю вовсе бросить болтовню о государстве, изгнать совершенно слово государство из программы, заменив его словом «община»; Энгельс заявляет даже, что Коммуна не была уже государством в собственном смысле. Между тем Маркс говорит даже о «будущей государственности коммунистического общества», т.е. как будто бы признает необходимость государства даже при коммунизме.

Но подобный взгляд был бы в корне неправилен. Ближайшее рассмотрение показывает, что взгляды Маркса и Энгельса на государство и его отмирание вполне совпадают, а приведенное выражение Маркса относится именно к этой *отмирающей* государственности.

Ясно, что не может быть и речи об определении момента *будущего* «отмирания», тем более, что оно представляет из себя заведомо процесс длительный. Кажущееся различие между Марксом и Энгельсом

объясняется различием тем, которые они себе брали, задач, которые они преследовали. Энгельс ставил задачей наглядно, резко, в крупных штрихах показать Бебелю всю нелепость ходячих (и разделявшихся Лассалем в немалой степени) предрассудков насчет государства. Маркс только мимоходом касается *этого* вопроса, интересуясь другой темой: *развитием* коммунистического общества.

Вся теория Маркса есть применение теории развития—в ее наиболее последовательной, полной, продуманной и богатой содержанием форме — к современному капитализму. Естественно, что для Маркса встал вопрос о применении этой теории и к *предстоящему* краху капитализма и к *будущему* развитию *будущего* коммунизма.

На основании каких же *данных* можно ставить вопрос о будущем развитии будущего коммунизма?

На основании того, что он *происходит* из капитализма, исторически развивается из капитализма, является результатом действий такой общественной силы, которая *рождена* капитализмом. У Маркса нет ни тени попыток сочинять утопии, по-пустому гадать насчет того, чего знать нельзя. Маркс ставит вопрос о коммунизме, как естественный испытатель поставил бы вопрос о развитии новой, скажем, биологической разновидности, раз мы знаем, что она так-то возникла и в таком-то определенном направлении видоизменяется.

Маркс прежде всего отбрасывает прочь ту путаницу, которая Готской программой вносится в вопрос о соотношении государства и общества.

«...Современное общество, — пишет он, — есть капиталистическое общество, которое существует во всех цивилизованных странах, более или менее свободное от примеси средневековья, более или менее видоизмененное особенностями исторического развития каждой страны, более или менее развитое. Напротив того, «современное государство» меняется с каждой государственной границей. В прусско-германской империи оно совершенно иное, чем в Швейцарии, в Англии совершенно иное, чем в Соединенных Штатах. «Современное государство» есть, следовательно, фикция.

Однако, несмотря на пестрое разнообразие их форм, различные государства различных цивилизованных стран имеют между собой то общее, что они стоят на почве современного буржуазного общества, более или менее капиталистически развитого. У них есть поэтому некоторые общие существенные признаки. В этом смысле можно говорить о «современной государственности» в

противоположность тому будущему, когда отомрет теперешний ее корень, буржуазное общество.

Вопрос ставится затем так: какому превращению подвергнется государственность в коммунистическом обществе? Другими словами: какие общественные функции останутся тогда, аналогичные теперешним государственным функциям? На этот вопрос можно ответить только научно; и сколько бы тысяч раз ни сочетать слово «народ» со словом «государство», это ни капельки не подвинет его разрешения...» ²⁹⁸

Высмеивая таким образом все разговоры о «народном государстве», Маркс дает постановку вопроса и как бы предостерегает, что для научного ответа на него можно оперировать только твердо установленными научно данными.

Первое, что установлено вполне точно всей теорией развития, всей наукой вообще, — и что забывали утописты, что забывают нынешние оппортунисты, боящиеся социалистической революции, — это то обстоятельство, что исторически, несомненно, должна быть особая стадия или особый этап *перехода* от капитализма к коммунизму.

2. Переход от капитализма к коммунизму

«...Между капиталистическим и коммунистическим обществом, — продолжает Маркс, — лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как *революционной диктатурой пролетариата...*» ²⁹⁹

Этот вывод покоится у Маркса на анализе той роли, которую играет пролетариат в современном капиталистическом обществе, на данных о развитии этого общества и о непримиримости противоположных интересов пролетариата и буржуазии.

Раньше вопрос ставился так: чтобы добиться своего освобождения, пролетариат должен свергнуть буржуазию, завоевать политическую власть, установить свою революционную диктатуру.

Теперь вопрос ставится несколько иначе: переход от капиталистического общества, развивающегося к коммунизму, в коммунистическое общество невозможен без «политического переходного периода», и государством этого периода может быть лишь революционная диктатура пролетариата.

Каково же отношение этой диктатуры к демократии?

Мы видели, что «Коммунистический Манифест» ставит просто рядом два понятия: «превращение пролетариата в господствующий класс» и «завоевание демократии»³⁰⁰. На основании всего изложенного выше можно точнее определить, как изменяется демократия в переходе от капитализма к коммунизму.

В капиталистическом обществе, при условии наиболее благоприятного развития его, мы имеем более или менее полный демократизм в демократической республике. Но этот демократизм всегда сжат тесными рамками капиталистической эксплуатации и всегда остается поэтому, в сущности, демократизмом для меньшинства, только для имущих классов, только для богатых. Свобода капиталистического общества всегда остается приблизительно такой же, какова была свобода в древних греческих республиках: свобода для рабовладельцев. Современные наемные рабы, в силу условий капиталистической эксплуатации, остаются настолько задавленными нуждой и нищетой, что им «не до демократии», «не до политики», что при обычном, мирном течении событий большинство населения от участия в общественно-политической жизни отстранено.

Правильность этого утверждения всего нагляднее, может быть, подтверждается Германией именно потому, что в этом государстве конституционная легальность продержалась удивительно долго и устойчиво почти полвека (1871—1914), а социал-демократия за это время гораздо больше, чем в других странах, сумела сделать для «использования легальности» и для организации такой высокой доли рабочих в политическую партию, как нигде в свете.

Какова же эта наиболее высокая из наблюдавшихся в капиталистическом обществе доля политически сознательных и деятельных наемных рабов? Один миллион членов партии социал-демократов — из 15 миллионов наемных рабочих! Три миллиона профессионально организованных — из 15-ти миллионов!

Демократия для ничтожного меньшинства, демократия для богатых, — вот каков демократизм капиталистического общества. Если присмотреться поближе к механизму капиталистической демократии, то мы увидим везде и повсюду, и в «мелких», якобы мелких, подробностях избирательного права (ценз оседлости, исключение женщин и т. д.), и в технике представительных учреждений, и в фактических препонах праву собраний (общественные здания не для «нищих!»), и в чисто капиталистической организации ежедневной прессы и так далее и так далее, — мы увидим ограничения да ограничения демократизма. Эти ограничения, изъятия, исключения, препоны для бедных кажутся мелкими, особенно на глаз того, кто сам никогда нужды не видал и с угнетенными классами в их массовой жизни близок не

был (а таково девять десятых, если не девяносто девять сотых буржуазных публицистов и политиков), — но в сумме взятые эти ограничения исключают, выталкивают бедноту из политики, из активного участия в демократии.

Маркс великолепно схватил эту *суть* капиталистической демократии, сказав в своем анализе опыта Коммуны: угнетенным раз в несколько лет позволяют решать, какой именно из представителей угнетающего класса будет в парламенте представлять и подавлять их! ³⁰⁴

Но от этой капиталистической демократии, — неизбежно узкой, тайком отталкивающей бедноту, а поэтому насквозь лицемерной и лживой, — развитие вперед не идет просто, прямо и гладко, «ко все большей и большей демократии», как представляют дело либеральные профессора и мелкобуржуазные оппортунисты. Нет. Развитие вперед, т. е. к коммунизму, идет через диктатуру пролетариата и иначе идти не может, ибо *сломить сопротивление эксплуататоров-капиталистов* больше некому и иным путем нельзя.

А диктатура пролетариата, т. е. организация авангарда угнетенных в господствующий класс для подавления угнетателей, не может дать просто только расширения демократии. *Вместе* с громадным расширением демократизма, *впервые* становящегося демократизмом для бедных, демократизмом для народа, а не демократизмом для богатеньких, диктатура пролетариата дает ряд изъятий из свободы по отношению к угнетателям, эксплуататорам, капиталистам. Их мы должны подавить, чтобы освободить человечество от наемного рабства, их сопротивление надо сломить силой, — ясно, что там, где есть подавление, есть насилие, нет свободы, нет демократии.

Энгельс прекрасно выразил это в письме к Бебелю, сказав, как вспомнит читатель, что «пролетариат нуждается в государстве не в интересах свободы, а в интересах подавления своих противников, а когда можно будет говорить о свободе, — не будет государства» ³⁰⁵.

Демократия для гигантского большинства народа и подавление силой, т. е. исключение из демократии, эксплуататоров, угнетателей народа, — вот каково видоизменение демократии при *переходе* от капитализма к коммунизму.

Только в коммунистическом обществе, когда сопротивление капиталистов уже окончательно сломлено, когда капиталисты исчезли, когда нет классов (т. е. нет различия между членами общества по их отношению к общественным средствам производства), — *только* тогда «исчезает государство и можно говорить о свободе». Только тогда возможна и будет осуществлена демократия действительно полная, действительно без всяких изъятий. И только тогда демократия начнет

отмирать в силу того простого обстоятельства, что, избавленные от капиталистического рабства, от бесчисленных ужасов, дикостей, нелепостей, гнусностей капиталистической эксплуатации, люди постепенно *привыкну*т к соблюдению элементарных, веками известных, тысячелетиями повторявшихся во всех прописях, правил общежития, к соблюдению их без насилия, без принуждения, без подчинения, *без особого аппарата* для принуждения, который называется государством.

Выражение «государство *отмирает*» выбрано очень удачно, ибо оно указывает и на постепенность процесса и на стихийность его. Только привычка может оказать и несомненно окажет такое действие, ибо мы кругом себя наблюдаем миллионы раз, как легко привыкают люди к соблюдению необходимых для них правил общежития, если нет эксплуатации, если нет ничего такого, что возмущает, вызывает протест и восстание, создает необходимость *подавления*.

Итак: в капиталистическом обществе мы имеем демократию урезанную, убогую, фальшивую, демократию только для богатых, для меньшинства. Диктатура пролетариата, период перехода к коммунизму, впервые даст демократию для народа, для большинства, наряду с необходимым подавлением меньшинства, эксплуататоров. Коммунизм один только в состоянии дать демократию действительно полную, и чем она полнее, тем скорее она станет ненужной, отомрет сама собою.

Другими словами: при капитализме мы имеем государство в собственном смысле слова, особую машину для подавления одного класса другим и притом большинства меньшинством. Понятно, что для успеха такого дела, как систематическое подавление меньшинством эксплуататоров большинства эксплуатируемых, нужно крайнее свирепство, зверство подавления, нужны моря крови, через которые человечество и идет свой путь в состоянии рабства, крепостничества, наемничества.

Далее, при *переходе* от капитализма к коммунизму подавление *еще* необходимо, но уже подавление меньшинства эксплуататоров большинством эксплуатируемых. Особый аппарат, особая машина для подавления, «государство» *еще* необходимо, но это уже переходное государство, это уже не государство в собственном смысле, ибо подавление меньшинства эксплуататоров большинством *вчерашних* наемных рабов дело настолько, сравнительно, легкое, простое и естественное, что оно будет стоить гораздо меньше крови, чем подавление восстаний рабов, крепостных, наемных рабочих, что оно обойдется человечеству гораздо дешевле. И оно совместимо с распространением демократии на такое подавляющее большинство населения,

что надобность в *особой машине* для подавления начинает исчезать. Эксплуататоры, естественное дело, не в состоянии подавить народа без сложнейшей машины для выполнения такой задачи, но *народ* подавить эксплуататоров может и при очень простой «машине», почти что без «машины», без особого аппарата, простой *организацией вооруженных масс* (вроде Советов рабочих и солдатских депутатов — заметим, забегая вперед).

Наконец, только коммунизм создает полную ненадобность государства, ибо *некого* подавлять, — «некого» в смысле *класса*, в смысле систематической борьбы с определенной частью населения. Мы не утописты и нисколько не отрицаем возможности и неизбежности эксцессов *отдельных лиц*, а равно необходимости подавлять *такие* эксцессы. Но, во-первых, для этого не нужна особая машина, особый аппарат подавления, это будет делать сам вооруженный народ с такой же простотой и легкостью, с которой любая толпа цивилизованных людей даже в современном обществе разнимает дерущихся или не допускает насилия над женщиной. А, во-вторых, мы знаем, что коренная социальная причина эксцессов, состоящих в нарушении правил общежития, есть эксплуатация масс, нужда и нищета их. С устранением этой главной причины эксцессы неизбежно начнут *отмирать*. Мы не знаем, как быстро и в какой постепенности, но мы знаем, что они будут отмирать. С их отмиранием *отомрет* и государство.

Маркс, не пускаясь в утопии, определил подробнее то, что можно *теперь* определить относительно этого будущего, именно: различие низшей и высшей фазы (ступени, этапа) коммунистического общества.

3. Первая фаза коммунистического общества

В «Критике Готской программы» Маркс опровергает подробно лассалевскую идею о получении рабочим при социализме «неурезанного» или «полного продукта труда». Маркс показывает, что из всего общественного труда всего общества необходимо вычсть и резервный фонд, и фонд на расширение производства, и возмещение «сношенных» машин и т. п., а затем из предметов потребления фонд на издержки управления, на школы, больницы, приюты престарелых и т. п.

Вместо туманной, неясной, общей фразы Лассаля («полный продукт труда — рабочему») Маркс дает трезвый учет того, как именно социалистическое общество вынуждено будет хозяйничать. Маркс подходит к *конкретному* анализу условий жизни такого общества, в котором не будет капитализма, и говорит при этом:

«Мы имеем здесь дело» (при разборе программы рабочей партии) «не с таким коммунистическим обществом, которое *разви-лось* на своей собственной основе, а с таким, которое только что *выходит* как раз из капиталистического общества и которое поэтому во всех отношениях, в экономическом, нравственном и умственном, носит еще отпечаток старого общества, из недр которого оно вышло»³⁰³.

Вот это коммунистическое общество, которое только что вышло на свет божий из недр капитализма, которое носит во всех отношениях отпечаток старого общества, Маркс и называет «первой» или низшей фазой коммунистического общества.

Средства производства уже вышли из частной собственности отдельных лиц. Средства производства принадлежат всему обществу. Каждый член общества, выполняя известную долю общественно-необходимой работы, получает удостоверение от общества, что он такое-то количество работы отработал. По этому удостоверению он получает из общественных складов предметов потребления соответственное количество продуктов. За вычетом того количества труда, которое идет на общественный фонд, каждый рабочий, следовательно, получает от общества столько же, сколько он ему дал.

Царствует как будто бы «равенство».

Но когда Лассаль говорит, имея в виду такие общественные порядки (обычно называемые социализмом, а у Маркса носящие название первой фазы коммунизма), что это «справедливое распределение», что это «равное право каждого на равный продукт труда», то Лассаль ошибается, и Маркс разъясняет его ошибку.

«Равное право» — говорит Маркс — мы здесь действительно имеем, но это *еще* «буржуазное право», которое, как и всякое право, *предполагает неравенство*. Всякое право есть применение *одинакового* масштаба к *различным* людям, которые на деле не одинаковы, не равны друг другу; и потому «равное право» есть нарушение равенства и несправедливость. В самом деле, каждый получает, отработав равную с другим долю общественного труда, — равную долю общественного продукта (за указанными вычетами).

А между тем отдельные люди не равны: один сильнее, другой слабее; один женат, другой нет, у одного больше детей, у другого меньше, и т. д.

«...При равном труде, — заключает Маркс, — следовательно, при равном участии в общественном потребительном фонде, один получит на самом деле больше, чем другой, окажется богаче

другого и т. д. Чтобы избежать всего этого, право, вместо того, чтобы быть равным, должно бы быть неравным...»³⁰⁴

Справедливости и равенства, следовательно, первая фаза коммунизма дать еще не может: различия в богатстве останутся и различия несправедливые, но невозможна будет *эксплуатация* человека человеком, ибо нельзя захватить *средства производства*, фабрики, машины, землю и прочее в частную собственность. Разбивая мелкобуржуазно неясную фразу Лассалья о «равенстве» и «справедливости» вообще, Маркс показывает *ход развития* коммунистического общества, которое *вынуждено* сначала уничтожить только ту «несправедливость», что средства производства захвачены отдельными лицами, и которое *не в состоянии* сразу уничтожить и дальнейшую несправедливость, состоящую в распределении предметов потребления «по работе» (а не по потребностям).

Вульгарные экономисты, в том числе буржуазные профессора, в том числе «наш» Туган, постоянно упрекают социалистов, будто они забывают о неравенстве людей и «мечтают» уничтожить это неравенство. Такой упрек, как видим, доказывает только крайнее невежество гг. буржуазных идеологов.

Маркс не только точнейшим образом учитывает неизбежное неравенство людей, он учитывает также то, что один еще переход средств производства в общую собственность всего общества («социализм» в обычном словоупотреблении) *не устраняет* недостатков распределения и неравенства «буржуазного права», которое *продолжает господствовать*, поскольку продукты делятся «по работе».

«...Но эти недостатки,— продолжает Маркс,— неизбежны в первой фазе коммунистического общества, в том его виде, как оно выходит, после долгих мук родов, из капиталистического общества. Право никогда не может быть выше, чем экономический строй и обусловленное им культурное развитие общества...»³⁰⁵

Таким образом, в первой фазе коммунистического общества (которую обычно зовут социализмом) «буржуазное право» отменяется *не вполне*, а лишь отчасти, лишь в меру уже достигнутого экономического переворота, т. е. лишь по отношению к средствам производства. «Буржуазное право» признает их частной собственностью отдельных лиц. Социализм делает их *общей* собственностью. *Постольку* — и лишь постольку — «буржуазное право» отпадает.

Но оно остается все же в другой своей части, остается в качестве регулятора (определивателя) распределения продуктов и распределе-

ния труда между членами общества. «Кто не работает, тот не должен есть» — этот социалистический принцип *уже* осуществлен; «за равное количество труда равное количество продукта» — и этот социалистический принцип *уже* осуществлен. Однако это еще не коммунизм, и это еще не устраняет «буржуазного права», которое неравным людям за неравное (фактически неравное) количество труда дает равное количество продукта.

Это — «недостаток», говорит Маркс, но он неизбежен в первой фазе коммунизма, ибо, не впадая в утопизм, нельзя думать, что, свергнув капитализм, люди сразу научаются работать на общество *без всяких норм права*, да и экономических предпосылок *такой* перемены отмена капитализма *не дает сразу*.

А других норм, кроме «буржуазного права», нет. И постольку остается еще необходимость в государстве, которое бы, охраняя общую собственность на средства производства, охраняло равенство труда и равенство дележа продукта.

Государство отмирает, поскольку капиталистов уже нет, классов уже нет, *подавлять* поэтому какой бы то ни было *класс* нельзя.

Но государство еще не отмерло совсем, ибо остается охрана «буржуазного права», освящающего фактическое неравенство. Для полного отмирания государства нужен полный коммунизм.

4. Высшая фаза коммунистического общества

Маркс продолжает:

«...На высшей фазе коммунистического общества, после того как исчезнет порабощающее человека подчинение его разделению труда; когда исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда; когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни; когда вместе с всесторонним развитием индивидуумов вырастут и производительные силы и все источники общественного богатства польются полным потоком, — лишь тогда можно будет совершенно преодолеть узкий горизонт буржуазного права, и общество сможет написать на своем знамени: «Каждый по способностям, каждому по потребностям»³⁰⁶.

Только теперь мы можем оценить всю правильность замечаний Энгельса, когда он беспощадно издевался над нелепостью соедине-

ния слов: «свобода» и «государство». Пока есть государство, нет свободы. Когда будет свобода, не будет государства.

Экономической основой полного отмирания государства является такое высокое развитие коммунизма, при котором исчезает противоположность умственного и физического труда, исчезает, следовательно, один из важнейших источников современного *общественного* неравенства и притом такой источник, которого одним переходом средств производства в общественную собственность, одной экспроприацией капиталистов сразу устранить никак нельзя.

Эта экспроприация даст *возможность* гигантского развития производительных сил. И, видя, как теперь уже капитализм невероятно *задерживает* это развитие, как многое можно было бы двинуть вперед на базе современной, уже достигнутой, техники, мы вправе с полнейшей уверенностью сказать, что экспроприация капиталистов неизбежно даст гигантское развитие производительных сил человеческого общества. Но как скоро пойдет это развитие дальше, как скоро дойдет оно до разрыва с разделением труда, до уничтожения противоположности между умственным и физическим трудом, до превращения труда в «первую жизненную потребность», этого мы не знаем и знать *не можем*.

Поэтому мы и вправе говорить лишь о неизбежном отмирании государства, подчеркивая длительность этого процесса, его зависимость от быстроты развития *высшей фазы* коммунизма и оставляя совершенно открытым вопрос о сроках или о конкретных формах отмирания, ибо материала для решения таких вопросов *нет*.

Государство сможет отмереть полностью тогда, когда общество осуществит правило: «каждый по способностям, каждому по потребностям», т. е. когда люди настолько привыкнут к соблюдению основных правил общежития и когда их труд будет настолько производителен, что они добровольно будут трудиться *по способностям*. «Узкий горизонт буржуазного права», заставляющий высчитывать, с черствостью Шейлока ³⁰⁷, не переработать бы лишних получаса против другого, не получить бы меньше платы, чем другой, — этот узкий горизонт будет тогда перейден. Распределение продуктов не будет требовать тогда нормировки со стороны общества количества получаемых каждым продуктов; каждый будет свободно брать «по потребности».

С точки зрения буржуазной легко объявить подобное общественное устройство «чистой утопией» и зубоскалить по поводу того, что социалисты обещают каждому право получать от общества, без всякого контроля за трудом отдельного гражданина, любое количество трюфелей, автомобилей, пианино и т. п. Таким зубоскальством от-

дельваются и поныне большинство буржуазных «ученых», которые обнаруживают этим и свое невежество и свою корыстную защиту капитализма.

Невежество, — ибо «обещать», что высшая фаза развития коммунизма наступит, ни одному социалисту в голову не приходило, а *предвидение* великих социалистов, что она наступит, предполагает и не теперешнюю производительность труда и *не теперешнего* обывателя, способного «зря» — вроде как бурсаки у Помяловского — портить склады общественного богатства и требовать невозможного.

До тех пор, пока наступит «высшая» фаза коммунизма, социалисты требуют *строжайшего* контроля со стороны общества и со стороны государства над мерой труда и мерой потребления, но только контроль этот должен *начаться* с экспроприации капиталистов, с контроля рабочих за капиталистами и проводиться не государством чиновников, а государством *вооруженных рабочих*.

Корыстная защита капитализма буржуазными идеологами (и их прихвостнями вроде гг. Церетели, Черновых и К^о) состоит именно в том, что спорами и разговорами о далеком будущем они *подменяют* насущный и злободневный вопрос *сегодняшней* политики: экспроприацию капиталистов, превращение *всех* граждан в работников и служащих *одного* крупного «синдиката», именно: всего государства, и полное подчинение всей работы всего этого синдиката государству действительно демократическому, *государству Советов рабочих и солдатских депутатов*.

В сущности, когда ученый профессор, а за ним обыватель, а за ним господа Церетели и Черновы говорят о безрассудных утопиях, о демагогических обещаниях большевиков, о невозможности «введения» социализма, они имеют в виду именно высшую стадию или фазу коммунизма, «вводить» которой никто не только не обещал, но и не помышлял, ибо «ввести» ее вообще нельзя.

И здесь мы подошли к тому вопросу о научном различии между социализмом и коммунизмом, которого коснулся Энгельс в приведенном выше рассуждении его о неправильности названия «социал-демократы». Политически различие между первой или низшей и высшей фазой коммунизма со временем будет, вероятно, громадно, но теперь, при капитализме, признавать его было бы смешно и выдвигать его на первый план могли бы разве лишь отдельные анархисты (если еще остались среди анархистов люди, ничему не научившиеся после «плекхановского» превращения Кропоткиных, Грва, Корнелиссена и прочих «звезд» анархизма в социал-шовинистов, или в анархо-траншейников, как выразился один из немногих сохранивших честь и совесть анархистов Ге).

Но научная разница между социализмом и коммунизмом ясна. То, что обычно называют социализмом, Маркс назвал «первой» или низшей фазой коммунистического общества. Поскольку *общей* собственностью становятся средства производства, постольку слово «коммунизм» и тут применимо, если не забывать, что это *не* полный коммунизм. Великое значение разъяснений Маркса состоит в том, что он последовательно применяет и здесь материалистическую диалектику, учение о развитии, рассматривая коммунизм как нечто развивающееся *из* капитализма. Вместо схоластически-выдуманных, «сочиненных» определений и бесплодных споров о словах (что социализм, что коммунизм), Маркс дает анализ того, что можно бы назвать ступенями экономической зрелости коммунизма.

В первой своей фазе, на первой своей ступени коммунизм *не* может еще быть экономически вполне зрелым, вполне свободным от традиций или следов капитализма. Отсюда такое интересное явление, как сохранение «узкого горизонта *буржуазного* права» — при коммунизме в его первой фазе. Буржуазное право по отношению к распределению продуктов *потребления* предполагает, конечно, неизбежно и *буржуазное государство*, ибо право есть ничто без аппарата, способного *принуждать* к соблюдению норм права.

Выходит, что не только при коммунизме остается в течение известного времени буржуазное право, но даже и буржуазное государство — без буржуазии!

Это может показаться парадоксом или просто диалектической игрой ума, в которой часто обвиняют марксизм люди, не потрудившиеся ни капельки над тем, чтобы изучить его чрезвычайно глубокое содержание.

На самом же деле остатки старого в новом показывает нам жизнь на каждом шагу, и в природе и в обществе. И Маркс не произвольно всунул кусочек «буржуазного» права в коммунизм, а взял то, что экономически и политически неизбежно в обществе, выходящем *из недр* капитализма.

Демократия имеет громадное значение в борьбе рабочего класса против капиталистов за свое освобождение. Но демократия вовсе не есть предел, его же не преjdeши, а лишь один из этапов по дороге от феодализма к капитализму и от капитализма к коммунизму.

Демократия означает равенство. Понятно, какое великое значение имеет борьба пролетариата за равенство и лозунг равенства, если правильно понимать его в смысле уничтожения *классов*. Но демократия означает только *формальное* равенство. И тотчас вслед за осуществлением равенства всех членов общества *по отношению* к владению средствами производства, т. е. равенства труда, равен-

ства заработной платы, пред человечеством неминуемо встанет вопрос о том, чтобы идти дальше, от формального равенства к фактическому, т. е. к осуществлению правила: «каждый по способностям, каждому по потребностям». Какими этапами, путем каких практических мероприятий пойдет человечество к этой высшей цели, мы не знаем и знать не можем. Но важно выяснить себе, как бесконечно лживо обычное буржуазное представление, будто социализм есть нечто мертвое, застывшее, раз навсегда данное, тогда как на самом деле *только* с социализма начнется быстрое, настоящее, действительно массовое, при участии *большинства* населения, а затем всего населения, происходящее движение вперед во всех областях общественной и личной жизни.

Демократия есть форма государства, одна из его разновидностей. И, следовательно, она представляет из себя, как и всякое государство, организованное, систематическое применение насилия к людям. Это с одной стороны. Но, с другой стороны, она означает формальное признание равенства между гражданами, равного права всех на определение устройства государства и управление им. А это, в свою очередь, связано с тем, что на известной ступени развития демократии она, во-первых, сплывает революционный против капитализма класс — пролетариат и дает ему возможность разбить, сломать вдребезги, стереть с лица земли буржуазную, хотя бы и республикански-буржуазную, государственную машину, постоянную армию, полицию, чиновничество, заменить их *более* демократической, но все еще государственной машиной в виде вооруженных рабочих масс, переходящих к поголовному участию народа в милиции.

Здесь «количество переходит в качество»: *такая* степень демократизма связана с выходом из рамок буржуазного общества, с началом его социалистического переустройства. Если действительно *все* участвуют в управлении государством, тут уже капитализму не удержаться. И развитие капитализма, в свою очередь, создает *предпосылки* для того, чтобы действительно «все» могли участвовать в управлении государством. К таким предпосылкам принадлежит поголовная грамотность, осуществленная уже рядом наиболее передовых капиталистических стран, затем «обучение и дисциплинирование» миллионов рабочих крупным, сложным, обобществленным аппаратом почты, железных дорог, крупных фабрик, крупной торговли, банкового дела и т. д. и т. п.

При таких *экономических* предпосылках вполне возможно немедленно, с сегодня на завтра, перейти к тому, чтобы, свергнув капиталистов и чиновников, заменить их — в деле *контроля* за производством и распределением, в деле *учета* труда и продуктов — воору-

жепными рабочими, поголовно вооруженным пародом. (Не падо смешивать вопрос о контроле и учете с вопросом о научно образованном персонале инженеров, агрономов и пр.: эти господа работают сегодня, подчиняясь капиталистам, будут работать еще лучше завтра, подчиняясь вооруженным рабочим.)

Учет и контроль — вот *главное*, что требуется для «налажения», для правильного функционирования *первой фазы* коммунистического общества. *Все* граждане превращаются здесь в служащих по найму у государства, каковым являются вооруженные рабочие. *Все* граждане становятся служащими и рабочими *одного* всенародного, государственного «синдиката». Все дело в том, чтобы они работали поровну, правильно соблюдая меру работы, и получали поровну. Учет этого, контроль за этим *у п р о щ е н* капитализмом до чрезвычайности, до необыкновенно простых, всякому грамотному человеку доступных операций наблюдения и записи, знания четырех действий арифметики и выдачи соответственных расписок*.

Когда *большинство* народа начнет производить самостоятельно и повсеместно такой учет, такой контроль за капиталистами (превращенными теперь в служащих) и за господами интеллигентами, сохранившими капиталистические замашки, тогда этот контроль станет действительно универсальным, всеобщим, всенародным, тогда от него нельзя будет никак уклониться, «некуда будет деться».

Все общество будет одной конторой и одной фабрикой с равенством труда и равенством платы.

Но эта «фабричная» дисциплина, которую победивший капиталистов, свергнувший эксплуататоров пролетариат распространит на все общество, никоим образом не является ни идеалом нашим, ни нашей конечной целью, а только *ступенькой*, необходимой для радикальной чистки общества от гнусности и мерзостей капиталистической эксплуатации и для *дальнейшего* движения вперед.

С того момента, когда все члены общества или хотя бы громадное большинство их *сами* научились управлять государством, сами взяли это дело в свои руки, «наладили» контроль за ничтожным меньшинством капиталистов, за господчиками, желающими сохранить капиталистические замашки, за рабочими, глубоко разращенными капитализмом, — с этого момента начинает исчезать надобность во всяком управлении вообще. Чем полнее демократия, тем ближе момент,

* Когда государство сводится в главнейшей части его функций к такому учету и контролю со стороны самих рабочих, тогда оно перестает быть «политическим государством», тогда «общественные функции превращаются из политических в простые административные функции» (ср. выше, гл. IV, § 2, о полемике Энгельса с анархистами³⁰⁸).

когда она становится ненужной. Чем демократичнее «государство», состоящее из вооруженных рабочих и являющееся «уже не государством в собственном смысле слова», тем быстрее начинает отмирать всякое государство.

Ибо когда *в с е* научатся управлять и будут на самом деле управлять самостоятельно общественным производством, самостоятельно осуществлять учет и контроль туеядцев, баричей, мошенников и тому подобных «хранителей традиций капитализма», — тогда уклонение от этого всенародного учета и контроля неизбежно делается таким невероятно трудным, таким редчайшим исключением, будет сопровождаться, вероятно, таким быстрым и серьезным наказанием (ибо вооруженные рабочие — люди практической жизни, а не сентиментальные интеллигентки, и шутить они с собой едва ли позволяют), что *н е о б х о д и м о с т ь* соблюдать несложные, основные правила всякого человеческого общежития очень скоро станет *п р и в ы ч к о й*.

И тогда будет открыта настезь дверь к переходу от первой фазы коммунистического общества к высшей его фазе, а вместе с тем к полному отмиранию государства...

Написано в августе — сентябре 1917 г.

Напечатано в 1918 г. в Петрограде отдельной книгой издательством «Жизнь и знание»

*Полн. собр. соч., т. 83,
с. 83—102.*

Из статьи
/ «Удержат ли большевики
государственную власть?»

...Советы суть новый государственный аппарат, дающий, во-первых, вооруженную силу рабочих и крестьян, причем эта сила не оторвана от народа, как сила старой постоянной армии, а теснейшим образом с ним связана; в военном отношении эта сила несравненно более могучая, чем прежние; в революционном отношении она незаменима ничем другим. Во-вторых, этот аппарат дает связь с массами, с большинством народа настолько тесную, неразрывную, легко проверяемую и возобновляемую, что ничего подобного в прежнем государственном аппарате нет и в помине. В-третьих, этот аппарат в силу выборности и сменяемости его состава по воле народа, без бюрократических формальностей, является гораздо более демократическим, чем прежние аппараты. В-четвертых, он дает крепкую связь с самыми различными профессиями, облегчая тем различнейшие реформы самого глубокого характера без бюрократии. В-пятых, он дает форму организации авангарда, т. е. самой сознательной, самой энергичной, передовой части угнетенных классов, рабочих и крестьян, являясь таким образом аппаратом, посредством которого авангард угнетенных классов может поднимать, воспитать, обучать и вести за собой всю гигантскую массу этих классов, до сих пор стоявшую совершенно вне политической жизни, вне истории. В-шестых, он дает возможность соединять выгоды парламентаризма с выгодами непосредственной и прямой демократии, т. е. соединять в лице выборных представителей народа и законодательную функцию и исполнение законов. По сравнению с буржуазным парламентаризмом это такой шаг вперед в развитии демократии, который имеет всемирно-историческое значение...

Написано в конце сентября — 1 (14) октября 1917 г.

Напечатано в октябре 1917 г. в журнале «Просвещение», № 1—2

Полн. собр. соч., т. 34,
с. 304—305.

Письма

И. Ф. Арманд

Dear friend! * План брошюры очень советую написать поподробнее³⁰⁹. Иначе слишком многое неясно.

Одно мнение должен высказать уже сейчас:

§ 3 — «требование (женское) свободы любви» советую вовсе выкинуть.

Это выходит действительно не пролетарское, а буржуазное требование.

В самом деле, что Вы под ним понимаете? Что *можно* понимать под этим?

1. Свободу *о т* материальных (финансовых) расчетов в деле любви?

2. Тоже *о т* материальных забот?

3. от предрассудков религиозных?

4. от запрета папаши etc.?

5. от предрассудков «общества»?

6. от узкой обстановки (крестьянской или мещанской или интеллигентски-буржуазной) среды?

7. от уз закона, суда и полиции?

8. от серьезного в любви?

9. от деторождения?

10. свободу адюльтера? и т. д.

Я перечислил много (не все, конечно) оттенков. Вы понимаете, конечно, не №№ 8—10, а или №№ 1—7 или *вроде* №№ 1—7.

Но для №№ 1—7 надо выбрать иное обозначение, ибо свобода любви не выражает точно этой мысли.

А публика, читатели брошюры *неизбежно* поймут под «свободой любви» вообще нечто вроде №№ 8—10, даже *вопреки* Вашей воле.

* — Дорогой друг! *Ред.*

Именно потому, что в современном обществе классы, наиболее говорливые, шумливые и «вверхуидные», понимают под «свободой любви» №№ 8—10, именно поэтому сие есть не пролетарское, а буржуазное требование.

Пролетариату важнее всего №№ 1—2, и затем №№ 1—7, а это собственно не «свобода любви».

Дело не в том, что Вы субъективно «хотите понимать» под этим. Дело в объективной логике классовых отношений в делах любви.

Friendly shake hands!

W. J.*

Написано 17 января 1915 г. Послано из Берна

Полн. собр. соч., т. 49, с. 51—52.

Впервые напечатано в 1939 г. в журнале «Большевик», № 13

Из письма И. Ф. Арманд

Дорогой друг! Извиняюсь за опоздание с ответом: хотел вчера, да меня задержали и не оказалось времени сесть за письмо.

По поводу Вашего плана брошюры я находил, что «требование свободы любви» неясно и — независимо от Вашей воли и желания (я подчеркивал это, говоря: дело в объективных, классовых отношениях, а не в Ваших субъективных желаниях) — явится в современной общественной обстановке буржуазным, а не пролетарским требованием.

Вы не согласны.

Хорошо. Рассмотрим дело еще раз.

Чтобы неясное сделать ясным, я перечислил примерно десяток возможных (и неизбежных в обстановке классовой розни) различных толкований, причем отметил, что толкования 1—7, по-моему, будут типичны или характерны для пролетарок, а 8—10 для буржуазок.

Если это опровергать, то надо показать: (1) что эти толкования неверны (тогда заменить их другими или отметить неверные) или (2) неполны (тогда добавить недостающее) или (3) не так делятся на пролетарские и буржуазные.

Ни того, ни другого, ни третьего Вы не делаете.

Пунктов 1—7 Вы вовсе не касаетесь. Значит, признаете их (в общем) правильность? (То, что Вы пишете о проституции пролетарок

* — Дружески жму руку! В. И. Ред.

и их зависимости: «невозможности сказать нет» вполне подходит под пп. 1—7. Несогласия у нас здесь нельзя усмотреть ни в чем.)

Не оспариваете Вы и того, что это *пролетарское* толкование.

Остаются пп. 8—10.

Их Вы «немного не понимаете» и «возражаете»: «не понимаю, как можно (так и написано!) *отождествлять* (!!?) свободу любви с» п. 10...

Выходит, что я «отождествляю», а Вы *меня* разносить и разбивать собрались?

Как это? что это?

Буржуазки понимают под свободой любви пп. 8—10 — вот мой тезис.

Опровергаете Вы его? Скажите, что *буржуазные* дамы понимают под свободой любви?

Вы этого не говорите. Неужели литература и жизнь не *доказывают*, что буржуазки именно это понимают? Вполне доказывают! Вы молча признаете это.

А раз так, дело тут в их классовом положении, и «опровергнуть» и *х* едва ли можно и едва ли не наивно.

Надо ясно *отделить* от них, *противопоставить* им пролетарскую точку зрения. Надо учесть тот объективный факт, что иначе *они* выхватят соответствующие места из вашей брошюры, истолкуют их по-своему, сделают из вашей брошюры воду на свою мельницу, извратят ваши мысли перед рабочими, «*смутят*» рабочих (посеяв в них опасение, не *чужие* ли идеи *Вы* им несете). А в их руках тьма газет и т. д.

А Вы, совершенно забыв объективную и классовую точку зрения, переходите в «атаку» на *меня*, будто я «отождествляю» свободу любви с пп. 8—10... Чудно, ей-ей, чудно...

«Даже мимолетная страсть и связь» «поэтичнее и чище», чем «поцелуи без любви» (пошлых и пошленьких) супругов. Так Вы пишете. И так собираетесь писать в брошюре. Прекрасно.

Логичное ли противопоставление? Поцелуи без любви у пошлых супругов *грязны*. Согласен. Им надо противопоставить... что?... Кажалось бы: поцелуи *с любовью*? А Вы противопоставляете «мимолетную» (почему мимолетную?) «страсть» (почему не любовь?) — выходит, по логике, будто поцелуи без любви (мимолетные) противопоставляются поцелуям без любви супружеским... Странно. Для популярной брошюры не лучше ли противопоставить мещански-интеллигентски-крестьянский (кажись, п. 6 или п. 5 у меня) пошлый и грязный брак без любви — пролетарскому гражданскому браку с любовью (с добавлением, если уж непременно хотите, что и мимолетная связь-страсть может быть грязная, может быть и чистая). У Вас вышло про-

тивопоставление не классовых *типов*, а что-то вроде «казуса», который возможен, конечно. Но разве в казусах дело? Если брать тему: казус, индивидуальный случай грязных поделуев в браке и чистых в мимолетной связи, — эту тему надо разработать в романе (ибо тут весь *своздь в индивидуальной* обстановке, в анализе *характеров* и психики *данных* типов). А в брошюре?

Вы очень хорошо поняли мою мысль насчет неподходящей цитаты из Кей, сказав, что-де «нелепо» выступать в роли «профессоров *ёс* любовь». Именно. Ну, а в роли профессоров *ёс* мимолетная и т. д.?

Право же, мне вовсе не полемики хочется. Я бы охотно отбросил это свое письмо и отложил дело до беседы. Но мне хочется, чтобы брошюра была хороша, чтобы из нее никто *не мог* вырывать неприятных для Вас фраз (иногда *одной* фразы довольно, чтобы была ложка дегтю...), *не мог* Вас *перетолковывать*. Я уверен, что Вы и здесь «против воли» написали, и посылаю это письмо только потому, что может быть Вы обстоятельнее разберете план в связи с письмами, чем по поводу бесед, а ведь план вещь очень важная.

Нет ли у Вас знакомой француженки-социалистки? Переведите ей (якобы с английского) мои пп. 1—10 и Ваши замечания о «мимолетной» и т. д. и посмотрите на нее, послушайте ее внимательнее: маленький опыт, что скажут люди *со стороны*, каковы их впечатления, их ожидания от брошюры?

Жму руку и желаю поменьше хворать головной болью и поскорее поправляться...

Написано 24 января 1915 г. Послано из Берна

Полн. собр. соч., т. 49, с. 54—57.

Впервые напечатано в 1939 г. в журнале «Большевик», № 13

Из письма М. М. Харитонову

Воскресенье вечером.

Дорогой товарищ! Сейчас только узнал, что в Цюрихе состоится *в среду* международная конференция бюро союзов молодежи. Должны быть норвежцы и шведы (тамошние союзы молодежи, как Вы знаете, вошли в Циммервальдскую левую).

Очень прошу Вас 1) разузнать (*т а к т и ч н о*: все сие *к о н с п и р а т и в н о*) подробнее про это: дату, место, продолжительность, состав; 2) выяснить, нельзя ли и представителю нашей партии быть; постараться, чтобы можно было, и *проникнуть самому*; 3) спе-

циально постараться узнать, как можно скорее, кто именно будет из Скандинавии, связаться с ними, повидать их и как можно скорее *связать их с нами*.

Черкните пару слов о получении этого письма и о том, что надеетесь сделать.

Salut! Ваш Ленин...

Написано 30 января 1916 г. Послано из Берна в Цюрих

Полн. собр. соч., т. 49, с. 180.

А. М. Горькому

Для А. М. Горького

Многоуважаемый Алексей Максимович!

Посылаю Вам заказной бандеролью брошюру моей жены «Народное образование и демократия»³¹⁰.

Автор занимается педагогикой давно, более 20 лет. И в брошюре собраны как личные наблюдения, так и материалы о новой школе Европы и Америки. Из оглавления Вы увидите, что дан также, в первой половине, очерк истории демократических взглядов. Это тоже очень важно, ибо обычно взгляды великих демократов прошлого излагают неверно или с неверной точки зрения. Не знаю, в состоянии ли Вы сами урвать время для чтения и интересуетесь ли; §§ 2 и 12 могли бы служить образцом. Изменения в школе новейшей, империалистской, эпохи очерчены по материалам последних лет и дают очень интересное освещение для демократии в России.

Вы очень обяжете меня, если поспособствуете — прямо или косвенно — изданию этой брошюры. Спрос на литературу этой области, верно, сильно возрос теперь в России.

Лучшие приветы и пожелания.

В. Ульянов

WI. Ulianow. Seidenweg. 4 a. Bern.

Написано ранее 8 февраля 1916 г. Послано в Петроград.

Полн. собр. соч., т. 49, с. 182—183.

Впервые напечатано в 1925 г. в Ленинском сборнике III

И. Ф. Арманд

Дорогой друг! Если Вы пошлете свои тезисы по военному вопросу, то я, конечно, рад буду побеседовать о них. Насчет Вашего выступления против Golaу не понимаю, почему у Вас могла явиться

мысль, что это было «неловко». По-моему, напротив, архиловко и архиполезно. Именно прямее и решительнее надо выступать против смешного пацифизма французов (добиться социализма без революции и т. п.) и смешной веры в демократию. Голэя, по-моему, следовало бы специально сечь публично за отступления от ценных признаний в его брошюре «Le Socialisme qui meurt» *. Мне сдается, что эта брошюра прекрасный материал, канва для критики слабости, непродуманности французских левых.

Получил от Вас копию русского текста листка (очень рад, что он Вам понравился). А французского текста так и нет!! А я просил писать в 2 экземплярах!!! Меня угнетает мысль, что опоздаем — ведь до 1. V уже всего 2 месяца осталось, а трудности сношений с воюющими странами необъятно велики.

Насчет Усиевича Вы пишете как раз, что он «бесхребетный». Значит, я его не зря обругал (а показать письмо Вам просил именно для того, чтобы мы могли спеться насчет способов воздействия на него).

Итак, если можно, поспешите *всячески* с французским и английским переводом листка. Если почему-либо и паче чаяния не удалось писать в 2 экземплярах, то известите хотя бы меня, когда именно послали листок (французский) Абрамовичу.

Что Вы чаще стали выступать у молодежи, это меня архирадует. Полезная вещь! Только над молодежью и стоит работать! Надо бы всячески разбивать их пацифизм и неверие в массовое движение (а стачка в Цюрихе 1912 г.? а в Женеве 1900 или 1902 года?). Хорошо бы Вам пособрать материал о больших стачках в истории рабочего движения французской Швейцарии.

Надя поправилась.

Жму крепко руку. Ваш Ленин

Р. С. Паннекука в «Neue Zeit» (1912 г.) дискуссию с Каутским прочел: Каутский архиподл, а Паннекук *почти* прав; у него лишь *неточности*, ошибочки. Каутский же верх оппортунизма.

Написано 27 февраля 1917 г. Послано из Цюриха в Кларан (Швейцария)

Полн. собр. соч., т. 49, с. 392—393.

М. Т. Елизарову

...Дорогой Марк Тимофеич! Из прилагаемого Вы увидите, что Надя планирует издание «Педагогического словаря» или «Педагогической энциклопедии» ³¹¹.

* — «Умпрающий социализм». Ред.

Я усиленно поддерживаю этот план, который, по-моему, заполнит очень важный пробел в русской педагогической литературе, будет очень полезной работой и даст заработок, *что для нас архиважно*.

Спрос теперь в России, с увеличением числа и круга читателей, именно на *энциклопедии* и подобные издания очень велик и сильно растет. Хорошо составленный «Педагогический словарь» или «Педагогическая энциклопедия» будут настольной книгой и выдержат ряд изданий.

Что Надя сможет выполнить это, я уверен, ибо она много лет занималась педагогикой, писала об ней, готовилась систематически. Цюрих — исключительно удобный центр именно для такой работы. Педагогический музей здесь лучший в мире.

Доходность такого предприятия несомненна. Лучше бы всего было, если бы удалось *самим* издать сие, заняв потребный капитал или найдя капиталиста, который бы вошел пайщиком в это предприятие.

Если это невозможно и если гоняться за этим значило бы лишь тратить время, — Вам, конечно, виднее и Вы, обдумав и наведя справки, решите этот вопрос, — тогда надо предложить сей план старому издателю, который, наверное, возьмется. Надо только, чтобы план не украли, т. е. не перехватили. Затем надо заключить с издателем *точнейший* договор на имя редактора (т. е. Нади) обо *всех* условиях. Иначе издатель (и старый издатель тоже!!) просто возьмет себе *весь* доход, а редактора закабалит. *Это бывает*.

Очень прошу подумать об этом плане хорошенько, поразведать, поговорить, похлопотать и ответить * подробнее.

Жму руку. Ваш В. Ульянов

P. S. Издание — 2 тома, в 2 столбца. Выпускать *выпусками*, по 1—2 листа. Объявить *подписку*. Тогда деньги поступят быстро.

Написано 18 или 19 февраля 1917 г.

Впервые напечатано в 1930 г. в журнале «Пролетарская Революция», № 4

Полн. собр. соч., т. 55,
с. 369—370.

* Если удача, ответьте телеграммой: «договор энциклопедии заключен». Тогда Надя усиленно возьмется за работу.

Примечания

Указатель

¹ В. И. Ленин начал работать над книгой в Самаре в 1892—1893 гг. В самарском кружке марксистов он читал рефераты, в которых подвергал резкой критике противников марксизма — либеральных народников: В. В. (В. П. Воронцова), Н. К. Михайловского, С. Н. Южакова, С. Н. Кривенко. Эти рефераты явились подготовительным материалом к книге «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?».

«Русское Богатство» — ежемесячный журнал; выходил в Петербурге с 1876 до середины 1918 г. С начала 90-х гг. журнал стал органом либеральных народников и редактировался С. Н. Кривенко и Н. К. Михайловским. Журнал проповедовал примирение с царским правительством и вел ожесточенную борьбу против марксизма и русских марксистов. С 1906 г. журнал становится органом полукadetской Трудовой народно-социалистической партии (энесов). — 12.

² Здесь и далее В. И. Ленин цитирует статью Н. К. Михайловского «Литература и жизнь», напечатанную в журнале «Русское Богатство», № 1 за 1894 г. — 12.

³ См.: Свод законов Российской империи. Т. 10. Ч. 1. СПб., 1887, с. 27. — 13.

⁴ *Поместная система* — особая система феодального землевладения, которая возникла и утвердилась в России в XV и особенно в XVI в. Поместная система неразрывно связана с формированием централизованного государства и созданием централизованной армии. Поместная земля, считавшаяся собственностью феодального государя, раздавалась правительством служилым людям за обязанности несения ратной или дворцовой службы. Размеру земельного надела соответствовали и служебные обязательства владельца. В отличие от вотчины, являвшейся полной и наследственной собственностью боярина, поместье было условным и временным владением служилого дворянина. — 13.

⁵ Эта статья — первая работа В. И. Ленина, напечатанная в легальной типографии. В этой работе Ленин продолжил критику народнических воззрений, данную в предшествующих работах, и дал развернутую критику ошибочных взглядов «легальных марксистов».

«Легальный марксизм» — либерально-буржуазное извращение марксизма, возникшее как самостоятельное общественно-политическое течение в 90-х гг. XIX в. среди либеральной буржуазной интеллигенции России. К этому времени в России марксизм получил довольно широкое распространение и буржуазные интеллигенты под флагом марксизма стали проповедовать свои взгляды в легальных газетах и журналах. Поэтому они

получили название «легальных марксистов». «Легальные марксисты», критикуя народников как защитников мелкого производства, пытались использовать в этой борьбе марксизм, но только очищенный от всякой революционности, пытались подчинить рабочее движение интересам буржуазии. Из учения Маркса они выбрасывали самое главное — учение о пролетарской революции и диктатуре пролетариата. — 16.

- ⁶ «*Отечественные Записки*» — литературно-политический журнал; начал издаваться в Петербурге в 1820 г.; с 1839 г. становится лучшим, прогрессивным журналом того времени. В работе журнала принимали участие В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Т. Н. Грановский, Н. П. Огарев и др. С 1868 г. журнал перешел в руки Н. А. Некрасова и М. Е. Салтыкова-Щедрина. После смерти Некрасова (1877) преобладающее влияние в журнале приобрели народники. — 16.
- ⁷ *Прусский регирунгсрат* (статский советник) — речь идет о немецком экономисте бароне А. Гакстгаузене, который в 40-х гг. XIX в. посетил Россию. В книге «Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России» Гакстгаузен подробно описал русскую крестьянскую общину, в которой видел средство укрепления крепостничества. Он расхваливал николаевскую Россию, усматривая ее преимущество по сравнению с Западной Европой в отсутствии в ней «язвы пролетариата». К. Маркс и Ф. Энгельс указывали на реакционность выводов Гакстгаузена. Взгляды Гакстгаузена резко критиковали А. И. Герцен и Н. Г. Чернышевский. — 17.
- ⁸ *Община* (земельная) в России — форма совместного крестьянского землепользования, характеризовавшаяся принудительным севооборотом, нераздельными лесами и пастбищами. Важнейшими признаками русской земельной общины были круговая порука, систематический передел земли и отсутствие права отказа от земли, запрещение купли и продажи земли. — 17.
- ⁹ В статье «*Гимназические хозяйства и исправительные гимназии*» В. И. Ленин подверг резкой критике план С. Н. Южакова осуществить в земледельческих гимназиях обязательное среднее образование с отработками неимущих учеников за свое обучение и показал его реакционный характер. В дальнейшем, во время пребывания в сибирской ссылке, в конце 1897 г., он вновь возвращается к этой теме в статье «*Перлы народнического прожектерства*» (см.: Полн. собр. соч., т. 2, с. 471—504). — 19.
- ¹⁰ См. примеч. 1. — 19.
- ¹¹ *Волость* — территориальный сельский округ, входивший как низшая административная единица в состав уезда. — 20.
- ¹² «*О чем думают наши министры?*» — одна из ленин-

ских статей, которые предназначались для газеты «Рабочее Дело», подготавливавшейся петербургским «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса» по соглашению с «Группой народовольцев». Первый номер «Рабочего Дела» был составлен и отредактирован В. И. Лениным. Им написаны были и все основные статьи. Готовый к печати номер был захвачен жандармами у одного из членов «Союза борьбы» А. А. Ванеева и не увидел света.— 26.

¹³ *Земско-статистические подворные переписи* — обследования крестьянских хозяйств земскими статистическими органами. Эти переписи, подчиненные, главным образом, налоговым требованиям, получили большое распространение в 80-х гг. XIX в. Подворные переписи давали богатый фактический материал, который публиковался в статистических сборниках по уездам и губерниям. Однако земские статистики, среди которых преобладали народники, зачастую тенденциозно обрабатывали и неправильно группировали статистические данные, чем в значительной степени обесценивали их. В. И. Ленин всесторонне изучал, тщательно проверял и обрабатывал данные земской статистики. Он производил свои подсчеты, составлял сводки и таблицы, давал марксистский анализ и научную группировку полученных данных о крестьянских хозяйствах.— 31.

¹⁴ Подгруппы в таблице означают: 1 — товаропроизводители, работающие на рынок; 2 — ремесленники, работающие на потребителей; 3 — кустари, работающие на скупщиков.— 32.

¹⁵ Статья была написана в сибирской ссылке в конце 1897 г. для журнала «Новое Слово», о закрытии которого правительством в декабре 1897 г. Ленин еще не знал.

«Новое Слово» — ежемесячный научно-литературный и политический журнал; издавался в Петербурге с 1894 г. либеральными народниками, с начала 1897 г. — «легальными марксистами» (П. Б. Струве, М. И. Туган-Барановский и др.).— 33.

¹⁶ «Ученики» — последователи К. Маркса и Ф. Энгельса. Этот термин применялся в 90-х гг. XIX в. как легальное обозначение марксистов.— 34.

¹⁷ Имеется в виду *историко-этическая школа* в политической экономии, возникшая в 70-х гг. XIX в. в Германии, которая придавала большое значение этическим (правственным) началам в экономической жизни. Ее представителями являлись Г. Шмоллер, Л. Брентано и др.— 37.

¹⁸ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 489.— 40.

¹⁹ Выражение «дойти до геркулесовых столбов (столпов)» означает дойти до крайнего предела, чрезмерного преувеличения. Геркулесовы столбы, согласно древне-

- греческой мифологии, были воздвигнуты Геркулесом (Гераклом) и, по представлению древних греков, являлись краем мира, дальше которого не было пути.—43.
- ²⁰ *Коробочка* — персонаж поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души», мелкая помещица, прижимистая, мелочная и тупая, «дубинноголовая», по выражению Гоголя. Имя Коробочки стало нарицательным для обозначения мелкого скопидомства и тупоумия.—45.
- ²¹ *Ипотека* (*ипотечный кредит*) — ссуда, выдававшаяся банками под залог недвижимого имущества: земли, лесов, строений и т. п.—47.
- ²² Имеется в виду период деятельности А. А. Аракчеева, всеильного временщика при Павле I и Александре I, с именем которого связана целая эпоха неограниченного полицейского деспотизма и произвола грубой военщины («аракчеевщина»). Характерной чертой аракчеевского режима были жестокие меры против революционного движения угнетенных масс и всякого свободомыслия.—48.
- ²³ *Меркантилизм* — система экономических взглядов и экономическая политика ряда европейских государств в XV—XVIII вв., способствовавшая накоплению капиталов и развитию торговли. Сторонники меркантилизма отождествляли богатство нации с деньгами, считая, что общественное богатство заключается исключительно в деньгах в форме благородных металлов. Государства, придерживавшиеся меркантильной системы, добивались такого регулирования внешней торговли, которое обеспечило бы превышение вывоза товаров над ввозом. С этой целью проводилась политика покровительства отечественной промышленности, заключающаяся в регулировании ввоза иностранных товаров при помощи таможенных пошлин, выдачи субсидий мануфактурам и т. д. Экономическая политика меркантилизма способствовала успешнее эксплуатации трудящихся.—49.
- ²⁴ Так охарактеризовал П. Б. Струве проект члена учебного комитета министерства финансов А. Н. Гурьева в статье «Текущие вопросы внутренней жизни», опубликованной за подписью П. Б. (см.: «Новое Слово», 1897, № 7, апрель, с. 238).—49.
- ²⁵ Русский великий утопист — Н. Г. Чернышевский.—50.
- ²⁶ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. III, с. 353.—51.
- ²⁷ В. И. Ленин имеет в виду либеральных народников во главе с Н. К. Михайловским; критику взглядов этой «школы» Ленин дал в книге «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? (Ответ на статьи «Русского Богатства» против марксистов).—56.
- ²⁸ *«Русская Мысль»* — ежемесячный литературно-политический журнал; выходил в Москве с 1880 по 1918 г., до 1905 г.—либерально-народнического направления (до 1885 г.— редактор В. М. Лавров). В 90-х гг., во

время борьбы марксистов с либеральными народниками иногда печатал на своих страницах статьи марксистов. После революции 1905 г. — орган правого крыла кадетской партии; выходил под редакцией П. Б. Струве. В. И. Ленин называл «Русскую Мысль» «Черносотенной Мыслью» (см.: Полн. собр. соч., т. 16, с. 459). — 57.

- ²⁹ Kautsky K. Die Agrarfrage. Eine Übersicht über die Tendenzen der modernen Landwirtschaft und die Agrarpolitik der Sozialdemokratie (Stuttgart, 1899. S. VIII+451). (Каутский К. Аграрный вопрос. Обзор тенденций современного сельского хозяйства и аграрная политика социал-демократии (Штутгарт, 1899, с. VIII+451)).

Конспект книги Каутского написан В. И. Лениным в Шушенском в феврале-марте 1899 г. На полях конспекта против соответствующих абзацев Ленин указывает страницы немецкого издания книги. В квадратных скобках указаны страницы русского перевода книги Каутского, изданного в 1925 г. — 58.

- ³⁰ «Союз социальной политики» — объединение немецких буржуазных экономистов. — 58.

- ³¹ Книга «Развитие капитализма в России» является итогом огромной исследовательской работы, продолжавшейся свыше трех лет. В. И. Ленин усиленно начал работать над книгой в тюрьме, вскоре после ареста по делу петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», и закончил ее в ссылке в селе Шушенском в конце января 1899 г.

Книга явилась завершением ленинских работ 90-х гг., направленных против либеральных народников и «легалных марксистов», на разработку программных положений революционного марксизма и их применение в конкретных условиях России. Ленинский труд «Развитие капитализма в России» вместе с другими произведениями Ленина создал теоретическую основу для выработки программы, стратегии и тактики большевизма, стал замечательным образцом единства революционной теории и практики, соединения научного социализма с рабочим движением, использования теории в качестве оружия революционной практики.

Книга вышла в конце марта 1899 г. в количестве 2400 экземпляров, тираж разошелся очень быстро. Распространялась книга главным образом в кругах социал-демократической интеллигенции, среди учащейся молодежи, а также через посредничество пропагандистов и в рабочих кружках. — 61.

- ³² Речь идет о книге Н. Ф. Даниельсона «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства». СПб., 1893. — 61.

- ³³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 232—237. — 61.

- ³⁴ Речь идет о книге Н. И. Тезякова «Сельскохозяйственные рабочие и организация за ними санитарного надзора в Херсонской губернии». Херсон, изд. Херсон-

- стой губ. земской управы, 1896. II, 300 с. В. И. Ленин, давая положительную оценку книге Тезякова, одновременно указывал на некоторые ее ошибки народнического характера. — 61.
- ³⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 252—256. — 62.
- ³⁶ Производительные силы России. Краткая характеристика различных отраслей труда — соответственно классификации выставки / Сост. под общ. ред. В. И. Ковалевского. СПб., [1896]. (М-во финансов. Комиссия по заведению устройством Всерос. пром. и худож. выставки 1896 г. в Н.-Новгороде). — 63.
- ³⁷ Историко-статистический обзор промышленности в России / Под ред. Д. А. Тимирязева. Т. I—II. СПб., 1883—1886. — 63.
- ³⁸ Короленко С. А. Вольнонаемный труд в хозяйствах владельческих и передвижение рабочих, в связи с статистико-экономическим обзором Европейской России в сельскохозяйственном и промышленном отношениях. СПб., 1892. — 64.
- ³⁹ Свод статистических материалов, касающихся экономического положения сельского населения Европейской России. СПб., изд. канцелярии ком. минист., 1894. — 64.
- ⁴⁰ Берковец — старинная русская мера веса, равная 10 пудам. — 64.
- ⁴¹ «Русские Ведомости» — газета, выходила в Москве с 1863 г., выражала взгляды умеренно-либеральной интеллигенции. В 80—90-х гг. в газете принимали участие писатели демократического лагеря В. Г. Короленко, М. Е. Салтыков-Щедрин, Г. И. Успенский и др., печатались произведения либеральных народников. С 1905 г. газета являлась органом правого крыла кадетов. — 64.
- ⁴² Речь идет о книге П. А. Орлова, С. Г. Будагова «Указатель фабрик и заводов Европейской России. Материалы для фабрично-заводской статистики». Сост. по офиц. сведениям деп. торговли и мануфактур. Изд. 3-е, испр. и значит. доп. [По сведениям за 1890 г., доп. сведениями за 1893 и 1894 гг.]. СПб., 1894. — 65.
- ⁴³ Отчеты и исследования по кустарной промышленности в России. Т. I. СПб., 1892. — 65.
- ⁴⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 420—421. — 65.
- ⁴⁵ Труды комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. Вып. III. СПб., 1880. Вып. VII. СПб., 1884; Смирнов А. Павлово и Ворсма, известные сталелитейными производством села Нижегородской губернии. М., 1864; Григорьев В. Н. Кустарное замочное-пожевое производство Павловского района. (В Горбатовском уезде Нижегородской губ. и в Муромском уезде Владимирской губ.). — В кн.: Рагозин В. Материалы к изучению кустарной промышленности Волжского бассейна. Прил. к изд. «Волга». М., 1884; Ан-

- пенский Н. Ф. Доклад по вопросу о положении кустарей Павловского района.— «Нижегородский Вестник Пароходства и Промышленности», 1891, № 1; Нижегородский сборник. Изд. Нижегородским губ. стат. ком. Под ред. А. С. Гацисского. Т. II. Н.-Новгород, 1869.— 66.
- ⁴⁶ Промыслы Владимирской губернии. Вып. III. Покровский и Александровский уезды. Исследование С. А. Харизоменова. Баранов, 1882.— 66.
- ⁴² Гл. V. Первые стадии капитализма в промышленности (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 328—383).— 66.
- ⁴⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 354—355.— 67.
- ⁴⁹ Кобеляцкий А. Справочная книга для чинов фабричной инспекции, для фабрикантов и заводчиков. Полный сборник узаконений о найме рабочих на фабрики, заводы и мануфактуры; о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих; о фабричной инспекции; о надзоре за заведениями фабрично-заводской промышленности. Изд. 4-е. СПб., 1897.— 67.
- ⁵⁰ *Truck-system* — система выплаты заработной платы рабочим товарами и продуктами из фабричных лавок, принадлежащих фабрикантам. Эта система, являющаяся дополнительным средством эксплуатации рабочих, в России была особенно распространена в районах кустарных промыслов.— 68.
- ⁵¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 437—438.— 68.
- ⁵² Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Т. VI—VII. М., изд. Моск. губ. земства, 1879—1883. Т. VI. Вып. I. Промыслы Московской губернии. Вып. I. Сост. В. Орлов, И. Боголепов. 1879; Вып. II. Промыслы Московской губернии. Вып. II. Сост. И. Боголепов. 1880; Т. VII. Вып. I. Промыслы Московской губернии. Вып. III. Сост. стат. отд-нием Моск. губ. земской управы. 1882; Вып. II. Женские промыслы Московской губернии. Вып. IV. Сост. М. К. Горбунова. 1882; Вып. III. Промыслы Московской губернии. Вып. V. Сост. стат. отд-нием Моск. губ. земской управы. 1883.— 68.
- ⁵³ Горбунова М. К. Женские промыслы Московской губернии, вып. IV (Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел хозяйственной статистики, т. VII, вып. II, Москва, 1882). Введение, с. IX.— 68.
- ⁵⁴ Труды комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. Вып. IV. СПб., 1880.— 70.
- ⁵⁵ Нижегородский сборник. Изд. Нижегородским губ. стат. ком. Под ред. А. С. Гацисского. Т. I—IV. Н.-Новгород, 1867—1871.— 71.
- ⁵⁶ Жбанков Д. Н. Бабыя сторона. Статистико-этнографический очерк; — Влияние отхожих заработков на движение народонаселения Костромской губернии, по данным 1866—83 годов; — Влияние отхожих зара-

ботков на движение населения; — О городских отхожих заработках в Солигаличском уезде Костромской губернии; — Опыт общей программы для исследования отхожих заработков; — Отхожие промыслы в Смоленской губернии в 1892—1895 гг. — 71.

⁵⁷ См. примеч. 42. — 71.

⁵⁸ Жбанков Д. Н. Отхожие промыслы в Смоленской губернии в 1892—1895 гг. Смоленск, изд. Смоленского губ. земства, 1896. — 72.

⁵⁹ Обзор Ярославской губернии. Вып. II. Отхожие промыслы крестьян Ярославской губернии / Под ред. А. Р. Свищевского. Ярославль, изд. Ярославского губ. стат. ком., 1896. — 73.

⁶⁰ *Майораты* — сохранившийся в некоторых капиталистических странах со времен феодализма порядок наследования, при котором крупные помещичьи имения переходят нераздельно или к старшему в роде, или к старшему из сыновей владельца. — 76.

⁶¹ Статья предназначалась для журнала «Начало», но в связи с его закрытием была напечатана в журнале «Жизнь».

«Жизнь» — литературный, научный и политический журнал; издавался в Петербурге с 1897 по 1901 г. В журнале сотрудничали «легальные марксисты», периодовые писатели и критики. — 78.

⁶² Имеется в виду книга: Kautsky K. Die Agrarfrage. Eine Übersicht über die Tendenzen der modernen Landwirtschaft und die Agrarpolitik der Sozialdemokratie. Stuttgart, Dietz, 1899. (Каутский К. Аграрный вопрос. Обзор тенденций современного сельского хозяйства и аграрная политика социал-демократии. Штутгарт, изд. Дитца, 1899). — 78.

⁶³ «Проект программы нашей партии» написан в ссылке и представляет собой продолжение работ В. И. Ленина по программным вопросам, начатым в тюрьме в 1895—1896 гг. — 84.

⁶⁴ «Profession de foi» (символ веры, программа, изложение миросозерцания) — листовка, излагавшая оппортунистические взгляды Киевского комитета РСДРП; составлена в конце 1899 г. Содержание листовки во многом совпадает с известным «Credo» «экономистов». — 93.

⁶⁵ «Credo» («Кредо») — символ веры, программа, изложение миросозерцания. Под таким названием известен документ, выпущенный в 1899 г. группой «экономистов». В этом документе были изложены оппортунистические взгляды «экономистов», отрицавших самостоятельную политическую роль пролетариата и необходимость политической партии рабочего класса. «Экономисты» считали, что политическая борьба является делом либеральной буржуазии. Они ограничивали задачи и размах рабочего движения экономической борь-

- бой с хозяевами и правительством за улучшение условий труда и быта в рамках буржуазного общества. — 94.
- ⁶⁶ «Рабочая Мысль» — газета, орган «экономистов»; выходила с октября 1897 по декабрь 1902 г. Критику взглядов «Рабочей Мысли» В. И. Ленин дал в статье «Попятное направление в русской социал-демократии» (Полн. собр. соч., т. 4, с. 240—273), в статьях, опубликованных в газете «Искра» и в книге «Что делать?». — 94.
- ⁶⁷ «Искра» — первая общерусская нелегальная марксистская газета, основанная В. И. Лениным в 1900 г. и сыгравшая решающую роль в создании революционной марксистской партии рабочего класса в России.

Ввиду невозможности издавать революционную газету в России из-за полицейских преследований Ленин еще в сибирской ссылке обдумал во всех подробностях план издания ее за границей. По окончании ссылки (январь 1900 г.) Ленин немедленно приступил к осуществлению своего плана. Первый номер ленинской «Искры» вышел в декабре 1900 г. в Лейпциге, последующие номера выходили в Мюнхене, с июля 1902 г. — в Лондоне и с весны 1903 г. — в Женеве.

В редакцию «Искры» входили: В. И. Ленин, Г. В. Плеханов, Л. Мартов, П. Б. Аксельрод, А. Н. Потресов и В. И. Засулич. Секретарем редакции сначала был И. Г. Смидович-Леман, затем, с весны 1901 г., — Н. К. Крупская, ведавшая также всей перепиской «Искры» с русскими социал-демократическими организациями. Ленин был фактически главным редактором и руководителем «Искры». Он выступал в «Искре» со статьями по всем основным вопросам строительства партии и классовой борьбы пролетариата России, откликался на важнейшие события международной жизни.

«Искра» стала центром объединения партийных сил, собрания и воспитания партийных кадров. По инициативе Ленина и при его непосредственном участии редакция «Искры» разработала проект программы партии (опубликован в № 21 «Искры») и подготовила II съезд РСДРП, состоявшийся в июле — августе 1903 г. Ко времени созыва съезда большинство местных социал-демократических организаций России присоединилось к «Искре», одобрило ее тактику, программу и организационный план, признало ее своим руководящим органом. В специальном постановлении съезд отметил исключительную роль «Искры» в борьбе за партию и объявил ее Центральным Органом РСДРП. На II съезде была утверждена редакция в составе Ленина, Плеханова и Мартова. Мартов, вопреки решению съезда партии, отказался войти в редакцию, и № 46—51 «Искры» вышли под редакцией Ленина и Плеханова. В дальнейшем Плеханов перешел на по-

зиции меньшевизма и потребовал включения в состав редакции «Искры» всех старых редакторов-меньшевиков, отвергнутых съездом. Ленин не мог согласиться с этим и 19 октября (1 ноября) 1903 г. вышел из редакции «Искры», был кооптирован в ЦК и оттуда повел борьбу с оппортунистами-меньшевиками. № 52 вышел под редакцией одного Плеханова. 13(26) ноября 1903 г. Плеханов единолично, нарушая волю съезда, кооптировал в состав редакции «Искры» бывших ее редакторов — меньшевиков. С № 52 меньшевики превратили «Искру» в свой орган. — 96.

⁶⁸ «Заря» — марксистский научно-политический журнал издавался легально в 1901—1902 гг. в Штутгарте редакцией «Искры». Всего вышло четыре номера (три книги). Задачи журнала были определены в проекте заявления редакции «Искры» и «Зари», написанном В. И. Лениным в России. Затем, поскольку при обсуждении вопроса об издании этих органов за границей, совместно с группой «Освобождение труда», было решено «Зарю» издавать легально, а «Искру» нелегально, в заявлении редакции «Искры» о «Заре» уже не упоминалось. Журнал «Заря» выступил с критикой международного и русского ревизионизма («легального марксизма» и «экономизма»), в защиту теоретических основ марксизма. — 96.

⁶⁹ В. И. Ленин имеет в виду *«Временные правила об отбывании воинской повинности воспитанниками высших учебных заведений, удаляемых из сих заведений за учинение скопом беспорядков»*, утвержденные 29 июля (10 августа) 1899 г., в которых было сказано: «Ст. 1. Воспитанники высших учебных заведений за учинение скопом беспорядков в учебных заведениях или вне оных, за возбуждение к таким беспорядкам, за упорное по уговору уклонение от учебных занятий и за подстрекательство к таковому уклонению подлежат, на основании изложенных ниже правил, удалению из учебных заведений и зачислению в войска для отбывания воинской повинности, хотя бы они имели льготы по семейному положению, либо по образованию, или не достигли призывного возраста, или же выпули по жребию номер, освобождающий от службы в войсках, Примечание: мера сия не освобождает виновных в совершении преступных деяний, подлежащих преследованию на основании существующих узаконений, от ответственности в установленном порядке... Ст. 8. Подлежащий зачислению в войска... оказавшийся при медицинском освидетельствовании не способным к службе в строю, определяется на должности нестроевые...» Зачисление в армию предусматривалось на срок от года до трех лет. С требованием отмены «Временных правил» выступили студенты всех высших учебных заведений России. — 97.

- ⁷⁰ *Общественный съезд в Одессе* был создан в июне 1900 г.; на съезд прибыли представители нескольких университетов России; в день открытия съезда, 16 июня, все 10 его участников были арестованы, затем было арестовано большинство членов Исполнительного комитета московских студенческих организаций, сыгравшего ведущую роль в подготовке и созыве съезда. — 97.
- ⁷¹ В. И. Ленин цитирует слова полковника Скалозуба — персонажа комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (см.: Грибоедов А. С. Соч. М., 1956, с. 114). — 98.
- ⁷² *Пытки «зеленой улицы»* — телесные наказания солдат, применявшиеся в армии крепостной России. Осужденного, привязанного к ружью, проводили «сквозь строй» солдат, которые избивали его палками или зелеными прутьями (шпицрутенами). Наказание особенно широко применялось при Николае I (1825—1855 гг.). — 98.
- ⁷³ «*Аннибалова клятва*» — образное выражение, означающее непреклонную решимость бороться до конца. Происходит от имени карфагенского полководца Аннибала, поклявшегося не прекращать борьбы с Римом до конца своей жизни. — 99.
- ⁷⁴ «*Южный Край*» — реакционная газета, выходившая в Харькове в 1880—1919 гг. — 101.
- ⁷⁵ Статьи: «Бей, но не до смерти», «Зачем ускорять превратность времен?», «Объективная статистика», объединенные общим заголовком «Случайные заметки», написаны на основе газетных сообщений. Для статьи «Объективная статистика» упоминаемые В. И. Лениным узаконения и распоряжения правительства взяты из газеты «Московские ведомости», 1901, № 20—28 от 20—28 января. — 102.
- ⁷⁶ Статья «*Рабочая партия и крестьянство*» посвящена разработке аграрной программы РСДРП, которая от имени редакции «Искры» и «Зари» была опубликована летом 1902 г. и принята II съездом РСДРП. — 104.
- ⁷⁷ Статья «*Гонители земства и Аннибалы либерализма*» была написана В. И. Лениным в связи с появлением в свет в 1901 г. книги «Самодержавие и земство. Конфиденциальная записка министра финансов статс-секретаря С. Ю. Витте (1899 г.)» с предисловием и примечаниями Р. Н. С. (П. Б. Струве), содержавшей материал, отличающий политику царского правительства по отношению к земству и раскрывавшей буржуазную сущность либерализма в России. Аннибалами либерализма Ленин иронически называет русских либералов, которые, как писал П. Струве, подобно карфагенскому полководцу Аннибалу, поклявшемуся не прекращать борьбы с Римом до конца своей жизни, дали клятву бороться с самодержавием. — 106.
- ⁷⁸ Высочайший рескрипт, данный на имя министра народного просвещения графа Д. А. Толстого. 25 декабря

- 1873 г.— «Правительственный Вестник», СПб., 1873, № 307, 27 декабря (8 января) 1874, с. 1.— 106.
- ⁷⁰ Настоящий документ содержит краткое конспективное изложение статей о земстве, напечатанных в журнале «Вольное Слово», 1883, № 53, 57, 59, 60 за подписью «З. С.».— 107.
- ⁸⁰ См. примеч. 78.— 107.
- ⁸¹ Произвешение «Аграрный вопрос и «критики» Маркса» посвящено защите марксистской теории аграрного вопроса и разработке вопросов программы и тактики рабочей партии по отношению к крестьянству. Положения, развитые В. И. Лениным в этой работе, явились дальнейшей разработкой идей его труда «Развитие капитализма в России».— 109.
- ⁸² Ворошилов — персонаж романа И. С. Тургенева «Дым». В образе Ворошилова Тургеневым выведен тип псевдоученого, начетчика, неспособного к самостоятельному мышлению.— 109.
- ⁸³ «Die Neue Zeit» («Новое Время») — теоретический журнал германской социал-демократии; выходил в Штутгарте с 1883 по 1923 г. До 1917 г. редактировался К. Каутским.— 109.
- ⁸⁴ «Начало» — ежемесячный научный и литературно-политический журнал, орган «легальных марксистов»; выходил в Петербурге в первой половине 1899 г. под редакцией П. Б. Струве, М. И. Туган-Барановского и других.— 110.
- ⁸⁵ Речь идет о книге Ф. О. Гертца «Аграрные вопросы» с предисл. Э. Бернштейна. Пер. А. Ильинского. СПб., 1900.— 110.
- ⁸⁶ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 428.— 111.
- ⁸⁷ «Свобода» — журнал, издававшийся в Швейцарии в 1901—1902 гг. группой одноименного названия, возникшей в мае 1901 г. и именовавшей себя «революционно-социалистической группой». Вышло два номера журнала. В своих изданиях группа «Свобода» проповедовала идеи «экономизма» и терроризма, выступала с поддержкой антипсковских групп в России. Группа прекратила свое существование в 1903 г.— 114.
- ⁸⁸ С лозунгом «Земля и воля» в то время выступала нелегальная организация одноименного названия, основанная в России народниками в 1876 г. Видными деятелями «Земли и воли» являлись А. Д. Михайлов, Г. В. Плеханов, О. В. Аптекман, А. А. Квятковский, С. М. Кравчинский (Степняк), С. Л. Перовская, Н. А. Морозов, В. Н. Фигнер и другие. Считая крестьянство основной революционной силой в России, землевладельцы пытались поднять крестьян на восстание против царизма.— 115.
- ⁸⁹ Книга «Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения» была задумана В. И. Лениным еще весной 1901 г.: написанная в мае статья «С чего начать?»

была, по его словам, наброском плана, который был впоследствии подробно развит в «Что делать?» (см.: Полн. собр. соч., т. 5, с. 9). Вплотную к работе над книгой Ленин приступил только осенью 1901 г. В декабре в «Искре» № 12 была напечатана статья Ленина «Беседа с защитниками экономизма», которую он впоследствии называл конспектом «Что делать?».

Книга «Что делать?» сыграла выдающуюся роль в борьбе за революционную марксистскую партию рабочего класса России, в победе ленинско-искровского направления в комитетах и организациях РСДРП, а затем, в 1903 г., на ее II съезде. — 118.

⁹⁰ Имеется в виду брошюра П. Б. Аксельрода «К вопросу о современных задачах и тактике русских социал-демократов». Женева, 1898. — 118.

⁹¹ Гл. I. Догматизм и «свобода критики». — 119.

⁹² Говоря о «знаменитой петербургской промышленной войне 1896 года», В. И. Ленин имел в виду массовую стачку рабочих-текстильщиков Петербурга в мае — июне 1896 г. Поводом к ней явился отказ фабрикантов полностью выплатить рабочим заработную плату за нерабочие дни по случаю коронации Николая II. Стачка началась на Российской бумагопрядильной мануфактуре (Калининской) и быстро охватила все бумагопрядильные и ткацкие предприятия Петербурга, а затем и крупные машиностроительные заводы и другие предприятия. Петербургский пролетариат впервые выступил широким фронтом на борьбу с эксплуататорами. Бастовало свыше 30 тыс. рабочих. Стачка проходила под руководством петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», который выпускал листовки, призывавшие рабочих дружно и стойко отстаивать свои права. Петербургские стачки способствовали развитию стачечного движения по всей России и вынудили царское правительство ускорить пересмотр фабричных законов и издать закон 2(14) июня 1897 г. о сокращении рабочего дня на фабриках и заводах до 11 $\frac{1}{2}$ часов. — 119.

⁹³ *Тред-юнионы* — название профсоюзов в Англии и британских доминионах. Первые тред-юнионы возникли в XVIII в. Тред-юнионизм — разновидность буржуазной идеологии и политики, в основе которых лежит отказ от политической классовой борьбы за победу пролетарской революции и диктатуры пролетариата, ограничение рабочего движения борьбой за реформы в рамках существующего капиталистического общества. — 120.

⁹⁴ Гл. III. Тред-юнионистская и социал-демократическая политика. — 120.

⁹⁵ Группа «Освобождение труда» — первая русская марксистская группа, основанная Г. В. Плехановым в 1883 г. в Женеве. Группа проделала большую работу

по пропаганде марксизма в России. Она переводила на русский язык, издавала за границей и распространяла в России труды К. Маркса и Ф. Энгельса. Группа «Освобождение труда» нанесла серьезный удар народничеству, являвшемуся главным идейным препятствием на пути распространения марксизма и развития социал-демократического движения в России. На II съезде РСДРП группа «Освобождение труда» заявила о прекращении своего существования. — 120.

⁹⁶ «*Nur-Gewerkschaftlerei*» — сторонники только профессиональной борьбы. — 121.

⁹² В. И. Ленин имеет в виду книгу С. Н. Прокоповича «Рабочее движение на Западе. Опыт критического исследования. Том I. Германия. Бельгия». СПб., 1899 и опубликованные в журнале «*Archiv für soziale Gesetzgebung und Statistik*», XIV Band, Berlin, 1899 («Архив социального законодательства и статистики», т. XIV, Берлин, 1899) статью П. Б. Струве «Die Marx'sche Theorie der sozialen Entwicklung» («Марксова теория социального развития») и его рецензию на книги Э. Бернштейна «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии» и К. Каутского «Бернштейн и социал-демократическая программа».

Для проникнутой духом реформизма книги Прокоповича характерно поверхностное изучение материала и враждебное отношение к научному социализму и деятельности революционной социал-демократии; Прокопович пытался доказать в своей книге, что в рабочем движении Германии и Бельгии отсутствуют условия для революционной борьбы и революционной политики социал-демократии. В свою очередь, Струве пытался в своих статьях опровергнуть с позиций бернштейнианства общую теорию марксизма и ее философские предпосылки, отрицал неизбежность и необходимость социальной революции и диктатуры пролетариата. — 122.

⁹⁸ *Гирш-дункеровские профсоюзы* — реформистские профсоюзные организации Германии, созданные в 1868 г. деятелями буржуазной прогрессистской партии М. Гиршем и Ф. Дункером. Проповедуя идею «гармонии» интересов труда и капитала, организаторы гирш-дункеровских профсоюзов считали допустимым прием в союзы наряду с рабочими и капиталистов, отрицали целесообразность стачечной борьбы. Они утверждали, что избавление рабочих от гнета капитала возможно в рамках капиталистического общества посредством законодательства буржуазного государства, при помощи профессиональной организации; главную задачу профсоюзов они видели в посредничестве между рабочими и предпринимателями и в накоплении денежных средств. Отрицательное отношение к стачкам превращало гирш-дункеровские профсоюзы в организации штрейкбрехеров; их деятельность ограничивалась глав-

- ным образом рамками касс взаимопомощи и культурно-просветительных организаций. Гирш-дункеровские профсоюзы, просуществовавшие до мая 1933 г., никогда не представляли серьезной силы в германском рабочем движении, несмотря на все усилия буржуазии и поддержку правительственных органов. В 1933 г. оппортунистические деятели гирш-дункеровских профсоюзов вошли в фашистский «трудоустрой» фронт.—122.
- ⁹⁹ *«Рабочее Дело»* — журнал «экономистов», неперIODический орган «Союза русских социал-демократов за границей». Выходил в Женеве с апреля 1899 по февраль 1902 г. Вышло 12 номеров (девять книг). «Рабочее Дело» вело открытую борьбу против искровского плана создания партии, призывало к тред-юнионистской политике, отрицало революционные возможности крестьянства и т. д. На II съезде партии «рабочедельцы» представляли крайне правое, оппортунистическое крыло партии.— 123.
- ¹⁰⁰ В. И. Ленин имеет в виду «экономизм» — оппортунистическое течение в российской социал-демократии конца XIX — начала XX в., русскую разновидность международного оппортунизма. Печатными органами «экономистов» являлись газета «Рабочая Мысль» и журнал «Рабочее Дело» (см. примеч. 65, 66 и 98).— 123.
- ¹⁰¹ Речь идет о статье А. Мартынова «Обличительная литература и пролетарская борьба» («Искра», № 1—5), опубликованной в журнале «Рабочее Дело», 1901, № 10, сентябрь.— 124.
- ¹⁰² См. примеч. 87.— 128.
- ¹⁰³ В. И. Ленин цитирует статью Д. И. Писарева «Промахи незрелой мысли» (см.: Писарев Д. И. Соч., т. 3. М., 1956, с. 147, 148 и 149).— 130.
- ¹⁰⁴ *Брентанизм* — либерально-буржуазное учение, признающее неревolutionционную «классовую» борьбу пролетариата» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 237—238), проповедующее возможность разрешения рабочего вопроса в рамках капитализма путем фабричного законодательства и организации рабочих в профсоюзы. Получило свое название по имени Л. Брентано, одного из главных представителей школы катедер-социализма в буржуазной политической экономии.— 131.
- ¹⁰⁵ *«Московские Ведомости»* — одна из старейших русских газет; издавалась Московским университетом с 1756 г. В 1863—1887 гг. редактором-издателем «Московских Ведомостей» был М. Н. Катков, крайний реакционер и шовинист, противник малейших проявлений прогрессивной общественной мысли; он превратил газету в монархо-националистический орган, проводивший взгляды наиболее реакционных слоев помещиков и духовенства; с 1905 г. «Московские Ведомости» — один из главных органов черносотенцев.— 138.

- ¹⁰⁶ В. И. Ленин имеет в виду так называемое дело Дрейфуса, офицера французского генерального штаба, еврея по национальности, осужденного в 1894 г. военным судом к пожизненному заключению по заведомо ложному обвинению в шпионаже и государственной измене. Испытанное реакционной военной осуждение А. Дрейфуса было использовано реакционными кругами Франции для разжигания антисемитизма и наступления против республиканского режима и демократических свобод. В 1898 г., когда социалисты и передовые представители буржуазной демократии подняли кампанию за пересмотр дела Дрейфуса, оно сразу же приобрело ярко политический характер и раскололо страну на два лагеря: республиканцев и демократов, с одной стороны, и блок монархистов, клерикалов, антисемитов и националистов — с другой. В 1898 г. под давлением общественного мнения Дрейфус был помилован и освобожден; но лишь в 1906 г. решением кассационного суда он был признан невиновным и восстановлен в армии. — 139.
- ¹⁰⁷ *Помпадуры* — обобщенный сатирический образ, созданный М. Е. Салтыковым-Щедриным в произведении «Помпадуры и помпадурши», в котором великий русский писатель-сатирик заклеил высшую царскую администрацию, министров и губернаторов. — Меткое определение Салтыкова-Щедрина прочно вошло в русский язык как обозначение административного произвола, самодурства. — 139.
- ¹⁰⁸ Речь идет о «*Временных правилах организации студенческих учреждений в высших учебных заведениях ведомства министерства народного просвещения*», утвержденных 22 декабря 1901 г. (4 января 1902 г.) министром народного просвещения П. С. Ванновским. Студенты, недовольные «Временными правилами», которые ставили их организации под неослабный административный надзор, протестовали против нового акта правительства произвола, отказываясь признавать эти «правила». Даже либеральная профессура протестовала против «Временных правил», которые навязывали ей функции полицейского надзора за студентами. — 141.
- ¹⁰⁹ *Николай (Ника-Милуша) Обманов* — персонаж фельетона А. В. Амфитеатрова «Господа Обмановы», напечатанного в газете «Россия» 13(26) января 1902 г. В фельетоне была дана, в завуалированной форме, сатирическая характеристика последних Романовых: Николая I, Александра II, Александра III и его жены Марии Федоровны, царствовавшего императора Николая II. За напечатание фельетона газета была закрыта, а Амфитеатров сослан в Минусинск. Фельетон «Господа Обмановы» широко распространялся по России в нелегальных изданиях и рукописных списках. — 142.

- ¹¹⁰ В. И. Ленин цитирует статью Л. Н. Толстого «О голоде» (см.: Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 29. М., 1954, с. 104). — 145.
- ¹¹¹ «Северный союз РСДРП» или «Северный рабочий союз» — областное объединение социал-демократических организаций Владимирской, Ярославской и Костромской губерний. Возник в 1900—1901 гг. На съезде «Союза» в Воронеже в январе 1902 г. было завершено его оформление: избран Центральный Комитет (Багаев, Варенцов, Панин и др.) и принята программа, которую В. И. Ленин подверг критике в письме «Северному союзу». — 147.
- ¹¹² *Зубатовщина* — политика «полицейского социализма», заключавшаяся в создании в 1901—1903 гг., по инициативе начальника московского охранного отделения жандармского полковника С. В. Зубатова, легальных рабочих организаций в целях отвлечения рабочих от политической борьбы с самодержавием. Зубатовцы старались направить рабочее движение в русло узких экономических требований, внушить рабочим мысль, что правительство готово удовлетворить эти требования. Революционные социал-демократы, разоблачая реакционный характер зубатовщины, использовали легальные рабочие организации для вовлечения в борьбу с самодержавием широких слоев рабочего класса. Под влиянием мощного подъема революционного движения в 1903 г. царское правительство вынуждено было ликвидировать зубатовские организации. — 153.
- ¹¹³ «Письмо к товарищу о наших организационных задачах», в котором В. И. Ленин развил и конкретизировал свой план организации партии, явилось ответом на письмо петербургского социал-демократа А. А. Шнеерсона (Еремы), который подвергал критике организацию социал-демократической работы. — 149.
- ¹¹⁴ Заметка является редакционным послесловием к листовке-воззванию «К учащимся средних школ», изданному Южно-русской группой учащихся средних школ.

Группа возникла в мае 1902 г. в Ростове-на-Дону. На I съезде группы в августе 1902 г. было принято упоминаемое выше воззвание, в котором определялись задачи группы: революционная и культурная работа среди учащихся, распространение нелегальной литературы. Группа работала под руководством Донского комитета РСДРП.

В 1904 г. Центральный комитет группы объявил группу распушенной и все ее организации присоединившимися к РСДРП. — 150.

- ¹¹⁵ Имеется в виду Организационный комитет по созыву II съезда РСДРП. «Извещение об образовании «Организационного комитета»» с послесловием, написанным

В. И. Лениным, было напечатано в «Искре», № 32, 15 января 1903 г. (см.: Полн. собр. соч., т. 7, с. 89—93).— 151.

- ¹¹⁸ Из проектов резолюций II съезда РСДРП, написанных В. И. Лениным, на съезд им был внесен только один: об отношении к учащейся молодежи.— 155.
- ¹¹⁷ Данный проект написан В. И. Лениным до съезда. В архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС имеется второй проект этой же резолюции, несущественно отличающийся от публикуемого. Этот проект был, по-видимому, написан В. И. Лениным во время 37-го заседания съезда, на котором обсуждался вопрос об отношении к учащейся молодежи. В таком виде проект был принят съездом, за исключением второго пункта. В. И. Ленин выступал на съезде в защиту своего проекта (см.: Полн. собр. соч., т. 7, с. 312).— 155.
- ¹¹⁸ *Филистер* — самодовольный и ограниченный человек с узким, обывательским, мещанским кругозором и ханжеским поведением.— 155.
- ¹¹⁹ *ЦО*—центральный орган партии — газета «Искра».— 156.
- ¹²⁰ Данный проект предложенный был внесен В. И. Лениным на заседание программной комиссии при вторичном обсуждении формулировки § 7 общеполитических требований программы партии (§ 6 искровского проекта).

В искровском проекте программы этот параграф содержал требование уничтожения сословий и полной равноправности всех граждан, независимо от пола, религии и расы. При первоначальном обсуждении в комиссии конец параграфа был изменен так: «...религии, расы, национальности и языка». В таком виде параграф был внесен на 16 заседание съезда 30 июля (12 августа). При обсуждении его на съезде бундовцы потребовали включения в программу партии специального пункта о «равноправии языков». Им удалось привлечь на свою сторону часть колеблющихся искровцев. При голосовании на съезде голоса раскололись.

Впоследствии Ленин писал: «Дело шло о принятии программы, о формулировке требования равенства и равноправности в отношении языков... Бундистам удалось здесь поколебать ряды искряков, внушив части их мысль, что «Искра» не хочет «равноправия языков»,— тогда как на деле редакция «Искры» не хотела лишь этой, неграмотной, по ее мнению, несуразной и лишней формулировки».

§ 11, о котором говорится в пункте 3 предложенный В. И. Ленина, был в искровском проекте сформулирован так: «Даровое и обязательное общее и профессиональное образование для всех детей обоего пола до 16-ти лет. Снабжение бедных детей пищей, одеждой и учебными пособиями за счет государства». Программ-

- ной комиссией этот параграф был вначале принят без изменения (§ 14), но при обсуждении его на 18-м заседании съезда было принято добавление: «Преподавание на родном языке, по требованию населения». В связи с принятием отдельного пункта по вопросу о языке необходимость этого дополнения отпала.—157.
- ¹²¹ Съездом были приняты две резолюции об отношении к либералам: первая внесена А. Н. Потресовым (Старовером), вторая — В. И. Лениным, Г. В. Плехановым и еще 13 делегатами съезда.—157.
- ¹²² *«Освобождение»* — двухнедельный журнал, издававшийся за границей с 18 июня (1 июля) по 5(18) октября 1905 г. под редакцией П. Б. Струве. Журнал являлся органом русской либеральной буржуазии и последовательно проводил идеи умеренно-монархического либерализма.—157.
- ¹²³ *Социалисты-революционеры* (эсеры) — мелкобуржуазная партия в России; возникла в конце 1901 — начале 1902 г. в результате объединения различных народнических групп и кружков. Взгляды эсеров представляли собой эклектическое смешение идей народничества и ревизионизма.—158.
- ¹²⁴ *Кружок петрашевцев* возник в Петербурге в середине 40-х гг. XIX в. В кружке паряду с дворянами по происхождению было значительное количество представителей разночинной интеллигенции. Во главе кружка стоял один из выдающихся представителей революционно-демократической интеллигенции М. В. Буташевич-Петрашевский. Кружки петрашевцев существовали в Москве, Казани, Ростове-Ярославском, Тамбове. Политические взгляды петрашевцев не были однородны, но в своем большинстве петрашевцы выступали против царского самодержавия и крепостничества и являлись сторонниками утопического социализма.—159.
- ¹²⁵ Статья *«Задачи революционной молодежи»* была написана В. И. Лениным по просьбе редакции газеты «Студент» и напечатана в № 2—3 газеты в разделе «Свободная трибуна». Статья имеет подзаголовок «Письм» первое». Другие письма на эту тему, которые Ленин намеревался написать, как это видно из постскриптума к первому письму и из плана писем о задачах революционной молодежи, по-видимому, им не были написаны. Статья «Задачи революционной молодежи» была издана отдельным оттиском из газеты «Студент» и отпечатана (за исключением постскриптума) отдельным изданием на mimeографе под заглавием: «К студенчеству. Задачи революционной молодежи (социал-демократия и интеллигенция)». Литографированным способом статья была издана студентами Московского университета. Брошюра получила широкое распространение в России.—161.

- ¹²⁶ *«Студент»* — газета революционного студенчества; всего вышло два номера (№ 1 и № 2—3). Первый номер начал печататься сначала в России, но был конфискован в типографии; вторично он был напечатан в апреле 1903 г. в Женеве, № 2—3 (двойной) газеты вышел в Цюрихе. В редакционном заявлении, о котором упоминает В. И. Ленин, говорилось: «Не примыкая еще к той или иной из русских оппозиционных партий... редакция находит целесообразным предоставить страницы своего органа спокойному обсуждению теоретических и практических вопросов революционной борьбы представителям даже самых противоположных направлений русской революционной мысли, имея всегда в виду выработку в студенчестве определенного цельного политического и социалистического революционного мировоззрения, как необходимый и могучий фактор его идейного объединения». — 161.
- ¹²⁷ *Центр* — политическая партия немецких католиков, образовавшаяся в 1870—1871 гг. в результате объединения католических фракций прусского ландтага и германского рейхстага (места депутатов этих фракций находились в центре зала заседаний). Партия центра занимала, как правило, промежуточную позицию. Центр находился в оппозиции к правительству Бисмарка и в то же время голосовал за его мероприятия против рабочего и социалистического движения. — 164.
- ¹²⁸ *«Революционная Россия»* — нелегальная газета эсеров; издавалась с конца 1900 г. в России «Союзом социалистов-революционеров». С января 1902 по декабрь 1905 г. выходила за границей (Женева) как официальный орган партии эсеров. — 165.
- ¹²⁹ *II Всероссийский студенческий съезд* состоялся, по видимому, в январе 1902 г. Съезд принял манифест, отмечающий, в частности, политический характер студенческого движения (манифест опубликован в «Искре», № 18). — 166.
- ¹³⁰ Имеется в виду воззвание первой марксистской организации в Москве — московского «Рабочего союза» к студентам от 3(15) ноября 1896 г. — 168.
- ¹³¹ Письмо это было передано М. И. Ульяновой в тюрьму, и на нем имеется штампель товарища прокурора московской судебной палаты. — 173.
- ¹³² *«The Times»* («Времена») — ежедневная газета, основанная в 1785 г. в Лондоне; одна из крупных консервативных газет английской буржуазии. — 179.
- ¹³³ Выражение *«гроб повапленный»* означает что-либо пустое, ничтожное, беспильное, прикрывающееся наружным блеском. Первоначально: «гроб повапленный» — гроб покрашенный («вап» = «вапа» — по-древнерусски «краска»). Переосмысление выражения идет от евангельского сравнения лицемеров с «гробами поваплен-

- ными, которые красивы снаружи, а внутри полны мертвых костей и всякой мерзости». — 180.
- ¹³⁴ Поводом для статьи В. И. Ленина послужила статья «Первомайские успехи и неудачи», опубликованная в газете «Искра», № 100, 15 мая 1905 г. В ней пессимистически оценивались первомайские демонстрации 1905 г. в России. — 183.
- ¹³⁵ Имеются в виду сторонники газеты «Искра» (с № 52) после выхода В. И. Ленина из состава редакции. — 183.
- ¹³⁶ Статья «Кровавые дни в Москве» посвящена политической стачке в Москве, начавшейся 19 сентября (2 октября) 1905 г. Первыми забастовали печатники, затем к ним присоединились рабочие других профессий. Стачка сопровождалась митингами и демонстрациями. На улицах Москвы происходили вооруженные столкновения рабочих с полицией и войсками. К рабочим присоединились студенты. Московский комитет большевиков, руководивший стачкой, в выпущенной им листовке призывал рабочих к борьбе против самодержавия, к вооруженному восстанию. В. И. Ленин внимательно, день за днем, следил за ходом политической стачки в Москве.
- Московская политическая стачка явилась началом нового подъема революционного движения в России. Она сыграла большую роль в подготовке Всероссийской Октябрьской политической стачки. — 186.
- ¹³⁷ Речь идет о рабочем движении в Московской, Владимирской, Ярославской губерниях в 1885—1886 гг. Среди стачек этого периода особенно выделялась своей организованностью стачка на фабрике Морозова в Орехово-Зуеве в январе 1885 г. Во главе стачки стояли талантливые руководители, передовые рабочие Петр Моисеенко, ранее состоявший членом «Северного союза русских рабочих», и Василий Волков. Царское правительство подавило стачку вооруженной силой. Около 600 рабочих было выслано, 33 посажены на скамью подсудимых. По этому вопросу см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 22—26. — 186.
- ¹³⁸ *Иваново-вознесенская стачка* — крупная политическая стачка рабочих-текстильщиков, началась 12(25) мая и продолжалась в течение 72 дней. В ней приняло участие около 70 тыс. рабочих и работниц. К стачке иваново-вознесенских рабочих присоединились текстильщики Шуш, Орехово-Зуева, Кохмы и др. Стачка проходила под руководством иваново-вознесенской большевистской организации, возглавляемой Ф. А. Афанасьевым и М. В. Фрунзе при активном участии рабочих-большевиков С. И. Балашова, Е. А. Дунаева, Ф. Н. Самойлова и др. До начала стачки на нелегальной конференции иваново-вознесенских большевиков, проходившей 9(22) мая, с участием представителей бес-

партийных рабочих всех фабрик были обсуждены и приняты требования рабочих к фабрикантам. Среди них были требования восьмичасового рабочего дня, увеличения заработной платы, отмены штрафов, свободы союзов и стачек и др.

Для руководства стачкой рабочие избрали Совет уполномоченных из представителей фабрик, ставший революционным центром бастующих.

Стачка иваново-вознесенских рабочих оказала большое влияние на дальнейший рост политического сознания рабочих масс. Ее историческое значение состоит в том, что избранный рабочими Совет уполномоченных в ходе борьбы превратился в один из первых Советов рабочих депутатов. — 186.

- ¹³⁹ Имеется в виду расстрел полицией тифлиских рабочих, собравшихся 29 августа (11 сентября) 1905 г. в помещении городской управы (свыше 2000 человек) с целью принять участие в обсуждении вопроса о выборах в Государственную думу. По распоряжению царских властей полиция и казаки окружили здание и, ворвавшись в зал, где происходило собрание, начали зверский расстрел и избивание рабочих. Было убито 60 и ранено около 300 человек. В знак протеста против злодеяний царизма по всему Закавказью состоялись политические демонстрации и стачки. Тифлиский комитет РСДРП выпустил листовки с призывом к вооруженному восстанию против царского самодержавия. — 187.

- ¹⁴⁰ «*Frankfurter Zeitung*» («Франкфуртская Газета») — ежедневная газета, орган крупных немецких биржевиков; издавалась во Франкфурте-на-Майне с 1856 по 1943 г. — 188.

- ¹⁴¹ *Кадеты* — члены конституционно-демократической партии, главной партии империалистической буржуазии в России. Партия кадетов была создана в октябре 1905 г. Кадеты были сторонниками сохранения монархического строя, своей целью они считали борьбу с революционным движением и стремились поделить власть с царем и помещиками-крепостниками. — 193.

- ¹⁴² «*Vossische Zeitung*» («Фоссова Газета») — немецкая умеренно-либеральная газета, издавалась в Берлине с 1704 по 1934 г. — 195.

- ¹⁴³ «*St.-Petersburger Zeitung*» («С.-Петербургская газета») — ежедневная газета, издававшаяся в Петербурге на немецком языке в 1727—1914 гг. — 195.

- ¹⁴⁴ «*Новое Время*» — ежедневная газета; выходила в Петербурге с 1868 по 1917 г.; принадлежала разным издательствам и неоднократно меняла свое политическое направление. В. И. Ленин называл «Новое Время» образцом продажных газет. — 199.

- ¹⁴⁵ В № 19 газеты «Пролетарий» от 3 октября (20 сентября)

1905 г. было напечатано «Открытое письмо к заграничным товарищам» от группы социал-демократов, работавших в Казанской, Симбирской и Нижегородской губерниях. В письме говорилось о тяжелых условиях подпольной работы в России, о недостатке партийных сил и содержался призыв к молодежи оставаться для работы в России. Письмо было напечатано со следующим примечанием «От редакции»: «Печатаем это заявление «товарищей из захолустья», чтобы дать выражение на страницах ЦО их настроению и взгляду на партийную работу. Не разделяя слишком резкого мнения авторов о бесполезности заграничного «учения», мы думаем, однако, что напоминать почаще за границе и всей партии о русских захолустьях необходимо». Принадлежность псевдонима «Революционер» не установлена.

«*Пролетарий*» — нелегальная большевистская еженедельная газета; Центральный Орган РСДРП, созданный по Постановлению III съезда партии. Ответственным редактором ЦО был В. И. Ленин. Газета издавалась в Женеве с 14(27) мая по 12(25) ноября 1905 г. Вышло 26 номеров. «Пролетарий» продолжал линию старой, ленинской «Искры» и сохранил полную преемственность с большевистской газетой «Вперед». — 203.

¹⁴⁶ См. примеч. 142. — 205.

¹⁴⁷ Речь идет о всеобщей политической стачке в октябре 1905 г. — 208.

¹⁴⁸ «*Известия Совета Рабочих Депутатов*» — официальный орган Петербургского Совета рабочих депутатов; выходил с 17(30) октября по 14(27) декабря 1905 г.; носил характер бюллетеня, дававшего информацию о деятельности Совета. Газета постоянной редакции не имела. Материал составлялся членами Совета и печатался самочинным путем в легальных типографиях. Всего вышло 10 номеров. — 208.

¹⁴⁹ Речь идет о царском правительстве, которое возглавлял с октября 1905 до апреля 1906 г. граф С. Ю. Витте. — 213.

¹⁵⁰ «*Русь*» — ежедневная либерально-буржуазная газета, во время революции 1905 г. была близка к кадетам; издавалась в Петербурге с декабря 1903 г., закрыта 2(15) декабря 1905 г. — 213.

¹⁵¹ См. статью Ф. Энгельса «Эмигрантская литература» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 514). — 217.

¹⁵² В. И. Ленин имеет в виду брошюру Ю. Ларина «Широкая рабочая партия и рабочий съезд». [М.], «Новый мир», [1907]. 95 с. — 219.

¹⁵³ *Рабочемысленцы* — группа «экономистов», издававшая газету «Рабочая Мысль» (см. примеч. 66). Группа проповедовала откровенно оппортунистические взгляды. Она выступала против политической борьбы рабочего

класса, ограничивая его задачи «интересами минуты», требованиями отдельных частных реформ, главным образом экономического характера. Преклоняясь перед стихийностью рабочего движения, рабочемысленцы выступали против создания самостоятельной пролетарской партии, принижали значение революционной теории, сознательности и утверждали, что социалистическая идеология может возникнуть из стихийного движения.

Акимовцы — сторонники одного из представителей «экономизма», крайнего оппортуниста В. П. Акимова (Махновца). — 219.

¹⁵⁴ Статья «*Против бойкота*» напечатана в конце июля 1907 г. в брошюре «О бойкоте третьей Думы», которая была выпущена нелегальной социал-демократической типографией в Петербурге. На обложке ее было указано вымышленное место издания: «Москва, 1907. Типография Горизонтова, Тверская, 40». В сентябре 1907 г. брошюра была конфискована. — 221.

¹⁵⁵ Ленин имеет в виду работу К. Маркса «Второе воззвание Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих о франко-прусской войне» (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 17, с. 280—281). — 222.

¹⁵⁶ Статья «*Памяти графа Гейдена*» напечатана в большевистском сборнике «Голос жизни» (СПБ., 1907) со следующим примечанием редакции: «Написанная еще в июне, непосредственно за появлением панегирик «Товарища», статья эта по «независящим» от автора обстоятельствам не была напечатана. Давая ей место в настоящем сборнике, редакция полагает, что хотя повод, вызвавший статью, утратил уже значение для данного момента, тем не менее содержание ее и теперь сохраняет всю свою ценность».

«Независящими» от автора обстоятельствами обычно назывались помехи со стороны полиции и цензуры. В данном случае имелось в виду также и то, что в это время сборники большевиков были единственным изданием, где могла быть опубликована статья Ленина. — 223.

¹⁵⁷ «*Товарищ*» — ежедневная буржуазная газета; выходила в Петербурге с 15(28) марта 1906 по 30 декабря 1907 г. (12 января 1908). Формально газета не являлась органом какой-либо партии, фактически же была органом левых кадетов. В газете сотрудничали и меньшевики. — 223.

¹⁵⁸ *Октябристы* — члены партии октябристов (или «Союза 17 октября»), образовавшейся в России после опубликования царского манифеста 17(30) октября 1905 г. Это была контрреволюционная партия, представлявшая и защищавшая интересы крупной буржуазии и помещиков, хозяйничавших по-капиталистиче-

- ски. Октябристы полностью поддерживали внутреннюю и внешнюю политику царского правительства.— 223.
- ¹⁵⁹ «*Мирнообновленство*», «*мирнообновленцы*» — партия «мирного обновления», конституционно-монархическая организация крупной буржуазии и помещиков, окончательно оформившаяся в 1906 г. после роспуска I Государственной думы. Партия объединяла «левых октябристов» и «правых кадетов». Лидерами мирнообновленцев были П. А. Гейден, Н. Н. Львов, П. П. Рябушинский, М. А. Стахович, Е. Н. и Г. Н. Трубецкие, Д. Н. Шишов и др. По своей программе партия близко примыкала к октябристам. Деятельность партии была направлена на защиту интересов торгово-промышленной буржуазии и помещиков, ведущих хозяйство по капиталистически. В III Государственной думе партия «мирного обновления» объединилась с так называемой партией «демократических реформ» во фракцию «прогрессистов». — 225.
- ¹⁶⁰ Имеется в виду помещик Пеночкин из рассказа И. С. Тургенева «Бурмистр». — 226.
- ¹⁶¹ Речь идет о статье А. Маслова «О принципиальных и теоретических основах аграрной программы», опубликованной в журнале «Образование», 1907, № 2а, с. 117—126. — 231.
- ¹⁶² *Фабянцы* — члены Фабянского общества, английской реформистской организации, основанной представителями буржуазной интеллигенции в 1884 г. (свое название общество получило по имени римского полководца III в. до н. э. Фабия Максима, прозванного «Кунктатором» («Медлителем») за его выжидательную тактику, уклонение от решительных боев в войне с Ганнибалом). Членами Фабянского общества были преимущественно представители буржуазной интеллигенции; они отрицали необходимость классовой борьбы пролетариата и социалистической революции и утверждали, будто возможен переход от капитализма к социализму путем мелких реформ, постепенных преобразований общества, при помощи так называемого «муниципального социализма». В. И. Ленин охарактеризовал фабяниство как «направление к р а й-него оппортунизма» (Полн. собр. соч., т. 16, с. 338). В 1900 г. Фабянский союз вошел в лейбористскую партию. «Фабянский социализм» служит одним из источников идеологии лейбористов. — 232.
- ¹⁶³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 228. — 233.
- ¹⁶⁴ «*Вперед*» — нелегальная большевистская еженедельная газета; издавалась в Жепеве с 22 декабря 1904 (4 января 1905) по 5(18) мая 1905 г. Вышло 18 номеров. Организатором, идейным вдохновителем и непосредственным руководителем газеты был В. И. Ленин.

В состав редакции входили В. В. Воровский, М. С. Ольминский, А. В. Луначарский.

В. И. Ленин, определяя содержание газеты, писал: «Направление газеты «Вперед» есть *направление старой «Искры»*. Во имя старой «Искры» «Вперед» решительно борется с новой «Искрой»» (Полн. собр. соч., т. 9, с. 236).

Сплачивая местные партийные комитеты на основе ленинских принципов, газета «Вперед» обеспечила созыв III съезда партии, в основу решений которого были положены установки, выдвинутые и обоснованные В. И. Лениным на страницах газеты. Тактическая линия газеты «Вперед» стала тактической линией III съезда. Третий съезд партии в специальной резолюции отметил выдающуюся роль газеты «Вперед» в борьбе против меньшевизма, за восстановление партийности, в постановке и освещении выдвинутых революционным движением вопросов тактики, в борьбе за созыв съезда и выразил благодарность редакции газеты. По решению III съезда вместо газеты «Вперед» стала издаваться газета «Пролетарий» как Центральный Орган партии, которая явилась прямым и непосредственным продолжением газеты «Вперед». — 234.

¹⁶⁵ ППС — Польская социалистическая партия — реформнистская националистическая партия, созданная в 1892 г. В 1906 г. ППС раскололась на ППС-«левицу» и на правую, шовинистскую, так называемую ППС-«правизу». ППС-«левица» под влиянием партии большевиков, а также под воздействием СДКПиЛ (Социал-демократия Королевства Польского и Литвы) постепенно переходила на последовательно революционные позиции.

В годы первой мировой войны большая часть ППС-«левицы» заняла интернационалистскую позицию; в декабре 1918 г. она объединилась с СДКПиЛ. Объединенные партии образовали Коммунистическую рабочую партию Польши (так до 1925 г. называлась Коммунистическая партия Польши). В декабре 1948 г. ПНР (Польская рабочая партия) и ППС объединились и образовали Польскую объединенную рабочую партию (ПОРП). — 240.

¹⁶⁶ Работа «Аграрный вопрос в России к концу XIX века» написана В. И. Лениным для энциклопедического словаря, издаваемого товариществом братьев Гранат. По цензурным условиям работа в то время не была опубликована. — 241.

¹⁶⁷ См. примеч. 34. — 241.

¹⁶⁸ Балалайки — персонаж из произведения М. Е. Салтыкова-Щедрина «Современная идиллия», либеральный пустозвои, авантюрист и лжец. — 242.

¹⁶⁹ «Речь» — ежедневная газета, центральный орган партии кадетов; выходила в Петербурге с 23 февраля

- (8 марта) 1906 г. под фактической редакцией П. Н. Миллюкова и И. В. Гессена. — 242.
- 170 Цитата из поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». — 243.
- 171 *Трудовики* («Трудовая группа») — группа мелкобуржуазных демократов в Государственных думах России, состоявшая из крестьян и интеллигентов народнического толка. Фракция трудовиков образовалась в апреле 1906 г. из крестьянских депутатов I Государственной думы. В Государственной думе трудовики колебались между кадетами и социал-демократами. Эти колебания обуславливались самой классовой природой мелких хозяев — крестьян. Ввиду того что трудовики в какой-то мере представляли крестьянские массы, большевики в Думе проводили тактику соглашения с ними по отдельным вопросам для общей борьбы с царизмом и кадетами. — 245.
- 172 «*Народная воля*» — тайная политическая организация народников-террористов, возникшая в августе 1879 г. в результате раскола народнической организации «Земля и воля». Во главе «Народной воли» стоял Исполнительный комитет. Оставаясь на позициях народнического утопического социализма, народовольцы встали на путь политической борьбы, считая важнейшей задачей свержение самодержавия и завоевание политической свободы. — 245.
- 173 Речь идет о массовом студенческом движении в России, начавшемся осенью 1908 г. в Петербурге. Студенческое движение того времени было связано с реакционной политикой министра народного просвещения А. Н. Шварца, объявившего поход против остатков университетской автономии и стремившегося уничтожить все студенческие вольности, оставшиеся от 1905 г. — 247.
- 174 Имеется в виду решение Петербургского комитета РСДРП, опубликованное в отделе «Из партий» в газете «Пролетарий» № 36 от 3(16) октября 1908 г. Петербургский комитет призывал социал-демократические группы студенчества публично отмежеваться от обращения коалиционного студенческого совета и подчинить студенческое движение задачам социал-демократии в общенародной борьбе с царизмом. — 250.
- 175 «*Десять вопросов референту*» были написаны В. И. Лениным в Лондоне, куда он выезжал из Женевы для работы над книгой «Материализм и эмпириокритицизм», и посланы члену Большевикского центра и члену редакции газеты «Пролетарий» И. Ф. Дубровинскому в качестве тезисов для его выступления на реферате А. Богданова «Приключения одной философской школы», который состоялся в Женеве 15(28) мая 1908 г. В своем выступлении, основанном на ленинских тезисах, Дубровинский подверг резкой критике взгляды Богданова, заявил, что большевизм не имеет

- ничего общего с эмпириомонизмом, указал на несовместимость проповеди «богостроительства» с диалектическим материализмом.— 253.
- ¹⁷⁶ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 283—284.— 253.
- ¹⁷⁷ См. там же, с. 284, 302—306. 253.
- ¹⁷⁸ См.: Энгельс Ф. Анти-Дюринг (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 43).— 253.
- ¹⁷⁹ См. там же, с. 59.— 253.
- ¹⁸⁰ См. там же, с. 33—34, 115—116.— 253.
- ¹⁸¹ В. И. Ленин имеет в виду книгу Э. Маха «Erkenntnis und Irrtum. Skizzen zur Psychologie der Forschung» («Познапие и заблуждение. Эскизы психологии исследования»), посвященную «Вильгельму Шуппе в знак сердечного уважения». Первое издание книги вышло в Лейпциге в 1905 г.
- Ленинскую характеристику имманентной школы см. в работе «Материализм и эмпириокритицизм», особенно § 3 главы IV (Полн. собр. соч., т. 18, с. 218—227).— 254.
- ¹⁸² В. И. Ленин имеет в виду главу «Эмпириомонизм А. Богданова» в книге П. С. Юшкевича «Материализм и критический реализм. О философских направлениях в марксизме». СПб., 1908, с. 161—193.— 254.
- ¹⁸³ В. И. Ленин имеет в виду книгу И. Петцольдта «Das Weltproblem von positivistischem Standpunkte aus» («Проблема мира с позитивистской точки зрения»).— 254.
- ¹⁸⁴ См. письмо В. И. Ленина А. М. Горькому от 12(25) февраля 1908 г. (Полн. собр. соч., т. 47, с. 141—145).— 254.
- ¹⁸⁵ Непосредственным поводом к написанию книги «Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии» послужили вышедшие в 1908 г. книги русских махистов и особенно сборник статей В. Базарова, А. Богданова, А. В. Луначарского, Я. А. Бермана, О. И. Гельфонда, П. С. Юшкевича и С. А. Суворова под названием «Очерки по философии марксизма», в котором подвергался ревизии диалектический материализм. «Материализм и эмпириокритицизм» — главный философский труд В. И. Ленина. Его историческое значение состоит в дальнейшем развитии марксистской философии, в ответе на коренные философские вопросы, вставшие в тот период перед партией, в философском обобщении новейших достижений естествознания. В нем Ленин подверг всесторонней критике реакционную буржуазную идеалистическую философию и философский ревизионизм. Работа «Материализм и эмпириокритицизм» — образец большевистской партийности в борьбе против врагов марксизма, в которой органически сочетаются страстная революционность и глубокая научность.— 255.

- ¹⁸⁶ Речь идет о книге П. С. Юшкевича «Материализм и критический реализм. (О философских направлениях в марксизме)». Спб., «Зерно», 1908.—255.
- ¹⁸⁷ Открытие икс-лучей, лучей Беккереля, радия положило начало развитию атомной физики.— 255.
- ¹⁸⁸ Это открытие было сделано Дж. К. Максвеллом.— 255.
- ¹⁸⁹ При изучении явления радиоактивности были открыты особый рода излучения: альфа-, бета- и гамма-лучи. В 1903 г. Э. Резерфорд и Ф. Содди предположили, что радиоактивность представляет собой самопроизвольное превращение одних химических элементов в другие. Вслед за этим было установлено, что гелий образуется при распаде радия и других радиоактивных элементов, обладающих альфа-радиоактивностью.— 256.
- ¹⁹⁰ В. И. Ленин пользуется понятием эфира, общепринятым в физике еще в начале XX в. Идея эфира как особой материальной среды, заполняющей все пространство и являющейся носителем света, сил тяготения и т. п., была выдвинута в XVII в.— 256.
- ¹⁹¹ В. И. Ленин неоднократно указывал на ограниченный характер критики махизма Г. В. Плехановым. Борьба Плеханова против махизма сыграла положительную роль в защите марксистской философии от нападков ревизионистов. Однако он не дал глубокого теоретического анализа эмпириокритицизма, не раскрыл непосредственную связь махизма с кризисом естествознания, ограничившись критикой идеалистической гносеологии отдельных его представителей.— 256.
- ¹⁹² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 286.— 256.
- ¹⁹³ См. там же, т. 20, с. 60.— 256.
- ¹⁹⁴ «Вопросы Философии и Психологии» — журнал идеалистического направления; основан профессором Н. Я. Гротом; издавался в Москве с ноября 1889 по апрель 1918 г. В журнале печатались статьи по философии, психологии, логике, этике, эстетике, критические заметки и разборы учений и сочинений западноевропейских философов и психологов, обзоры философских книг и иностранных философских журналов и другие материалы. В 90-е гг. в нем участвовали «легальные марксисты», а в годы реакции — махисты. С 1894 г. журнал выходил под редакцией Л. М. Лопатина.—257.
- ¹⁹⁵ «Союз русского народа» — крайне реакционная, черносотенная организация монархистов; образовалась в октябре 1905 г. в Петербурге для борьбы с революционным движением. «Союз» объединял реакционных помещиков, крупных домовладельцев, купцов, чинов полиции, духовенство, городское мещанство, кулаков, деклассированные и уголовные элементы. «Союз» отстаивал незыблемость царского самодержавия, сохранение полукрепостнического помещичьего хозяйства, дворянских привилегий. Его программным лозунгом был монархический националистический лозунг вре-

- мен крепостного права — «православие, самодержавие, народность». Главным методом борьбы против революции «Союз» избрал погромы и убийства.— 257.
- ¹⁹⁶ Слова «*weg den Feind...*», представляющие перефразировку двустипшия И. В. Гёте, взяты В. И. Лениным из романа И. С. Тургенева «Новь». — 262.
- ¹⁹⁷ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956, с. 257—258.— 267.
- ¹⁹⁸ «*Deutsch-Französische Jahrbücher*» («Немецко-Французский Ежегодник») издавался в Париже под редакцией К. Маркса и А. Руге на немецком языке. Вышел в свет только первый, двойной выпуск в феврале 1844 г. В нем были опубликованы произведения К. Маркса «К еврейскому вопросу», «К критике гегелевской философии права. Введение», а также произведения Ф. Энгельса «Наброски к критике политической экономии» и «Положение Англии. Томас Карлейль. «Прошлое и настоящее»». Эти работы знаменуют окончательный переход Маркса и Энгельса к материализму и коммунизму. Главной причиной прекращения выхода журнала были принципиальные разногласия Маркса с буржуазным радикалом Руге.— 267.
- ¹⁹⁹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 21—22.— 268.
- ²⁰⁰ См. там же, т. 32, с. 571, т. 33, с. 138.— 268.
- ²⁰¹ См. там же, т. 22, с. 301—306.— 268.
- ²⁰² В. И. Ленин имеет в виду работы Ф. Энгельса «Анти-Дюринг» (1878), «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» (1888), «Введение к английскому изданию» (1892) работы «Развитие социализма от утопии к науке». — 268.
- ²⁰³ Поворот к Гегелю во второй половине XIX в. был характерен для развития буржуазной философии ряда европейских стран и США. Распространение гегелевской философии не привело к ее возрождению. Противоречивый характер философии Гегеля породил два противоположных направления в ее критике: К. Маркс и Ф. Энгельс, отчасти — русские революционные демократы развили ее революционную сторону, диалектику; буржуазные эпигоны Гегеля развивали (главным образом в духе субъективного идеализма) различные стороны его консервативной философской системы.— 269.
- ²⁰⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 371.— 269.
- ²⁰⁵ *Прагматизм* — субъективно-идеалистическое направление буржуазной (главным образом американской) философии эпохи империализма; возник в конце 70-х гг. XIX в. в США как отражение специфических черт развития американского капитализма, сменив господствовавшую религиозную философию. Центральной проблемой философии прагматисты считают проблему достижения истинного знания, однако самое понятие истины они совершенно извращают.

Критерием «истинности» (полезности) знания прагматисты считают опыт, понимаемый не как общественная практика человека, а как непрерывный поток индивидуальных переживаний, субъективных явлений сознания; этот опыт они рассматривают как единственную реальность, объявляя понятие материи и духа «устаревшими». Как и махисты, прагматисты претendent на создание «третьей линии» в философии, пытаются стать выше материализма и идеализма, отстраняя на деле одну из разновидностей идеализма. — 272.

²⁰⁶ *«Заграничная Газета»* («Gazette Etrangère») — еженедельник группы русских эмигрантов; выходил в Женеве с 16 марта по 13 апреля 1908 г. В четырех номерах газеты, вышедших за это время, освещалась главным образом жизнь русских эмигрантов и помещались материалы о событиях в России и за границей. На страницах газеты велась пропаганда «богостроительства» и махизма. — 273.

²⁰⁷ *«Образование»* — ежемесячный легальный литературный научно-популярный и общественно-политический журнал; выходил в Петербурге с 1892 по 1909 г. В 1902—1908 гг. в журнале печатались статьи социал-демократов. — 273.

²⁰⁸ *«Голос Социал-Демократа»* — газета, заграничный орган меньшевиков; выходила с февраля 1908 по декабрь 1911 г. сначала в Женеве, затем в Париже. Редакторами ее были П. Б. Аксельрод, Ф. И. Дан, Л. Мартов, А. Мартынов и Г. В. Плеханов. После выхода из редакции Г. В. Плеханова, осудившего ликвидаторскую позицию газеты, «Голос Социал-Демократа» окончательно определялся как идейный центр ликвидаторов. — 276.

²⁰⁹ Имеется в виду выступление депутата III Государственной думы социал-демократа П. И. Суркова при обсуждении сметы расходов Синода на заседании Думы 14(27) апреля 1909 г. — 278.

²¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 415. — 278.

²¹¹ Там же, т. 18, с. 510—517. — 279.

²¹² Там же, т. 20, с. 328—330. — 279.

²¹³ *Эрфуртская программа Германской социал-демократической партии* была принята в сентябре 1891 г. на съезде в Эрфурте. Эрфуртская программа была шагом вперед по сравнению с Готской программой (1875); в основу программы было положено учение марксизма о неизбежности гибели капиталистического способа производства и замены его социалистическим; в ней подчеркивалась необходимость для рабочего класса вести политическую борьбу, указывалось на роль партии как руководителя этой борьбы и т. п.; по и в Эрфуртской программе содержались серьезные уступки оппортунизму. — 279.

- ²¹⁴ Имеется в виду «Введение» Ф. Энгельса к брошюре К. Маркса «Гражданская война во Франции» (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 195). — 280.
- ²¹⁵ «Голос Москвы» — ежедневная газета, орган октябристов; выходила в Москве с 1906 по 1915 г. — 287.
- ²¹⁶ *Отзовизм* — оппортунистическая группа, возникшая среди большевиков, возглавлялась А. Богдановым. Прикрываясь революционными фразами, отзовисты требовали отъезда социал-демократических депутатов из III Государственной думы и прекращения работы в легальных организациях. Заявляя, что в условиях реакции партия должна вести только нелегальную работу, отзовисты отказывались от участия в Думе, в рабочих профессиональных союзах, кооперативных и других массовых легальных и полулегальных организациях и считали необходимым сосредоточить всю партийную работу в рамках нелегальной организации. — 292.
- ²¹⁷ *Богостроительство* — враждебное марксизму религиозно-философское течение, которое возникло в период столыпинской реакции среди части партийных интеллигентов, отошедших от марксизма после поражения революции 1905—1907 гг. Богостроители проповедовали создание новой, «социалистической» религии, пытались примирить марксизм с религией. К ним одно время примыкал и М. Горький. — 292.
- ²¹⁸ Речь идет о журнале, который предполагал издавать А. М. Горький; издание журнала не осуществилось. — 294.
- ²¹⁹ Речь идет о школе, организованной в 1909 г. на о. Капри (Италия) отзовистами, ультиматистами и богостроителями как попытка создать идейно-организационный центр новой антибольшевистской фракции. — 295.
- ²²⁰ Речь идет о Центральном Органе РСДРП — нелегальной газете «Социал-Демократ». Газета издавалась с февраля 1908 по январь 1917 г. Первый номер, подготовленный большевиками и частично уже отпечатанный в Вильно в частной типографии, был конфискован царской охранкой. Вскоре в Петербурге была сделана вторая попытка выпустить газету. Большая часть напечатанного тиража также попала в руки жандармов. В дальнейшем издание газеты было перенесено за границу (Париж, Женева). Всего вышло 58 номеров. Фактически руководителем газеты был В. И. Ленин. Его статьи занимали в «Социал-Демократе» центральное место. В газете было опубликовано более 80 статей и заметок В. И. Ленина. — 301.
- ²²¹ См. примеч. 41. — 301.
- ²²² См. примеч. 215. — 301.
- ²²³ «Россия» — ежедневная газета реакционного, черносотенного характера; выходила в Петербурге с ноября 1905 по апрель 1914 г. С 1906 г. — орган мини-

- стерства внутренних дел. Газета субсидировалась из секретного («репительного») фонда правительства, отпущенного в распоряжение министра внутренних дел. В. И. Ленин называл «Россию» «полицейски-продажной газеткой» (Полн. собр. соч., т. 19, с. 55).— 302.
- 224 Речь идет о *III Государственной думе* (официальное название — Государственная дума третьего созыва). III Дума работала с 1(14) ноября 1907 по 9(22) июня 1912 г. III Дума была черносотенно-октябристской по своей классовой природе и партийному составу; она являлась послушным орудием царского правительства в проведении его контрреволюционной политики насилия и репрессий по отношению к революционным силам России.— 302.
- 225 *Крестьянский союз* (Всероссийский крестьянский союз) — революционно-демократическая организация, возникшая в 1905 г. Крестьянский союз требовал политических свобод и немедленного созыва учредительного собрания, придерживался тактики бойкота I Государственной думы. Аграрная программа Союза включала требование отмены частной собственности на землю, передачи крестьянам без выкупа монастырских, церковных, удельных, кабинетских и государственных земель. Крестьянский союз, находясь под влиянием эсеров и либералов, проявлял мелкобуржуазную половинчатость, колебания и нерешительность. Требуя ликвидации помещичьей собственности на землю, Союз соглашался на частичное вознаграждение помещиков. По словам Ленина, это была «организация, разделявшая, конечно, ряд крестьянских предубеждений, податливая к мелкобуржуазным иллюзиям крестьянина (как податливы к ним и наши социалисты-революционеры), но безусловно «почвенная», реальная организация масс, безусловно революционная в своей основе, способная применять действительно революционные методы борьбы» (Полн. собр. соч., т. 12, с. 334). С первых же шагов своей деятельности Крестьянский союз подвергался полицейским репрессиям. В начале 1907 г. Союз прекратил свое существование.— 310.
- 226 «*Колокол*» — политический журнал, выходил под девизом «*Vivos voco!*» («Зову живых!»). Издавался А. И. Герценом и Н. П. Огаревым в основанной Герценом Вольной русской типографии с 1 июля 1857 по апрель 1865 г. в Лондоне и с мая 1865 по июль 1867 г. в Женеве; выходил ежемесячно, а некоторое время два раза в месяц. Вышло 245 номеров. «Колокол» стоял во главе революционной бесцензурной печати, предшествовавшей появлению рабочей печати в России, и сыграл важную роль в развитии общедемократического и революционного движения, в борьбе против самодержавия и крепостничества.— 310.
- 227 «*Полярная Звезда*» — литературно-политический сбор-

ник; издавался в 1855—1862 гг. в Лондоне, в основанной А. И. Герценом Вольной русской типографии; последняя книга сборника вышла в Женеве в 1868 г. Вышло всего 8 книг. Первые три книги сборника были изданы А. И. Герценом, последующие — А. И. Герценом и Н. П. Огаревым. «Полярная Звезда» сыграла значительную роль в развитии передовой русской литературы и общественной мысли. — 311.

²²⁸ Имеется в виду восстание крестьян в селе Бездна Спасского уезда, Казанской губернии. Опубликование манифеста и Положений 19 февраля 1861 г. об условиях отмены крепостного права вызвало разочарование и возмущение обманутых в своих надеждах крестьян. Они не поверили в подлинность оглашенного текста Положений и считали, что помещики и чиновники скрывают настоящие Манифест и Положения. Весной 1861 г. в ряде губерний произошли крестьянские волнения. Наиболее крупным выступлением было выступление крестьян села Бездна. Движение возглавил молодой бездненский крестьянин Аптон Петров. Восстание в Бездне было жестоко подавлено. 12(24) апреля 1861 г. по приказу генерала Апраксина была расстреляна безоружная 4-тысячная толпа крестьян. По официальному донесению казанского военного губернатора министру внутренних дел, был убит и умер от ран 91 человек, свыше 350 человек было ранено. 19 апреля (1 мая) был расстрелян Антон Петров. Из 16 крестьян, преданных военному суду, 5 были приговорены к наказанию розгами и заключению в тюрьму на разные сроки. Трагедия в Бездне вызвала широкий отклик в передовых слоях русского общества. Подробное описание бездненской трагедии дал в «Колоколе» А. И. Герцен. — 312.

²²⁹ О какой статье идет речь, установить не удалось. — 314.

²³⁰ «Запросы Жизни» — еженедельный журнал; выходил в Петербурге в 1909—1912 гг. В журнале сотрудничали кадеты, «пародные социаллисты» и меньшевики-ликвидаторы. В. И. Ленин называл этот журнал «ликвидаторски-трудовическо-вехистским». — 314.

²³¹ Объяснения министра народного просвещения Л. А. Кассо в IV Государственной думе были вызваны запросом 44 депутатов Думы 14(27) декабря 1912 г. по поводу ареста 34 учащихся средних учебных заведений Петербурга на собрании в частной гимназии Витмер. Учащиеся были заподозрены охраним отделением в принадлежности к нелегальному кружку. Запрос обсуждался на 12, 17, 18, 19 и 20-м заседаниях Думы. 6(19) февраля 1913 г. большинством голосов была принята формула перехода к очередным делам, признавшая объяснения царского министра неудовлетворительными. — 318.

- ²³² *Прогрессисты* — политическая группировка русской либерально-монархической буржуазии, которая на выборах в Государственные думы и в Думах пыталась объединить под флагом «беспартийности» элементы из разных буржуазно-помещичьих партий и групп. — 319.
- ²³³ Попечитель Киевского учебного округа Н. И. Пиров резко критиковал существовавшую систему воспитания, пропагандировал общее образование, выступал против ограничения прав образования по сословному или национальному признакам. В то же время придерживался в ряде вопросов реакционных взглядов, в том числе допускал телесные наказания учащихся. — 319.
- ²³⁴ Статья была написана В. И. Лениным к 30-летию со дня смерти К. Маркса.

«*Просвещение*» — ежемесячный большевистский теоретический легальный журнал; издавался в Петербурге с декабря 1911 по июнь 1914 г. Тираж журнала доходил до 5 тыс. экземпляров.

Журнал был создан по инициативе В. И. Ленина вместо закрытого царским правительством большевистского журнала «Мысль», выходившего в Москве. В журнале принимали участие В. В. Воровский, А. И. Ульянова-Елизарова, Н. К. Крупская, В. М. Молотов, М. С. Ольминский, И. В. Сталин, М. А. Савельев. К руководству беллетристическим отделом «Просвещения» Ленин привлек А. М. Горького. Ленин из Парижа, а затем из Кракова и Поронина руководил «Просвещением», редактировал статьи, вел регулярную переписку с членами редакционной коллегии. В журнале были опубликованы работы Ленина «Три источника и три составных части марксизма», «Критические заметки по национальному вопросу», «О праве наций на самоопределение» и др.

Журнал разоблачал оппортунистов — ликвидаторов, отзовистов, троцкистов, а также буржуазных националистов, освещал борьбу рабочего класса в условиях нового революционного подъема, пропагандировал большевистские лозунги в избирательной кампании в IV Государственную думу; он выступал против ревизионизма и центризма в партиях II Интернационала. Журнал сыграл большую роль в марксистском интернациональном воспитании передовых рабочих России.

Накануне первой мировой войны журнал «Просвещение» был закрыт царским правительством. Осенью 1917 г. издание журнала возобновилось, но вышел только один номер (двойной), в нем были напечатаны работы Ленина «Удержат ли большевики государственную власть?» и «К пересмотру партийной программы». — 323.

- ²³⁵ См.: Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии; Энгельс Ф. Анти-Дюринг; Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии.— 324.
- ²³⁶ *«К вопросу о политике министерства народного просвещения»* — проект речи, написанный В. И. Лениным для выступления в Думе большевистского депутата. С речью по этому вопросу на заседании 4(17) июня 1913 г. выступил А. Е. Бадаев при обсуждении доклада бюджетной комиссии по смете расходов на 1913 г. министерства народного просвещения. Он почти дословно огласил в Думе ленинский проект, но речь не была закончена. За выражение: «Не заслуживает ли это правительство, чтобы народ его выгнал?» — Бадаев был лишен слова.— 328.
- ²³⁷ В большевистском журнале «Просвещение» № 2 (февраль 1913 г.) была напечатана басня Демьяна Бедного «Свеча». За это номер журнала был конфискован, а редактор его арестован.— 334.
- ²³⁸ *«Невская Звезда»* — большевистская легальная газета; издавалась в Петербурге с 26 февраля (10 марта) по 5(18) октября 1912 г. Вышло 27 номеров. «Невская Звезда» сыграла важную роль в разоблачении меньшевиков, троцкистов, буржуазных либералов и других врагов революции. В. И. Ленин называл ее рабочей газетой «большой политической важности и непосредственно актуального значения» (Полн. собр. соч., т. 21, с. 458).— 334.
- ²³⁹ Речь идет о *XII Пироговском съезде врачей*, состоявшемся в Петербурге с 29 мая (11 июня) по 5(18) июня 1913 г. На съезде присутствовало около 1500 человек.— 341.
- ²⁴⁰ *Неомальтузианство* — разновидность реакционной, челоконенавистнической теории английского буржуазного экономиста — священника Р. Мальтуса (1766—1834), направленной на защиту капитализма, пытающейся все связанные с ним социальные бедствия объяснить естественными причинами и тем самым отвлечь трудящиеся массы от борьбы против капиталистического строя. Мальтус утверждал, что не капитализм и эксплуатация являются причинами обнищания трудящихся, а превышение роста народонаселения над ростом производства средств существования и что устранение всех социальных бедствий якобы возможно путем искусственного сокращения роста народонаселения, т. е. воздержания от браков и деторождения.
- В России идеи мальтузианства проводили П. Струве, М. Туган-Барановский, С. Булгаков и др., пытавшиеся объяснить обнищание и разорение крестьянских масс России перенаселением.
- Мальтузианство, оправдывающее эпидемии, войны

как средства сокращения численности населения, широко используется современными идеологами империализма для оправдания реакционной политики колониализма и подготовки войны. — 341.

- ²⁴¹ *«Русское Слово»* — ежедневная газета; выходила в Москве с 1895 г.; издавалась И. Д. Сытинным. Формально беспартийная, газета защищала интересы русской буржуазии с умеренно либеральных позиций. — 341.
- ²⁴² *I Общеземский съезд по статистике народного образования* состоялся в Харькове с 12(25) июня по 18 июня (1 июля) 1913 г. Из 155 делегатов в работе съезда участвовали 107. Съезд принял свыше 20 постановлений-рекомендаций по общим вопросам статистики народного образования, школьной статистики и статистики внешкольного образования. — 347.
- ²⁴³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 227—229. — 349.
- ²⁴⁴ *«Тезисы по национальному вопросу»* написаны В. И. Лениным в связи с его рефератами по национальному вопросу, прочитанными 9, 10, 11 и 13 июля (н. ст.) 1913 г. в городах Швейцарии: Цюрихе, Женева, Лозанне и Берне. На эти рефераты приходили не только большевики, но и представители эмигрантских групп других социалистических партий. — 350.
- ²⁴⁵ *«Лейпцигская Народная Газета»* («*Leipziger Volkszeitung*») — немецкая социал-демократическая ежедневная газета. Выходила с 1894 по 1933 г. — 352.
- ²⁴⁶ *«Киевская Мысль»* — ежедневная газета буржуазно-демократического направления, издававшаяся в Киеве с 1906 по 1918 г. — 362.
- ²⁴⁷ *Совещание ЦК РСДРП с партийными работниками* (по конспиративным соображениям названное «летним») проходило 23 сентября — 1 октября (6—14 октября) 1913 г. в деревне Поронцо (около Кракова), где в то время жил В. И. Ленин. Это было второе после Пражской конференции расширенное совещание ЦК, которое подвело итог работы большевистской партии за время после Краковского совещания ЦК и определило новые задачи партии. Одним из главных вопросов на совещании был национальный вопрос, выдвинувшийся в то время на видное место среди других вопросов общественной жизни России.

В докладе по национальному вопросу Ленин подчеркивал, что борьба против национального угнетения неразрывно связана с борьбой против царизма, за свободу и демократию. Борьба эта может быть успешной при условии сплочения рабочих всех национальностей России в единых пролетарских организациях. Совещание, опираясь на программу партии, решительно отвергло оппортунистическое требование меньшевиков и бундовцев «культурно-национальной автономии» и приняло разработанные В. И. Лениным

программные положения в национальном вопросе. Собрание подтвердило, что основным лозунгом партии по национальному вопросу остается лозунг права наций на самоопределение.— 364.

²⁴⁸ Бунд («Всеобщий еврейский союз в Литве, Польше и России») был организован в 1897 г. на учредительном съезде еврейских социал-демократических групп в Вильно; обещания преимущественно полупролетарские элементы еврейских ремесленников западных областей России. На I съезде РСДРП Бунд вошел в состав РСДРП «как автономная организация, самостоятельная лишь в вопросах, касающихся специально еврейского пролетариата».

Бунд являлся носителем национализма и сепаратизма в рабочем движении России. На II съезде РСДРП, после того как было отвергнуто требование Бунда признать его единственным представителем еврейского пролетариата, Бунд вышел из партии. В 1906 г. на основании решения IV (Объединительного) съезда партии Бунд вновь вошел в состав РСДРП.— 364.

²⁴⁹ В. И. Ленин имеет в виду решение августовской конференции ликвидаторов в 1912 г. в Вене, признавшей совместимым с программой РСДРП оппортунистический лозунг «культурно-национальной автономии».— 364.

²⁵⁰ «Культурно-национальная автономия» — буржуазно-националистическая программа решения национального вопроса, выдвинутая оппортунистическими руководителями австрийской социал-демократии — К. Реннером (Шпрингером), О. Бауэром. В России она была подхвачена всеми оппортунистическими и националистическими организациями и группами, в особенности Бундом, кавказскими, украинскими и другими ликвидаторами. Суть ее сводилась к искусственному конституированию нации по признаку «общности судьбы», языка, «общности характера» и т. п. Такие нации должны были избирать свой национальный парламент, который ведал бы вопросами «национальной культуры». Программа предполагала разделение школьного обучения, партийных, профессиональных и других организаций трудящихся по национальному признаку. Ее классовое назначение заключалось в раздувании национальной розни в противовес интернациональному сплочению пролетариата всех наций для борьбы с самодержавием и капиталом. Большевики во главе с В. И. Лениным настойчиво и непримиримо разоблачали антинаучную и классово враждебную пролетариату сущность этой программы.— 366.

²⁵¹ Речь идет о раздвоении школьного дела по национальностям, что являлось основным требованием буржуазно-националистической программы «культурно-национальной автономии».— 368.

- ²⁵² Имеется в виду конференция мелкобуржуазных, левонароднических партий разных наций, или *конференция национально-социалистических партий России*, которая состоялась 16—20 апреля 1907 г. в Финляндии. — 368.
- ²⁵³ Речь идет о статье В. И. Ленина «Либералы и демократы в вопросе о языках», опубликованной в № 29 «Северной Правды» от 5 сентября 1913 г. (см.: Полн. собр. соч., т. 23, с. 423—426). «Северная Правда» — одно из названий ежедневной легальной большевистской газеты «Правда», выходившей в Петербурге с 22 апреля (5 мая) 1912 г. — 370.
- ²⁵⁴ Речь идет о статье Л. Юркевича «Російські марксісти і український робітничий рух», опубликованной в журнале «Дзвін», 1913, № 7—8, с. 83—94.
«Дзвін» («Колокол») — ежемесячный легальный националистический журнал меньшевистского направления; издавался на украинском языке в Киеве с января 1913 г. до середины 1914 г. Всего вышло 18 номеров. В журнале принимали участие В. Винниченко, Л. Юркевич (Рыбалка), С. Петлюра, Г. Алексинский, П. Аксельрод, Л. Троцкий и др. С началом первой мировой войны журнал прекратил свое существование. — 373.
- ²⁵⁵ Дело Бейлиса — провокационный судебный процесс, организованный в 1913 г. в Киеве царским правительством против еврея Бейлиса, ложно обвиненного в убийстве христианского мальчика Ющинского с ритуальной целью (в действительности убийство было организовано черносотенцами). — 376.
- ²⁵⁶ См. примеч. 165. — 377.
- ²⁵⁷ «Луч» — ежедневная легальная газета меньшевико-ликвидаторов, выходила в Петербурге с 16(29) сентября 1912 по 5(18) июля 1913 г. Вышло 237 номеров. Газета в основном существовала на пожертвования либералов. На страницах газеты ликвидаторы выступали против революционной тактики большевиков, проповедовали оппортунистический лозунг создания так называемой открытой партии, выступали против революционных массовых стачек рабочих, пытались ревизовать важнейшие положения партийной программы. — 377.
- ²⁵⁸ Имеется в виду резолюция по национальному вопросу, принятая съездом Австрийской социал-демократической партии, проходившим в г. Брюнне (Австрия) в сентябре 1899 г. — 378.
- ²⁵⁹ Приведенные записи взяты В. И. Лениным из статистического свода «Однодневная перепись начальных школ в Империи, произведенная 18 января 1911 г. Выпуск I, часть 2-я. С.-Петербургский учебный округ. Губернии: Архангельская, Вологодская, Новгородская, Олопецкая, Псковская и С.-Петербургская». С.-Петербург, 1912, с. 72. — 379.

²⁶⁰ Статья была написана В. И. Лениным в связи с Всероссийским съездом по народному образованию, который должен был состояться в конце декабря 1913 г. в Петербурге, во время зимних школьных каникул. Большевики стремились использовать съезд учителей как одну из легальных возможностей для распространения большевистских идей и революционных требований. По своему содержанию эта статья тесно связана с работой В. И. Ленина «К вопросу о политике министерства народного просвещения» (Полн. собр. соч., т. 23, с. 125—135).— 380.

²⁶¹ См. примеч. 259.— 380.

²⁶² См. примеч. 259.— 383.

²⁶³ Ленин имеет в виду заявление депутата-большевика Ф. Н. Самойлова на заседании Государственной думы 26 ноября (9 декабря) 1913 г. в связи с обсуждением законопроекта о прибавке жалованья законоучителям низших сельскохозяйственных школ. Есть основание предполагать, что проект заявления был написан или, во всяком случае, отредактирован В. И. Лениным.

От имени Российской с.-д. рабочей фракции Самойлов заявил:

«Принимая во внимание:

1) что социал-демократия всегда отстаивала принцип отделения церкви от государства и школы от церкви, что, в частности, воплощалось в требовании полного удаления преподавания закона божьего в школах и недопущения со стороны государства каких бы то ни было ассигновок на содержание духовенства;

2) что в условиях русской действительности именно священники и законоучители низших школ являлись и продолжают являться одним из наиболее надежных оплотов реакционной политики правительства и свейшего Синода, стремящихся путем использования наивного религиозного чувства детей и населения оправдать в глазах последних при помощи религиозного авторитета ту же реакционную политику;

3) что, борясь всегда за увеличение нищенского содержания учителям народных школ, социал-демократия не может, однако, не рассматривать предложенную поправку к существующему закону как попытку еще теснее привязать законоучителей низших школ к существующей системе церковной и бюрократической иерархии все в тех же целях систематического одурманивания детей и во имя той же реакционной политики, надежными проводниками которой они являются.

Принимая все это во внимание, социал-демократическая фракция будет голосовать против предложенной поправки об установлении прибавок за заслуги лет к жалованью законоучителей низших сельскохозяй-

- ственных народных школ» («За Правду» № 45, 27 ноября (10 декабря) 1913 г.). — 384.
- ²⁶⁴ «Передовщина» — по имени учителя гимназии Передонова — героя романа Ф. Сологуба «Мелкий бес». Передонов — типичный представитель старой дореволюционной гимназии, где царила затхлость, рутинность, казенщина, самодурство учителей над забитыми, отупляемыми всем школьным укладом учениками. Ленин дает характеристику Передонова в работе «К вопросу о политике министерства народного просвещения» (см.: Полн. собр. соч., т. 23, с. 125—135). — 385.
- ²⁶⁵ «Новая Рабочая Газета» — ежедневная газета меньшевиков-ликвидаторов, издавалась в Петербурге вместо «Живой Жизни» с 8(21) августа 1913 до 23 января (5 февраля) 1914 г. Ленин неоднократно называл ее «Новой Ликвидаторской Газетой». — 387.
- ²⁶⁸ Имеется в виду параграф 8 программы РСДРП, принятой на II съезде партии, в котором провозглашалось право населения получать образование на родном языке; право каждого гражданина объясняться на родном языке на собраниях; введение родного языка наравне с государственным во всех местных общественных и государственных учреждениях (см.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, т. 1. 8-е изд. М., 1970, с. 63). — 387.
- ²⁶⁷ См. примеч. 259. — 389.
- ²⁶⁸ «День» — ежедневная либерально-буржуазная газета. Была основана в 1912 г. в Петербурге И. Д. Сытным. Издавалась на средства банков. В газете принимали участие меньшевики-ликвидаторы. — 393.
- ²⁶⁹ См. примеч. 144. — 393.
- ²⁷⁰ См. примеч. 28. — 393.
- ²⁷¹ Н. К. Крупской был подготовлен проект речи для выступления в IV Государственной думе большевистского депутата. В текст, написанный Н. К. Крупской, В. И. Ленин внес некоторые изменения и дополнения. — 395.
- ²⁷² Рукопись «К вопросу о национальной политике» является проектом речи, с которой должен был выступить в IV Государственной думе большевистский депутат Г. И. Петровский. В связи с изгнанием из Думы на 15 заседаний левых депутатов 22 апреля (5 мая) 1914 г. (подробнее об этом см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 128—130) эту речь произнести не удалось. — 399.
- ²⁷³ Польское коло — объединение польских депутатов в Государственных думах. В I и II Государственных думах руководящее ядро в этом объединении принадлежало национал-демократам — членам реакционной, националистической партии польских помещиков и

- буржуазии. По всем основным вопросам думской тактики Польское коло поддерживало октябристов.—399.
- ²⁷⁴ *Эклектизм* — отсутствие целостности, последовательности во взглядах, беспринципное сочетание разнородных, несовместимых, противоположных воззрений.—401.
- ²⁷⁵ Богданов А. Краткий курс экономической науки. 9-е изд. М., Дороватовский и Чарушников, 1906. 288, 22 с.—402.
- ²⁷⁶ «Проект закона о равноправии наций и о защите прав национальных меньшинств» написан В. И. Лениным для внесения большевистской фракцией в IV Государственную думу. 6(19) мая 1914 г. В. И. Ленин в письме С. Г. Шаумяну изложил план «Проекта». Внесение «Проекта» в Думу Ленин придавал особое значение. «Мне сдается,— писал он,— этим путем можно было бы популярно разъяснить глупость культурно-национальной автономии и *убить* сторонников этой глупости окончательно» (Полн. собр. соч., т. 48, с. 291). Законопроект внести в Думу не удалось.—405.
- ²⁷⁷ См. примеч. 254.—407.
- ²⁷⁸ Одно из названий легальной большевистской газеты «Правда», выходившей в Петербурге с 22 апреля (5 мая) 1912 г.—408.
- ²⁷⁹ Письмо В. И. Ленина вызвано появлением в газете «Русское Слово» № 219 от 22 сентября 1913 г. статьи А. М. Горького «О карамазовщине» с протестом против цензурировки Московским Художественным театром реакционного романа Ф. М. Достоевского «Бесы». Буржуазная пресса выступила в защиту пьесы Достоевского. Горький ответил новой статьей — «Еще о карамазовщине», которая была напечатана в № 248 «Русского Слова» от 27 октября 1913 г.
- В больших выдержках, но без заключительного абзаца ответ Горького был перепечатан 28 октября (10 ноября) в газете «Речь» № 295. На следующий день эта статья Горького, включая также и заключительный абзац, полностью процитированный Лениным в письме, была перепечатана ликвидаторской «Новой Рабочей Газетой» № 69.—410.
- ²⁸⁰ См. примеч. 217.—410.
- ²⁸¹ Статью «Карл Маркс (Краткий биографический очерк с изложением марксизма)» В. И. Ленин написал для самого популярного в то время в России Энциклопедического словаря Гранат.—417.
- ²⁸² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 500—501 и 495.—418.
- ²⁸³ Совет объединенного дворянства — контрреволюционная организация крепостников-помещиков, оформившаяся в мае 1906 г. на первом съезде уполномоченных губернских дворянских обществ и существовавшая до октября 1917 г. Основной целью организации была

защита самодержавного строя, крупного помещичьего землевладения и дворянских привилегий. Ленин называл Совет объединенного дворянства «советом объединенных крепостников». Совет объединенного дворянства фактически превратился в полуправительственный орган, диктовавший правительству законодательные мероприятия, направленные к защите интересов крепостников. Значительное число членов Совета объединенного дворянства входило в Государственный совет и руководящие центры черносотенных организаций. — 420.

²⁸⁴ В. И. Ленин приводит цитату из романа Н. Г. Чернышевского «Пролог» (см.: Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. XIII. М., 1949, с. 197). — 420.

²⁸⁵ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 509. — 421.

²⁸⁶ См. там же, т. 16, с. 79. — 421.

²⁸⁷ Статья «Военная программа пролетарской революции» (В. И. Ленин в переписке называет ее «Entwaffnung» — «О разоружении») была написана на немецком языке и предназначалась к опубликованию в печати швейцарских, шведских и норвежских левых социал-демократов. Но в то время она не была напечатана. Вскоре Ленин несколько переработал статью для издания ее на русском языке. Статья под заглавием «О лозунге «разоружения» была напечатана в «Сборнике «Социал-Демократа» № 2 в декабре 1916 г. (см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 151—162). — 424.

²⁸⁸ «*Jugend-Internationale*» («Интернационал Молодежи») — орган Международного союза социалистических организаций молодежи, примыкавшего к Циммервальдской левой; выходил с сентября 1915 по май 1918 г. в Цюрихе; редактировался В. Мюнденбергом. — 427.

²⁸⁹ В. И. Ленин имеет в виду Фабианское общество. См. о нем примеч. 162. — 427.

²⁹⁰ Рабочая партия (Labour Party) Англии основана в 1900 г. как объединение профсоюзов — тред-юнионов, социалистических организаций и групп в целях проведения рабочих представителей в парламент («Комитет рабочего представительства»). В 1906 г. Комитет переименовался в Рабочую (лейбористскую) партию. Члены тред-юнионов автоматически являются членами партии при условии уплаты партийных взносов. К лейбористской партии тесно примыкают Кооперативная партия, входящая в нее на правах коллективного члена, и Независимая рабочая партия.

Лейбористская партия, сложившаяся первоначально как рабочая партия по составу (в дальнейшем в нее вошло значительное количество мелкобуржуазных элементов), является по своей идеологии и тактике оппортунистической организацией. С момента возникновения партии ее лидеры проводят политику классового сотрудничества с буржуазией. — 427.

- ²⁹¹ «Оксисты» — сторонники Организационного комитета (ОК) — руководящего центра меньшевиков, ликвидаторов. — 428.
- ²⁹² «Доклад о революции 1905 года» был прочитан В. И. Лениным на немецком языке 9(22) января 1917 г. в цюрихском народном доме на собрании швейцарской рабочей молодежи. — 431.
- ²⁹³ Историю написания работы «Задачи пролетариата в нашей революции» см. в «Послесловии» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 184—186). — 435.
- ²⁹⁴ Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б) была созвана по решению ЦК РСДРП(б), принятому между 4 и 8 (17 и 21) апреля, и происходила в Петрограде 24—29 апреля (7—12 мая) 1917 г. Это была первая конференция партии в легальных условиях. — 436.
- ²⁹⁵ Книга В. И. Ленина «Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции» — выдающееся произведение творческого марксизма, в котором впервые наиболее полно и систематически изложено марксистское учение о государстве. — 439.
- ²⁹⁶ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 201. — 439.
- ²⁹⁷ См. там же, с. 1—8. — 439.
- ²⁹⁸ См. там же, с. 27. — 441.
- ²⁹⁹ См. там же. — 441.
- ³⁰⁰ См. там же, т. 4, с. 446. — 442.
- ³⁰¹ См.: Маркс К. Гражданская война во Франции (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 17, с. 344). — 443.
- ³⁰² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 5. — 443.
- ³⁰³ См. там же, с. 18. — 446.
- ³⁰⁴ См. там же, с. 19. — 447.
- ³⁰⁵ См. там же. — 447.
- ³⁰⁶ См. там же, с. 20. — 448.
- ³⁰⁷ Шейлок — персонаж из комедии В. Шекспира «Венецианский купец»; жестокий и черствый ростовщик, неумолимо требовавший вырезать, по условиям векселя, фунт мяса у своего неисправного должника. — 449.
- ³⁰⁸ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 59—64. — 453.
- ³⁰⁹ Речь идет о плане брошюры для рабочих, которую намеревалась написать в то время И. Ф. Арманд. Брошюра в печати не появилась. — 456.
- ³¹⁰ Книга Н. К. Крупской «Народное образование и демократия» не была издана «Парусом», как предполагалось, и появилась в печати лишь в 1917 г. в издании «Жизнь и Знание». — 460.
- ³¹¹ К письму был приложен план работы, написанный Н. К. Крупской. Об издании «Педагогического словаря» см.: Крупская Н. К. Пед. соч. В 6-ти тт. Т. 1. М., 1978, с. 240—243. — 461.

Указатель имен

А

А. М. — см. Горький, Максим.

Ал. М-ч — см. Горький, Максим.

Абрамович, А. Е. (род. в 1888 г.) — член РСДРП с 1908 г. В 1911—1917 гг. — политэмигрант, проживал в Швейцарии. Принимал активное участие в швейцарском рабочем движении. После Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г. вместе с В. И. Лениным вернулся в Россию. После Октябрьской социалистической революции служил в Красной Армии, работал в Коминтерне. — 461.

Авенариус (Avenarius), *Рихард* (1843—1896) — немецкий буржуазный философ, субъективный идеалист, один из основателей эмпириокритицизма. — 260—264, 269, 271, 272, 274, 293.

Аксельрод, П. Б. (1850—1928) — один из лидеров меньшевизма. С 1900 г. — член редакции «Искры» и «Зари»; со II съезда РСДРП — меньшевик. В годы реакции — один из руководителей ликвидаторства; в 1912 г. участвовал в антипартийном Августовском блоке. В годы первой мировой войны — центрист. После Февральской революции 1917 г. — член Исполкома Петроградского Совета, поддерживал

буржуазное Временное правительство. Октябрьскую социалистическую революцию встретил враждебно; находясь в эмиграции, пропагандировал вооруженную интервенцию против Советской России. — 118, 403.

Александр II (Романов) (1818—1881) — русский император (1855—1881). — 106, 311, 312.

Александров, А. — составитель англо-русского словаря. — 174.

Алексеев, Е. И. (1843—1909) — адмирал. С 1903 г. — царский наместник на Дальнем Востоке; в интересах финансовых дельцов и политических авантюристов из окружения Николая II содействовал развязыванию русско-японской войны 1904—1905 гг. С начала этой войны главнокомандующий сухопутными и морскими силами России на Дальнем Востоке; обнаружил полную бездарность в военном деле, был заменен на этом посту генералом Куропаткиным. — 179.

Ан — см. Жордания, Н. Н.

Анненский, Н. Ф. (1843—1916) — экономист-статистик и публицист, видный деятель либерально-народнического движения. — 66.

Аракчеев, А. А. (1769—1834) — один из наиболее реакционных представителей царского самодержавия.

- вия, военный министр при Александре I, отличался грубостью и жестокостью, оказывал огромное влияние на внутреннюю и внешнюю политику России.— 308.
- Аристотель* (384—322 до н. э.) — великий древнегреческий мыслитель, идеолог господствующего класса античного рабовладельческого общества. В своих философских взглядах колебался между идеализмом и материализмом. Аристотель разработал всеобъемлющую систему знаний своего времени, сформулировал основные законы формальной логики, занимался экономическими исследованиями.— 56.
- Арманд, И. Ф.* (1874—1920) — член большевистской партии с 1904 г., профессиональный революционер, деятель международного женского рабочего и коммунистического движения.— 456, 457, 460.
- Астрахан, И. Д.* (1862—1918) — врач, автор ряда работ по вопросам социального страхования, борьбы с травматизмом и т. д.— 341, 342.
- Афанасьева, С. Н.* (Серафима) (1876—1933) — вступила на путь революционной борьбы в 90-е гг. В 1901 г. эмигрировала в Германию, в Берлине входила в группу содействия «Искре». Работала в Киевском комитете РСДРП, была выслана в Восточную Сибирь. Летом 1904 г. бежала из ссылки в Швейцарию, где познакомилась с Н. К. Крупской и В. И. Лениным. По возвращении в Россию вновь на партийной работе. В 1905 г. тяжело заболела и отошла от активной партийной работы.— 235.
- Б**
- Бабинцев, И. И.* (Савелий) (1886—1919) — в социал-демократическое движение вступил в 1908 г. Летом 1909 г. был направлен Московской партийной организацией от Бутырского района в школу на о. Капри.— 295.
- Бабушкин, И. В.* (1873—1906) — рабочий, профессиональный революционер, большевик. Ученик и ближайший помощник В. И. Ленина в петербургском «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса». Активный агент и корреспондент «Искры», участник революции 1905—1907 гг. Во время перевозки оружия был схвачен карательным отрядом и без суда и следствия расстрелян.— 305, 306.
- Бадаев, А. Е.* (1883—1951) — большевик, по профессии рабочий-слесарь, впоследствии советский партийный и государственный деятель. В РСДРП вступил в 1904 г. Депутат IV Государственной думы от рабочих Петербургской губернии, входил в большевистскую фракцию Думы. В ноябре 1914 г. вместе с другими депутатами-большевиками был арестован и в 1915 г. сослан на поселение в Туруханский край. Вернувшись из ссылки после Февральской революции 1917 г., принимал активное участие в работе большевистской организации в Петрограде.— 347.
- Базаров, В.* (*Руднев, В. А.*) (1874—1939) — философ и экономист, с 1896 г. принимал участие в социал-демократическом движении. В 1905—1907 гг. сотрудничал в ряде большевистских изданий. В период реакции отошел от большевизма, пропагандировал «богостроительство» и эмпириокритицизм, был одним из главных представителей махистской ревизии марксизма. В 1917 г. — меньшевик — интернационалист, один из редакторов меньшевистской газеты «Новая Жизнь»; выступал против Октябрьской социалистической революции.— 274, 293, 294.
- Бакунин, М. А.* (1814—1876) —

- один из идеологов народничества и анархизма. С 1840 г. жил за границей, принимал участие в революции 1848—1849 гг. в Германии. К. Маркс и Ф. Энгельс вели решительную борьбу против Бакунина, разоблачили реакционную сущность бакунизма как мелкобуржуазного сектанства, несоместимого с рабочим движением. За раскольническую деятельность в 1872 г. Бакунин был исключен из Интернационала. — 309.
- Бауэр* (Bauer), *Отто* (1882—1938) — один из лидеров австрийской социал-демократии и II Интернационала, идеолог так называемого австромарксизма, являющегося разновидностью реформизма, один из авторов буржуазно-националистической теории «культурно-национальной автономии». К Октябрьской социалистической революции отнесся отрицательно. — 369, 377.
- Бebel* (Bebel), *Август* (1840—1913) — один из виднейших деятелей германской социал-демократической партии и II Интернационала. По профессии — рабочий-токарь. Был членом I Интернационала. В 1869 г. вместе с В. Либкнехтом основал социал-демократическую рабочую партию Германии. В 90-х гг. выступил против реформизма и ревизионизма, в защиту марксистской теории от искажения и ополчения ее Э. Бернштейном и его сторонниками. В последний период своей деятельности допустил ряд ошибок центристского характера. — 88, 175, 439, 440, 444.
- Бедный*, *Демьян* (*Придворов*, *Е. А.*) (1883—1945) — выдающийся советский поэт, член партии большевиков с 1912 г. С 1911 г. сотрудничал в большевистских газетах «Звезда» и «Правда». — 334.
- Бейлисс*, *М. Т.* (род. в 1873 г.) — приказчик кирпичного завода Зайцева в Клеве, еврей, ложно обвиненный в 1911 г. в убийстве христианского мальчика якобы с ритуальной целью. Следствие по делу Бейлисса продолжалось свыше двух лет. Процесс явился ярким выражением шовинистической антисемитской и погромной политики царского правительства, особенно усилившейся в период нового революционного подъема. Суд в 1913 г. вынужден был оправдать Бейлисса. — 376.
- Беккерель* (Becquerel), *Антуан Анри* (1852—1908) — французский физик, автор ряда работ по оптике, электричеству, магнетизму, фотографии, электрохимии и метеорологии. В 1896 г. открыл явление радиоактивности. — 255.
- Белковский*, *В. Г.* (1811—1848) — великий русский революционный демократ, литературный критик и публицист, философ-материалист. — 119.
- Белоусов*, *Т. О.* (род. в 1875 г.) — меньшевик-ликвидатор, депутат III Государственной думы от Иркутской губернии; в Думе был избран в бюджетную и земельную комиссии. В феврале 1912 г. вышел из состава социал-демократической фракции Думы, но не сложил с себя депутатских полномочий. В. И. Ленин резко осудил поведение Белоусова в статье «По поводу ухода депутата Т. О. Белоусова из с.-д. думской фракции». — 289.
- Бердяев*, *Н. А.* (1874—1948) — реакционный философ-идеалист и публицист. В 90-х гг. XIX в. вел борьбу с народничеством с позиций буржуазного либерализма. В 1901 г. выпустил книгу «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии», в которой открыто выступал против марксизма. В 1905 г. примкнул к партии кадетов. В период реакции являлся одним из представителей враждебного марксизму религиозно-философского течения богоспекательства, участвовал в контрреволюционном сборнике

- «Вехи». В 1922 г. эмигрировал за границу, стал одним из лидеров самой махровой формы мистицизма и идеализма, направленного против революционного мировоззрения и социализма.— 110, 111, 131, 165, 377.
- Бизли (Beesly), Эдуард Спенсер** (1831—1915) — английский историк и философ-позитивист. Популяризатор идей О. Конта в Англии, переводчик его произведений на английский язык.— 268.
- Бирон, Э. И.** (1690—1772) — всеильный временщик в период царствования Анны Иоанновны, выходец из мелких курляндских дворян. Не занимая официальных постов и не будучи русским подданным, оказывал большое влияние на внутреннюю и отчасти внешнюю политику России. После смерти Анны Иоанновны был некоторое время регентом государства; в ноябре 1740 г. свергнут в результате дворцового переворота.— 308.
- Бисмарк (Bismarck), Отто Эдуард Леопольд** (1815—1898) — государственный деятель и дипломат Пруссии и Германии, первый канцлер Германской империи. В 1862 г. — министр-президент и министр иностранных дел Пруссии. В январе 1871 г. занял пост рейхсканцлера Германской империи. С 1871 по 1890 г. руководил всей внешней и внутренней политикой Германии. Не добившись удешевления рабочего движения с помощью проведенного им в 1878 г. исключительного закона против социалистов, Бисмарк выступил с демагогической программой социального законодательства, введя законы об обязательном страховании некоторых категорий рабочих. В марте 1890 г. получил отставку.— 279, 421, 422.
- Блей (Blei), Франц** (1871—1942) — немецкий писатель, критик и переводчик, в философии — последователь Р. Авенариуса. Сотрудничал в различных, в том числе и социалистических, журналах, писал статьи по политической экономии, выступал с махистской критикой марксизма.— 260, 262—264, 266.
- Бобринский, В. А.** (род. в 1868 г.) — граф, реакционный политический деятель, крупный землевладелец и сахарозаводчик. Депутат II, III и IV Государственных дум от Тульской губернии. В Думах примыкал к правому крылу. После Октябрьской социалистической революции боролся против Советской власти. В 1919 г. эмигрировал за границу.— 420, 421.
- Богданов, А. (Малиновский, А. А., Рахметов, Сысойка)** (1873—1928) — социал-демократ, философ, социолог, экономист, по образованию врач. После II съезда РСДРП примкнул к большевикам. На III съезде партии был избран в члены ЦК. Входил в редакции большевистских органов «Вперед» и «Пролетарий», являлся одним из редакторов большевистской газеты «Новая Жизнь». В годы реакции возглавлял отзовистов, был лидером группы «Вперед». В вопросах философии пытался создать собственную систему — «эмпириомонизм» (разновидность субъективно-идеалистической махистской философии, прикрытая псевдомарксистской терминологией). На совещании расширенной редакции газеты «Пролетарий» в июне 1909 г. был исключен из большевистской партии. После Октябрьской социалистической революции являлся одним из организаторов и руководителей «Пролеткульта».— 53—57, 234, 235, 254, 258, 259, 267, 275, 293, 294, 402, 413.
- Боголепов, Н. П.** (1846—1901) — министр народного просвещения с 1898 г. По его инициативе 29 июля 1899 г. в высших учебных заведениях были введены «Вре-

менные правила», на основании которых министр просвещения мог отдавать участникам студенческих волнений в солдаты. Боголепов организовал систему политического сыска и надзора за учащимися. По его приказу в 1901 г. были отданы в солдаты сначала 183 студента Киевского университета, а затем 28 петербургских студентов. Эти меры вызвали широкое недовольство студенчества и ненависть к их организатору. 14(27) февраля 1901 г. студент Карпович совершил покушение на Боголепова, который был тяжело ранен и вскоре умер.—141, 144.

Бракке (Braske), *Вильгельм* (1842—1880) — немецкий социалист, издатель и книготорговец; один из основателей и руководителей Эйзенхауэской партии (1869).—175, 439.

Брентано (Brentano), *Луио* (1844—1931) — немецкий буржуазный экономист, с 1896 г. профессор политической экономии в Мюнхенском университете; сторонник «катедер-социализма», проповедовавшего отказ от классовой борьбы и возможность путем организации реформистских профсоюзов и фабричного законодательства разрешить социальные противоречия в капиталистическом обществе и примирить интересы рабочих и капиталистов. В аграрном вопросе отстаивал реакционную «теорию» устойчивости мелкого хозяйства в земледелии и лженаучный буржуазный «закон убывающего плодородия почвы». Защищал интересы капиталистических монополий. В. И. Ленин вскрыл неразрывную связь «брентанизма», «легального марксизма» в России и международного ревизионизма.—109, 110.

Булгаков, С. Н. (1871—1944) — буржуазный экономист, философ-идеалист. В 90-х гг. был «легальным

марксистом». Выступал с ревизией учения Маркса по аграрному вопросу. После революции 1905—1907 гг. примкнул к кадетам, участвовал в сборнике «Вехи», вел открытую борьбу против материалистической философии с позиций неокантианства, мистики и поповщины. После 1918 г. стал священником, эмигрировал за границу, вел враждебную пропаганду против Советской России.—78—81, 131, 165.

Буняковский, В. Я. (1804—1889) — выдающийся русский математик, автор ряда работ по статистике народонаселения. С 1858 г. был главным экспертом правительства по вопросам статистики и страхования.—41.

Бурцев, В. Л. (1862—1936) — участвовал в революционном движении 80-х гг., был близок к народо-вольцам. Издавал журнал «Былое». Перед первой русской революцией был близок к эсерам, после поражения революции поддерживал кадетов. Во время мировой империалистической войны — ярый шовинист. Вернувшись в Россию, выступал на стороне контрреволюции против большевиков. После Октябрьской социалистической революции эмигрировал за границу.—419.

Бухнер (Buchner), *Фридрих Карл Христиан Людвиг* (1824—1899) — немецкий буржуазный философ, один из главных представителей вульгарного материализма, буржуазный реформист; по профессии врач. С 1852 г. — приват-доцент кафедры судебной медицины в Тюбингенском университете.—258, 268.

В

В. И.- см. *Иваншин, В. П.*
В. О. — автор статьи «Ухудшение школьного дела», опубликованной в «Северной Рабочей Газете», № 35, 21 марта 1914 г.—407.

Вагнер (Wagner), Адольф Готгильф (1835—1917) — немецкий буржуазный экономист и реакционный политический деятель. Будучи представителем «катедер-социализма», проповедовал буржуазно-либеральный реформизм, считал, что эксплуатация рабочих капиталистами может быть устранена с помощью государственного законодательства. — 56.

Валентинов, Н. (Вольский, Н. В.) (1879—1964) — меньшевик, журналист, философ-махист. После II съезда РСДРП примыкал к большевикам, в конце 1904 г. перешел на меньшевистские позиции; редактировал меньшевистскую «Московскую Газету». В годы реакции — ликвидатор; окончательно порвав с марксизмом, выступил с ревизией марксистской философии, которую он стремился «дополнить» субъективно-идеалистическими взглядами Маха и Авенариуса. В. И. Ленин подверг резкой критике путаные идеалистические взгляды Валентинова. С 1930 г. — белоэмигрант. — 254.

Вальян (Вайян) (Vaillant), Эдуард Мари (1840—1915) — французский социалист, один из вождей левого крыла II Интернационала, член Исполнительной комиссии Парижской коммуны и Генерального совета I Интернационала. Являлся одним из инициаторов образования Социалистической партии Франции (1901). В 1905 г. после объединения Социалистической партии с реформистской французской партией Жореса Вальян по важнейшим вопросам занимал оппортунистическую позицию. В годы империалистической войны — социал-шовинист. — 88.

Ванновский, П. С. (1822—1904) — генерал царской армии, в 1881—1898 гг. — военный министр. В 1899 г. был председателем комиссии по расследованию причин

студенческих волнений в высших учебных заведениях. После убийства Боголепова в 1901 г. был назначен министром народного просвещения, выступил с лицемерными фразами «любви и сердечного попечения о школе». Ограничившись незначительными реформами в области просвещения, Ванновский продолжал политику репрессий против революционного студенческого движения. Ввиду полной неудачи своей миссии «успокоителя» в 1902 г. ушел в отставку. — 116, 141, 142.

Валя — см. Панкратов, И. И.

Вейтлинг (Weitling), Вильгельм (1808—1871) — видный деятель рабочего движения Германии в период его зарождения, один из теоретиков утопического «уравнительного» коммунизма; по профессии портной. Активный деятель «Союза справедливых». К. Маркс и Ф. Энгельс подвергли взгляды Вейтлинга резкой критике. После революции 1848—1849 гг. в Германии Вейтлинг эмигрировал в США, позднее отошел от участия в рабочем движении. — 88, 121.

Веселовский, Б. Б. (1880—1954) — литератор, историк и экономист. В 1901—1902 гг. примыкал к московской социал-демократической организации. С 1913 г. руководил земским отделом в газете «Русское Слово». В 1907—1912 гг. принимал участие в работе социал-демократической фракции III Государственной думы. После Октябрьской социалистической революции работал в Центральном архиве, в Госплане РСФСР. — 347, 348.

Вигдорчик, И. А. (1874—1954) — врач, автор ряда работ по вопросам социального страхования и профессиональных заболеваний. В 90-х гг. принимал участие в социал-демократическом движении в Киеве, участвовал в работе I съезда РСДРП. С 1906 г., отойдя от активной политической де-

ятельности, занимался врачебной практикой и вел научную работу в Петербурге. После Октябрьской социалистической революции работал по своей специальности. — 341.

Витте, С. Ю. (1849—1915) — русский государственный деятель конца XIX — начала XX в., выразивший интересы «военно-феодалного империализма» царской России, убежденный сторонник самодержавия, стремившийся сохранить монархию путем незначительных уступок и обещаний либеральной буржуазии и жестоких репрессий по отношению к народу; один из организаторов подавления революции 1905—1907 гг. Будучи министром путей сообщения, министром финансов, председателем Совета министров, Витте своими мероприятиями в области финансов, таможенной политики, железнодорожного строительства, фабричного законодательства, всемерным поощрением иностранных капиталовложений способствовал развитию капитализма в России и усугублению ее зависимости от империалистических держав. — 137, 195.

Владимир — см. Косарев, В. М.
Вольский, С. (Соколов, А., Станислав) (род. в 1880 г.) — социал-демократ. После II съезда РСДРП примкнул к большевикам. В 1904—1905 гг. вел партийную работу в Москве. В годы реакции и нового революционного подъема — один из лидеров отзовистов, принимал участие в организации и работе фракционных школ па о. Капри и в Болонье (Италия), входил в антипартийную группу «Вперед». К Октябрьской социалистической революции отнесся враждебно, боролся против Советской власти. Некоторое время был в эмиграции, но вскоре вернулся в Советскую Россию. Работал в лесной кооперации, Госплане и Наркомторге. — 295.

Г

Г. В-ч — см. Плеханов, Г. В.

Гапон, Г. А. (1870—1906) — провокатор; агент царской охранки, священник. С 1903 г. по заданию и под опекой департамента полиции вел работу в Петербурге по созданию рабочих организаций, по образцу зубатовских. Провокаторски помог царской охранке вызвать расстрел рабочих 9 января 1905 г. с целью потопить в крови рабочее движение. За свою провокационно-предательскую деятельность был повешен рабочими. — 234.

Гассенди (Gassendi), Пьер (1592—1655) — французский философ-материалист, физик и математик. Резко критиковал схоластику. Считая источником знаний чувственный опыт, выступил с критикой учения Декарта о врожденных идеях. Однако Гассенди не был последовательным материалистом и делал уступки теологии. — 414.

Ге, А. Ю. (ум. в 1919 г.) — русский анархист. После Октябрьской революции — сторонник Советской власти. — 451.

Гегель (Hegel), Георг Вильгельм Фридрих (1770—1831) — крупнейший немецкий философ — объективный идеалист, идеолог немецкой буржуазии. Философия Гегеля явилась вершиной немецкого идеализма конца XVIII — начала XIX в. — 268, 269, 308, 324, 414.

Гед (Guesde), Жюль (Базиль, Матьё) (1845—1922) — один из организаторов и руководителей французского социалистического движения и II Интернационала. — 175.

Гейден, П. А. (1840—1907) — граф, крупный помещик, земский деятель, октябрист. Прикрываясь либерализмом, стремился объединить буржуазию и помещиков в борьбе с нарастающим ре-

- волюционным движением. В I Государственной думе возглавлял группу правых депутатов. После роспуска Думы был одним из организаторов буржуазной партии «мирного обновления». — 223—226.
- Геккель* (Haeckel), *Эрнст* (1834—1919) — немецкий естествоиспытатель-материалист, один из крупнейших биологов второй половины XIX — начала XX в. Выступал против идеализма в естествознании, активно боролся против мистики и поповщины. — 223, 258.
- Гексли* (Huxley), *Томас Генри* (1825—1895) — английский естествоиспытатель. Ближайший соратник Ч. Дарвина и популяризатор его учения, для обоснования которого важное значение имели исследования Гексли в области зоологии, палеонтологии, антропологии и сравнительной анатомии, в частности доказательство морфологической близости человека к высшим обезьянам. Являясь стихийным, «стыдливным» — по выражению Энгельса — материалистом, Гексли в то же время отрекался от материализма, объявлял себя агностиком (он впервые ввел в философию этот термин). — 268—270.
- Генецкий, Н. Е.* (род. в 1869 г.) — землевладелец, священник; уездный наблюдатель церковноприходских школ. Депутат III и IV Государственных дум от Бессарабской губернии, член комиссии: бюджетной, народного образования. — 286.
- Гертнер* (Gärtner) — чиновник австрийского министерства путей сообщения, член международного общества по борьбе с проституцией. — 352.
- Герц* (Hertz), *Генрих Рудольф* (1857—1894) — немецкий физик. В 1886—1889 гг. экспериментально доказал существование элект-
- ромагнитных волн и исследовал их свойства. — 257.
- Герц* (Hertz), *Фридрих Отто* (род. в 1878 г.) — австрийский экономист, социал-демократ — ревизионист; выступал против учения марксизма по аграрному вопросу и, подтасовывая факты, пытался доказать устойчивость мелкого крестьянского хозяйства, его способность противостоять конкуренции крупного хозяйства. — 109, 110.
- Герцен, А. И.* (1812—1870) — великий русский революционер-демократ, философ-материалист, публицист и писатель. — 119, 308—313.
- Голэй* (Golay), *Поль* — швейцарский социал-демократ, публицист, был редактором социалистической газеты «Le Grutléen» («Грютлянен»). В начале мировой империалистической войны выступал против оппортунизма и социал-шовинизма во II Интернационале. Однако уже тогда проявлял примиренческое отношение к оппортунистам. Голэй не принял участия в Циммервальдской конференции, на которую ему советовал приехать В. И. Ленин, а затем вскоре перешел на центристско-пацифистские позиции. — 461.
- Горбунова* (Каблукова), *М. К.* (1840—1931) — статистик-экономист, писательница народнического направления. В 80-х гг. XIX в. исследовала женские промыслы в Московской губернии. Изучала женское профессиональное образование за границей, в связи с чем вела переписку с Ф. Энгельсом. — 68.
- Горький, Максим* (Пешков, А. М.) (1868—1936) — великий пролетарский писатель, основоположник социалистического реализма, родоначальник советской литературы. — 115, 116, 293, 294, 410, 412, 460.
- Грав* (Grave), *Жан* (1854—1939) — французский мелкобуржуазный

социалист, один из теоретиков анархизма. Редактор анархистских органов «Le Révolté» («Бунтарь») и «La Révolte» («Бунт»); автор ряда работ по анархизму. В начале XX в. встал на позиции анархо-синдикализма. Во время мировой империалистической войны — социал-шовинист, сотрудник газеты «La Bataille Syndicaliste» («Синдикалистская Борьба»).—450.

Григорьев, В. Н. (1852—1925) — статистик, экономист и общественный деятель народнического направления. За участие в революционной деятельности несколько раз подвергался ссылке. В. И. Ленин, используя материалы из работ Григорьева, критиковал его за идеализацию мелкого производства.—66.

Григорьев (Патрашкин), С. Т. (1875—1953) — литератор и публицист, с 1899 г. сотрудничал в ряде буржуазных газет в Самаре и Саратове. В 1913—1917 гг. входил в состав редакций либерально-буржуазных газет «День» и «Русское Слово». С 1922 г. — профессиональный писатель.—393.

Гриневич, П. Ф. — см. Якубович, П. Ф.

Грот, Н. Я. (1852—1899) — русский философ-идеалист, психолог. Был председателем Московского психологического общества, основателем и первым редактором журнала идеалистического направления «Вопросы Философии и Психологии». Автор ряда работ по философии и психологии.—355.

Грюн (Grün), Карл (1817—1887) — немецкий мелкобуржуазный публицист, в середине 40-х гг. XIX в. — один из главных представителей «истинного социализма». Абстрактные, идеалистические стороны философии Л. Фейербаха Грюн сочетал с анархистскими идеями П. Ж. Прудона. В 1874 г. Грюн издал два тома

литературного наследия Л. Фейербаха.—267, 268.

Гуревич, Э. Л. (Смирнов, Е.) (род. в 1865 г.) — социал-демократ, меньшевик. В годы реакции и нового революционного подъема — ликвидатор, один из основателей и сотрудник журнала меньшевиков-ликвидаторов «Наша Заря». В период мировой империалистической войны — социал-шовинист.—419.

Гусев, С. И. (Драбкин, Я. Д., Харитон) (1874—1933) — профессиональный революционер, большевик. Революционную деятельность начал в 1896 г. в петербургском «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса». Руководитель ряда местных большевистских организаций.—234—236.

Гучков, А. И. (1862—1936) — крупный капиталист, организатор и лидер партии октябристов. В период первой русской революции поддерживал правительственную политику беспощадных репрессий по отношению к рабочему классу и крестьянству. В 1910—1911 гг. — председатель III Государственной думы. После Февральской революции 1917 г. — военный и морской министр в первом составе буржуазного Временного правительства. В августе 1917 г. участвовал в организации корниловского мятежа. После Октябрьской социалистической революции активно боролся против Советской власти, белоэмигрант.—209, 273, 420, 432.

Д

Даниельсон, Н. Ф. (Н.-он) (1844—1918) — русский писатель-экономист, один из идеологов либерального народничества 80—90-х гг. Завершил начатый Г. А. Лопатиным первый перевод «Капитала» К. Маркса на русский язык. Существа марксизма не понял и впоследствии часто

- выступал против него. В 1893 г. издал книгу «Очерки нашего пореформенного хозяйства», которая вместе с работами В. П. Воронцова служила теоретическим обоснованием либерального народничества. В. И. Ленин в ряде своих работ резко критиковал взгляды Даниельсона.—61.
- Декарт* (Descartes), *Рене* (1596—1650) — выдающийся французский философ-дуалист, математик и естествоиспытатель.—414.
- Джеймс* (James), *Уильям* (1842—1910) — американский философ и психолог, субъективный идеалист, один из основателей прагматизма.—272.
- Джилбрет* (Gilbreth), *Франк Бункер* (1868—1925) — американский инженер, организатор специальной школы и промышленного предприятия для разработки, проверки и пропаганды своих методов обучения рабочих.—429.
- Дикштейн* (Dyksztajn), *Шимон* (1858—1884) — известный деятель польского социалистического движения; писатель. Автор популярной агитационной брошюры «Кто чем живет?», переведенной на многие иностранные языки.—175.
- Динер-Дэнеш* (Diner-Dénes), *Йозеф* (*Динэ-Дэнес, Иосиф*) (1857—1937) — венгерский публицист, социолог и искусствовед; социал-демократ.—255, 256.
- Дитц* (Dietz), *Иоганн Генрих Вильгельм* (1843—1922) — германский социал-демократ, депутат рейхстага с 1881 по 1918 г. Руководил издательством социал-демократической партии, которое выпускало произведения К. Маркса и Ф. Энгельса; в его типографии печатались первые номера «Искры», журнал «Заря», работа В. И. Ленина «Что делать?».—76.
- Дицген* (Dietzgen), *Иосиф* (1828—1888) — немецкий рабочий-кожевник, социал-демократ, философ, самостоятельно пришедший к диалектическому материализму.—270—274.
- Добролюбов, Н. А.* (1836—1861) — великий русский революционный демократ, выдающийся литературный критик и философ-материалист.—116, 311, 393.
- Добротвордов, К.* — автор статьи «Государственная дума и народное образование», опубликованной 22 мая 1912 г. в № 6 большевистской газеты «Невская Звезда».—334.
- Долгоруков, Павел Дм.* (1866—1930) — князь, крупный помещик, кадет. Один из основателей партии кадетов, в 1905—1911 гг. — председатель ее ЦК, позднее — товарищ председателя. После Октябрьской социалистической революции — активный участник белогвардейских заговоров против Советской власти.—420.
- Достоевский, Ф. М.* (1821—1881) — выдающийся русский писатель.—410.
- Дружинин* — инспектор народных училищ Тверской губернии.—107.
- Дубасов, Ф. В.* (1845—1912) — генерал-адъютант, адмирал, один из главарей царской армии, кровавый палач первой русской революции 1905—1907 гг. С ноября 1905 г. — московский генерал-губернатор, руководил разгромом декабрьского вооруженного восстания в Москве. С 1906 г. — член Государственного совета, а с 1907 г. — член Совета государственной обороны.—226, 227.
- Дурново, И. Н.* (1830—1903) — русский реакционный государственный деятель, представитель царской бюрократии. Министр внутренних дел (1889—1895), затем председатель Комитета министров (1895—1903); проводил дворянскую политику Александра III, ввел институт земских начальников, новое положение о земских учреждениях, лишившее крестьян

выборного представительства, усилил преследование национальных меньшинств России, строгости цензуры и пр.—26, 28.

Дюгем (Duhem), Пьер Морис Мари (1861—1916) — французский физик-теоретик, автор ряда работ по истории физики, в теории познания — махист.—272.

Дюринг (Dühring), Евгений (1833—1921) — немецкий философ-экономист и экономист, мелкобуржуазный идеолог.—268, 269, 278, 279, 396.

Е

Е. В. — см. Крупская, Е. В.

Евлогий (Георгиевский, В.) (род. в 1868 г.) — монархист, крайний реакционер, один из руководителей черносотенного «Союза русского народа». Депутат II и III Государственных дум. После Октябрьской социалистической революции — один из вождей монархической эмиграции.—285, 286, 289.

Екатерина II (Романова) (1729—1796) — русская императрица (1762—1796).—285.

Елизаров, М. Т. (1863—1919) — профессиональный революционер, большевик; муж старшей сестры В. И. Ленина — А. И. Ульяновой-Елизаровой.—173, 461.

Ж

Жбанков, Д. Н. (род. в 1853 г.) — врач, писатель, видный деятель общественной медицины, один из руководителей Пироговского общества. В своих работах отстаивал народнические мелкобуржуазные идеалы. После Октябрьской революции выступал против Советской власти. С 1921 г. отошел от общественной деятельности.—71, 72.

Жордания, Н. Н. (Ан) (1870—1953) — социал-демократ, один из лидеров кавказских меньшевиков.

В 1906 г. — депутат I Государственной думы. На V (Лондонском) съезде партии был избран членом ЦК РСДРП от меньшевиков. В годы реакции и нового революционного подъема Жордания, формально примыкая к меньшевикам-партийцам, фактически поддерживал ликвидаторов. В 1914 г. сотрудничал в журнале Л. Д. Троцкого «Борьба»; во время первой мировой войны — социал-шовинист. После Февральской революции 1917 г. был председателем Тифлисского Совета рабочих депутатов, в 1918—1921 гг. — возглавлял контрреволюционное меньшевистское правительство Грузии; с 1921 г. — беэмигрант.—387, 388.

З

3. *С.* — автор статьи «Восемнадцать лет войны чиновничества с земством», опубликованной в журнале «Вольное Слово» в 1883 г.—107, 108.

Зарин — см. Ленинский, Ф. В.

Землячка, Р. С. (1876—1947) — видный деятель Коммунистической партии и Советского государства. Неоднократно подвергалась репрессиям царского правительства. После Октябрьской социалистической революции находилась на ответственной партийной и советской работе.—235.

Зиновьев, Г. Е. (Радомысльский, Г. Е., Ск., Н., Скоп., Н.) (1883—1936) — состоял членом РСДРП с 1901 г. С 1908 по апрель 1917 г. находился в эмиграции, входил в редакцию Центрального Органа партии «Социал-Демократ» и большевистской газеты «Пролетарий». В годы реакции примиренчески относился к ликвидаторам, отзовистам и троцкистам. В период подготовки и проведения Октябрьской социалистической революции проявлял колебания, был против вооруженного восстания. После

Октябрьской социалистической революции занимал ряд ответственных постов. Неоднократно выступал против ленинской политики партии: в 1925 г.— один из лидеров «новой оппозиции»; в 1926 г.— один из лидеров антипартийного троцкистско-зиновьевского блока. В ноябре 1927 г. за фракционную деятельность был исключен из партии, затем дважды восстанавливался и вновь исключался за антипартийную деятельность.—377.

Зубатов, С. В. (1864—1917) — жандармский полковник, вдохновитель и организатор «полицейского социализма» («зубатовщины»). В 90-х гг. был назначен начальником Московского охранного отделения, широко организовал систему политического сыска. В 1901—1903 гг. организовал полицейские рабочие союзы с целью отвлечения рабочих от революционной борьбы.—122.

И

Иван — см. Романов, А. С.

Иваншин, В. П. (В. И-н) (1869—1904) — социал-демократ, один из лидеров «экономизма», по профессии статистик. Являясь одним из редакторов органа «Союза русских социал-демократов за границей» — журнала «Рабочее Дело», поддерживал также связи с газетой петербургских «экономистов» «Рабочая Мысль». В своих статьях противопоставлял непосредственные экономические интересы рабочих задачам социал-демократии. После II съезда РСДРП примкнул к меньшевикам.—131.

Иоани Кронштадтский — см. Сергеев, И. И.

Иродовы — фабриканты в 80-х гг. XIX в., владельцы полотняной фабрики в окрестностях с. Великого Ярославского уезда, из-

вестной выработкой салфеток и высших сортов полотна; раздавали работу кустарям на дом.—69.

К

Кавелин, К. Д. (1818—1885) — историк и юрист, профессор Московского и Петербургского университетов, представитель дворянско-буржуазного либерализма. Сотрудничал в «Современнике», «Отечественных Записках» и «Вестнике Европы». В период подготовки и проведения «крестьянской» реформы 1861 г. выступал против революционно-демократического движения, одобрял реакционную политику самодержавия.—311.

Каменский, В. П. (род. в 1860 г.) — крупный землевладелец, председатель центрального бюро партии «Союз 17 октября»; земский деятель. В 1890—1908 г. был председателем дворянства Маргупольского уезда. Депутат III Государственной думы.—288.

Кант (Kant), Иммануил (1724—1804) — немецкий философ, основоположник немецкого классического идеализма.—268.*

Капустин, М. Я. (1847—1920) — октябрист, по профессии врач. В начале 70-х гг. работал в качестве земского врача в Костромской губернии, затем в военных госпиталях, в военно-медицинской академии, в Варшавском университете. С 1887 г.— профессор Казанского университета. Депутат II Государственной думы от г. Казани; был депутатом от Казанской губернии в III Государственной думе, избирался товарищем председателя Думы. В. И. Ленин называл Капустина «представителем контрреволюционной буржуазии».—288.

Караулов, В. А. (1854—1910) — кадет, дворянин, по профессии юрист; депутат III Государственной думы от Енисейской гу-

- бернии. В прошлом — народо-волец. В 1884 г. был арестован в Киеве по делу 12 народовольцев и приговорен к 4 годам каторги. После каторги был сослан в Сибирь. В 1905 г. примкнул к кадетам; открыто выступал против революции 1905—1907 гг. В III Думе занимал «одно из первых мест среди самых подлых контр-революционных кадетов с вечной ханжеской фразой на устах» (В. И. Ленин).—288, 289.
- Карпович, П. В.* (1874—1917) — эсер. Учился в Московском, а затем в Юрьевском (Тартуском) университете, откуда был исключен за участие в студенческом движении; для продолжения образования в декабре 1899 г. уехал за границу. В феврале 1901 г. приехал в Петербург с намерением убить министра народного просвещения Боголепова в знак протеста против жестоких репрессий по отношению к революционному студенчеству. 14(27) февраля 1901 г. совершил покушение, тяжело ранив Боголепова, был осужден на 20 лет каторги, в 1907 г. выпущен на поселение. Вскоре бежал за границу, где примкнул к «Боевой организации» эсеров. В 1908 г. участвовал в организации неудавшегося покушения на Николая II, после чего отошел от «Боевой организации». В 1917 г., возвращаясь в Россию, погиб в Северном море при взрыве парохода немецкой подводной лодкой.—141.
- Карус (Cagus), Пол* (1852—1919) — американский реакционный философ, субъективный идеалист и мистик. Философский «монизм» Каруса сводился к попыткам примирения религии и науки и пропаганде буддизма.—274.
- Кассо, Л. А.* (1865—1914) — крупный помещик, профессор Харьковского, а затем Московского университета. В 1910—1914 гг. был министром народного просвещения. Проводил реакционную политику в отношении начальной, средней и высшей школы, жестоко расправлялся с революционным студенчеством и прогрессивной профессурой.—318, 320, 321, 329, 330.
- Каутский (Kautsky), Карл* (1854—1938) — один из лидеров германской социал-демократии и II Интернационала, вначале марксист, позднее ренегат марксизма, идеолог одного из оппортунистических течений в рабочем движении — центризма (каутскианства). После Октябрьской социалистической революции открыто выступил против пролетарской революции и диктатуры пролетариата, против Советской власти.—461.
- Кауфман (Kaufman), Рихард* (1850—1908) — немецкий буржуазный экономист, профессор. Преподавал политэкономии в Аахене, Берлине, Шарлоттенбурге, некоторое время служил в министерстве финансов.—232.
- Кей (Key), Эллен* (1849—1926) — шведская писательница, автор педагогической книги «Век ребенка» (1900, рус. пер.—1905), получившей широкую известность в начале XX в. Педагогические взгляды Кей проникнуты мистицизмом и индивидуализмом.—459.
- Ключев, И. С.* (1856—1922) — домовладелец, октябрист. Работал инспектором народных училищ Самарского уезда и г. Самары, был гласным уездного и губернского земств и городской думы. Депутат II Государственной думы от г. Самары, III и IV Дум от Самарской губернии.—332—335.
- Кобеляцкий, А. И.* (1862—1907) — составитель справочников по фабричному законодательству, товарищ министра путей сообщения.—67.
- Козырев, Н. Н.* (Фома) (1881—1933) — член РСДРП с 1906 г. В 1909 г.

- был направлен Болховским комитетом партии в школу на о. Капри, где вошел в группу ленинцев и вел борьбу с богдановцами. По приглашению В. И. Ленина прослушал в Париже курс лекций, организованных Большевикским Центром. После Октябрьской социалистической революции — на партийной и советской работе. — 295.
- Ковцев, В. Н.** (1853—1943) — один из видных государственных деятелей царской России. В 1904—1914 гг. (с небольшим перерывом) — министр финансов, а с 1911 г., после убийства Столыпина, занимал одновременно пост председателя Совета министров. После Октябрьской социалистической революции — белоэмигрант. — 329, 330.
- Кондиди, В. Г.** — самарский вице-губернатор в начале 900-х гг., автор получившего широкое распространение термина «третий элемент», обозначавшего радикальную, большей частью революционно настроенную интеллигенцию, находившуюся на службе в земствах, городских управлениях и т. п. — 112.
- Комт (Comte), Огюст** (1798—1857) — французский буржуазный философ и социолог, основатель позитивизма. — 268.
- Корнелиссен (Cornelissen), Христиан** — голландский анархист, последователь П. А. Кропоткина; выступал против марксизма. Во время мировой империалистической войны — шовинист. — 450.
- Корнелиус (Cornelius), Гаис** (1863—1947) — немецкий буржуазный философ, субъективный идеалист, с 1903 г. — профессор университета в Мюнхене, с 1910 г. — во Франкфурте-на-Майне. Стремился дополнить махизм философией имманентов и прагматизмом У. Джемса, сыграл роль посредника между махизмом и неопозитивизмом. — 274.
- Королев-Батмшев, И. Г.** (Юлий) (1885—1958) — член РСДРП с 1905 г. Летом 1909 г. направлен Московской партийной организацией в школу на о. Капри, где, примкнув к группе ленинцев, вел борьбу против богдановцев. По приглашению В. И. Ленина прослушал в Париже курс лекций, организованных Большевикским Центром. После Октябрьской социалистической революции — на ответственной партийной и советской работе. — 295.
- Корсак, А. К.** (1832—1874) — русский экономист и публицист, автор книги «О формах промышленности вообще и о значении домашнего производства (кустарной и домашней промышленности) в Западной Европе и России» (1861), на научное значение которой указывал В. И. Ленин. — 68.
- Косарев, В. М.** (Владимир) (1881—1945) — революционную деятельность начал в конце 90-х гг. в Москве, член партии с 1898 г. Летом 1909 г. направлен Московской партийной организацией в школу на о. Капри. — 295.
- Крестовников, Г. А.** (род. в 1855 г.) — октябрист, крупный промышленник и биржевик. Председатель правления Московского купеческого банка и Московского бюджетного общества. В 1906 г. был избран членом Государственного совета от торгово-промышленной буржуазии. — 420.
- Кривецкий, Б. Н.** (1866—1919) — социал-демократ, публицист, один из лидеров «экономизма». — 129, 131, 132.
- Кропоткин, П. А.** (1842—1921) — один из главных деятелей и теоретиков анархизма, князь. В 1872 г. за границу примкнул к группе М. А. Бакунина. По возвращении в Россию участвовал как анархист в народническом движении, за что в 1874 г. был арестован и заклю-

- чен в Петропавловскую крепость. В 1876 г. совершил побег за границу, где развернул активную борьбу против марксизма, выступал против учения Маркса о классовой борьбе и диктатуре пролетариата. Во время мировой империалистической войны — шовинист. Вернувшись из эмиграции в 1917 г., оставался на буржуазных позициях, однако в 1920 г. обратился с письмом к европейским рабочим, где признавал историческое значение Октябрьской социалистической революции и призвал рабочих воспрепятствовать военной интервенции против Советской России. — 419, 450.
- Крупская, Е. В.* (1842—1915) — мать Н. К. Крупской. — 173.
- Крупская, Н. К.* (1869—1939) — профессиональный революционер, выдающийся деятель Коммунистической партии и Советского государства; жена и соратник В. И. Ленина. Член партии с 1898 г. — 173, 395, 461, 462.
- Кугельман* (Kugelmann), *Людвиг* (1830—1902) — немецкий социал-демократ, друг К. Маркса, участник революции 1848—1849 гг. в Германии, член I Интернационала. С 1862 по 1874 г. вел переписку с Марксом, информировал его о положении дел в Германии. — 268.
- Кутлер, Н. Н.* (1859—1924) — видный деятель партии кадетов; чиновник министерства финансов, в 1905—1906 гг. — министр земельных и землеустроительных дел; член II и III Государственных дум, один из авторов проекта аграрной программы кадетов. — 420.
- Л**
- Лагермарк, Г. Н.* (род. в 1843 г.) — профессор органической химии в Харьковском университете, в 1889—1901 гг. занимал должность ректора, читал лекции в Харьковском ветеринарном институте, в конце 1902 г. вышел в отставку. По политическим взглядам — реакционер, противник прогрессивного общественного движения. — 116.
- Лалаяну, И. Х.* (Нпк. Ив.) (1870—1933) — активный участник социал-демократического движения в России. После II съезда РСДРП — большевик, агент ЦК партии в России. В конце 1913 г. сослан на вечное поселение в Восточную Сибирь и отошел от политической деятельности. — 235.
- Ланге* (Lange), *Фридрих Альберт* (1828—1875) — немецкий философ, субъективный идеалист, один из ранних представителей неокантианства. Являясь сторонником «физиологического» идеализма, фальсифицировал материализм, пытался доказать его несостоятельность как философской теории. — 268.
- Ларин, Ю.* (*Лурье, М. А.*) (1882—1932) — социал-демократ, меньшевик, один из лидеров ликвидаторства. Сотрудничал в ряде центральных меньшевистско-ликвидаторских изданий. Принимал участие в антипартийном Августовском блоке; входил в состав его организационного комитета. После Февральской революции 1917 г. возглавил группу меньшевиков-интернационалистов. В августе 1917 г. был принят в большевистскую партию. — 219, 220, 233.
- Лассаль* (Lassalle), *Фердинанд* (1825—1864) — немецкий мелкобуржуазный социалист, родоначальник одной из разновидностей оппортунизма в немецком рабочем движении — лассальянства. Теоретические и политические взгляды лассальянцев были подвергнуты резкой критике классиками марксизма-ленинизма. — 122, 440, 445—447.
- Лафарг* (Lafargue), *Поль* (1842—1911) — выдающийся деятель французского и международного

- рабочего движения, талантливый публицист, один из первых последователей научного коммунизма во Франции, близкий друг и соратник К. Маркса и Ф. Энгельса.— 175.
- Леклер (Leclair), Антон* (род. в 1848 г.) — австрийский реакционный философ, субъективный идеалист, представитель имманентной школы.— 274.
- Ленгин, Ф. В. (Зарин)* (1873—1936) — профессиональный революционер, большевик. В социал-демократическом движении принимал участие с 1893 г. В 1903—1904 гг. активно участвовал в борьбе с меньшевиками за границы. В феврале 1904 г. вернулся в Россию. В последние годы жизни вел научную и педагогическую работу.— 175.
- Лесевич, В. В.* (1837—1905) — буржуазный философ-позитивист; в 80—90-х гг. примыкал к либеральным народникам.— 264.
- Либкнехт (Liebknecht), Вильгельм* (1826—1900) — видный деятель германского и международного рабочего движения, один из основателей и вождей Германской социал-демократической партии.— 175.
- Либман, Ф. (Герш, П. М.)* (род. в 1882 г.) — видный бундовец, в 1911 г. входил в состав ЦК Бунда, состоял членом редакции «Отклики Бунда».— 370, 378.
- Личкус, Л. Г.* (1858—1926) — врач, был директором Маринского роддома в Петербурге.— 341.
- Лопатин, Л. М.* (1855—1920) — философ-идеалист, профессор Московского университета, председатель Московского психологического общества, с 1894 г. — редактор идеалистического журнала «Вопросы Философии и Психологии». По своим философским взглядам примыкал к мистику В. С. Соловьеву, проповедовал спиритуализм, считал одной из «актуальных проблем» философии обоснование «бессмертия души», стремился истолковать душу как творческое начало, обладающее свободой воли.— 257—259, 273.
- Луженковский, Г. Н.* (1870—1906) — губернский советник; активный деятель тамбовской черносотенно-монархической организации — так называемого «Союза русских людей». В 1905—1906 гг. — один из руководителей черносотенных погромов, беспощадной расправы царизма с революционным движением крестьян в Тамбовской губернии. Убит членом партии эсеров М. А. Спиридоновой.— 226.
- Луначарский, А. В.* (1875—1933) — профессиональный революционер, впоследствии видный советский государственный и общественный деятель. В революционное движение вступил в начале 90-х гг. После II съезда РСДРП — большевик. В годы реакции отошел от большевизма, выступил с проповедью «богостроительства», участвовал в антипартийной группе «Вперед». В первую мировую войну стоял на позициях интернационализма. На VI съезде РСДРП(б) был принят в партию. После Октябрьской социалистической революции, до 1929 г. — нарком просвещения, затем председатель Ученого комитета при ЦИК СССР.— 273—275, 294, 413.

М

- Маклаков, Н. А.* (1871—1918) — помещик, черносотенец. В 1913—1915 гг. — министр внутренних дел, с 1915 г. — член Государственного совета.— 330.
- Манин, С. Л.* — бундовец, в 1913 г. сотрудничал в газете меньшевиков-ликвидаторов «Луч».— 377.
- Мануилов, А. А.* (1861—1929) — русский буржуазный экономист, видный деятель кадетской партии, один из редакторов газеты «Русские Ведомости». В 1905—

- 1911 гг.— ректор Московского университета, в 1907—1911 гг.— член Государственного совета, в 1917 г.— министр народного просвещения буржуазного Временного правительства. После Октябрьской социалистической революции, вернувшись из эмиграции, Мануилов преподавал в советских высших учебных заведениях.— 39, 193.
- Маняша* — см. Ульянова, М. И.
- Марк* — см. Елизаров, М. Т.
- Маркс* (Marx), *Карл* (1818—1883) — основоположник научного коммунизма, гениальный мыслитель, корифей революционной науки, вождь и учитель международного пролетариата.— 13, 28, 57, 67, 76, 80, 109, 120, 129, 222, 239, 260—264, 267, 268, 270, 272—274, 278, 280, 281, 310, 323—325, 327, 417, 418, 421, 422, 439—441, 443, 445—448, 451.
- Мартов*, *Л. (Цедербаум, Ю. О.)* (1873—1923) — один из лидеров меньшевизма. В годы реакции и нового революционного подъема — ликвидатор, редактировал газету «Голос Социал-Демократа», участвовал в антипартийной Августовской конференции (1912). В период первой мировой войны занимал центристскую позицию. После Февральской революции 1917 г. возглавлял группу меньшевиков-интернационалистов. После Октябрьской социалистической революции выступал против Советской власти. В 1920 г. эмигрировал в Германию.— 196, 402.
- Мартьянов*, *А. (Пикер, А. С.)* (1865—1935) — один из лидеров «экономизма», видный деятель меньшевизма. После ареста и ссылки эмигрировал, вошел в редакцию журнала «экономистов» «Рабочее Дело», активно выступал против ленинской «Искры». На II съезде РСДРП — антискровец; после съезда — меньшевик. В годы реакции — ликвидатор, во время первой мировой войны занимал центристскую позицию, после Февральской революции 1917 г. — меньшевик-интернационалист. После Октябрьской социалистической революции отошел от меньшевиков. В 1923 г. на XII съезде РКП(б) принят в партию.— 124, 125, 129, 131, 132.
- Маслов*, *П. П.* (1867—1946) — экономист, социал-демократ, автор ряда работ по аграрному вопросу, в которых пытался ревизовать марксизм; сотрудничал в журналах «Жизнь», «Начало» и «Научное Обозрение». После II съезда РСДРП примкнул к меньшевикам; выдвинул меньшевистскую программу муниципализации земли. В годы реакции — ликвидатор, в период первой мировой войны — социал-шовинист. После Октябрьской социалистической революции отошел от политической деятельности.— 231, 419.
- Мах* (Mach), *Эрст* (1838—1916) — австрийский физик и философ, субъективный идеалист, один из основателей эмпириокритицизма; преподавал математику и физику в университетах Граца и Праги, с 1895 по 1901 г. — профессор философии Венского университета. В теории познания возражал взгляды Беркли и Юма. Всестороннюю критику философии Маха и анализ его основных произведений В. И. Ленин дал в книге «Материализм и эмпириокритицизм». — 254, 259, 263, 266, 269, 271—274, 293.
- Машкевич*, *Д. Ф.* (род. в 1871 г.) — черносотенец, священник. Депутат III Государственной думы от Херсонской губернии; в Думе был членом комиссий: бюджетной, по народному образованию и др.— 286.
- Мейендорф*, *А. Ф.* (род. в 1869 г.) — октябрист, лифляндский барон, землевладелец, по образованию юрист. Депутат III и IV Государственных дум от Лифляндской губернии, во время первых

- двух сессий III Думы был товарищем председателя. В 1919 г. эмигрировал за границу. — 290.
- Меллер-Закомельский, А. Н.* (род. в 1844 г.) — барон, генерал царской армии, крайний реакционер. В 1863 г. участвовал в подавлении польского освободительного восстания. В 1905 г. жестоко подавил севастопольское восстание моряков. В 1906 г. возглавил карательную экспедицию по подавлению революционного движения в Сибири. В октябре 1906 г. был назначен прибалтийским генерал-губернатором; подавлял революционное движение латышских и эстонских рабочих и крестьян. В 1909—1917 гг. — член Государственного совета. После Октябрьской социалистической революции — белоэмигрант. — 226.
- Менгер (Menger), Антон* (1841—1906) — австрийский юрист, представитель так называемого юридического социализма. — 266.
- Меньшиков, М. О.* (1859—1919) — реакционный публицист, сотрудник реакционной газеты «Новое Время». В. И. Ленин назвал Меньшикова «верным сторожевым псом царской черной сотни». После Октябрьской социалистической революции вел активную борьбу против Советской власти, расстрелян в 1919 г. — 199, 393, 419.
- Мещерский, В. П.* (1839—1914) — реакционный публицист. Служил в полиции и министерстве внутренних дел; в 1872—1914 гг. издавал черносотенный журнал «Гражданин», в 1903 г. основал реакционные журналы «Добро» и «Дружеские Речи». В своих изданиях, которые щедро субсидировало царское правительство, Мещерский выступал против каких-либо уступок правительства не только рабочим, но и либеральной буржуазии. — 193.
- Милюков, П. Н.* (1859—1943) — лидер партии кадетов, видный идеолог русской империалистической буржуазии, историк и публицист. С 1886 г. — приват-доцент Московского университета. В октябре 1905 г. — один из основателей партии кадетов, затем председатель ее ЦК и редактор центрального органа — газеты «Речь». Член III и IV Государственных дум. В 1917 г. — министр иностранных дел в первом составе буржуазного Временного правительства; в августе 1917 г. принимал активное участие в подготовке контрреволюционного корниловского мятежа. После Октябрьской социалистической революции стал одним из организаторов иностранной военной интервенции против Советской России; активный деятель белой эмиграции. — 289, 432.
- Митрофан (Краснопольский, Д.)* (род. в 1869 г.) — черносотенец, епископ. Депутат III Государственной думы от Могилевской губернии; в Думе был членом комиссии: по народному образованию, православной церкви и др. — 2 285.
- Михайловский, Н. К.* (1842—1904) — виднейший теоретик либерального народничества, публицист, литературный критик, философ-позитивист, один из представителей субъективной школы в социологии. Михайловский был одним из руководителей журнала «Отечественные Записки», сотрудничал в газете «Русские Ведомости», в журналах «Северный Вестник», «Русская Мысль», с 1892 г. стал редактором журнала «Русское Богатство», на страницах которого вел ожесточенную борьбу с марксистами. — 12—15, 33, 46, 402.
- Муромцев, С. А.* (1850—1910) — видный деятель партии кадетов, член ее ЦК, юрист, профессор Московского университета. В 1906 г. — депутат I Государственной думы и ее председатель. В 1908—1910 гг. занимался публи-

цистической деятельностью.—
303, 305.
Мюре (Muret), *Е.*— составитель англо-немецкого словаря.— 174.

П

Н.— он — см. Даниельсон, Н. Ф.
Надя — см. Крупская, Н. К.
Наполеон III (*Бонапарт, Луи*) (1808—1873) — император Франции с 1852 по 1870 г., племянник Наполеона I.— 309.
Некрасов, Н. А. (1821—1878) — великий русский поэт, революционный демократ.— 225, 226.
Ник. Ив.— см. Лалаянц, И. Х.
Николай II (*Романов*) (1868—1918) — последний русский император, царствовал с 1894 г. до Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г.— 201, 413, 419, 421.
Никон (*Бессонов, Н.*) (1868—1919) — депутат IV Государственной думы от Волынской губернии, в Думе входил во фракцию правых. В 1913 г. был назначен епископом Енисейским и викарием Красноярским. В 1917 г. снял сан епископа. После Октябрьской социалистической революции боролся против Советского государства в рядах белогвардейцев.— 362, 363.

О

Орлов, П. А.— составитель «Указателя фабрик и заводов» (1881, 1887, 1894, 1895 гг.), который В. И. Ленин считал самым ценным источником за 1870-е гг.— 65.
Оствальд (*Ostwald*), *Вильгельм Фридрих* (1853—1932) — немецкий естествоиспытатель и философ-идеалист. Автор «энергетической» теории — одной из разновидностей «физического» идеализма, рассматривал энергию как наиболее общее понятие и пытался мыслить движение, энергию в отрыве от материи.— 272, 273.

Оуэн (*Owen*), *Роберт* (1711—1858) — великий английский социалист-утопист.— 58.

П

Павленков, Ф. Ф. (1839—1900) — прогрессивный книгоиздатель. Издавал научно-популярные серии, сочинения классиков русской и западной литературы и много других книг. Им изданы: книга Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», сочинения В. Г. Белинского, Д. И. Писарева, подготовлено впервые в России издание сочинений А. И. Герцена. Оставшиеся после его смерти средства Павленков завещал на организацию 2 тыс. бесплатных народных библиотек.— 395.
Панкратов, И. И. (*Ваня*) (1886—1962) — рабочий, вступил на революционный путь в 1905 г., член партии с 1906 г. В 1908 г. арестован и выслан в Вологодскую губернию. В 1909 г. бежал из ссылки и был направлен в школу на о. Капри, где возглавил группу ленинцев в борьбе против антипартийной, фракционной работы организаторов школы. В конце ноября 1909 г. по приглашению В. И. Ленина прослушал в Париже цикл лекций. После Октябрьской социалистической революции — на партийной, советской и профсоюзной работе.— 295.
Паннекук (*Pannekoek*), *Антони* (1873—1960) — голландский социал-демократ, профессор астрономии Амстердамского университета. С 1910 г. был тесно связан с германскими левыми социал-демократами, активно сотрудничал в их органах. В годы мировой империалистической войны — интернационалист. В 1918—1921 гг. входил в Коммунистическую партию Голландии и принимал участие в работе Коминтерна. Занимал ультралевую, сектант-

скую позицию. В 1921 г. Пашне-
кук вышел из компартии и вскоре
отошел от активной политической
деятельности.— 461.

Парвус (Гельфанд), А. Л. (1869—
1924) — меньшевик, участник со-
циал-демократического движе-
ния в Германии и в России в кон-
це 90-х — начале 900-х гг. Парвус
выдвинул антимарксистскую тео-
рию «перманентной революции»,
которую затем Л. Д. Троцкий
превратил в орудие борьбы про-
тив ленинизма. В годы реакции
отошел от социал-демократии; во
время первой мировой войны —
социал-шовинист, агент герман-
ского империализма.—196.

Патрашкин, С. — см. Григорье-
ев, С. Т.

Петр Николаевич — см. Рома-
нов, П. Н.

Петров, А. (Сидоров, А. П.) (1824
(?)—1861) — крепостной крестья-
нин с. Бездна Спасского уезда
Казанской губернии; возглавлял
восстание бездненских крестьян,
явившееся протестом против
крестьянской реформы 1861 г.
Петров призывал крестьян не
подчиняться помещикам и чинов-
никам, отказываться от повин-
ностей и подписания уставных
грамот, захватывать помещичьи
земли. После подавления восста-
ния Петров по приговору военно-
полевого суда был расстрелян.—
312.

Петрункевич, И. И. (1844—1928) —
помещик, земский деятель, кадет.
В 1904 г. был председателем «Сою-
за освобождения». Один из осно-
вателей и видных лидеров партии
кадетов, председатель ее ЦК.
Был членом I Государственной
думы. После Октябрьской социа-
листической революции — бело-
эмигрант.— 193, 194.

Петцольдт (Petzoldt), Иосиф (1862—
1929) — немецкий реакционный
философ, субъективный идеалист,
ученик Э. Маха и Р. Авенарюса.
Отрицал материализм как фило-

софское направление, пытался
подменить причинность априор-
ным принципом «однозначной оп-
ределенности», выступал против
научного социализма.—254, 264—
266, 273, 274.

Пирогов, Н. И. (1810—1881) — ве-
ликий русский хирург и анатом,
основатель военно-полевой хирур-
гии и хирургической анатомии,
член-корреспондент Петербург-
ской академии наук. В 1856 г.
был назначен попечителем Одес-
ского, а затем Киевского учебного
округа. В 1861 г. за попытку
провести реформы в постановке
образования уволен в отстав-
ку.— 319.

Пирсон (Pearson), Карл (1857—
1936) — английский математик,
биолог и философ-идеалист. В сво-
их работах защищал реакционную
евгеническую «теорию естествен-
ного отбора» в человеческом об-
ществе.— 272.

Писарев, Д. И. (1840—1868) — вы-
дающийся русский революцио-
нер-демократ, публицист и лите-
ратурный критик, философ-мате-
риалист.— 129.

Плеханов, Г. В. (Г. В-ч) (1856—
1918) — выдающийся деятель
русского и международного рабо-
чего движения, первый пропаган-
дист марксизма в России, непримиримый борец за материалистиче-
ское мировоззрение. В 1883 г.
в Женеве создал первую русскую
марксистскую организацию —
группу «Освобождение труда». В
начале 900-х гг. Плеханов вместе
с В. И. Лениным редактировал
газету «Искра» и журнал «Заря»,
участвовал в выработке проекта
партийной программы, в подго-
товке II съезда РСДРП. После
II съезда РСДРП Плеханов стал
на позиции примиренчества с оп-
портунизмом, а затем примкнул
к меньшевикам. В период рево-
люции 1905—1907 гг. у него име-
лись крупные разногласия с боль-
шевиками по коренным вопросам

тактики. В годы реакции выступал против махистской ревизионизма марксизма и против ликвидаторства, возглавлял группу «меньшевиков-партийцев». Во время первой мировой войны 1914—1918 гг. стоял на позициях социал-шовинизма. После Февральской революции 1917 г. Плеханов вернулся в Россию, поддерживал буржуазное Временное правительство; к Октябрьской социалистической революции отнесся отрицательно.— 133, 256, 293, 294, 373, 387, 403, 419.

Победоносцев, К. П. (1827—1907) — реакционный государственный деятель царской России, обер-прокурор синода, фактический глава правительства и главный вдохновитель разнузданной крепостнической реакции в царствование Александра III, продолжавший играть крупную роль и при Николае II. В течение всей жизни вел упорную борьбу с революционным движением. Был решительным противником буржуазных реформ 60-х гг., сторонником неограниченного самодержавия, врагом науки и просвещения. Во время подъема буржуазно-демократической революции в октябре 1905 г. был вынужден подать в отставку и отошел от политической деятельности.— 26, 28.

Подольский — земский врач слободы Котельвы, Ахтырского уезда, Харьковской губернии в конце 90-х гг., автор сообщения, напечатанного во «Врачебной хронике Харьковской губернии» (1899, март).— 64.

Покровский, В. И. (1838—1915) — экономист и статистик. С 1894 г. заведовал статистическим отделением департамента таможенных сборов министерства финансов; возглавлял статистическую комиссию Вольного экономического общества, в 1902 г. избран членом-корреспондентом Академии наук.— 380.

Помяловский, Н. Г. (1835—1863) — русский писатель-демократ. В своих произведенных выступил против устоев самодержавно-бюрократической России, насилия и произвола.— 451.

Попнер (Popper), *Йозеф* (1838—1921) — австрийский инженер, позитивист; представитель мелкобуржуазного «чиновничьего» социализма.— 266.

Потресов, А. Н. (Старовер) (1869—1934) — один из лидеров меньшевизма. В годы реакции — идеолог ликвидаторства. Во время первой мировой войны — социал-шовинист. После Октябрьской социалистической революции эмигрировал.— 157.

Прокопович, С. Н. (1871—1955) — буржуазный экономист и публицист, видный представитель «экономизма», один из первых проповедников бернштейнства в России. Активный член либерально-монархического «Союза освобождения». В 1906 г. — член ЦК партии кадетов. В 1917 г. — министр продовольствия в буржуазном Временном правительстве. В 1922 г. за антисоветскую деятельность выслан за границу.— 122, 131.

Прудон (Proudhon), *Пьер Жозеф* (1809—1865) — французский публицист, экономист и социолог, один из основоположников анархизма, идеолог мелкой буржуазии; стремился увековечить мелкую частную собственность и критиковал с мелкобуржуазных позиций крупную капиталистическую собственность.— 55, 88, 121, 375.

Пуанкаре (Poincaré), *Анри* (1854—1912) — французский математик и физик, известен работами по теории дифференциальных уравнений, математической физике, небесной механике; одновременно с А. Эйнштейном построил основы специальной теории относительности. В философии Пуанка-

ре был близок к махизму, отрицал объективное существование материи и объективную закономерность природы.— 272, 273.

Пугачев, Е. И. (ок. 1742—1775) — допский казак, руководитель крупнейшего антифеодального восстания крестьян и казаков в России, охватившего в 1773—1775 гг. Приуралье, Прикамье, юго-западную Сибирь, Нижнее и Среднее Поволжье. В конце августа 1774 г. армия Пугачева была разбита. Пугачев бежал в Заволжские степи, был выдан предателями царским властям и в январе 1775 г. казнен в Москве.— 27.

Пуришкевич, В. М. (1870—1920) — крупный помещик, ярый реакционер-черносотенец, монархист. Был одним из инициаторов создания черносотенного «Союза русского народа»; в 1907 г. вышел из этого союза и образовал новую монархическую контрреволюционную организацию — «Палата Михаила Архангела»; депутат II, III и IV Государственных дум от Бессарабской губернии; приобрел широкую известность своими погромными, антисемитскими выступлениями в Думе. После Октябрьской социалистической революции активно боролся против Советской власти.— 289, 316, 339, 362, 372, 373, 376, 392, 413, 420, 421.

Р

Р. М. — автор статьи «Наша действительность» в «Отдельном приложении к «Рабочей Мысли» (1899, сентябрь), в котором откровенно излагались оппортунистические взгляды «экономистов». — 132.

Радищев, А. Н. (1749—1802) — выдающийся русский писатель, революционный просветитель.— 420.

Разин, С. Т. (ум. в 1671 г.) — доп-

ской казак, один из представителей мятежного крестьянства, как назвал его В. И. Ленин, руководитель крупнейшей крестьянской войны в Русском государстве в конце 60-х гг. XVII в., охватившей огромные пространства (Воронеж, Тамбов, Астрася, Нижний Новгород, Кострому, Симбирск, бассейны Волги и Дона). После поражения основных сил восставших под Симбирском Разин ушел на Дон, в апреле 1671 г. был схвачен предателями, выдан царскому правительству и в июне 1671 г. казнен в Москве.— 27.

Разметов — см. Богданов, А.

Разметов, Н. (Блюм, О. В.) (род. в 1886 г.) — социал-демократ, меньшевик, впоследствии провокатор. Занялся литературной деятельностью, писал на философские темы.— 254.

Рейтерн (ум. в 1861 г.) — полковник царской армии. Застрелился, не желая участвовать в расстреле демонстрации, состоявшейся в Варшаве.— 312.

Ренненкампф, П. К. (1854—1918) — царский генерал, один из палачей и душителей революционного движения. В 1906 г. возглавил карательную экспедицию по подавлению революционного движения в Сибири. Во время первой мировой войны, командуя 1-й русской армией, проявил преступную халатность, граничащую с изменой, что явилось одной из основных причин поражения русских войск в Восточной Пруссии; в 1915 г. отстранен от должности и уволен в отставку. В 1918 г. был расстрелян за контрреволюционную деятельность.— 226.

Рид (Read), *Клэр Сьюэл* (1826—1905) — английский экономист, специалист в области сельского хозяйства. Член парламента в 1865—1880, 1884, 1885 гг.— 80.

Рикардо (Ricardo), *Давид* (1772—1823) — выдающийся английский экономист, в работах которого

- нашла завершение классическая буржуазная политическая экономия.— 261, 325.
- Родичев, Ф. И.* (род. в 1856 г.) — тверской помещик и земский деятель, один из лидеров партии кадетов, член ее ЦК. Депутат I, II, III и IV Государственных дум. После Февральской революции 1917 г. был комиссаром буржуазного Временного правительства по делам Финляндии. После Октябрьской социалистической революции — белоэмигрант.— 420.
- Рожков, Г. Е.* (род. в 1864 г.) — крестьянин, трудовик. Депутат III Государственной думы от Ставропольской губернии; член комиссии православной церкви.— 290.
- Розанов, Н. С.* (род. в 1870 г.) — трудовик, по профессии врач. Депутат III Государственной думы от Саратовской губернии; в Думе был членом комиссии: бюджетной, народного образования и др.— 290.
- Романенко, А. А.* — врач, один из докладчиков на VII съезде врачей Харьковской губернии в 1898 г.— 64.
- Романов — см. Николай II.*
- Романов, А. С.* (Иван) (1881—1917) — типографский рабочий. Летом 1909 г. был командирован Московской партийной организацией в школу на о. Капри, где примкнул к группе ленинцев, вместе с которыми был исключен из школы. В начале 1910 г. вернулся в Россию, был арестован и стал постоянным сотрудником охраны, одним из крупнейших провокаторов. В 1912 г. дал охранке сведения о VI (Пражской) Всероссийской конференции РСДРП. В 1914 г. поставил полицию в известность о предполагавшейся конференции в Озерках. Разоблачен в 1917 г.— 295.
- Романов, П. Н.* (род. в 1864 г.) — великий князь, дядя последнего русского царя Николая II, сын двоюродного брата Александра III.— 103, 199.
- Романовы* — династия русских царей и императоров, царствовавших с 1613 по 1917 г.— 193, 312, 420.
- Рубакин, Н. А.* (1862—1946) — русский библиограф и писатель, автор многочисленных работ по библиографии, истории книжного дела в России, научно-популярных очерков по географии, естественным наукам и др. В 1907 г. эмигрировал в Швейцарию, где жил до конца жизни. Впоследствии Рубакин поддерживал тесную связь с Советским Союзом, завещал СССР свою библиотеку в 80 тыс. томов книг, которая хранится в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина.— 401—403.
- Рубанович, И. А.* (1860—1920) — один из лидеров эсеров. Член Международного социалистического империалистической войны — социал-шовинист. После Октябрьской социалистической революции — противник Советской власти.— 419.

С

- Савелий — см. Бабинцев, И. И.*
- Салтыков-Щедрин, М. Е.* (1826—1889) — великий русский писатель-сатирик, революционный демократ.— 129, 225, 226.
- Свит (Sweet), Генри* — автор учебника разговорного английского языка.— 174.
- Серафима — см. Афанасьева, С. Н.*
- Сергеев, И. И.* (Иоанн Кронштадтский) (1829—1908) — священник Кронштадтского собора, почетный член монархической, черносотенной организации «Союза русского народа», мракобес, имел репутацию провидца и предсказателя; пользовался большим влиянием в придворных кругах и среди темных слоев населения, прославился погромной травлей нерусских национальностей.— 94.

- Серно-Соловьевич, А. А.* (1838—1869) — видный деятель революционно-демократического движения 60-х гг., один из организаторов тайного общества «Земля и Воля». В 1862 г. эмигрировал за границу. Автор памфлета «Наши домашние дела», направленного против либеральных колебаний Герцена. С 1867 г. был членом женеvской секции I Интернационала. — 311.
- Сипягин, Д. С.* (1853—1902) — один из реакционнейших государственных деятелей царской России, сторонник крепостничества. С 1899 г. — министр внутренних дел и шеф жандармов; беспощадно преследовал малейшее проявление демократизма, вел жестокую борьбу с рабочим, студенческим и крестьянским движением. 2 апреля 1902 г. убит эсером С. В. Балмашевым. — 112, 415.
- Сисмонди (Sismondi), Жан Шарль Леонар Симонд* (1773—1842) — швейцарский экономист и историк. В начале своей деятельности Сисмонди примыкал к буржуазной классической школе политэкономии, затем выступил как представитель мелкобуржуазного социализма, родоначальник экономического романтизма, выражавшего взгляды мелких производителей. — 55.
- Ск., Н., Скоп., Н.* — см. Зиновьев, Г. Е.
- Смирнов, А.* — автор работы «Павлово и Ворсма, известные стальноресарным производством села Нижегородской губернии» (1864). — 66.
- Смирнов, Е.* — см. Гуревич, Э. Л.
- Смит (Smith), Адам* (1723—1790) — английский экономист, крупнейший представитель классической буржуазной политической экономии. — 325.
- Соловьев, В. С.* (1853—1900) — реакционный философ, иррационалист и мистик. Выступал против материализма, выдвигал задачу философского обоснования христианства, пропагандировал идею вселивенской церкви, религиозного «обновления» человечества. Философия Соловьева оказала значительное влияние как на русских буржуазных философов конца XIX — первой половины XX в., так и на современных философов-идеалистов ряда капиталистических стран. — 257.
- Сологуб, Ф. (Тетерников, Ф. К.)* (1863—1927) — писатель-декадент. В романе «Мелкий бес» (1905) нарисовал картину мещанского провинциального быта. — 333.
- Станислав* — см. Вольский, С.
- Старовер* — см. Потресов, А. Н.
- Стахович, М. А.* (1861—1923) — умеренный либерал, в 1895—1907 гг. — предводитель дворянства Орловской губернии, играл видную роль в земском движении; депутат I и II Государственных дум, член Государственного совета, сначала примыкал к партии кадетов, затем один из организаторов партии октябристов («Союз 17 октября»). После Февральской революции 1917 г. — финляндский генерал-губернатор, затем представитель Временного правительства за границей. — 138.
- Столыпин, П. А.* (1862—1911) — государственный деятель царской России, крупный помещик. В 1906—1911 гг. — председатель Совета министров и министр внутренних дел России. С его именем связана полоса жесточайшей политической реакции с широким применением смертной казни в целях подавления революционного движения («стольпинская реакция» 1907—1910 гг.). Столыпин провел аграрную реформу с целью создать в лице кулачества опору царского самодержавия в деревне. В 1911 г. Столыпин был убит в Киеве эсером Богровым. — 221, 225, 226, 245, 247.
- Струве, П. Б.* (1870—1944) — рус-

ский буржуазный экономист и публицист, в 90-х гг. — виднейший представитель «легального марксизма», сотрудник и редактор журналов «Новое Слово», «Начало» и «Жизнь». В начале 900-х гг. Струве окончательно порвал с марксизмом и социал-демократией, перешел в лагерь либералов, был одним из теоретиков и организаторов буржуазно-либерального «Союза освобождения» и редактором его нелегального органа «Освобождение». С момента образования в 1905 г. партии кадетов — член ее ЦК. После поражения революции 1905—1907 гг. Струве — лидер правого крыла либералов; с начала первой мировой войны 1914—1918 гг. — один из агрессивных идеологов российского империализма. После Октябрьской социалистической революции Струве — ярый враг Советской власти, белоэмигрант. — 16, 39, 46, 109—111, 122, 131, 157, 161, 165, 251, 275, 289, 372, 373, 377, 413, 414.

Сурков, П. И. (1876—1946) — социал-демократ, рабочий-ткач. Депутат-большевик III Государственной думы от рабочих Костромской губернии. Сотрудничал в легальной большевистской газете «Звезда», вышедшей в Петербурге. После Октябрьской социалистической революции — беспартийный; работал в ряде советских учреждений. — 278, 286, 288, 291.

Сысойка — см. Богданов, А.

Т

Тезяков, Н. И. (1859—1925) — крупный медицинский деятель, работал санитарным врачом в Херсонском, Саратовском и других земствах. Автор многих исследований по вопросам санитарных условий труда и быта сельскохозяйственных рабочих. После Октябрьской социалистической революции —

активный деятель советского здравоохранения. — 61—63, 241.

Толстой, Л. Н. (1828—1910) — гениальный русский писатель, один из величайших писателей мира. — 109, 145, 242—245, 303, 393.

Трепов, Д. Ф. (1855—1906) — в 1896—1905 гг. — московский обер-полицеймейстер. По определению В. И. Ленина — «один из наиболее ненавидимых всей Россией слуг царизма, прославившийся в Москве своей свирепостью, грубостью и участием в зубатовских попятках разращения рабочих». С 11 января 1905 г. — петербургский генерал-губернатор, затем — товарищ министра внутренних дел. Автор пресловутого приказа в октябре 1905 г.: «Холостых залпов не давать и патронов не жалеть». Вдохновитель черносотенных погромов. — 188, 193, 199—201, 206.

Троцкий (Бронштейн), Л. Д. (1879—1940) — злейший враг ленинизма. На II съезде РСДРП — делегат Сибирского союза, искровец меньшинства; после съезда вел борьбу против большевиков по вопросам теории и практики социалистической революции. В годы реакции — ликвидатор, в 1912 г. — организатор антипартийного Августовского блока. В период первой мировой войны занимал центристскую позицию, вел борьбу против В. И. Ленина по вопросам войны, мира и революции. Вернувшись после Февральской революции 1917 г. из эмиграции, вошел в группу «межрайонцев» и вместе с ними на VI съезде РСДРП(б) был принят в большевистскую партию. После Октябрьской социалистической революции — нарком по иностранным делам, нарком по военным и морским делам, председатель Реввоенсовета Республики; являлся членом Политбюро ЦК. В 1918 г. был противником Брестского мира, в 1920—1921 гг. воз-

главлял оппозицию в профсоюзной дискуссии, с 1923 г. вел ожесточенную фракционную борьбу против ленинской программы построения социализма, против генеральной линии партии, проповедовал невозможность победы социализма в СССР. Коммунистическая партия, разоблачив троцкизм как мелкобуржуазный уклон в партии, разгромила его идейно и организационно. В 1927 г. Троцкий был исключен из партии, в 1929 г. за антисоветскую деятельность выслан из СССР и в 1932 г. лишен советского гражданства. Находясь за границей, продолжал борьбу против Советского государства и Коммунистической партии, против международного коммунистического движения.— 408, 409.

Трубецкой, С. Н. (1862—1905) — князь, по своим политическим взглядам — либерал; философ-идеалист. Стремился укрепить царизм введением умеренной конституции. В 1905 г. Трубецкой был избран ректором Московского университета; дал согласие на закрытие университета, опасаясь открытых революционных выступлений студентов в стенах университета против самодержавия. В своих философских работах резко выступал против материализма.— 186—188, 193, 195, 206.

Трульстра (Troelstra), Питер Йеллес (1860—1930) — деятель голландского рабочего движения; правый социалист. Был одним из основателей (1894) и лидеров голландской Социал-демократической рабочей партии. Во время мировой империалистической войны — социал-шовинист германофильской ориентации.— 427.

Туган-Барановский, М. И. (1865—1919) — русский буржуазный экономист, в 90-х гг. — видный представитель «легального марксизма». В период революции 1905—1907 гг. — член партии кадетов.

После Октябрьской социалистической революции — активный деятель контрреволюции на Украине, министр финансов буржуазной Украинской центральной рады.— 377, 396—398, 402, 447.

Тургенев, И. С. (1818—1883) — великий русский писатель, много сделавший для развития русского литературного языка.— 226, 311, 312, 393.

Туссен (Toussaint), Кара (ум. 1877 г.) — французский филолог, один из авторов метода самообучения иностранным языкам, ввел новый способ обозначения произношения; составитель ряда словарей.— 174.

У

Уваров, А. А. (род. в 1859 г.) — граф, крупный помещик, земский деятель, чиновник министерства внутренних дел при Плеве. Депутат III Государственной думы от Саратовской губернии; в Думе сначала был во фракции октябристов, потом перешел к беспартийным и, наконец, примкнул к прогрессистам.— 288.

Ульянова, М. А. (1835—1916) — мать В. И. Ленина.— 174.

Ульянова, М. И. (1878—1937) — профессиональный революционер, член партии с 1908 г.; младшая сестра В. И. Ленина.— 173, 174.

Уорд (Ward), Джемс (1843—1925) — английский психолог, философ-идеалист и мистик. В своих работах пытался использовать открытия физики для борьбы против материализма и защиты религии.— 272—274.

Усиевич, Г. А. (1891—1918) — член РСДРП с 1908 г., большевик. В 1914 г. бежал из ссылки за границу. С 1916 г. проживал в Швейцарии. В Россию возвратился вместе с В. И. Лениным.— 461.

Ф

Фейербах (Feuerbach), *Людвиг Андрес* (1804—1872) — выдающийся немецкий философ-материалист и атеист; несмотря на ограниченный, созерцательный характер фейербаховского материализма, он послужил одним из теоретических источников марксистской философии.—267, 268, 270, 273, 274, 278, 280, 324, 414.

Фейнберг, Л. Б. — врач, автор доклада «О необходимости исследования свекловичных плантаций Харьковской губернии в санитарном отношении», напечатанного во «Врачебной хронике Харьковской губернии» (1899, сентябрь).— 64.

Фехнер (Fechner), *Густав Теодор* (1801—1887) — немецкий естествоиспытатель и философ-идеалист, профессор физики Лейпцигского университета. Работы Фехнера имели важное значение для экспериментальной психологии. В философии находился под влиянием Шеллинга, пытался примирить идеализм и религию со стихийно-материалистическим характером своих научных открытий, рассматривал материю как «вместилище духа».— 268.

Филонов, Ф. В. (ум. в 1906 г.) — губернский советник. В 1905—1906 гг. был одним из руководителей карательных экспедиций царизма в Полтавской губернии. В декабре 1905 г. учинил кровавую расправу над крестьянами местечка Большие Сорочинцы и с. Устивицы. Убит членом партии эсеров.— 226.

Фихте (Fichte), *Иоганн Готтлиб* (1762—1814) — субъективный идеалист, представитель немецкой идеалистической философии конца XVIII — начала XIX в., выражавшей интересы немецкой буржуазии.— 414.

Фома — см. Козырев, Н. Н.

Фурье (Fourier), *Шарль* (1772—

1837) — великий французский социалист-утопист.— 58.

Х

Харизоменов, С. А. (1854—1917) — видный русский земский статистик, экономист. Важнейшая его работа — «Промыслы Владимирской губернии», на которую часто ссылается В. И. Ленин в «Развитии капитализма в России».— 66, 69, 72.

Харитон — см. Гусев, С. И.

Харитонов, М. М. (1887—1948) — член РСДРП с 1905 г., большевик. С 1912 г. проживал в Швейцарии, входил в Цюрихскую секцию большевиков, был ее секретарем. Вернулся в Россию в апреле 1917 г.— 459.

Ц

Церетели, И. Г. (1882—1959) — один из лидеров меньшевизма. В годы реакции и нового революционного подъема — ликвидатор. Во время мировой империалистической войны — центрист. В мае 1917 г. вошел в буржуазное Временное правительство. После Октябрьской социалистической революции был одним из руководителей контрреволюционного меньшевистского правительства Грузии. После победы Советской власти в Грузии — белоэмигрант.— 450.

Ч

Череванин, Н. (*Липкин, Ф. А.*) (1868—1938) — публицист, один из лидеров меньшевизма, в годы реакции — крайний ликвидатор. Во время первой мировой войны — социал-шовинист. В 1917 г. один из редакторов выходившей в Петрограде меньшевистской «Рабочей Газеты». К Октябрьской социалистической революции отнесен враждебно.— 196, 276.

Чернов, В. М. (1876—1952) — один из лидеров и теоретиков партии эсеров. В 1902—1905 гг. — редактор центрального органа эсеров — газеты «Революционная Россия». Выступал со статьями, направленными против марксизма, пытаясь доказать неприменимость теории Маркса к сельскому хозяйству. После Февральской революции 1917 г. — министр земледелия буржуазного Временного правительства. После Октябрьской социалистической революции — один из организаторов антисоветских мятежей. В 1920 г. эмигрировал; за границей продолжал антисоветскую деятельность. — 109, 259, 450.

Чернышевский, Н. Г. (1828—1889) — великий русский революционный демократ и социалист-утопист, ученый, писатель, литературный критик; один из выдающихся предшественников русской социал-демократии. — 119, 311, 313, 373, 393, 420.

III

Шварц, А. Н. (1848—1915) — реакционный деятель царской России, по образованию филолог. Несколько лет был преподавателем. В 1908—1910 гг. — министр народного просвещения; провел ряд реакционных мероприятий в области средней и высшей школы: отмена университетской автономии, запрещение приема женщин вольнослушательницами в высшие учебные заведения, строгое проведение процентной нормы для евреев при приеме в учебные заведения. — 247, 248, 250.

Шеллинг (Schelling), Фридрих Вильгельм Иосиф (1775—1854) — представитель немецкой идеалистической философии конца XVIII — начала XIX в. В последний период деятельности проповедовал религиозно-мистическую «философию» откровения,

став официальным идеологом королевской Пруссии. — 267.

Шишкин, Н. И. (1840—1906) — математик и физик, член Московского психологического общества, сотрудник журнала «Вопросы Философии и Психологии». — 257—259.

Шуберт-Зольдери (Schubert-Soldern), Рихард (1852—1935) — профессор философии в Лейпциге, представитель так называемой имманентной философии. — 274.

Шульгин, В. В. (1878—1976) — помещик, депутат II, III и IV Государственных дум от Волынской губернии. Яркий монархист и националист, редактор «Киевлянина» — органа русских националистов. В 1917 г. активно поддерживал буржуазное Временное правительство. После Октябрьской социалистической революции был одним из основателей белогвардейской Добровольческой армии, помогал контрреволюционным генералам Алексееву, Деникину, Врангелю; позднее эмигрировал за границу, где продолжал вести борьбу против Советской власти. В 20-х гг. от политической деятельности отошел. — 302.

Шульце-Геверниц (Schulze-Gävernitz), Герцарт (1864—1943) — немецкий буржуазный экономист, профессор политической экономии Фрейбургского университета, катедер-социалист; преподавал в Московском университете. В своих работах пытался обосновать возможность установления социального мира, «социальной гармонии» в капиталистическом обществе в целях улучшения положения всех классов. Пропагандистом идей Шульце-Геверница в России был П. Б. Струве. — 39.

Шульце-Делич (Schulze-Delitzsch), Герман (1808—1883) — немецкий вульгарный экономист, общественный деятель, в 1867—1883 гг. депутат рейхстага. Проповедовал

гармонию классовых интересов капиталистов и рабочих.— 122.

Шуппе (Schuppe), *Вильгельм* (1836—1913) — немецкий философ, субъективный идеалист, глава так называемой имманентной школы, профессор Грейфсвальдского университета.— 254, 274.

Щ

Щедрин — см. Салтыков-Щедрин, М. Е.

Э

Энгельс (Engels), *Фридрих* (1820—1895) — один из основоположников научного коммунизма, вождь и учитель международного пролетариата, друг и соратник К. Маркса.— 28, 40, 120, 182, 233, 253, 255, 256, 260, 262—264, 267—270, 273, 274, 278—281, 324, 396, 421, 439, 440, 448, 453.

Ю

Южаков, С. Н. (1849—1910) — один из идеологов либерального народничества, социолог и публицист, один из руководителей журнала «Русское Богатство». Вел ожесточенную борьбу с марксизмом.— 20—23, 33—52.

Юлий — см. Королев-Батышев, И. Г.
Юм (Hume), *Давид* (1711—1776) — английский философ, субъективный идеалист, агностик; буржуазный историк и экономист; в философии продолжал начатое Дж. Беркли развитие в идеалистиче-

ском духе сенсуализма Дж. Локка. Взгляды Юма оказали значительное влияние на дальнейшее развитие идеалистической буржуазной философии.— 253, 268.

Юркевич (*Рыбалка*), *Л.* (1885—1918) — украинский буржуазный националист, оппортунист. Член ЦК Украинской социал-демократической рабочей партии. В 1913—1914 гг. принимал активное участие в националистическом журнале меньшевистского направления «Дзвін» («Колокол»).— 373, 377.

Юшкевич, П. С. (1873—1945) — социал-демократ, меньшевик; в философии примыкал к позитивизму и прагматизму; в годы реакции выступил с ревизией марксистской философии, пытаясь заменить ее одной из разновидностей махизма — «эмпириосимволизмом». В 1917—1919 гг. сотрудничал в антибольшевистских изданиях; позднее от политической деятельности отошел, работал как переводчик философской литературы.— 254, 255, 275.

Я

Якубович, П. Ф. (Гриневич, П. Ф.) (1860—1911) — известный поэт и писатель, народоволец, руководитель группы «Молодая партия Народной воли»; в 1887 г. был приговорен к смертной казни, замененной каторгой. Позднее стал членом редакции журнала «Русское Богатство».— 33.

Содержание	<i>От составителей</i>	5
	1894—1904 годы	9
	Из книги «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? (Ответ на статьи «Русского Богатства» против марксистов)»	12
	Из статьи «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве (Отражение марксизма в буржуазной литературе)»	16
	Гимназические хозяйства и исправительные гимназии («Русское Богатство»)	19
	О чем думают наши министры?	26
	Из «Проекта и объяснения программы социал-демократической партии»	29
	Из статьи «Кустарная перепись 1894/95 года в Пермской губернии и общие вопросы «кустарной» промышленности»	31
	Из статьи «Перлы народнического прожектерства»	33
	Из рецензии на книгу А. Богданова «Краткий курс экономической науки»	53
	Из конспекта книги К. Каутского «Аграрный вопрос»	58
	Из книги «Развитие капитализма в России. Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности»	61
	Из рецензии на книгу К. Каутского «Аграрный вопрос»	76
	Из статьи «Капитализм в сельском хозяйстве (О книге Каутского и о статье г. Булгакова)»	78
	Из статьи «Насущный вопрос»	83
	Из статьи «Проект программы нашей партии»	84
	Из статьи «Попытное направление в русской социал-демократии»	87
	Из статьи «О промышленных судах»	89
	Из статьи «О стачках»	92
	Из статьи «По поводу «Profession de foi»»	93
	Из «Проекта заявления редакции «Искры» и «Зари»»	96
	Отдача в солдаты 183-х студентов	97

Из статьи «Случайные заметки»	102
Из статьи «Рабочая партия и крестьянство»	104
Из статьи «Гонители земства и Аннибалы либерализма»	106
Из материалов к статье «Гонители земства и Аннибалы либерализма»	107
Выписка из журнала «Вольное Слово»	—
Из работы «Аграрный вопрос и «критики Маркса»»	109
Из работы «Внутреннее обозрение»	112
О журнале «Свобода»	114
Начало демонстраций	115
Из книги «Что делать? <i>Наболевшие вопросы нашего движения</i> »	118
Материалы к выработке программы РСДРП	133
Из «Проекта программы Российской социал-демократической рабочей партии»	—
Из «Замечаний на второй проект программы «Плеханова»	135
Из статьи «По поводу государственной росписи»	137
Из статьи «Политическая агитация и «классовая точка зрения»»	138
Признаки банкротства	141
Из «Письма Северному союзу РСДРП»	147
Из «Письма к товарищу о наших организационных задачах»	149
К учащимся средних школ	150
Из письма «К вопросу о докладах комитетов и групп РСДРП общепартийному съезду»	151
Из статьи «Самодержавие колеблется...»	153
Из брошюры «К деревенской бедноте. Объяснение для крестьян, чего хотят социал-демократы»	154
Проекты резолюций ко II съезду РСДРП	155
Проект резолюции об отношении к учащейся молодежи	—
Проект резолюции о партийной литературе	156
II съезд РСДРП. 17 (30) июля — 10 (23) августа 1903 г.	157
Предложения к пунктам общеполитических требований программы партии	—
Выступление при обсуждении резолюции Потресова (Старовера) об отношении к либералам	—
Выступление по вопросу об отношении к учащейся молодежи	158

План писем о задачах революционной молодежи	159
Задачи революционной молодежи. Письмо первое	161
Письма	173
М. И. Ульяновой. 19 мая 1901 г.	—
Из письма М. А. Ульяновой. 17 декабря 1902 г.	174
Из письма Ф. В. Ленгнику. Февраль, позднее 12, 1903 г.	175
1905—1907 годы	177
Из статьи «Падение Порт-Артура»	179
Из статьи «Революционная армия и революционное правительство»	181
О смещении политики с педагогикой	183
Из статьи «Кровавые дни в Москве»	186
По поводу смерти Трубецкого	188
В Боевой комитет при Санкт-Петербургском комитете	189
Из статьи «Политическая стачка и уличная борьба в Москве»	192
План статьи «Уроки московских событий»	195
Из статьи «Уроки московских событий»	198
Заграничная молодежь и русская революция	203
Ультиматум революционной Риги	204
Обострение положения в России	206
Партийная организация и партийная литература	208
Из статьи «Умиряющее самодержавие и новые органы народной власти»	213
Социализм и религия	214
Из статьи «Кризис меньшевизма»	219
Из статьи «Против бойкота (Из записок с.-д. публициста)»	221
Из статьи «Памяти графа Гейдена (<i>Чему учат народ наши беспартийные «демократы»?</i>)»	223
Антимилитаристская пропаганда и союзы социалистической рабочей молодежи	228
Из книги «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов»	231
Письма	234
Из письма А. А. Богданову и С. И. Гусеву. 11 февраля 1905 г.	—
С. И. Гусеву. 15 февраля 1905 г.	235
С. И. Гусеву. 4 апреля 1905 г.	236

1907—1910 годы	237
Из статьи «Марксизм и ревизионизм»	239
Из статьи «К оценке русской революции»	240
Из работы «Аграрный вопрос в России к концу XIX века»	241
Лев Толстой, как зеркало русской революции	242
Студенческое движение и современное политическое положение	247
Десять вопросов референту	253
Из книги «Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии»	255
Из статьи «Об оценке текущего момента»	276
Из статьи «Об отношении рабочей партии к религии»	278
Классы и партии в их отношении к религии и церкви	284
Из статьи «О фракции сторонников отзовизма и богостроительства»	292
Письма	293
Из письма А. М. Горькому. 24 марта 1908 г.	—
Из письма «Ученикам каприйской школы»	295
1910—1914 годы	297
Не начало ли поворота?	301
Из статьи «Начало демонстраций»	303
Из статьи «Иван Васильевич Бабушкин (Некролог)»	305
Из статьи «О лозунгах и о постановке думской и внедумской с.-д. работы»	307
Памяти Герцена	308
Вопрос о партийности среди демократического студенчества	314
Русские и негры	316
Из статьи «Возрастающее несоответствие. Заметки публициста»	318
Три источника и три составных части марксизма	323
К вопросу о политике министерства народного просвещения (<i>Дополнения к вопросу о народном просвещении</i>)	328
Капитализм и женский труд	337
Рабочий класс и национальный вопрос	339
Рабочий класс и неомальтузианство	341

Детский труд в крестьянском хозяйстве	344
Интересный съезд	347
Из статьи «О призывах либералов к поддержке IV Думы»	349
Из «Тезисов по национальному вопросу»	350
Пятый международный съезд по борьбе с проституцией	352
Что можно сделать для народного образования	354
Национализация еврейской школы	357
Либералы и демократы в вопросе о языках	359
Как епископ Никон защищает украинцев?	363
Резолюции летнего 1913 года совещания ЦК РСДРП с партийными работниками	364
Из «Резолюции по национальному вопросу»	—
О «культурно-национальной» автономии	366
Из статьи «Критические заметки по национальному вопросу»	370
Нищета народных учителей	380
Национальный состав учащихся в русской школе	383
Из статьи «О национальной программе РСДРП»	386
Еще о разделении школьного дела по национальностям	387
О наших школах	390
Нужен ли обязательный государственный язык?	392
Вставка к статье Н. К. Крупской «К вопросу о политике министерства народного просвещения»	395
Либеральный профессор о равенстве	396
Из проекта речи «К вопросу о национальной политике»	399
Рецензия на книгу Н. А. Рубакина «Среди книг, том II»	401
Из «Проекта закона о равноправии наций и о защите прав национальных меньшинств»	404
Из статьи «Развращение рабочих утонченным национализмом»	406
Из статьи «О нарушении единства, прикрываемом криками о единстве»	408
Письма	410
Из письма А. М. Горькому. 13 или 14 ноября 1913 г.	—
А. М. Горькому. Вторая половина ноября 1913 г.	412

1914—1917 годы	415
Из статьи «Карл Маркс» (<i>Краткий биографический очерк с изложением марксизма</i>)	417
О национальной гордости великороссов	419
Из книги «Новые данные о законах развития капитализма в земледелии. Выпуск I. Капитализм и земледелие в Соединенных Штатах Америки»	423
Из статьи «Военная программа пролетарской революции»	424
Из статьи «Интернационал Молодежи (Заметка)»	427
Из «Тетрадей по империализму»	429
Из «Доклада о революции 1905 года»	431
Из «Писем из далека»	432
Письмо 3. О пролетарской милиции	—
Из работы «Задачи пролетариата в нашей революции (<i>Проект платформы пролетарской партии</i>)»	435
Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б). 24—29 апреля (7—12 мая) 1917 г.	436
Из «Резолюции по национальному вопросу»	—
Из «Материалов по пересмотру партийной программы»	437
К проекту переработки программы	—
Из книги «Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции»	439
Из статьи «Удержат ли большевики государственную власть?»	455
Письма	456
И. Ф. Арманд. 17 января 1915 г.	—
Из письма И. Ф. Арманд. 24 января 1915 г.	457
Из письма М. М. Харитонову. 30 января 1916 г.	459
А. М. Горькому. Ранее 8 февраля 1916 г.	460
И. Ф. Арманд. 27 февраля 1917 г.	—
М. Т. Елизарову. 18 или 19 февраля 1917 г.	461
<i>Примечания</i>	465
<i>Указатель имен</i>	509

Автор вступительных статей к разделам
Е. М. Кожевников

Владимир Ильич Ленин

О воспитании и образовании

В 2-х томах

Том 1

Составители:

Е. М. Кожевников,

И. М. Жуков

Редакторы **М. В. Березина, Э. Д. Днепров**
Художественный редактор **Е. И. Романов**
Технические редакторы **И. И. Володина, Т. Е. Морозова**
Корректоры **В. Н. Рейбекель, Р. П. Семченкова**

ИБ № 416

Сдано в набор 08.01.80. Подписано в печать 29.08.80.
Формат 60×84¹/₁₆. Бумага кн.-жури. Гарнитура, обычнов. новая.
Печать высокая. Усл. п. л. 31,62. Уч.-изд. л. 29,62. Тираж 40 000 экз.
Заказ № 1112. Цена 1 р. 50 к.

Издательство «Педагогика» Академии педагогических наук СССР
и Государственного комитета СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
Москва, 107847, Лефортовский пер., 8

Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени
Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома
при Государственном комитете СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
Москва, М-54, Валуевая, 28

Обложка первого издания книги В. И. Ленина
«Материализм и эмпириокритицизм». 1909 г.

ВЛ. ИЛЬИНЪ.

МАТЕРИАЛИЗМЪ
И
ЭМПИРИОКРИТИЦИЗМЪ

**критическія замѣтки объ одной
реакціонной философіи.**

ИЗДАНИЕ „ЗВЕНО“
МОСКВА
1909

Титульный лист журнала «Просвещение», № 3,
март 1913 г.; в журнале напечатана статья
В. И. Ленина «Три источника и три составных
части марксизма»

ПРОСВѢЩЕНІЕ

Ежемесячный журналъ.

№ 3.

Мартъ.

СПБ. 1913 годъ.

1р. 50к.

Педагогическая
библиотека

В.И. Ленин 1